

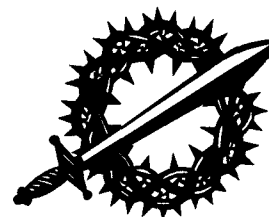
РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОПРОТИВЛЕНИЕ
БОЛЬШЕВИЗМУ
1917-1918 гг.

**СОПРОТИВЛЕНИЕ
БОЛЬШЕВИЗМУ
1917—1918 гг.**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2001

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Оформление художника И.А. Озерова

С64 **Соппротивление большевизму. 1917—1918 гг. /**
Составление, научная редакция, предисловие и коммен-
тарии д.и.н. С.В. Волкова. — М.: ЗАО Изд-во Центр-
полиграф, 2001. — 606 с.

ISBN 5-227-01386-1

Книга «Соппротивление большевизму 1917—1918 гг.» представляет собой четвертый том серии, посвященной истории Белого движения в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий и боев в Петрограде, Москве, Оренбурге, Ярославле, Крыму, Северном Кавказе, Урале, Средней Азии.

В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей этих акций, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением, помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость.

Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга входит в новую серию под названием «Россия забытая и неизвестная», издание которой осуществляет издательство «Центрполиграф».

Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие,
комментарии, 2001

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

ISBN 5-227-01386-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том серии «Белое движение в России» посвящен очагам сопротивления большевизму в России в 1917—1918 годах. Соппротивление большевикам имело место практически сразу после октябрьского переворота, но было представлено разрозненными выступлениями, зачастую начинаясь только тогда, когда создавалась прямая угроза для жизни представителей тех слоев, которые большевики считали своими основными противниками, или происходило в пассивных формах. Основная сила, способная противостоять большевикам, — офицерство, — была деморализована и дезориентирована политикой Временного правительства, попустительствовавшего травле офицерства в ходе «демократизации» армии, и от массы офицерства трудно было ожидать особого рвения в деле защиты непопулярной власти, тем более что большинство не представляло в полной мере сущности большевистской доктрины и считало большевиков явлением кратковременным.

В настоящий том включены материалы, касающиеся боев в Петрограде и Москве в октябре 1917 года, обороны Оренбурга зимой 1917/18 года и действий оренбургских партизан, а также восставшего оренбургского и уральского казачества до лета 1918 года, событий конца 1917-го — начала 1918 года в Крыму, Терского восстания лета — осени 1918 года, восстания на Тамани весной 1918 года, Ярославского восстания лета 1918 года и попыток сопротивления в ряде других городов, событий на Кавказе и в Средней Азии (в т. ч. Ташкентского восстания в январе 1919 года).

В решающем месте — в Петрограде — военными руководителями отпора большевикам было проявлено очень мало активности, а офицеры, оставшиеся лояльными Временному правительству, оставались в абсолютном большинстве пассивными зрителями происходящего. Но никаких попыток мобилизовать офицеров на защиту правительства сделано не было, и в Зимнем дворце находились лишь 310 человек 2-й Петергофской, 352 человека 2-й Ораниенбаумской школ прапорщиков, рота юнкеров Школы прапорщиков инженерных войск и юнкера Школы

прапорщиков Северного фронта, а также 50—60 случайных офицеров и Женский батальон.

В Москве, где Совет офицерских депутатов еще утром 27 октября организовал собрание офицеров-сторонников правительства и разработал план борьбы, сопротивление приняло, как известно, более организованный характер и происходило успешнее. Оплотом его были Александровское (куда собрались созданные по инициативе полковника К.К. Дорофеева несколько десятков офицеров-добровольцев; из тысячи с небольшим защитников училища было 300 офицеров) и Алексеевское военные училища, три московских и Суворовский кадетские корпуса и московские школы прапорщиков. Большевикам потребовалось несколько дней, чтобы сломить сопротивление кучки офицеров и юнкеров. Но и в Москве в борьбе приняли участие лишь несколько сот (не более 700) из находившихся тогда в городе десятков тысяч офицеров. По условиям капитуляции, подписанной нерешительным и склонным к соглашательству полковником Рябцевым, офицерам оставалось оружие и обеспечивалась личная безопасность. Но выполнены они, разумеется, не были: сдавшиеся были переписаны (причем некоторые сразу отправлены в тюрьму, а аресты остальных начались на следующий день) и многие расстреляны.

Борьба с большевиками в Оренбургской области началась приказом не признавшего их власти атамана А.И. Дутова по войску № 862 от 26 октября. Боевые действия велись с 23 декабря 1917 года. Положение Дутова осложнялось малолюдством в тыловом Оренбурге офицеров. Из Москвы к нему прибыло только 120 человек. В распоряжении атамана было военное училище (150 юнкеров) и остатки школ прапорщиков — 20 юнкеров с поручиком Студеникиным. 17 января 1918 года Оренбург оставили от 300 до 500 человек — остатки офицерских рот, Отряд защиты Учредительного собрания, юнкера и кадеты-неплюевцы. Часть офицеров, юнкеров и добровольцев во главе с генерал-майором К.М. Слесаревым ушла к уральским казакам. Многие офицеры в одиночку и небольшими группами укрывались в станицах, хуторах и киргизских аулах. Атаман Дутов (начальник штаба полковник Н.Я. Поляков) с войсковым правительством обосновался в Верхнеуральске. Единственной вооруженной силой его был партизанский отряд войскового старшины Мамаева и небольшие отряды подъясаулов Бородина, Михайлова и Енборисова — всего около 300 бойцов, преимущественно офицеров.

Восстание началось 23 февраля 1918 года в поселке Буранном под руководством хорунжего П. Чигвинцева и вскоре распространилось по всей территории войска. В марте офицеры, укрывшиеся по станицам в районе Оренбурга, подняли восстание и под руководством войскового старшины Лукина взяли 4 апреля Оренбург, но не смогли его удержать. После освобождения Оренбурга 17 июня там стала формироваться Юго-Западная

(28 декабря переименованная в Отдельную Оренбургскую) армия А.И. Дутова. В Уральске борьба началась в начале 1918 года. Командующим войсками уральского казачества был генерал В.И. Акутин, а непосредственно руководил начавшимися в марте боевыми действиями М.Ф. Мартынов. Во главе илецких казаков стоял полковник К.И. Загребин. В конце декабря 1918 года из уральских частей была образована Уральская отдельная армия.

В Крыму, где местное офицерство в целях самозащиты вынуждено было примкнуть к частям образовавшегося в Симферополе крымско-татарского правительства, собралось до 2 тысяч офицеров. Но реально огромный штаб Крымских войск располагал только четырьмя офицерскими ротами около 100 человек в каждой. На базе вернувшегося с фронта Крымского конного полка (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полковник Г.А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М.М. Петропольский и подполковник О.-Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова; в Евпатории в офицерской дружине было 150 человек. Тем временем большевики сосредоточили более 7 тысяч человек и двинули их на Симферополь, который пал с 13-го на 14 января 1918 года. В ходе боев было убито до 170 офицеров (погибли и почти все чины крымского штаба). После этого большевики сделали хозяевами всего полуострова.

Одним из наиболее ярких эпизодов сопротивления большевизму было восстание в Ярославле, где после демобилизации скопилось много офицеров из штабов и управлений 12-й армии, которые вместе с прибывшими членами «Союза защиты Родины и Свободы» и рядом офицеров, служивших в местных частях Красной армии, составили главную силу восстания под руководством полковников А.П. Перхурова и К.Г. Гоппера и генерала П.П. Карпова. Сюда же с начала июня стали прибывать группы офицеров — членов организации (около 300). 6 июля 105 офицеров во главе с Перхуровым захватили арсенал. Всего в Ярославле сражалось около 1,5 тысяч офицеров и около 6 тысяч добровольцев. Судьба их была трагичной. Не получив ниоткуда помощи, Ярославль, превращенный латышской артиллерией в груду развалин, 21 июля пал, и большинство его защитников погибло. Часть офицеров — около 500, сдавшаяся представителю германской миссии (восставшие провозгласили отмену Брестского мира и возобновление войны с Германией), была расстреляна в первый же день, как затем и остальные уцелевшие. Полковнику Перхурову с несколькими десятками офицеров удалось на катере прорваться и позже вступить в армию адмирала Колчака. Подпольные организации действовали и в целом ряде других городов.

Весной 1918 года разгорелось крупное восстание кубанских казаков на Таманском полуострове, а летом последовали выступления терских казаков, перешедшие к осени во всеобщее восстание под руководством гене-

рала Э.А. Мистулова. В Дагестане центром консолидации антибольшевистских сил послужили остатки Кавказской Туземной дивизии, 6 полков которой, сведенные в Туземный корпус, были в конце 1917 года отправлены на Кавказ. Сопротивление возглавили командир 1-го Дагестанского полка полковник князь Н.Б. Тарковский и полковник Р.Б. Коитбеков. Последний и командир 2-го Дагестанского полка полковник А. Нахбашев возглавляли в начале 1918 года оборону от большевиков Петровска. В Темир-Хан-Шуре Н.Б. Тарковский приступил к формированию надежных частей из остатков обоих Дагестанских полков и примкнувших русских офицеров, державшихся до прихода Добровольческой армии.

В Ташкенте, где события начали принимать угрожающий характер еще в сентябре, из офицеров гарнизона и надежных солдат был сформирован отряд в несколько сот человек, располагавшийся в местной крепости. Однако в конце октября при начале боев командующим генералом П.А. Коровиченко не было проявлено должной решимости, и 1 ноября он капитулировал, после чего последовала расправа над участниками сопротивления. Восстание, поднятое в январе 1919 года, потерпело неудачу и также закончилось массовыми расстрелами.

Практически все эти эпизоды сопротивления протекали изолированно и почти все кончились неудачно. Тем не менее они продемонстрировали, наряду с неадекватностью и пассивностью основной массы, самоотверженность и мужество тех, кто с самого начала не питал иллюзий относительно природы новой власти и вступил с ней в бескомпромиссную борьбу. События эти в подробностях практически не известны, и публикация воспоминаний (почти всегда авторы приводимых воспоминаний — рядовые участники событий) поможет восстановить картину сопротивления большевизму в стране.

Материалы тома сгруппированы по разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные обороне Зимнего дворца и боям под Петроградом в конце октября 1917 года, во втором — октябрьским боям в Москве, в третьем — борьбе оренбургского и уральского казачества, в четвертом — событиям в Крыму, в пятом — Ярославскому восстанию и эпизодам сопротивления в некоторых других городах России, в шестом — Таманскому и Терскому восстаниям и в седьмом — событиям на Кавказе и в Средней Азии.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Стилистика везде сохранена, исправлялись лишь очевидные опечатки и грамматические и синтаксические ошибки.

С.В. Волков

СОПРОТИВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМУ В РОССИИ 1917—1918 гг.

Раздел 1

ОКТАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ПЕТРОГРАДЕ

К. де Гайлеш¹

ЗАЩИТА ЗИМНЕГО ДВОРЦА²

Советский художник Кузнецов, выполняя правительственный заказ, изобразил на огромном полотне «Штурм Зимнего дворца». На этой картине изображены рабочие, солдаты и матросы, вооруженные винтовками, пулеметами, с развевающимися красными знаменами, атакующие в упор баррикаду перед Зимним дворцом. Борьба идет рукопашную. Пущены в ход приклады, штыки, ручные гранаты. Идет страшная свалка с юнкерами и офицерами, защитниками дворца и Временного правительства.

Зная способность советских правителей подтасовывать исторические факты, меня — одного из защитников Зимнего дворца — это не удивляет. На баррикаде перед дворцом не было рукопашного боя, и он не был взят фронтовым штурмом, как это изобразил Кузнецов. Но об этом я расскажу далее.

* * *

Тяжелые дни переживал город Петра в конце октября 1917 года. Тревожные вести неслись отовсюду. Немцами прорван фронт под Ригой. Рига эвакуируется. Солдаты митингуют и дезертируют целыми частями. В тылу — развал и все усиливающаяся большевистская пропаганда. Коммунистические газеты открыто призывают к восстанию.

Временное правительство решило вторично³ арестовать большевистских главарей, но было уже поздно. В ночь на 6 ноября⁴ оно закрывает типографию большевистских газет «Рабочий путь» и «Рабочий и солдат», конфискует напечатанные уже номера и начинает стягивать для своей защиты надежные части. Правительство не доверяет воен-

ным училищам Петрограда и ищет опоры в более демократических школах прапорщиков, укомплектованных частью из студентов. Этим и объясняется, что наша 2-я Петергофская школа прапорщиков была затребована в 3 часа ночи спешно отправиться в Петроград.

...Тревога. Заспанные юнкера натягивают второпях шинели и бегут строиться во двор. Идет переключка, раздаются патроны, начальник школы объясняет создавшееся положение. По темным аллеям старого парка, мимо молчаливых дворцов, свидетелей уже многих исторических событий, мы двигаемся по направлению к вокзалу Старого Петергофа.

Можно ожидать, что большевистски настроенные части воспротивятся нашему передвижению, и поэтому идем в боевом порядке. Но все спокойно. Грузимся на поданный поезд и через час высаживаемся на Балтийском вокзале в Петрограде. Начался рассвет осеннего, пасмурного дня. Кое-где горят еще фонари, и освещенные полупустые трамваи идут к центру города. На улицах одиночные прохожие останавливаются перед свеженаклеенными афишами, призывающими население к восстанию.

Встречаем несколько казачьих разъездов на Невском и бронемашину с юнкерским патрулем. Вскоре мы достигаем Дворцовой площади, и перед нами встают величавые стены Зимнего дворца с его массивными чугунными решетками изящной, ажурной работы. Входим во внутренний двор, где уже дымят походные кухни. Узнаем от коменданта дворца, что здесь, кроме нас, находятся: 2-я Ораниенбаумская школа, Школа прапорщиков Северного фронта, 2 орудия Михайловского артиллерийского училища, одна рота Женского ударного батальона, 5 бронемашин, сотня уральских казаков и несколько десятков георгиевских кавалеров, т. е. всего около 1500 человек. Этими силами правительство считает возможным удерживать все стратегически важные пункты Петрограда против 200-тысячного гарнизона, ставшего на сторону большевиков.

Взвод, в котором я нахожусь, назначается нести караул во внутренних залах третьего этажа, где находится кабинет главы правительства и где происходят заседания. То, что мы узнаем здесь, — малоутешительно. Сегодня утром большевистский Военно-революционный комитет послал две роты Литовского полка⁵ и вновь открыл типографию «Рабочего пути» и роздал более двадцати тысяч экземпляров конфискованного вчера номера газеты.

Во вторник, 6 ноября, положение следующее: правительственные части занимают здания Центрального телеграфа и телефона, Государственный банк, Почтамт, все вокзалы, главнейшие правительственные

учреждения, мосты на Неве, Мариинский и Аничков дворцы. Но начиная с полудня большевики оттесняют малочисленные, оторванные друг от друга отряды юнкеров. Из арсенала Петропавловской крепости целый день идет раздача оружия населению. Об этом все знают, но власти не предпринимают никаких мер.

Из Кронштадта прибывают все время матросские части на подкрепление большевикам. Легкий крейсер «Аврора» и миноносец «Забияка» вошли в Неву и отказались подчиниться Временному правительству. Они приближаются к Николаевскому мосту, который переходит в руки повстанцев. Правительство во главе с Керенским не покидает более Зимнего дворца, и его заседания чередуются одно за другим. Чувствуется растерянность и нерешительность во всех предпринимаемых действиях.

Залы дворца полны военных и штатских, которые без всяких пропусков шныряют всюду, входят и выходят беспрепятственно. Кто дает распоряжения и кто их отменяет — неизвестно.

Устанавливаются пулеметы под крышей, затем их снова спускают вниз. Из штабелей дров, заготовленных для зимнего отопления, юнкера инженерных войск строят перед дворцом баррикады.

Кое-где в городе слышатся одиночные выстрелы и короткие перестрелки. Время тянется в тягостном, напряженном ожидании.

Серый осенний день близится к концу. Вечером мы узнаем, что большевики заняли Балтийский вокзал и этим отрезали возможность прибытия подкреплений из Ораниенбаума и Петергофа, где остались 1-я и 3-я Ораниенбаумские и 3-я Петергофская школы прапорщиков.

Юнкерский патруль только что захватил трех штатских, увешанных пулеметными лентами. Из их допроса выясняется, что Ленин прибыл из Финляндии и находится в Смольном, чтобы лично руководить переворотом, который должен произойти раньше, чем начнется Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов.

От 12 до 2 часов пополудни я занимаю караул у двери, ведущей в зал заседаний правительства, рядом с кабинетом Керенского. Каждую минуту входят и выходят его адъютанты. Слышны звонки телефонов и отрывки речи. Через полуоткрытую дверь я вижу хорошо знакомое, гладко выбритое лицо Керенского и его несменяемый коричневый френч. Сейчас, горячась и часто ударяя по столу, он принимает делегацию казачьих частей Петрограда. Слышатся обрывки слов: «...доверие... недоверие... присяга... дело революции...» и т. д. Я стараюсь понять сущность происходящего и с радостью узнаю, что делегаты, уходя, уверяют, что казаки по первому зову «прискачут на защиту правительства».

По подъемному лифту поднимается группа штатских, из которых один в цилиндре. Я узнаю (по газетным фотографиям) Терещенко⁶, Кишкина⁷, Коновалова⁸ — министров Временного правительства, спешащих на экстренное совещание. У всех усталые, землистого цвета лица от бессонных ночей.

Когда, в шесть часов утра, я снова занял мой пост, через открытую дверь я видел, как царский лакей, в синей ливрее с красным воротником и золотыми галунами, накрывал большой круглый стол для утреннего завтрака Керенского. Тусклый рассвет осеннего утра обрисовывал белую скатерть с царскими вензелями и отражался на фарфоровой и серебряной посуде с черными двуглавыми орлами. Начался последний день свободной, демократической России.

Теперь события чередуются с кинематографической быстротой. Утром наши патрули принесли несколько номеров свежееотпечатанной газеты «Рабочий и солдат». В ней крупными буквами сообщалось, что Временное правительство свергнуто и вся власть перешла к Советам. Мы смеемся... но недолго.

Узнаем, что ночью большевики заняли Почтамт, центральные станции телеграфа и телефона и все вокзалы, что павловцы⁹ воздвигли баррикады на углу Миллионной и Марсового поля и не пропускают сюда более никого. Дворцовый мост тоже был захвачен ночью врасплох.

Наш взвод был сменен и заменен для внутренних караулов 1-м взводом, мы отходим в резерв, и теперь у нас более свободного времени, мы можем заняться осмотром дворца. Большое впечатление производит на нас рабочий кабинет Императора Александра II, куда он был принесен после взрыва бомбы в 1881 году. Все осталось как в тот трагический час. На кресле брошена его серо-голубая офицерская шинель с темными пятнами. Вот кушетка, на которую его положили и на которой он умер. На письменном столе массивные бронзовые настольные часы остановлены в минуту его смерти.

Среди юнкеров разнесся слух, что в штабе Петроградского военного округа, недалеко от дворца, штатским и солдатам раздается оружие. Мы спешим туда, и действительно, солдаты штаба вытаскивали ящики с американскими надписями (военный заказ) и, разбивая их, раздавали кому попало кольты и патроны к ним. Офицеров штаба никого уже не было, и осталось лишь несколько телефонистов. Один из них с веселой усмешкой сообщил нам, что Керенский пробовал вызвать 5-ю казачью дивизию из Финляндии, так как три Донских казачьих полка Петроградского гарнизона отказались выступить на защиту правительства. «Утекайте, пока не поздно. Смотрите, все ваши броневики уже перешли к Советам!»

Мы его арестовали и повели к коменданту дворца, но здесь узнали, что, действительно, из пяти броневилов четыре не возвратились из патруля обратно и что пятая машина, установленная во входных воротах дворца, сегодня утром оказалась без обслуживающих и с испорченными механизмами.

Обещанные подкрепления с Северного фронта не прибывают, и положение ухудшается с часу на час. Железное кольцо суживается вокруг защитников правительства, многие тайно покидают дворец.

Около одиннадцати часов дня Керенский, сопровождаемый своими адъютантами, на двух машинах под американским флагом покидает дворец, по направлению на Гатчино, разыскивать неизвестно где застрявшие эшелоны с подкреплением.

Где-то близко, на Невском, вспыхивает беспорядочная стрельба и приближается к Дворцовой площади.

Вскоре распространяется слух, что Государственный банк и Марининский дворец заняты большевиками почти без сопротивления.

После отъезда Керенского правительство под председательством Коновалова заседает непрерывно, но оно фактически отрезано от внешнего мира, и его решения не могут изменить ход событий.

Юнкера Школы прапорщиков инженерных войск занимают баррикады из штабелей дров против дворца и устанавливают пулеметы. Сотня уральцев занимает посты со стороны набережной. Рота Женского ударного батальона, отбивая твердо ногу, как на учении, идет занимать позицию на Миллионной улице около Эрмитажа.

Вскоре со стороны Преображенских казарм показываются три парламентаря с белым флагом и идут к нам. Это комиссар Чудновский (в свое время, позже, был расстрелян большевиками). Мы ведем его во дворец. По дороге он обращается к нам и говорит, что на последнем заседании Военно-революционного комитета при Петроградском Совете решено сделать последнее предложение о сдаче. В случае отказа снимается ответственность за возможную кровавую расправу.

Ультиматум Чудновского не принят, и его задерживают как заложника, отпустив сопровождавших его солдат.

Уже смеркается, и кое-где начинают зажигаться огоньки, но нам все же видно, как на противоположной стороне Дворцовой площади собираются группы вооруженных военных и штатских. Нам запрещено открывать огонь без команды. Штаб Петроградского военного округа очищен, и занимавшие его юнкера отведены к дворцу.

В последний момент мы узнаем, что оба орудия Михайловского артиллерийского училища приведены в негодность офицером этого же училища, который оказался большевиком.

Теперь кругом все тихо, как перед надвигающейся грозой. Нервы у всех напряжены. Не слышно больше смеха и шуток. И вот, в темноте, на противоположной стороне площади блеснуло несколько огоньков и раздалось 3—4 выстрела. Затем еще и еще. Не дожидаясь команды, со стороны нашей баррикады пошла ответная беспорядочная стрельба. Затрещали пулеметы. Я посмотрел на часы, было около шести часов вечера. Начался последний акт. Пули с визгом шлепались о стены дворца, отбивали штукатурку и барабанили по стали стоявшего в главном подъезде безмолвного броневика.

Теперь полная темнота покрывала Дворцовую площадь, но все окна дворца ярко освещены, и, что хуже всего, наши баррикады озарены несколькими висячими фонарями и представляют великолепную мишень. Чтобы потушить фонари, мы начинаем стрелять по ним, и вскоре они тухнут один за другим. Командный состав постепенно взял юнкеров в руки, баррикады вместо беспорядочной, нервной стрельбы отвечают теперь дружными залпами. Слышатся крики, требующие санитаров, — значит, есть уже жертвы. Среди трескотни ружейной и пулеметной стрельбы вдруг раздаются несколько отдаленных орудийных выстрелов. Снаряды с воем проносятся над дворцом, не причинив вреда. Это крейсер «Аврора» и миноносец «Забияка» стреляют по нас. Из выпущенных семи снарядов только один задел карниз дворца. Щупальца прожекторов военных кораблей и Петропавловской крепости бороздят черное небо, и на фоне их зарева четко обрисовывается игла Адмиралтейства и мутно поблескивает купол Исаакиевского собора.

Около восьми часов к нам прибегают несколько стрелков женской роты и доносят, что сотня уральских казаков, занимавшая позицию вдоль набережной, перешла на сторону большевиков и оттуда матросы и солдаты проникли в один из внутренних дворов дворца. Командир роты посылает меня отыскать министра Кишкина, руководящего защитой, или же коменданта дворца и доложить о случившемся.

Внутренние залы дворца представляют взбурдаженный муравейник, на который внезапно наступила нога человека. По коридорам снуют бледные растерянные военные и штатские. Окна верхних зал изрешечены пулями, и, проходя мимо, надо нагибаться низко к полу, т. к. окна освещены и представляют для нападающих прекрасную мишень. В поисках коменданта в нижней зале я наталкиваюсь на Чудновского, которого охраняют два юнкера. Он успокаивает встревоженных юнкеров и говорит, что не позволит ворвавшимся солдатам причинить им вреда.

В следующей зале я вижу мужчину средних лет, взгромоздившегося на стол и окруженного толпой юнкеров. Это инженер Пальчинс-

кий, помощник Кишкина, призывает окружающих не падать духом, т. к. с фронта идут верные правительству части.

Наконец я нахожу коменданта дворца. Перед ним стоит взволнованная сестра милосердия, только что прибежавшая с верхнего этажа (где с 1915 года был размещен госпиталь). Сестра сообщила, что все палаты запружены матросами и солдатами, проникшими, вероятно, со стороны Эрмитажа или внутреннего двора по черной лестнице, о существовании которой никто не догадался предупредить защитников.

Теперь верхние этажи заполнены большевиками. Картина борьбы резко меняется. Баррикады перед дворцом продолжают держаться. Против них ведется беспорядочная стрельба. Женский ударный батальон отбивает наседающих преображенцев и павловцев и по-прежнему держит доступы к дворцу на Миллионной улице.

Но в верхних залах дворца, куда пробрались матросы, идет sporadическая борьба. Слышатся взрывы ручных гранат, винтовочные выстрелы, крики. В желтоватом тумане пыли от падающей со стен штукатурки мутно белеют шары ламп и люстр. Теперь никто не знает, где нападающие и где защитники. Хаос невообразимый. В одной зале защитники разоружают нападающих, в другой — нападающие обезоруживают защитников. Понемногу защита оставляет верхние этажи со стороны Эрмитажа и концентрируется в нижних залах, где находятся министры Временного правительства. Я бегу по коридорам, усеянным матрасами, бутылками, пустыми консервными банками. Кое-где лежат какие-то военные, раненные или нет — не успеваю разобрать. Наткнувшись на группу офицеров и юнкеров Ораниенбаумской школы, они бросают винтовки. Ввиду бессмысленности дальнейшего сопротивления, министры Временного правительства отдали приказ о сдаче дворца. Но сдаются лишь те, кого этот приказ может достигнуть, многие продолжают еще в течение долгого времени безнадежный бой.

Около двух часов ночи нас привели в солдатский клуб Преображенского полка. Конвоировавшие нас матросы делились с нами папиросами и были корректны. Не то ожидало нас у преображенцев. Столпившись у дверей клуба, солдаты грозили самосудом. Большой клуб пополнялся все новыми и новыми партиями бывших защитников. Бледные лица, пыльные шинели. Некоторые ранены. Со стороны дворца все еще слышна стрельба, но к трем часам она начинает умолкать. Последние прибывшие защитники сообщают, что дворец окончательно занят. Солдаты проникли в царские погребы, идет поголовное пьянство, насилуются женщины ударной роты, сдавшиеся последними, грабится ценное историческое имущество, рвут со стен

гобелены, бьют ценный севрский фарфор. Все министры отправлены в Петропавловскую крепость, а также и часть юнкеров.

Как мы узнали позже, некоторые из юнкеров были прикончены по дороге или же сброшены с мостов в Неву. Количество жертв 7 ноября большевики никогда не опубликовали, да никто их точно не мог и знать.

Так кончилась защита Зимнего дворца и Временного правительства. Его растерянность в те дни трудно объяснить даже сегодня. Как понять, что оно не привлекло к защите восемь военных училищ и около десятка школ прапорщиков, расположенных в Петрограде и его ближайших окрестностях? Четыре дня позже, 11 ноября, группа социалистов-революционеров подняла восстание юнкеров Владимирского, Николаевского инженерного, Павловского и Михайловского военных училищ. Несколько сотен юнкеров начали неравный бой против большевистского гарнизона с целью облегчить передвижение к Петрограду казачьих частей генерала Краснова¹⁰ под Пулковом. Это ненужное восстание кончилось поголовным избиением сотен юнкеров.

Слабовольное демократическое правительство сдало власть тем, кто сделал небольшое усилие ее захватить.

О. фон Прюссинг¹¹

ЗАЩИТА ЗИМНЕГО ДВОРЦА¹²

25 октября 1917 года. Гатчина... Час ночи...

Я сидел у себя дома и разбирался в приказах, циркулярных постановлениях и другой бумажной волоките, так как всего три месяца назад, принял Школу прапорщиков Северного фронта. Неожиданный звонок. Я отворил дверь и увидел вестового канцелярии. Не дожидаясь моего вопроса, он подал мне бумажку, доложив:

— Телефонограмма Главковерха. Там сказывали, очень спешно.

Это был боевой приказ Главковерха: «Немедленно выступить с юнкерами школы в Петроград, Зимний дворец, на защиту Временного правительства».

Со 2-го на 3 июля того же 1917 года школа уже была вызвана в Петроград и подавила первое восстание большевиков¹³.

Подняв юнкеров, я приказал построиться во дворе при полной боевой выкладке, а сам тем временем телефонами снесся с железнодорожниками о немедленном предоставлении воинского поезда. В это время ко мне в канцелярию вошел школьный комитет: председатель, поляк, юнкер Малиновский, латыш, не то литовец Бадамус и третий,

эстонец, фамилии коего не упомяну. Эти юнкера потребовали от меня немедленной отмены приказа, так как я якобы не имел права отдавать такового, без согласия комитета. Осадив этих голубчиков «боевым приказом», я повел роты, и в пятом часу утра поезд двинулся на Петроград, куда мы прибыли на Варшавский вокзал в начале седьмого часа утра, 25 октября.

Накануне, 24-го, еще в Гатчине, я слышал, будто в столице ожидаются беспорядки, но слухи тогда были так обильны и противоречивы, что особого значения я им не придавал. Однако в поезде меня многое стало тревожить. Особенно упорно ходившие слухи о переходе гарнизона столицы на сторону большевиков. Поэтому, высадившись на Варшавском вокзале, я наметил маршрут к Зимнему дворцу, по возможности минуя казармы. Перейдя мост, через Обводный канал, мы свернули на Лермонтовский проспект, чтобы миновать Измайловские казармы, далее мимо Мариинского дворца и, наконец, по Морской, под аркой, вышли на площадь Зимнего дворца.

День был ненастный, сыро-холодный, слегка моросило, словом, типичное петербургское осеннее утро. Улицы почти пустые, одиночные пешеходы да несколько дворников, подметавших у ворот. Мы были не спавши, голодные и продрогшие.

Оставив свой батальон у Александровской колонны «оправиться», я вошел в штаб войск гвардии и Петроградского военного округа. Двери настежь открыты, внизу, в передней, гора бумажки, сломанные стулья, какие-то свертки и склянки. Впечатление разгрома. Я поднялся на первый этаж — там также никого и полный хаос. Стал окликать — ответа не было. Наконец мне почудились, где-то в конце коридора, голоса. Я — туда. Что ни дверь — то в комнате все перевернуто, до столов включительно, — но никого нет. Наконец в одном из последних покоев я нашел двух офицеров: полковника Полковникова¹⁴ и, по-видимому, его адъютанта, штабс-капитана в штабной форме.

На мой вопрос — где бы я мог повидать командующего войсками округа? — полковник дрожащим, полузаикающимся голосом, как бы нерешительно сознался, что это он самый и есть. Когда я ему сообщил, что прибыл со школой Северного фронта на защиту правительства, мой полковник сразу успокоился и заговорил нормальным голосом. Оказалось, что все писаря и весь штаб ночью побросали работу и оставили его на произвол судьбы. На мой вопрос — куда же пристроить мою часть? — полковник, мне посоветовал ввести юнкеров в Зимний дворец.

Во дворце мы расположились в нижнем коридоре, что тянулся параллельно площади. Юнкера быстро применились к местности, нашли

ход на кухню, сами растопили плиту и сварили чай. Во всем дворце ни одной живой души. Лишь в десятом часу показались два дворцовых лакея. От них я узнал, что имеется и дворцовый комендант, но он еще спит. Наконец комендант появился. Был 11-й час. Я ему представился. Это был полковник лейб-гвардии Петербургского полка, фамилии не помню, сильно изнуренный и, как мне показалось, нашим присутствием не особенно довольный. Обсудив положение и обстановку, комендант решил охранять дворец, высылая цепи наружу и тем самым преграждая в него доступ. Я возражал, так как, по-моему, цепи можно высылать только в виду противника, что в данном случае не соответствует положению.

— Разве нас не окружает противник? — спросил меня комендант. — Разве большевики не противник? Нам надо оградить себя, пока не подойдет помощь в лице всех военных училищ.

— А вы, господин полковник, уверены, что они придут? — спросил я.

— Вне всякого сомнения, меня Керенский телеграммой заверил, что даже извне придут школы прапорщиков, а здешние училища я ожидаю с минуты на минуту, — уверенно парировал комендант.

Мой штаб расположился в первом этаже, в угловой комнате, окна которой выходили как на площадь, так и на Александровский сад, благодаря чему было большое и удобное поле зрения.

Около часу дня движение на улицах значительно усилилось, хотя трамваи и не ходили. Между прочим, в нашем горячем споре с комендантом дело дошло до того, что я задал ему вопрос, как большевики выглядят?

— Я видал в Пруссии немцев, в Австрии — австрийцев, а как определить большевиков, не знаю...

— Большевик... большевик... Все, что на улице, то большевики, и их всех надо уничтожать, а пока удалить от дворца, — раздраженно ответил он.

Надо было во что бы то ни стало заставить коменданта отказаться от безумной затеи выслать цепь на улицу и тем самым «раздразнить» противника — большевиков или хотя бы выиграть время, пока подойдет помощь, если Керенский коменданта не обманул, и я продолжал надоедать коменданту своими, может быть, нелепыми, вопросами.

— Вы говорите, полковник, все, что на улице, — все большевики, а вот, посмотрите, вдоль ограды сада идет какая-то дама в шляпке и ведет за руку девочку — это тоже большевики?

Тут терпение начальства, что называется, лопнуло, и полковник раскричался:

— Тут я комендант, вы, полковник, мне подчинены, я нахожу вашу выходку дерзкой, я лишаю вас командования... Первая и вторая роты построиться! — крикнул он и через какие-нибудь 3—4 минуты вывел их из дворца.

Прошло с полчаса, пока он успел обе роты расположить поперек Дворцового моста, далее от набережной по Александровскому саду, до угла Невского (до Главного штаба), затем под аркою и далее до дворца. Я стоял у окна и скорбел душой за моих юнкеров. Едва была закончена эта расстановка, как со стороны Васильевского острова по Дворцовому мосту показался броневи́к, а вдоль Адмиралтейской набережной задвигалась солидная толпа матросов и красноармейцев с винтовками. Словно по чьему-то сигналу и броневи́к, и толпа открыли огонь по юнкерам. Разъяренная толпа на мосту поднимала юнкеров на штыки и бросала в Неву. В другом конце стали собирать юнкеров в группы и куда-то уводить. Два красноармейца повели нашего коменданта через мост, он сопротивлялся, но один из конвоиров ударил его прикладом по голове, и полковник остался лежать неподвижно. Оставшиеся в помещении 3-я и 4-я роты были всему этому очевидцами. Гробовое молчание наступило во дворце. Нас всех охватила жуть, и только мало-помалу мы стали приходить в себя. Члены комитета подошли ко мне и попросили принять командование, как прежде, они-де будут повиноваться моим приказаниям «без всякой оппозиции», как они выразились.

Между тем на улице все успокоилось. Ни броневи́ков, ни героев-красногвардейцев, зато много шатающихся солдат, грызущих семечки, да... трупы наших убитых юнкеров. Помощь не подходила. Ни одно училище не явилось ко дворцу, а ряды мои уменьшились наполовину. Что мне было делать? Как выйти из этого положения? И вдруг... о Боже... подошла помощь... И кто же? Женский ударный батальон, в составе 224 воинов-женщин. Мне доложили об этом и о том, что батальон стоит внизу в коридоре, в ожидании распоряжений. Я отправился вниз — приветствовать.

Не без волнения подошел я к фронту выстроившихся женщин. Было что-то непривычное в этом зрелище, и надоедливые мысли буравили мозг: «провокакторши».

Скомандовав «Смирно!», одна из женщин отделилась от правого фланга и подошла ко мне с рапортом. Это была «командирша». Высокого роста, пропорционально сложенная, с выправкой лихого гвардейского унтер-офицера, с громким отчетливым голосом, она мгновенно рассеяла мои подозрения, и я поздоровался с батальоном. Одеты они были солдатами. Высокие сапоги, шаровары, поверх которых была

накинута еще юбка, также защитного цвета, волосы подобраны под фуражку.

В то время как я принимал подошедших нам на подмогу ударниц во дворе Зимнего дворца, раздалось подряд два разрыва снарядов. Оказалось, что крейсер «Аврора» подошел к Николаевскому мосту и произвел по дворцу два выстрела.

Наше положение становилось критическим: водопровод был кем-то и где-то закрыт, электричество выключено, и, по сообщению «разведчиков», красногвардейцы, матросы и солдаты Преображенского запасного батальона пробрались в чердачное помещение дворца. Вскоре мы ясно расслышали, что над нашей штабной комнатой сверху разбирается потолок. Я приказал во всех проходах и лестницах устроить баррикады из имеющейся в покоях мебели. В начале 4-го часа за баррикадами появились большевики. Начался форменный «комнатный» бой, длившийся более часу, пока окончательно не стемнело.

Нападавшие, которые оказались пьяной толпой, покинули дворец, и мы несколько вздохнули. Где-то нашелся ящик со свечами, и я стал обходить наши баррикады. Что представилось нашим глазам при тусклом свете мерцающих свечей, трудно описать. Пьяная ватага, почуяв женщин за баррикадами, старалась вытащить их на свою сторону. Юнкера их защищали. Груды убитых большевиков удвоили ширину и высоту баррикад, получились словно бруствер из трупов. Тем не менее большинство ударниц все же попали в лапы разъярившихся бандитов. Всего, что они с ними сотворили, я описать не могу — бумага не выдержит. Большинство были раздеты, изнасилованы и при посредстве воткнутой в них штыков посажены вертикально на баррикады. Обходя весь наш внутренний фронт, мы наткнулись в коридоре, у входа в Георгиевский зал, на жуткую кучу: при свете огарков мы увидели человеческую ногу, привязанную к стенному канделябру, груда внутренностей, вывалившаяся из живота, из-под которого вытягивалась другая нога, прижатая мертвым телом солдата; по другую сторону вытянулся красногвардеец, держа в зубах мертвой хваткой левую руку жертвы, а в руках оборванную юбку. Голову жертвы покрывала нога матроса, который лежал поверх. Чтобы разглядеть лицо женщины, нам пришлось оттянуть труп матроса, но это было нелегко, так как она в борьбе зубами впилась в ногу матроса, а правой рукой вогнала кинжал ему в сердце. Все четверо уже окоченели. Оттащив матроса, мы узнали командиршу ударниц.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы окончили обход. Что нам было делать? Остаться тут и ждать помощи, которая не шла? Я обсудил вопрос с нашим комитетом, и решил, чтобы два его члена отправи-

лись в Смольный, где, по слухам, заседал Революционный комитет, и спросили разрешения нашей школе возвратиться в Гатчину. Около одиннадцати часов они вернулись, имея пропуск за подписью самого Ленина. Я построил уцелевших юнкеров, оставшихся в живых 26 женщин переделал в юнкерскую форму и поставил в ряды юнкеров. В 11 часов мы покинули дворец.

На Марининской площади, близ памятника Императору Николаю I, нас остановили матросы, которым мы показались подозрительными. Наши уверения, что идем с разрешения Революционного комитета, ни к чему не приводили, в подлинности подписи Ленина сомневались, и лишь когда я с матросом из Марининского дворца снесся по телефону со Смольным и матросы лично услышали, что пропуск действителен, нас отпустили. Однако с условием, чтобы мы винтовки составили в козлы и оставили на площади. Пришлось подчиниться силе. По Вознесенскому и далее по Измайловскому проспектам мы, во втором часу ночи, подошли к Варшавскому вокзалу, сели в вагоны и отбыли к себе в Гатчину.

Я не могу не упомянуть подвиг женщин-ударниц, этих героинь, которые сознательно дрались и умирали и тем самым воздвигли памятник Русской Женщине, и пусть строки мои о их доблести и муках будут венком на их неизвестных могилах.

А. Синегуб¹⁵

ЗАЩИТА ЗИМНЕГО ДВОРЦА

(25 октября — 7 ноября 1917 года)¹⁶

В восемь часов утра я был уже в школе и сидел в канцелярии, постепенно входя в свою тяжелую роль адъютанта школы. «Пройдут эти дни ожидания выступления ленинцев, наладится курс для государственной жизни Родины, и я тогда подам рапорт об отставке. В деревне моя работа будет полезнее, чем здесь, среди заговоров тех, кто сам не отдает себе отчета в последствиях, кто личное ставит выше народного благополучия... Как распинались в «Колхиде», сколько таинственности и верных доказательств! Смешно... Нет доверия друг к другу, а запрягаются в воз, должный вывезти Россию на светлый путь жизнедеятельности. Никакой самодеятельности, спаянности. А о любви к Родине и уж говорить нечего! Словно это — молодчики, тучами являющиеся в последнее время в школу для поступления в юнкера и цинично-откровенно объяснявшие свои побуждения, толкавшие их именно в нашу школу.

Одни стоят других — одинаковые карьеристы тыла», — злобно размышлял я, почему-то припоминая случай третьего дня во время приема с предложенной мне взяткой... «А это что?» — прервал я невеселые думы во время механической подписи размноженных на гектографе повесток к педагогическому персоналу школы...

— Телюкин! — позвал я старшего писаря, так гордившегося, не смотря на свое нынешнее эсерство, бывшей службой в личной канцелярии Государя Императора.

— Что прикажете? — вырос с вопросом перед мною позванный унтер-офицер.

— Почему эта телеграмма из Главного штаба в очередном докладе, кто ее вскрыл и почему не доложена мне, как только я пришел? — задал я вопросы Телюкину, внутренне волнуясь и едва воздерживаясь от повышения тона, чтобы этим не привлечь внимания юнкеров, зашедших в канцелярию по делам службы, а главное, тех разночинцев, которые уже успели явиться за какими-то справками к дежурному писарю.

— Это дежурный офицер сюда положили: она исполнена, ваше высокоблагородие; сегодня ночью я дежурил, и когда пришла телеграмма, то я лично позвонил к начальнику школы и ее по приказанию начальника школы вскрыл и прочитал им в телефон. Так что вы не извольте беспокоиться, начальник школы лично приезжал сюда и сами отдали распоряжения. И сейчас в Главном штабе находятся наши юнкера для связи, также посланы юнкера в Николаевское инженерное училище, Николаевское кавалерийское училище, а двое из членов совета школы направлены в личное распоряжение товарища Керенского, — нагибаясь своей длинной фигурой ко мне, конфиденциально доложил Телюкин.

«А это что-нибудь да значит, если даже посланы юнкера непосредственно к главе Временного правительства. Значит, Главному штабу не особенно того», — читал я в его глазах. Но чтобы не показать виду, что я его понял, — а главное, что он правильно подчеркнул последние распоряжения начальника школы, — я задал вопрос о том, почему он, а не дежурный офицер принимал телеграмму из Главного штаба.

Ответ был, к сожалению, самый неожиданный и лишний раз обрисовывающий и нравы офицерства школы, и то падение не только военной дисциплины, но просто даже честного порядочного отношения к долгу и обязанностям... Дежурный офицер, поручик Б-ов, из прапорщиков запаса мирного времени, оказалось, ушел спать к себе на квартиру.

— Но почему же вы, Телюкин, не позвонили сперва мне, не послали за мной. Ведь я вас и всех писарей столько раз просил обо всем экстренном и внезапном немедленно уведомлять меня. Особенно вас, — попрекнул я своего друга.

Телюкин затоптался и, не выдерживая моего настойчивого вопросительного взгляда, зачесал свой несоразмерно длинный нос.

— Почему?.. Забыли, да?..

— Никак нет, я сперва хотел это сделать, но потом решил, что раз телеграмма из Главного штаба, да и курьер передавал, что она особой важности, вам все равно придется звонить к начальнику школы, и дежурный юнкер советовали прямо позвонить к начальнику, а к тому же они говорили, что вчера вы всю ночь провели в канцелярии и что и сегодня около двух часов ночи заходили в школу.

— Ну ладно, ладно, идите и пошлите горниста за дежурным офицером, да еще Панову прикажите составить список юнкерам, ушедшим в связь, и позвоните в 1-ю роту, чтобы сейчас прислали дневник нарядов.

И только Телюкин вышел, я снова впился в телеграмму. «Начинается», — заработала мысль. А ведь на улицах было тихо и движение было обычное. Вспомнил я Кирочную и Литейный проспект, до которых по обыкновению последних дней прошелся перед службой, чтоб взглянуть на Неву и на Выборгскую сторону. «Однако много думать не приходится», — заключил я свои размышления, вставая из-за стола, чтобы пойти в кабинет начальника школы и посмотреть на блокнот, в который он, в моменты моего отсутствия, вносил те распоряжения, которые должны были идти через меня. Но не успел я подойти к двери в коридор, как она отворилась, и передо мной появился юнкер 11-й роты Исаак Гольдман, с винтовкой в руках и патронной сумкой на плечо. По возбужденным глазам, молодцеватой выправке и учащенному дыханию я сразу догадался, что это один из юнкеров связи, явившийся, очевидно, с новостями, должными сыграть какую-то роль.

«Здравствуйте, юнкер! Закройте дверь. Откуда? С чем?» — «Из Главного штаба с запиской о немедленной готовности школы к выступлению... В штабе паника... Никто ничего не делает... Подобные же распоряжения посланы в другие школы и части. Петропавловка на нашей стороне. Там говорили, что у Финляндского вокзала сосредоточилась тяжелая артиллерия, перешедшая на сторону ленинцев. Но это ничего. Пехота и казаки объявили нейтралитет, но и это ничего. Если придут войска из Гатчины, Царского Села, то положение будет восстановлено быстро и без нас; но если они запоздают, то нам придется идти арестовывать Ленина, образовавшего какое-то новое правительство из коммунистов», — докладывал юнкер слышанное им в Главном штабе, пока я

вскрывал и читал принесенное им приказание. «Прекрасно, можете идти, — отпустил я юнкера. — Вы были уже сегодня?» — справился я. «Никак нет, нас в четвертом часу отправили в связь. И товарищи просили, чтобы им прислали или смену, или пищу». — «Хорошо, идите в роту и передайте фельдфебелю, чтобы он послал смену, вы же оставайтесь в школе. Телюкин! — позвал я снова писаря. — Где же список юнкерам связи? Живо! Да идите сами сюда с машинкой». Через минуту я уже диктовал: «Приказание командирам 1-й и 2-й рот. По приказанию из Главного штаба немедленно...» Машинка стучала под длинными, тонкими пальцами виртуоза своего дела, и я едва успевал комбинировать те распоряжения, которые могли своим исполнением выполнить приказание штаба «Пулеметы получить у заведующего оружием», — диктовал я, а в голове нарастало сомнение. А вдруг нестроевая команда, объявившая нейтралитет, на этот раз видя, что дело приняло характер разрешения для Ленина вопроса — «быть или не быть», переменит свое решение и перейдет в открытую оппозицию. Тогда пулеметы, револьверы и патроны командиры рот не получат. «Здравствуйте, Александр Петрович, — приветствовал меня поручик Шумаков, войдя в этот момент ко мне в кабинет. — Я получил записку поручика Б-ва. Он болен и продолжать дежурство он не может и просит меня заметить его. Вам это известно?» — «Нет, что за сволочь! — теряя хладнокровие и забывая присутствие солдата, выругал я нарушившего дисциплину поручика. — Не я буду, если он не полетит под суд. Спасибо, дорогой, что вы пришли. Сейчас же приступайте к дежурству. Ага! Хорошо, Панов. Позвоните на квартиру начальника школы, узнайте, где он; потом пошлите за капитаном Галиевским, он должен быть в первой роте. А полковник Киткин пришел? Да? Конечно, у него другого дела нет, как беседовать с юнкерами, — отнесся я уже к поручику Шумакову, после ухода являвшегося писаря. — Борис, наладь этот вопрос, ты знаешь, оказывается, Мейснер до сих пор не привел в порядок пулеметов, а револьверы у этого мерзавца Кучерова. Его второй день, подлеца, в школе нет. Запил. И нашел же время! Нет... я не могу дальше. Этак с ума сойдешь. Согласись, что это форменный беда; а тут у меня все болит», — начал я жаловаться на свои недомогания, как вошел Телюкин и доложил о приезде начальника школы. «Ну слава Богу! Борис, тебе Телюкин все объяснит по этому вопросу, а я к полковнику», — и я бросился из кабинета через канцелярию, чтобы бежать с докладом к начальнику школы. Канцелярия была полна юнкерами и штатскими разночинцами; едва я вошел в нее, как меня засыпали какими-то вопросами и просьбами. «Потом, потом, — отмахнулся я от них. — Господа юнкера, оставьте ваши личные дела и освободите канцелярию. Штатских сегодня не при-

нимать. Все справки прекратить, — отдал я распоряжение экспедитору. — Вы господа, — обратился я к частным посетителям, — будьте любезны в следующий раз зайти», — говорил я уже у двери в коридор.

— Здравствуйте, закройте дверь; доклада не надо — все знаю; теперь не время. Я уже приказал портупей-юнкеру Лебедеву собрать Совет школы и комитет юнкеров. И сейчас должен идти туда. Вы же прикажите прекратить всякие приемы. В школе не должно быть никого из посторонних. Сделано? Отлично! О Мейснере, Б-ве — знаю. Все телеграммы знаю. Из Главного штаба? Одна проформа. У меня, повторяю, все ясно и налажено. Все изменилось. Рассказывать нет времени. Что выйдет — посмотрим. Я же решил выступить, если юнкера не переменили настроение. Во всяком случае, выступлю с желающими. Господам же офицерам приказываю последовать за мною. Считаю, что это вопрос долга и чести. Не сомневаюсь, что и вы будете там, где и я, — ровно, спокойно, без единой вибрации в тоне, твердо и без рисовки говорил начальник школы. — Итак, будьте более внимательным, а главное — выдержанным. Забудьте, пожалуйста, канцелярию и вспомните свои позиции и проявите себя тем офицером, каким вы были до этого проклятого времени, — продолжал, улыбаясь, он. — Ну, можете идти. Все распоряжения — после совещания. Сейчас никаких. Да приготовьте свое оружие. А, здесь? Ну, это прекрасно! — кончил свой прием, отпуская меня, начальник школы.

Я, щелкнув шпорами, повернулся и взялся за ручку двери, как легшая на мое плечо рука остановила меня. Я повернулся. В голове было пусто. Ни одной мысли...

— Вот что, Саня, — с грустью в своих больших голубых глазах тихо заговорил уже не начальник школы, а мой любимый старший брат. — Все пошло к черту! Кто-то предал. Временному правительству не удержаться. Только чудо может спасти его. Ни один из планов не применим, и через три дня также не сбросить большевиков. Они будут еще сильнее. Все должно быть постепенно иначе. И уже, конечно, не нами... Я простился с семьею и написал письма родителям... Ты тоже напиши... Они нас поймут. Мы с тобою должны погибнуть. Мне только жалко юнкеров. Но ты ведь понимаешь меня. Мы ведь дворяне и рассуждать иначе не можем. А там как Бог... С нами будет Галиевский. Ну, бодрись и иди. — И, поцеловав меня, он слегка подтолкнул к двери.

Я вышел словно в тумане, не понимая, где, куда и зачем иду.

— Капитан Галиевский, голубчик, постойте минутку! — наскочил я в полутемном коридоре на худощавую фигуру куда-то спешившего капитана. — Здравствуйте, послали смену юнкерам?

— А! Александр Петрович!.. Ну как же, как же, послал. Ну что, друг мой, повоюем нынче, а?

— Да, да, придется. Жаль только, что обстановка меняется.

— Плевать! Я очень рад, что не ошибся в вас при приеме вас в школу. Только мы, старого покроя офицеры, и можем еще что-нибудь делать. А Б-ов хорош! А? Недаром же я перестал подавать ему руку. Присяжный поверенный несчастный — туда же, в офицеры полез. Понимаю я его болезни. Трус! Начальник школы приказал ему явиться. Ах, голубчик, что я вам посоветую, — продолжал капитан, когда мы остановились у канцелярии. — Вы вот здесь не были в феврале, да и нестроевую команду хорошо не знаете, ведь в ней ни одного порядочного человека нет; так вот вам я и говорю — вы на всякий случай снесли бы к себе на квартиру что у вас поважнее есть, а главное, ничего собственного, ничего не оставляйте. Ну, бегу в роту. Надо к пулеметам замки наладить. Эти прохвосты мало того что ключи потеряли от склада, так что мне пришлось приказать взломать дверь, да еще замки с пулеметов поснимали и куда-то запрятали. Да, будьте, дорогой Александр Петрович, осторожнее с Мейснером. Он что-то крутит. Этот почище Б-ова будет, — шепотом закончил капитан и понесся дальше, а я вошел в канцелярию.

На этот раз в ней было пусто. Писаря, очевидно, пошли на собрание нестроевой команды, и только Телюкин складывал со стола бумаги в ящик. В кабинете я застал Бориса Шумакова, сидящего вразвалку и сладко позевывавшего.

— Вот, друг, как надо действовать! Надеюсь, доволен? — встретил меня он вопросом. — Дрянь дело, но я с наслаждением буду всаживать в эту провокаторскую мерзость пульки из моего любимчика, — снова заговорил он, поглаживая увесистый наган, болтавшийся сбоку в кожаном чехле на поясе. — Сами работать не хотят и другим не дают. Ну что ж, что сеют — то и пожнут. А ты чего копаешься со своим снаряжением? Тоже готовишься идти? Нет, нет, ты должен оставаться в школе. Тебе там не место. И без тебя, слава Богу, есть кому идти. Смотри, на что ты похож? — переменял мой друг резонерский тон на подкупающую убедительность.

— Ты не прав, Борис. Именно мне, тебе, Галиевскому, одним словом, нам, старикам, там место, и в первую голову. Я думаю, я надеюсь, что там все офицерство Петрограда соберется. Подумай, какая это красивая, сильная картина будет. Помнишь, я рассказывал, что когда я девятнадцатого числа ездил с докладом в Главный штаб, то перед Зимним и перед штабом стояли вереницы офицеров в очереди за получением револьверов.

— Ха-ха-ха, — перебил меня, разражаясь смехом, поручик. — Ну и наивен же ты. Да ведь эти револьверы эти господа петербургские офицеры сейчас же по получении продавали. Да еще умудрялись по несколько раз их получать, а потом бегали и справлялись, где это есть большевики, не купят ли они эту защиту Временного правительства. Нет, ты дурак, да и законченный к тому же! Петроградского гарнизона не знает!.. — заливался Шумаков.

Мне стало весело от этой неудержимой молодой задорности друга, и вдруг я вспомнил, что ничего еще не ел, а потому предложил ему пойти позавтракать.

— Есть не хочу, а выпить не вредно, — решил он, подымаясь и беря меня под руку.

— Выпить? — переспросил я.

В столовой никого из собранской прислуги не оказалось, и так как до обеда еще оставалось около двух часов, то мы и решили пойти на кухню и что-нибудь вымотреть на закуску к вину.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, баре-голубчики. Добро пожаловать, — приветствовала нас кривоглазая Фекла, кухарка за повара.

— Здравствуйте, красавица, — пробасил Борис. — Ага, картошечка подрумянивается. Добро. Мы вот сейчас малость закусить хотим, красавица, и за ваше доброе сердце по стаканчику вина выпить, чтобы женишок поскорее к вам заявился, — продолжал он подшучивать над кухарницей.

— Сейчас, сейчас, батюшка. Уж для вас, как для сынков родных, — сладостно пела скрипучим тонким тоном Фекла. — Да вы извольте присесть, соколики мои ясные. И куда это парни девались? Совсем народ замутился. Все одна хлопочу. И дрова принесу, и картошку очищу, а они, черти, знай семки лузгают и лясы на собраниях точат. И что это, скажите мне, Христа ради, делается на нашей православной земле, — внезапно перешла на плаксивый тон Фекла, лишь только захлопнулась дверь за ушедшим ополченцем. — В нестроевой сказывали, что будто-сь вы юнкерей рабочий народ расстреливать вести хотите... Да я веры не дала... Да еще напустилась на смутьянов-то наших. Лодыри оканные!.. Статочное ли дело, говорю, чтобы наши господа, мухи никто из них не обидел, да на душегубство пошли. Это им, треклятым, чужие погребца дай пограбить, как давеча Петровские вылакали — ироды... Лишь Павлуха мне шкалик дал... Я вот им и сказываю, что ежели да наши офицеры, уж если и пойдут, то правду одну с собой понесут, которая вам, дармоеды, глаза палит, — кипятилась Фекла, забыв о картошке и о цели нашего прихода.

Поручик Шумаков, не выносивший, в противоположность мне, болтовни на злободневные темы, начал уже рыться в ящиках стола, отыскивая штопор, как вбежал посыльный и подал записку от начальника школы. В ней нам приказывалось немедленно собрать всех наличных чинов школы в гимнастическом зале, для производства общего собрания, а также указывались некоторые меры на случай скорого выступления школы. Штопор не находился, тон записки был очень категоричен, а поэтому терять время на то, пока Фекла сбегает за другим, — не приходилось. И мы, огорченные неудачей, несолоно хлебавши покинули кухню, оставив почуявшую что-то недоброе Феклу завывать... Выйдя в коридор школы, мы расстались. Поручик Шумаков, как дежурный офицер, отправился к телефону передавать соответствующие приказания дежурным юнкерам по ротам и господам офицерам, а я помчался в канцелярию писать допуск к запасным винтовкам, находившимся под охраной караула на внутреннем балконе гимнастического зала.

В 10 часов 45 минут огромная буфетная зала, с идущим вдоль внутренней ставни балконом, была запружена юнкерами, среди которых отдельными группами разместились чины нестроевой команды. Кое-кто из господ офицеров тоже уже находились в зале, стараясь держаться в стороне от возбужденных юнкеров, стремясь этим предоставить полную свободу фантазированию на злобу грядущих событий. Я, всей душою ненавидящий этот новый сорт собраний в среде военной корпорации, с чувством глубочайшей горести и боли ожидал начала парадного представления. Я сидел и, наблюдая, мучился. А вокруг — горящие глаза, порывистые разговоры, открытая прямодушность и страстные партийные заявления. Лишь две-три малочисленные группки держались в стороне и внимательно вглядывались то в колышущуюся массу юнкеров, то на двери, в которые должны вот-вот войти члены Совета школы.

— Что призадумались, Александр Петрович? — подсел ко мне с вопросом седовласый капитан Галиевский. — Не по нутру парадное представление? Что делать, голубчик; нам, очевидно, этого не понять. Но я так думаю, раз Александр Георгиевич это дает, значит, это надо. Да и трудно в наши злые дни. Эх, не война бы с немцами — я и минутки не остался бы в этом царстве болтологии. Однако долго что-то не идут, ведь еще масса работы. — И капитан начал перечислять, что ему надо еще сделать и что и как он уже сделал.

Мы так погрузились в беседу, что не заметили, как вошли члены Совета школы, а также остальные господа офицеры школы, успевшие прибыть к этому времени. И только последовавшая при входе началь-

ника школы команда «Смирно, господа офицеры!», пропетая помощником начальника школы, вернула нас к сознанию горькой трагической действительности. В зале настала тишина и нависла всеобщая напряженность. Все смотрели туда, вперед, где перед лицом зала, на составленных подмостках от классных кафедр — располагались члены Совета и вошедший его председатель, начальник школы. Процедура открытия заседания быстро сменилась докладом о побуждениях, толкнувших Совет школы на производство такового.

Оказалось, что перед Советом школы встала дилемма разрешения вопроса об отношении к текущему моменту, требовавшему выяснения отношения школы к Временному правительству, к мероприятиям последнего в борьбе с новым выросшим злом в лице Ленина и исповедуемой им идеологии, все более и более увлекающей сырые рабочие массы Петрограда и войск. Конечно, Совет школы не колеблясь принял в принципе твердое решение следовать всем последующим мероприятиям существующего до момента открытия Учредительного собрания правительства. Ввиду особо необычного момента и положения правительства, Совет школы предложил комитетам юнкеров и нестроевой команды произвести совместное заседание по заслушанным Советом школы вопросам. Однако от означенного заседания комитет нестроевой команды уклонился, делегировав для информации своего председателя — старшего унтер-офицера Сидорова. Состоявшееся собрание приняло в принципе решения Совета, а равно постановило — произвести общее собрание школы для рассмотрения принятых резолюций. И вслед за докладом последовало чтение резолюции по подвергавшимся обсуждению вопросам. Во все время доклада в зале, собравшем в себя около 800 человек, царил жуткая по своей напряженности тишина. Ни звука одобрения, ни шелеста жестов отрицания, ничто не нарушало тишины со всасывающимися в нее мирным чтением ровного в своих нотах голоса секретаря Совета, портупей-юнкера Лебедева. Чтение кончено. Момент — и объявляется открытие прений. Вдох облегчения вырвался из сгрудившейся аудитории. Вот входит на кафедру первый оратор.

Это лидер кадетской партии школы юнкер Х. И краткий, горячострастный призыв полился к слушателям. Оратор находил не только необходимым принятие резолюции Совета школы, но и всех возможных активных, немедленных мероприятий, которые не только войдут в школу с верха иерархической лестницы власти, но о которых сейчас же надо просить начальника школы и господ офицеров школы. Порывистые требования слепого подчинения лишь офицерству школы, лишь военным законам, стоящим вне всяких советов и комитетов, вызывает бурю ап-

лодисментов и восторженный гул одобрения, за которыми оратора не слышно. Я оборачиваюсь на зал и весь ухожу в искание протеста. «Он должен быть! — говорю я себе. — Да, он там, — ловлю я легкое движение в обособившихся группах, еще ране замеченных мною. — Посмотрим и послушаем, это становится интересным», — летит мысль в голове и останавливается от звонка и от наставшего успокоения. Говорит уже новый оратор, тоже лидер, но уже эсер.

«Странное дело, — ловлю я себя на критике выступления оратора. — А где же стрелы в огород кадет? Что такое? И вы идете дальше решения объединенного заседания Совета школы и комитета юнкеров? И вы предлагаете с момента военных действий передать всю власть офицерству школы, запрещая какие-либо вмешательства членам Совета и комитета? Да, ведь это обратное явление августовскому собранию по вопросу конфликта Корнилова с Керенским, — припомнил я дико потрясшую меня речь юнкера князя Кудашева. — Ах да!.. Ведь Керенский — эсер. Он ваш. Да, да... Я теперь понимаю. Понимаю, откуда и почему теперь вы к нам, к офицерам!»

Следующее выступление вызывает гул в задних рядах зала и на балконе. Внезапно началось какое-то движение к дверям. Звонкок председательствующего не помогает. И вдруг раздаются крики. Уходят чины нестроевой команды. Оборачиваюсь к кафедре. Что-то, понуря голову, говорит унтер-офицер Сидоров. Что — не слышно. Требования из залы: «Тише, тише, громче!» — грозят остаться гласом вопиющего в пустыне, как вдруг чей-то звонкий голос с балкона покрывает весь гам.

— Громче, так громче, — орет этот голос. — Товарищи солдаты нестроевой команды постановили соблюдать нейтралитет. А так как на этом собрании решается вопрос о братоубийстве, о борьбе за капитал против свободы рабочего трудящегося народа, против нашего защитника Владимира Ильича Ленина и, значит, образованного им настоящим народного правительства, то мы, члены комитета нестроевой команды, решили вас, господ, оставить одних. Нам с вами не по дороге. Товарищи солдаты! И кто в Бога верит! Вон отсюда. И на товарища Сидорова, что там на кафедре слезки льет, не смотрите. Он враг пролетариата, так как продался буржуазии! — окончил греметь неожиданный голос.

«Чей это голос? — работала моя голова. — Я всех чинов команды знаю. О, неужели к нам сюда в школу успел проникнуть агитатор? Хотя, — вспомнил я наши порядки-непорядки, — ничего удивительного нет».

— Ай, как жалко. С собою револьвера нет. Капитан, милый, дайте свой револьвер, скорее.. — обратился я с просьбой к соседу.

Тот недоуменно взглянул на меня и слегка отшатнулся. Но очевидно, затем поняв мои переживания, схватил меня за руку и начал упрямиться выйти из зала. Однако этот момент моего порыва, продиктованного ослаблением воли, также быстро прошел, как и налетел. И мое внимание среди бури гремевшего негодованием остального большинства зала уже снова было захвачено новой картинкой. «Что еще будет?» — неожиданно уверенно говорил я себе, видя, что от обособившихся группок юнкеров отделились фигурки, направившиеся к эстраде. Вот первый юнкер 4-го взвода 2-й роты, восемнадцатилетний юноша А-к, с матовым, тонким лицом, жгучий брюнет, поднялся на кафедру и с леденящим спокойствием на лице ждет прекращения в зале шума и крика. Но это кажется безнадежным. Крики: «Товарищи юнкера, смотрите, чтобы кто из юнкеров не ушел бы за молодцами! К столбу позора таких!.. Да здравствует Временное правительство! К нему!.. Ура!..» И это «Ура» облегчило атмосферу зала, и стоявший на кафедре юнкер, поймав момент затишья, начал речь. Но хохот, покрывший первые слова оратора, анархиста-максималиста, начал расти, и он, вздернув плечами, так же спокойно сошел, как и поднялся. В этот момент вбежал в зал юнкер Х. и, поднявшись на кафедру, закричал:

— Господа, сейчас я видел Родзянко. Он просит вас, закликает встать на защиту Временного правительства от посягательства на него, на благополучие народа гостей из plombированного вагона. Сам Родзянко занят мобилизацией общественных сил для оказания правительству моральной поддержки, — выпалил юнкер и так же быстро сошел с кафедры...

«Пустяки-занятие изобрел для себя господин бывший председатель Государственной думы, — вдруг снова заработала моя мысль, но уже в веселом тоне. — Тебя, милягу, эти господчики из кабинета Временного правительства оттерли от пирога власти, а ты, сердечный, хлопотешь за них. Или думаешь этим жестом поднять свой кредит? Не знаю, кто как, а я так предполагаю, что это дешевый способ. Мобилизовать для моральной поддержки! А если все станут на точку зрения оказания поддержки лишь в форме «моральной»? Тогда и я мог бы, пожалуй, нанять десятка два хулиганов, да и теешиться себе над вами так, как вы, вместе с Гучковым, потешились над всеми нами. Красноты проклятые!»

А в это время на кафедре стояло уже двое. Никто их не слушал. В зале творилось что-то невозможное. Кто хохотал, кто чуть не плакал от надрыва в тех призывах, которых и сам не понимал. Кто требовал порядка. Президиум тоже надрывался в призыве к порядку, но ничего не выходило. Нарождался хаос. Не знаю, в фарс или трагедии

дию вылилось бы все это в дальнейшем, если бы выходивший было во время последних прений начальник школы не вернулся обратно и, с нескрываемой озабоченностью взойдя на кафедру, не пригласил бы жестом к молчанию. Как ни были перебудоражены все лучшие из господ юнкеров, это появление начальника школы сейчас же привело к порядку.

— Господа, есть новости. И я прошу спокойно отнестись к тому, что будет вам сообщено и что требует немедленного вашего решения, — начал говорить начальник школы, окончательно завладевая вниманием зала. — Помимо только что полученного приказа от Главного штаба явиться сейчас же в боевой готовности к Зимнему дворцу для получения задач по усмирению элементов восставших против существующего правительства, сюда прибыл юнкер Н. от Временного правительства с призывом к вам выполнить свой долг перед родиной в момент наитяжайших напряжений, в дни, когда заседает народившийся Совет Республики. При этом я считаю своим долгом перед вами подчеркнуть то обстоятельство, что момент крайне тяжелый, что обстановка складывается очень неблагоприятно для правительства, и поэтому для принявших решение честно продолжать нести свой долг перед родиной это может оказаться последним решением в жизни, — продолжал четко, твердо говорить начальник школы.

— Мы это решение приняли! Ведите нас туда. Мы идем за вами, и только за вами! — прервали начальника школы крики юнкеров.

— Прекрасно, господа, — среди вновь потребованного начальником школы спокойствия раздался его голос. — Прекрасно. Терять времени не будем, его у нас нет, и поэтому от слов к делу. Объявляю заседание закрытым. Совет школы и комитет юнкеров, впредь до распоряжения, объявляю распущенным. Приказываю: командирам рот немедленно отдать распоряжение о разводе рот по помещениям и приготовлении к выступлению. Форма одежды — караульная. Сборное место — двор. Сбор через 20 минут. Если обед готов, то накормить юнкеров, если нет, то пища будет выдана из Зимнего дворца. Дежурный офицер — пожалуйста ко мне. Господам офицерам через 5 минут собраться в помещении столовой. Офицерского собрания, — уловил я последние распоряжения начальника школы.

Что он говорил далее — не мог услышать из-за раздавшихся команд и распоряжений, отдаваемых командирами рот и подхватываемых фельдфебелями и должностными юнкерами. «Вот это я понимаю, это я чувствую», — анализировал я свои переживания при виде систематизировавшейся массы юнкеров в компактные, организованные по слову военного искусства группы, носящие названия взводов. «Первый

взвод, направо, шагом — марш!» — неслась команда, и мерный ритм возбужденного шага грузно повис над залом.

Через 2 минуты в зале никого не осталось, и я выходил из него с группой офицеров, окруживших начальника школы и выслушивавших различные приказания, однако не мешавшие острить и веселым смехом поддерживать легкость и ясность в настроении. Я внутренне торжествовал. «Это прекрасно, — говорил я себе, — бодрость залог благополучия; ну, сегодня уж постараюсь, пускай на фронте, в полку потом узнают, что я не подкачал чести мундира 25-го саперного батальона.

О, как хорошо бы или быть растерзанным штыками восставших после упорной борьбы, или стать ногою на горло вождей их и подсмеиваться им в физиономию над лицемерием ими того, как эти несчастные, обманутые ими люди будут восторженно приветствовать нас, своих избавителей, полные готовности, по первому нашему жесту, смести на нашем пути все, что только мы укажем. Дорогие Корнилов и Крымов¹⁷, что не удалось вам, то, Бог милостив, может быть, удастся нам!»

В столовой уже все оказалось готовым к обеду, и горячие закуски дымились посреди стола; офицеры шумно располагались за столом, продолжая, остря, комментировать всевозможные сведения, уже проникшие в школу.

Не успели мы пообедать, как в столовую вошел дежурный портупей-юнкер и доложил, что юнкера уже оделись и ожидают приказаний.

— Ну что ж. Тогда идем без обеда, — сказал начальник школы. — Господа офицеры, пожалуйста к ротам. Вы, — обратился он к находящемуся тут же, по его приказанию, поручику Б-ову, — вы будете в моем особом распоряжении, и если вы последующим поведением не загладите сегодняшней ошибки, то вам придется пенять уже на самого себя. Поручик Скородинский и вы, — относясь ко мне, продолжал начальник школы, — будьте также при мне. В школе остаются: вы, господин полковник, и вы, поручик Шумаков. Надеюсь, что у вас будет все благополучно и нестроевая команда из-под вашего наблюдения не выйдет... Вы, доктор, — обратился к вернувшемуся из кабинета доктору, — пойдете с нами. Не правда ли?... А теперь, господа, по ротам! Выводите юнкеров; стройте и пойдём...

Офицеры быстро и шумно, но без каких-либо разговоров, покидали столовую, стремясь к своим местам, к выполнению полученных приказаний. Даже вечно не умолкавший о всякого рода спекуляциях Николаев, с какой-то особой серьезностью, поправляя на ходу снаряжение, ни одним словом не обмолвился, пока мы вместе шли по ко-

ридору до канцелярии, где я и поручик Шумаков отстали от общей компании, направляясь в нее.

Я передал Борису ключи, обнялся с ним, а затем мы вместе вышли из канцелярии, направляясь на двор... «Что-то будет дальше», — начинало сверлить в мозгу.

Через полчаса я шел впереди вытянувшегося батальона юнкеров на Литейный проспект. На меня было возложено командование авангардом батальона, командование которым затем принял вернувшийся капитан Галиевский, отлучавшийся к своей семье.

На улице было тихо — ничто не предвещало грозы, и если бы сзади не остались в школе трое юнкеров, отказавшихся выступить, двое — Дерум (латыш) и Тарасюк (хохол) — без объяснения причин и третий — юнкер Вигдорчик, открыто заявивший начальнику школы, через дежурного офицера, о своей принадлежности к коммунистической партии с довоенных времен, мы бы еще бодрее шли вперед. Но постепенно воспоминание об оставшихся изгладилось, и забота о внимании к окружающей жизни заняла доминирующее положение в направлении мыслей. Но все было обычно, буднично. И мысль невольно возвращалась к ранению самого себя поручиком Хреновым, о чем он прислал рапорт из дому, где это случилось при зарядке револьвера, за которым он было побегал.

«Черт возьми! Извольте вот теперь командовать его ротой! Странно — но бывает!» — сделал я вывод и принялся объяснять юнкерам принятую батальоном форму построения. Подходя к Сергиевской, я получил приказание от командующего батальоном выслать вперед заставу с дозорами, которым приказывалось вступить в бой без всякого размышления. Это было кратко, но ясно, и поэтому, выделив 1-й взвод от своей 2-й роты, я, лично став во главе его, быстро, ускоренным шагом, значительно продвинулся вперед. Но вот снова получается приказание идти не к Марсову полю, а на набережную Невы, так как по донесениям разведчиков на Марсовом поле происходят митинги солдат Павловского полка.

Подходя к мосту, у меня от внезапно пробежавшего в мозгу вопроса: «А кто эти стоящие около него», — сильно запульсировало сердце.

— Будьте внимательнее и спокойнее, — сказал я вслух юнкерам! — Может быть, придется действовать.

— Слушаемся, — кратко ответили они.

Для придачи большего безразличия к окружающей обстановке, значит, к стоящей на посту у моста группе часовых я, вынув из портсигара папиросу, небрежно зажал ее зубами и закурил... Поравнялись. От группы вооруженных и винтовками, и гранатами отошел один из

солдат и, подойдя вплотную, справился, куда идем. В ответ я задал вопрос, что они тут делают.

— Мост от разводки охраняем! — ответил солдат-артиллерист из гарнизона Петропавловской крепости.

— Ага, прекрасно! — внутренне радуясь тому, что Петропавловка пока еще не потеряла головы, похвалил я солдата и сейчас же пояснил ему, указывая на приближающихся юнкеров авангарда, что Школа прапорщиков инженерных войск также выполняет свой долг перед Родиной и идет в распоряжение Временного правительства. — А как ведут себя павловцы? — справился я.

— Сперва митинговали, а потом в казармы зашли. Решили нейтралитет объявить, но караулы выставили. Вон гуляют! — указал в сторону Марсова поля артиллерист.

— Ну, всего вам хорошего, — пожелал я часовым, и мы направились дальше.

И скоро свернули на площадь перед Зимним дворцом. Представшая картина ландшафта этой огромной площади меня обидела. Площадь была пуста.

— Что такое! Отчего так пусто? — невольно сорвалось у меня с языка.

Юнкера молчали. Я взглянул на них. Легкая бледность лиц, недомысленная растерянность ищущих взглядов красноречивее слов мне рассказали о том, что родилось у них в душе. Ясно было, что они еще более меня ожидали встретить иную обстановку. Желая поднять их настроение, я воскликнул:

— Черт возьми, это будет очень скучно, если из-за опоздания мы останемся в резерве... Ну так и есть... Смотрите, у Александровского сада и там, у края площади перед аркой, бродят юнкерские патрули.

«Ясно, что части здесь были уже в сборе и сейчас уже выполняют полученные задачи... В окнах Главного управления Генерального штаба выглядывают офицеры. Значит, там происходят занятия, а следовательно, обстановка несравненно спокойнее, чем то обрисовывали на школьном собрании», — делал я выводы, впиваясь взглядом во второй этаж знакомого здания, где еще несколько месяцев назад я старательно корпел за столом.

— Что же наши не идут? Юнкер Б., взгляните на колонну и, если она остановилась, отправьтесь и доложите по цепочке, что все благополучно и что я ожидаю приказа. Я же буду перед памятником, — отдал я распоряжение одному из юнкеров.

Юнкер оживился и с энергичным поворотом отправился исполнять полученное приказание. В этот момент со стороны Александровского

парка, перейдя дорогу, подошел юнкерский 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков дозор. Старший дозора остановил дозор, командовал «Смирно!» и направился ко мне. Я принял честь как должное приветствие в нашем лице мундира нашей школы и потому, желая ответить тем же, подал и своим двум оставшимся возле меня юнкерам: «Смирно!»

Легкая судорога удовольствия, промелькнувшая на крупных лицах юнкеров дозора, указала мне, что карта мною бьется правильно.

— Что хотите, портупей-юнкер? — спросил я вытянувшегося старшего дозора.

— Разрешите узнать, какой части и цель вашего прибытия сюда, — твердо, на густых нотах ответил вопросом старший дозора.

— Передовой дозор идущего сюда в распоряжение Временного правительства батальона Школы прапорщиков инженерных войск, — с чувством бесконечного сознания всего веса, должного заключаться в названии и значении той части, в которой протекает служба Родине, твердо, но фальцетом ответил я. — Скажите, портупей-юнкер, — сейчас продолжал я свой ответ, переходя на вопрос, — скажите, вы давно здесь? Ваша школа? И какие еще части и школы были тут и куда они делись? Мы, к сожалению, кажется, запоздали. Вообще, что слышно нового?

— Никак нет, вы не опоздали. Плохо... — с набегавшей улыбкой горечи начал было портупей-юнкер, но сейчас же, спохватившись, желая, очевидно, скрыть мучившие его душу сомнения, в искусственно бодром тоне продолжал: — Очевидно, еще соберутся. Слава Богу, что вы пришли, это подымет настроение. И во дворце говорили, что казаки сюда идут и войска из Гатчины... А покамест у нас тут сперва стояли одиночные посты, но так как утром у Александровского парка группа рабочих обезоружила и избила двоих, то теперь мы несем дозоры.

— Вот оно что. Прекрасно. Мы быстро устроим границы должного поведения для господ хулиганствующих. Эх, черт возьми, разрешили бы арестовать Ленина и компанию, и все пришло бы в порядок. Ну, всего вам хорошего, господа. Надеюсь, совместной работой останемся довольны, — уже на ходу закончил я свою случайную беседу со встретившимся дозором, направляясь к памятнику, чтобы собою обозначить правый фланг расположения для имеющего в каждый момент подойти батальона нашей школы.

Действительно, только мы подошли к памятнику, как из-за оставленного нами угла показались первые ряды юнкеров. Спокойствие и гордость от начавшей обрисовываться в воображении картины встречи с представителями власти и руководства судьбой Родины сразу за-

хватили меня. И то обстоятельство, что площадь была пуста, что около парадного главного входа во дворец нелепо лежали неизвестно откуда свезенные поленья дров, что около этого входа и у подъезда в здание Главного штаба стояли малочисленные группы людей частью в военной форме, частью в штатских костюмах — как-то эти перечисленные обстоятельства уже иначе укладывались в моей голове, рождая в ней представление о солидности в отношении к совершающемуся со стороны правительства. Холодное спокойствие в принятии мер воздействия — лучшая ванна для протрезвления умов заблудших. В этом спокойствии есть своеобразная красота.

При появлении на площади головной части нашего батальона группы людей у подъездов начали увеличиваться. Кое-кто из одной группы перешел в другую. Это дало новый поворот моим мыслям. «Наше прибытие обсуждается. Значит, положение серьезнее, чем это было бы желательно. Очевидно, мы им нужны как воздух, — повторял я оценку возникшим новым соображениям по отношению неведомого мне положения в городе. — Что же, очаровательно! За нами дело не стоит. Пускай скорее дают задачу и полномочия, а там будет видно, на чьей улице будет праздник», — гордо думал я, любясь чистотой передвижения втянувшегося на площадь батальона и принимавшего построение в развернутый фронт, лицом к Зимнему дворцу и правым флангом к Главному штабу Петроградского военного округа.

Построения закончились. Раздалась команда: «Стать вольно». Наблюдавшие за построением начальник школы с поручиками Ск. и Б. направились к Главному штабу. Ко мне, на правый фланг фронта, перешел капитан Галиевский... Меня потянуло к нему.

— Не густо... — встретил он меня замечанием.

— Образуется, — в тон, лаконично ответил я.

— Равняйся! — неожиданно командовал он, поворачиваясь к линии фронта.

Я быстро взглянул по направлению к штабу.

К нам приближалась группа лиц, в центре которой, часто беря руку под козырек, отвечал на чьи-то вопросы наш начальник школы. Было ясно, что с ним идет «начальство». «Интересно, выйдет ли Керенский», — не находя знакомой фигуры в приближающейся группе, мелькнул вопрос.

— Господа офицеры, пожалуйста сюда! — вслед за командой «Вольно» раздалось приказание начальника школы, отрывая меня от размышлений.

Офицеры покинули свои места в строю и, окружив полукольцом озабоченное «начальство», строго официально вглядывались в их лица.

Пододошедший в этот момент один из офицеров Главного штаба, обращаясь к начальнику школы, попросил его отойти в сторону Главного штаба.

— За начальника школы ухватились! — прошептал кто-то сзади меня свое впечатление.

— Это мы сделаем карьеру! — также шепотом произнес другой голос.

— Господа, господин военный комиссар при Верховном Главнокомандующем поздоровается с юнкерами, — почти сейчас же, возвращаясь обратно в сопровождении очень высокого, худощавого штатского, бросил нам начальник школы. — Нет, нет, вы оставайтесь здесь, — остановил начальник школы попытавшихся было направиться в строй офицеров, лично же направляясь к юнкерам, в сопровождении все того же штатского. — Батальон, смирно! — скомандовал начальник школы. — Сейчас вас будет приветствовать господин военный комиссар при Верховном командовании, поручик Станкевич¹⁸. Господин комиссар... — обращаясь к поручику Станкевичу, начал было соответствующий уставу рапорт начальник школы.

Но продолжение церемонии рапорта военный комиссар отклонил и, приподымая штатский головной убор, обратился к юнкерам школы:

— Я счастлив видеть вас, товарищи-граждане, здесь, в момент напряжения всех усилий членами Временного правительства на пользу великой нашей революции. Я рад, что некоторым образом родная мне школа... Старший курс должен помнить меня... Я был в вашей школе в числе ваших офицеров, пока революция не позвала меня к новому делу... в армии. Я сейчас приехал из армии. И я свидетельствую вам, что вера армии в настоящий состав правительства, возглавляемого обожаемым Алекс. Федор. Керенским, необычайно сильна. Дело борьбы за Россию с немцами также в армии сейчас стоит на должной высоте. И вот, в этот момент под стройное здание величайших усилий правительства обезумевшими демагогами, помнящими лишь свои партийные расчеты, подводится предательская мина. Везде царит вера в ясную будущность России, ведомой стоящим на страже революции правительством к победе, без аннексий и контрибуций, над сдающим уже врагом. И только здесь, в столице, в красном Петрограде, готовится нож в спину революции. Я рад и счастлив приветствовать вас, так решительно и горячо, без колебаний, отдающих себя в распоряжение тех, кто единственно имеет право руководства жизнью народа до дня Учредительного собрания. Да здравствует Учредительное собрание! Ура!

Когда стихли вызванные речью военного комиссара крики «Ура», комиссар, отирая платком капли выступившего на лбу пота, продолжал свое приветствие.

Но продолжение было уже значительно короче. В нем военный комиссар высказал уверенность, что товарищи-граждане юнкера окажутся такими же доблестными защитниками дела революции, какими оказались на фронте те товарищи-граждане офицеры, которые раньше кончили эту родную ему школу.

— Да, да, вы правы, господин военный комиссар, — согласился я с ним в этой части его речи.

— Александр Петрович! — обратился ко мне капитан Галиевский, — я вижу, вам очень нравится речь; вы знаете, кто это? Это — один из бывших преподавателей полевой фортификации у нас в школе. Величайшая бездарность, сумевшая, однако, быстро сделать карьеру. Вам, наверное, приходилось слышать также об учебнике по полевой фортификации, недавно изданном Яковлевым, Бартошевичем и им. Он в этой книжечке яковлевской стряпни срисовал несколько где-то на фронте позаимствованных чертежиков. И после этого вообразил себя чуть ли не профессором академии...

— Ну, поехали, капитан! — вмешался в разговор поручик Скородинский. — Я хорошо знаю поручика Станкевича — это удивительно милый и чуткий человек. Правда, он очень увлекающийся, но зато искренний. А что он сделал карьеру — это не удивительно. Теперь его партийные друзья на верхах власти и, конечно, своих приспешников, чай, не забывают, — закончил Скородинский, отходя от нас.

— Тоже карьеру сделает, — мотнул головою в его сторону мой собеседник и, видя, что я никак не реагирую на его сведения, замолчал.

— Очень приятно встретиться с вами, господа, — между тем, мягко улыбаясь и порывисто пожимая руки некоторых из бывших своих сотоварищей по деятельности в школе, просто и искренне здоровался военный комиссар. — Я прямо из Ставки, — продолжал он. — Какая разница с вашим питерским настроением. Но это ничего... я полагаю, мы быстро уладим все шероховатости и вам снова можно будет вернуться к более мирному продолжению вашей продуктивной, полезной работы. Ваши бывшие питомцы отличаются на фронте, и пехота их высоко ценит... Владимир Станкевич, — протянул, наконец, и мне руку военный комиссар.

— Александр Синегуб, — в тон представился я.

— Это наш новый офицер, недавно с фронта, — зачем-то нашел нужным прибавить поручик Б.

— Да, у вас, я вижу, есть новые лица! — ответил ему военный комиссар.

— Александр Петрович! — окликнул меня поручик Скородинский.

— Что скажете? — обернулся я к спешившему ко мне поручику.

— Начальник школы вас требует. Работа есть. Счастливчик! — ласково улыбаясь, передал он мне приказ начальника школы.

— А где начальник? — обрадованно заторопился я.

— Вон там, около группы Багратуни у Главного штаба, — указал мне поручик на местонахождение начальника школы. — Явитесь к военному комиссару при Верховном командовании, поручику Станкевичу, — подчеркивая титул служебного положения поручика, мягко, но с особой, свойственной ему манерой отдавать так приказания, что они, для получающего таковые, приобретали значение сверхстепенного значения, проговорил он — Ах, вы здесь! — продолжал он, уже обращаясь к подошедшему в этот момент военному комиссару. — Вот, согласно вашего желания и приказания Главного штаба, я предоставляю в ваше распоряжение полуроту юнкеров, под командой поручика Синегуба. Я вам даю самого опытного офицера, недавно только прибывшего к нам в школу с фронта. Надеюсь, поручик, — снова отнесся начальник школы ко мне, — вы учтете всю серьезность значения оказываемой вам чести предоставления выполнения тех задач, которые вы будете получать непосредственно от господина военного комиссара и исполнять которые будете как мои личные приказания.. — в упор смотря мне в глаза, добавил начальник школы.

— Слушаю-с, господин полковник; а какую полуроту прикажете взять?

— Капитан Галиевский получил приказание, и он вам предоставит таковую!

— Слушаю-с! Разрешите идти?

— Да, с Богом! — весело ответил начальник школы, протягивая мне руку и делая шага два вперед, приблизился вплотную ко мне и вдруг, понижая голос, быстро проговорил: — Дело крайне серьезно. Соберите все внимание. И чаще присылайте донесения мне и капитану Галиевскому. — И, переходя на обычный тон, продолжал: — Все указания спрашивать у господина военного комиссара. Ну, в добрый час! Берегите юнкеров! — отпустил меня начальник школы.

— Господин военный комиссар, — обратился я, поворачиваясь к комиссару и беря руку под козырек, — поручик Синегуб, по приказанию начальника Петроградской прапорщиков инженерных войск школы, представляется по случаю назначения в ваше распоряжение.

— Очень приятно, — принимая честь, любезно ответил военный комиссар, — я попрошу вас немедленно выступить. И так слишком много времени потеряно, — нервно смотря на часы, бросил замечание военный комиссар.

— Слушаю-с! Разрешите построить и куда прикажете вести и какое будет назначение?

— Я буду с вами. Мы пойдем в Мариинский дворец на охрану заседающего в нем Предпарламента, так как по имеющимся сведениям готовится обструкция и выступления против заседающих. Скорее стройте юнкеров, — нервно закончил комиссар.

— Слушаюсь! — заражаясь необходимостью спешить, я бегом направился к батальону юнкеров.

— Александр Петрович, — встретил меня поручик Мейснер, — ваша полурота готова. Я назначен командовать второй полуротой, в качестве резерва для вас, голубчик, если надо, вызывайте меня скорее, — весь оживляясь, попросил поручик.

— Спасибо, хорошо, обязательно. Подождите, еще много будет дел. А что, патроны будут выдавать? — вдруг с ужасом вспомнил я отсутствие этой соли нашей сущности.

— Патроны? Во дворе их надо получать. Там большой запас. Я сейчас доложу капитану Галиевскому, — бросаясь к командующему батальоном, ответил поручик.

— Полурота, равняйся! — принялся я между тем отводить свою полуроту от батальона.

— Послушайте, поручик, — подходя ко мне, заговорил военный комиссар, — постройте мне так юнкеров, чтобы все могли слышать меня без повышения мною голоса.

«О, черт возьми, опять разговорчики. Да ведь вам спешить надо... Хотя это на руку — патроны поднесут..» — промелькнуло успокаивающее соображение.

— Слушаюсь! — уже вслух ответил я и принялся строить полуроту в каре.

Военный комиссар выждал эволюцию фронта и начал говорить:

— Господа, в данное, исключительно тяжелое время для Революции и страны свершилось событие огромной исторической важности. В залах Мариинского дворца заседает цвет нашей мысли и гордость наших чаяний — Совет Республики. Я был там и видел их святую работу над укреплением завоеваний Революции и выводом страны на тот путь величественного шествия к счастью, которого только достойна демократия мира. Я видел, как, забыв все личное, забыв даже о еде, сидят над разрешением вопросов те, кто не только является гордос-

тью нашей мысли, но и творцом дела дружественного, творческого сожительства демократий всего мира. И их работа, верьте мне, еще священнее, чем защитников нашей великой страны, выбросившей впервые миру такие лозунги, как война до победного конца, без аннексий и контрибуций. И вот, товарищи-граждане, в этот момент демагогическая злобность, посеянная Лениным и разжигаемая врагами революции и страны, готовится стать катастрофичной для Революции. Опьяненные демагогией отбросы рабочего мира готовятся произвести срыв происходящего заседания Совета Республики. Спокойствию в творческой работе, в часы ее максимального напряжения, грозит опасность. А между тем дорог каждый час этого труда, результаты которого в бесконечном волнении ожидают и армия, и демократия. И вот, дорогие товарищи-граждане юнкера, вам предоставляется высокая честь охранить спокойствие работы Совета Республики. Я счастлив, что могу вас поздравить с назначением в караул Мариинского дворца. И я убежден, что это будет лишь почетным для вас служением Революции и стране и что дело до применения оружия не дойдет, так как, если массы хулиганствующих увидят вас на постах у дворца, они только побурлят и разойдутся.. — застенчиво улыбаясь, закончил свою речь военный комиссар.

«Разлука ты, разлука, чужая сторона», — навязчиво ныло у меня в ушах при вслушивании в речь оратора. — Ей-ей, вы житель какой-то подлунной планеты, но не земли. У вас нет времени, а вы продолжаете его тратить на то, что, право, удивительно просто и ясно. К чему?»

И как бы в ответ на мои мысли, сзади раздалось обращение ко мне:

— Господин поручик, разрешите доложить, что мы хотим есть, а там у дворца юнкера получают хлеб.

«Ага! Сейчас кончит комиссар говорить, я попрошу разрешения запастись хлебом».

— Вот что нас губит, — вдруг обратился ко мне юнкер N.

— Тише! Бросьте! Вы же строю! — оборвал я не выдержавшего юнкера. — Пускай делают что хотят, лишь бы мы сами не забыли о Родине, — уже смятаясь, добавил я.

— Господин военный комиссар! — как только последний кончил говорить, обратился я. — Разрешите получить хлеб — его здесь рядом выдают, юнкера сегодня еще не ели.

— Да, да, только скорее! — дал согласие военный комиссар с несколько озабоченным выражением лица, очевидно от мелькнувшей мысли, что слушать и прекрасные песни на пустой желудок не особенно весело.

Пока юнкера получали хлеб, я получил ответ о патронах. Патроны действительно были, но на выдачу требовалось распоряжение из Главного штаба. От кого же это должно было изойти и кто должен был их выдать, пока, несмотря на все усилия поручика Мейснера, выяснить не удавалось.

«Вы не можете себе представить, какой там внутри царит кавардак, — указывая на дворец и здание Главного штаба, рассказывал поручик. — Я ни от кого не мог добиться ни одного путного указания. Начальник штаба посылает к адъютантам; те к коменданту дворца, а последний к начальнику штаба. Черт бы их всех драл, сволочь штабная!» — вспылал поручик. «Хороши гуси. Не беда. Я доложу Станкевичу, пускай распорядится, на то он, кстати, и комиссар, чтобы за порядком наблюдать». Военного комиссара уже осаждала какая-то группа из военных и штатских.

— Ну что, готовы? — встретил он меня вопросом.

— Так точно. Хлеб получен. Вот не могу получить патронов.

— Патронов? Зачем? — перебил меня комиссар.

— У нас мало. По пятнадцати штук на винтовку. Пулеметов и гранат совсем нет. Обещали выдать здесь, но добиться...

— Это лишнее, дело до огня дойти не может. И пятнадцати штук за глаза довольно. Идемте, ведите роту. Дорогу знаете во дворец? Прямо по Морской. А придя во дворец, вы хорошенько ознакомьтесь с постами и решительно прикажите огня без самой крайней необходимости не открывать. Я буду сам все время там, так что вы можете быть спокойным. А если и подойдет к Мариинскому дворцу какая-либо хулиганствующая толпа, то, право, для укрощения ее достаточно одного вида юнкеров, стоящих на постах с винтовками. Вот внутри дворца надо быть начеку. Я боюсь, чтобы кто не устроил обструкцию в зале заседаний и не произвел паники. Стройте во взводные ряды и идемте, — подойдя к полуроте, распорядился военный комиссар.

Мы двинулись. Юнкера, сперва молчаливые, теперь вполголоса делились впечатлениями. Только военный комиссар весь ушел в какую-то беседу с сопровождавшими его офицером, штатским и двумя юнкерами из членов Совета школы, зачем-то ему понадобившимися.

«Не выслать ли вперед разведку? — подумал я, выйдя на Морскую. — Хотя это зачем же? Ведь достаточно же ясно заверил военный комиссар, что с боевой точки зрения — все спокойно. А кроме того, если впереди и окажется что-нибудь скверное, то ведь, слава Богу, какая у меня силаща, вы, мои хорошие господа юнкера, плохо владеющие винтовками, и вы, господин военный комиссар».

«— Раз, два!.. Тверже ногу!.. Ноги не слышу! — словами команды попытался я оторвать себя от легкомысленных дум и вдруг рассмеял-

ся — у одного из юнкеров выпал из-под мышки несомый им хлеб. Смущенный своею неловкостью, юнкер выскочил из строя за покотившейся по серому глянцу цементной мостовой буханкой хлеба.

— Куда? — завопил отделенный командир. — Из строя, без разрешения? На место!

«Ха-ха-ха...» — смеялись юнкера. «Ха-ха-ха» — заливались, обрадовавшись случаю, остановившиеся на тротуаре две девушки, по костюмам и кричащим манерам определенно принадлежавшие к категории заблудших созданий.

— Да, посматься есть отчего, — говорил я фланговому юнкеру, — юнкера в боевой готовности, и с хлебами под мышками, и на Морской.

— Остановитесь! — догоняя меня, быстро отдал распоряжение военный комиссар. — Оставайтесь здесь, я зайду на телефонную станцию попытаться произвести смену находящегося там караула, который, по полученным сведениям, перешел на сторону ленинцев, — сообщил мне свое намерение военный комиссар.

Я остановил полуроту. Пока военный комиссар переходил улицу, к нам подошел какой-то офицер и стал возмущенно рассказывать о том, что сегодняшней ночью у Петроградского коменданта из стола выкрали пароли и отзывы караулов Петроградского гарнизона. И вот сегодня в час смены на телефонную станцию проникли большевики. Но они еще скрывают это для того, чтобы перехватывать телефонные разговоры правительственных органов и членов Совета Республики.

Возбужденное описание нервно настроенным офицером казалось хотя и интересным, но крайне сомнительным. Особенно меня настраивал против рассказа вид рассказчика. Бегающие глаза, тонкий, визгливый голос, резко подчеркивавший простоту стиля фраз, и приказчиьи ухватки, заменявшие ему манеры, буквально били по нервам.

«Что-то нечистое здесь, — закопошилось в голове в результате интуитивного отрицания навязчивой убедительности особы в офицерской форме. — Не от вас ли узнал такую необычайную новость, господин военный комиссар? Боже мой, надо скорее его предупредить. Ведь он — сама наивность!»

— Они отказываются добровольно освободить телефонную станцию, — озабоченно проговорил военный комиссар. — И я решил произвести смену силою. Оставьте половину юнкеров с офицером здесь, приказав следить за воротами и окнами, а с другой половиной вы продвиньтесь вперед и уже с той стороны ворот ведите наблюдение за нею. Отделите мне нескольких юнкеров, и я попытаюсь с ними проникнуть на станцию. Землячки увидят, что с ними не шу-

тят, и сразу сбавят тон. Там караульный начальник какой-то прапорщик; очевидно, он все и мутит, — высказал свои соображения военный комиссар.

«А кто ему подал пример и кто его этому научил?» — подумал я, услышав тон глубочайшего пренебрежения, с которым было произнесено: «какой-то прапорщик». Но забота выполнения полученного приказа оказалась сильнее всяких философствований, и я, отделив первое отделение 1-го взвода в распоряжение военного комиссара, начал производить по улице соответствующее передвижение для получения лучшего надзора за зданием телефонной станции, а в случае надобности и ее обстрела.

Прапорщик Одинцов-младший, оставаясь на том же расстоянии от здания телефонной станции, построил свой 2-й взвод 2-й роты поперек Морской, во всю ее ширину фронтом к Мариинской площади. Я же, перейдя с тремя отделениями 1-го взвода фасад телефонной станции, принял то же построение, но фронтом в обратную сторону, в сторону Невского проспекта.

Из безвинтовых юнкеров я создал команду связи. Между тем военный комиссар с юнкерами 1-го отделения 1-го взвода подошел к воротам станции, но они оказались уже запертыми. И я, стоя на тротуаре, впереди правого фланга своего взвода, старался предвосхитить у военного комиссара выход из создавшегося положения, которое, наконец, меня убедило, что на телефонной станции действительно находятся приверженцы Ленина и К°. «Вот у кого надо, оказывается, учиться энергии. И откуда только у них такое руководство? Интересно, как бы вы объяснили это теперь? — мысленно обращаясь я к всплывшей в памяти картине ночного совещания 19-го в «Колхиде». — Начало не дурное, — просмаковал я решительность действий господ подпольщиков. — Теперь дело за нами. Однако что же предполагает предпринять военный комиссар», — в нетерпении вглядываясь в окна и ворота станции, топтался я на месте.

Та-та-та-та — вдруг резко разрезался воздух визгливо стучащим свистом, родившим представление о железных, зелено-темных и красно-бурых крышах домов, которые с силою полили металлическим градом, отчего переливающиеся дробью отзвуки становились коротко-сухими. Та-та-та-та — поплыла вдоль Морской новая волна дробящих отзвуков, отбивая от себя какой-то захватывающий дыхание мысли холодок.

«Что такое? — пришел я в себя от мгновенной внезапности ударивших по нервам звуков. — Пулеметный огонь! Откуда? По нас?» И я быстро обернулся, ища пешего или конного врага в том конце

Морской, который выходил на Мариинскую площадь. «Там бой», — мелькнула мысль, но под ощущением уловленных слухом новых, более близких, знакомых звуков, — представившаяся было в воображении картинка расстрела Мариинского дворца уплыла вдаль, а на месте ее родилась большая тревога, колко жавшая сердце. «Это стреляют по юнкерам. Стоять так нельзя. Слишком большая цель...» — работала мысль.

— К стенкам домов! Далеко не распространяться! — крикнул я приказание юнкерам.

Тревожное недоумение, сковавшее было юнкеров, мгновенно прошло, и они, повинуясь словам команды, вмиг рассыпались по тротуару, становясь спинами к стенкам домов.

— Зарядить винтовки! — вслед отдал я приказ, в то же время соображая, куда лучше стать самому, чтобы не выпустить из рук командование полуротой.

«Никто не упал — значит, стрельба демонстративная и в воздух. Но где же военный комиссар и его юнкера?» — окидывая взглядом улицу, точно по мановению волшебного жезла ставшую жутко пустой, спрашивал я себя. Но в первые секунды осмотра сторон улицы я его фигуры не находил. «Что такое? Неужели я так растерялся, что не вижу военного комиссара», — мелькало в голове. Но, замечая в то же время, как нервно прижимались некоторые из юнкеров к каменным стенам домов и стальным жалюзи, спустившимся на окна витрин, что придавало этому участку Морской впечатление глубокой, холодной могилы, — во мне проснулось чувство дикой обиды и злобы.

«Воспользоваться горячностью порыва молодых сердец и без сожаления принять их безрассудное самопожертвование. Ужасно! Ведь некоторые не умеют заряжать винтовки, — содрогалась мысль при виде, как один юнкер тщетно старался утопить патроны в магазинную коробку винтовки. — Как куропаток перестреляют нас из окон и с крыш, если только окажется это им выгодным и если есть достаточно для этого средств. Проклятие! Какое жалкое, унижительное положение! Хотя бы открыли настоящий огонь и убили бы меня», — со злобой глядясь в чердачные окна, смалодушничал я.

— Ах, вот и комиссар! — И я пошел навстречу к нему, идущему ко мне. — Я все не могу определить, откуда и где стрельба. Боюсь, что на Мариинской площади бой идет. Не отправиться ли туда? Здесь сейчас ничего так не сделаешь! — обратился я к нему.

— Ничего, это пустяки. Вы приведите в больший порядок юнкеров и продолжайте осаду станции. Огня не открывайте, пока они сами не станут стрелять по вас. А я отведу ту часть юнкеров к углу

Невского, чтобы не допустить сюда могущих явиться на выручку караулы красногвардейцев. Я убежден, что на станции сейчас переполох, так как не могут они знать, кто открыл стрельбу и кто берет верх, а видя, что здесь находятся юнкера, они даже скорее решат, что их дело проиграло и они сдадутся, — говорил мне военный комиссар.

— Слушаюсь! — отвечал я с радостью, черпая в словах военного комиссара уверенность, что эта стрельба идет со стороны верных долгу частей, выполняющих, очевидно, порученную им задачу.

«Наверное, гвардейский экипаж или семеновцы очищают Мариинскую площадь от демонстрирующих толп, — заработало мое воображение. — Надо будет и в сторону площади принять меры предохранения. И если сюда бросятся бегущие толпы, то заарестовать. А чтобы было удобнее и планомерно это выполнить, займу углы Гороховой», — принял я решения и пошел передавать соответствующие распоряжения начальникам отделений.

Через несколько минут стрельба затихла. А еще спустя немного времени на улице появились любопытствующие и случайные прохожие. Юнкера с винтовками наготове бодро обменивались замечаниями, внимательно глядя со своих мест на углах улиц Морской и Гороховой вдоль них и следя за воротами и окнами станции. Я же с гордостью расхаживал по цементной мостовой. «Больше непринужденности в виде! — говорил я себе. — На тебя смотрят не только юнкера, но и землячки караула. И чем ты спокойнее и довольнее, там страшнее им», — продолжал я кокетничать с собою.

«Но, черт возьми, какая гладкая мостовая. Вот бы наши кирки-мотыги, и устроить бы здесь окопчики для пулеметов. Ах да, пулеметов. Надо послать донесение к начальнику школы, что мы перешли к боевой задаче, и попросить прислать пулеметы и пироксилиновых шашек для взрыва ворот телефонной станции». И я, вызвав юнкера связи, передал ему написанное донесение для доставки в Зимний дворец.

Эта моя мера вызвала еще большее оживление у юнкеров, и я с наслаждением наблюдал за все растущим усвоением создавшегося положения. «Молодцы друзья», — созерцая выражения лиц, мысленно подбадривал я их, по временам произнося те или иные замечания.

Расхаживая таким образом по улице, я одновременно не упускал из внимания закрытых ворот станции. «Что-то там творится. Пожалуй, военный комиссар прав, и там теперь каются в своем промахе и обсуждают, как исправить свой поступок. Не хотел бы я быть на вашем месте, — всматриваясь в окна, соображал я. — Ага, открывается дверь в воротах — уж не делегация ли?» — мелькнуло радостное

предположение, и я сделал несколько шагов вперед к воротам, приглашая юнкеров к усилению внимания.

Юнкера, стоявшие по сторонам ворот, взяли винтовки на изготовку. Я потихоньку расстегнул кобуру, а затем руки засунул в карманы.

«Ну-с, выходите», — внутренне торопил я, жадно впиваясь в расширяющуюся щель отворяемой вовнутрь двора двери. Наконец высунулась круглая голова на короткой шее. Глаза напряженно забегали, осматривая улицу. Затем голова на мгновение обернулась назад, показав коротко подстриженный затылок, и снова повернулась к нам, подавшись вперед, обнаруживая плечи с офицерскими прапорщицкими погонами.

— Выходите, прапорщик, — любезно предложил я, — юнкера стрелять не будут, — предупредительно добавил я, видя, как глаза его косились то вправо, то влево на винтовки юнкеров.

— Посмотрел бы я, как вы стали бы стрелять! — задорно крикнул он. — Ступайте вы лучше по домам, пока не поздно, а то будет худо! — продолжал он.

— Тише, прапорщик! Больше спокойствия. Вы же видите, что с офицером разговариваете! Нечего дурака ломать! И поверьте мне, право, лучше будет и более достойно для вас, если вы добровольно впустите нас на станцию. Подумайте хорошенько над тем, что вы делаете и куда ведете людей!

— Что вы хотите? — меняя тон, задал он вопрос.

— Нести караульную службу на станции.

— Я ее несусь...

— Я не знаю, как и почему вы ее несете, но мне приказано военным комиссаром при Верховном командовании армией сменить ваш караул.

— Дайте пароль и приказание коменданта — я не знаю, кто вы? — прищурился прапорщик. Сзади него раздался смех. — Тише, товарищи, мешаєте разговаривать! — осторожно оборачиваясь, сказал он.

— Вы, очевидно, только сегодня налепили на себя погоны! — съязвил я.

— Неправда, я их получил на фронте, а не в тылу! — презрительно окидывая взглядом надетое на мне мирного образца пальто с серебряными погонами, съехидничал юный прапорщик.

— Жалею вас, что теперь вам приходится их пачкать изменой присяге!

— Неправда, я не изменяю присяге, и я иду за народом, а это вы продались прислужникам капитала, одевшимся в социалистическую тогу. Эта вы губите народ. Э, да что с вами толковать! Убирайтесь

подобру-поздорову, а то мы вам пропишем, где раки зимуют! — возбужденно махая револьвером, снова закипятился прапорщик.

— Послушайте, — не вытерпев, прикрикнул я на него, — я раз сказал уже, чтобы вы приличнее разговаривали... Что за хамская манера махать руками, — вынимая из кармана руку с портсигаром и беря из него папиросу, продолжал я. Мое внешнее спокойствие подействовало на него, и он опустил револьвер.

— Вот что, — заявил он, — я даю вам пятнадцать минут на размышление. И если через 15 минут вы со своими юнкерами не уйдете, то пеняйте на себя! — закончил он и исчез за дверью.

Я закурил вынутую папиросу. «Что же, однако, делать? Так стоять — это скучно. А любопытно, что делается сейчас на Мариинской площади? Пулеметы молчат и лишь идет одиночная ружейная стрельба. Черт возьми! Наверное, много убитых. Эх, Ленин!.. А еще идеалист. Идти к осуществлению земного рая по трупам людей и лужам человеческой крови! Ничего тогда твой рай не стоит! Шулер ты политический, а не идеолог!» — снова вернулось философское настроение ко мне.

— Ну, что у вас? — подходя ко мне, задал вопрос военный комиссар.

— Да вот, пробовал убеждать караульного начальника согласиться на смену; но он, в свою очередь, требует, чтобы мы ушли, и дал четверть часа на размышление. А что, нового ничего не слышно? — в свою очередь заинтересовался я.

— Не важно. Многие части держат нейтралитет. Некоторые же примкнули к восставшим. Рабочие Путиловского и Обуховского заводов идут в город. Надо станцию скорее взять. Во что бы то ни стало ее надо занять, а то операционный штаб восставших слишком широко пользуется телефонной сетью, и наоборот — правительственные органы лишились этой возможности. А стрельба затихает, — заметил в раздумье военный комиссар.

В этот момент появился юнкер связи от прапорщика Одинцова и доложил, что на Невском появились какие-то патрули и что на Мойке у мостов рабочие начинают строить баррикады.

Услышав доклад, военный комиссар сразу оживился.

— Продолжайте убеждать сдаваться — а я пойду узнаю, в чем дело, — заторопился он.

— Слушаюсь. Разрешите потребовать на всякий случай из Зимнего дворца подкрепление, по крайней мере вторую полуроту. Пулеметы и пироксилин я уже вытребовал! — доложил я.

— Попробуйте. Не думаю, чтобы было что присылать. Смотрите же, первыми огня не открывать. Это может все дело испортить. По-

том будут кричать, что мы первые открыли стрельбу и что мы идем по стопам старорежимных городских: стреляем в народ, — закончил военный комиссар и быстро зашагал к Невскому.

«Это черт знает, что за двойственность! Там — стрельба, а здесь не смей, а то кто-то какие-то обвинения предъявит. Да ведь раз мы введем порядок, то кто же откроет рот? Или как после июльских дней будет?! Комедианты проклятые!.. Там стрельба, а здесь жди, чтобы тебя сперва убили... Что за чертовщина — ничего не понимаю! Ну ладно, пришло пироксилин, на собственный страх взорву всю станцию к черту! — злобствовал я и принялся писать новое донесение начальнику школы и капитану Галиевскому. Донесения на этот раз я написал в двух экземплярах. — Черт его знает, что творится, — заработало во мне сомнение. — Может, и донесения еще не должны попадать по адресу? Пошлю двумя дорогами двух юнкеров: это будет надежнее». Сказано — сделано!..

Через минуту юнкера связи, получив категорическое приказание передать донесения в собственные руки по назначению, уже скрывались вдаль: один в направлении Невского, а другой в обход, по Горюховой, через Александровский сад.

Прошло еще несколько минут, и из одного из окон станции раздался голос прапорщика:

— Слушайте, убирайтесь! А то нам надоело ваше присутствие. Смотрите, если через три минуты вы не уйдете, то перестреляем вас, как собак!..

— Ах ты, сволочь этакая! — вскричал я и, выхватив револьвер из кобуры, взмахнул его на взвод.

Но прапорщик скрылся.

«Черт его знает, что такое, — нервничал я, шагая по тротуару. — Черт, а хочется есть! — замечая валяющиеся на дороге куски хлеба, брошенные юнкерами, вспомнил я о еде. — Ведь я сегодня так ничего и не ел. Даже рюмки водки не успел выпить!.. А что сейчас в школе творится? Шумаков, пожалуй, спит в дежурке, а нестроевые пьянствуют и жарят в карты. Хорошенький результат дала революционная дисциплина!» И размышления поплыли одно за другим...

На улице, через наши цепи хотя и редко, но все же продолжала проходить публика. Видно было, что улица уже привыкла к нам: мы уже достаточное время болтались на ней.

Но вот со стороны Невского показался броневи́к.

— Броневи́к идет!.. — раздалось несколько возгласов доклада с места.

— Вижу, — отвечал я. — Это, наверное, наш. У Зимнего дворца, когда мы уходили, я видел, как появились две матицы. Очевидно, одну из них и посылают нам на поддержку!

— Никак нет; это броневи́к восставших — это я хорошо знаю. Я видел сегодня брата из броневоего дивизиона. И он говорил, что часть дивизиона объявила нейтралитет, а часть перешла на сторону восставших, — сообщил неприятную новость один из юнкеров.

В этот момент подбежал юнкер связи от взвода, отошедшего к углу Невского и Морской, и доложил о том, что приближающийся броневи́к пришел со стороны Невского и что военный комиссар требует спокойствия.

— Внимание! — крикнул я юнкерам, выслушав доклад. — Если я выстрелю, открыть по нему огонь. Без этого же моего сигнала Боже сохрани стрелять! Возможно еще, что это наш!

Броневи́к приближался.

«Если откроет огонь сейчас, то подрежет колени. Значит, пускай юнкера стоят, — работала напряженная мысль. — Чего он едва тащится? Нет, это не наш! Наш был бы с офицером, а офицер не позволил бы продолжать напряжение в наших рядах и дал бы о себе знать. Да, да... нет сомнения — это восставшие. Черт! Что он хочет? Неужели откроет огонь по верхней части туловища! Ох, успею ли положить юнкеров? О, мука какая! Стрелять в него нет смысла — не прошибешь! Снять юнкеров и увести от бессмысленного расстрела», — мелькнуло раздумье.

«Что ты? Обалдел? Бежать будешь? Стыдись! Но как он медленно ползет! Сволочь, издевается! Ладно, издевайся, а я покурю, но остановись и выйди кто только из машины — застрелю», — затягиваясь папирской, давал я себе обещание.

Броневи́к приблизился. Глазки были открыты, оттуда велось наблюдение.

«Ладно, смотри, не смотри, а с места не сойдем!» — с трудом удерживаясь от желания вести наблюдение за дулом пулемета, твердо говорил я себе, попыхая папирсой.

Но вот броневи́к поравнялся с воротами телефонной станции и остановился. Через секунду из ворот выскочил прапорщик и, подойдя к машине, о чем-то переговорил в боковой глазок с находящимися внутри машины. Переговоры продолжались не более минуты. Кончив говорить, прапорщик исчез, а машина, вздрогнув, снова тихо поползла вперед... к нам.

«Пройдет мимо нас, повернется — и тогда...» — начали было наслаиваться в голове комбинации возможных действий бронемашин, как ее новая остановка оборвала их. «Ну, начнется, — решил я. —

В живот или в голову?» — вырос вопрос, и я взглянул на дуло пулемета. Оно было накрыто чехлом.

— Сволочи! — выругался я. — Насмехаетесь вы, что ли? — И я было шагнул к машине с желанием выяснить, что же, наконец, они собою представляют, как скрип передовых рычагов и начавшийся ход машины назад с заворотом зада корпуса в ворота станции остановил меня.

Вот открылись ворота, и машина медленно вошла под арку. «Почему они медлят? Хорошо медлят! — сейчас же ответил я себе. — Заняли уже станцию своим караулом. Прислали на помощь броневик и строят на улицах баррикады. Вот мы медлим. Мало того — идиотов-ротозеев из себя изображаем!» — негодовал я на пассивность действий военного комиссара и Зимнего, откуда все еще не присылали просимый пироксилин. «Скорее бы его получить, тогда машину подорву убиженным снарядам, приспособленным хотя бы к штыку винтовки, которую и подсуну под броневик», — размышлял я, как ко мне подошел портупей-юнкер Гаккель, бывший студент Института путей сообщения, и попросил разрешения высказать свои соображения.

— Пожалуйста, говорите, я слушаю вас, — дал я согласие.

— Разрешите доложить, что юнкера очень смущены нашей бездельностью. Сколько времени мы стоим здесь, и дождались того, что уже броневик прибыл. Некоторые опасаются, что здесь кроется провокация.

— Что за вздор! Вы же видите, что я связан повиновением военному комиссару. Он распоряжается здесь! — с негодованием, горячо запротестовал я против усмотрения в моих действиях чего-то нечистого.

— Ради Бога! Господин поручик, ваше поведение, наоборот, только и поддерживает настроение и повиновение вам, — торопливо ответил портупей-юнкер. — Я к вам потому и подошел, что знаю вас. Вы же тоже знаете, что я был на фронте и георгиевский кавалер и что, конечно, поэтому мне непонятна малодушная тактика какого-то комиссара, который сперва нас поздравил с почетным назначением в караул Мариинского дворца, а затем, зная об отсутствии патронов и неопытности наших юнкеров, держит нас уже столько времени перед станцией. Если он не решался занять ее раньше, то как же он займет ее теперь, когда там броневик? Нет, здесь если не зло скрывается, то глупость, господин поручик, — серьезно и резонно докладывал портупей-юнкер.

«Черт вас возьми! — неслось у меня в голове. — Что вы мои мысли читали, что ли?..»

— Но что же делать, дорогой, — надо ждать, — дружественно заговорил я. — Я послал четыре донесения с просьбой о высылке пироксилина и подкрепления, которое думаю послать на Мойку для снятия баррикад. И я думаю, что скоро мы получим и то, и другое, а тогда я буду действовать на свой страх и риск.

— Вот, это прекрасно, господин поручик; простите, что беспокоил вас, — довольно ответил портупей-юнкер.

В этот момент вдруг Морская заголосила на всевозможные лады.

— Что такое? — повернулся я в сторону визга и истерического крика. — Женщины? Откуда они взялись? Ах, с телефонной станции!

— Это телефонные барышни. Очевидно, их выпроводили в намерении открыть уже боевые действия, — высказал свое соображение портупей-юнкер Гаккель.

Между тем вой, истерический вой, вырывавшегося из ворот станции потока барышень все усиливался. А почти пустынная Морская сразу запестрела различными бегущими, прыгающими нарядами и шляпками.

Юнкера, наблюдая картинку печального бегства, искренне захлебывались от смеха, на который более пожилые барышни отвечали кто услаждением, а кто карканьем беды.

— Нашли над чем смеяться! — кричали одни. — Вы бы посмотрели, как с нами обращались! Это не люди!..

— Уходите вы поскорее отсюда. Вас губят нарочно. Весь город в руках Ленина. Все части перешли на его сторону. А вам здесь готовят западню.

— Господин офицер, — принялась тормозить меня одна длинная и сухая, как палка, барышня. — Вся станция полна ими. Они через какой-то ход с Мойки, что ли, набираются. А что они делают с проводами! Многие войсковые части не знают, в чьих руках телефонная станция, а нам запрещено говорить... за каждой по солдату стоит. Военная часть просит телефон Главного штаба, или коменданта, или Зимнего дворца, а они какой-то свой дают. Поэтому многие части не знают правды. Я сама слышала, как они смеялись, что одно военное училище убедили в том, что Ленин и его компания уже арестованы и что юнкеров можно отпустить в городской отпуск. Одна барышня передала знакомым, что у нас большевики, так ее чуть не убили!.. Уходите отсюда и юнкеров спасайте — все равно ничего не сделаете. Продали Россию! — рыдая, кончила барышня и побежала дальше.

Я стоял как истукан.

— Господин поручик, — подбежал ко мне портупей-юнкер Гаккель, — с вами хочет говорить один француз!

— В чем дело? Кто хочет говорить? Какой француз? Давайте его сюда! — ответил я.

— Господин лейтенант, — подходя ко мне и приподымая котелок, заговорил элегантный штатский на французском языке, — господин лейтенант, я секретарь второго атташе французского посольства, — отрекомендовался он. — Я сейчас иду с Садовой по Гороховой. На Гороховой и на Мойке, у Государственного банка, много рабочих, и они сейчас идут на баррикады, которые их товарищи начали строить перед мостом через Мойку на Гороховой. Рядом лежат и пулеметы. А когда я вышел на угол Морской и увидел юнкеров и спросил, что они делают, то я понял, что вам с тыла грозит опасность. Я только хотел из чувства любви к вашему прекрасному, но больному сейчас народу предупредить вас об этом. Будьте осторожнее, и дай вам Бог всякого благополучия! — пожимая мои руки, протянувшиеся к нему с благодарностью, кончил он свою медленную, видя, что я с трудом вникаю в смысл, речь. — Можно мне пройти здесь? Мне надо на Невский, — спросил он, указывая рукою вдоль Морской.

Я предупредил его, что это теперь небезопасно, так как поток барышень кончился и над Морской висело уныние пустоты.

— О, ничего! Я не боюсь. Я очень спешу, и у меня нет времени обходить!

— В таком случае, пожалуйста, разрешите просить вас все, рассказанное вами мне, передать офицеру, находящемуся на углу Невского. И скажите, пожалуйста, ему, чтобы он доложил об этом в Зимний дворец и военному эmissару. Спасибо еще раз, — поблагодарил я его.

— О, пожалуйста! Счастлив быть полезным. Я ваше поручение выполняю, господин лейтенант. Можете быть спокойным. До свиданья! Всякого успеха! — И, приподняв котелок, он быстро засеменил по Морской к Невскому. Пройдя последнего юнкера, он опустил котелок на голову, а затем и скрылся.

«Что делать? Что делать?» — стучало в висках. Мысли путались, и голова горела. «Пропали! Бедные вы, — сквозь слезы смотря на юнкеров, думал я. — Увести вас я не могу. Делать что-нибудь тоже не могу, потому что не знаю, что мне с вами делать, такими жалкими и бесполезными. Бедные ваши жены, дети и матери!» И я, если бы снова не подбежал портупей-юнкер Гаккель, наверное, разрыдался бы; так была сильна спазма, сжавшая горло...

— Господин поручик, с Мариинской площади идет грузовик с рабочими. Разрешите его задержать. Я сниму шофера, сяду за руль и подведу его к воротам станции. Загорожу дорогу броневнику! — восторженно сияя от пришедшей идеи, выпалил портупей-юнкер.

— Прекрасно! Спасибо! Скорее!

— Стой, стрелять буду! — Наперерез грузовику бросился я и портупей-юнкер.

Юнкера тоже взяли винтовки на изготовку. Грузовик остановился.

— Слезай! Живо! — начал дальше распоряжаться портупей-юнкер, а я снова вернулся на свое место, чтобы наблюдать за воротами станции.

Рабочие слезли без сопротивления. Шофер же начал ругаться, но портупей-юнкер ударом приклада в плечо лучше слов убедил в безнадежности его положения, и он с извинениями стал слезать со своей машины.

Менее чем через минуту машина проплыла мимо меня под тихое и внешне спокойное приветствие юнкеров. Еще несколько секунд, и огромный грузовик, въехав правыми колесами своей тележки на тротуар, почти вплотную к стенам домов, закрыл собою вход в ворота и остановился. Остановив машину, портупей-юнкер Гаккель спокойно сошел с нее и, что-то покрутив в коробке скоростей, со скромностью, достойной скорее институтки, чем боевого солдата, направился ко мне.

— Господин поручик! Ваше приказание исполнено! — мягко и легко останавливаясь передо мною, бодро и весело доложил портупей-юнкер Гаккель.

— Сердечное спасибо, славный и чуткий друг! — растроганно поблагодарил я его.

— Рад стараться, господин поручик! Господин поручик, разрешите я эту машину туда же, — снова попросил портупей-юнкер.

— Где? Какую? — озадаченно спросил я.

— А вот вторая идет. Черти, флаг красного креста нацепили, а сами, наверное, оружие перевозят.

— А, черт с ним, с флагом. Арестуйте и эту машину, и туда же! — в восторге от набежавшей мысли, что начинает везти, отдал я приказ.

Так же чисто и быстро была поставлена рядом с первой, но перпендикулярно к ней и вторая машина.

Эта комбинация с машинами дала мне возможность произвести некоторую необходимую перегруппировку моих малочисленных сил.

А когда я кончал производить ее, ко мне явился юнкер связи из Зимнего дворца с сообщением от капитана Галиевского. Сообщение было радостное, и я им поделился с юнкерами.

— Капитан Галиевский выслал нам подкрепление, которое, по получении пулемета и пироксилина, уже скоро явится сюда. Теперь и взорвать станцию будет много легче, — показывая на машины, говорил я юнкерам.

— Затем во дворце получены сведения, что в город вошли казачьи части генерала Краснова. Первые эшелоны уже заняли, кроме Царскосельского вокзала, еще и Николаевский вокзал, — докладывал юнкер связи, мой любимец, юнкер 2-й роты И. Гольдман.

— А сейчас, когда я проходил через Невский на улицу Гоголя, — я слышал стрельбу по направлению Казанского собора, — очевидно, это с Николаевского вокзала ведут наступление казаки, — с довольным видом докладывал свои соображения юнкер в ответ на мою справку, что за стрельба доносится со стороны Невского.

«Ага, теперь понятно, почему так долго не показывается милейший прапорщик. Ну-ну, посмотрим, что будет!» — работала мысль.

— А что, не видали вы военного комиссара, поручика Станкевича?

— Никак нет, господин поручик!

— А как же вы прошли? Ведь он должен быть на углу Морской и Невского!

— По маршруту, данному капитаном Галиевским: Александровский сад, улице Гоголя и Кирпичному переулку, — отвечал юнкер связи, на мгновение озадачивая меня сообразительностью хитрого капитана.

«Так, так, капитан что-то чувствует, что дает кружной путь. Эх ты Господи, что-то будет дальше?»

— А что, начальника школы не видали? — снова поинтересовался я.

— Никак нет. Его страшно рвут. То зовут на заседание правительства, то в Главный штаб.

— Броневи́к идет со стороны Мариинской площади! — раздался доклад с места.

«Новое дело!» — ударила по мозгам мысль, и снова стало тепло под левым соском.

— Внимание! Приготовься! — крикнул я юнкерам.

На этот раз машина шла быстро. В глазки двойной башенки осмотрели дула пулеметов. Пройдя мимо нас, машина замедлила ход. Дула пулеметов задвигались.

«Ну, теперь каюк», — струсил было я, но машина, продолжая двигаться, молчала. Доползая до наших заграждений, машина остановилась.

Вслед за этим со стороны Невского подошла вторая машина. Из этой последней машины выскочило трое человек и, обойдя наши заграждения, подошли к первой. Переговорили. Двое направились в ворота станции. Дверь в воротах открылась, и эти двое вошли в нее.

«Что же теперь будет? Пока казаки генерала Краснова дойдут, от нас ничегошеньки не останется. А, черт, что будет, то будет!» — тупо работала уставшая мысль. Болела голова, ныли ноги. Хотелось сесть. Закрыть глаза и так сидеть. И, поддавшись чувству бесконечной уста-

лости, я уперся плечом в стенку, лениво смотря на броневики и на ворота станции.

Снова вышли из ворот те же люди.

— Гей, юнкера, отпустите шоферов, да живо! — крикнул один из них.

Шоферы, никем не охраняемые, так как я и не думал их арестовывать, а только отобрать у них машины, болтались тут же. И теперь, когда услышали зов, со всех ног бросились к своим машинам.

Побитый шофер попытался было начать какие-то разговорчики с одним из распорядившихся, но моментально отказался от пришедшего намерения. Причина, которая его побудила к этому, — был увесистый кулак, поднесенный к его подбородку.

— Живо поворачивайся, скотина. Тебя ждут там, а ты прохлаждаешься, сволочь! Ну-ну, живо! — И шофер бомбой отпрыгнул к своей машине.

Через минуту грузовики исчезали в направлении Невского. Броневики продолжали стоять. На нас не обращали внимания.

«Что такое? — недоумевал я. — Они ждут, очевидно, приказаний. Но почему не трогают нас? Да я бы за проделку с грузовиками давно уже расправился бы, да так, что никто ноги не унес бы, — злился я за пренебрежете к нам. — Нет, они нам что-то готовят, но что? А не все равно тебе что? Они в данном случае господа положения. А ты свою роль окончил. Как глупо начал, так глупо кончил. Ну, затянул Лазаря! Подожди, авось что-нибудь изменится». И в этот же момент первый броневи́к начал идти к Невскому.

А вслед за его уходом на тротуаре показалась штатская фигура военного комиссара.

«Что такое? Ты мило гуляешь? Или я с ума сошел! Ничего не понимаю! Что за чушь творится?» — гудело в голове.

— Соберите юнкеров и построите их, да быстрее. Я согласился прекратить осаду. За что получил свободный проход для юнкеров, — проговорил, подходя ко мне, не смотря на меня, комиссар.

Я не ответил ни одного слова.

Через 2—3 минуты мой оставшийся взвод уже равнялся, строясь на Гороховой улице. С баррикад на мосту через Мойку на нас смотрели пулеметы.

— Смирно. Направо. На плечо! — ровно командовал я, как будто это обычное занятие на дворе школы. — А второй взвод тоже уже ушел? — задал я вопрос.

— Не знаю, но я думаю, они сами догадаются это сделать, увидя, что мы ушли, — ответил наш злой гений.

— Шагом марш! — скомандовал я. Взвод пришел в движение.

— Если бы юнкера не были бабами, все дело пошло бы иначе, — вдруг бросил злое, глубоко несправедливое, недостойное обвинение достойный друг главноуправляющего.

Чтобы не отяготить своей души, я, вместо ответа, стал подсчитывать ногу.

Пересекая улицу Гоголя, я чуть было не вздрогнул: поперек улицы стояла команда матросов с винтовками на изготовку.

— Раз, два!.. Ногу тверже!.. — с упорством крикнул я слова команды, маршируя дальше, чутко вслушиваясь в воздух в стремлении услышать щелканье затворов.

Но в воздухе стояло мерное отсчитывание шага моего взвода.

— Левое плечо вперед! — выходя к Александровскому скверу, подал я команду, с облегчением уводя взвод от тяжело-нудной атмосферы Гороховой, принесшей столько разочарования, стыда, и боли.

Поравнявшись с Невским, я, все же боясь, что 2-й взвод, может быть, продолжает стоять на Невском, отправил к прапорщику Одинцову юнкера связи с приказанием идти в Зимний дворец.

Еще несколько минут, и мы вышли на площадь. Разнообразные чувства волновали душу, когда мы направлялись к Зимнему дворцу, где мерещились упреки, насмешки, и чувство горечи к виновнику наших напрасных переживаний неудачи сразу выросло в дикую ненависть и презрение. Вот и памятник, уходящий в густоту нависших сумерек спустившегося на город вечера, а несколько дальше к Миллионной стоят каких-то два броневика.

Увидев нас, броневики вздрогнули и мирно поплыли к нам. «Наши — не наши? Э, разницы нет. Обнюхаете нас и вернетесь на свои места. Сегодня игра в кошки с мышками — ведь здесь военный комиссар!» — проиронизировала мысль серьезно-сосредоточенный осмотр машинами нас. Однако юнкера, задетые за живое тактикой поведения машин, обратились с вопросами, что они делают, на чьей стороне. Ответ был самый неожиданный: «Мы держим нейтралитет. Но выехали в город с целью препятствия боевым стычкам между обеими сторонами. Войска драться между собою не должны. Пускай правительство и штаб Ленина идут на соглашательство или дерутся между собою. Таково наше, бронедивизиона, решение. И вы можете себе идти во дворец, но если будете нападать первыми, то мы будем против вас».

Но вот мы подошли и к дворцу.

Я остановил юнкеров и послал связь к капитану Галиевскому с докладом о нашем прибытии, поручив также узнать, явился ли уже пра-

порщик Одинцов-младший со своим взводом, — на площади его не было, а по времени он должен был бы тоже подойти. Вообще, на площади было тускло и пусто, как и в момент нашего прихода. Также продолжали нелепо-разбросанно лежать дрова перед дворцом, наводя мысль на воспоминания о баррикадах. «Но почему не видно приготовлений к устройству наружной обороны? Вот из этих брусьев можно сделать отличные баррикады. Великолечно можно использовать слева решетку сада. Затем все окна первых этажей. Кроме дворца, безусловно занять и привести к оборонительному состоянию Главный штаб, Министерство финансов и иностранных дел, прорыв под аркой к Невскому глубокую канаву, и заложить мину, если не взводный окоп устроить. Затем надо использовать и здание Главного управления Генерального и Главного штабов. Где же офицерство этих всех учреждений? Или оно уже на выполнении какой-либо задачи? А дадут ли нам еще какую-нибудь задачу или теперь мы останемся за флагом? Конечно, военный комиссар будет делать доклад правительству, и совершенно ясно, что доклад будет неблагоприятен для юнкеров и вреден для освещения обстановки момента», — мучительно рвали голову печальные выводы о знакомстве с деятельностью и способностями представителя правительства при Верховном командовании.

— Господин поручик! — раздалось обращение, заставившее вернуться к ощущению мелкой действительности, окружавшей нас. — Господин поручик! Капитан Галиевский приказал ввести юнкеров во двор и присоединиться к батальону, а затем вам явиться к нему, а где он находится — я вас провожу. Прапорщика Одинцова с юнкерами во дворе нет. Их, по докладу убежавших юнкеров и некоторых офицеров штаба, очевидцев, окружили солдаты Павловского полка, рабочие и броневики, и взяли в плен. Причем страшно издевались и били юнкеров. Куда их увели — неизвестно... — возбужденный печальной новостью о судьбе товарищей, торопливо доложил вернувшийся юнкер связи.

Вздох горести и краткие восклицания, вырвавшиеся у юнкеров, разрядили было нависшую атмосферу молчания, в которой мы ожидали возвращения из дворца связи.

Гул голосов рокотом переливался под аркой, посреди которой стоял броневик.

— Это уже наш! — оживленно прокомментировали юнкера.

«Да, здесь все уже наше, — тускло мелькнула мысль. А где-то в глубине застонал червячок тоски: — Здесь и преступление наше, здесь и его искупление». Простонал и исчез. Дух бодрой решимости захватил меня при выходе из-под арки во двор, где, между высокими ряда-

ми сложенных в кубы дров, стояли козлы винтовок, с разгуливающими перед ними часовыми, а слева и справа торчали холодные черные дула трехдюймовых скорострелок. Весь двор говорил. И в этот говор вносилось резким диссонансом ржание лошадей. Налево от входа во двор, перед длинным рядом дров, оказалось место, отведенное для нашего батальона, куда я и подошел с юнкерами.

Наши юнкера в большинстве находились тут же: кто сидел на дровах, а кто прямо на цементной мостовой двора. Из офицеров никого не было видно. Когда я, поблагодарив своих юнкеров за их прекрасную службу, разрешил им разойтись из строя, мне сейчас же было сообщено окружившими нас юнкерами, что они не надеялись уже видеть нас. Это было трогательно, и я не замедлил использовать этот момент для подлития масла в огонь настроения борьбы, и борьбы активной

— Не имеем права мы заниматься разговорчиками с теми, кто бил, а сейчас, может быть, умерщвляет наших товарищей, только за то, что те, будучи такими же детьми русского народа, как и рабочие и крестьяне, отличаются от них существенно знаниями, расширяющими кругозор мирозерцания, а потому во имя светлой истины великой правды берутся за оружие, но берутся не как за цель, а как средство отрезвления загипнотизированных ложью слова диких слуг безумного фанатизма нелепого учения, ведущего в ярмо кошмарного рабства.

Вы извините, что я, заболтавшись с вами, оторвал вас от вашего отдыха! — поставил я точку над своею беседою с юнкерами, которые, к моему большому внутреннему удовлетворению, слушали меня с большим вниманием. — А где господа офицеры? — спохватился я, видя, что беседа может затянуться, а между тем надо идти с докладом к капитану Галиевскому, о чем мне напоминала стоящая тут же фигура юнкера связи.

— Господа офицеры с некоторыми из наших юнкеров в Белом зале на митинге.

— Митинг? На каком таком митинге? — как ужаленный подскочил я с бревна, на котором с наслаждением сидел после нескольких часов стояния на ногах.

— Так точно. Самый настоящий митинг. Во дворец явились, для защиты Временного правительства, школы прапорщиков из Ораниенбаума, Петергофа, взвод от Константиновского артиллерийского, наша школа, и ожидается прибытие казаков. Сперва все шло хорошо. Но бездеятельность и проникшие агитаторы, а в то же время растущие успехи восставших вызвали брожение среди ораниенбаумцев и петергофцев. Их комитеты устроили совещание и потребовали к себе пред-

ставителя от Временного правительства из его состава для дачи разъяснений о цели их вызова и обстановки момента. А когда разъяснения были выданы Пальчинским, то они объявили, за недостаточностью таковых, общее собрание для всего гарнизона Зимнего дворца. И вот уже с час митингуют в Белом зале, куда вышли все члены Временного правительства во главе с Коноваловым. Там такая картина стыда, — горячо докладывал портупей-юнкер Машевский, — что я, сперва заинтересовавшийся причиной собрания, убежал оттуда. Друг друга не слушают, кричат, свистят. Не юнкера, не завтрашние офицеры, а стадо глупого баранья. Вы вот увидите, господин поручик, что за физиономии этих юнкеров: тупые, крупные и грубые. Уже по виду на них вы догадаетесь, что все это от сохи, полуграмотное, невежественное зверье... Быдло!.. — с дрожью в голосе едва сдерживал набежавшее желание разрыдаться от гнета впечатлений дикости картины, еще продолжавшей мучить этого стройного, хрупкого, нежного юношу. — Говорит Коновалов — председатель Совета министров Временного правительства, какое бы то там ни было правительство, но оно правительство твоего народа. И что же? Он говорит, а его перебивают. Коновалов так и бросил. Затем Маслов¹⁹ выступил, ведь старый революционер; Терещенко принимался — вот этот красиво, хорошо говорил, а результат тот же. Ни к кому никакого уважения. Тут же и курят, и хлеб жуют, и семечки щелкают.

Я слушал с закрытыми глазами; меня шатало, тошнило; мысли путались... Наконец, забрав себя в руки, я справился о Керенском.

— Господь его ведает! Сперва скрывали от юнкеров даже пребывание Временного правительства. Говорили, что оно заседает в Главном штабе. Потом объявили, что находится здесь. И что принято решение вести оборону Зимнего дворца, так как восставшие предполагают его занять, как уже заняли весь город. О последнем, конечно, не говорят, а наоборот, усиленно лгут, что идут войска, что авангард северной армии в лице казачьих частей корпуса генерала Краснова вошел в город. Сперва объявили, что занят Царскосельский вокзал и Николаевский, что дало возможность прибыть эшелонам из Бологого и станции Дно. Затем, это было в три часа дня, — что казаки двинулись по Невскому и что только задержались у Казанского собора. Пока вы, господин поручик, были у телефонной станции, мы еще верили в правдивость этих сообщений. Но когда последшая к вам на подкрепление полурота, увидев, что на углу Невского и Морской происходит какая-то стычка, под охраной броневиков вернулась назад, нам стало ясно, что происходившая стрельба говорит о торжестве восставших и что здесь по инерции продолжа-

ют лганье. А вас мы было уже похоронили. И слава Богу, что вам удалось вернуться! — тихо, утомившись от возбуждения, закончил свое тяжелое описание портупей-юнкер.

Наступило молчание. Сгустившаяся темнота не позволяла видеть выражения лиц. И только звуки пощелкивания где-то выстрелов, осевших во дворе, напоминали о необходимости действия, но тяжесть впечатления о взаимоотношениях членов Временного правительства и юнкеров, их защитников, — обволакивала туманом серых вопросов душу, сердце и нервы.

— Ну а пока, друзья, я пойду к капитану Галиевскому. Поручик Скородинский, — позвал я поручика, вышедшего под освещенную арку, справа из дворца.

— Кто меня зовет? — оборачиваясь, задал вопрос к нам в темноту длинный, изящный поручик.

— Это я, Александр Синегуб!

— А, здравствуйте, поздравляю с благополучным возвращением, — приветствовал он меня, как только я вошел в полосу света.

— Чего уж благополучнее, когда взвод юнкеров потерял. Зря время потеряли и людей! — повторил я. — Черт знает, голова кругом идет; вот что, поручик, останьтесь, пожалуйста, около юнкеров — мне надо явиться к капитану Галиевскому. Черт знает, ведь мы не в школе. Никого из офицеров нет около них. Мало ли какая сволочь начнет им засорять мозги, — попросил я поручика.

— Да, да, Александр Петрович, мне это самому в голову пришло, я и ушел с митинга. — Что, он все еще продолжается?! Безобразие, неужели никто его не догадается разогнать? Ну и правительство! — говорил я. — Удивительно слабое, хотя это понятно.

— Но в конце концов все же договорились, и юнкера обещали остаться, если будет проявлена активность и если информация событий будет отвечать действительности. Правительство обещало, и юнкера теперь расходятся, — сообщал поручик.

— А где начальник школы?

— Его рвут. Сейчас он в Главном штабе. Его правительство назначило комендантом обороны Зимнего дворца, и ему подчинены все, находящиеся в Зимнем дворце силы.

— Да, что вы говорите?! Слава Богу! Теперь я опять начинаю верить, что мы не погубим зря наших юнкеров и что что-нибудь да вытанцует у нас. Ну, я бегу к Галиевскому. Где капитан?

— В комендантской комнате, первая лестница наверх, во втором этаже, сейчас же рядом с выходом, — ответил поручик, направляясь в темень двора.

«Броневи́к есть, а около него ни души», — почему-то вспомнил я, когда стал подниматься по ступенькам в темный вход. Юнкер связи, нащупав ручку двери, открыл ее. Перед глазами оказался длинный, сравнительно узкий коридор первого этажа.

В коридоре пахло тем запахом, который так присущ стенам казарм.

— Здесь караул помещался до революции, — сообщил юнкер связи, очевидно заметив, что я повел носом.

— А теперь где? — улыбнувшись наблюдательности юнкера, справился я.

— В Портретной галерее. Но часть и здесь. Здесь, от наружных ворот. А здесь налево — патроны выдают, — указал он первую дверь левой стороны.

— Пойдите. А нам уже выдали?

— Никак нет. Патронов не хватило! Но теперь новые доставлены и их будут выдавать.

Но вот и капитан Галиевский. Я подошел с докладом.

— Александр Петрович! Очень рад, милый, вас видеть. Хорошо еще, что хоть так кончилось. С этими представителями власти у меня уже опухла голова. Но в добрый час теперь назначен комендантом обороны Зимнего. Вы уже знаете это? Да? Я очень успокоился душой, когда узнал, что назначили Ананьева²⁰. Лишь бы не оказалось поздним это единственно разумное до сих пор мероприятие со стороны правительства и Главного штаба. Сколько и чего только, дружок, я вам не перескажу потом, вы диву дадитесь. Одним словом, я пришел к заключению, что Керенскому надо было передать власть Ленину. Но как это сделать? Подождите, вы сами в этом убедитесь! А ведь сам исчез, оставив несчастных дураков сотоварищей расхлебывать кашу, которой, пожалуй, подавятся, а никак не расхлебают. Правительство — это какие-то особенные люди. В частности, многие на меня произвели сильное впечатление. Я убежден, что их здесь обрабатывают самым бессовестным образом. Около них все время вертятся какие-то темные личности, да кое-кто и в среде их далеко от этих не ушел. Но все же оно дитя перед улизувшим главноуправляющим. Еще вчера, мороча людей в Совете Республики, в этом сборище козлищ, клялся умереть на своем посту, а сегодня, переодевшись, как рассказывают наши, сестрою милосердия, удрал из города. Учуял, что его песня все равно к концу идет. Так хоть бы чести хватило слово сдержать, других не подвести, так нет, он и товарищей предал. А те и сейчас все еще верят в него, а может быть... знают, да считают за лучшее молчать. Ну да я решил их по совести защищать. Александр Георгиевич тоже того же мнения. У нас решения не меняются, не правда ли?

А если дать восторжествовать Ленину без сопротивления, то народ никогда не разберется, где черное и где белое, кто его друг и кто ему готовит ярмо беспросветного рабства. И вот для этого мы должны погибнуть здесь. И теперь я уже вижу, что это неизбежно, что нашим прежним расчетам не осуществиться. Что же делать, не мы — так другие, но начать мы должны. Да, тяжелая расплата за наш невольный грех. Это тяжело говорить. Лучше идемте, посмотрим, не пришел ли Александр Георгиевич, — вставая с диванчика комендантской комнаты, закончил Галиевский.

— Да, да, дорогой капитан, именно все так, как вы говорите. Вот если останемся живы, я расскажу вам о своих наблюдениях и выводах. А если бы Бурцеву²¹ об этом рассказать. Старик стал бы волосы рвать за свое проклятое дело благословения революции. И хотя он начинает опоминаться последнее время, но это еще далеко от искренности: до нутра у него еще не дошло сознания. Ну да провались они все в болото. А вот мне патронов надо, господин капитан. У кого их можно потребовать?

— У вас полевая книжка есть, так вы напишите требование и получите в караулке, а я побегу посмотреть, что делается на площади у ворот. Место встречи — комендантская, — уже на ходу крикнул капитан.

— Слушаюсь, — ответил я вдогонку, принимаясь выписывать на листке из полевой книжки требование на патроны для юнкеров 2-й роты.

— Пришлите мне фельдфебеля 2-й роты Немировского, — отдал я приказание, поймав одного из проходивших юнкеров 1-й роты.

— Слушаюсь, — ответил тот и побежал исполнять полученное приказание, а я продолжил дальше возиться с полевой книжкой, но уже занося в ее вторую половину, в отдел моих впечатлений и наблюдений, схему происшедшим встречам.

«Юнкера говорили еще о Петербургской и Ораниенбаумской школах, — писал я, стараясь оттенить легкими штрихами наибольшие выпуклости общего рельефа. А если свершится чудо, и я уцелею, то расшифрую записанное. — Это даст козыри обществу Анны Петровны для конкурсной с Бурцевым и борьбы с батмаевцами».

Удовлетворенный записью, спрятал полевую книжку в боковой карман пальто. Между тем прибывали приемщики из школ, отчего на душе становилось весело.

«Заработали! Ну давай Бог! В добрый час!» И я выскочил в коридор, а из него на двор. Двор гудел. Возгласы команды, споры, смех. Все это напоминало бивуак, а направо через решетчатые верхи ворот

светились кое-где огоньки в здании Главного штаба... Мимо прошла команда юнкеров 2-й Петергофской школы, направляясь к выходу из дворца. «На смену дозоров пошли», — догадался кто-то. «Ну а что мы делать будем?» — не решаясь прямо спросить меня, начали задавать юнкера друг другу вопросы при моем появлении, в расчете вызвать меня на высказание каких-либо соображений.

— Счастливики идут. Право, чем скорее, тем лучше. Ну вот вы вечно панически настроены, а я так убежден, что придет утро, а мы вот будем сидеть в резерве. Вот увидите, что ничего не случится. Не забывайте, что Керенский, теперь это не секрет, отправился к армии и к утру войдет в Питер. И поверьте, эти господа все учитывают и, конечно, в ночь, раз за день ничего не успели сделать, рассеются так же быстро по своим норам, как неожиданно и выползли из них.

— Неожиданно! Когда еще за несколько дней до сегодня пресса прибывала час начала их действий. Вы эсеры просто... — кто-то старался опровергнуть мнение говорившего.

— Бросьте разговорчики, господа, не мешайте, пока возможно подкреплять, — несло с высоты полениц, где кое-кто умудрился даже всхрапывать, не смущаясь твердостью дров.

— А я вас ишу, Александр Петрович, — вырос передо мною с восклицанием поручик Скородинский, очевидно узнав меня по любимому мною мурлыканью рылеевского «Часового», привязавшегося к моему языку чуть ли не с одиннадцатилетнего возраста.

— Вам есть задание, — продолжал он. — Капитан Галиевский приказывает отвести роты на предназначенные им места по разработанному начальником школы плану обороны дворца на случай нападения на него каких-либо групп восставших, явно не предполагающих наткнуться на такое сопротивление, как юнкерские батальоны. Вам приказано занять первый этаж налево от выхода из ворот, распространившись от крайнего левого угла дворца так, чтобы на Миллионную получился продольный огонь углового окна, куда потом вам будет дан пулемет. Это окно должно явиться вашим левым флангом. Правый уже обозначится стыком с моим левым. Я начинаю от окна, выходящего на площадь рядом с главными этими воротами с левой стороны их, если смотреть отсюда по направлению к Морской. Таким образом, мы получаем фронтовое наблюдение за площадью и с огнем на нее. Главная оборона этого участка первого этажа дворца вверяется вам с подчинением вам и меня с моей ротой. При этом вам приказывается под строжайшей ответственностью не открывать первым огня, несмотря ни на что. Огонь разрешается лишь в случае атаки со стороны банд, и то если атака будет сопровождаться огнем с их стороны. Такова воля

Временного правительства. Кроме того, при размещении юнкеров в комнатах приказывается учитывать высоту подоконников в расчете на закидывание ручными гранатами комнат, а также принять во внимание возможную внезапность открытия огня из окон верхних этажей противоположащих двору зданий, которые, хотя и будут приведены в оборонительное состояние средствами офицерских отрядов, все же могут случайно перейти в руки восставших. Это все меры предположительные и руководящего характера. В данное же время надлежит лишь занять позицию и начать вести самое строгое наблюдение, дав возможность свободным юнкерам лечь отдыхать, так как решительные действия ожидаются лишь к утру, вследствие происшедшей какой-то заминки в приближении восставших к двору. Следовательно, опасаться можно лишь случайных банд. К утру же подойдут войска с фронта. Да я забыл добавить, что вы должны иметь резерв на случай наружного действия у ворот. Резерв надлежит иметь от 1-й роты, т. е. теперь моей. Действовать резервом лишь с доклада капитану Галиевскому. Ну, теперь я, кажется, все передал. Эти детали должны быть сообщены юнкерам, которым вменяется в обязанность самое осторожное обращение с вещами, находящимися в комнатах. И когда будет все исполнено, доложить капитану Галиевскому. Он желает лично явиться для проверки. К нему от 1-й роты, по его приказанию, я назначил связь, которая в его распоряжение уже и ушла, — закончил поручик действительно подробное приказание.

— Вот это спасибо, поручик, за приятную новость. А то неведение, что с собою делать, довольно тяжелое чувство. Пока я введу в помещение свою роту, вы разъясните вашим юнкерам полученную задачу, — сделал я предложение.

— Слушаюсь, господин поручик! Разрешите пойти? — входя в роль подчиненного мне по службе, официально строго ответил поручик Скородинский.

— Да!.. Фельдфебель 2-й роты ко мне! — крикнул я в темноту, и в свою очередь, начал распоряжения, радостно встреченные юнкерами.

Через несколько минут я вводил роту в комнаты 1-го этажа.

Я видел, как юнкера располагались у окон, всматриваясь в происходящее на площади, как приспосабливались лечь на полу, покрытом коврами. Я слышал их неуверенные формулировки ощущений, получаемых ими от обстановки комнат, в которых еще недавно, года нет, была атмосфера уюта личной жизни наших земных богов. Я понимал их стесненные тяжелые движения членами тела, словно налившегося пудами какой-то невероятной тяжести. И видя, и слыша, и понимая их, я жалел и болел душою за них, и за себя, и за грех.

Мы ждем. И видно, это давало мне силы, не понимая себя, не контролируя своих распоряжений, отдавать их в таком виде, что, выполняя их, достигалось поставленное мною задание. «Не мудрствуй!» — твердил я себе.

Теперь не время! Но... тщетно пытался я взять себя в руки. И не я один мучился. Юнкера, которые были на дворе просты и естественны, здесь томились и были странны.

Я несколько раз обращался то к тому, то к другому из тех, мысль и чувства которых играли на лицах их. Я обращался к ним как брат к брату, а не начальник к подчиненному, так как это ощущение мною было утеряно с момента проникновения в эти комнаты. Я что-то говорил, на что-то жаловался, чего-то хотел — но что, чего — не знаю...

Но время делать свое дело.

Постепенно мысль прояснилась, чувства обрели покой, и я снова получил способность отдавать себе отчет в поступках и обстановки момента. И мне стало легче. Вот явилось желание и юнкерам передать это облегчение. А для этого я попробовал вникнуть в возможные мероприятия.

Оказывается, голова работает. Мысль такие меры нашла. И энергия снова во мне закипала.

— Вы бы заснули, — убеждал я молчаливо сидевшую парочку друзей юнкеров с горящими глазами, окаймленными налившимися синевой под яблочными мешками.

— Пробуем, но не выходит. Обстановка давит, — конфузливо признаются юнкера.

— Да это верно. Я вас понимаю. Но необходимо сохранить силы. Бог знает, что нас еще ждет впереди. Право, перестаньте думать и отдохните, — пробовал я урезонить их.

— А хорошая мебель, — выскочил кто-то из юнкеров с трезвой оценкой вещей, находившихся в комнатах.

— Да, тут как-то все сохранилось на месте — не успели растащить или же рассказы о грабежах чистый вымысел, — подхватил я затронутую тему, чтобы развить ее и отвлечься от других.

— Ну нет. Тут массу растащили, но надо отдать справедливость Керенскому. Он горячо и настойчиво требовал сохранения в целостности вещей, объявляя их достоянием государства. Но разве усмотришь за нашей публикой. Особенно дворцовыми служащими и той шантрапой, что набила дворец, — заметил один из разлегшихся на полу юнкеров.

— А вы видели моельню, господин поручик? Там есть такие об-
раза, что им цены нет.

— Да, видел, но в нее не входил. Не смог себя заставить. Ведь там государыня Богу молилась. И мне казалось, что если я войду туда, то это будет кошунство. Ведь мы здесь не гости по приглашению хозяев дворца, а игрушка в руках судьбы, занесенная ею сюда для тех достижений, которые еще сокрыты от нас. Поэтому я не смел войти в нее. И даже если вы мне сказали, что наша жизнь была бы охранена стенами ее, я и тогда не вошел бы в нее и никого добровольно туда не впустил.

— А Керенский немножко иначе мыслит, — начал опять кто-то говорить о Керенском, но его перебили возгласы из соседней комнаты.

— Где господин поручик? Доложите, что казаки пришли и располагаются к коридорам и в комнатах около молельни и хотят так же занять ее.

— Казаки! Какие казаки? Откуда? — И я бросился в коридор.

Коридор уже был набит станичниками, а в него продолжали втискиваться все новые и новые.

— Где ваши офицеры? Где командир сотни? — обратился я с вопросом к одному из бородачей уральцев. Он махнул головой и не отвечая продолжал куда-то проталкиваться через своих товарищей.

«Что за рвань? — соображал я, смотря на их своеобразные костюмы, истасканные до последнего. — Э, да у них дисциплина, кажется, тоже к черту в трубу вылетела. Хорошенькие помощники будут...»

— Эй! Станичники, кто у вас здесь старший? — снова обратился я с вопросом, но уже к массе.

— Всяк за себя — а на что тебе? — раздался два слабых ответа среди гама, с которым они продолжали продвигаться по коридору, частью заваленному какими-то большими ящиками, о которых остригли, что Керенский не успел их с собою забрать по причине преждевременного исчезновения.

Услышав эти своеобразные ответы, я было чуть не разразился бранью за нелепость их и за игнорирование во мне офицера.

«Смотри — среди них нет почти молодежи, это все старших возрастов. Ага, то-то они и явились сюда», — проталкиваясь среди казаков к стоявшему на ящике и следившему за движением казаков подхорунжему, подумал я.

— Хотя на большом заседании представителей совета съезда казаков и говорено было о воздержании от поддержки Временного правительства, пока в нем есть Керенский, который нам много вреда принес, все же мы наши сотни решили прийти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотела и объявила нейтралитет.

— Так, так. А где офицеры ваши?

— Да их не много, пять человек с двумя командирами сотен. А они к коменданту дворца пошли. Их позвали туда... Эй, вы, там, давай пулеметы туда в угол, вот разместится народ, тогда и их пристроим... А вы давно здесь? — уже обращаясь ко мне, продолжал подхорунжий, крепкий бородатый казак.

— С полудня. Ходили уже к телефонной станции, да толку не вышло, — уклончиво ответил я. — Вот что я вас хотел попросить, — продолжал я. — Здесь молельня царя есть. Так чтобы в нее не ходили.

— Зачем толкаться туда, казаки сами не пойдут, разве который пред образом лоб перекрестить захочет. Вы не думайте, поручик, станичники понятие большое имеют, — смотря мне прямо в глаза, добавил подхорунжий.

— Вот это спасибо. Ну, я побегу к своим, а вы, значит, располагайтесь, как можете, а когда придут ваши офицеры, пошлите сказать мне, — спрыгивая с ящика, попросил я.

— Слушаюсь, господин поручик, — вслед ответил подхорунжий.

Придя к первому взводу, где было назначено место моего пребывания для юнкеров связи, я застал поручика Скородинского и юнкера Гольдмана, явившегося с приказанием от капитана Галиевского. Но не успел я открыть рта для вопроса, что есть нового, как из соседней комнаты, слева расположенной, угловой, выходящей окнами на Миллионную улицу, вбежало двое юнкеров.

— Господин поручик, — разлетелись они ко мне.

— Стоп. По очереди. Говорите вы, в чем дело?

— Господин поручик, казаки нас выставляют из угловой комнаты. Взводный командир приказал просил вас прийти.

— Они ничего слушать не хотят и располагаются в комнате так, словно в конюшню явились, — возмущенно докладывал юнкер.

— А вы что хотите? — справился я у второго.

— У нас та же картина, господин поручик, но, кроме того, хотят еще в молельню пойти. Их не пускает часовой, а они кричат, что, может, умирать придется, так чтобы помолиться туда пустили. «Нам будет очень приятно помолиться там, где сами цари молились, — кричат они, — а вы не пускаете, жидовские морды». Часовой из наших евреев оказался. Юнкера обижались, и если вы не придете, то еще дело до драки дойдет, — с еще большею растерянностью доложил второй юнкер.

«Смех и грех, — пронеслось в голове. — Это теперь не оберешься скандалов с этими бородатыми дядями».

— Александр Петрович, — пока только кончили свои доклады юнкера, обратился ко мне поручик Скородинский, — вот как раз

капитан Галиевский через юнкера связи приказывает отдать левую часть этажа обороне казаков, так как у них есть пулеметы, а нам сосредоточиться лишь в расположении моей роты.

— Ну прекрасно. Передайте в ваши взводы командирам взводов, чтобы они их привели в комнаты направо, — отдал я распоряжение юнкерам. — Фельдфебель Немировский! — обратился я к стоявшему невдалеке фельдфебелю 2-й роты и прислушивавшемуся к происшедшим докладам.

— Я здесь, — подлетел он со своею пружинностью в манере вытягиваться при обращении офицеров к нему.

— Наблюдайте за отданным приказанием. Да чтобы все это быстро было исполнено. Я буду при 1-м взводе 1-й роты. А пока пойдемте к молебной комнате, — предложил я Скородинскому, — посмотреть, что там за антраша выкидывают станичники, а то еще действительно врукопашную схватятся.

Через несколько минут все приняло обычный вид порядка в настроениях юнкеров, — сцепившихся с казаками, но теперь тоже удовлетворенных полученной возможностью войти помолиться там, где «сами цари с деточками молились», — как, мягко улыбаясь сияющими грустно глазами, говорили они.

— Как большие дети они еще, — возвращаясь к своим ротам, говорил я поручику. — Вот и на фронте я не раз наблюдал, как бородачи 2-й Уральской казачьей дивизии, увлекшись спором о преимуществах одного святого перед другим, абсолютно не обращали никакого внимания на лопавшиеся вокруг них гранаты и шрапнели. А однажды при отступлении я едва оторвал от богословского спора и выгнал из халупы шестерых казаков. Еще немного, и мы не успели бы сесть на коней и ускакать от вошедших в деревню австрийцев, — вспоминал я сюжеты фронтовой жизни.

— Да, они особенные, — соглашался поручик со мною. — И они мне очень нравятся, только не молодые, те так распустились, что противно на них смотреть.

— Да, да, а какие были это войска, — вздохнули мы и смолкли.

Через открытые окна ночная прохлада освежала воздух комнат, уже пропитавшихся запахом сапог, внесенным нами в эти так взволновавшие наши чувства стены. Тишина, соблюдаемая юнкерами, позволяла улавливать звуки где-то вспыхивающей ружейной трескотни, что не мешало подумывать о кухнях, находящихся во дворе, на предмет использования их для приготовления чая юнкерам. И эти думы опять напомнили мне о моем 26-часовом голоде. «Хорошо еще, что Телюкин догадался сунуть коробку папирос».

— А вы бы пошли наверх. Там у комендантской есть столовая, где придворные лакеи сегодня подали дивный обед и вина. Право, сейчас — вы видите — все тихо, и можете положиться на меня, — начал убеждать поручик.

И словно меня кто подслушал. В комнату вошел капитан Галиевский и, подойдя в темноте на наши голоса к нам, передал приказание начальника школы явиться в помещение комендантской.

— Начальник школы приказал всем офицерам школ и частей собраться для обсуждения мер и получения заданий по развитию обороны Зимнего. Поэтому идемте скорее, господа. Времени терять нельзя. А у вас хорошо здесь, — невольно поддавшись впечатлению покоя, закончил капитан.

Спустя немного мы входили в продолговатую комнату, шумно наполненную офицерством. Здесь были и казаки, и артиллеристы, и пехотинцы — все больше от военных школ, молодые и старики. Строгие, озабоченные и безудержно веселые. Последние были неприятны; они были полупьяны. Начальника школы еще не было. И поэтому все говорили сразу и на разные темы. Причем преобладающей темой служила противная черта Петроградского гарнизона — высчитывание старшинства в производстве в тот или другой чин, всегда с недовольными комментариями и завистливыми сравнениями.

Один полковник кричал:

— Я при царе 10 лет был полковником, меня тогда обходили и теперь меня обходят. Да и не меня одного, а и вас, и вас... — обращался он к своим собеседникам, — а сегодня нам кланяются, просят защищать их, великих мастеров Революции, да в то же время сажают на голову какого-то начальника инженерной школы, из молодых. Да чтобы я ему подчинялся? Нет, слуга покорный!

— А вино отличное, — смаковал капитан одной Ораниенбаумской школы. — Это марка! И то, представьте себе господа, что лакеи, эта старая рвань, нам еще худшее подали. Воображаю, что было бы с нами, если бы мы да старенького тяпнули: пожалуй, из-за стола не вышли бы! А что, не приказать ли сюда подать парочку-другую: а то ужасная жара здесь, все пить хочется.

— Да, так эти жирные негодяи тебе и понесут сюда, — возмущенно возразил штабс-капитан той же школы.

— Ну старики и решили запереть молодых в конюшнях, чтобы их нейтралитет был для них большим удовольствием, а сами решили идти защищать землю и волю, которые по убеждениям эсеровских агитаторов хочет забрать Ленин со своею шайкою, — рассказывал один из

казацких офицеров группе окружавших его слушателей, среди которых стояли офицеры и нашей школы.

— Господа офицеры! — прокричал вдруг полковник, отказывавшийся от подчинения начальнику школы, при появлении последнего из боковой комнаты в сопровождении высокого штатского в черном костюме.

Офицеры поднялись со своих мест, и щелканье шпор заменило стихнувшие разговоры.

— Здравствуйте, господа офицеры, — начал говорить начальник школы, — волею Временного правительства я назначен Главным штабом комендантом обороны Зимнего дворца. Поэтому я пригласил вас для принятия следующих директив: соблюдение полного порядка во вверенных вам частях. Господа офицеры должны прекратить шатание по дворцу и, вспомнив, зачем они здесь, находиться при своих людях, не допуская к ним агитаторов, которые уже успели сюда проникнуть. Затем объяснить людям, что министр Пальчинский свидетельствует о получении телеграммы о начавшемся движении казаков генерала Краснова на Петроград. Поэтому наша задача сводится сейчас к принятию мер против готовящегося нападения на дворец, для чего прошу начальников частей подойти сюда и рассмотреть план расположения помещений Зимнего дворца. А кроме того, дать мне данные о количестве штыков и способности принятия на себя той или другой задачи, за выполнение которой вся ответственность ввиду недостатка времени и условий обстановки момента, конечно, ложится на взявших таковую, — продолжал говорить начальник школы, развернув план и положив его на стол.

Офицеры, почувствовав энергию и сильную волю в словах коменданта обороны Зимнего дворца, подтянулись и оживленно стали обступать стол, всматриваясь в план дворца. Здесь, — показывал карандашом на плане комендант обороны, — расположены сейчас казаки и юнкера Школы прапорщиков инженерных войск — это первый этаж налево...

— Виноват, — перебил коменданта начальник Петергофской школы прапорщиков, — я полагал бы, что юнкерам-инженерам следовало бы заняться устройством баррикад снаружи дворца, а внутреннюю оборону и патрули возложить на пехоту, т. е. на наши школы.

— Совершенно верно, вы полагаете совершенно правильно; но этого нельзя было возложить на ваши школы, ибо они занялись митингами. Теперь, когда более или менее настроение ваше и ваших юнкеров выяснено, когда у нас есть казаки и артиллерия, мы можем строго разграничить функции по родам оружия. Поэтому вы, пол-

ковник, возьмете на себя оборону решетки этого сада, примыкающего ко дворцу, против Адмиралтейства, — дал задачу комендант обороны начальнику Петергофской школы.

— Простите, — возразил тот, — юнкера мои очень устали; я считывал бы на внутренний караул дворца, так сказать на резерв.

— Господа, я прошу не отказываться от выполнения получаемых заданий. Мы все здесь устали. Не уставших нет. Поэтому я считаю этот вопрос законченным.

— Господин полковник, — вбегая вприпрыжку в комнату, еще с порога закричал штабс-ротмистр. — Господин полковник, имею честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами-георгиевцами. Сволочи нас хотели разоружить, но мы им прописали кузькину мать. Честь имею явиться, штабс-ротмистр Н. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногий. Я и мои инвалиды в вашем распоряжении.

Действительно, шумно явившийся штабс-ротмистр был с протезом вместо левой ноги. Маленький, подвижный, с тараканьими усами, он мне напомнил пана Володыевского из «Огнем и мечом» Генриха Сенкевича. Это появление инвалида отразилось на настроении офицеров, и когда штабс-ротмистр, заверенный комендантом обороны в предоставлении ему и его инвалидам боевой работы, отошел от коменданта, начальник школы петергофцев заявил, что он принимает к исполнению порученную ему задачу.

Вслед за петергофцами получили задания Ораниенбаумск первая и вторая школы. Первой вручалось дальнейшее продолжение внутреннего караула, а второй предназначена была защита баррикад у ворот, у Дворцового моста и Зимней канавки, причем резервом для нее считалась школа петергофцев. На инвалидов, явившихся в группе свыше 40 человек, возлагалась оборона первого этажа, взамен батальона инженерной школы, которую приказывалось вывести во двор для прикрытия артиллерии с выделением из батальона взводов на баррикадные работы. Поручики Мейснер и Лохвинский получили приказание отправиться возводить баррикады у моста через Зимнюю канавку. Поручики Скородинский и Бакланов — строить баррикады у Главных ворот, из тех поленищ дров, что лежали на площади перед дворцом. Капитану Галиевскому вверялось общее руководство работами инженерной школы и наблюдение за внутренней обороной. Мне было приказано составить расписание расположения частей, с ними поддерживать связь через команду связи, которая организовывалась из четырех человек от части, и иметь местонахождение в комендантской, где объявлялась штаб-квартира коменданта обороны. Командиру артиллерийского взвода от Константиновского училища

вменялась оборона ворот на случай прорыва, а пока нахождение в резерве во дворе.

Офицеры, получив задания, постепенно расходились по своим частям, обещая мне немедленно прислать от себя юнкеров для команды связи. Комендант обороны уже сидел за столом, черкая карандашом на плане названных частей в местах, им отведенных. Я сидел над левой книжкой.

«Слава Богу, дело начинает клеиться», — успокоительно звенела мысль в голове.

Все, казалось, налаживалось и прояснялось. Но вот открывается дверь, и перед столом вырастает офицер артиллерийского взвода Константиновского училища.

— Господин полковник, — обратился он к коменданту обороны, — я прислан командиром взвода доложить, что орудия поставлены на передки и взвод уходит обратно в училище согласно полученному приказанию от начальника училища через приказание от командира батареи.

Взрыв гранаты произвел бы меньше впечатления, чем сделанное заявление офицером взвода.

И сейчас же вслед за офицером явилось несколько юнкеров константиновцев, в нерешительности остановившихся на пороге комнаты.

Комендант обороны и оставшиеся офицеры-добровольцы вскочили со своих мест и в недоумении смотрели на докладывавшего офицера.

— Как это так?! — вырвалось у коменданта. — Немедленно оставите взвод.

— Поздно! — ответили юнкера. — Взвод уже выезжает. Мы просили остаться, но командир взвода объявил, что он подчиняется только своему командиру батареи. Вот мы и еще несколько юнкеров остались. Взвод уходит не хотел, но командир взвода настоял с револьвером в руках.

— Да что вы, с ума сошли? — раскричался комендант на офицера-константиновца. — Ведь взвод, раз он здесь, подчинен только мне. Немедленно верните взвод! — приказал он одному из офицеров. — А вас я арестую, — обращаясь к офицеру артиллеристу, продолжал комендант.

— Я ни при чем, господин полковник, а остаться я не могу, мне приказано вернуться. — И быстро повернувшись, артиллерист выскочил из комнаты. Несколько офицеров было с криком сорвались со своих мест, хватаясь за кобуры своих револьверов.

— Стойте! Ни с места! — снова прогремел комендант.

— Пускай уходят. Им же будет хуже: они не дойдут до училища. Их провоцировали, и они расплатятся за измену

— А вы, — обращаясь к юнкерам, продолжал комендант, — присоединяйтесь к инженерной школе. Спасибо вам за верность долгу... и идите.

Юнкера еще помялись на месте и затем, получив от меня указания куда пройти, вышли. Я боялся взглянуть на коменданта обороны. Я боялся увидеть чувство горести на его лице.

— А может быть, их задержать в воротах, — заметил кто-то из офицеров, нарушая наступившее молчание.

— К сожалению, некому этого сделать; едва ли успели занять баррикады, — ответил комендант, вставая и направляясь к выходу. — Я иду к Временному правительству в Белый зал, — обращаясь ко мне, сказал комендант, приостанавливаясь в дверях с планом в руках.

Но не успел он выйти из комнаты, как, слегка отталкивая его от двери, влетела в комнату офицер-женщина.

— Где комендант обороны, господа, — женским, настоящим женским голосом спросила офицер.

— Это я, — ответил комендант.

— Ударная рота Женского батальона смерти прибыла в ваше распоряжение. Рота во дворе. Что прикажете делать? — вытягиваясь и отдавая честь по-военному, отрапортовала офицер-женщина.

— Спасибо. Рад. Займите 1-й этаж вместе с инвалидами. Поручик, — отнесся комендант ко мне, — пошлите юнкера связи с госпожой... с господином офицером для указания места и сообщите об этом капитану Галиевскому. Еще раз прошу принять выражение благодарности. Дела будет много. Не беспокойтесь, не забудем вас, — добавил комендант, заметив выражение легкой неудовлетворенности, пробежавшей по личику офицера, и вышел.

Через несколько минут вслед за выходом коменданта комната опустела, а спустя еще немного времени начали постепенно прибывать юнкера для связи. Кончив возиться с полевой книжкой, я стал сообщать о близости столовой. Наконец я, не выдержав сидения, отправился разыскивать столовую, захватив с собой одного из юнкеров. Это оказалось довольно сложным занятием. Но вот я и у цели, у двери комнаты, где сейчас насыщу свой пустой желудок. Толстый, бритый, важный лакей отворил дверь. Я шагнул на яркий ослепительный свет и остановился. Клабы табачного дыма, запах винного перегара ударили в нос, запершило в горле, а от пьяного разгула каких-то офицеров, из которых некоторые почти сползали со стульев, у меня закружилась голова, затошнило. Я не выдержал картины, и, несмотря на желание есть и пить, я выскочил из комнаты «Пир во время чумы... Пир во время чумы... позор, это офицеры...» И предо мною стала моя адью-

тантская комната в школе и в ней Борис, говорящий мне: «Нет, ты дурак, да и законченный к тому же, Петроградского гарнизона не знаешь». «Да, да, ты прав, Борис, я дурак; ну а дураков учить надо. Вот сегодня и танцуюсь, моралист паршивый, — ругал я себя. — Э, брось, брат, не мудрствуй лукаво, не забывай, что имеешь дело с людьми, что это самый вульгарный тип животного мира...»

«А пожалуй, это лучше, что я не остался в столовой, — возвращаясь в комендантскую, соображал я. — Наелся бы, чего доброго, сам напился... ведь тебе стоит только начать пить, и ты станешь ничуть не лучше других, а пожалуй, и похуже».

Нового ничего не было. Минуты томительного ожидания бежали тягуче медленно. Но вот скрипнула дверь, и показалась фигура капитана Галиевского. Бледный от волнения, шатаясь от усталости, капитан направился ко мне.

— Я не могу. Устал. Выбился из сил, убеждая казаков. Они, узнав, что ушла артиллерия, устроили митинг и тоже решили уйти... Вот что, Александр Петрович, идите к своей роте и займите баррикады у ворот. Пахотные юнкера еще этого не сделали, а между тем восставшие приближаются. Получено известие от Главного штаба. Потом убедите казаков оставить вам пулеметы, которые поставьте на баррикады. Среди юнкеров найдите пулеметчиков, хотя бы чужой школы. А я... я отдышусь и пойду к Александру Георгиевичу. Бедный, тяжело ему сегодня и еще хуже будет.

Но я уже не слушал капитана и, сорвавшись с места, бросился спасать положение. Своих юнкеров я нашел во дворе, на старом месте, куда они были выведены для предоставления места в первом этаже казакам, теперь уходящим, инвалидам-георгиевцам и ударницам. Юнкера были расстроены, что я сразу уловил по отдельным замечаниям, которыми они перекидывались.

«Ну, теперь с ними не разговаривай — это хуже их расстроит, а сразу действуй», — промелькнуло решение, и, подойдя к середине фронта, я скомандовал:

— Рота смирно!

Разговоры от внезапности моего появления смолкли.

— Рота равняйся! Смирно! Друзья, вам предстоит честь первыми оказаться на баррикадах. Поздравляю. На плечо! Рота, правое плечо вперед, шагом марш!

И рота, словно наэлектризованная, взяла твердый отчетливый шаг.

Вот броневики, испорченный, как оказалось, а потому и торчащий здесь на манер пугала от ворон в огороде... Ворота. Открываю. Темно. Кто-то копошится впереди. Различаю стук, сопровождающий копоше-

ние, звук ударов бросаемого дерева. Ага, это и есть линия баррикад — быстро соображаю и развожу роту в темноте по линии, растущей вверх преграды-защиты.

И еще немного, и юнкера начинают сами продолжать завершение создания баррикады и приспособляться к более удобному положению для стрельбы. Отысканы и пулеметчики, и взводные юнкера, посоветовавшись со мной, определили места для пулеметов: таковыми оказались исходящие углы баррикады. Теперь остановка за пулеметами, и я, оставив вместо себя фельдфебеля Немировского, побежал к казакам, захватив несколько юнкеров. У броневика сталкиваюсь с какой-то фигурой. Оказывается, офицер-женщина, а за ней еще фигуры. Спрашиваю, в чем дело.

— На баррикадах никого нет, решил занять их, — по-мужски отвечает командир ударниц.

— Виноват. Ошибаетесь, юнкера Школы прапорщиков инженерных войск уже заняли баррикады. И я бы просил вас, наоборот, занять весь 1-й этаж, так как казаки уходят.

— Знаю, но там хватить георгиевцев. Да что же, наконец, вы нам не доверяете? — заволаговала офицер-ударница.

— Ничего подобного, таково приказание начальника обороны. Ради Бога, не вносите путаницы, — уже молил я.

— Ну что ж, раз баррикады заняты, я вернусь на место. Рота кругом! — скомандовала командир ударниц.

Видя, что инцидент окончен, я понесся дальше в коридор. В коридоре творилось что-то невероятное. Галдеж. Движение казаков, собирающих свои мешки. Злые, насупленные лица. Все это ударило по нервам, и я, вскочив на ящик, стал просить, убеждать станичников не оставлять нас... Не выдавать! — рассчитывая громкими словами сыграть на традициях степных волков.

В первый момент их как будто охватило раздумье, но какая-то сволочь, напоминанием об уходе взвода артиллерии, испортила все дело. Казаки загудели и опять задвигались.

— Ничего с ними не сделаете, — пробившись ко мне, заговорил давешний подхорунжий. — Когда мы сюда шли, нам сказок наговорили, что здесь чуть не весь город с образами, да все военные училища и артиллерия, а на деле-то оказалось — жиды да бабы, да и правительство, тоже наполовину из жидов. А русский-то народ там с Лениным остался. А вас тут даже Керенский, не к ночи будет упомянут, оставил одних. Вольному воля, а пьяному рай, — перешел на балагурный тон подхорунжий, вызывая смешки у близстоявших казаков.

И эта отповедь, и эти смешки взбесили меня, и я накинулся с обличениями на подхорунжего:

— Черти вы, а не люди! Кто мне говорил вот на этом самом месте, что у Ленина вся шайка из жидов, а теперь вы уже и здесь жидов видите. Да, жида, но жид жиду рознь, — вспомнил я своих милых, светлых юнкеров. — А вот вы-то сами, что сироты казанские, шкурники, трусы подлые, женщин и детей оставляете, а сами бежите. Смотрите, вас за это Господь так накажет, что свету не рады будете. Изменники! — кричал я, уже положительно не помня себя.

И удивительное дело! Подхорунжий молчал, опустив голову и посапывая. «Черт! Заколдованный круг какой-то! Родиться и жить для того, чтобы ругаться в Зимнем дворце», — холодом обдала меня набежавшая откуда-то мысль, и я, сразу ослабев, тоже смолк. Казаки уходили, и в этом было дикое, жуткое. «Так Пилат умывал руки», — скользнуло нелепое сравнение; а злоба послала им вслед эпитет Каина.

— Стой! — снова спохватился я. Черт с ними, пускай убираются, только пулеметы оставили бы. И я уже смягченным тоном обратился к подхорунжему: — Бог вам судья. Идите. Но оставьте пулеметы, а то мы с голыми руками, — попросил я.

— Берите, — мрачно ответил, не глядя на меня, подхорунжий. — Они там, в углу, в мешках, они нам ни к чему, — махнул он рукою, а затем, сунув ее мне, добавил: — Помогай вам Бог, а нас простите. И, грузно шлепнув ногой о пол, направился за уходящими в глубь первого этажа казаками.

— Постойте — куда же они идут? — под влиянием недоумения остановил я подхорунжего. — Куда вы идете, ведь ворота там.

— Ну да, дураков нашли, — снова резко ответил подхорунжий. — Там юнкера у ворот, а мы через Зимнюю канавку выйдем, там сам свободный пропуск обещан.

— Кем? — озадаченный спросил я.

— Прощайте! — не отвечая на вопрос и прибавляя шагу, пошел подхорунжий.

«Вот оно что! там есть выход! Они через него уйдут, а потом через него большевики влезут. Свободный пропуск обещан, — повторил я фразу подхорунжего. — Так, так, голубчик, спелись уже. Ну что ж, от судьбы не уйдешь».

— Послушайте, юнкер, — с приливом новой энергии обратился я к одному из взятых с собой юнкеров. — Отправляйтесь вслед за казаками и заметьте выход, в который они уйдут, а затем вернитесь сюда и ждите меня, предварительно указав этот выход командиру георгиевцев. Поняли?

— Так точно, понял!

— И помните, что это боевой приказ. Понимаете?

— Так точно, понимаю, — снова лаконично ответил юнкер.

— Ну идите; а вы, господа, — обратился я к остальным, — берите пулеметы и тащите их на баррикады. Фельдфебель знает, где поставить, а я побегу к коменданту обороны Зимнего дворца с докладом.

Выскочив в проход под аркой, я остановился. Где-то совсем близко щелкали выстрелы. «Скорее к коменданту или Галиевскому и назад к юнкерам», — кольнула мысль, и я снова бросился в противоположный вход, направляясь в комендантскую. По дороге попались какие-то юнкера, а затем группа безобразно пьяных офицеров, среди которых один высокий офицер, размахивая шашкой наголо, что-то дико вопил. Влетев в комендантскую, я наскочил на поручика Лохвицкого, что-то заикаясь докладывавшего капитану Галиевскому, обескураженно сидящему на стуле.

— Господин капитан, — перебивая Лохвицкого, начал я докладывать об уходе казаков через выход на Зимнюю канавку.

— Так, так, — только твердил он, выслушивая мой доклад, а когда я кончил его, вдруг сразил меня новостью: — Паршиво. Но еще хуже растерянность правительства. Сейчас получен ультиматум с крейсера «Аврора», ставшего на Неве напротив дворца. Матросы требуют сдачи дворца, иначе откроют огонь по нему из орудий. Петропавловская крепость объявила нейтралитет. А вот послушайте, что докладывают юнкера-артиллеристы ушедшего взвода константиновцев, — показал он рукою на незамеченную мной группу из трех юнкеров. — Положение дрянь, и пехотные школы снова волнуются. А правительство хочет объявить для желающих свободный выход из дворца. Само же остается здесь и от сдачи отказывается, — сообщал рвущая мозги, душу и сердце новости капитан.

Я молчал. Я не чувствовал себя и в себе языка, мысли, ничего. Капитан барабанил по столу своими длинными, костлявыми, худыми пальцами. Я смотрел на них. И вдруг жалость защемила сердце. «Господи, придется ли еще этим пальцам ласкать личико болезненной славной дочурки?» — и эта мысль отрезвила меня.

— Да черт с ними, капитан, — заволновался я. — Чем меньше дряни во дворце останется, тем легче будет обороняться. Ведь до утра досидеть, а там в городе опомнятся и придут на выручку. Не так страшен черт как его малюют. А вы что, Лохвицкий, тут? Баррикады построили?

— Какого дьявола, — ответил за него капитан. — Разбежались при подходе семеновцев²², а Мейснер попал в их руки... добровольно, —

выдержав паузу, продолжал капитан, — заявил, что хочет идти парламентаром от той части защитников дворца, которую здесь держат силою. Я вам говорил, что он что-то выкинет.

— Да, да, да. Теперь я все понимаю, — твердил я. — Теперь ясны появления у нас в школе Рубакина. Теперь я все, все соображаю. Только бы теперь еще найти военного комиссара и кое-что спросить, — забегав по комнате, вцепившись руками в волосы, забормотал я.

Капитан, пораженный моей выходкой, подскочил ко мне и начал успокаивать.

— Бросьте, не время, идемте к юнкерам. Поручик! — позвал он Лохвицкого. — Отавайтесь тут и, когда явится Александр Георгиевич, доложите, что мы на баррикадах.

Мы вышли. За нами вышли юнкера-константиновцы.

— А эти назад прибежали, — рассказывал капитан. — Когда они стали выезжать на Невский, им преградили путь броневики и отняли у них орудия, которые теперь против дворца направлены. А эти молодцы, как-то вырвались к просьме идти на выручку. Сделать вылазку. Эх, дела, дела.

Но вот мы подошли к выходу под арку. Несколько близких выстрелов густым эхом отозвались под нею.

— Вперед, Александр Петрович! — воскликнул капитан и бросился к воротам. За ними я и юнкера.

Баррикады были освещены. Юнкера стояли на своих местах, готовые скорее быть растерзанными, чем сойти с мест. Пулеметы, налаженные, торчали на местах. Баррикады оказались высокими и довольно удобными, с родами траверсов из перешеек, сложенных также из дров. Обойдя баррикады, капитан нашел, что защитников их недостаточно и что, кроме того, они слишком утомлены, а поэтому приказал заменить их первой ротой, что немедленно и было мною исполнено. И только юнкера расположились по местам за баррикадами, как открылся огонь по дворцу, фонари погасли, и мы очутились снова в темноте.

— Откуда стреляют? Ни черта не видно, — неслось по баррикаде.

— Спокойствие соблюдать! — отдавал распоряжение капитан. — Огонь открывать только по моему приказу. Черт его знает, кто может идти к нам, — обращаясь ко мне, говорил он. — А я вот, что сделаю: вперед дозоры выставлю. — И, приняв решение, капитан начал назначать юнкеров в дозоры.

Но вдруг снова загорелся свет в высоких электрических фонарях, стоящих по бокам ворот. И снова стало светло как днем. И снова, раздались выстрелы и щелканье пуль о стены дворца.

— Свет потушить, — кричал капитан. — Свет потушить, — бегая вокруг фонарей и ища выключатель, кипятился капитан, наблюдая, как звуки пуль, ударявшихся о стены, постепенно снижались с верха к земле. — Александр Петрович, бегите во дворец и найдите собаку-монтера и приведите сюда, — приказал он мне.

— Я ранен в руку, — спокойно отходя от пулемета, так же спокойно доложил юнкер.

Смотря на юнкера, на его спокойствие, написанное на его лице, и на Георгиевский солдатский крестик, мне неудержимо хотелось схватить и поцеловать эту раненую руку. Но я сдержался и стал отвязывать бинт, прикрепленный к поясу.

— Оставьте, Александр Петрович, — заметил капитан. — Он пойдет в лазарет в третий этаж. Да скорее бегите за монтером! — крикнул мне капитан, топнув ногой, и я исчез в воротах.

«Куда бежать, где искать? Дворец огромен, черт, до утра проплутаешь в нем! Ага!.. в столовую! — случайно сообразил я. — Там старые придворные лакеи, они все, конечно, знают. Живо, скорее, каждая секунда дорога», — мчась изо всех сил легких, подгонял я себя. Подбежав к столовой, я наткнулся на двух бритых служителей, над чем-то хохотавших.

— Где монтер? Где — откуда дают свет на наружные ворота, — набросился я на них с вопросами.

Озадаченные моим появлением и вопросами, они замолчали.

— Живо отвечайте. Я вас спрашиваю, где здесь во дворце монтерная?

— Я не знаю, — заговорил один. — Сейчас никого нет, все разбежались, вот только господа офицеры изволят погуливать тут, — сладенько, цинично улыбаясь, ответил пониже ростом.

— Издеваешься скотина! — И вдруг, неожиданно для себя, я ударил его в лицо. — Говори, где монтерная, — выхватывая револьвер из кобуры и суя его в лицо другому, давился я словами.

— Ой, убивают, караул! — закричал первый, куда-то убегая.

— Сейчас, сейчас, ваше сиятельство. Я покажу, — стигаясь, засуетился спрошенный.

— Ладно. Иди скорее, — торопил я его, уже не выпуская револьвера из рук. — Ну скорее, бегом. Времени нет. Жирная сволочь, — ругался по-извозничьи я.

Мелькали какие-то двери, переходы. Попадались юнкера, куда-то спешащие, а мы бежали из одного коридора в другой. Наконец остановились перед железною дверью.

— Здесь, — запыхавшись, объявил, останавливаясь лакей.

— Отворяй! — приказал я ему. Лакей начал стучать. Прошло несколько секунд, показавшихся вечностью, и дверь открылась. Еще молодой маленький человек в кожаном переднике на жилетку, увидев меня с револьвером, поднял руки вверх. Но я не заговорил с ним и, быстро обернувшись, чисто инстинктивно приказал жестом выпрямившемуся лакею войти в комнату, и когда он это исполнил, я опустил револьвер и объяснил монтеру свое желание.

— Не бойтесь, — успокаивал я, — я не большевик, а офицер, как вы можете видеть по моей форме. И скорее, пожалуйста, погасите свет у ворот на площади.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — засуетился около распределительной доски монтер. — Слушаюсь. Сию минуту. Готово, ваше высокоблагородие, — объявил он, отходя от доски и смотря на мои руки.

— Спасибо. Отлично. А теперь выходите оба отсюда. А вы дайте мне ключ от этой комнаты, — обращаясь к монтеру, потребовал я.

— Слушаюсь. Сейчас. Ах Боже мой, где же ключ? Ищи ключ на кожаном шнуре, — мечась по комнате, попросил он лакея, но тот уже выскочил и неся по коридору восвояси.

— Живо, живо, — торопил я.

— Есть, — радостно завопил монтер, подавая ключ.

Я взял его и пробовал закрыть и открыть дверь. Замок действовал хорошо.

— Ну, идемте. Свет оставьте здесь гореть. Вы будете находиться при мне, — говорил я ему, когда мы зашагали обратно, направляясь к выходу, к главным воротам.

— А что, ваше высокоблагородие, — спрашивал он меня, — вы из отряда его превосходительства генерала Корнилова будете?

— Почему вы это думаете? — задал я ему вопрос.

— Да уж наверное не иначе. Уж вы больно решительно действуете, не то что здешние господа офицеры. Собрались с юнкерами нас защищать, а сами все гуляют.

«Да, да, вас защищать, — думал я, — да я тебя бы уже отправил на тот свет, если бы не нужда в тебе». Но вот мы вышли к комендантской. «Ага, — сообразил я. — Я оставляю его и ключ у юнкеров связи. Это будет надежнее и целесообразнее». И я вместе с ним вошел в комендантскую. Комендантская была полна. Все одновременно говорили, кричали. Я провел к стене у шкафа монтера и, сдав его юнкерам связи и заявив им, что они мне отвечают за него и за ключ своими головами, стал прислушиваться к происходящему. Оказалось, в центре ударниц, инвалидов-георгиевцев и откуда-то взявшихся юнкеров Пав-

ловского военного училища, которых во дворце не было, стоял комендант обороны дворца. Вся эта публика, волнуясь, с возбужденными глазами, а ударницы со слезами на них, умоляли, требовали от коменданта обороны сделать вылазку на Главный штаб, где, по их сведениям, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоружив и частью убив офицеров, арестовали генерала Алексеева²³.

— Мы должны выручить генерала Алексеева. Это единственный человек, ради которого стоит жить. Только он спасет Россию, а они его замучат! — кричали, перебивая друг друга, просящие.

— Уже, говорят, с него сорвали погоны, — визжала одна ударница.

— Если вы не разрешите, вы враг родины! — вопил штабс-ротмистр, подпрыгивая на своем протезе.

— Хорошо, — наконец согласился комендант обороны, видя, что все его уверения, что генерала Алексеева там нет, ни к чему не приведут. — Но только, — продолжал он, — могут произвести вылазку одни лишь ударницы. Инвалиды же должны остаться охранять 1-й этаж. Вас, ротмистр, я назначаю командиром внутренней обороны ворот. Но как только вы убедитесь, что генерала Алексеева нет, так немедленно же вернитесь на место, — снова обращаясь к ударницам, приказал комендант.

Ликуя и торопя друг друга, покинула вся эта честная, чуткая публика комендантскую.

— Я не мог иначе поступить, все равно сами бы ушли, а это было бы хуже, — увидев меня, поделился со мною комендант. — Ну как ты, жив еще? — подойдя ко мне и улыбаясь, продолжал он. — Ну и устал я. Рвут. Говорят без конца, и никакого толку. Положительно сладу нет ни с кем. Ну идем вниз, посмотрим, что там делается.

И мы, разговаривая, вышли из комендантской. Внизу навстречу нам попался капитан Галиевский.

— Разрешите узнать, вами ли разрешена вылазка ударницам? — обратился он с вопросом к коменданту.

— Да, — ответил комендант обороны.

— Слушаюсь. — И он снова бросился к баррикадам.

— Ну я туда, — выйдя под арку и указывая на противоположащую дверь 1-го этажа, откуда выбрали ударницы, сказал комендант. — А ты, — продолжая обращаться ко мне, закончил он, — делай что найдешь нужным, я доволен тобой и доверяю тебе.

Чувство удовлетворения наполнило меня, и я выскочил к баррикадам. И в тот же момент снова загорелись потухшие было фонари, и я увидел выстроившуюся роту ударниц, стоявшую лицом ко двору и

правым флангом к выходу из-за баррикад по направлению Миллионной улицы.

— Равняйся. Смирно, — покрывая щелканье пуль о стены, о баррикады и верхушку ворот, командовала, стоя перед фронтом ударниц, женщина-офицер. — На руку. Направо. Шагом марш. — И, вынув револьвер из кобуры, женщина-офицер побежала к голове роты.

Я и стоявшие тут же офицеры капитан Галиевский и штабс-ротмистр взяли под козырек.

— Броневи́к идет, — раздалось с баррикад.

— Пулеметчики, приготовься, — командовал Галиевский. — Александр Петрович, Христа ради, потушите огонь! — крикнул он мне, и я, выхватив револьвер, выстрелил в фонарь.

— Зря! — крикнул я, но ошибся. Фонарь потух. Пуля разбила его.

Стрельба по второму не давала результата, и я снова помчался во дворец. «Тебе не свет тушить надо, а пойти с ударницами. Ну, тут каждому свое», — глупо урезонил я себя, мчась в комендантскую.

Через несколько минут я с монтером снова был в монтерской. Доска оказалась выключенной, и он позвонил на станцию.

— Станция занята матросами, — объявил он, опуская слуховую трубку. — Теперь весь свет в их руках. Ваше высочорodie, — молил он, пока я проверял его заявление, отпустите меня: у меня жена, дети. Я ни при чем здесь.

— Хорошо, убирайся к черту и куда хочешь, но попадешься среди них, застрелю, — в бессильной злобе угрожал я, в то же время чувствуя бесполезность слов.

Назад я шел один. Ноги подкашивались. Я выбился из сил и часто останавливался, чтобы, прислонившись к стене, не упасть. В голове было пусто... Вот и комендантская. Вошел. Пусто. Я бросился к окну.

— Назад, назад, господин поручик, вас убьют, — откуда-то раздался удивительно знакомый голос.

— Кто здесь, где? — обернулся я.

— Это я, — высовываясь из-за шкафа, показалась белая как снег физиономия фельдфебеля Немировского.

— Что вы тут делаете, почему не с юнкерами?

Немировский вздрогнул, затрясся, закрыл лицо руками и зарыдал. Я подошел к нему.

— Ну успокойтесь, в чем дело? — допрашивал я его.

— Я был все время на баррикадах... Я не могу больше... Я не могу видеть крови... Один юнкер в живот, в грудь... Очень тяжело ранен, а у него невеста, старуха мать... — рыдал Немировский.

— Послушайте, — видя, что лаской ничего не сделаешь, сказал я, — послушайте, вы самовольно ушли. Вы знаете, что я имею право пустить вам пулю в лоб, но я этого не сделаю, если вы дадите слово взять себя в руки и отправитесь составить мне из первых попавшихся юнкеров команду связи.

— Спасибо, спасибо. Слушаюсь. Но вы никому не скажете, что видели меня? Лучше застрелите, но не говорите никому.

— Это будет зависеть от вас, ведь вы казак, фельдфебель, — урезонивал я его.

— Я завтра подам рапорт об исключении из школы: я не имею права носить офицерского мундира, — горячо клялся, приходя в себя и вытирая лицо, юноша-композитор, танцор, дивной игрою которого заслушивалась вся школа.

Бесконечная жалость к нему, к себе и ко всем заворошилась, защемила в груди.

«На баррикады!» — крикнул я себе и с вновь вспыхнувшей энергией бросился к воротам. В коридоре 1-го этажа снова загудело от выползших откуда-то юнкеров пехотных школ. Кто стоял, кто шел. Но вот дверь. Выскакиваю. Противоположная дверь открыта, и в освещенном коридоре толпятся какие-то юнкера.

«Что-то неладное», — пронизывает мысль мозги, и я там. На ящике стоит какая-то фигура в солдатской шинели и орет отрывистые слова. Окружающие волнуются и гудят. «Что такое, что за митинг», — проталкиваюсь вперед, в стремлении среди всеобщего гама уловить смысл брошенных слов, говоримых с ящика, на котором часа два тому назад стоял хорунжий. Наконец удается вслушаться.

— Через пять минут «Аврора» вновь откроет огонь. Через пять минут. И еще раз повторяю: кто сложит оружие и выйдет из дворца, тому будет пощада. Вас обманывают, — вырвалось из груди говорившего.

«Агитатор», — понял я, и холодок пробежал у меня по спине.

«Ну, чего медлишь? — со свирепостью накинулся я на себя. — В твоём нагане ещё есть патроны. Говори, говори, собака. Собаке — собачья смерть», — шептал я губами, вытаскивая с трудом руку и осторожно поднимая дуло нагана над плечами впереди стоящих и целясь в голову говорящего.

«Ну, вот сейчас хорошо!» И я взвел курок.

— С ума ты сошел! — раздалось над правым ухом, и одновременно рука легла на мою правую руку, просунув палец под курок.

— Что за... — И слова замерли на губах, я увидел лицо брата, склонившееся ко мне.

— Сейчас же, поручик, отправляйтесь в комендантскую и ждите меня там. Слышите? Я вам категорически приказываю, как комендант обороны дворца.

Ничего не отвечая, я повернулся и, засовывая наган в кобуру, пошел, с чувством побитой собачонки, в комендантскую.

«Ишь ты, — успокаиваясь, сидя в комендантской, размышлял я. — Второй раз будет «Аврора» стрелять по дворцу, а я и первого не слышал. Да где тут услышишь, когда такие стены. Тут, при твердости характера, можно отсиживаться целые недели, а не только до утра. Крепость! Эх, всех бы таких, как наша школа!» — вяло скользила в голове мысль. «И чего я сижу? — вдруг решил я. — Скорей беги и арестуй коменданта обороны. А на что обопрешься?.. А Галиевского забыл?» — подсказала мысль, и я вскочил со стула. Но в тот же момент отворилась дверь, и в комендантскую вошел комендант обороны в сопровождении каких-то офицеров и нескольких штатских.

— Поручик, — обратился ко мне комендант, — отправьтесь к Временному правительству и доложите, что вылазка, произведенная ударниками, привела их к гибели, что Главный штаб занят восставшими, обезоружившими офицерский отряд, а также доложите, что положение усложняется и что дворец кишит агитаторами. Временное правительство вы найдете, — подойдя вплотную ко мне и понизив голос, продолжал комендант, — за Белым залом, да вот возьмите связь — он вам укажет, — показал комендант на маленького, в штатском костюме, очень изящного юношу.

— Слушаюсь, господин полковник, — покорно ответил я вслух и, повернувшись к юноше в штатском, передал ему приказание коменданта проводить меня к Временному правительству.

Юноша взглянул на коменданта и, увидев утвердительный кивок головой, любезно раскланялся передо мною и заявил, что всего себя предоставляет в мое распоряжение.

Свернув налево, затем направо в длинный и прямой, как стрела, коридор, я со связью бросились бежать.

— Здесь налево, на лестницу у стеклянных дверей, — проговорил юноша. — А теперь вверх и налево. — И мы снова очутились в коридоре, в конце которого завернули направо и вышли в Портретную галерею.

— Здесь час назад была брошена бомба сверху проникшими во дворец большевиками, и Временное правительство должно было из этого зала перейти в другой, куда я вас сейчас приведу, — рассказывал он, когда мы уже шли по Портретной галерее, где бежать не было возможности из-за валявшихся на полу матрацев юнкеров-оранienbaumцев.

«Вот вы где, сеньоры? Спите? Прекрасное занятие в то время, когда гибнут женщины! Нет, я ничего не понимаю», — в отчаянии мысленно кричал я себе.

Но вот галерея кончилась, и огромный зал распластался перед нами. По залу ходили отдельные фигуры офицеров. Мы подошли ближе. В офицерах узнаю офицеров нашей школы: поручиков Бакланова, Скородинского и Лохвицкого. Отдельно от них разгуливал маленький худенький доктор школы — Ипатов.

Увидев меня, они бросились ко мне.

— Как? Что? Уже заняли первый этаж?.. — дрожащими губами справился торопливо кругленький, упитанный Бакланов.

— Да, занят, — и, выдержав паузу, закончил: — Нами.

Из бледного Бакланов стал густо-красным и отошел. Скородинский что-то промямлил, что он находится здесь в карауле, и тоже отошел. Только Лохвицкий, с перекошенным лицом, сбиваясь и брызжа слюною, начал доказывать бесплодность дальнейшей борьбы.

— Вы карьеристы, — говорил он захлебываясь, — вы губите юнкеров и нас!

— Убирайтесь вы к черту! — не вытерпев, отгрызнулся я на поручика гвардии, выставленного из нее с фронта за необычайное мужество. — Неврастеник несчастный!

— Вы можете ругаться сколько угодно, а только губить нас и Временное правительство вы не можете, — продолжал он стонать над душой.

— Здесь. Стучитесь, — остановился мой провожатый у двери, на карауле которой стоял юнкер нашей школы Я. Шварцман.

Я поздоровался с ним и объявил, что иду к Временному правительству по приказанию коменданта обороны дворца. Он ответил, что в таком случае я могу пройти, и постучал в дверь. Кто-то дверь толкнул изнутри и я вошел в нее, закрывая сейчас же ее за собой.

— Что вам угодно? — спросил меня в адмиральском сюртуке старичок, сидевший налево от двери, в кресле.

— Поручик Синегуб, Школы подготовки прапорщиков инженерных войск, по приказанию коменданта обороны Зимнего дворца, полковника Ананьева, явился для доклада об обстановке момента господину председателю Совета министров, ваше превосходительство, — громко, отчетливо, вытянувшись в позе «смирно», отрапортовал я ответ.

Во время моего ответа разгуливавшие по комнате двое министров, членов Временного правительства, остановились, и затем они и один поднявшийся из-за стола подошли ко мне.

В одном я узнал Терещенко, а во вставшем из-за стола — Коновалова.

— Я к вашим услугам. Что сообщите? — приятным тембром голоса задал он мне вопрос.

— Говорите, говорите скорее! — живо заторопил меня Терещенко.

В кратких словах я изложил порученное мне комендантом обороны, упомянув о стойкости юнкеров нашей школы, продолжающих лежать на баррикадах.

— Поблагодарите их от нашего имени! — пожимая мне руку, говорил председатель Совета министров, когда я кончил доклад и спросил разрешения идти. — И передайте нашу твердую веру в то, что они додержатся до утра, — закончил министр.

— А утром подойдут войска, — вставил Терещенко.

— Понимаете, надо додержаться только до утра, — добавил значительным тоном голос из-за его спины.

— Так точно, понимаю. За нашу школу я отвечаю, господин председатель Совета министров.

— Вот и прекрасно! — обрадованно проговорил тот же голос.

Я быстро взглянул в его сторону и увидел небольшого старичка с пронизывающими, колкими глазами.

— Спасибо, — говорил А.П. Коновалов, — и пожалуйста, передайте коменданту, что правительство ожидает частых и подробных сообщений.

— А лучше, если он сам сможет вырваться и явиться к нам, — бросил Терещенко.

Во время этих приказаний я приблизился к двери и открыл ее, и в тот же момент в нее проскользнул поручик Лохвицкий и, поймав за пуговицу жакета А.И. Коновалова, начал доказывать ему бесполезность дальнейшей борьбы.

Измученные министры пододвинулись и начали вслушиваться в развиваемую Лохвицким тему.

Мне было досадно и смешно. Взять его за плечи и вывести мне представилось актом довольно грубым в отношении министров, поэтому я его ушипнул, но он только отмахнулся рукою. Меня это задело, и я объявил, что поручик контужен в голову на фронте, — что соответствовало истине, — и поэтому прошу разрешения его увести. Но мне ответили, что в том, что он говорит, есть интересные данные и поэтому я могу без стеснения его оставить.

— Слушаюсь, — стереотипно ответил я, повернулся и вышел.

Выйдя в зал, я снова почувствовал прилив бесконечной слабости от неожиданного для меня родившегося какого-то чувства симпатии к этим

людям, в сущности покинутым всеми, на волю взыгравшегося рока. «Бедные, как тяжело вам».

— Господин офицер, господин офицер, — внезапно раздался зов сзади.

— Это вас зовут, — сказал мне мой спутник.

Я обернулся. Ко мне из кабинета заседания правительства большими шагами быстро приближалась высокая, стройная фигура Пальчинского.

— Сейчас звонили по телефону из городской думы, что общественные деятели, купечество и народ с духовенством во главе идут сюда и скоро должны подойти и освободить дворец от осады. Передайте это коменданту обороны для передачи на баррикады и оповещения всех защитников дворца, — говорил взволнованно министр. — Подождите, я... — Но его перебили передачей из кабинета приглашения подойти к телефону. — Хорошо, бегу! — крикнул он и, снова обращаясь ко мне, добавил: — Вы сами, пожалуйста, тоже распространяйте это. Это должно поднять дух, — отходя от меня, закончил он отдачу распоряжений.

Это известие о шествии отцов города и духовенства подняло меня. И мне стало удивительно легко. «Это поразительно красиво будет», — говорил я сопровождавшему меня юноше.

Юноша сиял еще больше меня. Но вот Портретная галерея, и я, несколько сдержав выражения своей экзальтированности, выбежав на середину галереи, прокричал новость юнкерам.

— Ура! Да здравствует Россия! — закончил я сообщение новости и, под общие торжественные крики «Ура» юнкеров, побежал дальше, останавливаясь перед группами юнкеров и делясь с ними приближающейся радостью.

А в это время снова начала разговаривать с Невы «Аврора».

— Будьте добры, помогите мне, — говорил мне юноша, оказавшийся офицером-прапорщиком, только на днях приехавшим в отпуск к родителям с фронта и вот сегодня проникнувшим во дворец, — разделить участь юнкерства и тех сыновей чести, которые служили в армии не из-за двадцатого числа, а в силу уважения к себе, как детям большого, прекрасного народа. Вы это можете сделать, — убеждал он меня, — предоставьте мне нескольких юнкеров, и я организую вылазки. Позвольте, позвольте, — предупредил он готовый было сорваться у меня протест. — Я уже ходил, но один. Я пробрался за баррикады и, вмешавшись у Александровского сада в толпу осаждающих, бросил три гранаты. Это же была картинка! Правда, помогите, — просил юноша.

Но я отказал. Одно дело — грудь на грудь идти и другое — из-за спины. И среди кого? Рабочих, отуманенных блестящей, как мыльный шар, фантазией...

— Нет, — говорил я, — право, невинной крови не надо. Вот пойдут горожане с духовенством, и это, поверьте, окажется сильнее, чем «Аврора» с их стороны и вылазки такого сорта, как вы предлагаете, — с нашей. Оставьте честь метаний бомб из-за угла господам Савинковым, — урезонивал я горящего жаждою боя прапорщика.

— Вы правы; я не подумал с этой точки зрения, — согласился со мною юноша.

За беседой мы незаметно достигли поворота коридора в первом этаже к выходу под аркой, где нам снова попалось двое юнкеров и какой-то дворцовый служитель, стоявший прислонившись к стенке и беззаботно курящий махорку, напомнившую мне, что я давно не курил. Я остановился и попросил у него папиросу. Он охотно исполнил мою просьбу, но от денег отказался. Я закурил и пошел дальше, за поворот.

— Господин поручик, — вдруг остановил меня один из двух юнкеров, попавшихся навстречу до поворота. — Господин поручик, этот человек, у которого вы брали папиросу, кажется, большевик. У него под тулупом болтаются гранаты. Мы давно за ним следим. Он кого-то здесь ждет, — доложил юнкер свои соображения о здоровеннейшего роста субъекте, принятом мною за дворцового служителя.

— Так, отлично! Будьте внимательны! Я сейчас проверю, — поворачиваясь обратно, приказал я юнкерам.

— Послушайте, скажите, что вы здесь делаете? — подходя почти вплотную, задал я прямо вопрос человеку в тулупе и валенках. И, не давая возможности произнести что-либо в ответ, я быстро оборвал крючок воротника и задернул его на плечи, связав, таким образом, свободу действия рук.

Эффект был ошеломляющий как для него, так и для меня: на раскрытых плечах лежали солдатские погоны Семеновского полка, а за поясом торчало два револьвера и висело несколько гранат.

Мгновение — и мой револьвер у его носа, а штыки винтовок юнкеров прижались к животу и груди. И он стоял не шелохнувшись, выпучив глаза и сдерживая дыхание. Прапорщик вмиг снял с него его украшения и вытащил из карманов кучу обойм и кошелек, в котором оказалась расписка в получении от товарища Сидора Евдокимова пакета за № 17 от 25 октября из Зимнего дворца, от товарища Н. Печати не было. Подпись была, но неразборчива. Эту записку я спрятал в полевую книжку, а револьверы, патроны и гранаты предоставил в распоря-

жение юнкеров и принялся за допрос. Но ни угрозы, ни обещания свободы не действовали. И он, притворяясь дурачком, рассказывал сказку, что кошелек он нашел во дворе, что он неграмотный и что он и не солдат вовсе, а так, святым духом оказался в форме. Слушая галиматью, какую он нес, прапорщик бесился и все хотел его пристрелить. Но я решил иначе и приказал юнкерам отвести его наверх и сдать внутреннему караулу 2-го этажа. Прапорщик тоже пошел с ними.

«Надо быть осторожнее», — начала строить выводы мысль, когда, оставшись один, продолжал идти к комендантской, как в коридоре из другого, параллельного первому, из которого я только что вышел, с шумом показались юнкера-оранienбаумцы. Я остановился и, подождав, чтобы их больше накопилось, передал им весть о шествии горожан ко дворцу. И то, как они приняли это, подсказало мне, что они выходили в коридор для полного выхода из дворца.

Теперь же настроение вновь переломилось, и они снова загадели о возвращении обратно к своим постам. В это же время откуда-то выскочил офицер их школы, и дело водворения порядка опять пошло на лад. Тут же попался мне на глаза один из юнкеров связи нашей школы, которого я и послал на баррикады передать новость капитану Галиевскому. «Медлить нельзя, — между тем говорил я себе. — Скорее находи коменданта обороны и проси направить свободных офицеров к юнкерам. Иначе приход отцов города будет впустую. Затем из юнкеров необходимо устроить заставы на подступах к Белому залу, а то бесконечные коридоры ими не охраняются, и они свободно, через какие-нибудь ходы, вроде Зимней канавки, просочатся и затопят дворец своею численностью, а не победой оружия. Боже, как мне это раньше не пришло в голову», — едва плетясь к комендантской, казнился я. «О, где бы выпить воды и оправиться?» И у меня в глазах запрыгал стакан чаю, замеченный мною на столе в кабинете заседания Временного правительства. «Дурак, почему не попросил, объяснив причины жажды? Ты этим бы даже подбодрил их. Они увидали бы, что есть люди, которые твердо стоят на своем посту служения долгу. Да, держи карман шире — просто решили бы, что выскочка, — зло рассмеявшись, вошел я в достигнутую мною комендантскую. — Что они там делают, — нечаянно оборачиваясь на пороге вправо и замечая группу юнкеров и офицеров, заинтересовался я над необычностью их поз. — А, пускай делают что хотят», — и я окончательно вошел в комнату. В ней я застал лишь нескольких юнкеров и верзилу вольноопределяющегося, удивительно напомнившего мне одного знакомого, и картины из родной Малороссии поплыли перед глазами, я зашатался, и если бы он не подхватил меня, то я бы грохнулся на пол.

— Вы ранены? — участливо закидали меня вопросами, но я молчал. Все куда-то исчезло, но я как-то сразу увидел нагнувшегося надо мной верзилу вольноопределяющегося.

— Что такое? Зачем вы здесь? — вскочил я с вопросом со стула, на который меня усадили.

— Вам плохо! Сидите лучше, господин поручик, — ласково улыбаясь из-под мохнатых бровей голубыми глазами, просил от меня.

— Где комендант обороны? — упрямо задал я вопрос.

— Комендант только что отправился к Временному правительству, — ответил один из юнкеров.

— Догнать! — заорал я.

И от этого внезапно вырвавшегося крика мне стала отчетливо ясна вся окружающая обстановка. Двое юнкеров, как-то подпрыгнув от неожиданности окрика, бросились в коридор исполнять приказание, но сейчас же вскочили обратно.

— Там дерутся, — срывая из-за спин винтовки, говорили они.

«Ворвались», — мелькнула мысль, обдавшая жаром все тело, и я в момент бросился к коридору, вытаскивая револьвер из кобуры. Но, взглянув в коридор, сейчас же вложил его обратно. Дравшиеся на шашках, мелькавших в воздухе, оказались двое пьяных офицеров, быстро отделившихся от группы, замеченной мною при входе в комендантскую. «Что скажу юнкерам? Какой стыд!» — смущенно решал я.

— Офицеры подрались, своих не узнали, что ли? Видно, большевики для вас что пугало для ворон! — крикнул я уже из коридора, бросаясь между приблизившимися драчунами. Мое появление смутило и внесло некоторое спокойствие, что дало возможность подбежавшим сотоварищам развести их в разные стороны.

— Господин поручик, — подошел ко мне с вопросом один из юнкеров, — что прикажете доложить коменданту? Вы приказывали его догнать.

— Спасибо. Я забыл. Не надо, я сам пойду... Кто знает дорогу? А то я запутаюсь, — схитрил я, боясь, что снова ослабею и не дойду самостоятельно.

— Я знаю, господин поручик, — вызвался вольноопределяющийся. — Разрешите, проведу?

— Да, да. Идемте. А вы оставайтесь здесь и всем передавайте, что сюда идет народ. — И я повторил известие, с которым прибежал.

— Позвольте вас взять под руку, — предложил мой провожатый, когда мы скрылись за поворотом.

— Спасибо. Только с левой стороны, — быстро попросил я его от мелькнувшего соображения: «Почему он так быстро предложил свои

услуги... и вообще, как странно он держится, почему он дернулся корпусом вперед, когда я говорил, что сюда идут отсюда города? Ясно, ему это не понравилось... уж не он ли посылал отсюда пакет за № 17?» — работало напряженно какое-то растущее чувство недоверия к спутнику, что-то болтавшему, что ускользало от моего слуха.

По мере приближения к цели спутник все круче и круче менял темы разговора, а я все ленивее ворочал языком и чаще стал останавливаться, чтобы, опершись спиной к стенке, внимательнее рассмотреть лицо, руки и одутловатости карманов. «Странно, — упорно сидела все одна и та же мысль в голове. — Я его раньше все как-то не замечал, и почему он без винтовки, или револьвера, или шашки? И что он может без них тут делать? Нет, определенно здесь дело нечистое», — заключал я и принимался идти дальше, чтобы через сотню шагов остановиться и снова обдумать те же вопросы. Но вот он, слегка запнувшись, с налета задал вопрос, не могу ли я использовать его желание быть полезным делу защиты Временного правительства и, если понадобится, занять его так, чтобы сами члены Временного правительства видели его усердие, за что его, после подавления мятежа, произведут в корнеты флота...

— Господин поручик, — повышенно закончил он, спотыкнувшись на слове «флота», свою просьбу.

Я от неожиданности сопоставления корнета с флотом слегка вздрогнул и искоса взглянул на него снизу вверх. Он тоже смотрел на меня. «Матрос», — выросла догадка...

— Что же, я с удовольствием сделаю это, — с трудом проговорил я, в то же время сжимая рукоятку нагана.

— Покорнейше благодарю! — освобождая свою правую руку, ответил он. — Вы бы отдохнули, господин поручик, на вас лица нет, — остановился он с предложением, засунув освобожденную руку в правый задний карман.

В коридоре, в который мы вышли с большой мраморной лестницы, была полутемнота и полное отсутствие какой-либо человеческой фигуры. В висках стучало, во рту было нехорошо. «Кто раньше?» — мелькал вопрос в голове, с жадностью улавливавшей доносящиеся звуки гула голосов из светлой полоски конца коридора. И вдруг из распахнувшейся двери, слева от выхода с лестницы, вышли с тяжелыми шагами, эхом покотившимися по коридору, один за другим пять юнкеров.

— А какой у меня револьвер, я всегда с ним, — смущенно говорил мне вольноопределяющийся верзила, вытаскивая правую руку и нерешительно подымая ее кисть с зажатым в пальцах браунингом.

— Хороший, но вы не играйте им! Оружием не играют, — наставительно громко произнес я ответ, хватая левой рукой за его кисть с

револьвером и подымая свой наган правой рукой. — Играя — можно убить, — кончил я.

Находившиеся в нескольких шагах юнкера-ораниенбаумцы уже стояли рядом.

— Бросьте револьвер, вы не умеете с ним обращаться! Взять его! — приказал я юнкерам, когда браунинг упал из разжавшихся пальцев. — Я арестую вас! Ведите в Портретную галерею! — отдал я приказание юнкерам, внутренне поражаясь ровной, четкой интонации собственно-го голоса в то время, когда сердце готово было выскочить из груди.

В Портретной галерее, куда я вошел с юнкерами и нечаянным пленником, стоял в воздухе Содом и Гоморра. Строились какие-то юнкера, то вбегая в строй, то выскакивая из него. От шума и света и предшествующего волнения я остановился, чтобы разобраться в впечатлениях. Прямо передо мной стоял комендант обороны, правее — Пальчинский, кричащий негодующе на поручика Лохвицкого, с совершенно искаженной физиономией, что-то в свою очередь кричащего Пальчинскому. А еще ближе, направо, у незамеченной мною деревянной загородки-будки стоял поручик Скородинский и двое юнкеров на часах. Из загородки доносились какие-то грубые восклицания и смех.

— Господин полковник, я приказываю арестовать этого большевика, — указывая на Лохвицкого коменданту обороны, горячился министр.

— Черт знает что! Второй офицер оказывается большевиком! — кончил, приходя в себя, Пальчинский и, отвернувшись от поручика к строящимся юнкерам, стал торопить построение.

— А, вы пришли! Это превосходно. Вот, господин министр, офицер, за которого я вам ручаюсь, — указывая на меня Пальчинскому, продолжал комендант обороны.

— Не зевайте, — бросил я юнкерам и подошел к начальнику обороны с докладом о положении вещей внизу и об аресте мною, за странное поведение, вольноопределяющегося, в котором я подозреваю матроса, но в чем убедиться документально не успел.

— Где он? А, этот! Отлично сделали, что арестовали. Я уже хотел это сделать, но он как-то ускользнул из глаз. Поручик Скородинский примите и допросите... А вы принимайте командование взводом и отправьтесь очистить от большевиков ту часть дворца, что примыкает к Эрмитажу, откуда они все больше и больше наполняют дворец, — отдал мне приказание комендант обороны, указывая на строящихся юнкеров.

— Приведите их скорее в порядок, — обратился ко мне министр.

— Слушаюсь! Взвод, равняйся! — И слова команды покрыли шум. — Разрешите идти, господин министр? — спросил я у Пальчинского, когда назначенные мною взводный и отделенные командиры заняли свои места и произвели расчет.

— Да вы план Зимнего знаете? — справился у меня министр.

— Никак нет!

— Господин полковник, дайте поручику провожатого. А где комендант здания? Он где-то здесь был, — спрашивал министр.

— Так точно, я тут, господин министр! — подлетел молоденький прапорщик в широчайших галифе.

— Вот, вы пойдете вместе со взводом и укажете путь самый короткий и так, чтобы... ну, поднявшись еще на этаж, спуститься к ним в тыл сверху... Одним словом, чтобы зайти в тыл. А со стороны ворот тоже будут приняты меры, — высказал соображения министр.

— Виноват, господин министр, я буду совершенно бесполезен... я... я не знаю ходов соединений помещений дворца. Я только недавно вступил в должность и за сложностью обязанностей не успел еще ознакомиться, — оправдывался в своем незнании своих обязанностей шикарный комендант здания.

— Это черт знает что! — вскипел министр. — Я сам пойду с вами! — отнесся он ко мне. — Подождите одну секунду. — И он подошел к коменданту обороны, отдававшему какие-то распоряжения юнкерам связи.

Я воспользовался этим перерывом и спросил поручика Скородинского о результате допроса.

— Да и допрашивать не пришлось. Сразу сознался, что все время болтался здесь и вел наблюдение, но на вас он даже не сердит. Слышите — хохочут подлецы.

— Ну, всех благ. Министр идет.

Я бросился к взводу. Министр кивнул головой.

— Смирно! На плечо! Ряды взвода! Направо! Шагом марш! — подав я команду, и взвод двинулся.

— Сколько юнкеров? — справился министр, идя рядом со мной.

— 27 человек, — ответил я.

— Достаточно. Эти негодяи очень трусливы. Важна внезапность, — проговорил министр и смолк.

Министр тоже не знал расположения ходов во дворце, а поэтому вел на лобовой удар, а не в тыл.

Гулко неслись шаги взвода по длинным коридорам и лестницам, взбудораживая отдельные группы и фигуры юнкеров, большей частью бесцельно слонявшихся по дворцу.

Но вот и коридор 1-го этажа. Опомнившиеся ораниенбаумцы держали некоторый порядок. Стояли кое-где парные часовые, а перед выходом под арку к воротам стояла застава. При нашем появлении они заметно оживились.

Взвод же, ведомый министром Пальчинским, также подтянулся и взял тверже ногу.

— На месте! — скомандовал я перед выходом, выжидая, пока министр наведет справку о положении на баррикадах.

— Баррикады в наших руках, там же почти все в руках большевиков. Прямо! — закончил министр.

Эхо ружейной и пулеметной трескотни смешивалось с пискастым жужжанием пуль, пронизывающих арку вдоль от ворот ко двору.

— По одному — прямо, бегом! — скомандовал я, бросаясь через арку к противоположным дверям первого этажа второй части дворца.

Перебежка протекла благополучно, без ранений. В знакомом уже мне вестибюле оказалась группа юнкеров, ведших какое-то совещание. Я и министр накнулись на них с вопросом, где большевики и что они сами делают.

— Большевики тут, за следующей залой скопляются, у лестницы, — ответили спрошенные.

— Прекрасно, присоединяйся к нам! — крикнул министр, бросаясь дальше.

Я бежал рядом. Но вот зал с лестницей наверх. По залу в отдельных кучках раскинуты солдатские и матросские фигуры, вооруженные с пят до зубов.

С криком: «Сдавайся!» — направляюсь к лестнице, чтобы отрезать выход на лестницу. Первая пара юнкеров мчится туда же за мной. С нами рядом министр. Вбегающие юнкера, с винтовками наперевес, ошеломляют группу и первое мгновение воцаряется растерянность, местами превратившая матросов и солдат в столпников.

«Нас мало, а их много. Они разбросаны, а мы вбегаем лишь с одной стороны», — мелькает в голове, и я, оборачиваясь, ору слова команды, как будто бы за мной идет бригада; ору, словно меня режут на куски. У лестницы, куда стоявшие у нее матросы и солдаты вдруг бросились удирать, замахиваясь гранатами, но только замахиваясь, а не кидая их, очевидно из боязни переранить своих, министр Пальчинский, находившийся все время рядом со мной, склоняется ко мне своею длинною фигурой и кричит мне в правое ухо: «Перестаньте орать, словно вас режут, — я не могу слышать!» Но я бросаю фразу, что так надо, и, продолжая крик, устремляюсь на лестницу. Перед поворотом ее в обратную сторону вверх моя пара юнкеров и я задер-

живаемся, чтобы обезоружить и стащить вниз пару пойманных матросов. И в этот момент я замечаю, что эффект нашего появления дал прекрасные результаты: несколько десятков человек уже обезоружено, а несколько в стороне, вправо от лестницы, группа юнкеров с тремя офицерами, бывшая до нашего появления в плену у нашего противника, уже устремляется к винтовкам и гранатам.

— Освободившиеся юнкера и офицеры сюда! — кричит Пальчинский. — Дальше спешите!.. — бросает он мне.

Но дальше бежать мне не с кем. Но несколько секунд, и ко мне подбежало человек 7—9 юнкеров и прапорщиков, и мы снова несемся вперед, но уже по лестнице. Ближайший матрос, все поворачивающийся в своем бегстве, словно затравленный зверь, пытается стрелять, но неудачно, и он спотыкается. Честь схватить его первым принадлежит мне, несмотря на горячее желание этого достигнуть у прапорщика. Вырываю револьвер и сталкиваю вниз к юнкерам, для ареста, для отнятия гранат, и снова несусь дальше за обогнавшим меня прапорщиком и двумя юнкерами слева. Но вот лестница кончилась, и преследуемые нами матросы и солдаты несутся уже по огромному залу.

Теперь их больше. Вместе с ними в безотчетном страхе удирают те товарищи, что в спокойном настроении спешили вниз в 1-й этаж.

В зале мы снова освобождаем небольшую группу юнкеров, из которых некоторых посылаю отвести вниз новых захваченных пленных, и снова дальше. Министра уже с нами нет. Он остался внизу закреплять успех.

Но вот и этот зал кончился, и налево перед нами — мной, прапорщиком и четырьмя-пятью юнкерами — новый зал с коридором впереди. В этом зале повторяется то же, но с тою разницей, что захваченные было в плен юнкера и находившиеся в нем уже сами при нашем появлении срываются со всех сторон и, набросившись на столы с лежащими на них кучами гранат, помогают задерживать и обезоруживать своих бывших сторожей, пустившихся было наутек.

— Разве ты солдат? — набросился я на замахнувшегося гранатой большевика.

Тот заморгал глазами от моего вопроса.

— Я тебя, скотина, спрашиваю. Опустит руки, когда с тобой разговаривает офицер!

Он покорно опустил занесенные руки с гранатами.

— Положи на пол! Ведь не умеешь их держать! Еще себя взорвешь!

Солдат затрясся, положил гранаты и вдруг заревел.

— Сволочь, на офицера руку поднял!.. Ну ладно... ты не виноват. Тебе голову замусорили другие. Знаю... Не бойся... Жив останешься! — гово-

рил я ему и в то же время уже осматривал это поле битвы, к огромному счастью совершенно бескровное.

— Надо дальше в коридор. Хорошо, что эта шантрапа без боевых руководителей, — оставляя земляка реветь, подошел я к прапорщику, снимавшему с матроса гранаты.

— Этих надо убрать, — заметил он мне. «Да, это вы правы».

Через несколько минут пять юнкеров повели 11 человек матросов и солдат вниз.

— Пришлите сюда первопопавшихся юнкеров! — отдал я приказание уходящим. И, оставшись один, я увидел, что нас осталось всего четверо: я, прапорщик, юнкер нашей школы Шапиро и юнкер-ораниенбаумец.

— Там где-то есть вход, — указал на коридор прапорщик.

— Черт его знает, там много этих дверей. Ну ладно, идемте! Вы останетесь тут охранять гранаты и в качестве резерва, — приказал я ораниенбаумцу, — а мы в коридор. Отыщем выход. Забаррикадируем столами, и все будет великолепно. Пока задача выполнена.

Уже несколько дверей нами освидетельствовано. Все заперты. Но вот прапорщик открыл дверь и вскрикнул. Просунувшийся матрос схватил его за ногу. Он упал, и сразу оба исчезли за порогом. Крик испуга и ругань сразу родили во мне представление, что там, в темноте, лестница, и на ней засада. Моя стрельба подняла еще больший шум и топот. «Удирают. Вперед!» И я с юнкером Шапиро бросился в темноту.

«Проклятие!» Лестница оказалась винтовой, металлической и вертикальной. Стрелять и бросать гранаты бесполезно. Но вот просвет пролета и граната летит туда. Взрыв. Еще крики. Хлопанье двери — и тишина.

Прислушался. Тихо, ни одного звука. Начали спускаться — площадка и дверь. Толкнули. Заперта. Еще раз толкнули — заперта. Поискали еще выход. Нет. Голые, холодные стены. Порылся в кармане, отыскивая спички. Коробка есть, но спичек не оказалось. Я посоветовался с юнкером Шапиро, и стали подниматься обратно. И вдруг проскользнуло соображение: «А что, если наверху, из других комнат, выскочили на нашу стрельбу и заперли двери?» И от этой мысли стало холодно. «Скорее, скорее наверх, к двери, к свету!» — звенело в голове.

Но вот площадка. Руки ошупывают холодные гранитные стены. «Дверь!» — вскрикиваю я и толкаю. «Заперта...» — мелькает сознание от ощущения бесплодности надавливания на нее. Ищу ручку. Таковой не оказывается.

«Выше!» — вдруг просветляется мозг соображением, что это промежуточный этаж, и мы снова с юнкером бросились подниматься по лестнице вверх. Но вот стало что-то сереть на стене, и через несколько ступенек мы очутились перед открытой дверью в показавшийся мне необычно ярко освещенный коридор. С чувством облегчения вышли в коридор.

«Но ведь это не конец», — сказали мне груды гранат, спокойно лежащие на полу около стола перед дверью в этот коридор. И вопрос о том, что делается там, на баррикадах, у комендантской, у Портретной галереи, у мучеников, членов Временного правительства, снова вырос в душе.

И необходимость действия повелительно завладела всем существом.

— Дорогой мой, вам не будет неприятно остаться одному здесь, пока я сбегая за юнкерами? Я послал бы вас, но боюсь, что юнкера чужих школ вас не послушаются.

— Ради Бога, господин поручик, приказывайте. Я все исполню, что вы прикажете, только не считайтесь с желанием уберечь меня. Я не боюсь. А вам необходимо оправиться и организовать оборону, а то снова налезут!

«А где же ораниенбаумец?» — спохватился я и бросился в залу. Там было пусто. «Может быть, в следующей зале есть кто...» — и я бросился дальше. Но никого не было и там... И я вернулся обратно в коридор, где продолжал стоять юнкер Шапиро.

— Господин поручик, я стану на лестнице, у стенки. Это будет незаметнее и выгоднее, — встретил он меня своим соображением.

— Хорошо, — согласился я.

— Никого нет, надо идти к Пальчинскому. Черт, не понимаю, почему не присылают подкрепления», — говорил я, передавая юнкеру револьверы и гранаты, захваченные из зала.

— А может быть, там идет бой, — высказал он предположение.

— Возможно. Ну, я бегу. Да хранит вас Господь! Если все благополучно, я сейчас же назад. Простите, родной, что оставляю, но, по совести, иначе не могу. И смотрите, в случае чего, живым в руки не попадайтесь. Пощады теперь не будет! — крикнул я уже из зала и понесся бегом к 1-му этажу.

Лишь в конце второго зала, у лестницы, попался только обрюзглый, маленький, седой придворный служитель, при моем приближении весь сжавшийся и задрожавший.

«А, револьвера испугался», — подумал я, заметив, что его глаза смотрят на мою руку, сжимавшую наган, который я забыл спрятать

в кобуру. И от этой мысли рука было дернулась к кобуре, но, сразу не попав в нее, я оставил руку с револьвером в покое.

Но вот и вестибюль, с которого началось наше победное торжество, приведшее к нескольким десяткам пленных и потере прапорщика.

В вестибюле была группа юнкеров и еще каких-то людей. Я бросился к юнкерам:

— Сейчас навстречу. Налево, через один зал, а затем через другой, в коридор. Там увидите открытую дверь налево, на лестницу. И там стоит часовая — юнкер Шапиро. Так немедленно отправляйтесь туда... Но почему вы без винтовок? Что это за люди? — озадаченно-недоуменно, ничего не понимая, спрашивал я.

— Мы... Дворец сдался... — наконец мрачно ответил один юнкер.

«Сдался?! Вранье, не может быть», — и я бросился в дверь под арку. Под аркой шумело, гудело, двигалось. И я, рванувшись в поток, напирющий в те же двери, что и мне нужны, проталкивался, дрался и снова проталкивался, пока не очутился, совсем сдавленный водоворотом человеческих тел, перед лестницей в комендантскую, тоже всю занятую людьми.

От этой невольной остановки я начал уяснять, что действительно что-то случилось, но что, я не отдавал себе отчета.

— А, вот где ты! Стой! — оглушил меня окрик, и перед лицом, над плечами, отделившими меня от кричавшего матроса, показалась с трудом тянущаяся ко мне мозолистая, с короткими корявыми пальцами рука.

«Он схватит меня за лицо!» — мелькнула мысль, и ужас овладел мной. И от этого ощущения я рванулся в сторону и вступил на ступеньку лестницы; и только тут я заметил, что еще немного выше стоит комендант обороны, а рядом высокий, с красивым лицом вольноопределяющийся лейб-гвардии Павловского полка. Увидев коменданта, я сделал еще усилие и, снова протиснувшись, поднялся еще на несколько ступенек.

Он заметил меня. И нагнулся ко мне:

— Саня, я вынужден был сдать дворец. Да ты слушай, — увидев, что я отпрыгнул от него, продолжал он.

«Сдать дворец?» — горело в мозгу.

— Не кипятись. Поздно — это парламентареры. Беги скорее к Временному правительству и предупреди... скажи: юнкерам обещана жизнь. Это все, что пока я выговорил. Оно еще не знает. Надо его спасти. Для него я ничего не могу сделать. О нем отказываются говорить...

«Да, да, спасти!..» — овладело моей душой новое горение. И я повернулся бежать. А навстречу тянется матрос. «В живот!» И я, нагнув-

шись, сверху вниз ткнул головой ему в живот и, как-то проскользнув дальше в толпу, стал пробираться. Тяжело, не понимаю как, но я продвигался вперед, среди этой каши из рабочих, солдат, юнкеров, — оборачиваясь посмотреть, где матрос. Но его из-за сгрудившихся тел не было видно. Но вот стало свободно. Только одни юнкера, медленно продвигающиеся, без оружия, к дверям.

А вот и я выскочил из толпы и побежал дальше. «Скорее за поворот. Нет, не сюда. За второй...» И я продолжал бежать. Вот и поворот. «В этот», — решил я и завернул.

— Господин поручик, там большевики, пулеметы, — выросли передо мною две фигуры юнкеров.

— Где?

— За стеклянной дверью, в конце коридора. Слава Богу, что вас встретили. Мы нарочно стоим здесь, чтобы думали, что все хорошо, что мы часовые. А то в тыл баррикадам зайдут! — говорили братья Эпштейны, юнкера нашей школы.

— Правильно. Стойте. — И я сделал движение, чтобы бежать дальше.

— Господин поручик, ораниебаумцы идут.

— Ораниебаумцы? Где?

Из одной из дверей в покинутый мной коридор действительно выходила новая толпа юнкеров.

«Надо бежать к Временному правительству, чего медлишь? — работала мысль. — Нет, постой!» — и что-то толкнуло меня к выходящим юнкерам.

— Юнкера стой! — заорал я и начал говорить.

Что я говорил, я не отдавал себе отчета. Я призывал и проклиная матерей за оставление дворца, за позор, которым покроются их погоны, эта ступень к высокому званию офицера, я и зывал к товариществу, к традициям. Юнкера мрачно слушали меня. А когда я выкричался, то снова пришли в движение, но уже тихо и безмолвно. Но все же несколько человек бросились ко мне и со слезами стали просить прощения за уход:

— Но что мы можем сделать! С нами нет офицеров! Мы попробовали, после первого раза, когда вы говорили с нами о шестии из города народа с духовенством, выбрать начальников из юнкеров. Но ничего не вышло, когда те начали распоряжаться. Сами же выбиравшие стали отказываться. Вот если бы у нас были такие офицеры, как капитан Галиевский вашей школы, то этого не было бы... Простите, мы побежим, а то отстанем от товарищей, будет хуже! — И они побежали к удалявшейся роте.

Опять пустынные коридоры, лестница и, наконец, Портретная галерея. Никого. На полу винтовки, гранаты, матрацы. А со стен в скованных золотых рамах стоят, во весь рост, бывшие повелители могучей, беспредельной России. «Счастливые! Вы безмятежно спите!» — в благоговейном страхе взглянул я на портреты владык моих предков, которые так им служили со своими современниками, что перед Россией трепетала Европа. «А теперь!..» И я стал молиться Богу, с просьбой прощения за кощунство, которое я собой представляю, шагая по этому залу.

«Скорее, скорее отсюда», — несло в голове, но ноги не слушались, и я уже едва плелся. «Какая длинная галерея! Я не дойду. Это что? А, да, след от разорвавшейся бомбы. Бомбы? Да, да, бомбы!»

— Господин поручик, вы куда? — И из-за портьеры, обвивавшей вход в залу из Портретной галереи, показалось двое юнкеров нашей школы, но кто — я не узнавал.

— Идите в полуциркульный зал; там есть наши и Никитин²⁴, член Временного правительства.

— Ах да, спасибо. — И я опомнился. — А где само Временное правительство? — спросил я, снова овладевая собою.

— Оно? Не знаем!

— Здесь, господин поручик! — раздался голос справа из маленькой темной ниши.

Я бросился туда. В ней лежало и стояло несколько человек юнкеров с винтовками в руках.

— Что вы делаете? — спросил я.

— Мы в карауле при Временном правительстве — оно здесь, направо, — и мне указали дверь.

Я вошел. А.И. Коновалов выслушал доклад, затем я вышел из маленького кабинета и пошел в галерею. И здесь я сел на маленький диванчик. Скоро выскочила женщина и, говоря, что она представительница прессы и поэтому, представляя собою общественное мнение, может быть совершенно спокойна, что ее никто не тронет, — металась от одной двери к другой. Меня это сместило. Посмотрит направо, напротив, на дверь, на винтовую лестницу, сейчас же отскочит и бросится в зал. Но вот выскочил штатский, схватил ее под руку, и они побежали в зал.

Сидеть было приятно. Мягко. И я с удовольствием сидел. В голове было так тихо, спокойно.

Вышел Пальчинский, за ним Терещенко.

— Нет, это неприемлемо, я категорически утверждаю!.. — доносился до меня голос Пальчинского. — Надо вернуть юнкеров! Послушайте, бегите верните юнкеров, — продолжал он.

«Ах, это ко мне относится». И я попытался подняться. Но ничего не вышло.

— Я здесь умереть могу, но бегать, бегать больше не в силах!.. — проговорил я и отвернулся. Мне было больно, стыдно за свой отказ.

— Я сам пойду, — отнесся Пальчинский к Терещенко, — а вы вернитесь.

— Ну хорошо... — согласился тот.

Пальчинский пошел, а Терещенко вернулся назад. Через минуту выскочил какой-то молоденький офицер в черкеске и побежал за Пальчинским.

Минуты бежали.

Ну вот, откуда-то начал расти гул.

Еще кануло в вечность несколько времени.

Гул становился явственнее, ближе.

Вот в дверях Пальчинский. Затем маленькая фигурка с острым лицом, в темной пиджачной паре и в широкой, как у художников, старой шляпчонке на голове.

А еще несколько дальше звериные рожи скуластых, худых, длинных и плоских, крутых, удивительно глупых лиц. Рожи замерли в созерцании открывшегося их блуждающим, диким взглядам ряда величественных царей русского народа, скованных золотом рам.

Я поднялся, но идти не было сил. Тогда я встал в дверях и прислонился к косяку. Мимо прошел Пальчинский, направляясь в кабинет.

— Что, патронов у вас достаточно? — спросил я у юнкеров.

— Так точно, господин поручик.

Но вот жестикующая широкополой шляпенки и гул, все растущий сзади, сделали свое дело, и те, передние, качнулись, дернулись и полились широкой струей в галерею.

Теперь шляпенка не звала их, а сдерживала.

— Держите, товарищи, дисциплину! — урезонивать тягучий, резкий голос. — Там юнкера!

Толпа увидела в дверях зала двух юношей, отважно, спокойно стоящих на коленях, чтобы можно было брать с пола патроны и гранаты, сложенные с боков дверей.

«Если Пальчинский выйдет сейчас от Временного правительства, где, очевидно, совещаются об условиях капитуляции, — хотя неизвестно, кто ее будет принимать, — выйдет и прикажет открыть огонь, то первые ряды будут сметены, но последующие все равно растерзают нас. И если правительство решит сдаться, то эти звери юнкеров не пощадят. Так или иначе, а вам, юноши, — смерть!» — смотря на юнкеров, думал я.

Снова вышел Пальчинский и махнул рукой. Шляпенка засеменил к дверям. Толпа ринулась за ним.

— Стой! — кричал Пальчинский. — Если будете так напирать, то юнкера откроют огонь!

Упоминание о юнкерах опять сдержало зверье.

«Ну и поиздеваются они над вами, мои дорогие», — несло в голове, смотря, как юнкера твердо держали винтовки, готовые по малейшему знаку открыть огонь.

Шляпенка, прокричав еще раз призыв к революционной дисциплине, направился к нашей нише и совместно с министром через нее прошел в кабинет.

Прошло несколько утомительно-тяжелых минут ожидания последующего хода событий.

Обстановка была уже не в нашу пользу. По винтовой лестнице напротив ниши, куда так растерянно засматривало «общественное мнение», начали показываться свежие революционные силы, один бандит краше другого. Тактически, для нашего сопротивления, это представлялось их торжеством. Мы уже годились лишь для того, чтобы умереть, и в лучшем случае с оружием в руках, что единственно избавляло от лишних мучений, что ускоряло развязку. И от осознания этой уже теперь неизбежности я не мог продолжать смотреть на юнкеров. Они волновали меня, и ощущение какой-то вины перед ними за свою невольную беспомощность отвратило от них грядущее неизбежное все сильнее и острее пронизывало все мое существо. «Почему так долго ведутся разговоры? Неужели там никто не понимает, что каждая минута дорога, что обстановка может так сложиться, что даже умереть с честью нельзя будет. Ну а если достигнуть какого-либо соглашения, то ведь надо же учитывать настроение этой черной массы, готовой уже во имя грабежа, во имя насыщения разбужденных животных инстинктов, во имя запаха крови, которой их дразнили весь вечер и ночь, потерять всякую силу воли над собой и тогда ринуться рвать и терзать все, что ни попадется под руки. Ведь вот, маленький человек типа мастерового уже подобрал с матраца гранату и вертит ее в своих трудовых руках. И стоит ему сделать неосторожное движение, и она взорвется. А тогда нас всех разорвут вместе, но только с этой находящейся у вас шляпенкой, но еще и с десятками им подобных. Да, да... чашу переполняет всегда лишняя, последняя капля... А ты не философствуй. Забыл, что там штатские люди, деятели кабинетов, уставшие, задержанные и растерянные. Спешу к ним и спроси, чего хотят, если смерти — то дать немедленный бой... а если... да если они захотят жить, то юнкера все равно продадут. Эти новые, собирающиеся, эти уже понюхали крови там внизу: у них иной вид, иной

взгляд. Боже мой, да если пойти докладывать да объяснять, — потеряешь время. А если начать действовать — то там у правительства — шляпенка-парламентер, их сотоварищ. Боже, научи, что делать?..» И вдруг я догадался.

— Кто сзади, зайдите в кабинет и просите разрешения открыть огонь. Еще несколько минут, и этого нельзя будет сделать. Живо! — полушепотом, стараясь всеми силами сохранить равнодушие на лице, бросил я в темноту ниши приказание юнкерам, в отношении которых в данном случае я этим брал на себя самовольно руководство, а следовательно, и ответственность.

— Слушаюсь! — донесся до меня ответ, а затем легкое шевеление, нарушившее соблюдаемую нами тишину, сказало мне, что юнкера приняли мое вмешательство.

— Целься в матросов. Первый ряд в ближайших, второй — в следующих. Стоящие, возьмите на себя тех, кто у двери на винтовую лестницу. По команде «Огонь!» дать залп. Без команды ни одного выстрела. Гранаты бросать: первые к лестнице, а затем влево. Бросать — только стоя. Пулемет есть? — задал я вопрос, отдав указания словно речь шла об изяществе рам или о качестве паркета.

— Никак нет! Пулемета нет! — донесся шепот.

— Смотрите, не волноваться — только по команде.

Но в этот момент дверь широко раскрылась, и из нее на фоне шумливого разговора показались шляпенка и Пальчинский. Масса, топтавшаяся на месте и подпираемая новыми волнами все прибывающих снизу товарищей, уже давно перешла границу дозволенного и постепенно докатилась до нас на расстоянии двадцати—двадцати пяти шагов. В галерее уже было душно, и вонь винного перегара с запахом пота насыщали воздух.

Вот шляпенка прошел мимо меня.

Масса, увидев его, загудела, завопила и, размахивая кто винтовками, кто гранатами, ринулась к нему.

— Спокойствие, товарищи, спокойствие, — распластав руки в стороны, кричал, поднимаясь на носки, шляпенка. — Товарищи! — диким голосом вдруг завопил шляпенка. — Товарищи! Да здравствует пролетариат и его Революционный совет! Власть капиталистическая, власть буржуазная у ваших ног! Товарищи, у ног пролетариата! И теперь, товарищи пролетарии, вы обязаны проявить всю стойкость революционной дисциплины пролетариата красного Петрограда, чтобы этим показать пример пролетарию всех стран! Я требую, товарищи, полного спокойствия и повиновения товарищам из операционного Комитета Совета!..

Между тем министр Пальчинский сообщал юнкерам решение правительства принять сдачу, без всяких условий, выражая этим подчинение лишь силе, что предлагается сделать и юнкерам.

— Нет, — раздались ответы, — подчиняться силе еще рано! Мы умрем за правительство! Прикажите только открыть огонь.

— Бесцельно и бессмысленно погибнете, — убеждал новый голос.

— И правительство погубите этим, — доказывал третий.

— Нет, о нас они не должны думать. Слагать оружие для сохранения наших жизней мы не имеем права требовать, но убеждать сохранить свои мы должны, и мы вас просим отказаться от дальнейшего сопротивления. Вы будете с нами. Мы позаботимся о вас или погибнем вместе, но сейчас нет смысла, — страстно, быстро убеждал голос председателя Совета министров А.И. Коновалова.

Юнкера молчали...

В это время ораторствовавшая шляпенка выдохся и уже давно от надрыва осип.

«Один выстрел. Все равно куда — и эта орава бросится и все сокрушит на своем пути», — ясно и отчетливо предупреждало сознание при виде, как от фанатических выкриков шляпенки масса пришла в неистовство и... рванулась вперед, напирая на шляпенку. Министр Пальчинский вскочил на порог ниши. Я прижался к косяку... «Поздно», — мелькнуло в голове, и крути поплыли перед глазами. Но последнее усилие, и я отступил в нишу. Министр же смешался с толпой. Юнкера вскочили. Я закрыл на мгновение глаза.

«Огонь!» — мелькнуло в голове. Но... выстрелов не раздалось. «Если вы, юные, жертвуете собой и идете навстречу страданиям, то не мне ускорять разрешения счетов с жизнью. И я вышвырнул наган и сорвал Анненскую ленту с рукоятки шашки.

«Ну, теперь терзайте меня», — подумал я, став у стенки ниши, против двери в кабинет последнего заседания Временного правительства России, и эта жалкая, трусливая мысль заслоняла собою отчетливость выражения лиц членов правительства, стоявших вокруг стола и частью выжидающе вглядывающихся во вход из ниши, а частью продолжающих что-то быстро, вполголоса говорить друг другу. При этом один из министров торопливо кончал рыться в каких-то бумажках и затем, подойдя к стене, куда-то торопливо засунул руку, после чего, вернувшись к столу, с облегчением сел.

Это мужество министра отвлекло меня от думы о себе и сразу создало какое-то оригинальное решение войти во что бы то ни стало в кабинет и понаблюдать, что будет дальше. И я, приняв решение, чуть было не пошел. «Стой! — остановил я себя. — Подожди, когда войдет эта шля-

пенка, направляющийся сюда, а то члены правительства, увидав тебя первым, еще подумают, что ты струсил и прибегаешь под их защиту».

И я пропустил войти в дверь шляпенку, а за ним еще несколько человек, за которыми уже и протиснулся в кабинет и остановился у письменного стола перед окном и стал наблюдать.

«Историческая минута!» — мелькнуло в голове.

«Не думай — смотри!» — перебило сознание работу мысли.

И я смотрел.

С величественным спокойствием, какое может быть лишь у отмеченных судьбою сыновей жизни, смотрели частью сидящие, частью стоящие члены Временного правительства на злорадно торжествующую шляпенку, нервно оборачивающегося то к вошедшим товарищам, то к хранящим мертвенное, пренебрежительное спокойствие членам Временного правительства.

— А это что?.. — поднялся Терещенко и говорит, протянув руку, сжатую в кулаке.

«Что он говорит?» И я сделал шаг вперед.

— Сними шляпу...

Но его перебивает другой голос:

— Антонов, я вас знаю давно; не издевайтесь, вы этим только выдаете себя, свою невоспитанность! Смотрите, чтобы не пришлось пожалеть; мы не сдались, а лишь подчинились силе, и не забывайте, что ваше преступное дело еще не увенчано окончательным успехом, — обращаясь к нервно смеющемуся, говорил новый голос, который я не успел определить, кому принадлежит, так как в этот момент меня что-то шатнуло и перед глазами выросла взлохмаченная голова какого-то матроса.

— А, вот где ты, сволочь! Наконец попался! — врзалось в уши грубое, радостное удовлетворение матроса.

— Пусты руки, не давай воли рукам, что тебе надо? Я не знаю тебя! — глупо-растерянно защищался я словами, свалившись с неба на землю.

— Не знаешь? А кто меня арестовал на лестнице и отобрал револьвер?.. Отдай револьвер! — приставал матрос, действительно отпустив руки от воротника моего мирного времени офицерского пальто.

«Ого, с ним можно разговаривать!» — пронеслась мысль.

— Какой револьвер? Я тебя не знаю. Мало ли кого я забирал, так что ж, я всех помнить должен? Голова!..

— Ну, нечего там, отдай револьвер, а то...

— Что — то? Видишь, у меня моего нет. Пойди в Портретную галерею и там возьми; отстань от меня. Не мешай слушать!

— Да ты мне мой отдай. Я за него отвечать буду.

— Врешь! Кому отвечать будешь? Начальства нет теперь для вас, так нечего зря языком чесать. Смотри лучше, там на столе нет ли какого револьвера, — убеждал я его.

Но он вытащил из кармана кошелек и из него бумажку — удостоверение, что ее предъявитель, товарищ матрос такой-то, действительно получил револьвер системы Наган, за таким-то номером от Кронштадтского Военно-революционного комитета, куда по выполнении возложенной на него задачи обязан вернуть означенный револьвер. Следовали подпись и печать комитета.

— Да, ты прав, ты должен был бы его вернуть, если бы имел. Но ты его потерял в бою. Ты это и доложи, — урезонивал я его, в то же время соображая, что он или глуп как пробка, или издевается надо мной. Мне начинало надоедать, и я стал нервничать.

— Мне не поверят, скажут, что я пропил. Да чего там болтать! Раз взял чужую вещь, то должен знать, где она. Отдай револьвер! — приходя в повышенное состояние настроения, снова начал свои требования матрос, но на этот раз замахиваясь кулаком.

— Стой, подожди! — остановил я его с внутренним ужасом, что он меня сейчас ударит, а затем...

И тут, под влиянием ужаса, что меня ударят по лицу, я совершил гадость, мерзость. Я бросился к стоявшему к нам спиною члену Временного правительства.

— Послушайте, избавьте меня от этого хама. Я не могу его убить, иначе всех растерзают! — говорил я, дергая его за плечо.

Он обернулся. Бледное лицо и колко пронизывающие глаза.

— Ах, это вы давеча что-то объясняли мне! — вспомнил я. — Вот этот матрос требует, чтобы я вернул ему револьвер, который я у него отобрал вечером, во время очищения первого этажа у Эрмитажа. У меня его нет. Объясните ему, — быстро говорил я.

Старичок выслушал и принялся мягко что-то говорить матросу, который растерянно стал его слушать. Я же воспользовался этим и быстро отошел на свое старое место у письменного стола, рядом с окном, и снова стал смотреть, что творится в кабинете.

В кабинете уже было полно. Члены Временного правительства отошли большею своею частью к дальнему углу. Около адмирала вертелись матросы и рабочие и допрашивали его.

Но вот шляпенка Антонов повернулся и прошел мимо меня в нишу и, не входя в нее, крикнул в Портретную галерею:

— Товарищи, выделите из себя двадцать пять лучших вооруженных товарищей для отвода сдавшихся нам слуг капитала в надлежащее место для дальнейшего производства допроса.

Из массы стали выделяться и идти в кабинет новые представители красоты и гордости Революции.

Между тем внимание вернувшейся назад шляпенки одним из членов правительства было обращено на то, что его сподвижники все отбирают, а также хозяйничают на столах, едкое замечание задело шляпенку, и он начал взывать к революционной и пролетарской порядочности и честности.

— А где же юнкера? — спросил я прижавшегося к стене за дверью одного юнкера, только сейчас замечая его.

— Часть увели в залу, а я и еще несколько здесь! Товарищи по ту сторону шкафа у стены, — ответил он.

— А что вы думаете делать? — спросил я.

— Что? Остаться с правительством; оно, если само будет цело, сумеет и нас сохранить! — ответил он.

— Ну, я под защиту правительства не пойду. Да с ним и считаться не стану. Все равно разорвут, — ответил я.

— Но что же делать? — спросил он.

— А вы смотрите на меня и действуйте так, как я буду действовать, — ответил я. И стал выжидать.

Комната уже наполнилась двадцатью пятью человеками, отобранными шляпенкой.

— Ну, выходите сюда! — крикнул шляпенка членам Временного правительства.

«Ну да хранит вас Бог!» — взглянув на них, мысленно попрощался я с ними и вышел в нишу.

В нише, прислонившись к косяку, стоял маленький человечек, типа мастерового-мещанина — недавний объект моего наблюдения.

— Послушайте, — тихо и быстро заговорил я с ним, — вот вам деньги... выведите меня и его, — я указал на юнкера, — отсюда через дворец к Зимней канавке. Вы знаете дворец? — продолжал я спрашивать его, словно он уже дал мне согласие на мое абсурдно-дикое предложение провести через огромный дворец, насыщенный ненавидящим нас, офицерство, революционным отбросом толпы — черню и матроснею.

— Я что? Я так себе. Товарищ прибежал ко мне сегодня и зовет идти смотреть, как дворец берут. Он в винном погребе остался, а я непьющий, вот и пришел посмотреть сюда на Божье попущенье, — тянул мастеровой, отмахиваясь от денег.

— Ладно, ладно, потом расскажете! — убеждал я его. — Прячьте деньги и идите, а то сейчас и нас заберут, а я не хочу вместе быть, — убеждал я.

Мастеровой крикнул, взял кошелёк и, посмотрев в разредившуюся от масс Портретную галерею, наконец произнес:

— Идите туда и там подождите. Ежели они не заметят, я выйду и попробую провести, — закончил он.

«Ну, была не была! Помяни царя Давида и всю кротость его...» — всплыла на память заветная бабушкой молитва, и я, дернув за рукав юнкера, пошел в Портретную галерею навстречу всяким диким возможностям.

Юнкер шел за мной. Вышли. И тут снова возбуждение оставило меня, и я, покачиваясь, едва дошагал до диванчика у противоположной стороны и сел.

«Делайте что хотите! — неслось в голове. — Не могу идти», — рвало отчаяние души.

Мимо шли, бежали, а мы сидели. Юнкер тоже сел рядом со мной.

Наконец к нам подошел мастеровой.

— Их повели, — проговорил он. — Идемте! Ой, не знаю, как выйдем, там здорово вашего брата поколотили, — махнул он рукой.

— Я устал. Я не могу идти. Дайте курить, — попросил я.

— У меня нет. Я этим не занимаюсь. Эй, товарищ! — крикнул он одному солдату, ковырявшемуся под матрацами, вытаскивая из-под них револьверы и винтовки.

И тут я заметил, что таких «ковырял» было много и что все заняты, очевидно, одной мыслью что-нибудь забрать, утащить. Были и такие, что с диванчиков отпарывали плаш. «Гиены», — мелькнуло сравнение, и вспомнилось, как под Люблином я однажды таких обирал отгонял от тел убитых товарищей при лунном свете прелестной летней ночи. И на сердце засосала безысходная тоска.

— Вот, есть папироска. Кури, сердечный, полегчает!.. Ишь лица нет на человеке, — говорил, давая мне папиросу, взятую у «товарища», мастеровой.

«Ах ты, русская натура...» — с наслаждением затагиваясь, думал я, и почему-то на память набежали первые строчки описания Днепра: «Чуден Днепр при тихой погоде...»

— Ну, идемте, — поднялся я.

— Пора! — подтвердил мастеровой, и я, молчаливый юнкер и мастеровой пошли.

В голове снова образовалась какая-то пустота, и я, идя, почти не отдавал себе отчета в совершающемся вокруг и не замечал пути, по которому мы шли. Я ясно запечатлевал лишь необходимость сохранения как можно более ярко выраженного равнодушия ко всему окру-

жающему — чему учило меня то, чем я привык руководствоваться за войну, — интуиция.

Мы шли медленно. Иногда нас останавливали вопросами, на которые или мастеровой, или я давали ответы.

Наконец мы добрались до арки. Прошли через нее среди будущего моря голов. С площади неслась стрельба. Под аркой была темнота, и мы также благополучно протолкались в первый этаж следующего здания.

— Идти в ворота нельзя, — говорил мастеровой, — там нас всех арестуют, а вас расстреляют. Там кровью пахнет! — на ухо шептал он мне.

— Да, да, — согласился я, — потому и просил вас вывести на канавку, — отвечал я, довольный, что пока все идет отлично и мой интуитивный расчет меня не обманул и на этот раз.

В вестибюле, где у меня было так много связано со всем этим несчастным днем, толпа рабочих и солдат взламывали ящики, о которых казаки говорили, что они с золотом и бриллиантами. Я на одну минуту просунул голову между плеч, чтобы заметить содержимое, но неудачно. Мешкать же было нельзя, и мы продолжали идти. Прошли мимо лестницы, на которой я взял в плен матроса, от которого дважды пришлось ускользнуть.

Но вот коридор. Затем лестничка, по которой спешила во дворец группа солдат Павловского полка, учинила допрос и, удостоверившись, что ни у меня, ни у юнкера нет оружия, оставила нас в покое и пошла дальше.

Мы тоже двинулись. Но вдруг мастеровому пришло в голову какое-то решение, и он, оставив нас ожидать его, побежал вслед за уходящими. Через минуту он вернулся с солдатом-павловцем и, обращаясь ко мне, сказал, что дальше нас будет вести этот солдат, а он должен вернуться назад. Я и юнкер поблагодарили его за услугу, и мы расстались.

Но вот мы и на Миллионной. В конце ее, у Марсова поля, трещали пулеметы, а сзади гудела толпа и среди нее горели огни броневиков.

На Миллионной же было пусто, темно. Мы шли посередине улицы.

Но вот навстречу попала группа из трех человек. В темноте нельзя было видеть, кто идет. Наш сопровождающий окликнул. Оказались преображенцы. Он справился о комитете полка, под сень которого он предполагал нас сдать для ночлега, так как через Марсово поле пройти уж никак нельзя было бы из-за патрулей.

Спрошенные отвечали, что он еще заседает и чтобы мы спешили.

— Полк держит нейтралитет, и комитет взял на себя охрану порядка; он и вас примет, — говорил он, идя с нами дальше.

«Итак, я в плену. Оригинально. Ну посмотрим, что произойдет дальше», — решил я, как солдат объявил, что мы пришли, и вошел в открытую дверь одного из домов по левой стороне Миллионной, откуда на улицу падала полоска света.

Вошли. Передняя — пусто. Прошли в коридор, голоса из ближайшей комнатки нас остановили у ее двери. Солдат вошел и через несколько секунд выскочил, прося «пожаловать».

Маленькая комната. Накурено. Усталые лица двух поднятых голов от какой-то бумаги повернулись в нашу сторону.

— Кто вы? — раздался вопрос.

Спрашивал офицер. Меня что-то обожгло.

— Я из Зимнего. Защищал Временное правительство. Дворец взяли. Правительство арестовано. Ради Бога, капитан, во имя чести вашего мундира, дайте мне одну из ваших рог. Надо идти туда. Поднимайте солдат, — горячо понес я вздор, забыв, где нахожусь, видя перед собой лишь офицерские погоны.

— Вы с ума сошли! — вскочил офицер. — Вы не туда попали! Какой Зимний? Как вы могли оттуда выйти? Глупости!.. Идите в другой полк, у нас нет свободного места, — резко отчеканивал он.

— Да нет, — вмешался юнкер, — мы оба оттуда. Временное правительство арестовано на наших глазах! Господин поручик говорит правду.

— Арестовано? Кто? — раздался вопрос с порога другой комнаты.

Я взглянул в сторону вопроса; спрашивающий оказался солдатом.

— Чепуха, — проговорил капитан, — они повторяют какие-то сказки о том, что Зимний кем-то взят. У нас места нет, не мешайте нам. Идите в Павловский полк, — снова твердо отчеканивал капитан. — Послушайте, — обратился он к вошедшему, — вот здесь мы с прапорщиком...

— Извините, что беспокоили, — наконец соображая, что упоминанием о Зимнем мы вредим себе, ответил я и вышел.

Наш сопровождающий еще был в коридорчике.

— Вот что, любезный, отведите нас в Павловский полк. Здесь нет места, — попросил я.

Солдат согласился, и мы двинулись.

Теперь пулеметы стучали громче. Местами щелкали винтовки.

— Расстреливают, — прервал молчание солдат.

— Кого? — справился я.

— Ударниц! — И, помолчав, добавил: — Ну и бабы, бедовые. Одна полроты выдержала. Ребята и натешились! Они у нас. А вот что отказывается или больна которая, ту сволочь сейчас к стенке!..

«Ого, куда я попаду сейчас! — пробежала жуткая мысль в голове. — Эх, все равно!»

В этот момент раздался оклик: «Кто идет?» — и на фоне справа, впереди светящегося сиротливо фонаря показался матрос.

Но не успели мы что-либо ответить, как матрос, завопив: «А, офицерская сволочь!» — и схватив винтовку наперевес, сделал выпад в меня.

«В живот!» — мелькнуло в голове, и я невольно закрыл глаза.

«Отчего не больно?» — несло в голове, и я открыл глаза.

Передо мною стояла спина сопровождающего меня солдата. Я продвинулся вправо. Матрос лежал на земле, мокрый от изредка моросящего дождика, и что-то бормотал.

— Бегите вправо на угол! Я сейчас, — бросил мне солдат, продолжая держать винтовку за штык.

Я обежал фонарь и, подойдя к углу, остановился. Юнкера не было. Он еще раньше убежал.

«Как быстро все произошло», — соображал я, поджидая солдата, который и не замедлил подойти.

— Сволочь! — говорил он. — Этих матросов мы за людей не считаем. Им только резать да пить!.. Будет, собака, помнить! — закончил он, шагая рядом.

— А что ты ему сделал? — по старой привычке обратился я к нему на «ты» с вопросом.

— Да ничего особенного, ваше благородие. — И, помолчав, добавил: — У них, сволочей, всегда кольца на руках, а у меня тут бабенка одна, так я для нее и снял у него. Пьян собака! Теперь, поди, уже спит. Я его к тротуару оттащил, чтобы броневику не переехал. А вот и наши патрули. Я вас сдам им, чтобы они вас проводили. Да вы, ваше благородие, не говорите, что из дворца. Я им скажу, что вы из города сами пришли в Преображенский полк, да там места нет, вот вас сюда и послали, — говорил заботливо мне мой спутник.

— Ну, спасибо за совет. Только, родной, у меня денег нет. Я все отдал.

— Что вы, ваше благородие! Я из кадровых, с понятием. Мне, да и многим нашим ребятам так тяжело видеть, что делается в матушке России, что мы и в толк не возьмем. А господ офицеров мы по-прежнему уважаем и очень сочувствуем. Да что делать, кругом словно с

ума сошли! Ну, будьте счастливы!.. — И солдат подбежал к остановившемуся патрулю.

Через минуту я был в коридорах Павловских казарм, куда меня ввели двое патрульных.

— Откуда? — спросил болтавшийся в коридоре солдат.

Я молчал — соврать солдату мне было стыдно.

— Со стороны, — в голос ответили патрульные.

— Ладно, в ту дверь, ежели со стороны; а вы поменьше таскайте всякий хлам, — говорил он, уже обращаясь к патрульным.

«Какой это хлам?» — устало соображал я, идя к указанной двери.

— Через комнату, в следующую! — крикнул мне вслед солдатишка, когда я отворял дверь.

В комнате было тепло, грязно, полусветло и пусто. Из двери налево доносились какие-то звуки. Прислушался: стон, то повышаясь, то понижаясь, продолжал залазить в эту грязь четырех белых стен. Пошел к двери напротив. Открыл ее, остановился в изумлении.

Первое, что бросилось в глаза и поразило меня, был большой стол, накрытый белой скатертью. На нем стояли цветы. Бутылки от вина. Груды каких-то свертков, а на ближайшем крае к двери раскрытая длинная коробка с шоколадными конфетами, перемешанными с белыми и розовыми помадками.

«Что это? Куда я попал?» — задавая себе вопросы, не сводя глаз с конфет, тихо направился я к столу и вдруг спотыкнулся. И только тут я окончательно осмотрел и запечатлел обстановку большой, длинной комнаты, наполненной так людьми, что я теперь не понимал, как я не заметил этого сразу, а обратил лишь внимание на какие-то конфеты, пакеты и бутылки, действительно лежавшие на столе, а не примешившиеся. То же, что заставило меня спотыкнуться, было спящее тело офицера. И такими издающими храп с подсвистами была наполнена вся комната. Они лежали на полу, на диванчиках, на походных кроватях и стульях. «Странная компания», — думал я, наблюдая это царство сна. Но вот какие-то голоса из следующей комнаты. Пробрался туда. Та же картина, только обстановка комнаты изящнее.

«Офицерское собрание полка», — наконец догадался я. Опять раздался разговор — прислушался, присмотрелся. Говорит седоватый полковник, склонив голову на руки, сидя за столом. Отвечает лежавший на диване.

Я пробрался к говорившему и позвал его.

— Господин полковник! — тихо звал я его.

Услышал. Поднял голову и окинул меня ослепевшими, притухшими глазами.

— Господин полковник, — продолжал я, — я из Зимнего дворца. Ужасно устал. Могу я остаться здесь и лечь отдыхать или надо еще кому-либо явиться?

— Глупо. Раз вы здесь, то делайте что хотите, но не мешайте другим! — ответил полковник, и голова опять легла на руки.

«Боже мой, что же это?.. Сколько здесь офицеров! На кроватях. Цветы. Конфеты. А там.» И образы пережитого, смешиваясь и переплетаясь в кинематографическую ленту, запрыгали перед глазами, и я, забравшись под стол, уснул, положив голову на снятое с себя пальто.

Проснулся я в десятом часу. В комнате стоял шум от споров, смеха и просто разговоров. Солнце лупило вовсю. Было ярко и странно.

«Почему надо мной какой-то стол? Что за гостиная? Что за люди? Где я?» — быстро промелькнули недоуменные вопросы, но сейчас же исчезли от воспоминания о ночном, о вчерашнем.

«Где брат? Что с ним?» — впервые вырос вопрос тревоги о любимом брате, гордости нашей семьи.

«Господи, милый, славный. Господи! Что же это теперь будет с Россией, со всеми нами?» И я принялся читать «Отче Наш». Молитва успокоила, и я вылез из-под стола. Офицеры, которые преобладали в наполнявшей комнаты публике, кончали пить чай. Около некоторых столиков сидели дамы.

«Что за кунсткамера? — зло заработала мысль. — Что здесь делают дамы? Ну ладно, умоюсь, поем и выясню, в чем дело»

— Послушайте, где здесь уборная? — справился я у пробежавшего мимо солдата с пустым подносом.

— Там, — махнул он рукой на дверь, через которую я вчера вошел сюда.

Я пошел. Из пустой следующей комнаты, где я слышал стоны, я ткнулся во вторую дверь и попал в большую когда-то залу, а теперь ободранную комнату, с валяющимися и еще спящими телами, в которых я узнал юнкеров.

Около уборной — солдатской — я увидел через окно в другом помещении дикую картину насилования голый женщины солдатом, под дикий гогот товарищей.

«Скорее вон отсюда!..» И я, не умываясь, бросился назад.

Через час я познал тайну убежища для господ офицеров, мило болтавших с дамами.

Еще за несколько дней до выступления большевиков господа офицеры Главного штаба и Главного управления Генерального штаба потихоньку и полегоньку обдумали мероприятия на случай такого выступления. И вот это убежище оказалось одним из таких меро-

приятий. Находящиеся здесь все считались добровольно явившимися под охрану комитета полка, объявившего нейтралитет. Таким образом, создавалась безболезненная возможность созерцать грядущие события: «А что, мол, будет дальше?»

Но вот меня окликнул молодой офицер с аксельбантами:

— Вы меня не узнаете? Я адъютант Петергофской школы прапорщиков. Вас я видел в Зимнем. Как вы попали сюда? Ваши юнкера рассказывали, что вас выбросили в окно, а вы себе здесь... ха-ха-ха... — заливался от плоской шутки красивый поручик.

— Послушайте, я ужасно хочу есть, — перебил я его, — но денег с собою у меня нет. Не найдется ли у вас свободных сумм? Я вам, если будет все благополучно, пришлю по адресу, какой вы мне укажете, — попросил я у поручика.

— Пожалуйста, ради Бога, для вас все, что угодно. Вот, разрешите четвертную. Этого будет достаточно? — любезно предложил он мне.

— За глаза! Огромное спасибо. Вот мой адрес, на случай, если события вытеснят у меня из головы мое обязательство.

— Я адрес возьму не для этого, а как память о вас, — слюбезничал адъютант, стреляя глазами в даму в огромнейшей шляпе, украшенной перьями.

За болтовней, а затем за завтраком, за который взяли 10 рублей, — время незаметно бежало.

В это время в комнатах началось оживление

— Комиссар из Смольного приехал, — раздавалась из уст в уста новость, вызывая комментарии.

Через несколько минут вошел в комнату высокий красавец вольноопределяющийся — студент Петроградского университета. В вошедшем я узнал того вольноопределяющегося, который в качестве парламентаря вел переговоры с комендантом обороны Зимнего дворца.

«Новая ниточка», — решил я, выслушав его заявление о том, что он уполномочен Военно-революционным комитетом выдать удостоверения на право свободного прохода по городу тем из офицеров, кто явился сюда сам или кого привели патрули, забрав на улицах города, но без оружия в руках и не в районе Зимнего дворца. Тех же, кто защищал Временное правительство, отправят в Петропавловку.

— И пожалуйста, — закончил он, — разбейтесь на группы и составьте списки. При этом для офицеров Генерального штаба должен быть отдельный список.

— Вот это хорошо! — заволновался подполковник. — Я всех наших знаю, и я вам, господин комиссар, его сделаю, — с улыбкой, почтительно говорил молодой подполковник.

«Какой ты подполковник? Ты подхалим, а не офицер! Но что же со мной будет? Ей-богу, в Петропавловку не хочется», — подходя к окну и смотря на улицу, соображал я.

На ней было пустынно, но ярко, свободно.

Но вот загремело, и показался грузовик с рабочими, сжимавшими в руках винтовки.

— Каины поехали, — произнес над ухом знакомый голос свое заключение.

— Нет, слепые и обманутые! — ответил я, не оборачиваясь.

— Ты жив?

— Глупый вопрос!

— Ну чего злишься? Ты знаешь, какие у меня нервы, — беря за руку, вкрадчиво говорил Бакланов.

— Ну ладно. Горбатого могила исправит, господин присяжный поверенный. Ну, ну, хорошо, я не буду. Скажи, как ты сюда попал? Я тебя и не заметил, — прочитав следы отчаяния на как-то сильно осунувшемся лице поручика, заговорил я, уже значительно смягчаясь.

— Потом. Тяжело вспоминать! Били... Погоны сорвали... А теперь расстреляют, — плаксиво закончил поручик.

Я молчал.

— Начальник школы убит, — вдруг произнес он.

«Царство ему Небесное! — и я перекрестился. — Вот и прекрасно, если расстреляют, скорее увидимся с ним, через несколько мгновений», — не выдавая ни одним мускулом ощущения этого горя, так грубо мне преподнесенного злым поручиком, подумал я.

Бакланов понял и отошел.

Через минуту другой голос приветствовал меня.

Оборачиваюсь — прапорщик Одинцов-младший. Я, искренне обрадованный, бросился к нему.

Между тем офицеры составили листы с фамилиями по группам.

Разгуливая с Одинцовым, мы подошли и, случайно остановившись около группы из Генерального штаба, слышали восторги по адресу Смольного:

— Они без нас, конечно, не могут обойтись!

— Нет, там видно головы, что знают вещам цену, — говорил один, вызывая осклабывание у других.

— Да, это не Керенского отношение к делу! — глубокомысленно подхватил другой.

— Ха-ха-ха... Этот сейчас мечется как белка в колесе. От одного антраша переходит к другому — перед казаками, которых также лишать невинности, как и ударниц, — грубо сострил третий.

— Господин поручик, вы живы? Как хорошо, что я заглянул сюда! — выростая предо мною, говорил юнкер Н., член Совета нашей школы.

— Здравствуйте. А что вы здесь делаете? — справился я.

— Я из Смольного, куда ездил от Комитета спасения и городской думы с ходатайством скорейшего освобождения юнкеров. И вот получил бумажку — приказание выпустить и направить в школу. Идемте со мной. Я вас выведу. Еще есть кто-нибудь из господ офицеров? — говорил, поражая меня, юнкер Н.

Через пять минут я подошел к уже выстроившимся юнкерам для возвращения домой в школу. Встреча была теплая, но крайне грустная — мы недосчитывались многих товарищей.

Под свист из окон казарм мы произвели перестроение и пошли, соблюдая ногу и должный порядок. На повозке ехали побитые и Бакланов. Впереди и сзади шел караул от Павловского полка, очень пригрозившийся на мосту через Фонтанку у цирка Чинизелли, где уличные хулиганы начали швырять камнями в юнкеров, виновных лишь тем, что обладали чистыми душами и сердцами.

Придя, наконец, в школу и поблагодарив юнкеров за проявленную дисциплину духа, я распустил их из строя и пошел здороваться с полковником Киткиным, вышедшим встречать нас на подъезде.

С милой улыбкой на своих сочных губах помощник начальника школы теперь, потирая руки, восхищался свою дальновидностью:

— Я говорил, что ничего не выйдет, кроме позора. Ну, теперь убедились? Так уж не жалуйтесь, что пришлось много тяжелого перенести. Сами виноваты — нечего соваться туда, где ничего не потеряли. Ну а теперь пойдемте выпьем водочки! — предложил он, заканчивая свои милые излияния. Но я отказался от этой чести, сославшись на головную боль.

Зато через несколько минут я беседовал с Борисом, а затем с явившимся капитаном Галиевским, грустным от общей боли, от человеческой подлости и глупости.

— ...Я бесконечно счастлив, что моя рота юнкеров так стойко и мужественно вела себя, что по сдаче дворца даже эти господа оставили у нас оружие и беспрепятственно пропустили с баррикад прямо идти в школу, — тихо, с гордостью говорил капитан.

— Да, да, — соглашались мы.

Большинство юнкеров прекрасно зарекомендовали себя. Тяжело будет, если не удастся их довести до производства в офицеры. В таких на фронте только и нуждаются, — и тихая беседа нас переносила то к далекому готовящемуся к зимовке фронту, то к переживаемым яв-

лениям политической жизни Родины, в которую вкрапился и такой день, как вчерашний.

«Да, — делали мы выводы, много было странного за эти часы вчерашнего дня и сегодняшней ночи... — Да! Защищать положение, сопровождая его требованиями не открывать огня. Оригинально... и подлежит выяснению, в чем зарыта собака... Ну да Бог видит правду, и хоть не скоро ее скажет, но все же скажет... Доживем ли?...»

«Ну, пора и по домам», — наконец решили мы и расстались.

А еще через три часа я пил шампанское за здоровье брата, оказавшегося тоже на свободе, и начал строить план мести офицерам Генерального и Главного штабов за издевательство над нами, — вызывая своими планами смех у престелной хозяйки дома.

И вот эти свои воспоминания я отдаю на суд истории, для нахождения истины и для воздаяния каждому по делам его, лицедею дня 25 октября 1917 года.

И делаю я это в память погибших и пострадавших юнкеров, господ офицеров и героинь-ударниц! Да простят мне то, что я еще жив, мои славные, честные, боевые друзья!..

П. Краснов²⁵

БОИ ПОД ПЕТРОГРАДОМ²⁶

Можно ли говорить, что большевики не готовились планомерно к выступлению 25 октября? Но кто им помогал?

23 октября весь «корпус» — то есть оставшиеся 18 сотен — было приказано передвинуть в район Старого Пебальга и Вендена, где поступить в распоряжение штаба 1-й армии, потому что там ожидалась беспорядки и массовые эксцессы. Я поехал в Псков узнать обстановку, а 24 октября отправил в штаб 1-й армии квартиреров и приступил к погрузке 10-го Донского казачьего полка в вагоны.

25 октября я получил телеграмму. Точного содержания ее не помню, но общий смысл был тот: Донскую дивизию спешно отправить в Петроград; в Петрограде беспорядки, поднятые большевиками. Подписана телеграмма двумя лицами: Главковерх Керенский и полковник Греков.

Полковник Греков — донской артиллерийский офицер и помощник председателя Совета союза казачьих войск, казачьего учреждения, пользующегося большим влиянием у казаков.

Ловко, подумал я. Но откуда же при теперешней разрухе я подам спешно всю 1-ю Донскую дивизию к Петрограду?

Тем не менее 9-й полк направил к погрузке в вагоны. 4 сотни 10-го полка приказал остановить на станции, послал телеграммы в Ревель и Новгород о сосредоточении в Луге, откуда решил идти походом, чтобы не повторять ошибки Крымова, увы, уже сделанной мудрыми распоряжениями штаба фронта.

А квартиры? Они уже ушли и рыщут, вероятно, по имениям и мызам, отыскивая помещения. Послал нарочного и за ними...

Сам поехал в Псков просить начальника штаба и начальника военных сообщений ускорить все эти перевозки так, чтобы хотя бы к вечеру 26-го я мог бы иметь часть из Ревеля и Новгорода в Луге.

Все было обещано сделать. В штабе я нашел большую тревогу. Тихо шепотом передавали, что Временное правительство свергнуто и не то разбежалось, не то борется в Зимнем дворце, отстаиваемое юнкерами; вся власть захвачена Советами с Лениным и Троцким во главе.

Вернувшись из Пскова, я напечатал приказ, где полностью передал телеграмму Керенского и Грекова и призывал казаков к уверенным и смелым действиям. Приказ послал с нарочными и в Ревель, и в Новгород. После чего собрался сам и поехал на станцию Остров, где уже был погружен штаб 1-й Донской дивизии, без ее начальника, случайно бывшего в отпуску в Петрограде.

* * *

Глухая осенняя ночь. Пути Островской станции заставлены красными вагонами. В них лошади и казаки, казаки и лошади. Кто сидит уже второй день, кто только что погрузился. На станции санитары, врачи и две сестры Проскуровского отряда. Просят, чтобы им разрешено было отправиться с первыми эшелонами, чтобы быть при первом деле. Казаки кто спит в вагонах, кто стоит у открытых ворот вагона и поет вполголоса свои песни.

Ах, да ты подуй,
Подуй ветер с полуночи,
Ты развеи, развеи тоску! —

слышится откуда-то с дальнего пути.

Вдоль пути шмыгают темные личности, но их мало слушают. Большевики не в фаворе у казаков, и агитаторы это чувствуют.

После целого ряда распоряжений относительно остающихся частей — штаба Уссурийской дивизии, 1-го Нерчинского полка и 1-й Амурской батареи и длительных разговоров с новым команду-

ющим дивизией, генерал-майором Хрепятицким²⁷, я, в 11 часов ночи, прибыл на станцию.

— Лошади погружены? — спросил я.

— Погружены, — отвечал мне полковник Попов²⁸.

— Значит, можно ехать?

— Нет.

— Но ведь нашему эшелону назначено в 11 часов, а теперь без двух минут одиннадцать.

— Ни один эшелон еще не отошел.

— Как? А девятый полк?

— Стоит на путях.

— Стоило гнать сломя голову. Но что же вышло?

— Комендант станции говорит — нет разрешения выпустить эшелоны.

Пошел к коменданту. Комендант был сильно растерян и смущен.

— Я ничего не понимаю. Получена телеграмма выгружать эшелоны и оставаться в Острове, — сказал он.

— Кто приказывает?

— Начальник военных сообщений.

Я соединился с Псковом. Полковник Карамышев²⁹ как будто бы ожидал меня у аппарата.

— В чем дело?

— Главкосев приказал выгружать дивизию и оставаться в Острове.

— Но вы знаете распоряжение Главковерха? Идти спешно на Петроград.

— Знаю.

— Ну так чье же приказание мы должны исполнить?

— Не знаю. Главкосев приказал. Я эшелоны не трону. И в Ревель и в Новгород послано: отставить.

Начиналась уже серьезная путаница. Надо было выяснить положение. Может быть, справились сами, одни усмирили большевиков. Одно — идти с генералом Корниловым против адвоката Керенского, кумира толпы, и другое — идти с этим кумиром против Ленина, который далеко не всем солдатам нравился.

Я послал за автомобилем, сел в него с Поповым и погнал в Псков.

Позднюю глухую ночью я приехал в спящий Псков. Тихо и мертво на улицах. Все окна темные, нигде ни огонька. Приехал в штаб. Насилу дозвонился. Вышел заспанный жандарм. В штабе никого. Хорошо, подумал я, штаб Северного фронта реагирует на беспорядки и переворот в Петрограде.

— А может быть, уже все кончено, — сказал мне Попов, — и мы напрасно беспокоимся. Теперь бы спать и спать...

— Где начальник штаба? — спросил я у жандарма.

— У себя на квартире.

— Где он живет?

Жандарм начал объяснять, но я не мог его понять.

— Пойдите, я оденусь, провожу вас.

Полковник Попов пошел на телеграф переговорить с Островом, там напряженно ждали, выгружаться или нет, а я поехал с жандармом к генералу Лукирскому³⁰. Парадная лестница заперта. На стуки и звонки никакого ответа. Нигде ни огонька. Пошли искать по черной. Насилу добились денщика.

— Генерал спит и не приказали будить.

С трудом добился от него, чтобы пошел разбудить начальника штаба.

Наконец в столовую, куда я прошел, вышел заспанный Лукирский в шинели, надетой поверх белья. Я доложил ему о том, что имею два взаимно противоречащих приказа и не знаю, как поступить.

— Я ничего не знаю, — лениво и устало сказал мне Лукирский.

— Как — ничего не знаете? Но ведь вы начальник штаба.

— Обратитесь к Главнокомандующему. Вы его сейчас застанете дома на совете. А я ничего не знаю.

Пошел к Главнокомандующему. Весь верхний этаж его дома на берегу реки Великой ярко освещен. Кажется, единственное освещенное место в Пскове. С треском отскочил от него автомобиль с какими-то солдатами и помчался вверх по городу.

Опять тот же адъютант с громкой еврейской фамилией меня встретил.

— Главкосев занят в совете, — сказал он на мою просьбу доложить обо мне, — и я не могу его беспокоить.

— Я все-таки настаиваю, чтобы вы доложили. Дело не может быть отложено до утра.

Адъютант с видимой неохотой открыл дверь, из-за которой я слышал чей-то мерный голос. В открытую дверь я увидел длинный стол, накрытый зеленым сукном, и за ним человек двадцать солдат и рабочих. В голове стола сидел Черемисов³¹. Он с неудовольствием выслушал адъютанта и что-то сказал ему.

— Хорошо, — сказал, возвращаясь, адъютант, — Главкосев вас примет, но только на одну минуту.

Меня провели в кабинет Главнокомандующего. Минуть десять я ожидал, стоя перед громадной картой, на которой цветными полоса-

ми было показано, как катился назад наш фронт этим летом. Сдали Ригу... Отошли к Вендену... Сдали Эзель... К весне — кто знает — может быть, немцы уже будут в Петрограде?

Дверь медленно отворилась, и в кабинет вошел Черемисов. Лицо у него было серое от утомления. Глаза смотрели тускло и избегали глядеть на меня. Он зевал не то первую зевотой, не то искусственной, чтобы показать мне, насколько все то, о чем я говорю ему, пустяки.

— Временное правительство в опасности, — говорил я, — а мы присягали Временному правительству, и наш долг...

Черемисов посмотрел на меня.

— Временного правительства нет, — устало, но настойчиво, как будто убеждая меня, сказал он.

— Как — нет? — воскликнул я.

Черемисов молчал. Наконец тихо и устало сказал:

— Я вам приказываю выгружать ваши эшелоны и оставаться в Острове. Этого вам достаточно. Все равно вы ничего не можете сделать.

— Дайте мне письменный приказ, — сказал я.

Черемисов с сожалением посмотрел на меня, пожал плечами и, подавая мне руку, сказал:

— Я вам искренно советую оставаться в Острове и ничего не делать. Поверьте, так будет лучше.

И он пошел опять туда — в «совет».

Я вышел на улицу. У автомобиля меня ожидал Попов. Я рассказал ему результат свидания.

— Знаете, — сказал Попов, — это дело политическое. Пойдемте к комиссару. Войтинский³² все это время был порядочным человеком. Его долг нам подать совет. Да без комиссара мы и части не повернем. Вон уже 9-й полк волнуется оттого, что сидит сутки в вагонах.

Я согласился, и мы поехали в комиссариат.

Войтинского, который и жил в комиссариате, не было там. По словам дежурного «товарища», он ушел куда-то на заседание, но должен скоро вернуться.

Мы сели в комнате «товарища» и ждали. Уныло тикали стенные часы, и медленно ползла осенняя ночь. Било три, било половину четвертого. Наконец около четырех часов Войтинский приехал.

Он обрадовался, увидавши нас. Все лицо его, некрасивое, усталое, просияло.

— Вы как нельзя более кстати, — сказал он и начал расспрашивать про обстановку, про настроение частей.

— Что говорил Черемисов? — быстро спрашивал он. — А вы как думаете?... Прямо Бог послал вас сюда именно сегодня... Мне нужно с вами поговорить наедине. Пойдемте ко мне.

Мы пошли по пустым комнатам комиссариата. Кое-где тускло горели лампы. Наконец в какой-то дальней комнате он остановился, тщательно запер двери и, подойдя ко мне вплотную, таинственно шепотом сказал:

— Вы знаете... О н здесь!

Я не понял, о ком он говорит, и спросил:

— Кто — он?

— Керенский!.. Никто не знает... Он тайно только что приехал из Петрограда... Вырвался на автомобиле... Идет осада Зимнего дворца... Но он спасет... Теперь, когда он с войсками, он спасет... Пойдемте к нему... Или лучше я скажу вам его адрес... Нам неудобно идти вместе... Идите... Идите к нему. Сейчас...

* * *

Месяц лукавым таинственным светом заливал улицы старого Пскова. Романическим средневековым веяло от крутых стен и узких проулков. Мы шли с Поповым пешком, чтобы не привлекать внимания автомобилем. Шли как заговорщики... Да по существу, мы были заговорщиками — двумя мушкетерами средневекового романа!

Ночь была в той части, когда, утомленная, она готова уже уступить утру и когда сон обывателя становится особенно крепким, а грезы фантастическими. И временами, когда я глядел на закрытые ставни, на плотно опущенные занавески, на окна, подернутые каплями росы и сверкающие отражениями высокой луны, мне казалось, что и я сплю, и этот город, и то, что было, и то, что есть, не более как кошмарный сон.

Я шел к Керенскому. К тому Керенскому, который...

Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского. Я никогда его не видал, очень мало читал его речи, но все мне было в нем противно до гадливого отвращения.

Противна была его самоуверенность и то, что он за все брался и все умел. Когда он был министром юстиции — я молчал. Но когда Керенский стал военным и морским министром, все возмутилось во мне.

Как, думал я, во время войны управлять военным делом берется человек, ничего в нем не понимающий! Военное искусство одно из самых трудных искусств, потому что оно, помимо знаний, требует

особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим.

Керенский полководец!.. Петр Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев.... и Керенский.

Он разрушил армию, надругался над военной наукой, и за то я презирал и ненавидел его.

А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизни вверенных мне людей в его полное распоряжение?

Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к Родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию...

Вот о чем грезили, о чем переговаривались мы с С.П. Поповым, пока искали квартиру полковника Барановского³³, у которого был Керенский.

Искали долго. Спросить не у кого. Город спит, никого на улицах. Наконец, скорее по догадке, усмотревши в одном доме два освещенных окна во втором этаже, завернули в него и нашли много неспящих людей, суету, суматоху, бестолочь, воспаленные глаза, бледные лица, квартиру, перевернутую вверх дном и самого Керенского.

* * *

— Генерал, где ваш корпус? Он идет сюда? Он здесь уже близко? Я надеялся встретить его под Лутой.

Лицо со следами тяжелых бессонных ночей. Бледное, нездоровое, с больной кожей и опухшими красными глазами. Бритые усы и бритая борода, как у актера. Голова слишком большая по туловищу. Френч, галифе, сапоги с гетрами — все это делало его похожим на штатского, вырядившегося на воскресную прогулку верхом. Смотрит пронизательно, прямо в глаза, будто ищет ответа в глубине души, а не в словах; фразы короткие, повелительные. Не сомневается в том, что сказано, то и исполнено. Но чувствуется какой-то нервный надрыв, ненормальность. Несмотря на повелительность тона и умышленную резкость манер, несмотря на это «генерал», которое сыплется в конце каждого вопроса, — ничего величественного. Скорее — больное и жалкое. Как-то, на одном любительском спектакле, я слышал, как

довольно талантливо молодой человек читал стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Вот такая же повелительность была и в словах этого плотного, среднего роста человека, чуть рыжеватого, одетого в защитное, бегающего по гостиной между столиком с допитыми чашками кофе, угловатыми диванчиками и пуфами и вдруг останавливающегося против меня и дающего приказание или говорящего фразу, и казалось, что все это закончится безумным смехом, плачем, истерикой и дикими криками: «Все васильки, красные, синие в поле!..»

Я сразу узнал Керенского по тому множеству портретов, которые я видал, по тем фотографиям, которые печатались тогда во всех иллюстрированных журналах.

Не Наполеон, но, безусловно, позирует на Наполеона. Слушает невнимательно. Будто не верит тому, что ему говорят. Все лицо говорит тогда — «знаю я вас; у вас всегда отговорки, но нужно сделать и вы сделаете».

Я доложил о том, что не только нет корпуса, но нет и дивизии, что части разбросаны по всему северо-западу России и их раньше необходимо собрать. Двигаться малыми частями — безумие.

— Пустяки! Вся армия стоит за мною против этих негодяев. Я сам поведу ее за собою, и за мною пойдут все. Там никто им не сочувствует. Скажите, что вам надо? N.N., — обратился он к Барановскому (я не помню имени и отчества Барановского. — П. К.), — запишите, что угодно генералу.

Я стал диктовать Барановскому, где и какие части у меня находятся и как их оттуда выволотить. Он записывал, но записывал невнимательно. Точно мы играли, а не всерьез делали. Я говорил ему что-то, а он делал вид, что записывает.

— Вы получите все ваши части, — сказал Барановский. — Не только Донскую, но и Уссурийскую дивизию. Кроме того, вам будут приданы 37-я пехотная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия и весь 17-й армейский корпус, кажется, все, кроме разных мелких частей.

— Ну вот, генерал. Довольны? — сказал Керенский.

— Да, — сказал я, — если это все соберется и если пехота пойдет с нами, Петроград будет занят и освобожден от большевиков.

Слыша о таких значительных силах, я уже не сомневался в успехе. Дело было иное. Можно будет выгрузить казаков и в Гатчине и составить из них разведывательный отряд, под прикрытием которого высаживать части 17-го корпуса и 37-й дивизии на фронте Тосно—Гатчина и быстро двигаться, охватывая Петроград и отрезая его от Кронштадта и Морского канала. Моя задача сводилась к более простым действиям. Стало легче на душе... Но если бы это было так — разве сидел бы

Черемисов теперь с «советом»? Разве принял бы он меня известием, что Временного правительства уже нет? Три дивизии пехоты и столько же кавалерии, беспрепятственно идущие среди моря армии, это показывает, что армия на стороне Керенского, а если так — бунтовался бы разве гарнизон Петрограда, задерживали бы эшелоны в Острове? Нет, тут что-то было не так. Сомнение закрадывалось в душу, и я высказал его Керенскому.

Мне показалось, что он не только не уверен в том, что названные части пойдут по его приказу, но не уверен даже и в том, что Ставка, то есть генерал Духонин передал приказания. Казалось, что он и Пскова боится. Он как-то вдруг сразу осел, завял, глаза стали тусклыми, движения вялыми.

Ему надо отдохнуть, подумал я и стал прощаться.

— Куда вы, генерал?

— В Остров, двигать то, что я имею, чтобы закрепить за собою Гатчину.

— Отлично. Я поеду с вами.

Он отдал приказание подать свой автомобиль.

— Когда мы там будем? — спросил он.

— Если хорошо ехать, через час с четвертью мы будем в Острове.

— Соберите к одиннадцати часам дивизионные и другие комитеты, хочу поговорить с ними.

Ах, зачем это! — подумал я, но ответил согласием. Кто его знает, может быть, у него особенный дар, умение влиять на толпу. Ведь почему-нибудь приняла же его Россия? Были же ему и овалции, и восторженные встречи, и любовь, и поклонение. Пусть казаки увидят его и знают, что с а м К е р е н с к и й с ними.

Минут через десять автомобили были готовы, я разыскал свой, и мы поехали. Я — по приказанию Керенского — впереди, Керенский с адъютантами сзади. Город все так же крепко спал, и шум двух автомобилей не разбудил его. Мы никого не встретили и благополучно выбрались на Островское шоссе.

* * *

Бледным утром мы подъезжали к Острову. Верстах в пяти от города я встретил сотни 9-го Донского полка, идущие из города по своим деревням. Я остановил их.

— Куда вы? — спросил я.

— Ночью было передано от вас приказание выгружаться и идти по домам, — отвечал командир сотни.

— Я не отдавал такого приказа. Поворачивайте назад, мы сейчас едем на Петроград, с нами едет Керенский.

— Как — Керенский? — с удивлением спросил командир сотни.

Казаки, прислушавшиеся к моим словам, стали передавать один другому: «Керенский здесь, Керенский здесь».

В эту минуту подъехал и Керенский. Он поздоровался с казаками. Казаки довольно дружно ему ответили. Сомнений не было, и сотни стали заходить плечом к Острову. Мы поехали дальше. Мне негде было устроить Керенского. Моя квартира была разорена, и я поехал с ним в собрание, где предложил ему чай и закусить, а сам пошел отдавать распоряжения. Мимо меня прошли сотни 9-го полка, лица казаков выражали любопытство.

Весть о том, что Керенский в Острове, сама собою распространилась по городу. Улица перед собранием стала запружаться толпою. Явились дамы с цветами, явились матросы и солдаты Морского артиллерийского дивизиона, стоявшего по ту сторону реки Великой в предместье Острова. Я поставил часовых у дверей дома и вызвал в ружье всю Енисейскую сотню, которая стала в длинном коридоре, ведшем к столовой, и никого не пропускала. Наверху собиралась комитеты. Как ни следили мы, чтобы не было посторонних, но таковых набралось немало. Однако передние ряды были заняты комитетом 1-й Донской казачьей дивизии, бравыми казаками, на лицах которых было только любопытство и никакого озлобления. Совершенно иначе был настроен комитет Уссурийской дивизии, и особенно представители Амурского казачьего полка, в котором было много большевиков.

Я пошел доложить Керенскому, что комитеты готовы. Керенский спал, сидя за столом. Лицо его выражало крайнее утомление. При моем входе он сразу проснулся.

— А! Хорошо. Сейчас иду. А потом и поедем, — сказал он.

Я никогда не слышал Керенского и только слышал восторженные отзывы о его речах и о силе его ораторского таланта. Может быть, потому я слишком много ожидал от него. Может быть, он сильно устал и не приготовился, но его речь, произнесенная перед людьми, которых он хотел вести на Петроград, была во всех отношениях слаба. Это были истерические выкрики отдельных, часто не имеющих связи между собою фраз. Все те же избитые слова, избитые лозунги. «Завоевания революции в опасности», «Русский народ самый свободный народ в мире», «Революция совершилась без крови — безумцы большевики хотят полить ее кровью», «Предательство перед союзниками» и т. д. и т. д.

Донцы слушали внимательно, многие затаив дыхание, восторженно, с раскрытыми ртами. Сзади в двух-трех местах раздались крики:

«Неправда! Большевики не этого хотят!» Кричал злобный круглолицый урядник Амурского полка.

Когда Керенский кончил, раздались довольно жидкие аплодисменты. И сейчас же раздался полный ненависти голос урядника-амурца.

— Мало кровушки нашей солдатской попили! Товарищи! Перед вами новая корниловщина! Помещики и капиталисты!..

— Довольно!.. Будет!.. Остановите его!.. — кричали из передних рядов.

— Нет, дайте сказать!.. Товарищи! Вас обманывают... Это дело замышляется против народа...

Я послал вывести оратора и уговорил уйти Керенского.

Керенский торопился уехать на станцию, но оттуда передавали, что нет еще вагона.

Толпа у дома, где был Керенский, становилась гуще. Офицеры мне передавали, что настроение ее далеко не дружелюбное, и не советовали отправлять Керенского без конвоя. Я вышел на улицу. Стояли какие-то дамы с цветами.

— Что, скоро выйдет Керенский? — спросили они. — Ах, я никогда не видала Керенского! Попросите его поговорить с толпой.

— Большевики за дело стоят, — говорили в толпе. — Солдату что нужно? — мир, а он опять о войне завел шарманку, — говорили солдаты.

— Схватить его и предоставить Ленину — вот и все.

— А казаки?

— Казаки ничего не сделают.

Я вызвал со станции конный взвод 9-го Донского полка для конвоирования автомобиля и приказал на станции выставить почетный караул. Около первого часа пополудни мы поехали на станцию.

Почетный караул сделал свое дело. Он был великолепен. Временно командующий полком войсковой старшина Лаврухин³⁴ (командир полка, полковник Короченцов³⁵, заболел дипломатическою болезнью) постарался. Громадная сотня была отлично одета. Шинели сверкали Георгиевскими крестами и медалями. На приветствие Керенского она дружно гаркнула: «Здравия желаем, господин Верховный Главнокомандующий», а потом прошла церемониальным маршем, тщательно отбивая шаг. Толпа, стоявшая у вокзала, притихла. Вагон явился как из-под земли, и комендант станции объяснял свою медлительность тем, что он хотел подать «для господина Верховного Главнокомандующего салон-вагон» и стеснялся дать этот потрепанный микст.

Мы сели в вагон, я отдал приказание двигать эшелоны. Паровозы свистят, маневрируют. По путям ходят солдаты Островского гарнизо-

на, число их увеличивается, а мы все стоим, нас никуда не прицепляют и никуда не двигают.

Я вышел и пригрозил расправой. Полная угодливость в словах, и никакого исполнения.

Командир Енисейской сотни, есаул Коршунов, начальник моего конвоя, служил когда-то помощником машиниста. Он взялся провезти нас, стал на паровоз с двумя казаками, и дело пошло.

Все было ясно. Добровольно никто не хотел исполнять приказания Керенского, так как неизвестно чья возьмет; «примените силу, и у нас явится оправдание, что мы действовали не по своей воле».

Зная настроение Псковского гарнизона и то, что, конечно, из Острова уже дали знать в Псков, что с казаками едет Керенский, я приказал Коршунову вести поезд нигде не останавливаясь, набрать воды перед Псковом, и Псков пассажирский, и Псков товарный проскочить полным ходом — и не напрасно.

Наконец около трех часов пополудни мы тронулись.

На станции Черской остановка. Начальник военных сообщений, генерал Кондратьев³⁶, ожидал нас, он просил пропустить его к Керенскому. Я присутствовал при разговоре. Керенский накричал на него за промедление с эшелонами. Полная угодливость со стороны Кондратьева.

Керенский продиктовал ему, какие части должны быть направлены в первую очередь, речь шла о целой армии. Кондратьев почтительно кланялся.

Мне и полковнику Попову, бывшему со мной в одном купе, это показалось хорошей приметой. Значит, Черемисов пойдет с Керенским, решили мы.

На станции Псков громадная, в несколько тысяч, толпа солдат. Наполовину вооруженная. При приближении поезда она волнуется, подвигается ближе. Я стою на площадке; у паровоза Коршунов и его лихие енисейцы; поезд ускоряет ход, и станция, забитая серыми шинелями, уплывает за нами.

В вагонах на редких остановках слышны песни. Раздают запоздалый ужин. Пахнет казачьими щами. Слышна предобеденная молитва: «Очи всех на Тя, Господи, уповают». Никаких агитаторов. Все идет хорошо.

Со встречным петроградским поездом прибыли офицеры, бывшие в Петрограде. Сотник Карташов подробно докладывает мне о том, как юнкера обороняют Зимний дворец, о настроении гарнизона, колеблющегося, не знающего на чью сторону стать, держащего нейтралитет. В купе входит Керенский.

— Доложите мне, поручик, — говорит он, — это очень интересно, — и протягивает руку Карташову. Тот вытягивается, стоит смиренно и не дает своей руки.

— Поручик, я подаю вам руку, — внушительно заявляет Керенский.

— Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, — отчетливо говорит Карташов, — я не могу подать вам руки. Я — к о р н и л о в е ц!³⁷

Краска заливает лицо Керенского. Он пожимается и выходит из купе.

— Взыщите с этого офицера, — на ходу кидает он мне...

Поезд мчится, прорезая мрак холодной, тихой сентябрьской ночи. Проехали, не останавливаясь, Лугу... Приближаемся к Гатчине. Всюду тишина. Смолкли казачьи песни. Но непрерывное движение поезда вселяет почему-то уверенность в успехе.

Я задремал. Дверь купе распахнулась. Я открываю глаза. В дверях Керенский и с ним политический комиссар капитан Кузьмин.

— Генерал, — торжественно говорить мне Керенский. — Я назначаю вас командующим армией, идущей на Петроград, поздравляю вас, генерал!.. И, переменяя тон, добавляет обыкновенным голосом: — У вас не найдется полевой книжки? Я напишу сейчас об этом приказ.

Я молча подаю ему свою книжку. Он выходит. Командующий армией, идущей на Петроград! Идет пока, считая синицу в руках, — шесть сотен 9-го полка и четыре сотни 10-го полка. Слабого состава сотни, по 70 человек. Всего 700 всадников — меньше полка нормального штата. А если нам придется спешиться, откинуть одну треть на коноводов — останется боевой силы всего 466 человек — две роты военного времени!!

Командующий армией и две роты!

Мне смешно... Игра в солдатики! Как она соблазнительна, с ее пышными титулами и фразами!!!

Бледное утро смотрит в окно. Серый тоскливый осенний день. Станционная постройка, выкрашенная красной краской. Мокрая рябина, покрытая гроздьями спелых, хваченных морозом ягод. Мы стоим на Гатчино товарной...

* * *

В Гатчине меня ожидало приятное известие. Из Новгорода прибыл эшелон 10-го Донского полка, две сотни и два орудия. Командир эшелона, чудный офицер, есаул Ушаков, пробился силою, несмотря на все

препятствия со стороны железнодорожников. Я приказал выгружаться, имея целью захватить Гатчино врасплох. В полутьме раннего утра вышли сотни 9-го и 10-го полков и артиллерия. Я послал разведку в город, а сам с сотнями выдвинулся на Петербургское шоссе. Офицеры, сопровождавшие Керенского, четыре человека, в какой-то придорожной чайной устроили чай для Керенского.

В Гатчино тихо. Гатчино спит. Разведка донесла, что на Балтийской железной дороге выгружается рота, только что прибывшая из Петрограда, и матросы. Посылаю туда сотни и сам еду с ними. Казаки со всех сторон забегают к станции. Видно, как рота выстраивается на перроне. Кругом ходит публика, железнодорожные служащие. Рота стоит развернутым строем, представляя собою громадную мишень. Я приказываю снять одно орудие с передков и ставлю его на путях. От пушки до роты не более тысячи шагов. Человек восемь казаков Енисейской сотни с тем же молодцом Коршуновым бегут к роте. Короткий разговор, и рота сдает ружья. Это рота лейб-гвардии Измайловского полка и команда матросов.

Ко мне ведут офицеров. Безусые растерянные мальчишки.

— Господа, как вам не стыдно! — говорю я им.

Молчат. Тупо смотрят на меня, сами, видимо, не понимают, что произошло.

— Вы пошли против Временного правительства, — возвышая голос, говорю я. — Вы изменили Родине. Я повесить вас должен.

Лица бледнеют.

— Господин генерал, — лепечет один из них, — мы не шли против Временного правительства.

— Куда же вы шли?

— Мы шли... Мы шли в Гатчино... Охранять Гатчино от разграбления.

Что я буду делать с пленными? Их 360 человек, а в моих трех сотнях едва наберется 200!

Обезоруживши их, я отпускаю их на все четыре стороны. Мне их некуда девать и некем охранять. Когда еще придет 37-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии, когда еще подойдет 17-й армейский корпус. Да и придут ли?

Какая опасность от этих людей?

— Мы можем ехать обратно? — спрашивают солдаты.

— Поезжайте и скажите вашим товарищам, чтобы они не глупили, — говорю я им.

— Да мы что! Мы ничего! — добродушно заявляют солдаты. — Нам что прикажут, мы то и делаем.

Ко мне подъезжает казак. Варшавская станция занята казаками. Взята в плен рота и 14 пулеметов.

— Что прикажете делать с пленными?..

— Обезоружить и отпустить!

Их некуда было девать и прятать, их нечем было кормить, потому что базы и тыла у нас не было. Отправлять в Лугу? Но отношение Луги к нам неизвестно. Посылать в Псков? Но Псков явно враждебен к нам. Оставалось распускать их, надеясь, что они распылятся, разойдутся по своим деревням, на несколько дней станут безопасны. А там подойдет 17-й корпус, и можно будет их или снова мобилизовать, или, если будет надо, посадить за проволоку.

Ясно было, что Гатчино обороняться не будет. Я еще отдавал на площади перед Балтийской станцией приказания, когда мне доложили, что Керенский уже находится в Гатчинском дворце и требует меня для распоряжений.

Я нашел его в одной из квартир запасной половины. С ним его адъютанты — молодые люди, капитан Свистунов, комендант дворца, капитан Кузьмин и какие-то две молодые, нарядно одетые красивые женщины. Они закусывали. Обстановка была не для серьезного разговора, и я увел Керенского в другую комнату. Он настаивал на немедленном движении дальше. Но с кем? Было у меня три сотни и два орудия. Гатчино спокойно, но кто знает, каково будет настроение его частей, когда они увидят, что мы уйдем и нас слишком мало. Даже на разъезды не хватит!

— Но вы сами видите, что сопротивления никакого не будет. Петроградский гарнизон на нашей стороне, — сказал Керенский.

Я, однако, отказался идти вразброд. Надо было дожидаться подхода остальных эшелонов, хотя бы своих, послать разъезды к Царскому, Красному и Петергофу и всеми возможными способами выяснить, что делается в Петрограде. Оттуда непрерывно прибывали юнкера и офицеры, бежавшие от большевиков, было много частных лиц, которые все допрашивались мною. Моя жена жила в Царском Селе у подруги моего детства, жены одного артиллерийского генерала, мне удалось связаться с нею городским телефоном и получить сведения о том, что делается в Царском. Все полученные донесения сводились к следующему: в Царском спокойно. К вечеру с великими трудами удалось собрать две роты, одна пошла к Гатчино, другая к Красному Селу. Шли в беспорядке, вразброд.

В Петрограде идет борьба между большевиками и правительством. На стороне большевиков матросы, которых считают до пяти тысяч, и вооруженные рабочие. На стороне правительства только юнкера. По

существо, правительства нет. Оно рассеялось и никаких распоряжений не отдает, но в городской думе заседает какой-то «Комитет спасения Родины и Революции», который организует борьбу с большевиками и ведет агитацию в частях Петроградского гарнизона. Солдаты держатся пассивно. Никакого желания выходить из города и воевать. Были случаи, что солдатские патрули обезоруживались женщинами на улице. Преображенский и Волынский полки будто бы решили выступить против большевиков, как только мы подойдем к Петрограду. 1-й, 4-й и 14-й Донские полки собираются выступить к нам навстречу, к Пулкову, и идти с нами. Их убеждает сделать это совет Союза казачьих войск, который очень энергично работает. Этот совет непрерывно снабжал меня донесениями. От 1-го Донского казачьего полка приехала даже делегация. Я ее принял. Три казака весьма подлого вида. Косятся, выпрашивают, производят впечатление разведчиков наших настроений, а не переговорщиков о совместных действиях. Наш донской комитет, руководимый доблестным и прекрасным офицером, подесаулом Ажоговым³⁸, обрушился на них, говоря им, что они позорят казачье имя, что им нельзя будет вернуться на Дон. Они отмалчивались, но, уходя, заявили — какой же это демократический комитет, когда в него допущены офицеры?

Но были сведения и менее оптимистические. Они говорили, что Петроградский гарнизон ничто — с ним и сами большевики не считаются. Он не выступит ни на чьей стороне и ничего делать не будет. Опора большевиков — матросы и красногвардейцы, то есть вооруженные рабочие, которых будто бы больше ста тысяч. Рабочие очень воинственно настроены и хорошо организованы. Из Кронштадта в Неву пришла «Аврора» и несколько миноносцев. Большевистские вожди распоряжаются с подавляющей энергией и организуют все новые полки при полном бездействии правительства и властей. Верховский³⁹, Полковников и все военное начальство находится в состоянии растерянности и лавирует так, чтобы сохранить свое положение при всяком правительстве.

Я это видел в Гатчино. В Гатчино находилась школа прапорщиков. Почти батальон молодых людей отнюдь не большевистского настроения. Но начальство ее выступить с нами отказалось. Самое большее, что они могли взять на себя, — это поставить заставы на дорогах и наблюдать за внутренним порядком в городе. Офицеры авиационной школы все были с нами, но боялись своих солдат и могли только дать два аэроплана, которые полетели в Петроград, разбрасывать мои приказы «командующего армией, идущей на Петроград», и воззвания Керенского.

Эшелоны с войсками приходили туго. Пришло еще две сотни 9-го Донского полка и пулеметная команда, полсотни 1-го Амурского полка и совершенно мне ненужный штаб Уссурийской конной дивизии.

— А где нерчинцы? — спросил я у генерала Хрещатицкого.

— Главкосев Черемисов оставил их в Пскове для охраны штаба фронта, — отвечал Хрещатицкий.

— Да ведь вы получили категорическое приказание отправить их в Гатчино.

— Главкосев приказал командиру полка, и они высадились, — отвечал начальник дивизии.

В распоряжения Керенского и мои вмешивались сотни лиц. Ставка — Духонин — бездействовала, была парализована. Из Ревеля примчался ко мне офицер и передал мне, что начальник гарнизона отменил погрузку 13-го и 15-го Донских полков «впредь до выяснения обстановки». Ни 37-й пехотной, ни 1-й кавалерийской дивизий, ни частей 17-го корпуса не было видно на горизонте. Тщетно спрашиваясь я по всем телеграфам Николаевской дороги. Никаких эшелонов на север не шло. Приморский полк⁴⁰ в Витебске отказался исполнить мой приказ.

Таково было отношение начальства, именно начальства, — то есть Черемисова в Пскове, начальника гарнизона в Ревеле, Духонина в Ставке, командира 17-го корпуса и начальников дивизий, 37-й пехотной и 1-й кавалерийской, — к выступлению большевиков. Никто не пошел против них.

Отозвалась только Луга — 1-й осадный полк в составе 800 человек решил идти на помощь Керенскому и погрузился в Луге. Да уже ночью ко мне пришел отличный офицер, капитан Артифексов, которого я знал по службе в 1-м Сибирском полку, командовавший теперь броневым дивизионом в Режице, и обещал прийти ко мне на помощь со своими броневыми машинами.

Разъезд, шедший на Пулкову, встретил застрывший броневик «Непобедимый» и не долго думая атаковал его. Команда «Непобедимого» бежала, и он достался нам. В авиационной школе нашлись офицеры-добровольцы, которые взялись исправить броневик и составить его команду. К 11 часам вечера он был доставлен на двор Гатчинского дворца и офицеры принялись его чинить.

К вечеру 27 октября я имел: 3 сотни 9-го Донского полка, 2 сотни 10-го Донского полка, 1 сотню 13-го Донского полка, 8 пулеметов и 16 конных орудий. То есть моих людей едва хватало на прикрытие артиллерии. Всего казаков у меня было, считая с енисейцами, — 480 человек, а при спешивании — 320.

Идти с этими силами на Царское Село, где гарнизон насчитывал 16 000, и далее на Петроград, где было около 200 000, — никакая тактика не позволяла; это было бы не безумство храбрых, а просто глупость. Но гражданская война — не война. Ее правила иные, в ней решительность и натиск — все; взял же Коршунов с 8 енисейцами в плен полторы роты с пулеметами. Обычаи и настроение Петроградского гарнизона мне были хорошо известны. Ложатся поздно, долго гуляют по трактирам и кинематографам, зато и утром их не поднимешь — захват Царского на рассвете, когда силы не видны, казался возможным; занятие Царского и наше приближение к Петрограду должно было повлиять морально на гарнизон, укрепить положение борющихся против большевиков и заставить перейти на нашу сторону гарнизон. Ведь, опять-таки думал я, идет не царский генерал Корнилов, но социалистический вождь — демократ Керенский, вчерашний кумир солдатской толпы, идет за то же Учредительное собрание, о котором так кричали солдаты...

Я собрал комитеты. В этой подлой войне они мне были нужны для того, чтобы и то, что у меня было, не развалилось. Высказал свои соображения. Казаки вполне согласились со мною.

На 2 часа утра 28 октября было назначено выступление.

* * *

В 2 часа мне доложили, что отряд готов. На площади перед дворцом в резервной колонне стоял казачий полк, батареи вытянулись по улице. Я объехал ряды. Все было в порядке. Головная сотня по моему приказанию вытянулась вперед, бойко застучали копытами по грязному шоссе лошади дозорных казаков. За второю от головы сотнею потянулись, громохкая, казачьи пушки. Гатчино притаилось. Нигде ни огонька, нигде не светится ни одна щель ставни. Вряд ли спало оно в эту тревожную ночь, когда быстро стучали конские копыта по камням и тяжело гремели и звенели пушки?

Было темно. Я попробовал вести отряд переменными аллюрами, но батареи отставали — пришлось идти шагом. Отошли четыре версты, остановились, слезли, подтянули подпруги и пошли дальше. В восьми верстах от Гатчино, не доходя деревни Романово, остановились. В чем дело?

Впереди застава — рота стрелков. Не пропускает. Что же делает? Разговаривает.

Прорысил мимо меня дивизионный комитет с подбесаулом Ажогиным. Такая «война» была мне противна, но при малых моих силах приходилось покоряться — она была выгодна для меня.

Разговоры затягиваются, время идет. Близок рассвет. Я командую: «Шагом марш» — и еду к заставе. На середине шоссе три офицера-стрелка и несколько солдат.

— Сдавайтесь, господа, — говорю я им ласково.

— Уже сдают винтовки, — говорит мне командир головной сотни.

Мы едем дальше. В предрассветных сумерках видна выстраивающаяся рота без оружия. С поля, из наскоро нарытого окопа подходят люди, несут и отдают казакам винтовки. Путь свободен.

— Куда прикажете вести людей? — спрашивает меня офицер-стрелок.

— Оставайтесь в деревне до обеда, отдохните, а после обеда идите домой, в Царское Село...

Не расстреливать же их поголовно? А другого исхода не было. Или на волю, или перестрелять.

В мутном свете наступающего хорошего солнечного дня показалось Царское Село. Опять остановка. Дорогу преграждает цепь. Солдат много. Не меньше батальона (800 человек). Раздаются редкие выстрелы. Заставы мои прижались за домами деревни Перелесино. Наступает психологический момент — от него зависит все дальнейшее. Я приказываю спешить две головные сотни и выехать на позицию трем батареям. Остальным сотням их прикрывать. Сам еду к цепям.

Огонь со стороны стрелков усиливается. Трещит пулемет, но все-таки это не настоящий огонь батальона. Или у них мало патронов, или они не хотят стрелять. Я приказываю энергично наступать, а артиллерии открыть огонь по казармам. Там, подле казарм, живет моя жена — это знают многие казаки и офицеры, бывавшие у нее тогда, когда мы стояли в Царском. Командир батареи деликатно бьет на высоких разрывах. Казармы Царского окутываются дымками шрапнелей. Но цепи не отходят. Идти вперед? Но нас до смешного мало. Продвигаясь вперед, попадаем под обстрел с обоих флангов.

Опять выручают енисейцы. Коршунов ведет их — всего 30 человек — в обход.

И цепи стрелков отходят. Мы продвигаемся за Перелесино. Видны в конце шоссе ворота Царскосельского парка. Там все кишит людьми. Весь гарнизон столпился у ворот. Если они откроют дружный огонь по нас, то моих казаков сметет так же, как смела 111-я пехотная дивизия моих кубанцев. Но они не стреляют. Похоже, что там митинг. Дивизионный комитет садится на лошадей и едет вперед. По нему раздается пять-шесть выстрелов. Он, не обращая внимания, едет даль-

ше. Кучка в 9 всадников быстро приближается к толпе. От толпы отделяется несколько человек.

Разговоры...

Октябрьское солнце поднимается на бледном небе. Серебрится роса на рыжей траве и кочках болота, блестят дощатые крыши домов, ярко сверкают зеленые купола Софийского собора. День настает, а они все разговаривают. Это надо кончить. Я сажусь на свою громадную лошадь и в сопровождении адъютанта, ротмистра Рыкова, и двух вестовых га-лопом туда.

Комитет окружен офицерами-стрелками. Идут разговоры. Или они стараются выиграть время, ожидая помощи (конечно, моральной — физической силы у них было слишком достаточно) из Петрограда, или сами не знают, что делать.

— Господа, — говорю я им. — Не нужно кровопролития. Сдавайте оружие и расходитесь по домам.

Офицеры соглашаются со мною и едут уговаривать стрелков. Но между стрелками раскол. Часть — около полка — густой колонной отделяется вперед и идет к нам, чтобы сдать ружья. Но другая часть бежит в цепь по опушке парка, стараясь отхватить нас. Я и комитет отъезжаем к цепям.

В цепях разговаривает с казаками статный, красивый человек средних лет, с выправкой отличного спортсмена, в полувоенном платье, с амуницией и биноклем. С ним каких-то два молодых человека и офицер-казак.

— Савинков⁴¹, — говорит он мне.

Мы здороваемся. Савинков расспрашивает про обстановку.

— Что вы думаете делать? — спрашивает он меня.

— Идти вперед, — говорю я. — Или мы победим, или погибнем; но если пойдем назад, погибнем наверно.

Савинков соглашается со мною. Он говорит мне несколько слов по поводу того, как лестно обо мне и любовно отзывались казаки.

Революционер и царский слуга!

Как все это странно!

Сзади из Гатчины подходит наш починенный броневик, за ним мчатся автомобили — это Керенский со своими адъютантами и какими-то нарядными экспансивными дамами.

— В чем дело, генерал? — отрывисто обращается он ко мне. — Почему вы ни о чем мне не доносили? Я сидел в Гатчине, ничего не зная.

— Доносить было не о чем, — говорю я. — Все торгуемся.

Я докладываю ему обстановку.

Керенский в сильном нервном возбуждении. Глаза его горят. Дамы в автомобиле, и их вид, праздничный, отзывающийся пикником, так неуместен здесь, где только что стреляли пушки. Я прошу Керенского уехать в Гатчино.

— Вы думаете, генерал? — шурысь, говорит Керенский. — Напротив, я поеду к ним. Я уговорю их.

Я приказываю Енисейской сотне сесть на лошадей и сопровождать Керенского, еду и сам.

Керенский врывается в толпу колеблющихся солдат, стоящих в двух верстах от Царского Села. Автомобиль останавливается. Керенский становится на сиденье, и я опять слышу проникновенный, истеричный голос. Осенний ветер схватывает слова и несет их в толпу, отрывистые, тусклые, уже никому не нужные, желтые и поблекшие, как осенние листья.

— Завоевания революции.. Удар в спину... Немецкие наемники и предатели!..

Казаки-енисейцы въезжают в толпу и силой отбирают винтовки. Сзади подъехал наш грузовик, и гора винтовок растет на нем.

Обезоруженные солдаты сконфуженно идут прямо полем к казармам. Но там, у ворот Царского, настроение иное. Там кто-то распознается. Цепи выходят из парка, они учуяли нашу малочисленность и стараются окружить нас. С моего правого фланга тревожные донесения. На него из Павловска наступают цепи, и оттуда стреляет батарея.

Я прошу Керенского отъехать назад и вызываю взвод Донской батареи; той самой батарее, которая не раз выручала меня в тяжелые минуты в настоящей войне. Донские пушки становятся на шоссе в какой-нибудь версте от цепей и громадного скопища солдат у ворот Царскосельского парка. Молодцов артиллеристов можно перестрелять как куропаток. Я и енисейцы отъезжаем в боковые улочки предместья.

Наступает томительная тишина. И вдруг — тах-тах-тах, — затрепала ружья по нашему левому флангу.

— Первое!.. — раздалась команда. — Пли!

И за первой, почти сливаясь, ударила вторая пушка. И затихла. Два белых мячика разрыва отчетливо сверкнули над самыми головами центральной толпы. И будто слизнули они все это море голов и блестящих штыками винтовок. Все стало пусто. Вся эта громадная многотысячная толпа метнулась в сторону и побежала сломя голову к станции, наваливаясь в вагоны и требуя отправки в Петроград.

Казаки стали входить в Царское.

В сумерках Царское было занято. Солдаты гарнизона, не успевшие убежать по железной дороге, попрятались в казармы, отказывались вы-

дать оружие, но и не предпринимали ничего враждебного против нас. Казаки почти без сопротивления овладели станцией железной дороги, подошли и к Александровской и заняли радиостанцию и телефон.

Победа была за нами, но она съела нас без остатка.

* * *

До часа ночи я оставался на окраине Царского Села, устанавливал связь со своими частями. Тактически мне не надо было входить в Царское. Окруженное громадными парками с путанными дорожками, представляющее из себя множество домов, легких для обороны и трудных для атаки, требующее большого гарнизона для наблюдения за порядком — оно было мне не нужно. Но политически нужно было не только войти в него, но и занять дворцы, сесть в них прочно, выкурить оттуда местные силы. Царское занято тогда, когда Керенский будет сидеть во дворце, а я на своей старой штаб-квартире — в служительском доме дворца Марии Павловны; без этого Царское не поверит, что оно взято, а не поверит Царское — не поверит и Петроград. В час ночи я перешел в центр Царского Села, и маленькая горсть казаков, всего две сотни, стала на дворе дворца Марии Павловны. Надо было отдохнуть, накормить людей и лошадей, обдумать положение.

И опять для того, чтобы продолжить моральную победу, надо было идти, не останавливаясь, буде возможно тою же ночью — на Петроград.

Хорошо, идти. Но с кем?

За весь день, 28 октября, к нам подошло три сотни 1-го Амурского казачьего полка, но амурцы заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут, что они держат нейтралитет», и отказались даже выставить заставы для охраны Царского Села и сменить усталых донцов... Они стали в деревнях, не доходя до Царского Села.

Те люди, которые шли со мною, были сильно утомлены. Они двое суток провели без сна в непрерывном нервном напряжении. Лошади оступели, не имея отдыха. Необходимо было дать передышку. Но люди не столько устали физически, сколько истомились в ожидании помощи. Комитеты мне заявили, что казаки до подхода пехоты дальше не пойдут. Надежда на то, что кто-либо подойдет за день, и желание лучше выяснить обстановку заставили меня назначить на 29 октября дневку в Царском Селе.

Офицеры моего отряда — все корниловцы — возмущались поведением Керенского. Он обещал дать помощь, но он не только не дает

нам посторонних войск, но и не может принудить вернуть корпусу части, входящие него. Его популярность пала, он ничто в России, и глупо поддерживать его. Вероятно, под влиянием разговоров с офицерами и казаками, которые говорили: пойдем с кем угодно, но не с Керенским, ко мне зашел Савинков и предложил мне убрать Керенского, арестовать его и самому стать во главе движения.

— С вами и за вами пойдут все, — говорил мне Савинков.

Но я знал, что это было не так. Я был генерал, это во-первых. Во-вторых, мое отношение к войне и победе было слишком хорошо известно солдатским массам. Я мог усмирить солдатское море не из Петрограда, а из Ставки, ставши Верховным Главнокомандующим и отдавши приказ о немедленном перемирии с немцами на каких угодно условиях. Только такая постановка дела могла привлечь на мою сторону солдатские массы. Но конечно, на это я не мог пойти. Да это не спасло бы Россию от разгрома. С этим не согласились бы и офицеры, и лучшая часть общества. А без этого — без мира — свержение и арест Керенского только сделали бы из него героя и еще более усилили бы разруху.

Была и еще одна деликатная сторона дела. Керенский явился ко мне искать у меня спасения и помощи. Я не отказал в ней, я не прогнал его сразу. Он был до некоторой степени гостем у меня, он мне доверился и арестовывать его было бы нечестно, не благородно, не по-солдатски. Я отверг предложение Савинкова.

Но с известными настроениями казаков все-таки приходилось считаться. 9-й Донской казачий полк волновался. Ко мне явился войсковой старшина Лаврухин, окруженный крайне возбужденными казаками, почти с требованием немедленно удалить Керенского из отряда, потому что казаки ему не верят, считают, что он идет заодно с большевиками и предает нас для того, чтобы уничтожить единственных верных правительству людей, а отчасти мстя за участие в походе с Корниловым. На мое счастье, в Царское приехали Станкевич и Войтинский. Я просил их поговорить с казаками и разъяснить им всю политическую сторону борьбы и необходимость наступления на Петроград во что бы то ни стало, а сам отправился к Керенскому. С большим трудом мне удалось уговорить его переехать в Гатчино, где отношение было лучше, куда пришел мой штаб корпуса, установить аппарат Юза со Ставкой и откуда он мог скорее подать нам помощь.

Другой моею заботой было усилить до пределов возможного свой отряд за счет Царкосельского гарнизона. Неужели из 16 000 солдат-стрелков не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти с нами. Я вызвал офицеров к себе. Они все были против боль-

шевиков и обещали повлиять на солдат. Начались митинги. Но резолюции были самые неутешительные. Солдаты обещали не вмешиваться в «братоубийственную» войну и держать полный нейтралитет. Я и этому должен был быть рад, по крайней мере, не ударят в спину.

В Царском Селе находилась пулеметная команда 14-го Донского казачьего полка. Я вызвал ее офицеров и комитет. Явились самые настоящие большевики. Злые, упорные, тупые, все ненавидящие. Тщетно и я, и чины дивизионного комитета говорили им о любви к Дону, о необходимости согласия всех казаков между собою, о призыве от совета Союза казачьих войск стать на защиту правительства. Напрасно простые казаки комитета, энергично разрушая программу большевистских вождей, говорили: «Нам, господа, казакам, с большевиками никак не по пути», — представители 14-го полка уперлись как бараны, что они заодно с Лениным, что Ленин за мир, и категорически отказались помочь.

Весь день прошел в бесплодных переговорах. Пришли ко мне помогать несколько человек юнкеров из Петрограда, запасная сотня оренбуржцев лейб-гвардии Сводного казачьего полка, вооруженная одними шашками и предводительствуемая очень лихим юношей, два орудия запасной конной батареи из Павловска, наполовину без прислуги, отличный блиндированный поезд, да к вечеру я узнал, что три сотни 9-го Донского казачьего полка высадились в Гатчино. Я послал им приказание спешно выступить походом к Царскому Селу.

Итак, к вечеру 29 октября мои силы были — 9 сотен, или 630 конных казаков, или 420 спешенных, 18 орудий, броневик «Непобедимый» и блиндированный поезд. Если настроение Петроградского гарнизона такое же, как настроение гарнизонов Гатчины и Царского Села, — войти в город будет возможно... А там? Там это будет уже дело Керенского, Войтинского и Станкевича, дело Комитета спасения Родины и Революции, дело совета Союза казачьих войск, наконец, дело Савинкова и министров организовать гарнизон Петрограда и произвести с помощью его, а не нас необходимую чистку города и аресты.

Керенский, Савинков и Станкевич настаивали на наступлении. По их сведениям, в Петрограде борьба с большевиками в полном разгаре. Нас ждут, мы должны прийти и спасти жителей города и Россию от большевистского ига. Вечером ко мне явились комитеты 1-й Донской и Уссурийской дивизий. Подъесаул Ажогин, конфузясь и стесняясь, заявил, что казаки отказываются идти на Петроград одни, без пехоты. Если пехота не приходит — значит, она вся против правительства и идет с большевиками. Нам одним все равно ее не победить. Я горячо

начал возражать им. Я говорил, что пехота сама не знает, чего она хочет. Заняли же мы без боя Гатчино и Царское? Как можем мы отказываться идти вперед, не зная, что будет. А если правда, что 1-й, 4-й и 14-й Донские полки выйдут нам навстречу, если преображенцы и волынцы только и ожидают нас? Мы должны разведать, узнать все и тогда решить. Я сам понимаю, что девятью сотнями нам Петроград не взять, да если бы и взяли, так не охранили бы, но к нам примкнут сотни тысяч людей; будет великим позором для наших славных знамен, если мы откажемся даже разведать.

— Вы меня знаете за всю войну, — горячо говорил я казакам. — Разве я водил вас когда-либо очертя голову? Сделаем разведку, произведем усиленную рекогносцировку с боем, а тогда и увидим, кто наш противник. И если нельзя — то нельзя. Отойдем, будем обороняться и ждать помощи.

— Не придет эта помощь! Все против нас! — с тоскою сказал кто-то из казаков.

Но комитет сдался.

— Попробовать надо, — раздавались голоса. — Как же так, без разведки-то никак невозможно. Генерал прав...

Разошлись, постановив на том, что мой приказ исполнять точно. Я понимал что при таком настроении казаков нечего было и думать о серьезном бое, да и мало было нас, и отдал приказ об усиленной рекогносцировке в направлении на Пулковку. Всю ночь казачьи заставы перестреливались с матросами у Александровской станции. Небольшая команда матросов прошла к виадуку, лежащему между Александровской и реки Пудость, и здесь обстреляла поезд, шедший с осадным полком из Луги. Солдаты осадного полка остановили поезд, частью сдались, частью разбежались куда глаза глядят, бросивши свои пушки на платформах. Мне стоило большого труда уже своими казаками, офицерами и юнкерами при помощи броневика довести эти пушки обратно в Гатчино.

От Артифковского — ничего. Позднее я узнал, что его дивизион отказался грузиться в Режице. Он повел его походом. Но на пути солдаты взбунтовались. Ему пришлось двоих застрелить из револьвера и только этим спастись и бежать от своего дивизиона.

Да... Не везло...

Рано утром 30-го прорвавшийся из Петрограда гимназист передал мне клочок бумаги, величиной немного более гербовой марки, на котором стоял бланк совета Союза казачьих войск и мелко было написано:

«Положение Петрограда ужасно. Режут, избивают юнкеров, которые являются пока единственными защитниками населения. Пехотные пол-

ки колеблются и стоят. Казаки ждут, пока пойдут пехотные части. Совет союза требует вашего немедленного движения на Петроград. Ваше промедление грозит полным уничтожением детей-юнкеров. Не забывайте, что ваше желание бескровно захватить власть — фикция, так как здесь будет поголовное истребление юнкеров. Подробности узнаете от посланных. Председатель А. Михеев. Секр Соколов». (Эта записка совершенно случайно сохранилась у меня в одной из моих записных книжек. Печальный свидетель начала кровавого кошмара. — П. К.)

Я объявил эту записку собравшимся казакам и, казалось, поднял в них настроение.

* * *

Свежий осенний день. То солнце, то косой холодный дождь. На западной окраине Царскосельского парка в виду Александровской станции выстраивается мой отряд. У Александровской идет редкая перестрелка.

Я направляю сотню 13-го полка по шоссе на Красное Село на деревню Сузи, сотню 9-го полка — на Петроградское шоссе на деревню Редкое Кузьмино, полусотню — на нижнюю дорогу на Большое Кузьмино в обход Пулкова, взвод — на Славянку и к Колпино. Ушли... и у меня почти никого не осталось. Ожидаю донесений. Обстановка совсем какого-либо малого маневра под Красным Селом. Даже и разведка накоротке... Не прошло и часа, как я получил известие, что сотня остановилась. У Сузи и у Кузьмина началась перестрелка.

Идем на выстрелы. Броневой поезд продвигается по Варшавской ветке к Петрограду.

Я выезжаю в Кузьмино. По Кузьмину уже свищут пули. Приходится слезать и идти пешком. За мною целая свита, чего я так не люблю. Савинков не отстает от меня, как бы рисуясь своим нахождением в цепях. С ним два каких-то штатских, только что прибывшие из Петрограда. Мне называют их. Кажется, господа Гоц и Дан. Мне эти имена ничего не говорят. Я их не знаю, но знаю одно, что им не место в цепях, в бою и я их под разными предлогами удаляю. Помогает мне в этом и все усиливающийся огонь противника. Часто свистящие пули заставляют исчезнуть с поля битвы каких-то гимназистов-велосипедистов, офицера с двумя барышнями, вышедшими из дач посмотреть бой. Только мужики и бабы с ребятишками все не могут понять, что это не маневры, и никак не уходят. Офицеры прогоняют их.

— Ну чего гонишь-то! Эка невидаль. Сколько маневров-то тут было. Никогда не гоняли. И царь приезжал, и то не гоняли, — ворчат мужики.

Но появляются раненые, и настроение меняется. Редкое Кузьмино пустеет. Посторонних никого. Один Савинков бесстрашно ходит по цепям и смотрит в бинокль на Пулково.

С окраины деревни Редкое Кузьмино, где залегли казаки, позиция противника и вся местность до Петрограда видны отлично. За Редким Кузьмином глубокий овраг, по дну которого в осыпях голубой глины течет река Славянка. Этот овраг отделяет нас от большевиков. За оврагом небольшая деревушка, потом Пулково. Все склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны от Красной гвардии. Даже на глаз можно сказать, что там не менее пяти-шести тысяч. Они то рассыпаются в цепи, то сбиваются в кучи. Густые, длинные цепи их спускаются вниз и идут к оврагу. В бинокль видно, что это не солдаты. Цепи двух видов. Одни в черных штатских пальто, идут неровно, то подаются вперед, то бегут назад — это Красная гвардия. Другие одетые в черные короткие бушлаты, наступают, соблюдая строгое равнение, быстро залегают, применяясь к местности, — это матросы. Красная гвардия в центре, на Пулковской горе, матросы по флангам. Три броневика работают по шоссе. Они снабжены пушками и обстреливают Редкое Кузьмино. Другой артиллерии — пока нет.

Моя сила в артиллерии и броневом поезде. Я расставил батареи за Редким Кузьмином — одну батарею вызвал совсем открыто перед Редким Кузьмином и артиллерийским огнем держу противника в почтительном отдалении. Один из наших снарядов попал подле броневика, и видно, как с него убежала команда, а броневик остался стоять за деревней Сузи. Кто-то, вероятно начальник и распорядитель боя, носился в автомобиле по шоссе, но и его остановили на шоссе удачным попаданием...

Слева мои пулеметчики перешли в наступление и заставили отойти противника к деревне Сузи. Мне уже было очевидно, что противник решил сопротивляться, что одним огнем артиллерии его не собьешь, а живой силы, чтобы надавить на него, у меня недостаточно, рекогносцировка дала свои результаты, но я не уходил. У меня были другие ожидания. Гром пушек под самым Петроградом, известие, что мы деремся под Пулковом, должны же были как-нибудь повлиять на Петроградский гарнизон и на донские полки, там находящиеся. Если они станут на нашу сторону, если в Петрограде произойдет восстание не одних юнкеров — Пулково будет очищено. Но на это нужно время. Хотя бы до вечера. И до вечера надо драться. Около полудня я полу-

чил донесение, что большая колонна с о л д а т, тысяч до десяти, движется от Московского шоссе наперерез Варшавской железной дороги, выходя нам в тыл к Большому Кузьмину. Я послал броневой поезд и тридцать конных казаков. После получаса томительного ожидания донесение: колонна — л.-гв. Измайловский полк — в полном составе после первой же шрапнели бежала в беспорядке, один офицер взят в плен.

Офицера привели ко мне. Он показал, что солдаты, услышавши выстрелы под Пулковом, выступили в весьма воинственном настроении. Но по мере того, как подходили ближе к месту боя, настроение падало. Он с комиссаром полка пошли вперед, чтобы подать пример. Когда подошел поезд, они залегли в канаве. После первого выстрела комиссар выскочил из канавы и побежал к полку с криком: «Спасайся кто может». Офицеру показалось совестно лежать в канаве, он пошел к поезду и сдался. Полк разбежался.

Разговоры об этом произвели сильное впечатление на молодого офицера л.-гв. Сводного казачьего полка, стоявшего за неимением винтовок у его казаков в бездействии сзади Александровской. Он прискакал ко мне и просил разрешить ему атаковать деревню Сузи.

— Погодите, — сказал я ему. — Еще рано. Вы атакуете вместе со всеми.

Но не понял ли он меня, или уже очень хотелось ему отличиться и потешиться над большевиками, но не прошло и пяти минут, как за домами стали мелькать конные фигуры скачущих казаков. Ко мне подошел полковник Попов и с тревогою спросил:

— Вы приказывали атаковать оренбуржцам?

— Нет, — отвечал я.

— Смотрите, они уже атакуют!

Вернуть было невозможно. Сотня оренбургской молодежи с беззаветною лихостью развернулась в лаву и ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Мы все вышли из-за домов следить за нею. Казалось, что вот-вот она достигнет своей цели и — кто знает — потрясет противника. Правее Сузи, вне поля атаки, целые толпы черных фигур в беспорядке кинулись бежать. Но это были красногвардейцы. Матросы стойко оставались на местах. Донцы-пулеметчики бегом побежали вперед, чтобы пулеметным огнем помочь атакующей части...

Но казаки наткнулись на болотную канаву. Лошади стали вязнуть, и атака остановилась. Еще секунда напряженного волнения. Видно, как под выстрелами, едва не в упор, падают люди. Командир сотни убит. И сотня — кто верхом, кто соскочивши с лошади — пешком побе-

жала назад. Освободившиеся от всадников лошади задравши хвосты метались вдоль фронта и падали, сраженные пулями матросов.

Потери сотни были не так велики, как того можно было ожидать. Убит командир сотни и около 18 казаков было ранено, да погибло до сорока лошадей, но морально эта неудачная атака была очень невыгодна для нас. Она показала стойкость матросов. А матросы численно более нежели в 10 раз превосходили нас. Как же было бороться при таких условиях?

Бой стал затихать. Прибывшие из Гатчино две сотни 9-го полка с великою неохотою спешивались и вступали в бой. То та, то другая батарея смолкала. Снаряды были на исходе. Патронов было мало. Я послал за снарядами и патронами в Царское Село. Но там у артиллерийского склада стояла сильная вооруженная команда, которая сказала, что в виду заявленного нейтралитета, она никому ни снарядов, ни патронов не даст.

Ко всему этому, на Пулковской горе матросы установили морское дальнобойное орудие и начали обстреливать мой тыл, бросая снаряды вдоль шоссе по коноводам. Снаряды долетали и до Царского Села и падали возле Экономического общества и дворца Великой Княгини Марии Павловны. Это начало влиять на Царкосельский гарнизон. Во всех полках собрались митинги.

Царкосельская молодежь, студенты, лицеисты и кадеты, кто верхом, кто на велосипеде, кто на извозчике, все время поддерживали связь со мною, сообщая мне обо всем, что творится у меня в тылу. Они бесстрашно проникали в казармы, присутствовали на митингах, некоторые даже вступали в споры, и поставляли меня в известность о всех резолюциях Царкосельского гарнизона.

Резолюции были одинаковы: потребовать от казаков прекращения боя с угрозой, что иначе весь гарнизон с оружием в руках выйдет казакам в тыл. Эти резолюции волновали коноводов. Обремененные кто тремя, кто четырьмя лошадьми, они чувствовали себя под такой угрозой совсем плохо.

Смеркалось. Короткий осенний день сменялся сумерками ненастной ночи. Моросил дождь, артиллерийский огонь смолкал. Батареи без приказа отходили назад. Матросы, не сдерживаемые артиллерийским огнем, перешли в наступление. С большим искусством они стали накапливаться на обоих флангах; не только Большое Кузьмино было занято ими, но они выходили уже на Варшавскую железную дорогу, на царскую ветку и приближались к станции Царское Село, выходя мне в тыл. Пули прорезывали деревню Редкое Кузьмино с трех сторон. Я приказал отойти за полотно Варшавской дороги. Уходил я последним. У меня болела ле-

вая нога, и я, хромая, не мог поспевать за быстро уходящими казаками. Матросы уже входили в Редкое Кузьмино, непрерывно стреляя. Но стреляли они плохо. Казаки, укрываясь за домами, перебегали от дома к дому, я шел с подбесаулом Кульгавовым и ротмистром Рыковым прямо по дороге. Пули свистали близко, но ни одна не попала.

С трудом перелез я через крутую насыпь железной дороги и прошел в одну из ближайших дач, чтобы написать приказ об отходе. В ста шагах вдоль по насыпи лежала редкая казачья цепь. Дальше все Редкое Кузьмино было полно матросами и красногвардейцами. Они подходили уже и к станции Александровской, но из Редкого Кузьмина не выходили. Боялись темноты.

Черная непогодливая ночь наступала.

* * *

В несурзной обстановке дачной гостиной — дачи, спешно покинутой жильцами, — при свете кухонной чадной лампочки, взятой у дворника, я писал приказ «3-му конному корпусу»: «Усиленная рекогносцировка, произведенная сегодня, выяснила то, что... для овладения Петроградом считаю наших сил недостаточным... Царское село постепенно окружается матросами и красногвардейцами... Необходимо выжидать подхода обещанных сил вынуждает меня отойти к Гатчино, где занять оборонительное положение... для чего: головной отряд...» и т. д.

К чему я это писал? Разве что для истории. В «обещанные силы» никто не верил. Они были обещаны и им послано приказание еще 25 октября, прошло пять дней, и никто не подошел. Зрели планы отсидеться в Гатчино за реками Пудостью и Ижорой, укрепить мосты. А там что Бог даст. В крайности, в случае нажима неприятеля отходить с боем на Дон. Лишь бы люди дрались, не изменили и не предали.

Командиры полков, батарей и сотен собирались получить приказания. Лица хмурые, недоверчивые, усталые. Чувствуется глубокое разочарование и страшный надрыв. Тяготит и беспокоит вопрос о раненых и убитых. Не бросать же их большевикам. Мы видели сегодня утром трупы солдат осадного полка. Они были раздеты и изуродованы Красной гвардией до неузнаваемости.

Глухою ночью, когда зги не было видно, подошли коноводы к опушке парка, цепи незаметно сошли с насыпи и разошлись по лошадям. Я не мог идти и послал за своею лошадью. Долго отыскивали ее, наконец ее подали. Ничего не видно со света.

— Алпатов, где вы? — окликнул я. Лошадь узнала мой голос и ответила тихим ржанием.

— Я здесь, — отвечал Алпатов. Я ощупью нашел стремя и сел. Поехал за полками в Царское. На штабной квартире никого. Ожидает последний мой автомобиль. Я послал его за моей женой: ей уже небезопасно было оставаться в Царском. Казармы стрелков ярко освещены, и в окнах толпятся солдаты. Ни выстрелов, ни криков. Нас пятеро конных едет мимо них темными силуэтами, мелькая вдоль парка. «Кто едет?» Молчим. Зловещая тишина провожает нас. В небе не видно звезд. Мелкий надоедливый дождь начинает накрапывать.

За Царским Селом я пошел рысью, нагнал и стал обгонять полки. Шли в порядке. Пулеметчики 9-го полка шли пешком и волокли за собою пулеметы. Коноводы их удрали и не подали им лошадей. Но ругали они коноводов, а со мною разговаривали без озлобления.

Около часа ночи я был в Гатчино. Керенский меня ожидал. Он был растерян.

— Что же делать, генерал? — спросил он меня.

— Будет помощь? — спросил я его.

— Да, да, конечно. Поляки обещали прислать свой корпус. Наверно, будет.

— Если подойдет пехота, то будем и драться и возьмем Петроград. Если никто не придет — ничего не выйдет. Придется уходить.

Отдал распоряжение на все дороги к переправам поставить заставы с артиллерией и глубокою ночью прилет отдохнуть. Не успел заснуть, как меня разбудили. У меня полковник Марков⁴², командир артиллерийского дивизиона.

— Ваше превосходительство, — взволнованно говорит он, — казаки отказываются идти на заставы и не берут снарядов. Сказали, что по своим больше стрелять не будут.

— Передайте, что я приказываю разобрать снаряды и выполнить мой боевой приказ.

Едва ушел Марков, как явился Лаврухин и заявил, что 9-й Донской полк не взял патронов и не пошел на заставы. Гатчино никем не охраняется.

Накануне вечером пришли две сотни 10-го Донского полка из Острова. Я направил их на заставы и ожидал установки с ними связи. Рано утром поехал их проверить. В Гатчино спокойно, но как-то сумрачно. Донцы 10-го полка устроили окопы, перекопали шоссе, чтобы броневые машины не могли подойти, смотрят на холодные воды реки Пудости и говорят: «Никогда красногвардеец вброд не пойдет, а тут удержим».

На душе стало немного спокойнее. Поехал назад уговаривать артиллерию. На дворцовом дворе, где стояли казаки, нашел толпы казаков и среди них матросов. Это прибыли переговорщики. Они вели переговоры не от себя, а от таинственного союза железнодорожников Викжеля. Викжель уговаривал прекратить братоубийственную войну и сговориться миром. Он угрожал в противном случае железнодорожной забастовкой. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения казаков. Идея мира на внутреннем фронте казалась им не менее заманчивой, нежели идея мира на фронте внешнем. Все, даже самые солидные казаки, носились с этой идеей и находили ее прекрасной. Я вызвал комитеты. Говорят одно, но думают другое.

«Никогда донские казаки не подпадут под власть Ленина и Бронштейна... Этому не бывать», «Нам с большевиками не по пути»...

И рядом с этим: «Отчего не вступить в мирные переговоры, может быть, до чего-нибудь и договоримся. Что же, разве большевики не люди? Они тоже драться не хотят», «Это дело Керенского. Он заварил кашу, он пускай и расхлебывает», «Время протянется, может быть, к нам и подойдет кто. Тогда со свежими силами можно и снова войну начать», «Все одно нам, одним казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?».

Тщетно я, Ажогин и фельдшер Ярцев, лихой казак, перевязывавший мне рану, когда меня ранили в 1915 году в бою под Незвиской, уговаривали и доказывали, что с большевиками мира быть не может, — у казаков крепко засела мысль не только мира с ними, но и через посредство большевиков отправления домой на Дон, и с этим уже не было никакой силы бороться. В конце переговоров ко мне пришел адъютант Керенского, он просил меня, председателя комитета и начальника штаба прийти к нему на совещание.

В дворцовой гостиной запасной половины Керенский нас ожидал. Он получил телеграмму от Викжеля, по-видимому, с ультимативными требованиями сговориться с большевиками. С ним был капитан Кузьмин и Ананьев, член совета Союза казачьих войск; он послал за Савинковым и Станкевичем.

Разговор шел о высшей политике. Возможно или невозможно примирение с большевиками? Керенский стоял на том, что если хоть один большевик войдет в правительство, то все пропало, работа станет невозможна, Станкевич полагал, что с большевиками сговориться все-таки можно, допуск их к власти и сознание ответственности за эту власть их должно отрезвить, Савинков настаивал на продолжении военных действий, говорил, что надо отстояться в Гатчино, он сам сейчас поедет к командиру польского корпуса Довбор-Мусницкому⁴³, ко-

торый готов драться, Войтинский поедет в Псков и Ставку, а раз явится сила, то можно будет сломить большевиков.

Я, начальник штаба, полковник Попов и подъесаул Ажогин молчали. Образование нового министерства с большевиками или без них — это было дело правительства, а не войска, и нас не касалось.

На вопрос, поставленный мне Савинковым, можем ли мы продержаться несколько дней в Гатчине, я ответил, оценивая позицию у Пудости и Таицы и боеспособность Красной гвардии, — да, можем, но, оценивая моральное состояние казаков, отказавшихся брать снаряды и патроны и воевать, — конечно, нет. Перемирие нам необходимо, чтобы выиграть время, если за это время к нам подойдет хотя один батальон свежих войск, мы продержимся и боем.

Решено было войти в переговоры о перемирии с Викжелем. Против этого был только Савинков. Станкевич должен был поехать в Петроград искать там соглашения или помощи, Савинков ехал за поляками, а Войтинский в Ставку просить ударные батальоны.

Но пока шло совещание начальства, другое совещание шло у комитетов. Прибывшие матросы-парламентеры, безбожно лстя казакам и суля им немедленную отправку специальными поездами прямо на Дон, заявили, что они заключать мир с генералами не согласны, а они желают заключить мир через головы генералов с подлинной демократией, с самими казаками.

Казаки явились ко мне. Они просили меня составить им текст договора, который они и будут отстаивать от своего имени, как бы игнорируя меня.

Я составил текст такого содержания:

«— Большевики прекращают всякий бой в Петрограде и дают полную амнистию всем офицерам и юнкерам, боровшимся против них.

— Они отводят свои войска к Четырем рукам. Лигово и Пулково нейтральны. Наша кавалерия занимает исключительно в видах охраны Царское Село, Павловск и Петергоф.

— Ни та, ни другая сторона до окончания переговоров между правительствами не перейдет указанной линии. В случае разрыва переговоров о переходе линии надо предупредить за 24 часа».

С такими мирными предложениями наши представители-казаки отправились уже поздно вечером 31 октября к большевикам.

Керенский выработал свой текст, мне не известный, и с этим текстом на большевистский фронт поехал на автомобиле капитан Кузьмин.

Казаки вздохнули свободно. Они верили в возможность мира с большевиками.

Совсем иначе чувствовали себя я и офицеры. Только борьба и победа могли сломить большевиков.

Вечером из Ставки в Гатчино прибыл французский генерал Ниссель. Он долго говорил с Керенским, потом пригласили меня. Я сказал Нисселю, что считаю положение безнадежным. Если бы можно было дать хоть один батальон иностранных войск, то с этим батальоном можно было бы заставить Царскосельский и Петроградский гарнизоны повиноваться правительству силой. Ниссель выслушал меня, ничего не сказал и поспешно уехал.

Ночью пришли тревожные телеграммы из Москвы и Смоленска. Там шли кровавые бои и резня офицеров и юнкеров. Ни один солдат не встал за Временное правительство. Мы были одиноки и преданы всеми...

* * *

Я не хочу испытывать терпение читателя и потому не передаю многих мелких подробностей. Эти дни были сплошным горением нервной силы. Ночь сливалась с днем и день сменял ночь не только без отдыха, но даже без еды, потому что некогда было есть. Разговоры с Керенским, совещания с комитетами, разговоры с офицерами воздухоплавательной школы, разговоры с солдатами этой школы, разговоры с юнкерами школы прапорщиков, чинами городского управления, городской думы, писание прокламаций, воззваний, приказов и пр. и пр. Все волнуются, все требуют сказать, что будет, и имеют право волноваться, потому что вопрос идет о жизни и смерти. Все ищут совета и указаний, а что посоветуешь, когда кругом стала непроглядная осенняя ночь, кругом режут, бьют, расстреливают и вопят дикими голосами: «Га! мало кровушки нашей попили!»

Инстинктивно все сжалось во дворце. Офицеры сбились в одну комнату: спали на полу, не раздеваясь, казаки, не расставаясь с ружьями, лежали в коридорах. И уже не верили друг другу. Казаки караулили офицеров, потому что, и не веря им, все-таки только в них видели свое спасение, офицеры надеялись на меня и не верили и ненавидели Керенского.

Утром 1 ноября вернулись переговорщики и с ними толпа матросов. Наше перемирие было принято, подписано представителем матросов Дыбенко, который и сам пожаловал к нам. Громадного роста красавец мужчина, с вьющимися черными кудрями, черными усами и юной бородкой, с большими томными глазами, белолицый, румяный, заразительно веселый, сверкающий белыми зубами, с го-

товой шуткой на смеющемся рте, физически силач, позирующий на благородство, он очаровал в несколько минут не только казаков, но и многих офицеров.

— Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем! — говорил он, смеясь.

Казаки верили ему. Они пришли ко мне и сказали, что требуют обмена Керенского на Ленина, которого они тут же у дворца повесят.

— Пускай доставят сюда Ленина, тогда и будем говорить, — сказал я казакам и выгнал их от себя.

Но около полудня за мной прислал Керенский. Он слышал об этих разговорах и волновался. Он просил, чтобы казачий караул у его дверей был заменен караулом от юнкеров.

— Ваши казаки предадут меня, — с огорчением сказал Керенский.

— Раньше они предадут меня, — сказал я и приказал снять казачьи посты от дверей квартиры Керенского.

Что-то гнусное творилось кругом. Пахло гадким предательством. Большевицкая зараза только тронула казаков, как уже были утеряны ими все понятия права и чести.

В три часа дня ко мне ворвался комитет 9-го Донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отведут в Смольный.

— Ничего ему не будет. Мы волоса на его голове не позволим тронуть.

Очевидно, это было требование большевиков.

— Как вам не стыдно, станичники! — сказал я. — Много преступлений вы уже взяли на свою совесть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, как наши деды отвечали царям Московским: «С Дона выдачи нет!..» Кто бы ни был он — судить его будет наш, русский суд, а не большевики...

— Он сам большевик!

— Это его дело. Но предавать человека, доверившегося нам, неблагородно, и вы этого не делаете.

— Мы поставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Мы выберем верных людей, которым мы доверяем! — кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказал я.

Когда они вышли, я прошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

— Как ни велика вина ваша перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.

Выйдя от Керенского, я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он бежал.

Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавались голоса о моем аресте, о том, что я предал их, дав возможность бежать Керенскому.

Но тут произошло новое событие, которое совершенно все перевернуло. К Гатчинскому дворцу в стройном порядке, сверкая штыками, подходила густая колонна солдат. Она тянулась далеко по дороге, идущей к Петрограду. Люди были отлично одеты, на всех взводах, сверкая погонами, шли офицеры. Это шел л.-гв. Финляндский полк. Он стал выстраиваться в резервную колонну против дворца. Казаки оставили меня и разбежались куда попало. Я остался один. Офицеры штаба находились все вместе в соседней комнате.

В мою комнату вошло человек двадцать вооруженных финляндцев.

— Господин генерал, — сказал мне один из них. — Финляндский полк требует, чтобы вы вышли к нему на площадь.

— Как смеете вы, — закричал я что было силы на них, — требовать меня, корпусного командира! Вон отсюда, чтобы и духу вашего не было.

И к моему удивлению, солдаты стали пятиться и, толкая друг друга, выбежали из моей комнаты. Прошло минут десять в грозной томительной тишине. В мою комнату постучали.

— Можно войти? — послышался голос.

— Войдите, — отвечал я, готовый на все.

Вошел элегантно одетый капитан Финляндского полка, видимо кадровый офицер.

— Господин генерал, — сказал он, — честь имею представиться: командующий л.-гв. Финляндским полком. Я должен извиниться перед вами. Мои люди без меня позволили себе самочинно ворваться к вам. Где разрешите стать полку на ночлег? Люди сильно устали. Они походом шли из Петрограда.

Что сей сон обозначает, подумал я, уж не помощь ли это пришла к нам?

— Становитесь в Кирасирских казармах, — любезно сказал я.

— Слушаюсь. Будет исполнено.

Повернулся кругом и вышел.

Я пошел взглянуть, что происходит. Неужели действительно помощь? Но за финляндцами шли матросы, за матросами Красная гвар-

дия. В окнах, сколько было видно, все было черно от черных шинелей матросов и пальто Красной гвардии. Тысяч двадцать народа заполнило Гатчино, и в их темной массе совершенно растворились казаки.

Таково было большевистское перемирие.

И вот в эту-то пору ко мне пришел Лаврухин и сказал, что 9-й полк просит меня выйти и объяснить ему, как бежал Керенский.

Я пошел. Казаки 9-го полка были построены в резервную колонну при винтовках, пешком. Их окружала густая толпа солдат, матросов, красногвардейцев и любопытных жителей Гатчины. Я протолкался через них и, подходя к полку, обычным голосом крикнул, как кричал им и в 1914-м и 1915 году на полях настоящей войны:

— Здорово, молодцы станичники!

Привычка взяла свое.

Громовой ответ: «Здравия желаем, господин генерал!» — раздался из рядов полка.

Положение было спасено.

Я глубоко вошел в ряды полка, стал среди казаков.

— Да, — сказал я, — Керенский бежал. И это к нашему счастью. Как охраняли бы мы его теперь, когда мы окружены врагами?

— Мы бы его выдали, — глухо пронеслось по рядам.

— А Ленина вы получили? Вы бы выдали его, чтобы позором покрыть свое имя, чтобы про вас говорили, что вы предатели. Хорошо? А?

Казаки молчали.

— Я знаю, что я делаю. Я вас привел сюда, и я вас отсюда выведу. Поняли это? Верьте мне и вы не погибнете, а будете на Дону.

И я спокойно, в гробовой тишине притихшего полка вышел из его рядов. Когда я проходил через толпу, я слышал, как там говорили: «Керенский бежал». И одни говорили это со вздохом радости, другие со вздохом разочарования.

* * *

Во дворце творилось черт знает что. Матросы, красногвардейцы и солдаты шатались по комнатам, тащили ковры, подушки, матрацы. Казаки сбились в кучу в коридоре и притихли, за ними в двух комнатах были офицеры. Начальник Уссурийской дивизии со штабом и комитетом под суматоху сел на лошадь и уехал из Гатчины.

Уже в сумерках ко мне вбежал какой-то штатский с жидкой бородкой и типичным еврейским лицом. За ним неотступно следовал маленький казак 10-го Донского полка с винтовкой больше его роста в руках и один из адъютантов Керенского.

— Генерал, — сказал, останавливаясь против стола, за которым я сидел, штатский, — прикажите этому казаку отстать от нас.

— А вы кто такие? — спросил я.

Штатский стал в картинную позу и гордо кинул мне:

— Я — Троцкий.

Я внимательно посмотрел на него.

— Ну же! Генерал! — крикнул он мне. — Я — Троцкий.

— То есть Бронштейн, — сказал я. — В чем дело?

— Ваше превосходительство, — закричал маленький казак, — да как же это можно? Я поставлен стеречь господина офицера, чтобы он не ушел, вдруг приходит этот еврейчик и говорит ему: «Я Троцкий, идите за мной». Офицер пошел. Я часовой, я за ним. Я его не пушу без разрешения.

— Ах, как это глупо, — морщась, сказал Троцкий и вышел, сопровождаемый адъютантом Керенского и уцепившимся в его рукав маленьким, но бойким казакишкой.

— Какая великолепная сцена для моего будущего романа! — сказал я толпившимся у дверей офицерам.

Но было не до романа. Было ясно, что перемирие полетело к черту и все погубило. Мы в плену у большевиков. Однако эксцессов почти не было. Кое-где матросы задевали офицеров, но сейчас же являлся Дыбенко или юный и юркий Рошаль и разгонял матросов.

— Товарищи, — говорил Рошаль офицерам, — с ними надо уметь. В морду их! В морду!

И он тыкал в морды улыбающимся красногвардейцам.

Я присматривался к этим новым войскам. Дикую разбойничью вольницею, смешанною с современною разнузданною хулиганщиною несло от них. Шарят повсюду, крадут что попало. У одного из наших штабных офицеров украли револьвер, у другого сумку, но если их поймают с поличным, то отдают и смеются: «Товарищ, не клади плохо! Я отдал, а другой не отдаст». Разоружили одну сотню 10-го Донского казачьего полка, я пошел с комитетом объясняться с Дыбенко. Как же это, мол, так — по перемирию оружие остается у нас; оружие вернули, но не преминули слизнуть какое-то тряпье. Шутки грубые, голоса хриплые. То и дело в комнату, где ютились офицеры, заглядывали вооруженные матросы.

— А, буржуи, — говорили они, — ну, погодите, скоро мы всех вас передушим.

И это уже не шутка, это действительная угроза. Офицеры 3-го конного корпуса входили на ту Голгофу страданий, которую пройти пришлось всему офицерству и которая еще не кончилась и теперь.

Несмотря на позднее время, всюду во дворце по коридорам и комнатам, по дворам на улице, при свете ламп и фонарей споры и митинги. Матросы ругают Керенского, но и Ленина не хвалят.

— Нам что Ленин! Окажется Ленин плох, и его вздернем. Ленин нам не указ.

Чувствуется полное безвластие наверху. Сейчас вожди Дыбенко, Рошаль и другие. За ними пока пустое место. Возьмет власть тот, кто даст мир этому народу и разгонит его по домам и тогда уже будет создавать новую силу, более послушную и менее мятежную.

Около часу ночи меня позвали обедать. За всеми этими событиями мы ничего еще не ели.

Обед подходил к концу, когда в коридоре послышался шум. Быстро приближалась к нам толпа, грозно стуча сапогами и винтовками. Громадные двери распахнулись на обе половины, и в комнату ворвались, наполняя ее, несколько солдат и во главе их высокий худощавый загорелый офицер с полковничьими погонами. Он направился ко мне и, протягивая властным жестом руку и становясь в величественную театральную позу, воскликнул:

— Генерал, я вас арестую! — Он сделал паузу, обвел рукою кругом и добавил: — И со всем вашим штабом!

— Кто вы такой? — спросил я.

— Полковник Муравьев!⁴⁴ — торжественно заявил офицер. — Вы мой трофей!..

В комнате стало тихо. Театральность обстановки повлияла на офицеров. Но вдруг к самому носу полковника Муравьева протолкался бледный, исхудалый, измученный подъесаул Ажогин, и за ним, как два его постоянных ассистента, сотник Коротков и фельдшер Ярцев.

— Я требую, полковник, — кричал маленький Ажогин, — чтобы вы немедленно извинились перед генералом и нами в том, что вы вошли сюда не спросивши разрешения.

Муравьев презрительно скосил глаза.

— П-паз-звольте! Паж-жалуйста... Как вы, обер-офицер, говорите с полковником! — начальственным тоном заявил Муравьев. — Вы з-заб-бываетесь!..

— Я и не знал, что в демократической армии существует чинопочитание! — с иронией воскликнул Ажогин. — Кроме того, я председатель дивизионного комитета, выборный от пяти тысяч казаков, и не мне с вами, а вам со мною нужно считаться.

Муравьев опешил от такого стремительного натиска. А Ажогин так и сыпал. Хорошо, мол, честность большевиков, хорошо их слово! Ды-

бенко клянется и божится, что никто и тронуть не смеет, а уже начинают аресты.

— Я ничего не знал, — сказал Муравьев.

— Да где вы были тогда, когда мы переговаривались?

— Я был в поле...

— Пока вы были в поле и ничего не делали, все было сделано без вас.

Начался длинный, бурный спор, потом помирились, Муравьев заявил, что он извиняется перед нами, и сел за стол, а с ним и его свита. Вдруг вспомнили, что где-то видались на войне, были вместе, и перед нами вместо грозного вождя большевиков оказался добрый малый, армейский забулдыга-полковник, и офицеры стали говорить с ним о подробностях боя под Пулковом и о потерях сторон. Мы скрыли свои потери. У нас было 3 убитых и 28 раненых, большевики, по словам Муравьева, потеряли больше 400 человек.

Спор о моем аресте был исчерпан, но множество вопросов было еще не решено, и ко мне в комнату пришел Дыбенко и подпоручик одного из гвардейских полков Тарасов-Родионов, человек лет тридцати с университетским значком.

— Генерал, — сказал Тарасов, — мы просим вас завтра поехать со мною в Смольный для переговоров. Надо решить, что делать с казаками.

— Это скрытый арест? — спросил я.

— Даю вам честное слово, что нет, — сказал Тарасов.

— Я ручаюсь вам, генерал, — сказал Дыбенко, — что вас никто не тронет. В 10 часов вы будете в Смольном, а в 11 мы вернем вас обратно.

— Вы понимаете, — сказал Тарасов-Родионов, — или нам придется арестовать и разоружить ваш отряд, или взять вас для переговоров.

— Хорошо, я поеду, — сказал я.

— Я поеду с вами, — решительно заявил и. д. начальника штаба полковник С.П. Попов.

Когда офицеры штаба узнали, что я еду в Смольный, они стали настаивать, чтобы я взял с собою и их. Особенно домогались мои адъютанты, подъесаул Кульгавов⁴⁵ и ротмистр Рыков, но я попросил поехать с собою только сына подруги моего детства — Гришу Чеботарева⁴⁶, который знал, где находится моя жена, и должен был уведомить ее, если бы что-либо случилось...

До утра во дворце продолжался шум и гам. То арестовывали, то освобождали офицеров. Матросы явно ухаживали за казаками и льстили им.

— В России только и есть войско, товарищи, что матросы да казаки, — остальное дрянь одна.

— Соединимся, товарищи, вместе — и Россия наша. Пойдем вместе.

— На Ленина! — лукаво подмигивая, говорил казак.

— А хоть бы и на Ленина. Ну его к бесу! На что он нам сдался, шут гороховый...

— Так чего же вы, товарищи, воевали? — говорили казаки.

— А вы чего?

И разводили руками. И никто не понимал, из-за чего пролита была кровь и лежали мертвые у готовых могил офицер-оренбуржцев и два казака и страдали по госпиталям раненые...

* * *

Перед рассветом выпал снег и тонкою пеленою покрыл замерзшую грязь дорог, поля и сучья деревьев. Славно пахло легким морозом и тихою зимою.

Автомобиль должны были подать к 8 часам, но подали еле к 10. Тарасов-Родионов волновался и нервничал. То просил меня выйти, то обождал в коридоре. Рошаль собрал вокруг себя на внутреннем дворцовом дворе всех матросов и, ставши на телегу, что-то говорил им. У дворца громадная толпа солдат и Красной гвардии, и это нервит Тарасова, он отдает дрожащим голосом приказания шоферам.

Мы садимся. Впереди Попов и Гриша Чеботарев, сзади я и Тарасов-Родионов. Автомобиль тихо выезжает из дворцовых ворот.

Какой-то громадный солдат в пяти шагах от нас схватывает винтовку на изготовку и кричит:

— Стрелять этих генералов надо, а не на автомобилях раскатывать!

Тарасов мертвенно бледен. Я спокоен — тот, кто выстрелит, тот не кричит об этом. Этот не выстрелит. Я смотрю в злобные серые глаза солдата и только думаю: за что? — он и не знает меня вовсе.

— Скорее! Скорее! — говорит Тарасов шоферам; но те и сами понимают, что звать нельзя.

Автомобиль поворачивается налево и мчится мимо статуи Павла I, стоящего с тростью и засыпанного белым чистым снегом, мимо обелиска, поворачивает еще раз — мы на шоссе.

В Гатчине людно. Шатаются солдаты и красногвардейцы. У Мозина мы обгоняем роту Красной гвардии. Она запрудила все шоссе, автомобиль дает гудки, и красногвардейцы сторонятся, косятся, бросают злобные взгляды, но молчат.

Под Пулковом из какого-то дома по нас стреляли. Одна пуля щелкнула подле автомобиля, другая ударила в его край.

— Скорей! — говорит Тарасов-Родионов.

Третьего дня здесь был бой. По сторонам дороги видны окопы, лежат неубранные трупы лошадей оренбургских казаков, видны воронки от снарядов.

За Пулковом Тарасов-Родионов становится спокойнее. Он начинает мне рассказывать, сколько счастья дадут русскому народу большевики.

— У каждого будет свой угол, свой домик, свой кусок земли. И у вас будет покой на старости лет.

— Позвольте, — говорю я, — но ведь вы коммунисты, как же это у меня будет свой дом и своя земля. Разве вы признаете собственность?

Молчание.

— Вы меня не так поняли, — наконец говорит Тарасов — Все это принадлежит государству, но оно как бы ваше. Не все ли вам равно? Вы живете. Вы наслаждаетесь жизнью, никто у вас не может отнять, но собственность это действительно государственная.

— Значит, будет государство, будет Россия? — спрашиваю я.

— О! Да еще и какая сильная! Россия народная! — отвечает восторженно Тарасов-Родионов.

— А как же интернационал? Ведь Россия и русские это только зоологическое понятие.

— Вы меня не так поняли, — говорит Тарасов и умолкает.

Мы въезжаем в Триумфальные ворота. Когда-то их любовно строил народ для своей победоносной гвардии, теперь... где эта гвардия?

— Увижу я Ленина? Представят меня перед его светлые очи? — спрашиваю я Тарасова.

— Я думаю, что нет. Он никому не показывается. Он очень занят, — говорит Тарасов.

Знакомые, родные места. Вот Лафонская площадь, вот окна конюшни казачьего отдела, манеж № 1, где я провел столько счастливых часов, служа в постоянном составе школы. Там дальше на Шпалерной моя бывшая квартира. Не нарочно ли судьба дает мне последний раз посмотреть на те места, где я испытал столько счастья и радости... Печальное предчувствие сжимает мое сердце.

Последствие усталости, бессонных ночей, недоедания, слабость?.. Не нужно этого.

У Смольного толпа. Крутится кинематограф, снимая нас. Ну как же! Привезли трофеи победы Красной гвардии — командира 3-го кавалерийского корпуса!!

В Смольном хаос. На каждой площадке лестницы пропускной пост. Столик, барышня, подле два-три лохматых «товарища» и проверка «мандатов». Все вооружено до зубов. Пулеметные ленты сплошь да рядом без патронов крест-накрест перекручены поверх потрепанных пиджаков и пальто, винтовки, которые никто не умеет держать, револьверы, шашки, кинжалы, кухонные ножи.

И несмотря на все это вооружение, толпа довольно мирного характера и множество дам — нет это не дамы, и не барышни, и не женщины, а те «товарищи» в юбках, которые вдруг, как тараканы из щелей, повывезали в Петрограде и стали липнуть к Красной гвардии и большевикам, — претенциозно одетые, с разухабистыми манерами, они так и шныряют вниз и вверх по лестнице.

— Товарищ, ваше удостоверение?

— Член следственной комиссии Тарасов-Родионов, генерал Краснов, его начальник штаба...

— Проходите, товарищ.

— Куда вы, товарищ?

— К товарищу Антонову...

Так с рук на руки нас передавали и вели среди непрерывного движения разных людей вверх и вниз на третий этаж, где, наконец, нас пропустили в комнату, у дверей которой стояло два часовых-матроса.

Комната полна народа. Есть и знакомые лица. Капитан Свистунов, комендант Гатчинского дворца, один из адъютантов Керенского, а затем различные штатские и военные лица из числа сочувствовавших движению. Настроение разное. Одни бледны, предчувствуя плохой конец, другие взвинченно веселы, что-то замышляют. Новая власть близка, источник повышений здесь, игра еще не проиграна.

Кто сидит третий день, уже сорганизовался. Оказывается, кормят недурно, дают чай, можно сложиться и купить сахар, тут и лавочка специальная есть в Смольном.

— Но ведь это арест?

— Да, арест, — отвечают мне. — Но будет и хуже. Вчера генерала Карачана, начальника артиллерийского училища, взяли, вывели за Смольный и в переулке застрелили. Как бы и вам того же не было, генерал, — говорит один.

— Ну зачем так, — говорит другой, — может быть, только посадят в Кресты или Петропавловку.

— В Крестах лучше. Я сидел, — говорит третий.

Внимание, возбужденное нашим приходом, ослабевает. Каждый занят своими делами. Пришла жена одного из арестованных, они садятся в углу и тихо беседуют.

Часы медленно ползут. В два часа принесли обед. Суп с мясом и лапшой, большие куски черного хлеба, чай в кружках.

Рядом комната. Бывшая умывальная институток. В ней тише. Я прошел туда, снял шинель, положил под голову и прилег на асфальтовом полу, чтобы отдохнуть и обдумать свое положение. Более чем очевидно, что Тарасов-Родионов обманул, что меня заманили и я попал в западню.

В 5 часов я проснулся. Ко мне пришел Тарасов-Родионов и с ним бледный лохматый матрос.

— Вот, — сказал мне Тарасов, — товарищ с вас снимет допрос.

— Позвольте, — говорю я, — поручик, вы обещали мне, что через час отпустите, а держите меня в этой свинской обстановке целый день. Где же ваше слово?

— Простите, генерал, — ускользая в двери, проговорил Тарасов. — Но лучшее наше помещение, где есть кровать, занято Великим Князем, Павлом Александровичем, если его сегодня отпустят, мы переведем вас в его комнату. Там будет великолепно.

Матрос, назначенный для следствия, имел усталый и измученный вид. Он дал бумагу, чернила и перо и просил написать, как и по чьему приказу мы выступили и как бежал Керенский.

Вдвоем с Сергеем Петровичем Поповым мы составили безличный отчет и подали матросу.

— Теперь мы свободны? — спросил Попов.

Матрос загадочно посмотрел на нас, ничего не ответил и ушел. Я долго смотрел, как сгущались сумерки над Невою и загорались огни на набережной и на мосту Петра Великого. Скоро темная ночь стала за окном. В наших двух комнатах тускло горело по одной электрической лампочке. Кто читал, кто щелкал на машинке, учась писать, кто примазывался спать на полу. Кое-кого увели. Увели Свистунова, и пронесся слух, что он получает какое-то крупное назначение у большевиков, увели адъютанта Керенского, еще троих выпустили. Всего оставалось человек восемь, не считая нас.

И вдруг в комнату шумно, сопровождаемый Дыбенко, ворвался весь наш комитет 1-й Донской дивизии.

— Ваше превосходительство, — кричал мне Ажогин, — слава Богу! Вы живы. Сейчас мы все устроим. Эти каналы хотели разоружить казаков и взять пушки вопреки условию. Мы им покажем! Вы говорите, что это зависит от Крыленко, — обратился Ажогин к Дыбенко, — тащите ко мне этого Крыленко. Я с ним поговорю как следует.

Он горел и кипел благородным негодованием, этот доблестный донской офицер, и его волнением заражались и чины комитета, сот-

ник Карташов, не подавший руки Керенскому, фельдшер Ярцев и тот маленький казачок, что привязался к Троцкому; все они были при шашках, в шинелях, возбужденные быстрой ездой на автомобиле и морозным воздухом, шумные, смелые, давящие большевиков своею инициативой.

Дыбенко был на их стороне. Сам такой же шумный, он, казалось, не прочь был пристать к этой казачьей вольнице, которой на самого Ленина начихать.

Через полчаса меня попросили в другую комнату. Я пошел с Поповым и Чеботаревым. У дверей стояло два мальчика лет по 12, одетых в матросскую форму, с винтовками.

— Что, видно, у большевиков солдат не стало, что они детей в матросы записали, — сказал Попов одному из них.

— Мы не дети, — басом ответил матрос и улыбнулся жалкой бледной улыбкой.

В комнате классной дамы посередине стоял небольшой столик и стул. Я сел за этот стол. Приходили матросы, заглядывали на нас и уходили снова. По коридору так же, как и днем, непрерывно сновали люди.

Наконец пришел небольшой человек в помятом кителе с прапорщичьими погонами, фигура невзрачная, лицо темное, прокуренное. Мне он почему-то напомнил учителя истории захолустной гимназии. Я сидел, он остановился против меня. В дверях толпилось человек пять солдат в шинелях.

Это и был прапорщик Крыленко.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — у нас несогласия с вашим комитетом. Мы договорились отпустить казаков на Дон с оружием, но пушки мы должны отобрать. Они нам нужны на фронте, и я прошу вас приказать артиллеристам сдать эти пушки.

— Это невозможно, — сказал я. — Артиллеристы никогда своих пушек не отдадут.

— Но, судите сами, здесь комитет 5-й армии требует эти пушки, — сказал Крыленко. — Каково наше положение. Мы должны исполнить требование комитета 5-й армии. Товарищи, пожалуйста сюда.

Солдаты, стоявшие у дверей, вошли в комнату, и с ними ворвался комитет 1-й Донской дивизии.

Начался жестокий спор, временами доходивший до ругательств, между казаками и солдатами.

— Живыми пушки не отдадим! — кричали казаки. — Бесчестья не потерпим. Как мы без пушек домой явимся! Да нас отцы не примут, жены смеяться будут.

В конце концов убедили, что пушки останутся за казаками. Комитеты, ругаясь, ушли. Мы остались опять с Крыленко.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился ко мне Крыленко, — вы не имеете сведений о Каледине? Правда он под Москвой?

А вот оно что! — подумал я. Вы еще не сильны. Мы еще не побеждены. Поборемся.

— Не знаю, — сказал я с многозначительным видом. — Каледин мой большой друг... Но я не думаю, чтобы у него были причины спешить сюда. Особенно если вы не тронете и хорошо обойдетесь с казаками.

Я знал, что на Дону Каледин едва держался, и по личному опыту знал, что поднять казаков невозможно.

— Имейте в виду, прапорщик, — сказал я, — что вы обещали меня отпустить через час, а держите целые сутки. Это может возмутить казаков.

— Отпустить вас мы не можем, — как бы про себя сказал Крыленко, — но и держать вас здесь негде. У вас здесь нет кого-либо, у кого вы могли бы поселиться, пока выяснится ваше дело.

— У меня здесь есть квартира на Офицерской улице, — сказал я.

— Хорошо. Мы вас отправим на вашу квартиру, но раньше я поговорю с вашим начальником штаба.

Крыленко ушел с Поповым. Я отправил Чеботарева с автомобилем в Гатчино для того, чтобы моя жена переехала в Петроград. Вскоре вернулся Попов. Он широко улыбался.

— Вы знаете, зачем меня звали? — сказал он.

— Ну? — спросил я.

— Троцкий спрашивал меня, как отнеслись бы вы, если бы правительство, то есть большевики конечно, предложили бы вам какой-либо высокий пост.

— Ну и что же вы ответили?

— Я сказал: «Пойдете предлагать сами, генерал вам в морду даст».

Я горячо пожал руку Попову. Милейшая личность был этот Попов. В самые тяжелые, критические минуты он не только не терял присутствия духа, но и не расставался со своим природным юмором. Он весь день нашего заключения в Смольном то издевался над Дыбенко, то изводил Тарасова-Родионова, то критиковал и смеялся над порядками Смольного института. Он и тут остался верен себе. О том, что мы играли нашими головами, мы не думали, мы давно считали, что дело наше кончено и что выйти отсюда, несмотря на все обещания, вряд ли удастся.

— Вы знаете, ваше превосходительство, — сказал мне Попов серьезно, — мне кажется, что дело еще не вполне проиграно. По всему тому, что мне говорил и о чем спрашивал Троцкий, они вас боятся. Они не уверены в победе. Эх! Если бы казаки вели себя иначе...

Нас перевели в прежнее помещение, и о том, чтобы отправлять на квартиру, не было ни слова. Наступила ночь. Заключенные понемногу затихали, устраиваясь спать в самых неудобных позах, кто сидя, кто лежа на полу, кто на стульях, не раздеваясь, как спят на станции железной дороги в ожидании поезда; да каждый из них и ждал чего-то. Ведь они были приведены сюда только для допроса.

Наконец, в 11 часов вечера, к нам пришел Тарасов-Родионов.

— Пойдемте, господа, — сказал он.

Часовые хотели было нас задержать, но Тарасов сказал им что-то, и они пропустили.

В Смольном все та же суматоха. Так же одни озабоченно идут наверх, другие вниз, так же все полно вооруженными людьми, стучат приклады, гремит уроненная на каменной лестнице винтовка.

У выхода толпа матросов.

— Куда идете, товарищи?

Тарасов-Родионов начинает объяснять.

— По приказу Троцкого, — говорит он.

— Плевать нам на Троцкого. Приканчивать надо эту канитель, а не освобождать.

— Товарищи, постойте... Это самосуд!

— Ну да, своим-то судом правильнее и скорее.

Гуще и сильнее разгоралась перебранка между двумя партиями матросов. Объектом спора были мы с Поповым. Матросы не хотели выпускать своей добычи. Вдруг чья-то могучая широкая спина заслонила меня, какой-то гигант напер на меня, ловко притиснул к двери, открыл ее, и я, Попов и великан красавец в бушлате гвардейского экипажа и в черной фуражке с козырьком и офицерской кокардой втиснулся с нами в маленькую швейцарскую.

Перед нами красавец боцман, типичный представитель старого гвардейского экипажа. Такие боцманы были рулевыми на императорских вельботах. Сытый, холеный, могучий и красивый.

— Простите, в а ш е п р е в о с х о д и т е л ь с т в о, — сказал он, обращаясь ко мне, — но так вам много спокойнее будет. Я сильно толкнул вас? Ребята ничего. Пошумят и разойдутся без вас. А то как бы чего нехорошего не вышло. Темного народа много.

И действительно, шум и брань за дверьми стала стихать, наконец и совсем прекратилась.

— Вас куда предоставить прикажете? — спросил меня боцман. Я сказал свой адрес.

— Только, простите, я вас отправлю на автомобиле «Скорой помощи», так менее приметно. А то сами понимаете, народ-то какой!.. А людей я вам дам надежных. Ребята славные.

Нас вывели матросы гвардейского экипажа. Долго мы бродили по грязному двору, заставленному автомобилями, слышали выкрики между шоферами, как в старину, только имена звучали другие.

— Товарища Ленина машину подавайте! — кричал кто-то из сырого сумрака.

— Сейчас, — отзывался сиплый голос.

— Товарища Троцкого!

— Есть...

В эту грозную эпоху со стоическим хладнокровием несли службу и оставались на своих постах железнодорожники и шоферы... Сегодня эшелоны Корнилова, завтра Керенского, потом товарища Крыленко, потом еще чьи-нибудь. Сегодня машина собственного Его Величества гаража, завтра товарища Керенского, потом Ленина. Лица сменялись с быстротою молнии и *plus que ça change, ça reste la même chose*...

Громадный автомобиль Красного Креста, в который влезли я, Попов, Тарасов-Родионов и шесть гвардейских матросов, с неистовым шумом сорвался с места и тяжело покатился к воротам. У разведенного костра грелись красногвардейцы. При виде матросов они пропустили автомобиль, не опрашивая и не заглядывая вовнутрь.

В городе темно. Фонари горят редко, прохожих нигде не видно.

Через четверть часа я был дома. Почти одновременно подъехала жена с Гришей Чеботаревым и командиром Енисейской сотни, есаулом Коршуновым.

*П. Нестеренко*⁴⁷

ГАТЧИНА В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

(октябрь 1917 года)⁴⁸

25 октября 1917 года, около 10 часов утра, в здание Петроградского государственного банка явилась полурота запасного гвардейского полка с представителем новой власти Совета Народных Комиссаров — комиссаром Ланге.

Будучи в это время случайно у одного из своих друзей — служащего банка, я узнал от этого комиссара, почему-то начавшего вдруг со

мной откровенничать, что большевиками накануне решено — захватить в свои руки власть в ночь с 24-го на 25 октября и что они, при поддержке кронштадских матросов, начали приводить это решение в исполнение сегодня с 6 часов утра, но он, мой собеседник, опасается, что это дело может лопнуть за недостатком надежных комиссаров, ибо уже теперь выяснилось, что имевшихся для этой цели людей далеко не хватает и уже приходится назначать в комиссары людей не только не идейных, но всяких «пролазов».

Выслушав словоохотливого комиссара, я вышел побродить по улицам Петрограда и, кстати, зайти в Собрание Армии и Флота, где я остановился по приезде в Петроград. Невский был наводнен патрулями из матросов, а через два-три часа, когда я возвращался обратно, везде уже стояли заставы, не пропускавшие никого ни к Главному штабу, ни к Зимнему дворцу.

На следующий день, 26 октября, проходя по улицам, я уже встретил матросские отряды и броневые машины. У Зимнего дворца стояла любопытная толпа, разглядывающая многочисленные следы от пуль как на стенах дворца, так и на окнах, и обменивающаяся впечатлениями атак и контратак между большевиками и контрреволюционерами.

Возвращаясь обратно по Невскому, я увидел кучки людей, читающих какие-то небольшие, красные, однотипные афиши на стенах домов; афиши эти гласили, что к Гатчино подошло не 50 тысяч, как «хвастливо заявляли корниловцы и контрреволюционеры, а всего лишь 5 тысяч сторонников Керенского, а потому, товарищи, немедленно на фронт!».

Часов в 10 утра, на Забалканском проспекте, мною были встречены довольно стройные гвардейские части, идущие за город с оркестрами во главе; колонны эти вели молодые революционные гвардейские прапорщики.

Прочитанные мною на Невском проспекте летучки сразу ориентировали меня в происходящих событиях, и я решил немедленно ехать в Гатчино, где еще представлялась возможность борьбы с новыми захватчиками власти; но когда я пришел на вокзал, то оказалось, что через Красное Село в Гатчино уже проехать невозможно и что нужно ехать через Тосно.

В 3 часа дня я сидел уже в поезде, идущем на Тосно, и, пересев там на гатчинский поезд, я к 8 часам вечера подъезжал к Гатчино; не доезжая верст 15, видны были разрывы шрапнелей, но никто из едущих не представлял себе еще ясно — в чем дело.

Приехав в Гатчино и идя домой кратчайшим путем — по полотну железной дороги, — я на одном из переездов увидел в автомобиле

фигуру А.Ф. Керенского. Автомобиль российского Главковерха стоял во главе казачьей колонны — авангарда из 500—600 казаков донцов и одной сотни амурцев.

Увидев своего доброго знакомого, графа Зубова, я просил ориентировать меня в обстановке. Оказалось, что это войска, ведомые Керенским и Савинковым на защиту Временного правительства против большевиков, и что во главе войск — генерал П. Краснов, а начальником штаба полковник Попов.

Удовлетворенный, я отправился во дворец, где в одном из помещений, отведенных придворным ведомством, размещались офицеры Гатчинской авиационной школы.

К 10 часам утра, 28 октября, в нижнем этаже дворца разместился штаб генерала Краснова.

В первых двух комнатах, занимаемых Управлением начальника гарнизона города Гатчино, ротмистром Дикой дивизии⁴⁹ С-м, я застал необыкновенно многочисленное собрание офицеров, преимущественно Гатчинской авиационной школы, в третьей комнате помещалось оперативное отделение, начальником коего и возглавил себя вышеупомянутый ротмистр С-в. Генерал Краснов и его начальник штаба находились на боевом участке, в 12 верстах южнее Гатчино, где в бой были введены пять спешенных казачьих сотен и одна горная батарея.

Со стороны противника в боевой линии было около четырех тысяч отборных петроградских рабочих, бывших солдат и, кроме того, матросы.

Боевыми действиями большевиков руководил новый большевистский командующий Петроградским военным округом подполковник Муравьев (бывший командир 21-й автомобильной роты); сотрудниками же его состояли: новый «морской министр» — матрос Дыбенко, писарь штаба Гельсингфорского флота — бывший сельский учитель, еврей Рошаль — студент 3—4-го курса психоневрологического института, матрос Трушин и поручик запаса Антонов⁵⁰ — впоследствии главковерх Антонов.

Как происходил бой — будет видно из дальнейшего, как характерную деталь нужно отметить, что казаки, находясь в бою без смен более трех суток, держались очень стойко, не теряя ни на минуту надежды на смену их пехотными частями; большевики же, не зная настоящего количества сил своего противника, проявляли крайнюю нерешительность, и только неустойчивость амурцев на левом фланге боевого расположения, куда не вовремя явился Керенский для поднятия духа, — решила участь боя.

Казаки перестали верить, что пехота подойдет им на смену, и настаивали на отдыхе; 29 октября было решено отвести казачьи части на отдыхе в Гатчино.

Но вернемся к боевым событиям и деталям их...

Неунывающий А. Керенский (он со своими адъютантами расположился в парадных комнатах дворца) часто показывался в оперативном отделении, где старался уверить всех в общем благополучии положения и охотно всем и каждому сообщал, что 50 ударных батальонов сняты с Северного фронта и двинуты на выручку Временного правительства, в доказательство чего показывал телеграммы, полученные им с сообщениями о подходе этих частей к станции Луга.

Действительно, из Пскова непрерывно, эшелон за эшелонам, подходили к Луге ударные батальоны, но не дремавший Лужский совдеп делал свое дело, и для агитаторов не требовалось особых усилий, чтобы убедить колеблющихся ударников не участвовать в братоубийственной войне и не защищать Керенского. Ударники, заняв выжидательное положение, так дальше Луги и не двинулись.

Между тем события шли своим чередом.

28 октября Гатчинской авиационной школы капитан Н-в, боевой и преданный делу артиллерийский офицер, с большим трудом уговорил оперативное отделение дать ему возможность, вместе с некоторыми офицерами, использовать стоящий без дела на Балтийском вокзале броневой поезд. Получив в конце концов так желанное разрешение, он перевел поезд на Варшавский вокзал, неожиданно налетел на станцию Александровскую и, обстреляв ее, вызвал огромный переполох в штабе Муравьева, причинив большие потери и людьми, причем была убита какая-то знаменитая еврейка Сура, о чем впоследствии «Известия» с возмущением описывали этот контрреволюционный поступок офицеров Гатчинской школы.

На рассвете того же дня летчики С-н и Л-в, овладев тайком исправным броневым автомобилем, проехали незаметно в тумане почти к Петрограду, откуда, повернув обратно, подъехали к большевистской цепи и открыли по ней пулеметный огонь; к сожалению, пулемет скоро дал отказ и пришлось спешно удирать в Гатчино.

29 октября, днем, офицеры Гатчинской авиационной школы, собравшись в столовой на аэродроме, обратились ко мне как председателю суда Общества офицеров с вопросами — что им делать и куда идти?

Я ответил, что в настоящий момент, когда, с одной стороны, все боится расправы большевиков-матросов в случае их удачи, а с другой — никто не желает вновь видеть у власти Керенского, — каждый должен

быть там, где ему подсказывают долг и честь офицера; лично я, и со мной многие боевые офицеры, сделали уже выбор, и мы там, где идет борьба против захвата власти большевиками.

После этого многие офицеры явились в штабе ко мне и полковнику М. с просьбой дать им где угодно и какую угодно работу; и когда мне понадобилось однажды 25 пулеметчиков на бронепоезд, то было вполне достаточно только сказать об этом дежурному по школе офицеров, и необходимое количество офицеров моментально явилось.

29-го штаб генерала Краснова перестал существовать; переутомленные трехдневным сидением на боевом участке, генерал Краснов и полковник Попов переехали в Гатчино и расположились во дворце. Часам к 5 генерал Краснов собрал в комнатах № 5 и 6 всех бывших налицо во дворце офицеров. Собралось около 200 человек — преобладали офицеры Гатчинской авиационной школы.

Генерал Краснов выглядел разбитым и физически, и морально; он обратился к собравшимся офицерам приблизительно со следующими словами: «Благодарю вас, господа офицеры авиационной школы, за вашу готовность и искреннее желание помочь нашему делу — но все уже кончено. Сегодня были делегаты от большевиков и выработаны следующие 30 пунктов перемирия с большевиками: 1) немедленное прекращение братоубийственной войны и полная амнистия принимавшим в ней какое бы то ни было участие, 2) немедленное учреждение нового правительства, в состав коего войдет по одному представителю от каждой из существующих политических партий, 3) в состав нового правительства не имеют права входить ни Ленин, ни Керенский (о Троцком не упоминалось), 4) свободный пропуск всех казаков 3-го конного корпуса на Дон» и т. д.

Прочитав все 30 пунктов, генерал Краснов заключил: «С этого момента надо считать, что России нет, Великая Россия будет разрушена борьбой политических партий, и, вероятно, не останется камня на камне. Все будет разрушено — будут уничтожены целые города, и вот после этого на развалинах разрушенной Старой России будет построена Новая, еще более Великая, Молодая Россия...»

Генерал умолк — все уныло повесили головы и... постепенно разошлись..

Мы, офицеры Гатчинской авиационной школы, не особенно верили «полной амнистии» участникам боев под Гатчиной, так как бывшие в составе большевистской делегации матросы открыто заявляли, что «мы, дескать, покажем этому зелью летчикам, как воевать на бронепоездах и броневиках». В воздухе пахло кровавой расправой, тем более что в составе наступающих большевиков преобладали крон-

штадтские и гельсингфорские матросы с «Петропавловска» и других кораблей.

Собравшись в канцелярии школы для обсуждения создавшегося положения, мы застали в ней начальника школы полковника Б-ко, который, как оказалось, уже разрешил вопрос о дальнейшей нашей деятельности, раздав каждому из нас подписанные бланки отпускных билетов, литеры и т. п. документы, — делать больше было нечего, и все собравшиеся разошлись по домам.

Придя из канцелярии во дворец, я застал там летчика полковника М-на и штабс-ротмистра Финляндского драгунского полка Х.; после короткого обмена мнениями выяснилось, что на фронте нет ни одного казака и что каждую минуту Гатчина может быть захвачена большевиками и начнется дикая расправа с офицерами школы; необходимо было что-то предпринять, но прежде всего нужно было выяснить, что предполагает делать штаб генерала Краснова.

Зайдя с этой целью к начальнику штаба полковнику Попову, я с трудом разбудил его и на свой вопрос получил безразличный ответ сонного и безмерно уставшего человека: «Ничего... будем отдыхать... выспаться надо...»

— Но ведь большевики могут ворваться каждую минуту, и тогда начнутся дикие эксцессы, — возразил я.

— Ничего, Бог не выдаст... — с трудом, бессвязно пролепетал он и... опять уснул...

На этом пришлось и окончить наш разговор.

Передав собравшимся моим единомышленникам «соображения» начальника штаба, мы, по взаимному соглашению, решили создать свой импровизированный штаб обороны и распределили роли следующим образом.

Штабс-ротмистр Финляндского драгунского полка Х., окончивший ускоренный курс академии Генерального штаба, взял на себя обязанности начальника оперативного отделения; капитан Ш-н — заведующего разведкой и связью, полковник М-н — инспектора артиллерии; я — общее руководство. Так как самым необходимым делом являлась настоятельная необходимость добыть со станции Луги хотя бы один вагон со снарядами, чтобы из него пополняться в случае удачного развития действий, и так как для этого требовалось бесшумное бодрствование заведующего снабжением артиллерии, то в отсутствие полковника М-на я считался его заместителем.

В дальнейшем необходимо было срочно организовать оборону Гатчино, хотя бы для того, чтобы город не мог быть неожиданно захвачен озверевшими матросами, и в случае быстрого их подхода к городу

дать возможность отдельным лицам вовремя избежать дикой расправы со стороны матросов.

Импровизированный штаб мог располагать офицерами авиационной школы — активным элементом в количестве до 30—40 человек, частью юнкеров школы прапорщиков, бронепоездом, двумя бронеавтомобилями, вагоном снарядов, вагоном патронов, одним боевым аэропланом с бомбами (летчик Х-ц) и, при желании, не менее 6—8 пулеметами авиационной школы с 2 полевыми орудиями.

В то время когда импровизированный штаб ломал голову — каким способом вызвать из Луги хотя бы один батальон ударников, неожиданно явился Генеральный штаб полковник Т. с 130 партизанами. Он явился, чтобы принять участие в бою, и искал штаб, чтобы получить задачу. «Люди у меня отборные и отчаянные», — заявил он.

Ориентировав полковника Т. в обстановке и познакомив его с характером нашей деятельности, мы предложили ему, во имя общего дела, работать вместе с нами — без дальнейших разговоров полковник Т. согласился.

Партизанам его была дана задача выставить на трех дорогах, входящих в Гатчину, заставы; каждой заставе было придано или орудие, или броневая машина; связь между заставами поддерживалась дозорами. Возможность обхода с флангов исключалась, т. к. местность была болотистая и проходила только по занятым заставами дорогам. Линия же железной дороги охранялась заставой юнкеров.

Установив связь по телефону с Лугой, мы начали организовывать доставку оттуда снарядов. Вопрос о доставке снарядов и патронов из Луги в этой общей суматохе и неразберихе в то время обстоял очень просто: необходимо было набрать несколько добровольцев, которые бы грузили снаряды, снабдить их соответствующими документами с «печатами», а все остальное делалось само собой и без всяких препятствий.

Задачу доставить первый вагон снарядов взял на себя мичман Х. (впоследствии партизан в составе корпуса генерала Шкуро). Как оказалось впоследствии — погрузку снарядов он начал беспрепятственно, но не успел выполнить своей задачи вследствие занятия города Гатчины большевиками и ареста его Лужским советом.

30 октября, придя с полетов около 10 с половиною часов утра в собрание школы, я узнал от взволнованных офицеров, что через 2—3 часа в Гатчину войдут большевики. Я поспешил во дворец, где увидел, что наш штаб уже скрылся, тщательно уничтожив на дверях все надписи с указанием должностных лиц и отделений штаба.

Встретивший меня прапорщик Д. сообщил, что он видел, как из ворот дворца выехал автомобиль «рено» начальника гарнизона, на ко-

тором в качестве пассажира сидел какой-то странный субъект в пальто, подобном тому, какое носят мастеровые, в матросской фуражке и автомобильных очках; когда автомобиль проезжал вблизи него, ему показалось, что черты лица оригинально одетого господина очень похожи на Керенского.

Говорят, что Керенский, узнав о требовании большевиков выдать его, зашел к генералу Краснову и, после краткого разговора, спросил — что ему следует делать?

«Застрелиться», — якобы последовал краткий, но выразительный ответ со стороны генерала Краснова. «Хорошо, я подумаю», — ответил Керенский и ушел к себе в комнату; оттуда через смежную комнату, отделенную портьерой, он спустился в нижний этаж и, не проходя по коридору 3-го этажа, где его могли легко узнать и арестовать даже не большевики (об аресте Керенского поговаривали и казаки, и солдаты, и офицеры авиационной школы — вот почему солдатский караул был заменен юнкерским), вышел во двор, где его ждал заранее приготовленный автомобиль начальника гарнизона.

В 12 часов дня я переехал на квартиру в город к одному из своих друзей, чтобы избежать первого рокового момента встречи с большевиками.

К полудню в городе появились отдельные группы матросов, не принадлежавших к боевому отряду, наступавшему со стороны Петрограда.

Многие офицеры старались уйти хотя бы на несколько верст от города, некоторые укрылись в близлежащих лесах, некоторые ушли пешком по полотну железной дороги на одну-две станции от Гатчины...

Но много офицеров школы остались и в городе, ибо солдаты школы вообще и комитеты и Гатчинский совет в частности состояли из интеллигентных и благоразумно настроенных людей, и хотя, конечно, все были уверены, что их при новых выборах в большевистские комитеты забаллотировать, но пока это произойдет — пройдет и первый острый момент.

И действительно, 3 октября, в 6 часов утра, когда я пришел на аэродром под предлогом утренней тренировки и обошел все специальные команды школы — все еще было в порядке и все были на местах, — но когда я через час зашел в строевую роту, единственную некультурную и наполовину большевистски настроенную часть, то увидел довольно неприятную для себя картину: рядом с дневальным сидел и пил чай... ужасного вида гельсингфорский матрос — весь растерзанный, немывтый, с огромной копной рыжих вьющихся волос, на которых небрежно была надета грязная матросская фуражка, — отступления не было.

— Садитесь, товарищ, — обратился ко мне дневальный, — чаю хотите? — И не получив ответа, налил мне кружку чаю (я был в кожаной куртке, для полетов, без погон). — Ну так как же, товарищ? — обратился он к матросу, очевидно продолжая прерванный моим приходом разговор.

— Да ничего, но если среди ваших офицеров есть с-чь, которая идет открыто против нас, так мы их быстро почистим — правильно, товарищ?

— Правильно, гы-гы-гы. — Дневальный глупо и бессмысленно засмеялся.

Делать мне здесь больше было нечего, и, воспользовавшись удобным моментом, я незаметно ушел из строевой и опасной для меня роты.

Зайдя в школу, я хотел переговорить по телефону с комендантским управлением и узнать о событиях дня. Неожиданно мне повезло: на мой вызов станция мне не ответила, линия оказалось уединенной, и я услышал разговор нового коменданта — гвардии поручика К. с Гатчинским совдепом.

Из подслушанного мною разговора я узнал, что дворец занят гельсингфорскими матросами во главе с комиссаром Дыбенко.

Итак, на севере борьба окончилась...

Раздел 2

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В МОСКВЕ

П. Соколов

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ (Александровские юнкера в Москве 1917 года)⁵¹

Конец октября страшного для России семнадцатого года. Предпарламент в Петрограде, потоки рвачей, конвульсии Временного правительства, в последний свой час так и не определившего, чего оно, наконец, хочет.

Ленин захватил власть.

В Москве беспокойство... Сведения из Петрограда смутны и отрывочны. Междугородный телефон бездействует.

В городской думе заседание демократических избранников города. Падение Временного правительства подтверждается. Большая часть министров арестована, остальные неизвестно где. Дума ведет долгие дебаты по вопросу о конструкции власти и, наконец, признает единственной законной властью в городе себя. Избирается Комитет общественной безопасности⁵² с эсером В.В. Рудневым⁵³, городским головою, во главе.

Что же, однако, делает высшая военная власть в столице? Командующий Московского военного округа Генерального штаба полковник Рябцев⁵⁴. Что он предпринял в этот ответственный час? Он — демократ и поступает «демократически»: он становится членом этого комитета и тем самым подчиняет комитету вверенные ему войска, войска девяти губерний округа, которых немало и среди которых надежных частей достаточно.

В этот же день приступают к организации и большевистские элементы. Организуется Военно-революционный комитет. Во главе его становятся Смидович, по профессии врач, и Ногин, бывший чиновник⁵⁵, ярый большевик.

Они опираются на группы распропагандированных рабочих, на многочисленную лужающую семечки убежавшую с фронта солдатню, на всякий сброд, нежелающий идти на фронт, ненавидящий дисциплину, «офицеров и юнкеров».

Понятно, никакой силы пока в их распоряжении нет, но они знают, чего хотят.

Утром 26-го уже москвичи видят, что у городской думы стоят юнкерские караулы, с ночи вызванные командующим войсками не для чего иного, как для охраны демократических избранных.

Охранить же безопасность столицы, а с нею, может быть, и судьбу России, Генерального штаба полковнику Рябцеву в голову не приходит. Он равнодушно созерцает из окон Малого Кремлевского Дворца, где находится его квартира, как на грузовиках, отправленных с заводов и фабрик, развозятся сложенные в Кремле на площади перед Арсеналом штабеля винтовок и ручных гранат, как разбирают оружие шляющая солдатня и рабочие.

У Троицких ворот в Кремле — юнкерский караул. Юнкера негодуют на расхищение оружия, на подготовку вооруженного восстания. Запрашивается командующий войсками. Но он занят важными переговорами с Ногиним, с ним на автомобиле он проезжает мимо изумленных юнкеров: неудобно, неактично в такие острые моменты резкими действиями раздражать рабочий класс... По просьбе того же Ногина караул по приказанию командующего выводится из Кремля и становится не с внутренней, а с внешней стороны ворот.

Целый день, таким образом, идет вооружение солдат, примыкающих к восстанию, и рабочих. Они образуют отряды Красной гвардии, и отряды эти проходят по Тверской. Военно-революционный штаб основался на Тверской в доме генерал-губернатора.

В думе ораторы Комитета безопасности ломают словесные копы с делегатами Военно-революционного комитета. Длятся бесконечные словопрения на тему об организации власти на «паритетных» началах. Ногин, Смидович приезжают и уезжают из думы. Их продолжают видеть вместе с Рябцевым. Командующий никак не может решиться, на какую же сторону ему стать? Лозунг дня в думе: избежать кровопролития во что бы то ни стало.

На следующий день по-прежнему в думе обсуждение, какой именно следует создать орган из представителей обоих комитетов и на каких началах, чтобы он обладал «всею полнотою власти».

Но «хоть Вася слушает, да ест». Тем временем отряд Красной гвардии занимает Кремль, запирает ворота. Рябцев оказывается заперт. Каким-то образом, через забытую дверь, ему удается выбраться. Он

появляется в штабе округа, принимает участие в бесконечном думском говорении... Пример Кремля его не научил ничему.

Но есть еще в Москве честные люди. Они сходятся в Александровское военное училище из госпиталей, больниц, из частных квартир, поручики, капитаны, полковники. «Только смерть может снять их с поста». Они видят, понимают, что делается, их зовет долг, они ждут, чтобы их повели разбить большевистскую организацию в зародыше, пока это еще возможно. Они уверены, что высшая военная власть в столице не сдаст Белокаменной героям запломбированных вагонов, удержит Москву. В день захвата власти большевиками в Петрограде пишущий эти строки находился в Новочеркасске. Во главе с благородным своим атаманом Дон не подчинился новой власти. Располагая достаточным числом староочередных полков, генерал Каледин мог бы оказать помощь Временному правительству, прислав эти полки в Москву. Но в условиях тогдашнего политического положения «занимать» Москву по собственной инициативе он не мог.

Пишущий эти строки в ту же ночь был непосредственно помощником атамана М.П. Богаевским⁵⁶ снаряжен в Москву с поручением собрать там товарищей министров, по сведениям с Дона, укрывшихся в Москве, предложить им, чтобы они объявили себя Временным правительством и немедленно телеграфировали бы атаману, и тогда полки будут присланы в Москву и займут главные железнодорожные магистрали.

28-го утром в Москве улицы были пустынные, слышалась стрельба... Газеты не вышли... Через И.Н. Сахарова, секретаря Совета общественных деятелей, были собраны находящиеся в Москве товарищи министров.

Из членов Временного правительства присутствовали: министр Прокопович⁵⁷, товарищу министра Райский, инженер и товарищу министра С.А. Котляревский, профессор. Со стороны общественных деятелей присутствовало несколько человек во главе с Н.Н. Щепкиным⁵⁸. Собрание имело место в доме Коробкова на Тверском бульваре, в квартире Сабашникова.

Финал собрания был неожиданный. Министры колебались, не решались брать ответственность... Прокопович решительно отверг всякую возможность контакта с «калединцами». Он прокричал это визгливым голосом и, схватившись за голову, выбежал из комнаты. За ним последовали и остальные два «государственных деятеля».

Негодование присутствовавших при этой сцене не поддавалось описанию. Как можно было иначе реагировать на недостойное, малодушное, непатриотическое поведение «министров»? Бросить всякие раз-

говоры и идти с оружием в руках бороться против врага самим, пока еще не поздно, — только и оставалось!

Не заходя домой, прямо с этого заседания, его участники отправились со Щепкиным во главе в Александровское военное училище.

Было темно и холодно. Ветер бушевал, пригибля пламя фонарей на пустынном Никитском бульваре. «Стой, кто идет?» Со штыками на перевес юнкера. Инвалид-офицер — начальник караула.

Юнкер, молодой мальчик, провожает нас в училище. Расспрашиваем его, как дела. Он говорит с воодушевлением:

— Сегодня заняли Кремль. Нас никто не посылал. Наш поручик с фронта приехал, говорит: господа юнкера, надо же эту сволочь из Кремля выбить, кто пойдет. Шестьдесят человек в один миг собрались. Поручик говорит — не нужно больше. Открыли ворота, вошли от Манежа... Против Арсенала толпа, все с винтовками, митингуют. Нас завидели, стали стрелять... поручик, такой молодец (старается юнкер передать свои впечатления), командует: пальба с колена. Залп дали, потом — в штыки, «ура»... Что здесь было, если бы вы видели... Кто бежит, кто на колени становится. Ваше благородие, помиуйте. Мы таких не кололи, жалко очень... прогнали только.

Училище было ярко освещено. При входе и лестнице стояли пулеметы. Коридоры, классы были битком набиты юнкерами, офицерами, солдатами. Стоял шум и гомон. Слышались слова команды. Приходили и уходили небольшие отряды.

В актовом зале шел митинг. Офицер с энергичным лицом, полковник Дорофеев⁵⁹, горячо говорил о соблюдении дисциплины и единстве действий.

Рядом в одном из классов держал постоянное заседание Совет офицерских депутатов, дававший директивы, так сказать, морально-го характера. Наш приход вызвал долгие прения, сначала в порядке информации, потом к порядку дня, потом еще в каком-то другом порядке. Как было видно, Совет был «в контакте» с командующим и поддерживал его политику. Было странно, что в этом собрании не было ни одного офицера с боевым орденом.

Немного надо было пробыть в училище, чтобы убедиться, что высшего командования нет никакого. Распоряжались действиями по отдельным районам различные офицеры. Авторитетнее других распоряжался тот же полковник Дорофеев, которого мы видели на митинге.

Но настроение было бодрое. Первый день, как собравшиеся в училище перешли к наступательным действиям, дал много. Был взят Кремль, занят Почтамт, телефонная станция... Все это было занято с боем. Юнкера заняли также здание «Метрополя», как важный стра-

тегический пункт. Образовавшаяся уже Красная гвардия нигде не могла выдержать удара. Наутро намечалась атака революционного штаба, в доме генерал-губернатора. Нужно было разорить осиное гнездо и крепко держать Москву.

В тот же вечер я пошел в караул на Никитский бульвар. Мы выдвинули посты к Никитским Воротам, не встретив сопротивления. У Никитских Ворот мелькали за углами темные фигуры, стреляли по фонарям. Караул открывал огонь по отдельным людям, перебежавшим в темноте переулков. Мы держались за углами, старались пользоваться ими как прикрытием. В неверном свете уцелевших уличных огней можно было разобрать, что на проездах Тверского бульвара роют окопы. Караул разогнал огнем эти работы...

После полночи пришел гонец из училища с приказанием прекратить огонь, так как заключено перемирие. Мы с трудом могли этому поверить. Но оказалось, что Рябцев действительно заключил перемирие с большевиками по настоянию Комитета общественной безопасности. Думские политики, желавшие установить власть путем «сговора», были, как оказалось, потрясены тем, что при занятии Кремля юнкера перекололи несколько солдат. Они настойчиво требовали поэтому «прекращения кровопролития».

Офицерство негодовало по поводу этого перемирия, которое, несомненно, было заключено во вред делу. Обстановка именно требовала действий быстрых и решительных. Надо было бы развить успех и покончить с революционным штабом.

Утром я ушел из училища предупредить домашних. Пришлось обходить далеко переулками, чтобы миновать красногвардейские цепи; днем возвращался в училище теми же дальними обходами. Всюду была заметна, несмотря на перемирие, подготовка к решительным действиям с большевистской стороны. Везли пушки и устанавливали их на площадях и больших улицах, прилегающих к училищу. Рыли окопы, занимали те или иные здания, имеющие боевое значение. Перемирие было явно использовано для усиления своего положения военно-революционным штабом, нарушено самым вопиющим образом.

В городе шел слух о подходе со стороны фронта казачьих полков, верных Временному правительству, или, как тогда говорили, «стоящих на платформе Временного правительства»... Добрался поэтому я в училище в радостном настроении.

Там уже находилось несколько казаков с офицерами... Их эшелоны стояли около полутора верст от Москвы и могли быть поданы в город не позже завтрашнего дня. В училище с доверием ждали подхо-

да конных частей, с помощью которых можно будет быстро восстановить порядок.

Но полковник Рябцев уже не пользовался авторитетом. Заключение им перемирия явно в пользу противника лишило его доверия.

«Полковник Рябцев или нас продает, или нас предает, — говорили многие. — Большевиков можно в порошок стереть. Но пусть он бросит сидение в думском комитете, пусть командует». Совет офицерских депутатов защищал Рябцева. По мнению Совета, командующий должен держать контакт с «общественностью».

Общий же голос был тот, что необходимо, чтобы авторитетный генерал принял бы команду. На состоявшемся совещании, где участвовал Н.Н. Щепкин, Новгородцев и много офицеров, было решено послать депутацию к Брусилову, находившемуся тогда в Москве.

Я был в составе этой депутации, и мы пошли к Брусилову немедленно. В своей квартире, в одном из переулков на Остоженке, он сидел в черном бешмете, этот обвеянный победами вождь армий, сухонький и седоватый, и ничего нельзя было прочесть на его бесстрастном лице.

«Я нахожусь в распоряжении Временного правительства, и если оно мне прикажет, я приму командование», — сказал Брусилов в ответ на горячие обращения к нему молебь.

Ушли ни с чем.

С утра 30-го числа заговорили пушки. Большевики поставили орудия в Замоскворечье и били по Кремлю прямой наводкой. Какой-то прапорщик распрягался стрельбой. Снаряды попадали в соборы, Архангельский, Успенский, во дворец, разрушали вековые исторические святыни...

Почему-то били по Василию Блаженному, сбивали главы... От Большого театра стреляли по «Метрополю», занятому юнкерами, по краю городской думы.

Сразу обозначались потери.

В наступление мы никуда не перешли. Командования не было. Продолжались неизвестно для какой цели оборонительные действия. Большевики вели уже настоящие атаки против Никитских Ворот... Но александровцы держались твердо и атаки отбивали лихо.

Население попряталось. На улицах не было видно ни души. Помочь александровцам не шел никто. Часто большевистские пушки оставались без прикрытия, и не находилось в окружающих домах нескольких смелых людей, чтобы пушки эти испортить. Лишь кое-где несколько сестер милосердия устраивали перевязочные пункты, подававшие помощь раненым обеих сторон.

Едва стемнело, один лихой офицер с кучкой юнкеров поехал на автомобиле на Ходынку и на глазах толпы солдат увез из парка артиллерийских казарм орудие и ящик со снарядами... Орудие поставили на площади против Александровского училища. Успех попытки доказывал, что решительные действия дадут результат благоприятный. Надо было настоящего начальника.

Вечером у группы офицеров возникла мысль ликвидировать Рябцева. Выполнение этой задачи было возложено на доблестного офицера корнета Дурова.

«Что вам угодно?» — вскрикнул Рябцев, бледный и встревоженный, смотря на вошедших без доклада офицеров.

Корнет Дуров едва успел сказать, что кровь льется даром и офицеры не видят выхода из положения...

«Офицерские депутаты, ко мне!» — завизжал перепуганный командующий.

Из задней комнаты выскочил подпоручик Якулов, председатель Совета, и загоролдил Рябцева.

Момент был упущен. Рябцев исчез. Якулов, присяжный поверенный по профессии, разразился речью о самопожертвовании и дисциплине... Все осталось по-старому.

Первое ноября принесло новое разочарование. Союз железнодорожников, так называемый Викжель, после долговременного обсуждения постановил не пропускать в Москву казачьих эшелонов, дабы не брать тем самым стороны офицеров в гражданской борьбе.

Труднее и труднее становилось александровцам. Бессменные дежурства в караулах, на постах, где предательская пуля ждала из-за угла, недостаточное продовольствие, ежечасные потери, нарастающее, наконец, сознание, что дело проиграно, ощущение безысходности становившееся яснее и яснее, — все это понижало боеспособность немногочисленной национальной дружины.

Особенно убивало то, что «буржуазное» население, и в том числе огромное количество находившихся в Москве военных, предпочитало отсиживаться в квартирах, но на защиту социального строя не шло.

Пришлось уйти из «Метрополя», в котором невозможно было держаться после того, как большевики поставили пушку в расположенном напротив Малом театре. Уже трудно было держаться в Кремле, в котором были разбиты несколько ворот подвезенными орудиями.

2 ноября между Комитетом общественной безопасности и военно-революционным штабом был заключен и подписан мир.

По условиям этого мира власть переходила к Советам, Комитет безопасности упразднялся, юнкера сдавали занятые здания, Кремль,

Александровское училище, оружие. Всем александровцам, юнкерам и офицерам гарантировалась безопасность и безнаказанность.

Многие не поверили большевистскому миру и, когда стемнело, ушли из училища.

Поздним вечером пробирался я отдаленными переулками Новинского бульвара. Кругом не было видно ни души. Изредка шуршал в воздухе снаряд, вспыхивал разрыв и дробным горохом стучала по железным крышам шрапнель.

Наутро многочисленная толпа окружала Александровское училище. Там шла перепись защитников. Истомленные и бледные, они выходили из училища. И здесь же, на глазах у толпы, красногвардейцы, по указанию каких-то согладатаев, схватывали и арестовывали выходящих офицеров и юнкеров...

Александровцы проиграли игру. Но проиграл и их бесчестный начальник.

На следующий день уже расклеивалось объявление на улицах Москвы: «Полковнику Рябцеву сдать должность командующего войсками. Солдат Муралов назначается командующим войсками Московского военного округа».

Полковник Рябцев при занятии Харькова Добровольческой армией был арестован и застрелен при попытке к бегству.

А. Трескин⁶⁰

МОСКОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ В 1917 ГОДУ⁶¹

В № 94/95 журнала «Часовой» приведена статья «Последние защитники» П. Соколова, в которой описывается московское выступление большевиков в 1917 году. В этой статье главным образом разбирается отношение к этим событиям правящих тогда в Москве сфер, а сам вопрос очень мало освещен со стороны борющихся.

Несколько раз ко мне, как командовавшему в то время передовым боевым сектором города Москвы, обращались участники этой борьбы с просьбой путем печати описать эти события, что по вполне понятным причинам в данное время не представляется возможным, чтобы не подвести тех, кто по сие время томится под тяжелой пятой красного интернационала. Во всех подробностях мною это описано и находится в надежном месте.

25 октября 1917 года (ст. ст.) я выехал из Петрограда в Москву, где был приписан для лечения к одному из госпиталей, чтобы продлить срок лечения и возвратиться в Гатчину к Его Императорского Величества Великому Князю Михаилу Александровичу, который там находился в очень тяжелых условиях «узника», так как распоряжением Временного правительства к дому была приставлена наружная усиленная охрана, от которой можно было всего ожидать.

В Москве я застал очень тревожное настроение, все к чему-то готовились и нервничали. В госпитале готовились к самозащите, так как по городу ползли зловеющие слухи, что бывший в то время командующий войсками Московского военного округа Генерального штаба полковник Рябцев вывел из Кремля охраняющих его юнкеров, впус- тив туда большевиков, которые к вечеру должны выступить по всему городу и в первую очередь истребить главных своих врагов — офицеров.

В 8 часов вечера я находился в одном из домов на Воздвиженке, где был по поручению Великого Князя. Вдруг весь дом основательно потрянуло от раздавшегося взрыва, как оказалось, была брошена бомба в стоявшего часового-юнкера у Красной Палаты. Выбежав на улицу, чтобы узнать о причине взрыва, я встретил знакомого военного врача, от которого узнал, что эта бомба — сигнал к выступлению и что все желающие принять участие в борьбе с большевиками стекаются к Александровскому военному училищу, в котором помещается штаб округа. Направившись туда, я увидел, что в Художественном электротейатре на Арбатской площади производится запись учащейся молодежи, причем студенты энергично вербовали проходящих мимо людей. Для выяснения положения я прошел в Александровское училище, там царил полная нераспорядительность и растерянность, несмотря на то что все помещения были буквально набиты боеспособным элементом. В нижнем этаже помещался «штаб округа», куда удалось пробраться с большим трудом и здесь ничего путного добиться не удалось, единственный, с кем еще можно было разговаривать, — это был Генерального штаба полковник Екименко⁶², который заявил, что в штаб-офицерах большая нужда, и согласился со мной относительно приведения в боеспособный вид гражданской молодежи, стекавшейся к электротейатру, проходной двор которого выходил непосредственно ко входу в училище. При этом было заявлено, что ни одного юнкера я не получу. Все же благодаря училищному офицеру нашего полка мне удалось «реквизнуть» 15 юнкеров и пригласить 2 попавшихся офицеров: штабс-капитана Сав-го и корнета Новороссийского полка И., ставших моими адъютантами до конца событий.

Из училища пришлось захватить довольно большую группу пленных большевиков, которых после соответствующего внушения мы посадили в верхний ярус электротeatра, а сами приступили к энергичному формированию отряда. Первой заботой было наскоро научить владеть оружием учащуюся молодежь. Этот отряд решено было назвать «Белой гвардией», и он и является родоначальником белой борьбы против красных, непрекращающейся до сего времени.

В течение первой ночи удалось сколотить и вооружить до 300 человек, к большому огорчению, владеющих оружием было в отряде всего $\frac{1}{5}$, которые с места уже отправились на охрану подступов к училищу.

На следующий день, т. е. к фактическому началу выступления большевиков, отрядом были приняты надлежащие меры, чтобы не дать им возможность с налета захватить училище, и таким образом сразу ликвидировать борьбу.

Возникла мысль для расширения района привлечь к активной борьбе лиц, желающих принять в ней участие и находящихся в части города, занятой неприятелем. План действий был принят следующий: путем продвижения вперед соединиться с отрядами, в тайном порядке там сформировавшимися. Для проведения этого плана в жизнь мне очень помогла телефонная сеть, занятая отрядом юнкеров, доблестно погибших после 5-дневной геройской борьбы; также в неприятельское расположение было брошено некоторое количество охотников, на обязанности которых было приступить к организации скрытых отрядов, преимущественно в больших домах.

Помню доблестного студента Императорского Московского университета Рев-а, который по несколько раз в день проходил через большевиков с докладами о ходе организации, телефонная проверка подтверждала всякий раз формирование во многих пунктах города.

Приходилось обходиться своими средствами, так как, несмотря на настойчивые мои просьбы дать некоторое число бойцов, каждый раз получался ответ: «Обходитесь своими средствами...»

Полковника Екименко на следующий день сменил в роли начальника штаба округа Генерального штаба полковник Дорофеев, последний, учитывая всю серьезность положения моего отряда, ничего сделать не мог, с большим трудом налаживая порядок в училище, ему пришлось еще вести трудную «политическую борьбу» с командованием в лице полковника Рябцева и его приближенными. Пришлось на училище махнуть рукой и заняться вылавливанием боееспособного элемента по улицам, что дало некоторые результаты.

В течение дня удалось запереть подступы к училищу со стороны Смоленского рынка (конец Арбата), Поварской и М. Никитской, продвинуться от Никитских Ворот до Тверского бульвара и занять прилегающую к нашему расположению сторону Б. Никитской улицы вплоть до Университета и Кремля, который опять был занят юнкерами. К вечеру (2-й день) начали стекаться добровольцы... Приходили кадеты, лицеисты, студенты, гимназисты и прочая учащаяся молодежь...

Укажу на один характерный случай на 3-й день борьбы. Пришел старик, убеленный сединой, лет 70, и просит выдать ему винтовку... Предложение остаться для помощи в тылу он отвергает с заявлением «Раз мои дети в количестве 60 человек умирают, то и я должен быть среди них» — детьми оказались воспитанники одного из средних учебных заведений, отцом же — их директор, взявший винтовку и направившийся в тот район, где в это время был бой.

После визита старика пришел находившийся в Москве довольно популярный генерал Я. (командир корпуса) и после очень доброжелательного со мной разговора предложил свои услуги с условием, что я останусь возглавлять свой отряд. Моя настойчивая просьба возглавить мой отряд и вместе с ним захватить власть в свои руки, пользуясь своим чином, популярностью и пр., ни к чему не привела, и так генерал Я. ушел, добавив, что он будет продолжать любоваться лихостью чинов отряда, но возглавить его он отказывается.

Наличие боевых припасов подходило к концу, и этот вопрос начал сильно нас волновать. То, что снималось с убитых и пленных большевиков, была капля в море. Склады огнестрельных припасов находились у Симонова монастыря, на противоположном конце города, у большевиков, сильно ими охраняемые. И вот один поручик лейб-гвардии Литовского полка вызвался их оттуда похитить по подложному ордеру. Дважды ему удалось привести два полных грузовика патронов и снарядов, но на третий раз он был обнаружен и погиб смертью храбрых. Таким образом, этот больной вопрос был разрешен блестяще как для боевых целей, так и для батареи на Арбатской площади под командой подполковника Баркалова⁶³ (ныне генерал-майор); кстати сказать, эта «батарея» была увезена по распоряжению 1-й гренадерской артиллерийской бригады с Ходынки, т. е. выкрадена у большевиков.

Продовольственный вопрос был также разрешен в положительном смысле. В течение 7 дней население окружающих улиц само доставляло все, что только могло. Помню одну даму средних лет, госпожу А. Она буквально не покладая рук добывала продукты, принося их нам

пудами, так что мы часто подкармливали юнкеров, находящихся в училище.

Санитарный вопрос также не заставил волноваться, были реквизированы в 2 аптеках медикаменты и перевязочный материал и в полуподвальном этаже был устроен перевязочный пункт с соответствующим медицинским персоналом.

Наступило утро 4-го дня. Как-то почувствовалось, что большевики в этот день будут особенно активны. После 12 часов дня они действительно начали наступать по всем направлениям, и им удалось сделать прорыв со стороны Армянского переуллка и занять колокольню англиканской церкви, на которой, поставив пулемет, они начали владеть близлежащей местностью, что также сильно угрожало не только Художественному электротeatру, но и самому Александровскому училищу. Надо было во что бы то ни стало ликвидировать этот прорыв. В резерве был всего 21 человек, только что смещенных после трехдневной непрерывной боевой работы. Училище, как всегда, отказало, несмотря на критический момент. И вот вызывается прапорщик Л.-гв. Литовского полка Пеленкин⁶⁴, который во главе этого «последнего резерва», потеряв половину своего состава, стремительной и неожиданной для большевиков атакой захватывает колокольню и находившиеся на ней 4 пулемета.

Весь этот день был очень тяжелым на всех уязвимых местах.

В 6 часов вечера разведчики донесли, что в 5 верстах от Москвы высадился прибывший из Брянска 7-й ударный батальон под командой поручика Зотова, который прибыл в распоряжение командующего войсками. Неимение у меня резервов и серьезность положения вынудили меня «реквизировать у начальства» этот батальон, для чего через неприятельское расположение был послан тот же прапорщик Пеленкин с патрулем в 5 человек, которому было приказано без «шума» ликвидировать охрану Дорогомиловского моста и провести хотя бы с боем 7-й ударный батальон в мое распоряжение, что и было выполнено образцово без потерь с нашей стороны. После 10-минутных переговоров с поручиком Зотовым и некоторого внушения этот «революционный батальон» вошел под мою команду, приняв старый устав. Таким образом, мы получили сразу серьезный резерв в 150 штыков с пулеметами.

На следующий день вечером можно было наблюдать «братание» ударников с московскими студентами, которые после боевой работы во время кратковременного отдыха вечером в фойе дружно распевали «Как ныне сбирается вещий Олег», причем была заменена 2-я строфа припева: «Так за совет собачьих депутатов мы грядем громкое апчихи».

Итак, борьба продолжалась и принимала все более ожесточенный характер. Большевики, видя крайнее упорство с нашей стороны и явное несочувствие подавляющего числа жителей Москвы, решили вступить в переговоры с полковником Рябцевым о заключении «перемирия», которое и было им назначено 30 октября, о чем я и получил приказание из штаба округа о приостановке военных действий.

По полученным агентурным сведениям из некоторых источников, большевики намеревались использовать перемирие с целью нанесения нам предательского удара, что мною и было учтено.

С утра я объездил на автомобиле все наши позиции и посты, предупредив бойцов, чтобы они без моего приказа никаких иных распоряжений не принимали и в случае давления со стороны неприятеля оказывали ему самое упорное сопротивление. Особенно было обращено внимание на приведение в оборонительное положение дома Коробкова в самом начале Тверского бульвара, так как, по сведениям, большевики, пользуясь перемирием, должны были обрушиться на нас главными силами со стороны угла бульвара, с тем чтобы захватить Никитские Ворота, с захватом которых на плечах ворваться через Никитский бульвар на Арбатскую площадь и таким маневром ликвидировать борьбу. Как предполагалось, так и вышло. Как раз в этом месте и разгорелся сильный бой, окончившийся благодаря героическим усилиям в нашу пользу, причем большой дом Коробкова сгорел до основания, равно как и приспособленная к обороне аптека между Тверским и Никитским бульварами.

Перемирие, так неудачно кончившееся для большевиков, заставило их искать другие пути, и они спустя 2 дня предложили Рябцеву «почетный» мир, для чего было созвано совещание, состоящее как из их представителей, так и со стороны полковника Рябцева; мне передавали, что на этом совещании были: городской голова, председатель Комитета общественной безопасности, председатель объединенных домовых комитетов и др. лица. На этом совещании большевики якобы признали себя побежденными и просили приостановить военные действия.

1 ноября меня попросили прийти в здание училища. Оно было буквально забито бойцами, столь необходимыми нам и в которых нам все время отказывали.

В большом сборном зале происходил митинг; какой-то генерал призывал всех прекратить напрасную борьбу, так как по имеющимся у него сведениям, большевики захватили в Петрограде власть в свои руки. Этот генерал буквально был стащен со стула и, кажется, избит. За генералом влез на стул революционный министр Прокопович, который, ударяя себя в грудь, с большим пафосом начал также с призы-

ва прекращения борьбы, ввиду признания большевиками себя побежденными, что дальнейшая борьба приведет к напрасному пролитию крови учащейся молодежи, к разрушению памятников старины и пр. Не успел Прокопович закончить своей речи, как у верхнего окна (зал двусветный) разорвалась большевистская шрапнель — эффект получился замечательный. Прокопович говорил о заключенном мире, а большевики продолжают стрельбу, да еще из орудий!

Видя царящее здесь безобразие и митинговое настроение, я поспешил к своему отряду, по дороге меня многие упрашивали взять всю власть в свои руки и продолжать борьбу, выведя всех за город и вести на Дон, откуда имелись сведения, что Донской атаман дает нам поддержку по освобождению России от красной нечисти.

Вести на Дон походным порядком в морозное время без транспорта на такое большое расстояние — это было обречь людей на гибель, и надо было решить: или продолжать борьбу здесь, или же поодиночке пробираться на Дон, ближайшие часы покажут, что надо будет делать, если обнаружится предательство.

По выходе из училища решено было пока что продолжать борьбу. Проверив отряд, я нашел полное воодушевление и решимость бороться до конца. Было всем отдано распоряжение непреложно слушаться только моих приказаний и встречать большевиков огнем.

Поздно в здание электротeatра явился комендант города полковник Мороз, который от имени Рябцева передал приказание о немедленном прекращении военных действий. После моего возражения о провокации «перемирия» 30-го числа и о возможной провокации заключения мира полковник Мороз удалился, резко заявив, что неподчинение полковнику Рябцеву будет иметь очень тяжелые последствия; после визита Мороза пришлось опять отдать категорическое приказание не поддаваться провокации и не оставлять своих постов.

В 3 часа ночи ко мне пришел Генштаба полковник Ульянов⁶⁵, последний начальник штаба (очень милый и сердечный человек), который заявил, что на основании постановления вчерашнего совещания, на котором большевики признали себя побежденными в Москве и заключили мир, и что они уже сделали распоряжение своим бандам прекратить всякое вооруженное вмешательство, и таким образом, нам надо прекратить борьбу. На мое возражение и опасение возможности предательства полковник Ульянов ничего не ответил и, только крепко пожав мне руку, удалился.

В 5 часов утра я получил письменное приказание отойти со всеми своими отрядами в училище. (После непринятого мною перемирия 30-го числа мне, помимо моего отряда, была подчинена Школа пра-

порщиков, войска же, находившиеся в здании Александровского военного училища, равно как и юнкера, непосредственно находились в подчинении у училищного начальства, а может быть, были в ведении штаба округа.

До 8 часов утра у меня происходила внутренняя борьба с совестью — продлить ли военные действия, — все время мучило сознание, имею ли я нравственное право распоряжаться жизнями учащейся молодежи, подвергать дальнейшей опасности население города, притом еще изголодавшегося после 7-дневного боя, подставлять под разрушение большевистскими снарядами православные храмы и пр., а вдруг действительно большевики серьезно признали себя побежденными!

Все еще находясь под таким настроением, я вышел на Арбатскую площадь и был крайне поражен при виде большой толпы, запрудившей всю площадь; как оказалось, со стороны Пречистенского бульвара, бывшего в ведении училища, оборона была снята и, таким образом, к зданию училища мог уже проникнуть кто хотел, и дальнейшая оборона моих отрядов оказывалась бесцельной.

С тяжелым камнем на душе пришлось отдать приказание отрядам сняться и с оружием прибыть в училище.

Когда я продвигался с последним отрядом к Арбатской площади, из толпы, запрудившей уже улицы, слышались свистки и выкрики. В училище оружие складывалось в сборном зале, а участники разбрелись по помещениям, чтобы забыться на некоторое время от 7-дневного боя, тем более что вышло предупреждение в этот день никому из здания не выходить, пока большевики не снимут всех их банд и постов, как было разъяснено, это было сделано с той же целью, чтобы предупредить возможность эксцессов. По прошествии некоторого времени разнеслась угрожающая весть, что Рябцев нас предал и что не исключена возможность ночного нападения на училище. Весть эту усугубил протоиерей Добронравов (перебросившийся впоследствии в живую церковь), явившийся со святой водой. Кропя меня водой, он обратился ко мне со словами: «Да поможет вам Господь перенести новое испытание». Некоторые бросились к выходу и увлекли за собой чуть ли не половину находившихся в училище, через некоторое время были получены сведения о нападении на улицах на иных из ушедших. Ушел, переодевшись в штатское, и милейший Генштаба полковник Ульянов.

У нас начала лихорадочно работать мысль — что же делать дальше? После совещания с несколькими лицами мы решили поодиночке пробираться на Дон к атаману Каледину и там совместно с донскими

казаками продолжать начатую в Москве белую борьбу против красных. Генштаба полковник Дорофеев раздобыл на дорогу по 250 рублей на каждого.

Вечером какой-то представитель большевиков начал выдавать пропуска на выход из училища за подписью товарища Ломова⁶⁶, мне и моим адъютантам в пропуске было отказано и объявлено, что мы будем преданы суду.

Ночью в 1 час утра мне удалось проникнуть в комнату, где выдавались пропуска, и благодаря мертвецкому сну выдававшего эти пропуска «товарища» написать на пропусках собственные фамилии и их таким образом получить, и в 8 часов утра покинуть училище через толпу галдевших матросов, прибывших из Петрограда с крейсера «Аврора». Не буду описывать подробностей мытарств, какие пришлось встретить на пути к Новочеркасску, куда начали стекаться участники Москвы, где на Барочной улице положили основание Добровольческой армии, которую возглавил генерал Алексеев и с которой проделали Ледяной поход, откуда вернулись лишь немногие счастливые.

А. Невзоров⁶⁷

4-я МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПРАПОРЩИКОВ⁶⁸

В этих моих воспоминаниях нет ни фантазии, ни неверных описаний событий. Сейчас, конечно, пишут многие, кому только не лень. Может быть, это и хорошо, но пишите правду, как оно было на самом деле, а не искажайте фактов для того, чтобы оправдать какие-либо деяния, послужившие во вред нашей армии и вообще России. Не укоряйте меня в суеверии и бабьих сплетнях. Пишу, что видел и испытал на себе самом. Недавно прочитал книгу Позднышева «Распни его». В этой книге автор проводит мысль, с которой нельзя не согласиться, а именно: «Роль наших генералов во время Февральской революции». В самые критические моменты развития революции наши генералы совершенно растерялись и все шло самотеком, что было на руку бунтовщикам-революционерам. Во многом и мне пришлось лично убедиться.

Февральская революция застала меня в школе прапорщиков в Москве. Медицинской комиссией я был признан негодным к строевой должности, а лишь на нестроевую. Нестроевых должностей я никогда не занимал и попросил в штабе Московского военного округа назначить меня куда-либо в строй. Мне предложили назначение в школу

прапорщиков, на что я согласился и был назначен в 4-ю Московскую школу прапорщиков.

Ознакомившись с обстановкой, я увидел, что в школе работы очень много. Школа состояла из двух рот, по 250 человек в каждой. Офицерский состав был из боевых офицеров 1-й Великой войны. Большинство из них были инвалидами. Были и георгиевские кавалеры. Но инвалидность офицеров была такова, что не мешала им заниматься строем в условиях мирного времени. Например, капитан С. был ранен в пятку правой ноги и не мог ступить на эту пятку. Штабс-капитан М. ранен в кисть левой руки, но мог делать что-либо одной правой рукой. У поручика Л. не сгибалась левая рука от ранения в локоть и т. д., все в таком же духе.

Начальником школы был полковник Л.А. Шашковский⁶⁹. Это был в высшей степени образованный и гуманный человек, но с довольно своеобразными взглядами. При приеме молодых людей в школу для прохождения курса первое, что он делал, — это давал всем поступающим написать свою биографию. Во-первых, по этой биографии он узнавал степень грамотности поступающего, а также его специальность. Если оказывался кто-либо, кто служил раньше лакеем в ресторане, на вокзале или еще что-либо в этом роде, то такой человек моментально откомандировывался в полк. Полковник Шашковский говорил: «Приму крестьянина, рабочего, но не лакея». Полковник Шашковский немного отстал от строевой службы, так как почти 30 лет был сначала воспитателем, а потом ротным командиром в 3-м Московском кадетском корпусе. Как начальник школы и воспитатель будущих офицеров он был незаменим.

Постоянному командному составу было работы много. Кроме строя, стрельбы, маневров, мы должны были читать лекции по топографии, тактике, стрелковому делу и уставам. Артиллерийское и инженерное дело читали специально приглашенные офицеры. Работать приходилось по 10—11 часов в сутки. Вначале в школу принимались люди без среднего образования. Достаточно было 4-х классов городского училища, гимназии или были еще какие-то школы 1864 года, которые давали права вольноопределяющегося 2-го разряда. Все эти люди уже побывали на фронте, среди них были и георгиевские кавалеры. Это был набор, с которым было легко работать. Они уже были знакомы с военной службой, и прапорщичья звездочка была для них заветным достижением. Потом начали присылать с фронта подпрапорщиков с полной колодкой Георгиевских крестов и медалей. Тут были и пехотные, артиллерийские и кавалерийские подпрапорщики. Был один воздухоплаватель. Все это люди, которым надо было получить чин

прапорщика, и по окончании школы они, как специалисты, возвращались в свои части. На фронте была нехватка в офицерском составе.

В № 61 «Военной Были» много писалось о школах прапорщиков. Там, между прочим, проводится одна мысль: было сказано, что хотя курс школы продолжался всего лишь четыре месяца, но молодежь, туда поступавшая, иногда с левым уклоном мышления, пробыв в школе 4 месяца и надев погоны прапорщика, делалась офицерами по своим взглядам. То же самое наблюдалось и у нас. Как-то быстро сживались и с увлечением занимались как науками, так и строем. Правда, были и исключения, но очень редкие. Многие из воспитанников школ погибли на фронте в 1-ю Великую войну, приходилось встречать и в гражданскую войну кое-кого. Школа помещалась в казармах 5-го гренадерского Киевского полка. Рядом, в казармах 6-го гренадерского Таврического полка, стояли 56-й и 55-й запасные батальоны, пополнявшие Гренадерский корпус. Казармы были старые, кажется еще Екатерининских времен. Но тесноты не было. Были спальни, отдельные классы для занятий. В полуподвальном этаже помещались столовая, кухня, склады и уборная. Отопление было «амосовские печи». Такого отопления теперь не увидишь. В подвальном этаже стояли 4 огромные печи. От них в стенах были проведены трубы, по которым шел горячий воздух из этих печей. В каждой комнате были по одному, а иногда и больше, в зависимости от величины комнаты, так называемые «душники», через которые в помещение проникал горячий воздух. Дров эти печи пожирала много, но в казармах было всегда очень тепло. Печи, как я сказал, были внизу, в подвальном этаже, в длинном коридоре. И днем, и ночью там всегда было темно. Тут вот должен вспомнить один случай: возвращались ночью два юнкера из уборной и почти на самой вершине лестницы услышали, что кто-то идет за ними. Оглянулись и в страхе обмерли. За ними, во всем белом, с косой на плече, шла, как ее изображают, смерть. Они в ужасе бросились в свои кровати, залезли под одеяло с головой. Лежат ни живы ни мертвы. Дневальный, стоявший у столика дежурного, также видел эту «смерть». «Смерть» подошла к кровати одного юнкера и пропала. Юнкер, около кровати которого она стояла, заболел менингитом и утром был отправлен в госпиталь. Об этом происшествии быстро узнала вся школа. Разговоры пошли самые разнообразные. Ночью дневальные не хотят стоять одни, приглашают приятелей. Вместо одного человека стоят всю ночь по 20 человек. Все же не так страшно! Возбуждены все страшно. Доложили начальнику школы. Он посмеялся: «Как не стыдно! Какой-нибудь безобразник одевается «смертью» и ходит пугает вас всех».

Решили обыскать все закоулки, где может быть спрятан костюм «смерти». Назначили комиссию из 2 офицеров и нескольких юнкеров. Обыскали все, где только возможно, но ничего не нашли. Школа волнуется. Собрал начальник школы всех юнкеров, говорит: «Как вам не стыдно, словно бабы какие! Так вот что я вам скажу: если кто-нибудь увидит эту «смерть», пусть скажет ей, чтобы она пришла ко мне, а я с ней поговорю как следует». После этого пришел он в комнату офицерской столовой и говорит: «Вот, черт возьми, сказал, чтобы привидение пришло ко мне. А ну как придет, что я с ним говорить буду? Ну его к черту, не хочу!» Но по прошествии недели все успокоилось, «смерть» не являлась больше. А тут еще очередное производство в прапорщики. Пришло очередное пополнение, и все забылось. Что это было, понять трудно. Видевшие «смерть» клялись, что видели ее ясно и даже как блеснула коса на плече, когда она проходила по лестнице. И я не понимаю, что это было. Психоз, воображение, но ведь больше 500 человек этому поверили.

Каждые два месяца приезжал командующий войсками Московского военного округа генерал Мрозовский⁷⁰. Производил очередной выпуск в прапорщики. Старший курс, произведенный в прапорщики, разобрав вакансии, разъезжался по своим запасным батальонам. А оттуда с маршевыми ротами отправлялись на фронт. От каждого взвода выпускаемых оставалось при школе, по выбору взводного офицера, по два прапорщика, которые были помощниками взводного офицера. Выбирались, конечно, лучшие. Они были очень хорошими помощниками. Оставались они в школе 4 месяца, а затем отправлялись в один из запасных батальонов.

Наступил 1917 год. О революции мы ничего не знали. Не было времени заниматься этим, да и в то время еще не имели «революционного опыта», то есть не знали, как это делается революции. В один прекрасный, солнечный день с легким морозцем пришли со строевых занятий в классы, на лекции. Подходя к нашей школе, увидели, что к казармам 55-го и 56-го запасных батальонов подходит большая толпа народу, приблизительно 2000 или 2500 человек. Впереди — сани, запряженные одной лошадкой, на санях водружен длинный шест, а на нем висит красно-грязное полотнище. Назвать красным не могу, уж очень грязное оно было. Часть людей, вожаки, отделились от толпы и пошли к гауптвахте 55-го батальона, требуя освободить арестованных, так как сейчас — «свобода». Часовой у гауптвахты был старый кадровый солдат, уже побывавший на фронте. Он предупредил толпу, чтобы не подходили, а то он будет стрелять. Те же кричали: «Свобода, товарищ, выпускайте арестованных».

Предупредив три раза, часовой выстрелил в воздух. Боже, что тут произошло! Вся эта большая толпа бросилась врассыпную. Осталась стоять на месте, понунив голову, лошадь с санями, а на снегу лежал длинный шест с грязно-красным полотнищем. Стоя на крыльце нашей школы, я видел, какую панику вызвал один только выстрел. Мимо меня пробежал какой-то унтер-офицер с Георгиевским крестом. Я не удержался и крикнул ему: «Куда, орел, бежишь?» — «Стреляют там, ваше высокоблагородие!» — «Ну беги, беги, молодец!» После, когда толпа увидела, что больше не стреляют, люди стали собираться и скоро подошли к нашей школе.

Несколько человек, по виду студенты, вошли в школу. У меня в это время был урок топографии. Врываются в класс какие-то 3 человека южного типа и начинают говорить, что надо бросать занятия и идти всем на улицу.

Я подвел этих господ к расписанию занятий, висевшему на стенке, и показал им, что сейчас идет урок топографии, а следующий — тактики. Фронт нуждается в офицерах, а потому я прошу их нам не мешать. Затем я вызвал дежурного по классу. Вышел унтер-офицер с Георгиевским крестом. Вид имел он внушительный, высокого роста, широкоплечий. Обращаюсь к нему и говорю, чтобы он попросил этих господ не мешать нам заниматься. Дежурный вежливо, но твердо попросил их оставить класс. Те, конечно, начали говорить: «Как же, товарищи, сейчас такое время, всем надо идти на улицу» — и т. д., в таком же духе. Но дежурный твердо заявил, что просит их немедленно оставить класс. Покрутились мои незваные гости, но все же, ворча что-то под нос, ушли. Почти так же было и в других классах. Занятия продолжались. Все же покой был нарушен. 1-я рота, состоявшая из студентов, начала волноваться. Устроили что-то вроде митинга и решили идти в городскую думу, где был штаб революционеров. Хотя я и не имел никакого отношения к 1-й роте, но пришли ко мне юнкера 1-й роты и стали просить меня, чтобы я пошел с ними в городскую думу. На это я мог ответить лишь одно: «Вы понимаете, о чем вы меня просите? Что у вас по расписанию в следующий час?» Говорят: «Тактика». — «Ну, вот и идите в класс». Но все же через некоторое время вся студенческая рота ушла без офицеров.

Положение было неопределенное. Где-то что-то творится, кого-то разоружают, арестовывают, носятся грузовики, наполненные людьми в солдатских шинелях вперемежку с вооруженными штатскими. У всех красные банты на шинелях, все — обвешанные пулеметными лентами. Какая-то стрельба на улицах. Слухи идут всевозможные. Приказаний из штаба округа никаких нет. Мы — люди неискушенные в делах

революции, не знаем, что и делать, сидим и ждем. Офицеры в этот день из школы домой не едут. К вечеру опять приходит ко мне депутация от 1-й роты. Просят прийти к ним, так как без офицера они себя очень неуверенно чувствуют. Ответил, что никуда не пойду, а пусть лучше они возвращаются в школу. Подходит ночь. 2-я рота не ложится спать. Волнение от неизвестности. В 11 часов вечера решаем все идти со 2-й ротой в городскую думу, чтобы выяснить обстановку. Выстраивается вся рота с офицерами на местах, и двигаемся в городскую думу. От школы до думы довольно далеко. Приятная погода, слегка подмораживает, тихо. Около 12 часов 30 минут ночи вступили на Красную площадь. «А ну, песню!» — «Какую?» — «Какую хотите». — «Песнь о вещем Олеге». Припев всем известен: «Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое «ура»!» Как нам потом рассказывали бывшие в городской думе, когда там услышали нашу песню, то такая паника поднялась! Когда рота подошла к дверям думы, то на крыльце стоял трясущийся от страха революционный командующий войсками подполковник артиллерии Грузинов. Грузинов был призван из запаса, а до войны он был земским начальником. Так вот этот командующий дрожащим голосом обратился к нам: «Господа, в чем дело? Почему вы пришли сюда?» — «Пришли мы сюда, чтобы посмотреть, что у вас тут творится». — «Господа, может, вы голодны? Мы сейчас все это устроим!» — «Ничего нам не надо, просто мы пришли посмотреть, что у вас тут делается». Грузинов пригласил нас войти в городскую думу. Несколько офицеров и юнкеров вошли внутрь дома. Зашел и я. Там был полный хаос. Какие-то люди в рабочих и солдатских костюмах волновались, суетились, разбирали оружие, горами лежавшее на полу. Не знали, как с ним обращаться. Один учил другого, сам не зная. Командующий войсками Грузинов объяснил нам, что тут организуется боевой отряд, на случай выступления контрреволюционеров. Когда я проходил по залу, то вдруг раздался выстрел, и пуля ударила в стену над моей головой. Я обернулся и увидел какого-то человека южного типа, с трясущимися руками и позеленевшим лицом, державшего в руках револьвер Кольта крупного калибра. «Ты что же, сукин сын, хотел убить меня?» — «Извините, господин офицер, он сам у меня выстрелил». — «Я вот тебе покажу, как сам выстрелил!» Хотелось влечь ему затрещину, но он был так напуган выстрелом, а тут еще подбежали «товарищи» и набросились на него с руганью, что я плюнул и пошел дальше. Ознакомившись с положением вещей, увидели, что делать нам тут нечего. Но так как в школу идти было далеко, то обратились к командующему войсками, чтобы он указал нам место, где бы мы могли поспать до утра. Нам была отведена гостиница «Метро-

поль», тут же, на Театральной площади, в ней мы заняли бильярдную и две гостиные. Одну гостиную, с голубой шелковой мебелью, заняли офицеры. Не раздеваясь, легли на голубые диваны и проспали до утра. Утром 2-я рота, забрав с собой и 1-ю, вернулась в школу.

Бестолковщина и безалаберщина были всюду. Будь у нас руководство и не потеряй головы генерал Мрозовский, то революция в Москве еще неизвестно как развивалась бы. В Москве было шесть школ прапорщиков и 2 военных училища численностью около 10 000 юнкеров. А это по тем временам сила. Но начальство молчало, и какая судьба постигла генерала Мрозовского не было ничего слышно.

Дальше занятия в школе пошли почти нормально. Единственно, что мешало иногда, — это школьный комитет, который иногда собирал юнкеров для решения каких-то вопросов. Главным образом, в комитет вошли писаря школы, не юнкера, а призванные для отбывания воинской повинности полуинтеллигенты. Чтобы не попасть на фронт, господа эти устроились писарями в школе. Но школьный комитет большой роли не играл, так как все его постановления на общем собрании юнкеров не принимались. Например, когда началось выступление генерала Корнилова, комитет высказался против поддержки генерала Корнилова, а общее собрание решило «всячески поддерживать генерала Корнилова». Много писалось о знаменитом приказе № 1, изданном Временным правительством. Приказом этим неспособное Временное правительство окончательно разложило армию. Никогда армия не была так сильна, как в 16-м и в начале 17-го года. Фронт был завален снарядами, оружием, обмундированием, продовольствием. Армия доходила до 20 миллионов людей. Для армии работала вся страна. Например, какой-нибудь жестяник, который раньше паял дырявые кастрюли, ставил водосточные трубы, сейчас делал ручные гранаты, которые отсылались затем на заводы, где начинались взрывчатыми веществами и обрезками железа, гвоздями и т. д., всем тем, что может нанести ранение. В марте или апреле намечалось общее наступление на фронте, которого немцы не выдержали бы. Они уже и выдохлись, да и вся Германия голодала. Приказ № 1 на школе никак не отразился. Занятия шли нормально, дисциплина поддерживалась, к офицерам относились с уважением. Это были единственные части, которые сохранились. Все это знали наши «главковерхи», Керенский и ему подобные. На юнкеров была вся надежда. Где надо было что-то привести в порядок, туда посылались юнкера. Когда было знаменитое «Государственное Сопровождение», на котором был и генерал Корнилов, Керенский, многие делегаты от всевозможных организаций, то охрану Большого театра, где

происходило «Сопровождение», несли юнкера. Нашей школе пришлось нести караулы в театре в самый разгар споров и разногласий. Посты были по всему театру, и под сценой, и за кулисами, и вокруг здания. Боялись, очевидно, чтобы не взорвали «Сопровождение». Комендантом Большого театра был поручик запаса Собинов, известный тенор, который был призван на службу. На мою просьбу указать мне какую-либо комнату, где я мог бы расположить остаток роты (часть была на постах), Собинов указал мне помещение за Царской ложей. Там было три комнаты: кабинет Государя с ореховой мебелью, буфет для Государыни и что-то похожее на столовую. Там мы и устроили караульное помещение, так как охрана театра неслась и ночью. Все речи нам удалось слышать, особенно тем, кто был за кулисами и под сценой. О чем там говорилось и какие исторические речи были произнесены, я повторять не буду. Думаю, что это известно уже всем из истории. Сопровождение окончилось благополучно. Никаких покушений не было.

Чтобы навести где-либо порядок, как я сказал выше, а главное, чтобы остаться у власти, Керенский, Львов⁷¹ и компания обращались к юнкерам. Для характеристики русского солдата, потерявшего голову от всех «свобод», я расскажу следующий случай. Взбунтовался запасный кавалерийский полк, стоявший в городе Козлове Тамбовской губернии. Полк насчитывал 32 эскадрона, более 3000 солдат. Наша школа получила приказание разоружить этот полк. Поехали разоружать его одна рота юнкеров, одна сотня донских казаков и один броневой автомобиль. По дороге в Козлов, пока мы ехали в вагонах, произошел довольно характерный случай. С нами в вагоне 2-го класса ехал, как представитель власти, член Совета рабочих и солдатских депутатов, по-видимому какой-то рабочий. Сначала разговор шел мирно. Против «депутата» сидел офицер школы капитан Фриде⁷², лихой гренадер 3-го Перновского полка, старый холостяк. Фамилию назвать могу, так как, по имеющимся у меня сведениям, после октябрьского переворота он и его брат, военный юрист, были расстреляны. Да, так вот, разговорился наш «депутат». Все, говорит, идет у нас хорошо, и народ доброжелательно отнесся к перевороту, только проклятое офицерье сильно тормозит дело. Тут случилось нечто неожиданное для «депутата»: развернулся наш капитан и такую влепил ему затрешину, что тот так и откинулся на спинку дивана. «Как смеешь, ты, каналья, говорить «проклятое офицерье», когда все мы уже пролили кровь за Родину, а тысячи лежат в могилах? А ты-то воевал? Небось все время в тылу околачивался» «Депутат» был очень поражен этой оплеухой, но, видя, что со стороны окружавших его офицеров сочувствия он не

встретит, начал извиняться: «Простите, господин офицер, не подумавши сказал». — «А ты подумай, а потом и говори!» Далее мирно доехали до Козлова. Приехавши в Козлов, потребовали на станцию оркестр музыки и под музыку прошли по городу. Впереди четко отбивала ногу юнкерская рота, за нами — казачья сотня, а позади пыхтел броневик. Около часа ночи оцепили казармы кавалерийского полка. Дали три залпа из винтовок по окнам казарм, но поверху, чтобы не задеть людей. В казармы были посланы несколько групп юнкеров, чтобы приказать солдатам выносить оружие во двор и складывать поэскадронно. Люди от этих залпов уже проснулись и метались по казарме, не зная, что делать. Приказание выносить оружие во двор было исполнено без замедления. Во дворе были поставлены юнкера, чтобы указывать, кому куда складывать свое оружие. В одном белье, накинув шинели, выбегали солдаты во двор и складывали винтовки поэскадронно. Можно было наблюдать такие картинки: бежит солдатишка с винтовкой и кладет ее в кучу 2-го эскадрона. «Ты какого эскадрона?» — спрашивает юнкер. «Так что — 4-го, ваше благородие». — «Так почему кладешь во 2-й?» — «Виноват, ваше благородие!» Таким образом винтовки все были вынесены на двор, и эти же самые солдаты погрузили их в пришедшие грузовики. Таков был наш солдат. Дисциплина, заложенная при первоначальном обучении, у всех у них осталась в душе. Надо было только показать твердую руку, и он опять делался хорошим солдатом. Вот эта самая твердая рука у нас отсутствовала.

Дальше жизнь шла по-прежнему. В определенное время производился очередной выпуск в прапорщики. Приезжал новый командующий войсками Московского военного округа полковник Верховский, позже произведенный Временным правительством в генералы за труды по углублению революции. Полковник Верховский был офицер Генерального штаба, бывший паж. Дальнейшая его революционная карьера известна: он был военным министром, но, как писали, за достоверность чего не ручаюсь, кончил жизнь в подвале Чека.

Ввиду того что наш начальник школы был старый москвич и у него были обширные знакомства в артистическом мире, то у нас в школе часто устраивались концерты, на которых выступали артисты Императорских театров. Всех артистов не помню, но особенно запечатлелись в памяти оперный бас В.Р. Петров со своей знаменитой арией из незаконченной оперы «Ася» и «Ах, зачем на карусели мы с тобой, Татьяна, сели!». Еще приезжали Мозжухин, Максимов, Мигай и известный танцор Мордкин. Бывали и другие.

Но вот поползли тревожные слухи: большевики хотят сделать переворот и взять власть в свои руки. Мы ждем, не имея представления,

что из всего этого может получиться. 25 октября получается распоряжение: занять Кремль, в котором собрались главные вожаки переворота. Школа в полном составе выступает днем около 2 часов и идет к Кремлю. Подойдя к Кремлю, увидели, что войти в Кремль нельзя, так как ворота заперты. Тогда получили приказание взять Кремль. Нашей школе пришлось подойти со стороны Никольских ворот и дальше, к Москве-реке. Прибывшая бомбометная команда выпустила несколько бомб по Кремлю, и очень скоро ворота открылись. Были арестованы главари бунтовщиков. Их было 7 или 8 человек. Все они были посажены на гауптвахту 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка, который стоял в казармах в Кремле. Советский писатель Лев Никулин в своей книге «Московские зори» пишет, что солдаты, сдавшие оружие в Кремле, были расстреляны юнкерами. Это сущая неправда. В Кремле оказалась большая толпа солдат, думаю — около 100 человек, все это бы запасные, которые получили право на увольнение домой и сидели на своих сундучках перед казармами, в которых они жили. Это были пожилые люди, бородачи. Они не могли выйти из Кремля, так как ворота были заперты. И когда юнкера вошли в Кремль, то или по ошибке, или из озорства с чердака городской думы был открыт пулеметный огонь по этим бородачам. Юнкера не сделали по ним ни одного выстрела. Большинство этих бородачей оказалось убитыми или ранеными. Юнкера, посланные на чердак городской думы, нашли там пулемет и ленту стреляных гильз. Пулеметчик же сбежал. Наш начальник школы, полковник Шашковский, перед большевистским переворотом был произведен в генерал-майоры и назначен заведующим всеми школами прапорщиков. Здесь, в Кремле, он был как бы начальником отряда. Один из офицеров предложил ему ликвидировать зачинщиков-бунтовщиков. Генерал Шашковский очень возмущился: «Вы с ума сошли? Как это можно человека лишать жизни!» Через два месяца после октябрьского переворота он и его сын Михаил, банковский чиновник, были расстреляны. Дочь генерала, Лиду, с мужем я встретил в Севастополе во время Гражданской войны.

Кремль был занят нами почти без боя. Было арестовано семь человек главарей-большевиков, и они были посажены на гауптвахту 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Как пишет полковник Трескин, среди них был сын Максима Горького, Пешков. Все они потом были выпущены комендантом Кремля, полковником Морозом, державшимся очень странно.

Вопрос о пулеметах и артиллерии нас заботил. Но с пулеметами дело решилось просто: к нам явились две женщины-прапорщика⁷³ с двумя пулеметами Максима. Они уже были в боях, и одна из них была

легко ранена в руку. Тем, как держали себя эти два прапорщика, можно было только восторгаться: они спокойно лежали за своими «максимами» и по приказанию открывали огонь. С орудиями было немного сложнее. Но удалось и это: одна юнкерская рота пошла на Ходынку, где стоял запасный артиллерийский дивизион и, захватив там без всякого сопротивления два трехдюймовых орудия с зарядными ящиками и большим запасом снарядов, вернулась обратно в Кремль.

В это время в Москве еще не было такой массы войск, и лишь 3—4 дня спустя начали стягиваться запасные батальоны из всех окружающих Москву городов: Ярославля, Костромы, Шуи, Владимира и др. Таким образом, было стянуто в Москву, как говорят, более ста тысяч человек.

К юнкерам шести школ прапорщиков и двух военных училищ, с другой стороны, присоединились две роты, сформированные из студентов, с офицерами на командных должностях, офицерская рота и подошел еще Корниловский ударный батальон (около 500 штыков). Женских батальонов в Москве не было, они были в Петрограде. Батальон Бочкаревой⁷⁴ приезжал, правда, на какой-то парад в Москву по распоряжению Керенского, очень любившего всякие парады. Сила собралась, в общем, порядочная. Сначала мы занимали широкий район. Штаб всех наших сил находился в Александровском военном училище, а штаб наших школ прапорщиков — в Малом Николаевском дворце, в Кремле. Орудия наши были поставлены около Страстного монастыря, и, когда неприятель пытался было наступать по Тверской, он был отогнан артиллерийским и пулеметным огнем. На нашем участке, в Милютинном переулке, находилась телефонная станция. Она занималась нами, но вскоре, под нажимом больших сил, школа наша отошла к Китайгородской стене. Противник пробовал наступать и дальше, но огнем юнкеров легко обращался в бегство.

Большевики решили нанести удар по нашим силам у Никитских ворот и повели атаку от Тверского бульвара, пытаясь захватить Арбатскую площадь, откуда недалеко уже и Александровское военное училище. Четырехэтажный дом, занятый юнкерами, и аптека, рядом, были приспособлены к обороне. Огонь был настолько силен, что оба этих дома были сожжены и разрушены. Прекрасно держались в этих боях студенческие роты. Особенно растрогал меня один студент, который не мог, по болезни ног, много ходить: он попросил посадить его часовым на пост. Ему дали винтовку, и он долго, не сменяясь, сидел на своем посту.

Я не стану описывать подробно весь ход боевых действий, так как об этом было уже много написано (об этом можно прочитать у со-

ветского писателя Паустовского, который довольно верно освещает эти события). Бои продолжались, но большевики особенно храбро не наступали, получая везде серьезный отпор. Довольствие наше было налажено хорошо: нам присылали целые крути сыра, ящики консервов, шоколад, хлеб и пр. Снабжали нас всем этим Офицерское экономическое общество, большие гастрономические магазины и также частные лица. Лично мне посчастливилось, так как на моем участке был ресторан «Мартьяныча», в котором я часто бывал и раньше. Заведующий рестораном часто приглашал меня туда и вкусно кормил не только меня, но и наших юнкеров также.

Сделаю здесь маленькое отступление: в предисловии я сказал, что буду говорить о приметах и вообще о сверхъестественном. В один из этих дней, вернувшись после ночного дежурства на участке роты, я прошел в наш штаб. Я проголодался, а там на столе стояли разные вкусные вещи. Так как было еще темно, то я зажег свечи, стоявшие на столе. Их было три. Я начал закусывать. Сидевший тут же подпоручик Никольский (туркестанский стрелок), командир 1-й роты, говорит мне: «А.Г., потушите одну свечку, а то — нехорошая примета!» Я рассмеялся: «В наш век и верить в приметы!» Но чтобы его успокоить, все же потушил одну свечу. Но случайность или совпадение, в 2 часа дня, идя к своей роте, подпоручик Никольский был убит наповал ружейной пулей, попавшей ему в сердце. Случилось это около часовни Иконы Иверской Божией Матери.

В Чудовом монастыре монахи все время служили молебны о ниспослании нам победы. Когда дело подходило к оставлению нами Кремля, игумен исповедовал всех монахов и причастил их. Так как Кремль в то время простреливался со всех сторон, какая-то шальная пуля попала одному из монахов в голову, убив его на месте. Монах этот только что причастился. Он был похоронен с большими почестями в ограде Чудова монастыря.

Ожесточение боев возрастало. Большевики, видя, что мы всюду держимся стойко, начали с командующим войсками Московского гарнизона Генерального штаба полковником Рябцевым переговоры о перемирии, и к вечеру 30 октября перемирие было заключено. Несмотря на это, большевики не прекращали обстрела Кремля. На моих глазах был разрушен артиллерийским огнем Малый Николаевский дворец в Кремле. Огонь велся с Воробьевых гор. Вечером 30 октября нашим силам было приказано собраться всем в Александровском военном училище, и в этот же вечер большевики еще раз пытались ворваться в Кремль. Против Никольских ворот ими была поставлена батарея, бившая по воротам прямой наводкой. Были там у них и пулеметы. Внут-

ри Кремля, против Никольских ворот, была оставлена наша 2-я рота, построившая себе баррикаду из ящиков с винтовками, пришедших из Америки. Огня мы не открывали, так как противника за Кремлевской стеной не было видно. В советском журнале «Огонек» (№ 46, 1957) на обложке изображена картина взятия Кремля: масса дыма и огня, убитые и раненые... И все это неверно! Как я уже сказал выше, огня мы не открывали и никаких убитых и раненых быть там не могло. Я оставил Кремль последним с ротой юнкеров и видел все, что там делалось.

Получив приказание идти в Александровское военное училище, поздно ночью мы пришли туда. Училище кишело, как пчелиный улей. Там собрались все антибольшевистские силы, юнкера, студенты, офицеры и еще какие-то люди, добровольно к нам примкнувшие. Все мы устали, 6—7 дней боев сказывались на всех. Здесь же мы попали в теплое помещение и получили горячий ужин.

Никто не знал, что будет дальше. Тут полковник Рябцев проявил себя с не особенно красивой стороны: он устроил что-то вроде митинга и стал рассказывать юнкерам, что он договорился с большевиками о том, что все мы с оружием возвращаемся в свои казармы и продолжаем свои занятия, так как фронт нуждается в офицерах... Молча и угрюмо слушали юнкера Рябцева, не веря ему. Вдруг раздался голос одного юнкера: «Что вы, господа, слушаете это г...! Все он врет. Продаст нас!» На это Рябцев нашелся только ответить: «Что вы, товарищ юнкер, так грубо выражаетесь!» Дальше слушать его не хотели. Было решено, полагаясь на обещания Рябцева, переспать здесь, а утром идти в школу.

Утром, когда мы проснулись, нас ожидал неприятный сюрприз: против главного входа стояла на позиции трехдюймовая пушка, а против окон — пулеметы с прислугой, конечно. Обманул нас таки Рябцев! У многих было желание идти на Дон, где уже начиналось будто бы восстание против большевиков, но как туда дойти, не представлял себе никто. В здании начали появляться какие-то люди с красными повязками на рукаве. Говорят — комиссары! Мы получили приказание сдать винтовки и пулеметы. Несколько позже офицерам сдать револьверы... И наконец, к вечеру, — сдать и холодное оружие. Так разоружили нас полностью. Ждать было нечего, надо было уходить. Начальник школы раздавал какие-то деньги. Получил и я 400 рублей. Сговариваюсь с юнкерами, которые живут около меня; но москвичей мало, все больше приезжие. Поздно вечером пишу пропуска для хождения по улицам. Права на это не имею, конечно, никакого, но, принимая во внимание темноту ночи и малограмотность патрулей, пишу

и сам же подписываю. Вчетвером выскользнули мы из училища, держа в руках мои «пропуска», и пошли домой. Москва — в темноте, на улицах ни одного фонаря. Где-то слышна стрельба. Мосты заняты караулами, ходят патрули. Нам надо идти в Замоскворечье, на Полянку, через Москворецкий мост. На мосту стоят два солдата — караул. При виде нас четверых они начинают уходить с моста, им тоже страшно. Кричим начальническим тоном: «Куда, сволочь, уходите? Проверять пропуска!» — «Да идите, чего там проверять!» Мы, конечно, прошли мост быстрым шагом, и я благополучно дошел до дому. Набрал горсть мелких камней и бросил в окно спальни, где спала жена, так как стучать в дверь и поднимать шум я не хотел, могли бы быть неприятности. Жена быстро впустила меня.

Так вся наша школа и разбежалась в эту ночь. 3-я же школа оставалась до утра, и, когда утром пошла в казармы, юнкера имели много неприятностей. Многих из них избили, были и раненые. На другой день мой денщик побывал в школе и сообщил мне, что почти все юнкера собрались в школе. Одеваюсь во все солдатское, принимаю вид «товарища солдата» и еду в школу. Школа полна юнкеров, не знающих, что им делать дальше. Собираю всех и говорю, что надо искать какой-то выход. Поэтому объявляю себя начальником школы и назначаю юнкера такого-то моим адъютантом. Спрашиваю, кто умеет писать на машинке? Нашлись и такие. Начинаем писать увольнительные свидетельства такого рода: «Солдат такой-то, прикомандированный к 4-й Московской школе прапорщиков в качестве сапожника (или еще кем-либо), уволен в отпуск туда-то». Печать, подпись моя, как начальника школы, и адъютанта. Вызываю по телефону заведующего хозяйством. Боится ехать. Говорю ему, что, если не приедет, сам распоряжусь складом. Он приехал. Каждому юнкеру были выданы на дорогу продукты, кому нужно — заменили обмундирование. Нашлись деньги, снабдили и ими, сколько хватило, и школа опустела.

Так закончила свое существование 4-я Московская школа прапорщиков, выпустившая около 2000 прапорщиков.

* * *

После окончания боев и прихода к власти большевиков жизнь в Москве совсем расстроилась. Водопровод и электричество не действовали, все продукты исчезли и купить что-либо можно было лишь на «черной бирже». Достать чего-нибудь съедобного стало задачей, павшую от истощения и непосильной работы лошадь, брошенную на Страстной площади, разделявали по частям и уносили домой. Настро-

ение у всех было отчаянное. И вдруг разнесся слух, что на Кремлевских Никольских воротах случилось чудо. Мне пришлось видеть все это своими глазами. Над воротами была икона Святого Николая Чудотворца, а по бокам его — два ангела с пальмовыми ветвями. Как я писал выше, по этим воротам били из орудий прямой наводкой и стреляли из пулеметов, но в икону не попало ни одной пули, ни одного осколка, оба же ангела были разрушены совершенно, и от них не осталось и следов. Начали собираться толпы народа, служились молебны, что было, конечно, не по вкусу властям. Ленин издал декрет, в котором призывал население не верить «сказкам». Место, где были икона и ангелы, завешивается красной материей. Через некоторое время разносится новый слух: красная материя разорвалась пополам и упала на землю.

Новый декрет разъяснял населению, что никакого чуда не было, а материя разорвалась об железный венчик, помещавшийся над иконой, и затем упала на землю. Этим «разъяснениям» народ не поверил, и в один теплый солнечный день от всех московских церквей двинулись к Никольским воротам крестные ходы с духовенством во главе, сопровождаемые толпами народа. Один за другим подходят они к образу святого Николая Чудотворца, служатся молебны, и все это потом движется по Тверской улице. Процессия заняла расстояние от Кремля до Садового кольца. Я полагаю, что участвовало в ней не менее 100 тысяч человек.

На стенах Кремля стояла с пулеметами ленинская «гвардия» — латыши. Церемония продолжалась около 3—4 часов, после чего все крестные ходы разошлись по своим церквам. После этого случая властями было приказано поставить высокую деревянную стену, которая закрывала бы Никольские ворота. Часы на Спасской башне, которые так приятно вызванивали «Коль славен», были пробиты снарядом.

Что было в Москве дальше, сказать не могу, так как я уехал оттуда, и, думаю, навсегда.

А. Трембеловский⁷⁵

СМУТНЫЕ ДНИ МОСКВЫ В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА⁷⁶

Вот уже прошло 62 года, как наша Москва, город «сорок сороков» церковью православных, подпал под богоборческую власть большевиков.

Несмотря на более чем полстолетия минувших лет, все ж не потухает в душах истинных русских патриотов желание узнать, как про-

ходили эти дни в Москве? Надо признаться, задача не из легких. Кое-что ускользнуло из памяти, кое-что вспоминается, но кое-что ярко воскресает в памяти, как бы это было вчера.

В те дни октября 1917 года автор этих строк юным прапорщиком служил в Москве в 56-м пехотном запасном полку, три батальона которого стояли в Покровских казармах, а 1-й батальон был расквартирован в Кремле.

Гарнизонную службу по Москве и, конечно, по Кремлю нес наш полк. На мою долю выпало несколько раз быть караульным начальником в Кремле, ворота которого к ночи закрывались. Но мне, как караульному начальнику, были известны секретные входы в Кремль.

Как только утром 27 октября я пришел в свою роту, фельдфебель роты передал мне запечатанный конверт от адъютанта полка. Распечатав пакет, я прочитал: «Немедленно явитесь ко мне!» Когда я пришел к нему, то его кабинет был почти заполнен офицерами полка. Адъютант капитан Я. прочитал нам телеграмму о событиях в Петрограде и передал нам устное приказание коменданта Москвы полковника Мороза собраться господам офицерам гарнизона Москвы в сборном зале Александровского военного училища на экстренное собрание.

Извозчиков на улице не было видно, а трамваи не ходили — началась забастовка рабочих. Минут через 40—50 быстрого шага мы наконец вошли в сборный зал Александровского военного училища. Огромный зал был полон офицерами. На наскоро сбитом помосте стояла группа генералов и полковников. Один из молодых офицеров громко читал телеграммы из Петрограда и Ставки. В зале стояла гробовая тишина, и нам, находившимся при входе в зал, было слышно каждое слово. Затем были речи о необходимости нашего выступления для защиты свободы, демократии, права гражданина и т. д.

Когда мы пришли в сборный зал, офицеров там собралось так много, что мы едва уместились при входе в зал, но чем ближе время приближалось к вечеру, то офицеров как-то становилось все меньше и меньше. Наконец под самый вечер было решено оказать сопротивление большевикам и из оставшихся офицеров были составлены различные боевые группы.

Распропагандированный 1-й батальон нашего полка, расквартированный в Кремле, арестовав, начиная с командира полка, всех офицеров батальона и посадив их на гауптвахту Кремля, присоединился к большевикам и заперся в Кремле. Во главе взбунтовавшегося батальона оказался прапорщик нашего же полка (фамилию забыл). Много позже я узнал, что у большевиков он занимал крупный пост и при очередной чистке был расстрелян.

Мне, как хорошо знающему все входы и выходы Кремля, был дан взвод юнкеров Александровского военного училища с заданием проникнуть в Кремль и открыть все ворота.

В Кремль мы вошли через хорошо замаскированный кустами секретный вход из Александровского сада к Боровицким воротам. Моя задача проникновения в Кремль держалась в строгом секрете, и никто, кроме командования, об этом не знал.

В то время, когда я с юнкерами пробирался к секретному ходу Боровицких ворот, одна из боевых офицерских групп с пушкой сосредоточилась у выходных ворот московского Манежа, как раз против Боровицких ворот. Несмотря на их энергичные требования открыть ворота, Кремль отвечал молчанием. Тогда, чтобы не терять времени, эта группа офицеров на руках выкатила пушку из Манежа и прямой наводкой решила разбить ворота. Но вдруг ворота открылись, и кто-то знаками показал этой группе, что путь свободен.

По крутой спиральной кирпичной лестнице, соблюдая полную тишину, поднялись мы к нише, в которую вел этот ход. Первым шел я, за мной юнкера. Около железных кованых ворот, под сводом башни ходил караульный. Выбрав минуту, когда он повернулся к нам спиной, мы стремительно бросились на него, приготовленной тряпкой заткнули ему рот, а веревками связали ему ноги и руки.

Покончив с караульным и открыв ворота, мы бегом бросились к Никольским воротам. Встречавшиеся солдаты 1-го батальона, видя, что мы шутить не будем, бросали винтовки. Никольские ворота открыли мы без задержки и так же бегом вдоль Оружейной палаты устремились к Спасской башне. Здесь по нас из амбразур башни взбунтовавшиеся солдаты открыли огонь. Два или три юнкера упали ранеными, но мы уже вбежали в проход Спасских ворот. Под угрозой наших винтовок караульные, побросав свое оружие, открыли ворота, в которые немедленно вбежала группа юнкеров, скрывавшаяся за Лобным местом. Открыв ворота Спасской башни, я закончил свое задание и явился в распоряжение полковника Мороза, который был назначен комендантом Кремля.

В нашем распоряжении находились юнкера Александровского военного училища и 6 московских школ прапорщиков. Интересно, что после овладения нами Кремля юнкера 2-й школы прапорщиков отказались стрелять «в своих». Разбираться в этом у нас не было времени, и, разоружив юнкеров этой школы, мы заперли их в подвалах Кремля вместе с 1-м батальоном 56-го пехотного запасного полка.

Алексеевское военное училище и кадеты старших классов трех московских корпусов и Суворовского кадетского корпуса, находив-

шиеся в Лефортово, были окружены взбунтовавшимися солдатами и вооруженными рабочими московских заводов в здании Алексеевского военного училища и прийти нам на помощь не смогли.

Работу санитаров выполняли учащиеся средних школ и студенты Университета. Центральный санитарный пункт находился в Александровском военном училище.

К вечеру 29 октября началась со стороны Красной площади неистовая атака большевиков на Спасские ворота и Никольские ворота Кремля. Огонь вели из всех окон и подворотен домов, находившихся на противоположной стороне площади. Они подвезли бомбометы, и их огонь был сконцентрирован по Никольским воротам.

К коменданту Кремля прибежал юнкер с Никольских ворот с тревожными сведениями. Полковник Мороз приказал мне немедленно пойти к Никольским воротам и его именем навести порядок. Во исполнение приказа коменданта, полный решимости, я побежал к Никольским воротам. Поднявшись на башню, я увидел лежащих без движения нескольких юнкеров. Офицеров среди них не было. Встреченные юнкера прижимались к стенам башни, так как все окна и амбразуры башни были под точным огнем большевиков. На Кремлевской стене между Никольскими и Спасскими воротами два пулемета непрестанно вели прицельный огонь по появлявшимся целям. Вдруг я услышал женский голос: «Скорей принесите пулеметные ленты». Я приказал одному юнкеру отнести ленту. Но бедные юнкера, впервые попавшие под обстрел и у ног которых лежали убитые их сотоварищи, потеряли голову. Видя это, я схватил две коробки с пулеметными лентами и бегом отнес их к пулеметчикам. Этими двумя пулеметчиками оказались сестры Мерсье⁷⁷. Передав им ленты, я вернулся на Никольскую башню, и, показав юнкерам этих двух героинь, русских девушек, я пристыдил их и разместил по щелям вдоль стены от Никольских до Спасских ворот.

Сестер Мерсье я помню еще в день их производства в чин прапорщика. Но помню день, еще до Первого похода, когда отряд полковника Кутепова вел бой под станцией Матвеев Курган, что к северу от Таганрога. В то время, в декабре 1917 года, на юге России шли сильные дожди, земля размокла. Автор этих строк тогда был пулеметчиком на броневом автомобиле. Из-за грязи и размокшей земли броневый автомобиль не мог принять активное участие в бою. Он был поставлен на железнодорожную платформу и с нее вел огонь по наступающим большевикам, кажется, латыша Сиверса. Командовал броневым автомобилем поручик Филатов, сын начальника офицерской стрелковой школы, генерала Филатова. Чтобы ясней разглядеть наступающие цепи большевиков и установить

точный прицел, поручик Филатов вышел из бронеавтомобиля на платформу, на которой стоял броневик, и мгновенно упал, пораженный пулей. Из своей пулеметной башни броневика я видел, как упал поручик Филатов, чтобы оказать ему помощь, я также выскочил из броневика, но он уже умирал. Тут я заметил, что впереди железнодорожной насыпи на пригорке стоит женщина-прапорщик и внимательно наблюдает в бинокль за наступающими цепями большевиков. Мне показалось, что она стоит точно окаменев. Большевики ведут бешеный огонь, было ясно, что она каждое мгновение может быть убита, и чтобы спасти ее жизнь, я спрыгнул с железнодорожной площадки и под свист пуль подполз к ней, схватил ее за один из сапогов и, сильно потянув, повалил ее. Упав на землю, она страшно рассердилась на меня: «Как это кто-то посмел схватить меня за ногу!» Затем я помню этих двух сестер в начале Первого похода. Обе они были в пулеметной роте Корниловского ударного полка в «Кольтовском взводе». В брошюре «Ледяной поход 1918—1953 (35-летие)» на стр. 16 сказано: «Убита Вера Мерсье, одна из двух сестер, вторая была несколько раз ранена». Царство Небесное чудной русской девушке, отдавшей свою юную жизнь за поруганную родину, за веру Православную, за Русь Святую. Что случилось с ее сестрой, к сожалению, я не знаю. Ее имя и ее адрес мне не известны. Но шлю я ей свой привет Первопоходника Первопоходнице. Если она жива, то пусть откликнется на слова ее сратника.

Затем мне помнится, как комендант Кремля полковник Мороз вызвал меня к себе и приказал ехать на бронеавтомобиле к Почтамту, Государственному банку и к телефонной станции, которые были в наших руках, чтобы доставить им боеприпасы. В продолжении всего пути пули большевиков как горох стучали в стенки броневика, но мы не оставались в долгу и также посылали им свой гостинец.

Мне помнятся также и разговоры о том, что нам придется уйти из Москвы и походным порядком прибыть на Дон к генералу Каледину для продолжения борьбы с большевиками. В ночь на 3 ноября мы покинули Кремль и сосредоточились в Александровском военном училище, чтобы с зарей двинуться на юг. Но произошла, как тогда говорили, «великая провокация». К утру Александровское военное училище большевики окружили и нас, крепко спавших, грубо разбудили, разоружили. Затем предложили разойтись, арестов пока не было. Они начали уже после похорон жертв этих дней.

По доносу горничной, служившей в нашей семье, я был схвачен на улице, погоны с меня сорвали и отвели в Бутырскую тюрьму. Удачный случай помог мне ночью выскочить из окна (решетка отходила в сторону) и под покровом ночи выбраться из тюрьмы. Конечно, к себе

домой я не пошел, а нашел приют у друзей. Вскоре, войдя в одну боевую организацию, я получил задание обойти офицеров Москвы и предложить им ехать на Дон к генералу Каледину. Если у кого не хватало денег, организация снабжала его необходимыми средствами, билетом на поезд и хорошо подделанными документами с большевистской печатью. Обошел я свыше ста офицерских квартир.

За мной началась слежка. Раздобыв хорошо подделанные документы унтер-офицера, я к середине ноября 1917 года прибыл в Новочеркасск и вступил в ряды только-только формирующейся Добровольческой армии.

Кончаю свое воспоминание словами генерала Деникина: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, — это был бы не народ...»

С. Зиллов⁷⁸

«МОСКОВСКАЯ НЕДЕЛЯ» В ОКТЯБРЕ 17-го ГОДА⁷⁹

Алексеев готов был обвинить Рябцева в предательстве.

Мельгунов

10 октября 1917 года я приехал в Москву, чтобы провести дома свой трехнедельный отпуск. Один из моих двоюродных братьев, еще весной получивший штыковую рану в живот и уже вышедший из госпиталя, пользовался отпуском для поправления здоровья и жил в это время у себя дома. Все дни моего пребывания в Москве мы с ним проводили вместе.

Когда появились в газетах тревожные сообщения о выступлении большевиков в Петрограде, мы решил, что нам надо что-то предпринять. Но что?.. Нормальный путь — явиться в комендатуру или штаб военного округа — нам не улыбался, после недавних Корниловских дней доверия к тыловому начальству у нас не было. Пришла мысль обратиться за советом в Союз офицеров. Не откладывая дело в долгий ящик, поехали туда. В помещении Союза офицеров мы застали человек 20—25 офицеров. Сразу же стало ясно, что их намерения те же: надо что-то предпринять для отпора большевикам.

Но вот появился тонный Генштаба генерал-лейтенант князь Друцкой⁸⁰ и совсем не тонно начал мямлить о том, что обстановка еще

не выяснилась, что Московский отдел Союза не имеет никаких инструкций из Главного центра и что «надо выждать, как развернутся события». Когда генерал кончил говорить, поднялся молодой, невысокого роста Генштаба подполковник Дорофеев и стал горячо возражать князю: петроградские большевики пытаются захватить власть вооруженной силой. Здешние — открыто готовятся к вооруженному выступлению. Московские власти активны на словах и пассивны на деле. Никаких предварительных мер для обеспечения порядка не предпринимается. Успех большевиков грозит гибелью России. Поэтому мы не имеем права ждать, как развернутся события; наш долг на них влиять. Необходимо немедленно, пока еще не поздно, приступить к организации сопротивления большевикам. Таков приблизительно был смысл слов, сказанных Дорофеевым. Его поддержали другие. Никто не защищал точку зрения Друцкого. Сам он хотя и пытался отстаивать свое мнение, но делал это как-то вяло, нехотя, как будто чего-то недоговаривая.

Теперь я склонен допустить, что он, зная лучше всех нас, присутствовавших тогда на собрании, настоящую цену Рябцеву и всему его штабу в целом, зная лучше всех нас политическое соотношение местных сил и закулисную игру партий, чувствовал, что нам в нашем предприятии не на кого будет опереться, а потому и относился скептически к нашим замыслам. Действительно, вскоре образовавшийся Комитет общественной безопасности (КОБ) составил исключительно из представителей «социалистической демократии», почтительно именовавших мятежников «товарищами большевиками» и видевших в каждом офицере «черного реакционера». Вот каковой оказалась наша политическая «опора». Повторяю, теперь я допускаю такое объяснение позиции, занятой Друцким, но в тот момент она вызвала во всех присутствовавших только некоторое раздражение, смешанное с иронией. В конце концов Дорофеев предложил собраться еще раз, но уже не в помещении Союз офицеров, а в стенах Александровского училища. На том и порешили.

В назначенное время в одной из классных комнат училища собралось человек 30 офицеров. Князь Друцкой открыл собрание, но особенно ничем себя не проявлял, — инициатива явно переходила к подполковнику Дорофееву и всецело поддерживавшему его полковнику Хованскому⁸¹. О Рябцеве и его штабе было сказано немало кислых слов. Бездействие командующего войсками выставлялось одной из причин, требующих нашей немедленной самоорганизации. Возражений и споров не было. Чувствовалось единодушие и желание действовать. Дорофеев предложил собравшимся не покидать стен училища, что и

было безоговорочно принято. Не помню, чтобы собрание как-то выбирало Дорофеева и Хованского. Мне кажется, что это произошло само собой. Они были инициаторами, старшими из присутствующих по чину. Друцкой молчаливо предоставил им играть первую скрипку.

Очевидно, Дорофеев и Хованский, вместе с Друцким, еще до начала собрания договорились с администрацией училища о нашем пребывании в его стенах, т. к. хорошо помню, что ужинали в тот вечер в училищной столовой, а ночь провели на нормальных койках, снабженных постельным бельем и одеялами.

К концу собрания было решено сзывать офицеров, находившихся в Москве, для присоединения к нам. Зазвонили телефоны. Большинство из нас, разбившись на маленькие группы, разошлись по соседним улицам для того, чтобы приглашать встречаемых офицеров явиться в Александровское училище. Конечно, из-за нашей малочисленности такой способ мобилизации офицеров не мог дать больших результатов, но все-таки что-то дал — на следующий день училище казалось более оживленным. Мы с двоюродным братом прошли по Арбату до Плющихи, встретив всего десятка два офицеров. Вернувшись обратно, сразу попали в небольшую компанию офицеров, отправляющихся на грузовичке в район Старых Триумфальных ворот в какой-то гараж для захвата автомобилей. Поездка прошла без инцидентов, но и без особой удачи — гараж оказался почти пустым. Удалось, кажется, забрать одну машину. Так началась для нас «Московская неделя».

Теперь, через 50 лет, трудно вспомнить даты, а иногда и установить последовательность событий, особенно мелких из них. В памяти остались лишь отдельные картины. Помню, например, как пришлось, в составе патруля, ходить по домам, справляться у дворника и по домовою книге, живут ли в них офицеры, подниматься в офицерские квартиры и уже не приглашать, а передавать приказ, чтобы обнаруженные таким образом лица присоединялись к патрулю и затем являлись и в училище. (Это было устное приказание Дорофеева, строго говоря, «революционного» порядка. Действие «приказа» распространялось лишь на прилегающие к училищу кварталы. — С. 3.) Пришлось побывать в Университете (в новом здании) и видеть очередь студентов, ожидавших раздачи оружия. Пришлось зачем-то попасть в городскую думу, где царили неразбериха и бестолковщина. Однажды встретили на Арбате группу человек в 7—8 офицеров-летчиков. Среди них оказался наш старый знакомый поручик Л. Остановились поговорить. Не сомневаясь, что они тоже из Александровского училища, спросили, какое задание на них возложено, и получили неожиданный ответ: «Ниоткуда никаких заданий получать не собираемся, но на

всякий случай держимся вместе». Таких групп, видимо, было немало. Мельгунов, упоминая о них, ссылается на разведку Военно-революционного комитета, которая «постоянно отмечает в разных местах наличие офицерских групп и 7—10—15 человек, как бы не связанных с центром и действующих самостоятельно» (в этой статье все ссылки на Мельгунова относятся к его книге «Как большевики захватили власть». — С. 3.).

По Мельгунову, 27-го в Александровском училище происходило совещание «представителей воинских частей, желавших поддержать Вр. Правительство, которое было создано в экстренном порядке... по инициативе членов Совета Офицерских Депутатов». «Характерной чертой собрания является крайне враждебное отношение к командующему войсками, которого тщетно пытаются долгое время отыскать». Ссылаясь на небезызвестного Эфрона, Мельгунов отмечает, что на этом «шумном и беспорядочном собрании создаются роты «по сто штыков», выбираются начальники и устанавливается выборное общее командование, вручаемое полковнику Генштаба Дорофееву».

Мне почему-то не запомнилось такое особенно «шумное и беспорядочное» собрание. Может быть, в этот момент я был вне стен училища, находясь в каком-нибудь патруле, а может быть, такого собрания, если понимать под этим словом некое организованное собрание людей с председателем и секретарями, и совсем не было. Последнее, пожалуй, вернее. Дело в том, что Дорофеев, занимая отдельное помещение, иногда появлялся в залах, где находились офицеры, и делал сообщения в информационном порядке. В таких случаях некоторые из присутствующих задавали вопросы, а иногда высказывали свое мнение. Так, например, когда речь заходила о Рябцеве, то слышались возгласы: «Гоните его в шею, что вы церемонитесь с этим мерзавцем». Можно предположить, что после «частного совещания представителей воинских частей», которое происходило в штабе Дорофеева без участия всех присутствующих в училище офицеров, он, выйдя в общий зал, сделал сообщение по этому поводу и указал на необходимость приступить к формированию рот. В тот момент такое заявление могло быть встречено только с энтузиазмом. Единодушные громкие приветствия можно было, без всякой натяжки, принять и за единогласное избрание, которое если и имело место, то, вероятно, в штабе Дорофеева на совещании представителей воинских частей.

Мельгунов не поясняет, что он подразумевает под термином «общее командование». Несмотря на резко враждебное отношение к нему обитателей Александровского училища, Рябцев оставался командующим войсками округа, значит, в полном смысле слова, общее командование

оставалось за ним. Поэтому термин, употребляемый Мельгуновым, скорее всего, означает оперативное подчинение Дорофееву (уже возглавляющему офицеров-добровольцев) юнкеров Александровского училища. Кстати, Александровское училище было самой многочисленной и лучше всего организованной частью с нашей стороны. Естественно заключить, что его представители находились в штабе Дорофеева. Были разговоры о том, что начальник училища генерал-майор Михеев отказался включиться в нашу акцию и, держа нейтралитет, засел в «бест» — в свою квартиру.

Как формировалась та рота, в которую я попал, и как в ней «выбирались начальники», я хорошо помню. Дорофеев вызвал к себе старших в чине обер-офицеров. Вскоре один штабс-капитан вернулся и крикнул: «Господа офицеры, мне поручено сформировать роту. Кто хочет быть в ней, пожалуйста к этой стене» — и указал на одну из стен зала, в котором мы находились. Вдоль указанной стены быстро набралось достаточное количество офицеров. Раздалась команда «становись», и, после произведенного расчета, рота была разбита на взводы, для которых ротный «выбрал» командиров из старших в чине. Тем, кто еще не имел винтовок, их выдали. Все мы рассовали полученные обоймы по карманам и сразу же выступили. Командир роты уже имел задание очистить перекресток Никитской и Знаменского переулка от красных. Оттуда слышалась беспорядочная стрельба.

Рота разбилась на две цепочки и стала продвигаться к намеченной цели по обоим тротуарам переулка. Чем ближе мы подходили к перекрестку, тем сильнее становилась стрельба. Пули непрерывно лязгали по мостовой, шлепались в стены домов. В узком переулке казалось, что огонь идет не только со стороны Никитской, но и из тех домов, мимо которых мы проходили. Поэтому часть роты была послана для обыска соседних дворов и помещений. Наконец головы цепочек достигали перекрестка. В тот же момент я услышал крик и, обернувшись, увидел, как высоко в воздух взвилась зеленая фуражка. Шедшему сзади меня пограничнику пуля попала сквозь козырек фуражки прямо в лоб. Бедняга был убит на месте. Почти одновременно тут же, посередине мостовой, остановился учебный лафетный пулемет, подвезенный «на рысях» несколькими офицерами, и прапорщик, баронесса де Бодэ, стала посылать на Никитскую очередь за очередью.

Под аккомпанемент пулемета головные цепочки, вместе с командиром роты, перебежали улицу и, разбив прикладами окна какого-то колбасного магазина, проникли внутрь его. За ними последовали другие. Стрельба сразу стихла. Обыскав все прилежащие дома, выходящие окнами на Знаменский переулок, ничего, кроме расстрелянных гильз,

в них не нашли. Только на площадке одной из лестниц обнаружили большую лужу крови. Большевики бежали, не приняв боя. Раздраженные смертью пограничника, офицеры хотели их преследовать, но были удержаны командиром роты, сказавшим, что он имеет категорический приказ: очищенный от красных перекресток охранять и не двигаться дальше. Позже мне пришлось участвовать в обороне площади храма Христа Спасителя, а затем Охотного Ряда. В обоих случаях нам не позволялось атаковать, мы только должны были удерживать наши позиции, что не представляло большого труда⁸².

Д. Одарченко

КАК ПОЛОНИЛИ МОСКВУ⁸³

С занятием Кремля стало возможным определить довольно точно район, находившийся в обладании юнкеров. При этом, однако, следует иметь в виду, что нашей целью было расширить занятый район и пробиться к окраинам и вокзалам, со стороны же большевиков обнаружилось стремление выбить нас из занимаемой нами части города и тем уничтожить всякое сопротивление, иными словами — занять весь город. Так что граница то и дело менялась и, надо сказать, имела тенденцию к расширению района, занятого противобольшевистскими силами.

Большевики наступали довольно осторожно, стараясь обойтись усиленным ружейным и пулеметным огнем (а впоследствии и орудийным), не доводя дела до рукопашного боя.

Эта осторожность объясняется неуверенностью и боязливым настроением большевистского воинства. Уверенности в себе и в своей победе оно не имело.

* * *

Числа 28-го, 29-го положение юнкеров стало более определенным и крепким; потянулись связи между отдельными группами; менее стало слухачей, все положение как-то оформилось. Но наряду с этим обнаружился зловещий недостаток патронов. Расходование их, и без того очень скудное, пришлось свести до минимума; появилась угроза остаться вовсе без патронов.

Временно этот недостаток был восполнен благодаря подвигу двух братьев, корнетов Н-х, одного из гусарских полков.

Дело было так: не стало патронов, братья корнеты вызвались их достать. Оделись по-«товарищески», настукали на машинке «мандат» и требование 14 тысяч патронов из складов Симонова монастыря; отправились туда.

Бьют себя в грудь и по столу кулаками, требуя у большевиков, владеющих складом, выдачи патронов, уверяя, что присланы «товарищами» откуда-то из-под Красных Ворот, где «мы-де ведем бой с белогвардейцами». Добиваются получения ящиков с патронами, грузовика и провожатого; доехав до Крымской площади, этого провожатого сбрасывают и торжественно въезжают в наше расположение, везя с собой драгоценный груз.

Хотя недостаток патронов и не явился прямой причиной неудачи противобольшевистских сил, тем не менее, отрезанные от вокзалов и окраин, где помещались склады, юнкера должны были бы рано или поздно отказаться от дальнейшей борьбы из-за недостатка патронов. Чтобы избежать этого, оставалось одно: постараться захватить склады на окраинах и пробраться к вокзалам, иначе говоря — совсем выгнать большевиков из Москвы. Такой план — правда, довольно смелый — имел тогда много шансов осуществиться и, насколько мне известно, он-то и составлял задачу нашего командования, если вообще была какая-нибудь задача у нашего командования и если вообще было таковое.

Говорю так оттого, что, на мой взгляд, и сама гибель произошла от полного безначалия: дело в том, что главным начальником всех противобольшевистских сил считался почему-то полковник Рябцев, находившийся в Лефортове и тем самым лишенный возможности не только приказывать что-либо, но даже давать сведения о себе.

У нас же — в «Художественном» кинематографе и Александровском военном училище — начальствовал полковник А.Н. Трескин (одного из полков Варшавской гвардии), человек дельный и энергичный; генералов же я видел только лишь одного — старика Ц., но он почему-то был в стороне и никакой командной должности не занимал. Чем объяснить это отсутствие генералов — ума не приложу; а ведь если бы во главе движения стал какой-нибудь популярный генерал — многие пошли бы за ним.

* * *

Уже неделю шли бои: боролись из-за домов и улиц, рыли поперек улиц окопы, делали перебежки, перестреливались; к 1 ноября большевиков во многих местах значительно потеснили. Появилась

надежда на подкрепление: корнет В.Н. М-в, одного из драгунских полков, в штатском платье поехал в Тверь звать Тверское кавалерийское училище; таковое и выступило походным порядком, ввиду отказа Викжеля перевезти его, но до Москвы не дошло, так как все уже было кончено.

Улицы имели вид грязный и запущенный; там, где не было столкновений, — улицы были пустынными. Первые дни еще публика ходила и глазела, но затем, увидав, что дело было серьезно, предпочла отсиживаться по домам. Особенно заботились об этом «домовые комитеты», кои всеми доступными им средствами старались удержать непоседливых дома и завели с этой целью даже особые пропуска, на случай крайней необходимости кому-нибудь покинуть пределы своего дома.

Так сидели одни и боролись другие.

А борьба все шла; количеству и техническим и материальным средствам большевиков была противопоставлена отвага и стойкость юнкеров, студентов, офицеров и гимназистов.

Обстановка жизни наших бойцов в эти дни была куда как тяжела. Или бои — столкновения нудные, из-за угла; или стояние по суткам где-нибудь на углу улицы. Редко — сон: в кинематографе, в училище, а то чаще в подворотне, парадном или прямо на улице; редко забегали домой (и то лишь кто жил в занятом нами районе). Еда — об ней мало думали, а по большей части — папиросы и папиросы. Горячей пищи, чаю — не было в помине.

И так — десять дней. Десять дней без сна, без отдыха, без пищи, а главное — с очень смутной надеждой на будущее.

Было лишь одно — сознание долга.

Последние два дня большевики, продолжая обстрел, вели себя вяло: у них не только не было уверенности в победе, но даже наоборот: так, в штабе «товарища» Ломова (одного из большевистских главарей), помещавшемся в кинематографе «Олимпия», на Александровской улице, считали дело проигранным, и, как мне это рассказывал потом один офицер, живший в том районе, когда к ним приходили из вышеупомянутого штаба с обыском, то говорили очень мрачно, что «...нас-де все равно повесят».

* * *

Последний день я был на Поварской; в патруле нас было 9 человек. После дня, проведенного в перестрелке, к вечеру все затихло. Стемнело...

Вдруг шум автомобиля... сидящие в нем офицеры говорят пароль и объясняют, что едут... для мирных переговоров. Все ошеломлены; но автомобиль торопится; пропускаем.

Один из наших изъявляет желание пустить пулю в спину этим парламентарам, другие его удерживают... Настроение резко падает... Мир... Конеч... Знали, какой «мир» с большевиками...

Под утро пришла смена. Усталые, подавленные, возвращаемся в «Художественный». Там настроение убийственное; никто ничего толком не знает; говорят одно: «мир» и «мир».

Выясняется: полковник Рябцев из Лефортова приказал прекратить военные действия и вступил в переговоры с большевиками; Трескин, тоже полковник, считая себя младшим, подчиненным, — счел своим долгом подчиниться приказанию Рябцева. Наша же дальнейшая судьба — неизвестна.

В итоге — несмотря на блестящую военную обстановку, несмотря на ожидание помощи извне (Тверское училище), несмотря на желание участников бороться до конца, — «мир» был заключен 3 ноября по старому стилю; где и кем он был подписан — мне остается неизвестным.

* * *

Мои личные воспоминания о конце таковы: проснувшись уже поздно утром 3 ноября в темной комнате кинематографа, я вышел в фойе и увидал, что там почти совершенно пусто; на улице, перед выходом, строились последние шеренги и уходили в направлении Александровского училища. Все были при оружии, говорили мало... «идем разоруженные». Порядок полный. Я шел в последнем ряду, кругом, по обе стороны — цепи красногвардейцев; за ними — толпа любопытных, но главное — родственники и близкие наши. Большевики, считаясь с тем, что у нас было еще оружие, ограничивались лишь ругательствами: «Помещичьи сынки!», «Корниловские прихвостни!» — и площадная брань.

Трудно описать, что творилось в училище; пока был дух, пока бодрость — была бодрость и порядок; теперь же сказались бессонные ночи, утомление боев, недоедание и все, что пришлось пережить в эти дни. А главное — не было воды; помню, с каким вождением смотрел я на двух офицеров, евших яблоки...

Приказали сложить винтовки... сложили; выстрел — кто-то застрелился; с прапорщиком М-ром — припадок нервный: кричит и жестикулирует. Другие бродят как тени.

* * *

Большевики выпустили из Александровского училища всех — мне, по крайней мере, не известны случаи расстрелов и убийств тогда; но побои и издевательства были.

Однако уже на следующий день начались аресты среди участников, а потом и расстрелы.

Тогда начали разъезжаться; некоторая часть пробралась на Дон, в Ростов и Новочеркасск, и положила начало Добровольческой армии. Около того же времени состоялись «красные похороны» «героев октябрьской революции» — хоронили около двух тысяч человек; были митинги, речи.

Погибших юнкеров, студентов, офицеров, гимназистов и кадет хоронили на Братском кладбище; хоронили в простых гробах; венки из ели; шел дождь...

Забросали их елками,
Замесили их грязью..

...И знаю, что эти люди боролись во имя, быть может, неопределенных, но светлых, высоких идей; что они первые поняли, что такое большевики и что с ними нужно бороться насмерть; что в душах своих эти люди носили Бога.

*М. Нестерович-Берг*⁸⁴

В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ⁸⁵

...Между тем все чаще и чаще заходили в «Дрезден» вооруженные солдаты, а рабочие стали выбрасывать из гостиницы всех частных жильцов, захватывая их помещения. Вскоре очередь дошла и до военных организаций — за исключением нашего Союза, с которым все же Совет считался. В один прекрасный день гостиницу «Дрезден» объявили реквизированной, навезли телефонов, пулеметов, много разного оружия. Видно было, что здание превращается в некий штаб. О чем думало в те дни Временное правительство и командующий московскими войсками полковник Рябцев — не знаю. Тогда же появилось в гостинице множество евреев и евреек, занявших в третьем этаже несколько комнат, и в первый же день по их водворении, — если только память мне не изменяет, — стала выходить «Правда», в которой сразу, на первой же странице, появился призыв к избиению

офицеров и буржуев, причем генералы Алексеев, Корнилов и все остальные объявлялись изменниками народа. Я никак не могла понять, что же, наконец, происходит, как Временное правительство позволяет издавать такую газету. Когда я передала ее нашим солдатам, все члены комитета⁸⁶ были в сборе. Кроме того, было несколько солдат из нашей команды, с винтовками. Солдаты решили разгромить преступную редакцию. Я, конечно, не старалась их удерживать, напротив, советовала не медлить. Солдаты побежали наверх.

Не прошло и пяти минут, как раздался страшный шум: ломалась мебель, рвались газеты, а по лестнице сыпались члены редакции, крича: «Товарищи, разбой». Помню, как Крылов бил какого-то еврея на лестнице, приговаривая: «Это за Алексеева, это за Корнилова, от русских солдат...»

Видя, что делается, я позвонила по телефону в нашу команду, в то время расположенную в цирке Соломонского, прося о помощи: комитет наш, несомненно, подвергался опасности. Вскоре, действительно, явились вооруженные солдаты из Совета. К этому времени наша команда, успев совершить все, что полагалось, спокойно сидела в комитете, где находилась тогда графиня В. Бобринская. Советская солдатня и рабочие вошли к нам и, не говоря ни слова никому из членов комитета, подошли ко мне и к графине Бобринской и заявили, что мы арестованы. Я насмешливо удивилась: «Не может быть!» А члены комитета тут же взяли в руки винтовки, обступили меня и графиню Бобринскую и потребовали немедленного удаления вооруженных рабочих. В ту же минуту явилась наша подмога, человек двадцать вооруженных винтовками комитетских. Начались пререкания. «Мы должны увести арестованных», — заявил один из рабочих, указывая на меня и на графиню. «Разойдись, сволочь этакая, — крикнул Крылов, — перестреляем вас тут, как собак...» Рабочие убрались, но явился какой-то латыш, член Совета, и потребовал, чтобы мы приказали команде разойтись. Но, поняв, что ссориться с нами не в их интересах, член Совета извинился предо мною, говоря, что никакого распоряжения арестовать меня Совет не давал. Так этот эпизод был ликвидирован.

Зато вечером, на заседании Совета, наш комитет обзывали «корниловской сволочью, старорежимниками, которых нужно разогнать», и т. д. Когда же член нашего Союза спросил, зачем реквизирована гостиница «Дрезден», то ему ответили, что Совет распоряжения не давал и о том, что туда оружие свозят, ничего не знал.

15 октября «Дрезден» был совсем захвачен рабочими и превращен в военный штаб. В Московском Совете все ночи напролет происходи-

ли заседания; к зданию Совета подкатывали грузовики, наполненные оружием, и доставлялись пулеметы. Отсюда оружие развозилось в разные части Москвы, особенно — в рабочие кварталы. Что же делал в эти дни полковник Рябцев?

* * *

20 октября у нас было тайное совещание, на нем присутствовало много офицеров. Мы решили потребовать для вооружения нашей команды 3000 винтовок и большое количество патронов. Официально это оружие предназначалось для нашей команды, конвоировавшей пленных на фабрики. Приказание на выдачу нам оружия мы получили из штаба. Председатель Крылов отправился с солдатами в арсенал; им заявили, что 21 утром можно прислать грузовик, и оружие будет выдано. Я довела об этом до сведения офицеров через корнета Нелюбовского, а сама отправилась в Белостоцкий госпиталь.

21 октября был послан грузовик и наряд солдат, с Крыловым и секретарем Союза Бутусовым. Все шло отлично, оружие погрузили. Но вдруг пришло заявление командующего войсками: оружия нам не выдавать. Почему полковник Рябцев изменил свое предыдущее решение, мы не могли узнать в штабе, а сам он отказался нас принять. Напрасно добивался комитет и того, чтобы быть принятым дежурным генералом. Никакие уговоры не подействовали. Между тем все ждали каких-то событий, и в ожидании никто ничего не делал. Большевики, не встречая нигде препятствий, совсем спокойно готовили свое выступление. К счастью, мне удалось до этих событий устроить общежитие для солдат при комитете. Я все перевела на новое место, в Деловой Двор, где была снята квартира на два года у Второва. Я позаботилась и о кухарке для обедов. В день выступления большевиков в «Дрездене» находились только те из наших членов, которые умышленно задержались в гостинице для разведки, да еще оставалось кое-что из обмундировки, которую не успели перевезти в новое помещение.

Накануне выступления большевиков, т. е. 26 октября утром, в комитет пришел корнет Нелюбовский, присланный офицерами, поставившими обратиться за оружием и помощью. Я уверила корнета, что с солдатами он может говорить спокойно: я за них ручаюсь. И действительно, наши солдаты, выслушав корнета, написали офицерам бумагу, в которой заявили о полной с ними солидарности. На бумаге подписался весь комитет вместе со мною. Один из солдат отвез за корнетом Нелюбовским три нагана и несколько ручных гранат.

В Москве было тревожно, всюду ездили вооруженные рабочие на грузовиках с пулеметами, прохожих на улицах не было, магазины закрывались. Команда наша в то время помещалась на Цветном бульваре, в Манеже и в цирке Соломонского. Председатель Крылов предложил нашим офицерам переодеться в солдатские шинели, что и было сделано перед выступлением большевиков.

Утром 26 октября около 11 часов прислали из штаба за нашим комитетом. Отправились председатель Крылов, секретарь Бутусов, казначей Юберт. Полковник Рябцев позвал солдат в кабинет и спросил, можно ли рассчитывать, что комитет станет на защиту Временного правительства. На это Крылов ему ответил, что наши солдаты не стали бы защищать того правительства, которое ведет страну к анархии и засадило в тюрьму лучших генералов, но так как за ошибки правительства не должен страдать народ, бежавшие из плена все-таки выступят против большевиков.

— Теперь вы видите, какую ошибку сделали, не выдав оружия бежавшим, — сказал Крылов.

— Да, но вы забываете, что я всецело подчиняюсь Совету депутатов, — ответил Рябцев.

Вернувшись из штаба в комитет, мы получили точные сведения о том, что против большевиков будут драться военные училища и школа прапорщиков, которыми будут командовать полковники Хованский, Дорофеев и Матвеев⁸⁷.

В гостиницу «Дрезден» привозилось много оружия, устанавливались на Скобелевской площади орудия и пулеметы. Я отправилась в команду поговорить с солдатами, дала им по 25 рублей на человека и по сотне папирос и еще раз убедилась, что это люди вполне надежные. В команде находились и переодетые офицеры, многие были из польской части, были и офицеры, бежавшие из плена, помню между ними поручика Закржевского.

* * *

26 октября, часов в десять вечера, мы находились в нашем «дрезденском» комитете, где нам сообщили, что 56-й и 57-й полки, стоявшие в Кремле, взбунтовались, ранили офицеров и захватили Кремль.

Так началось.

В «Дрездене» было полным-полно вооруженных солдат и рабочих, много еврейской молодежи, вооруженной с головы до ног. Отдавались какие-то распоряжения, поминутно уезжали и приезжали рабочие на грузовиках, привозя с собою арестованных офицеров, быстро

наполнялись ими комнаты «Дрездена». Среди арестованных я заметила много мальчиков-кадет. «Дрезден» оказался первой тюрьмой для бедного офицерства.

За всем, что происходило на Скобелевской площади и у здания Совета, мы могли свободно наблюдать из нашего окна. Наши части с офицерами прорвались к Красной площади в Кремль, выбив оттуда большевиков, и, пройдя через Никитские Ворота, соединились с Александровским военным училищем. Много наших солдат было убито... Несчастные, они вернулись на родину для того, чтобы пасть от русской пули! Пали герои-солдаты в братоубийственной бойне, затеянной негодаями, втянувшими в нее темные русские массы разными заманчивыми посулами! И стены старого Кремля русские рабочие залили кровью русских воинов под указку агитаторов...

Я находилась на Красной площади с солдатом Андриенко, перевязывала раненых, а в два часа ночи с каким-то священником вернулась в комитет. Все перемешались, нельзя было понять, кто за, кто против большевиков. Привозили все больше и больше арестованных офицеров. В зале ресторана «Дрездена» столько их скопилось, что стояли вплотную друг к другу, по коридорам бродили пьяные матросы и рабочие. Были даже какие-то женщины с винтовками.

Поминутно входили в комнату солдаты, предлагая нашим солдатам водки. Поздно ночью пришел корнет Нелюбовский, страшно уставший; он рассказал, как дрались наши солдаты. Мы снабдили корнета удостоверениями, для него и офицеров Белостоцкого госпиталя, о том, что они бежавшие из плена. Всю эту ночь просидели мы в комитете и все время приходили солдаты за документами. Я все собиралась в Александровское училище, но меня не пустили солдаты. По улицам шла стрельба; я передала к себе домой по телефону, что нахожусь в комитете.

Председатель Крылов подал мысль попытаться освободить арестованных офицеров в «Дрездене». Никто не знал, что происходит, кого слушать, кто приказывает; эту минуту можно и должно было использовать, освободив хотя бы часть офицеров, — ведь почти все красноармейцы были пьяны! В комитете сохранилось много бланков «Совета депутатов» с печатями; удалось стереть резинкой написанное и написать следующее: «Выдать товарищу Иванову арестованных офицеров для перевода в более надежное место». Подпись была вымышленная. Освобождением офицеров занялись председатель комитета Крылов, Юберт и унтер-офицер Андриенко.

Результат получился блестящий. Солдаты переоделись и приняли вид бандитов, вооружились винтовками и ручными гранатами и отправились в ресторан, где находились арестованные. Я пошла с ними, рабо-

чие и матросы посмеивались, называя меня «товарищем», да и не могло быть никого другого в «Дрездене». Вид у наших переодетых солдат был страшноватый. Крылов подал бумагу старшему красноармейцу. Тот прочел ее и сказал:

— Берите, товарищ, эту сволочь, потопите ее в Москве-реке.

Нужно было спешить. Могли прийти из Совета, и тогда нам крышка. Крылов забрал бумагу, подписанную красноармейцем. Солдаты вошли в зал, где были заперты офицеры, я остановилась в дверях, наблюдая за происходящим.

— Выходи, сволочь, — грозно крикнул Крылов, — да поживей!

Бледные, как тени, стали выходить офицеры в коридор. Тут Юберт, увидев командира своего полка и желая его спасти, схватил его за рукав и грубо вытолкнул за двери в коридор. Я торопила солдат, так как очень за них боялась.

— Ступай, — скомандовал Крылов.

Офицеров было двадцать человек. Главная трудность теперь состояла в том, чтобы выйти из «Дрездена». Накинув пальто и повязав голову какой-то тряпкой, я выбежала на улицу. Скорей, скорей! Лишь бы выбраться из этого проклятого красного штаба. За мной поспешили еще два наших солдата. Очутившись на Тверской, мы могли сказать: «Спасены», но что пережили офицеры, не знавшие, что их спасают! Они шли молча, наши солдаты тоже не разжимали уст. Наконец Крылов попросил меня объявить офицерам, что мы их спасли.

Мы направлялись к Деловому Двору, к себе в комитет. Вмешавшись в группу офицеров, я тихим голосом стала говорить: «Будьте покойны, ничего не бойтесь! Хотим спасти вас. Ведут вас бежавшие из плена, исполняйте быстро все, что они вам скажут».

Кто-то из офицеров ответил:

— Хорошо, сестра Нестерович.

По улицам идти было опасно, встречались группы вооруженных рабочих, подходивших к нашим солдатам с расспросами — кого ведем. Крылов скомандовал разделиться на три группы. Каждая направлялась другой дорогой в Деловой Двор. У подъезда стоял солдат Союза с винтовкой, быстро прошли все наверх в комитет. Я расплакалась:

— Господа офицеры, вы спасены.

То, что произошло в комитете, описать трудно. Стояли бледные наши солдаты, Крылов попросил коньяку, говоря, что легче было убежать из Германии, чем из гостиницы «Дрезден». Офицеры не знали, как благодарить солдат. Командир Юберта целовал его, узнав, что случилось. Многие офицеры говорили, что когда увидели меня, то все поняли...

Не теряя времени, офицеры стали переодеваться в солдатскую форму. Крылов предложил выйти целой группой на улицу, чтобы освободить еще партию офицеров. Все согласилось. Остались в комитете только офицеры, старшие годами.

Образовалось две группы по семь человек, переодетых бандитами. Одна группа отправилась в сторону Кремля, другая, с Крыловым, к Скобелевской площади. Я осталась в комитете прилечь. Было уже шесть часов утра. Приблизительно через два часа пришла группа с Андриенко и капитаном Карамазовым, привели с собою восемь офицеров. Спустя час вернулись и другие, с Крыловым, и привели пять офицеров, отбитых от каких-то студентов. Все офицеры переоделись, получив наши удостоверения, винтовки и патроны, пошли пробиваться в Александровское училище. Я на минутку поехала к себе, но сейчас же вернулась в комитет, ибо хорошо знала, что в Александровском училище еды мало, а у нас были большие запасы.

Решили доставить продовольствие в училище. Я переоделась в форму сестры, которую никогда не носила, и под градом пуль стала пробираться вдоль домов. На улицах было много убитых, особенно на Страстном бульваре. До комитета я добралась благополучно, снабдила солдат салом, мясными консервами и необходимым количеством хлеба, а сама захватила с собой большую бутылку йоду и бинтов. Затем мы пробрались к Александровскому училищу. Полковник Дорофеев находился как раз там и обрадовался нам. Мы рассказали, где и какие силы у большевиков, в каких частях города находятся орудия и т. д. Полковник Дорофеев просил меня оставить ему солдат, которые будут нужны ему как разведчики, на что солдаты охотно согласились, но они боялись пустить меня обратно одну.

— А как же пойдет Марья Антоновна?

Полковник им ответил:

— Да не бойтесь, с нею Бог.

Возвращалась я мимо Охотного Ряда, где происходил небольшой бой. Мне пришлось быть свидетельницей очень тяжелой и дикой сцены. В Охотном Ряду около одного из лотков лежал тяжело раненный юнкер с простреленной грудью и желудком. Я нагнулась над ним, думая, что смогу ему оказать помощь. Раненый был без сознания. Передо мною, как из-под земли, выросли два красноармейца с винтовками. Закричали:

— Что эту сволочь перевязывать! — и штыками винтовок прокололи грудь юнкера.

Я кричала, что раненых не добивают, на что один из них мне ответил:

— Теперь такая мода, ведь это буржуй, враг народа.

Не знаю, как я дошла до гостиницы «Метрополь», — я знала, что там есть вооруженные наши солдаты.

Когда я вернулась в комитет, все испугались моего вида. Как я ни протестовала, Крылов заявил, что мне больше не позволит выходить, солдаты все сделают сами.

Я попросила отправить папиросы в училище. Взаясь за это дело Сузук. Папирос у нас было много. Солдаты набрали в мешки столько, сколько можно было снести, и отправились в училище, чтобы заодно доставить также сведения об артиллерии на Воробьевых горах. Такие переходы были опасны, все время нужно было идти под градом пуль. Затем Крылов сообщил мне, что совет, т. е. большевики, приказал нам убраться из «Дрездена» и что рабочие забрали находящиеся там 30 пар сапог совсем новых, которые я купила, и 40 шапок. Оставили свои рваные, надев наши новые. Я предложила Крылову сейчас же поехать в Совет, что мы и сделали.

Нас принял какой-то член исполнительного комитета, вольноопределяющийся еврей, которому я заявила, что красноармейцы нас ограбили.

— А вам какое до этого дело? — спросил меня член исполнительного комитета.

Тут я вспыхнула.

— Как — какое дело? А кто достал эти вещи, кто дни и ночи собирал гроши, чтобы помочь пленным, как не я?

— Успокойтесь, успокойтесь. Кто вы такая?

Крылов объяснил, кто я.

— Хорошо, сейчас же выдадут вам 30 пар сапог из нашего склада, а вместо шапок получите 20 шинелей.

Последнее весьма пригодились нам для офицеров.

Бои все разгорались. Юнкера заняли Театральную площадь, гостиницу «Метрополь». Здесь очень помогли солдаты. Но силы большевиков значительно увеличивались, в то время как ряды сражавшихся против большевиков уменьшались, теряя убитых и раненых.

Наш комитет возмущался: что делают офицеры? Почему не идут все в училище? Чего ждут и на кого надеются?

В Москве было тогда зарегистрировано около 55 000 человек с боевым прошлым, принимавших участие в мировой войне, и много других незарегистрированных. Если бы они все вышли на улицу — то представляли бы силу, с которой большевики вряд ли справились.

В свое время петербургский Генеральный штаб предупредил офицеров секретным приказом о том, что большевики готовят им резню. Ясно указывалась необходимость сорганизоваться и привлечь к себе

наиболее надежных солдат. А дрались дети, юнкера, кадеты, гимназисты и небольшая часть офицеров-героев! Куда же девались русские люди, кричавшие прежде о Царе и о Родине?

Я не могла вернуться к себе, важные дела требовали моего присутствия в комитете. Туда с улицы, где шел бой, приходили офицеры отдохнуть, поесть и возобновить запас патронов. Они сообщали все новости. Так мы узнали, что формируется добровольческая армия во главе с генералом Алексеевым, не то в Кисловодске, не то в Новочеркасске. Эта затея меня тотчас заинтересовала, я предложила послать солдата к Алексею сообщить о нашем Союзе и получить указания, как действовать. Денег в моем личном распоряжении было достаточно. Вскоре и поехал унтер-офицер Хоменко. В письме мы просили генерала Алексея выслушать нашего представителя и принять от него 3000 рублей на армию. Письмо все подписали. Вечером 28 октября Хоменко уже выехал в Новочеркасск.

Я была очень измучена, еле ходила и решила отдохнуть у себя. Но по Арбату двигаться было нелегко. Я была в форме сестры, в карманах йод и бинты на всякий случай, да несколько сот папирос (авось встречу наших солдат).

Пройти на Арбат было трудненько, я пробиралась часа четыре. Наконец на Арбате, встретив отряд юнкеров, я дала им папирос. Как обрадовались, не курили вторые сутки! Всех домашних поразил мой приход. Не знаю, на что я была похожа, знаю только, что невероятно грязна.

Началась обычная для тех времен жизнь, с дежурствами домовых комитетов на лестницах. Из дому нельзя было высунуть носа, над Арбатом все время летали артиллерийские снаряды, направляемые в Александровское училище и попадавшие в частные дома. День и ночь шла пальба. Велика была моя радость, когда ночью, во время оружейной стрельбы, сидя на лестнице и услышав стук в дверь, я увидела юнкеров. Кто-то из нас отпер.

— Здесь живет сестра Нестерович?

— Здесь. Что вам угодно?

— Мы хотели узнать, жива ли она; говорили, будто убита на Театральной площади.

Я хотела сейчас же бежать с ними в училище, но домашние удержали. Ночь провели мы на лестнице в дежурствах, а под утро разошлись по квартирам — поспать немного. Только и думалось о том, как бы пробраться в комитет или в училище. К тому же один купец обещался дать 2000 рублей. Жаль было терять эту сумму. Пригодилась бы теперь.

Наконец я решила во что бы то ни стало убежать из дому... В 9 часов утра мой и след простыл. Все еще спали, когда я ушла, оставив за-

писку на столе: «Ухожу в комитет. Когда вернусь, не знаю. Целую. Ваша Мушка».

Когда я пришла к купцу за обещанными деньгами, — не помню теперь, кто это был, — жертвователю мой немалое удивился.

— А я боялась, не раздумали бы дать...

— Нет, сударыня, за храбрость вашу добавлю еще три тысячи, получите пять.

Как я торжествовала, деньги были очень нужны. Ведь из комитетских сумм нельзя было брать...

Часа в два я попала в комитет. Солдаты шумно обрадовались. Крылов рассказал, что обошел все рабочие кварталы: много народу присоединяется к большевикам, идет к ним четыре тысячи рабочих из Петрограда; горсточке наших героев не выдержать! Я просила Крылова напечатать побольше удостоверений о принадлежности к нашему Союзу.

Что-то тянуло меня в Александровское училище, хотя солдаты и не хотели пускать. Взяв с собою три фунта сала, я все-таки вышла, да напрасно. Продолжалась сильная пулеметная и ружейная перестрелка. До позднего вечера я пряталась в подворотнях. Лишь поздно вернулась домой на Арбат, опять не попав в училище.

Москва переживала ужасные дни. Я узнала, что в Александровском училище два дня все не ели, а пробраться туда не было никакой возможности. Как львы, кряду восемь дней дрались герои-патриоты, которых оказалось так мало в России. На восьмой день полковник Рябцев сдал Александровское училище и поручился за безопасность всех в нем находившихся. Всюду было слышно: измена, измена.

В Александровском училище те, кто были там, решили — прямо на Дон, к Каледину, или — соединиться с Корниловым, пробивавшимся со своими текинцами из Быхова тоже на Дон. Решили искать помощи в комитете бежавших.

С. Эфрон⁸⁸

ОКТЯБРЬ

(1917 год)⁸⁹

...Когда б на то не Божья воля, не отдали б Москвы!

Это было утром 26 октября. Помню, как нехотя я, садясь за чай, развернул «Русские Ведомости» или «Русское Слово», не ожидая, после провала Корниловского выступления, ничего хорошего.

На первой странице бросилась в глаза напечатанная жирным шрифтом строчка:

«Переворот в Петрограде Арест членов Временного правительства. Бои на улицах города».

Кровь бросилась в голову. То, что должно было произойти со дня на день, и мысль о чем так старательно отгонялась всеми, — свершилось.

Предупредив сестру (жена в это время находилась в Крыму), я быстро оделся, захватил в боковой карман шинели револьвер «Ивер и Джонсон» и полетел в полк, где, конечно, должны были собраться офицеры, чтобы сговориться о ближайших действиях.

Я знал наверное, что Москва без борьбы большевикам не достанется. Наступил час, когда должны были выступить с одной стороны большевики, а с другой — все действительное, могущее оказать им сопротивление. Я недооценивал сил большевиков, и их поражение казалось мне несомненным.

Мальчишеский задор, соединенный с долго накапливаемой и сдерживаемой энергией, давали себя чувствовать так сильно, что я не мог побороть лихорадочной дрожи.

Ехать в полк надо было к Покровским Воротам трамваем. Газетчики поминутно вскакивали в вагон, выкрикивая страшную весть. Газеты рвались нарасхват. С жадностью всматривался я в лица, стараясь прочесть в них, как встречается москвичами полученное известие. Замечалось лишь скрытое волнение. Обычно столь легко выявляющие свои чувства, москвичи на этот раз как бы боялись выказать то или иное отношение к случившемуся. В вагоне царило молчание, нарушаемое лишь шелестом перелистываемых газет.

Я не выдержал. Нарочно вынул из кармана газету, сделал вид, что впервые читаю ее, и, пробежав несколько строчек, проговорил громче, чем собирался:

— Посмотрим. Москва — не Петроград. То, что легко было в Петрограде, на том в Москве сломают зубы.

Сидящий против меня господин улыбнулся и тихо ответил:

— Дай Бог!

Остальные пассажиры хранили молчание. Молчание не иначе мыслящих, а просто не желающих высказаться.

Знаменательность этого молчания я оценил лишь впоследствии.

Мрачное старое здание Покровских казарм. Перед казармами небольшая плац. Обычный будничныи вид. Марширующие шеренги и взводы. Окрики и зычные слова команды: «Взво-о-од кру-у-гом! Напра-а-во!», «Голову выше!», «Ноги не слышу!» и т. д. Будто бы ничего

и не случилось. В то время как почти наверное уже завтра Москва будет содрогаться от выстрелов.

Прохожу в свою десятую роту. По коридорам подметают уборщи-ки. Проходящие солдаты отдают честь. При моем появлении в роте раздается полагающаяся команда. Здравуюсь. Отвечают дружно. Подбегает с рапортом дежурный по роте.

Подходит фельдфебель — хитрый хохол Марченко.

— Как дела, Марченко? Все благополучно?

— Так точно, господин прапорщик. Происшествий никаких не случилось. Все слава Богу.

По уклончивости взгляда и многозначительности интонации вижу, что он все знает.

— Из господ офицеров никто не приходил?

— Всех, господин прапорщик, в собрании найдете. Туда всех со-звали.

Оглядываю солдат. Ничего подозрительного не замечаю и направляюсь в Офицерское собрание.

В небольшом помещении собрания — давка. С большим трудом протискиваюсь в середину. По лицам вижу, что настроены сдержанно, но решительно. Собрание протекает напряженно, но в полном порядке. Это скорее частное совещание. Командиры батальонов сообщают, что по батальонам тихо и никаких выступлений ожидать не приходится. Кто-то из офицеров спрашивает, приглашен ли командир полка (командир полка обычно на собрании офицеров не присутствует. — С. Э). Его ждут с минуты на минуту. До его прихода офицеры разбиваются на группы и делятся своими мыслями о случившемся. Большинство наивно уверено в успехе несуществующих антибольшевистских сил.

— Вы подсчитайте только, — кипит молодой прапорщик, — в нашем полку триста офицеров, а всего в Московском гарнизоне тысяч до двадцати. Ведь это же громадная сила! Я не беру в счет военных училищ и школ прапорщиков. С одними юнкерами можно всех большевиков из Москвы изгнать.

— А после что? — спрашивает старый капитан Ф.

— Как — после что? — возмущается прапорщик. — Да ведь Москва-то это — все. Мы установим связь с казаками, а через несколько дней вся Россия в наших руках.

— Вы говорите как ребенок, — начинает сердиться капитан. — Сейчас в Совете рабочих депутатов идет работа по подготовке переворота, и я уверен, что такая же работа идет и в нашем полку. А что мы делаем? Болтаем, болтаем и болтаем. Керенщина проклятая! — И он, с раздражением отмахнувшись, отходит в сторону.

В это время раздается возглас одного из командиров батальонов: «Господа офицеры». Все встают. В собрание торопливо входит в сопровождении адъютанта (впоследствии одного из первых перешедшего к большевикам) командир полка⁹⁰.

Маленький, подвижный и легкий, как на крыльях, с подергивающимся после контузии лицом, с черной повязкой на выбитом глазу, с белым крестиком на груди. Обводит нас пытливым и встревоженным взглядом своего единственного глаза. Мы чувствуем, что он принес нам недобрые вести.

— Простите, господа, что заставил себя ждать, — начинает он при наступившей мертвой тишине. — Но вина в этом не моя, а кто виноват — вы сами узнаете.

В первый раз мы видим его в таком волнении. Говорит он прерывающимся голосом, барабанив пальцами по столу.

— Вы должны, конечно, все понимать, сколь серьезно сейчас положение Москвы. Выход из него может быть найден лишь при святом исполнении воинского долга каждым из нас. Мне нечего повторять вам, в чем он заключается. Но, господа, найти верный путь к исполнению долга бывает иногда труднее, чем самое исполнение его. И на нашу долю выпало именно это бремя. Я буду краток. Господа, мы — командиры полков, предоставлены самим себе. Я беру на себя смелость утверждать, что командующий войсками — полковник Рябцев — нас предает. Сегодня с утра он скрывается. Мы не могли добиться свидания с ним. У меня есть сведения, что в то же время он находит досуг и возможность вести какие-то таинственные переговоры с главарями предателей. Итак, повторяю, нам придется действовать самостоятельно. Я не могу взять на свою совесть решения всех возникающих вопросов единолично. Поэтому я прошу вас определить свою ближайшую линию поведения. Я кончил. Напомню лишь, что промедление смерти подобно. Противник лихорадочно готовится. Есть ли какие-либо вопросы?

О чем было спрашивать? Все было ясно.

После ухода полковника страсти разгорелись. Часть офицеров требовала немедленного выступления, ареста Главнокомандующего, ареста Совета, другие склонялись к выжидательной тактике. Были среди нас два офицера, стоявшие и на советской платформе.

Проспорив бесплодно два часа, вспомнили, что у нас в Москве есть собственный, отделившийся от рабочих и солдатских, Совет офицерских депутатов. Вспомнили и ухватились, как за якорь спасения. Решили ему подчиниться ввиду измены командующего округом, поставить его об этом в известность и ждать от него указаний. Пока же держать крепкую связь с полком.

Я вышел из казарм вместе с очень молодым и восторженным юношей — прапорщиком М., после собрания пришедшим в возбужденно-воинственное состояние.

— Ах, дорогой С.Я., если бы вы знали, до чего мне хочется поскорее начать наступление. А потом, отдавая должное старшим, я чувствую, что мы, молодежь, временами бываем гораздо мудрее их. Пока старики будут раздумывать, по семи раз примеривая, все не решаясь отмерить, — большевики начнут действовать и застанут нас врасплох. Вы идете к себе на Поварскую?

— Да.

— Если вы не торопитесь — пройдемте через город и посмотрим, что там делается.

Я охотно согласился. Наш путь лежал через центральные улицы Москвы. Пройдя несколько кварталов, мы заметили на одном из углов группу прохожих, читавших какое-то объявление. Ускоряем шаги.

Подходим. Свежеприклеенное воззвание Совдепа. Читаем приблизительно следующее:

«Товарищи и граждане!

Налетел девятый вал революции. В Петрограде пролетариат разрушил последний оплот контрреволюции. Буржуазное Временное правительство, защищавшее интересы капиталистов и помещиков, арестовано. Керенский бежал. Мы обращаемся к вам, сознательные рабочие, солдаты и крестьяне Москвы, с призывом довершить дело. Очередь за вами. Остатки правительства скрываются в Москве. Все с оружием в руках — на Скобелевскую площадь к Совету Р. С. и Кр. Деп. Каждый получит определенную задачу.

Ц.И.К.М.С.Р.С. и К.Д.»

Читают молча. Некоторые качают головой. Чувствуется подавленное недоброжелательство и вместе с тем нежелание даже жестом проявить свое отношение.

— Черт знает что такое! Негодяи! Что я вам говорил, С. Я.? Они уже начали действовать!

И, не ожидая моего ответа, прапорщик М. срывает воззвание.

— Вот это правильно сделано, — раздается голос позади нас.

Оглядываемся — здоровенный дворник, в белом фартуке, с метлой в руках, улыбка во все лицо.

— А то все читают да головами только качают. Руку протянуть, сорвать эту дрянь — боятся.

— Да как же не бояться, — говорит один из читавших с обидой. — Мы что? Махнет раз, и нет нас. Господа офицеры — дело другое, у них оружие. Как что — сейчас за шашку. Им и слово сказать побоятся.

— Вы ошибаетесь, — отвечаю я. — Если, не дай Бог, нам придется применить наше оружие для самозащиты, поверьте мне, и наших костей не соберут!

Мой спутник М. пришел в неистовый боевой восторг. Очевидно, ему показалось, что наступил момент открыть военные действия. Он обратился к собравшимся с целой речью, которая заканчивалась призывом — каждому проявить величайшую сопротивляемость «немецким наймитам — большевикам». А в данный час эта сопротивляемость должна была выразиться в дружном и повсеместном срывании большевистских воззваний. Говорил он с воодушевлением искренности и потому убедительно. Его слова были встречены общим, теперь уже нескрываемым сочувствием.

— Это правильно. Что и говорить!

— На Бога надейся, да сам не плошай!

— Эти бумажонки обязательно срывать нужно. Новое кровопролитство задумали — оканные!

— Все жида да немца — известное дело, им русской крови не жалко. Пусть себе льется ручьями да реками!

Какая-то дама возбужденно пожала наши руки и объявила, что только на нас, офицеров, и надеется.

— У меня у самой — сын под Двинском!

Наша группа стала обрывать. Я еле вытянул М., который готов был разразиться новой речью.

— Знаете, С.Я., мы теперь будем идти и по дороге все объявления их срывать! — объявил он мне с горящими глазами.

Мы пошли через Лубянку и Кузнецкий Мост. В городе было еще совсем тихо, но, несмотря на тишину, — налет всеобщего ожидания. Прохожие внимательно осматривали друг друга; на малейший шум, гудок автомобиля, окрик извозчика — оглядывались. Взгляды скрещивались. Каждое лицо казалось иным — любопытным: свой или враг?

Обычная жизнь шла своим чередом. Нарядные дамы с покупками, спешащий куда-то деловой люд, даже фланеры Кузнецкого Моста вышли на свою традиционную прогулку (время было между 3 и 4).

Мы с М. не пропустили ни одного воззвания.

Здесь прохожие — сплошь «буржуи», — не стесняясь, выражали свои чувства. На некоторых домах мы находили лишь обрывки воззваний: нас уже опередили.

С Дмитровки свернули влево и пошли Охотным Рядом к Тверской, с тем чтобы выйти на Скобелевскую площадь — сборный пункт большевиков. Здесь характер толпы уже резко изменился. «Буржуазии» было совсем мало. Группами шли солдаты в расстегнутых шинелях, с

винтовками и без винтовок. Попадались и рабочие, но терялись в общей солдатской массе. Все шли в одном направлении — к Тверской. На нас злобно и подозрительно посматривали, но затрагивать боялись.

Я уже начал раздумывать — стоит ли идти на Тверскую, — как неожиданное происшествие заставило нас ознакомиться на собственной шкуре с тем, что происходило не только на Тверской, но и в самом Совдепе.

На углу Тверской и Охотного Ряда группа солдат, человек в десять, остановилась перед злополучным воззванием. Один из них громко читает его вслух.

— С.Я., это-то воззвание мы должны сорвать!

Слова эти были так произнесены, что я не посмел возразить, хотя и почувствовал, что сейчас мы совершим вещь бесполезную и непоправимую.

Подходим. Солдат, читавший вслух, умолкает. Остальные с задорным любопытством нас оглядывают. Когда мы делаем движение подойти ближе к воззванию — со злой готовностью расступаются (почитай, мол, что тут про вашего брата — кровопивца — написано).

На этот раз протягиваю руку я. И сейчас ясно помню холодок в спине и пронзительную мысль: «Это — самоубийство». Но мною уже владеет не мысль, а протянутая рука.

Раз! Комкаю бумагу, бросаю и медленно выхожу из круга, глядя через головы солдат. Рядом — звонкие шаги М., позади — тишина. Тишина, от которой сердце сжалось. Знаю, что позади много солдатских голов смотрят нам вслед и что через мгновение начнется страшное и неминуемое. Помогите, Господи!

Скашиваю глаза в сторону прапорщика М. Лицо его мертвенно бледно. И ободряющая мысль — «Хорошо, что мы вдвоем» (громкая сила — «вдвоем»).

Мы успели сделать по Тверской шагов десять, не меньше. И вот... Позади гул голосов, потом крик:

— Держи их, товарищи! Утекут, сволочи!

Брань, крики и топот тяжелых сапог. Останавливаемся и резко оборачиваемся в сторону погони.

Опускаю руку в боковой карман и нащупываю револьвер. Быстро шепчу М-у:

— Вы молчите. Говорить буду я. (Я знал, что говорить с ними он не сумеет.)

Первая минута была самой тяжелой. К чему готовиться? Ожидая, что солдаты набросятся на нас, я порешил, при первом нанесенном мне ударе, выстрелить в нанесшего удар, а потом — в себя.

Нас с воплями окружили.

— Что с ними разговаривать? Бей их, товарищи! — кричали напавшие сзади.

Передние, стоявшие вплотную к нам, кричали меньше и, очевидно, не совсем знали, что с нами делать. Необходимо было инициативу взять на себя. Чувство самосохранения помогло мне крепко овладеть собой. По предшествующему опыту (дисциплинарный суд, комитеты и пр.) я знал, что для достижения успеха необходимо непрерывно направлять внимание солдат в желательную для себя сторону.

— Что вы от нас хотите? — спрашиваю как могу спокойнее.

В ответ крики:

— Он еще спрашивает!

— Сорвал и спрашивать смеет!

— Что с ними, св..., разговаривать! Бей их! — напирают задние.

— Убить нас всегда успеете. Мы в вашей власти. Вас много — всю улицу запрудили, — нас двое.

Слова мои действуют. Солдаты стихают. Пользуюсь этой передышкой и задаю толпе вопросы — лучший способ успокоить ее.

— Вас возмущает, что я сорвал воззвание. Но иначе я поступить не мог. Присягали вы Временному правительству?

— Ну и присягали! Мы и царю присягали!

— Царь отрекся от престола и этим снял с вас присягу. Отреклось Временное правительство от власти?

Последние слова приняты совсем неожиданно.

— А! Царя вспомнил! Про царя заговорил! Вот они кто! Царя захотели!

И опять дружный вопль:

— Бей их!

Но первая минута прошла. Теперь, несмотря на вопли, стало легче. То, что сразу на нас не набросились, — давало надежду. Главное — оттянуть время. Покрывая их голоса, кричу:

— Если вы не признаете власти Временного правительства, какую же вы власть признаете?

— Известно какую! Не вашу — офицерскую! Советы — вот наша власть!

— Если Совет признаете — идемте в Совет! Пусть там нас рассудят, кто прав, кто виноват.

На генерал-губернаторский дом я рассчитывал как на возможность бегства. Я знал приблизительное расположение комнат, ибо ранее приходилось несколько раз быть там начальником караула.

К этому времени вокруг нас образовалась большая толпа. Я заметил при этом, что вновь прибывающие были гораздо свирепее других настроены.

— Итак, коли вы Советы признали — идем в Совет. А здесь на улице нам делать нечего.

Я сделал верный ход. Толпа загладела. Одни кричали, что с нами нужно здесь же покончить, другие стояли за расправу в Совете, остальные просто бранились.

— Долго мы здесь стоять будем? Или своего Совета боитесь?

— Чего ты нас Советом пугаешь? Думаете, вашего брата там по головке поглядят? Как бы не так! Там вам и кончание придет. Ведем их, товарищи, взаправду в Совет! До него тут рукой подать.

Самое трудное было сделано.

— В Совет так в Совет!

Мы первые двинулись по направлению к Скобелевской площади. За нами гудящая толпа солдат.

Начинались сумерки. Народу на улицах было много.

На шум толпы выбегали из кафе, магазинов и домов. Для Москвы, до сего времени настроенной мирно, вид возбужденной, гудящей толпы, ведущей двух офицеров, был необычен.

Никогда не забуду взглядов, бросаемых нам вслед прохожими и особенно женщинами. На нас смотрели как на обреченных. Тут было и любопытство, и жалость, и бессильное желание нам помочь. Все глаза были обращены на нас, но ни одного слова, ни одного движения в нашу защиту.

Правда, один неожиданно за нас вступился. С виду приказчик или парикмахер — маленький тщедушный человечек в запыленном котелке. Он забежал вперед, минуту шел с толпой и вдруг, волнуясь и заикаясь, заговорил:

— Куда вы их ведете, товарищи? Что они вам сделали? Посмотрите на них. Совсем молодые люди. Мальчики. Если и сделали что, то по глупости. Пожалейте их. Отпустите!

— Это еще что за защитник явился? Тебе чего здесь нужно? Мать твою так и так — видно, жить тебе надоело! А ну, пойдём с нами!

Котелок сразу осел и замахал испуганно руками:

— Что вы, товарищи? Я разве что сказал? Я ничего не говорю. Вам лучше знать... — И он, нырнув в толпу, скрылся.

Неподалеку от Совета я чуть было окончательно не погубил дела. Я увидел в порядке идущую по Тверской полуроту нашего полка под командой молоденького прапорщика, лишь недавно прибывшего из

училища. Меня окрылила надежда. Когда голова отряда поравнялась с нами, я, быстро сойдя с тротуара, остановил его (это был наряд, возвращающийся с какого-то дежурства). Перепуганный прапорщик, ведший роту, смотрел на меня с ужасом, не понимая моих намерений. Но нельзя было терять времени. Толпа, увидав стройные ряды солдат, стихла.

Я обратился к полуроте:

— Праздношатающиеся по улицам солдаты, в то время как вы исполняли свой долг, неся наряд, задержали двоих ваших офицеров. Считаете ли вы их вправе задерживать нас?

— Нет! Нет! — единодушный и дружный ответ.

— Для чего же у нас тогда комитеты и дисциплинарные суды, избранные вами?

— Правильно! Правильно!

Я совершил непоправимую ошибку. Мне нужно было сейчас же повести под своей командой солдат в казармы. Нас, конечно, никто не посмел бы тронуть. Вместо этого, я проговорил еще не менее двух минут. Опомнившись от неожиданности толпа начала просачиваться в ряды роты. Снова раздались враждебные нам голоса.

— Вы их не слушайте, товарищи! Неужто против своих пойдете?

— Они тут на всю улицу царя вспоминали!

— А мы их в Совет ведем. Там дело разберут!

— Наш Совет — солдатский! Или Совету не доверяете?

Время было упущено. Кто-то из роты заговорил уже по-новому:

— А и правда, братцы! Коли ведут, значит, за дело ведут. Нам нечего мешаться. В Совете, там разберут!

— Правильно! — так же дружно, как мне, ответили солдаты

Говорить с ними было бесполезно. Передо мною была уже не рота, а толпа. Наши солдаты стояли вперемешку с чужими. Во мне поднялась злость, победившая и страх, и волнение.

— Запомните, что вы своих офицеров предали! Идем в Совет!

До Совета было рукой подать, что не дало возможности сызнова разъярившейся толпе с нами расправиться.

Скобелевская площадь оцеплена солдатами. Первые красные войска Москвы. Узнаю автомобилистов.

— Кто такие? Куда идете?

— Арестованных офицеров ведем. Про царя говорили. Объявления советские срывали

— Чего же привели эту с...? Прикончить нужно было. Если всех собирать, то и места для них не хватит! Кто же проведет их в Совет? Не всей же толпой идти!

Отделяется человек пять-шесть. Узнаю среди них тех, что нас первыми задержали. Ведут через площадь, осыпая неистовой бранью. Толпа остается на Тверской. Я облегченно вздыхаю — от толпы отделаюсь.

Подымаемся по знакомой лестнице генерал-губернаторского дома. Провожатым — кто-то из местных.

Проходим ряд комнат. Мирная канцелярская обстановка. Столы, заваленные бумагами. Барышни, неистово выстукивающие на машинках, спующие молодые люди с папками. Нас провожают удивленными взглядами.

У меня снова появляется надежда на счастливый исход. Чересчур здесь мирно. Дверь с надписью: «Дежурный член И. К. (Исполнительного Комитета. — С. Э.)».

Входим. Почти пустая комната. С потолка свешивается старинная хрустальная люстра. За единственным столом сидит солдат — что-то пишет.

Подымает голову. Лицо интеллигентное, мягкое. Удивленно смотрит на нас:

— В чем дело?

— Мы, товарищ, к вам арестованных офицеров привели. Ваши объявления срывали. Про царя говорили. А дорогой, как вели, сопротивление оказали — бежать хотели.

— Пустили в ход оружие? — хмурится член И. К.

— Никак нет. Роту свою встретили, уговаривали освободить их.

— Та-а-ак-с, — тянет солдат. — Ну вот что — я сейчас сниму с вас показания, а господа офицеры (!!!) свои сами напишут.

Он подал нам лист бумаги.

— Пусть напишет один из вас, а подпишутся оба.

Нагибаюсь к М. и шепчу:

— Боюсь верить, но, кажется, спасены!

Быстро заполняю лист и слушаю, какую ахинею несут про нас солдаты. Оказывается, кроме сорванного объявления, за нами числится: монархическая агитация, возглас «Мы и ваше Учредительное собрание сорвем, как этот листок», призыв к встретившейся роте выступить против Совета.

Член И. К. все старательно заносит на бумагу. Опрос окончен.

— Благодарю вас, товарищи, за исполнение вашего революционного долга, — обращается к солдатам член комитета. — Вы можете идти. Когда нужно будет, мы вас вызовем.

Солдаты мнутя:

— Как же так, товарищ. Вели мы их, вели и даже не знаем, как вы их накажете.

— Будет суд — вас вызовут, тогда узнаете. А теперь идите. И без вас много дела.

Солдаты, разочарованные, уходят.

— Что же мне теперь с вами делать? — обращается к нам с улыбкой член комитета по прочтении моего показания. — Скажу вам правду. Я не вижу в вашем проступке причин к аресту. Мы еще не победители, а потому не являемся носителями власти. Борьба еще впереди. Я сам недавно, подобно вам, срывал воззвания Корнилова. Сейчас вы срывали наши. Но, — он с минутку помолчал, — у нас есть исполнительный орган — «семерка», которая настроена далеко не так, как я. И если вы попадете в ее руки — вам уже отсюда не выбраться.

Я не верил ушам своим.

— Что же вы собираетесь с нами делать? — спрашиваю.

— Что делать? Да попытаюсь вас выпустить.

У меня мелькнула мысль, не провоцирует ли он. Если нас выпустят — на улице мы неминуемо будем узнаны и на этот раз неминуемо растерзаны.

— Лучше арестуйте нас, а на верный самосуд мы не выйдем.

Он задумывается.

— Да, вы правы. Вам одним выходить нельзя. Но мы это устроим — я вас провожу до трамвая.

В это время открывается дверь, и в комнату входит солдат сомнительной внешности. Осмотрев нас с головы до ног, он обращается к члену комитета:

— Товарищ, это арестованные офицеры?

— Да.

— Не забудьте про постановление «семерки» — всех арестованных направлять к ней.

— Знаю, знаю. Я только сниму с них допрос наверху. Идемте.

Мы поднялись по темной крутой лестнице. Входим в большую комнату с длинным столом, за которым заседают человек двадцать штатских, военных и женщин. На нас никто не обращает внимания. Наш провожатый подходит к одному из сидящих и что-то шепчет ему на ухо. Тот, оглядывая нас, кивает головой. До меня долетает фраза проносящего речь лохматого человека в пенсне: «Товарищи, я предупреждал вас, что С.-Р. (социалисты-революционеры — эсеры. — С. Э.) нас подведут. Вот телеграмма. Они предают нас...»

Возвращается наш спутник. Проходим в следующую комнату. Там на кожаном диване сидят трое: подпоручик, ни разу не поднявший на нас глаз, еврей — военный врач и бессловесный молодой рабочий.

Член комитета рассказывает о нашем задержании и своем желании нас выпустить. Возражений нет. Мне кажется, что на нас посматривают с большим смущением.

Но опять испытание. В комнату быстро входит солдат, напоминавший о постановлении «семерки».

— Что же это вы задержанных офицеров вниз не ведете? «Семерка» ждет.

— Надоели вы со своей «семеркой»!

— Вы подрываете дисциплину!

— Никакой дисциплины я не подрываю. У меня у самого голова на плечах есть. Задерживать офицеров за то, что они сорвали наше воззвание, — идиотизм. Тогда придется всех офицеров Москвы задерживать.

Представитель «семерки» свирепо смотрит в нашу сторону:

— Можно быть Александрями Македонскими, но зачем же наши воззвания срывать?

Я не могу удержать улыбки. Еще минут пять солдата уговаривают еврей-доктор, рабочий и член комитета. Наконец он, махнув рукой и хлопнув дверью, выходит:

— Делайте как знаете!

Опять идем коридорами и лестницами — впереди член комитета, позади — я с М. Думали выйти черным ходом — заперто. Нужно идти через вестибюль.

При нашем появлении солдаты на площади гудом:

— Арестованных ведут! Куда ведете, товарищ?

— На допрос — в комитет, а оттуда в Бутырки.

— Так их, таких-сяких! Попили нашей кровушки. Как бы только не удрали!

— Не удерут!

Мы идем мимо Тверской гауптвахты к трамваю. На остановке прощаемся с нашим провожатым.

— Благодарите Бога, что все так кончилось, — говорит он нам. — Но я вас буду просить об одном: не срывайте наших объявлений. Этим вы ничего, кроме дурного, не достигнете. Воззваний у нас хватит. А офицерам вы сегодня очень повредили. Солдаты, что вас задержали, теперь ищут случая, чтобы придраться к кому-нибудь из носящих золотые погоны.

Приближался трамвай. Я пожал его руку.

— Мне трудно благодарить вас, — проговорил я торопливо. — Если бы все большевики были такими — словом... мне хотелось бы когда-нибудь помочь вам в той же мере. Назовите мне вашу фамилию.

Он назвал, и мы расстались.

В трамвае то же, что сегодня утром. Тишина. Будничные лица.

Во все время нашей истории я старался не смотреть на М. Тут впервые посмотрел ему прямо в глаза. Он покраснел, улыбнулся и вдруг рассмеялся. Смеется и остановиться не может. Начинаю смеяться и я. Сквозь смех М. мне шепчет:

— Посмотрите, вокруг дураки и дуры, которые ничего не чувствуют, ничего не понимают.

И новый взрыв смеха, подхваченный мною. Кондуктор нерешительно, очевидно принимая нас за пьяных, просит взять билет...

Дома я нахожу ожидающего меня артиллериста Г., моего друга детства.

— С., наконец-то! — встречает он меня радостно. — А я тебя по всему городу ищу! Идем скорее в Александровское училище — там собрание Совета офицерских депутатов. Необходимо присутствовать. Вокруг Александровского училища сейчас организуются все силы против большевиков.

За ужином рассказываю сестре и Г. о происшедшем со мною и тут только осознаю, что меня даже не обезоружили — шашка и револьвер налицо.

После ужина бежим с Г. в Александровское училище.

В одной из учебных комнат находим заседающий Совет. Лица утомленные и настроение подавленное. Оказывается, заседают уже несколько часов — и пока что тишечно. Один за другим вяло выступают ораторы — и правые, и левые, и центр. И те и другие призывают к осторожности. Сообщаю о виденном мною в Совете и предлагаю действовать как можно решительнее, так как большевики открыто и лихорадочно готовятся к восстанию.

Говорим до глубокой ночи и решаем на следующий день с утра созвать собрание офицеров Московского гарнизона. Каждый депутат должен сообщить в свою часть о предстоящем собрании. На этом мы расходимся.

Полночи я стою у телефона, звоня всюду, куда можно, чтобы разнести весть о собрании как можно шире. От числа собравшихся будет зависеть наш успех. Нам нужна живая сила.

С утра 27-го беготня по городу. Захожу в Офицерское экономическое общество, через которое ежедневно проходят тысячи офицеров, и у всех касс вывешиваю плакаты:

«Сегодня собрание офицеров Московского гарнизона в Александровском училище в 3 ч. Все гг. офицеры обязаны присутствовать. Совет офицерских депутатов».

Меня мгновенно обступают и забрасывают вопросами. Рассказываю, что знаю, о положении дел и прошу оповестить всех знакомых офицеров о собрании.

— Непременно придем. Это прекрасно, что мы будем собраны в кулак — все вместе. Мы — единственные, кто сможет дать отпор большевикам.

— Не опаздывайте, господа. Через два часа начало.

Весть о гарнизонном собрании молниеносно разносится по городу. Ко мне несколько раз на улице подходили незнакомые офицеры со словами:

— Торопитесь в Александровское училище. Там наше собрание.

Когда я вернулся в училище, старинный актовый зал был уже полон офицерами. Непрерывно прибывают новые. Бросаются в глаза раненные, собравшиеся из бесчисленных московских лазаретов на костылях, с палками, с подвязанными руками, с забинтованными головами. Офицеры местных запасных полков в меньшинстве.

Незабываемое собрание было открыто президиумом Совета офицерских депутатов. Не помню, кто председательствовал, помню лишь, что собрание велось беспорядочно и много времени было потеряно даром.

С самого начала перед собравшимися во всей грандиозности предстала картина происходящего.

После сообщения представителями Совета о предпринятых мерах к объединению офицерства воедино и доклада о поведении командующего войсками воздух в актовом зале накаляется.

Крики:

— Вызвать командующего! Он обязан быть на нашем собрании! Если он изменник, от него нужно поскорее избавиться!

Беспомощно трезвонит председательский колокольчик. Шум растет. Кто-то объявляет, что побежали звонить командующему. Это успокаивает, и постепенно шум стихает.

Один за другим выступают представители полков. Все говорят о своих полках одно и то же: рассчитывать на полк как на силу, которую можно двинуть против большевиков, нельзя. Но в то же время считаться с полком как ставшим на сторону большевиков тоже не следует. Солдаты без офицеров и помышляющие лишь о скорейшем возвращении домой в бой не пойдут.

Возвращается пытавшийся сговориться с командующим по телефону. Оказывается, командующего нет дома.

Опять взрыв негодования. Крики:

— Нам нужен новый командующий! Долой изменника!

На трибуне кто-то из старших призывает к лояльности. Напоминает о воинской дисциплине.

— Сменив командующего, мы совершим тяжчайшее преступление и ничем не будем отличаться от большевиков. Предлагаю, ввиду отсутствия командующего, просить его помощника взять на себя командование округом.

В это время какой-то взволнованный летчик просит вне очереди слова:

— Господа, на Ходынском поле стоят ангары. Если сейчас же туда не будут посланы силы для охраны их — они очутятся во власти большевиков. Часть летчиков-офицеров уже арестована.

Не успевает с трибуны сойти летчик, как его место занимает артиллерист:

— Если мы будем медлить — вся артиллерия — сотни пушек — окажется в руках большевиков. Да, собственно, и сейчас уже пушки в руках солдат.

Кончает артиллерист — поднимается председатель:

— Господа! Только что вырвавшийся из Петрограда юнкер Михайловского училища просит слова вне очереди.

— Просим! Просим!

Выходит юнкер. Он от волнения не сразу может говорить. Наступает глубочайшая тишина.

— Господа офицеры! — Голос его прерывается. — Я прямо с поезда. Я послан, чтобы предупредить вас и московских юнкеров о том, что творится в Петрограде. Сотни юнкеров растерзаны большевиками. На улицах валяются изуродованные тела офицеров, кадетов, сестер, юнкеров. Бойня идет и сейчас. Женский батальон в Зимнем дворце, Женский батальон... — Юнкер глотает воздух, хочет сказать, но только движет губами. Хватается за голову и сбегает с трибуны.

Несколько мгновений тишины. Чей-то выкрик:

— Довольно болтовни! Всем за оружие! — подхватывается ревом собравшихся.

— За оружие! В бой! Не терять ни минуты!

Председатель машет руками, трезвонит, что-то кричит — его не слышно.

Неподалеку от меня сидит одноногий офицер. Он стучит костылями и кричит:

— Позор! Позор!

На трибуну, минуя председателя, всходит полковник Генштаба. Небольшого роста, с быстрыми решительными движениями, лицо прорезано несколькими прямыми глубокими морщинами, острые

стрелки усов, эспаньолка, горящие холодным огоньком глаза под туго сдвинутыми бровями. С минуту молчит. Потом, покрывая шум, властно:

— Если передо мною стадо — я уйду. Если офицеры — я прошу меня выслушать!

Все стихает.

— Господа офицеры! Говорить больше не о чем. Все ясно. Мы окружены предательством. Уже льется кровь мальчиков и женщин. Я слышал сейчас крики: в бой! за оружие! Это единственный ответ, который может быть. Итак, за оружие! Но необходимо это оружие достать. Кроме того, необходимо сплотиться в военную силу. Нужен начальник, которому мы бы все беспрекословно подчинились. Командующий — изменник! Я предлагаю тут же, не теряя времени, выбрать начальника. Всем присутствующим построиться в роты, разобрать винтовки и начать боевую работу. Сегодня я должен был возвращаться на фронт. Я не поеду, ибо судьба войны и судьба России решается здесь — в Москве. Я кончил. Предлагаю приступить немедленно к выбору начальника!

Громовые аплодисменты. Крики:

— Как ваша фамилия?

Ответ:

— Я полковник Дорофеев.

Председателю ничего не остается, как приступить к выборам. Выставляется несколько кандидатур. Выбирается почти единогласно никому не известный, но всех взявший — полковник Дорофеев.

— Господ офицеров, могущих держать оружие в руках, прошу построиться тут же, в зале, поротно. В ротах по сто штыков — думаю, будет довольно, — приказывает наш новый командующий.

Через полчаса уже кипит работа. Роты построены. Из цейхгауза Александровского училища приносятся длинные ящики с винтовками. Идет раздача винтовок, разбивка по взводам. Составляются списки. Я — правофланговый 1-й офицерской роты. Мой командир взвода — молоденький штабс-капитан, высокий, стройный, в лихо заломленной папахе. Он из лазарета, с незажившей раной на руке. Рука на перевязи. На груди белый крестик (командиры рот и взводов почти все были назначены из георгиевских кавалеров).

В наш взвод попадают несколько моих однополчан и среди них прапорщик Б. (московский присяжный поверенный), громадный, здоровый, всегда веселый. Судьба нас соединила в 1-й офицерской роте, и много месяцев наши жизни шли рядом (прапорщик Б. убит в районе Орла, находясь в Корниловском полку⁹¹. — С. Э.).

Живущим неподалеку разрешается сходить домой, попрощаться с родными и закончить необходимые дела. Я живу рядом — на Поварской. Бегу проститься со своей трехлетней дочкой и сестрой. Прощаюсь и возвращаюсь.

Спускается вечер. Нам отвели половину спальни юнкеров. Когда наша рота, построенная рядами, идет, громко и отчетливо печатая шаг, встречные конкеры лихо и восторженно отдают честь. Нужно видеть их горящие глаза!

Не успели мы распределить койки, как раздается команда:

— 1-й взвод 1-й офицерской, становись!

Бегом строимся. Входит полковник Дорофеев:

— Господа, поздравляю вас с открытием военных действий. Вашему взводу предстоит первое дело, которое необходимо выполнить как можно тише. Первое дело дает тон всей дальнейшей работе. Вам дается следующая задача: взвод отправляется на грузовике на Б. Дмитровку. Там находится гараж Земского союза, уже захваченный большевиками. Как можно тише, коротким ударом, вы берете гараж, заводите машины и, сколько сможете, приводите сюда. Вам придется ехать через Охотный Ряд, занятый большевиками. Побольше выдержки, поменьше шума.

Мы выходим, провожаемые завистливыми взглядами юнкеров. У выходных дверей шумит заведенная машина. Через минуту медленно двигаемся, стоя плечо к плечу, по направлению к Охотному Ряду.

Быстро спускаются сумерки. Огибаем Манеж и Университет и по вымершей Моховой продвигаемся к площади. Там сереет солдатская толпа. Все вооружены.

— Зарядить винтовки! Приготовиться!

Щелкают затворы.

Ближе, ближе, ближе... Кажется, что автомобиль тащится гусеницей. Подъезжаем вплотную к толпе. Расступаются. Образуется широкая дорожка. Жуткая тишина. Словно глухонемые. Слева остается Тверская, запруженная такой же толпой. Вот Охотнорядская церковь (Параскевы-мученицы). Толпа редет и остается позади.

Будут стрелять вслед или не будут? Нет. Тихо. Не решились.

Сворачиваем на Дмитровку и у первого угла останавливаемся. На улице ни души. Выбираемся из грузовика, оставляем шофера и трех офицеров у машины, сами гуськом продвигаемся вдоль домов. Совсем стемнело. Фонари не горят. Кое-где — освещенное окно. Гулко раздаются наши шаги. Кажется — вечность идем. Я, как правофланговый, иду тотчас за командиром взвода.

— Видите этот высокий дом? Там — гараж. Мне почудилось, какая-то тень метнулась и скрылась в воротах.

За дом до гаража мы останавливаемся.

— Если ворота не заперты — мы врываемся. Без необходимости огня не открывать. Ну, с Богом!

Тихо подходим. Слышно, как во дворе стучит заведенная машина. Вот и ворота, раскрытые настежь.

— За мной!

Обгоняя друг друга, с винтовками наперевес, вбегаем в ворота. Тьма.

Бах! — пуля звонко ударяет в камень. Еще и еще. Три гулких выстрела. Потом тишина.

Осматриваем двор, окруженный со всех сторон небоскребами. Откуда стреляли?

Кто-то открывает ворота гаража. Яркий свет автомобильного фонаря. Часть бежит осматривать гараж, другая, возглавляемая взводным, — отыскивать караульное помещение.

У одних дверей находим раненного в живот солдата. Он без сознания. Это тот, что стрелял в нас и получил меткую пулю в ответ.

— Говорил я, не стрелять без надобности! — кричит капитан.

В это время неожиданно распаивается дверь и показывается солдат с винтовкой. При виде нас столбенеет.

— Бросай винтовку!

Бросает.

— Где караул?

Молчит, потом, еле слышно:

— Не могу знать

— Врешь. Если не скажешь — будешь валяться вот как этот.

Сдавленный шепот:

— На втором этаже, ваше высокоблагородие.

— Иди вперед, показывай дорогу. А вы, господа, оставайтесь здесь.

С ними я один справлюсь.

Мы пробуем возражать — бесполезно. С наганом в руке капитан скрывается на темной лестнице.

Ждем. Минута, другая... Наконец-то! Топот тяжелых сапог, брань капитана. Из темноты выныривают два солдата с перекошенными от ужаса лицами, несут в охапках винтовки, за ними еще четыре, и позади всех — капитан со своим наганом.

— Заводить моторы. Скорей! Скорей! — торопит капитан.

Входим в гараж. Группа шоферов, окруженная нашими, смотрит на нас волками.

— Не можем везти. Машины испорчены, — говорит один из них решительно.

— Ах так! — Капитан меняется в лице. — Пусть каждый подойдет к своему автомобилю!

Шоферы повинуются.

— Теперь знайте: если через минуту моторы не будут заведены — отвечаете мне жизнью. Прапорщик! Смотрите по часам.

Через минуту шесть машин затрещало.

— Нужно свезти раненого в лазарет. Вот вы двое — отправляйтесь с ним в лазарет Литературного кружка. Это рядом. Не спускайте глаз с шофера...

Возвращаемся с добычей (шесть автомобилей) обратно. На передних сиденьях шофер и пленные солдаты, сзади офицеры с наганями наготове. С треском проносимся по улицам. На Охотнинской площади при нашем приближении толпа шарахается в разные стороны.

Александровское училище. Нас восторженно встречают и поздравляют с успехом. Несем назад, захватив с собой всех шоферов.

Подъезжая к Дмитровке, слышим беспорядочную ружейную стрельбу. Капитан волнуется:

— Дурак я! Оставил троих — перестреляют их как курапатов!

Еще до Дмитровки соскакиваем с автомобилями. Стреляют совсем близко — на Дмитровке. Ясно, что атакуют гараж. Выстраиваемся.

— Вдоль улицы пальба взводом. Взвод-од... пли!

Залп.

— Взвод-од... пли!

Второй залп. И... тишина. Невидимый противник обращен в бегство. Бежим к гаражу.

— Кто идет?! — окликают нас из ворот. Капитан называет себя.

— Слава Богу! Без вас тут нам было совсем плохо пришлось. Меня в руку ранили.

Через несколько минут были доставлены в Александровское училище остальные автомобили. Мы отделались дешево. Один легко раненый в руку.

* * *

Я не запомнил московского восстания по дням. Эти пять-шесть дней слились у меня в один сплошной день и одну сплошную ночь. Итак, храня приблизительную последовательность событий, за дни не ругаюсь.

Кремль был сдан командующим войсками полковником Рябцевым в самом начале. Это дало возможность красногвардейцам воспользоваться кремлевским арсеналом. Оружие мгновенно рассосалось по

всей Москве. Большое количество его попало в руки мальчишек и подростков. По опустевшим улицам и переулкам Москвы затрещали выстрелы. Стреляли всюду и отовсюду и часто без всякой цели. Излюбленным местом для стрельбы были крыши и чердаки. Найти такого стрелка, даже если мы ясно обнаружили место, откуда стреляли, было почти невозможно. В то время как мы поднимались вверх — он бесследно скрывался.

В первый же день начала действий мы попытались приобрести артиллерию. Для этого был отправлен легкий отряд из взвода казаков и нескольких офицеров-артиллеристов в автомобиле через всю Москву на Ходынку. Отряд вернулся благополучно, забрав с собой два легких орудия и семьдесят снарядов. Никакого сопротивления оказано не было. Почему налет не был повторен — мне неизвестно.

Кроме того, в наших руках были два броневых автомобиля. Кажется, они еще раньше были при Александровском училище.

Утро. Пью чай в нашей столовой. Чай и хлеб разносят пришедшие откуда-то сестры милосердия, приветливые и ласковые.

Столовая — средоточие всех новостей, большей частью баснословных. Мне радостно сообщают «из достовернейших источников», что к нам идут, эшелон за эшелонам, казаки с Дона. Нам необходимо поэтому продержаться не более трех дней.

Подходит приятель, артиллерист Г.:

— Ты был в актовом зале? Нет? Иди скорее — смотри студентов!

— Каких студентов?

— Каких! Конечно, московских! Пришли записываться в роты.

Бегу в актовый зал. Полно студенческих фуражек. Торопливо разбирают по ротам. Студенты конфузливо жмутся, переступая с ноги на ногу.

— Молодцы коллеги! — восклицает кто-то из офицеров. — Я сам московский студент и горжусь вашим поступком.

В ответ застенчивые улыбки. Между студентами попадаются и гимназисты. Некоторые — совсем дети, 12—13 лет.

— А вы тут что делаете? — спрашивают их со смехом.

— То же, что и вы! — обиженно отвечает розовый мальчик в сдвинутой на затылок гимназической фуражке.

Юнкерами взят Кремль. Серьезного сопротивления большевики не оказали. Взятием руководил командир моего полка, полковник Пекарский.

Ночью несем караул в Манеже. Посты расставлены частью по Никитской, частью в сторону Москвы-реки. Ночь темная. Стою, прижавшись к стене, и вонзаю взгляд в темноту. То здесь, то там гулко хлопают выстрелы.

Прислушиваюсь. Чьи-то крадущиеся шаги.

— Кто идет?

Молчание. Тихо. Может быть, померещилось? Нет — снова шаги, робкие, чуть слышные.

— Кто идет? Стрелять буду! — Щелкаю затвором.

— Ох, не стреляй, дружок. Это я!

— Отвечай кто, а то выстрелю.

— Спаси Господи, страхи какие! Церковный сторож я, батюшка, от Власия, что в Гагаринском. Отпусти, Христа ради, душу на покой.

— Иди, иди, не бойся!

Тяжело дыша, подходит коренастый старик. В руках палка, на голове — шапка с ушами, борода.

— Куда идешь?

— Да к себе пробираюсь, батюшка. Который час иду. Еще засветло вышел, да вот до сих пор все канючусь. Страху набрался, на всю жизнь хватит. Два раза хватали, обыскивали. В Марьиной был, у сестры. Сестра моя захворала. Да вот — откуда беда свалилась. А ты кто, батюшка, будешь?

— Офицер я.

— Ах офицер? Ничего не пойму чтой-то! То фабричные, да страшные такие, а здесь вы, ваше благородие.

— Не скоро поймешь, старик. Теперь слушай. К Арбатским воротам выйдешь через Воздвиженку.

— Так, так.

— По Пречистенскому не ходи, там пули свистят. Подстрелят. Заверни в первый переулок — переулками и пробирайся. Понял?

— Понял, ваше благородие. Как не понять! Спасибо на добром слове. Дай вам Бог здоровья. Последние дни пришли, ох Господи! — И старик с причитаниями скрывается в темноте.

Опять вперяюсь в темень. Где-то затрещал пулемет — та-та-та — и умолк. Из-за угла окликает подчасок:

— Как дела, С.Я.?

— Ничего. Темно больно.

Впереди черная дыра Никитской. Переулки к Тверской заняты большевиками.

Вдруг в темноте вспыхивают два огонька. Почти одновременное: бах, бах... Со стороны Тверской забулькали пулеметы — один, другой. Где-то в переулке грохот разорвавшейся гранаты.

Подчасок бежит предупредить караул. Со стороны Манежа равномерный топот шагов.

— Кто идет?

— Прапорщик Б. Веду подкрепление нашему авангарду. — Сметается.

Пять рослых офицеров становятся за углом. Ждут... Стрельба стихает.

— Идите, С.Я., подремать в Манеж.

Через минуту, подняв воротник, дремлю, прижавшись к шершавому плечу соседа.

Наши торопливо строятся.

— Куда идем?

— На телефонную станцию.

Опять грузовик. Опять — плечо к плечу. Впереди — наш разведывательный «форд», позади — небольшой автомобиль с пулеметом.

Охотный. Влево — пустая Тверская. Но мы знаем, что все дома и крыши заняты большевиками. Вправо, в воротах, за углами — жмутся юнкера, по два, по три — наши передовые дозоры.

На Театральной площади, из «Метрополя» юнкера кричат:

— Ни пуха ни пера!

Едем дальше.

Вот и Лубянская площадь. На углу сгружаемся, рассыпаемся в цепь и начинаем продвигаться по направлению к Мясницкой. Противника не видно. Но, невидимый, он обстреливает нас с крыш, из чердачных окон и черт знает еще откуда. Сухо и гадко хлопают пули по штукатурке и камню. Один падает. Другой, согнувшись, бежит за угол к автомобилям. На фланге трещит наш «максим», обстреливающий вход на Мясницкую.

Стрельба тише... Стихает.

До нас, верно, здесь была жестокая стычка. За углом Мясницкой, на спине, с разбитой головой — тело прапорщика. Под головой — невысохшая лужа черной крови. Немного поодаль, ничком, уткнувшись лицом в мостовую, — солдат.

Часть офицеров идет к телефонной станции, сворачивая в Милютинский переулок (там отсиживаются юнкера), я с остальными продвигаюсь по Мясницкой. Устанавливаем пулемет. Мы знаем, что в почтамте засели солдаты 56-го полка (мой полк). У почтамта чернеет толпа.

— Разойтись! Стрелять будем!

— Мы мирные! Не стреляйте!

— Мирным нужно по домам сидеть!

Но верно, действительно мирные — винтовок не видно.

Долго чего-то ждем. У меня после двух бессонных ночей глаза слипаются. Сажусь на приступенке у дверей какого-то банка и мгновен-

но засыпаю. Кто-то осторожно тербит за плечо. Открываю глаза — передо мною бородатое лицо швейцара.

— Господин офицер, не погнушайтесь зайти к нам чайку откушать. Видно, умаялись. Чаек-то подкрепит.

Благодарю бородача и захожу с ним в банк. Забегая вперед, ведет меня в свою комнату. Крошечная каморка вся увешана картинами. В центре — портрет Государя с Наследником.

Суетливая сухонькая женщина, верно жена, приносит сияющий, пузатый самовар.

— Милости просим, пожалуйста, садитесь. Господи, и лица-то на вас нет! Должно, страсть как замаялись. Вот вам стаканчик. Сахару, не взыщите, мало. И хлеба, простите, нет. Вот баранки. Баранок-то, слава Богу, закупили, жена догадалась, и жуем понемногу.

Жена швейцара молчит — лишь сокрушенно вздыхает, подперев щеку ладонью.

Обжигаясь, залпом выпиваю чай. Благодарю, прощаюсь. Швейцариха сует мне вязанку баранок:

— Своих товарищей угостите. Если время есть — пусть зайдут к нам обогреться, отдохнуть да чаю попить.

Прижимаясь к домам и поминутно оглядываясь, крадется барышня.

— Скажите, пожалуйста, — мне можно пройти в Милютинский переулок? Я телефонистка и иду на смену.

— Не только можно — должно! Нам необходимо, чтобы телефон работал.

Барышня делает несколько шагов, но вдруг останавливается, дико вскрикивает и, припав к стене, громко плачет. Увидела тело прапорщика.

Подхватываем ее под руки и ведем, задыхающуюся от слез, на станцию.

Дорога обратно. У Большого театра — кучка народа, просто любопытствующие. При нашем проезде кричат нам что-то, машут платками, шапками.

Свои.

Останавливает юнкерский пост.

— Берегитесь Тверской! Оба угловых дома — Национальной гостиницы и Городского самоуправления — заняты красногвардейцами. Не дают ни пройти, ни проехать. Всех берут под перекрестный огонь.

— Ничего. Авось да небось — проедем!

Впереди несется «форд». Провожаем его глазами. Проскочил. Ни одного выстрела. Пополз и наш грузовик. Равняемся с Тверской.

И вдруг... Тах, тах, та-та-тах! Справа, слева, сверху... По противоположной стене защелкали пули. Сжатые в грузовике, мы не можем даже отвечать.

Моховая. Университет. Мы в безопасности.

— Кто ранен? — спрашивает капитан.

Оглядываем друг друга. Все целы.

— Наше счастье, что они такие стрелки, — цедит сквозь зубы капитан.

Но с нашим пулеметным автомобилем дело хуже. Его подстрелили. Те пять офицеров, что в нем сидели, выпрыгнув и укрывшись за автомобиль, отстреливаются.

Нужно идти выручать. Тянемся гуськом вдоль домов. Обстреливаем окна Национальной гостиницы. Там попрятались и умолкли. Бросив автомобиль, возвращаемся с пулеметом и двумя ранеными пулеметчиками.

Наконец-то появился командующий войсками, полковник Рябцев.

В небольшой комнате Александровского училища, окруженный тесным кольцом возбужденных офицеров, сидит грузный полковник в расстегнутой шинели. Верно, и раздеться ему не дали, обступили. Лицо бледное, опухшее, как от бессонной ночи. Небольшая борода, усы вниз. Весь он рыхлый и лицо рыхлое — немного бабье.

Вопросы сыплются один за другим и один другого резче.

— Позвольте узнать, господин полковник, как назвать поведение командующего, который в эту страшную для Москвы минуту скрывается от своих подчиненных и бросает на произвол судьбы весь округ?

Рябцев отвечает спокойно, даже как будто бы сонно:

— Командующий ни от кого не скрывался. Я не сплю не помню котсую ночь. Я все время на ногах. Ничего нет удивительного, что меня не застают в моем кабинете. Необходимость самому непосредственно следить за происходящим вынуждает меня постоянно находиться в движении.

— Чрезвычайно любопытное поведение. Наблюдать — дело хорошее. Разрешите все же узнать, господин полковник, что нам, вашим подчиненным, делать? Или тоже наблюдать прикажете?

— Если мне вопросы будут задаваться в подобном тоне, я отвечать не буду, — говорит все так же сонно Рябцев.

— В каком тоне прикажете с вами говорить, господин полковник, после сдачи Кремля с арсеналом большевикам?

Чувствую, как бешено натянута струна — вот-вот оборвется. Десятки горящих глаз впились в полковника. Он сидит, опустив глаза, с лицом словно маска — ни одна черта не дрогнет.

— Я сдал Кремль, ибо считал нужным его сдать. Вы хотите знать почему? Потому что всякое сопротивление полагаю бесполезным кровопролитием. С нашими силами, пожалуй, можно было бы разбить большевиков. Но нашу кровавую победу мы праздновали бы очень недолго. Через несколько дней нас все равно смели бы. Теперь об этом говорить поздно. Помимо меня — кровь уже льется.

— А не полагаете ли вы, господин полковник, что в некоторых случаях долг нам предписывает скорее принять смерть, чем подчиниться бесчестному врагу? — раздается все тот же сдавленный гневом голос.

— Вы движимы чувством — я руководствуюсь рассудком.

Мгновение тишины, которая прерывается иступленным криком офицера с искаженным от бешенства лицом:

— Предатель! Изменник! Пустите меня! Я пушу ему пулю в лоб! Он старается прорваться вперед с револьвером в руке.

Лицо Рябцева передергивается.

— Что ж, стреляйте! Смерти ли нам с вами бояться?

Офицера хватают за руки и выводят из комнаты. Следом выхожу и я.

В Москве образовался какой-то комитет, не то «Общественного Спасения», не то «Общественного Спокойствия»⁹². Он заседает в думе под председательством городского головы Руднева и объединяет собой целый ряд общественных организаций. К нам, как говорят, относятся с некоторым недоверием, если не боязнью. Мне передавали — бояться контрреволюции. Сами же выносят резолюции с выражением протеста — всем, всем, всем.

В училище часто заходят молодые люди с эсеровскими листовками. Из этих листовок мы узнаем невероятные и бодрящие вести:

«Петропавловская крепость взята обратно верными Временному правительству войсками».

«С юга продвигаются казачьи части для поддержки юнкеров».

«С запада идут с этой же целью ударные батальоны». И т. д. и т. д.

Эти известия, как очень желательные, встречаются полным доверием, а часто и криками «Ура!». (Увы, потом оказалось, что все это делалось лишь с целью поднять наш дух и вселить неуверенность среди восставших.)

С каждым часом становится труднее. Все на ногах почти бессменно. Не успеваешь приехать после какого-либо дела, наскоро поесть, как снова раздается команда:

— Становись!

Нас бросают то к Москве-реке, то на Пречистенку, то к Никитской, то к Театральной, и так без конца. В ушах звенит от постоянных выстрелов (на улицах выстрелы куда оглушительнее, чем в поле).

Большевики ловко просачиваются в крепко занятые нами районы. Сегодня сняли двух солдат, стрелявших с крыши Офицерского общества, а оно находится в центре нашего расположения.

Продвигаться вперед без артиллерии нет возможности. Пришлось бы штурмовать дом за домом.

Прекрасно скрытые за стенами, большевики обсыпают нас из окон свинцом и гранатами. Время упущено. В первый день, поведи мы решительно наступление, Москва бы осталась за нами. А наша артиллерия... Две пушки на Арбатской площади, направленные в сторону Страстной и выпускающие по десяти снарядов в день.

У меня от усталости и бессонных ночей опухли ноги. Пришлось распороть сапоги. Нашел чьи-то калоши и теперь шлепаю в них, по минутно теряя то одну, то другую.

Большевики начали обстрел из пушек. Сначала снаряды рвались лишь на Арбатской площади и по бульварам, потом, очень вскоре, и по всему нашему району. Обстреливают и Кремль. Сердце сжимается смотреть, как над Кремлем разрываются шрапнели.

Стреляют со Страстной площади, с Кудрина и откуда-то из-за Москвы-реки — тяжелыми (6-дюймовыми).

Александровское училище, окруженное со всех сторон небоскребами, для гранат недосыгаемо. Зато шрапнели непрерывно разрываются над крышей и над окнами верхнего этажа, в котором расположены наши роты. Большая часть стекол перебита.

Каково общее самочувствие, лучше всего наблюдать за обедом или за чаем, когда все вместе: юнкера, офицеры, студенты и добровольцы-дети.

Сиюю обедаю. Против меня капитан-пулеметчик с перевязанной головой, рядом с ним — гимназист лет двенадцати.

— Ешь, Володя, больше. А то опять проголодаешься — начнешь просить есть ночью.

— Не попрошу. Я с собой в карман хлеба заберу, — деловито отвечает мальчик, добывая с тарелки гречневую кашу.

— Каков мой второй номер, — обращается ко мне капитан, — не правда ли, молодец? Задержки научился устранять, а хладнокровие и выдержка — нам взрослым поучиться. Я его с собою в полк заберу. Поедешь со мною на фронт?

Мнется.

— Ну?

— Из гимназии выгонят.

— А как же ты к нам в Александровское удрал? Даже маме ничего не сказал. За это из гимназии не выгонят?

— Не выгонят. Здесь совсем другое дело. Ведь сами знаете, что совсем другое...

Лохматый студент в шинели нараспашку кричит другому, тщедушному, сутулому, с лупами на носу:

— Вася, слышал новость?

— Нет. Что такое?

— Ударники к Разумовскому подходят. Сейчас оттуда пробрался один петровец — сам его видел. Говорит, стрельба уже слышна совсем рядом.

— Врет. Не верю. А впрочем, дай Бог. Скоро ты? Взводный ругаться будет.

— Вы где, коллега, стоите? — спрашиваю у лохматого.

— В доме градоначальника. Проклятущее место...

В столовую входит стройная прапорщица с перевязанной рукой. Кто-то окликает:

— Оля, вы ранены?

— Да пустяки. Чуть задело. И не больно совсем. — На лице сдержанная улыбка гордости.

Ко мне подходит прапорщик Гольцев⁹³ (ученик студии Вахтангова, Гольцев, убит в бою под Екатеринодаром в 1918 году. — С. Э.) — мой одноклассник и однополчанин. Подсаживается, рассказывает:

— Вот вчера мы в грязную историю попали, С.Я.! Получаем приказание с корнетом Дуровым (смертельно ранен на Поварской в живот. — С. Э.) засесть на Никитской в Консерватории. А там какой-то госпиталь. Дело было уже вечером. Подымаемся наверх, а солдаты, бывшие раненые, теперь здоровые и разбегавшиеся от безделия, — зверьми на нас смотрят. Поднялись мы на самый верх, вдруг — сюрприз: электричество во всем доме гухнет. И вот в темноте крики: «Бей, товарищи, их!» Это нас то есть. Тьма крошечная, ни зги не видать. Оказывается, негодяи нарочно электричество испортили. В темноте думали с нами справиться. Ошиблись. Темнота-то нам и помогла. Корнет Дуров выстрелил в потолок и кричит: «Кто ко мне подойдет, убью как собаку!» Они, как тараканы, разбежались. Друг от друга шарахаются. Подумай только, какое стадо! Два часа с ними в темноте просидели, пока нас не сменили.

Ни одной фразы, ни одного слова, указывающего на понижение настроения или веры в успех. Утомление, правда, чувствуется. Сплошь и рядом можно видеть сидя заснувшего юнкера или офицера. И неудивительно — спим только урывками.

Опять выстраиваемся. Наш взвод идет к генералу Брусилову с письмом, приглашающим его принять командование всеми нашими силами. Брусилов живет в Мансуровском переулке, на Пречистенке.

Выходим на Арбатскую площадь. Грустно стоят наши две пушки, почти совсем замолкшие. Почти все окна — без стекол. Здесь и там вместо стекол — одеяла.

Москва гудит от канонады. То и дело над головой шелестит снаряд. Кое-где в стенах зияют бреши раненых домов. Но... жизнь и страх побеждает. У булочных Филиппова и Севастьянова толпятся кухарки и дворники с кошелками. При каждом разрыве или свисте снаряда кухарки крестятся, некоторые приседают.

Сворачиваем на Пречистенский бульвар и тянемся гуськом вдоль домов. С поворота к храму Христа Спасителя обстановка меняется. Откуда-то нас обстреливают. Но откуда? Впечатление такое, что из занятых нами кварталов. Над штабом Московского округа непрерывно разрываются шрапнели.

Идем по Сивцеву Вражку. Ни единого прохожего. Изредка — дозоры юнкеров. И здесь то и дело по стенам щелкают пули. Стреляют, видно, с дальних чердаков.

На углу Власьевского из высокого белого дома выходят несколько барышень с подносами, полными всякой снедь:

— Пожалуйста, господа, покушайте!

— Что вы, уходите скорее! До еды ли тут?

Но у барышень так разочарованно вытягиваются лица, что мы не можем отказать. Нас угощают кашей с маслом, бутербродами и даже конфетами. Напоследок раздают папиросы. Мы дружно благодарим.

— Не нас благодарите, а весь дом 3. Мы самообложились и никого из вас не пропускаем, не накормив.

Над головой прошелестел снаряд.

— Идите скорее домой!

— Что вы! Мы привыкли.

Прощаемся с барышнями и двигаемся дальше.

Пречистенка. Бухают снаряды. Чаше щелкают пули по домам. Заходим в какой-то двор и ждем, чем кончатся переговоры с Брусиловым. Все уверены, что он станет во главе нас.

Ждем довольно долго — около часу. И здесь, как из дома 3, нам выносят еду. Несмотря на сытость, едим, чтобы не обидеть. Наконец возвращаются от Брусилова.

— Ну что, как?

— Отказался по болезни.

Тяжелое молчание в ответ.

Мне шепотом передают, что патроны на исходе. И все передают эту новость шепотом, хотя и до этого было ясно, что патроны кон-

чаются. Их начали выдавать по десяти на каждого в сутки. Наши пулеметы начинают затихать. Противник же обнаглел как никогда. Нет, кажется, чердака, с которого бы нас не обстреливали. Училищный лазарет уже не может вместить раненых. Окрестные лазареты также начинают заполняться.

После перестрелки у Никитских Ворот вернулся в училище в последней усталости. Голова не просто болит, а разрывается. Иду в спальню. За три койки от моей группа офицеров рассматривает ручную гранату. Ложусь отдохнуть. Перед сном закурываю папиросу.

Вдруг рядом, у группы офицеров, раздается характерное шипение, затем крики и топот бегущих ног. В одно мгновение, не соображая ни того, что случилось, ни того, что делаю, валяюсь на пол и закрываю уши ладонями.

Оглушительный взрыв. Меня обдает горячим воздухом, щепками и дымом и отбрасывает в сторону. Звон стекол. Чей-то страшный крик и стоны. Вскликаю. За две койки от меня корчится в крови юнкер. Чуть поодаль лежит раненный в ногу капитан. Оказывается, раненный в ногу капитан показывал офицерам обращение с ручной гранатой. Он не заметил, что боек спущен, и вставил капсюль. Капсюль горит три секунды. Если бы капитан не растерялся, он мог бы успеть вынуть капсюль и отшвырнуть его в сторону. Вместо этого он бросил гранату под койку. А на койке спал только что вернувшийся из караула юнкер. В растерзанную спину несчастного вонзились комья волос из матраса.

Юнкера, уже переставшего стонать, выносят на носилках. Следом за ним несут капитана. Через полчаса юнкер умер.

Оставлено градоначальство. Там отсиживались студенты, окруженные со всех сторон большевиками. Большие потери убитыми.

Наша рота, во главе с полковником Дорофеевым, идет спасать Комитет общественного спасения (?), заседающий в городской думе. Там же находится и последний представитель Временного правительства — Прокопович. У нас отношение к Комитету недоброжелательное. Мы с самого начала чуяли с его стороны недоверие к нам.

Около городской думы со всех крыш стреляют. Мы отвечаем. Из думы торопливо выходит несколько штатских. Окружаем их и в молчании возвращаемся в училище.

Вечер. Снаряжают безумную экспедицию за патронами к Симонову монастырю. Там артиллерийские склады.

С большевистскими документами отправляются на грузовике молодой князь Д. и несколько кадетов, переодетых рабочими. Напряженно ждем их возвращения. Им нужно проехать много верст, занятых большевиками. Ждем...

...Проходит час, другой. Крики:

— Едут! Приехали!

К подъезду училища медленно подкатывает грузовик, заваленный патронными ящиками.

Приехавших восторженно окружают. Кричат «Ура!». Они рассказывают:

«Самое гадкое было встретиться с первыми большевистскими постами. Окликают нас:

— Кто едет? Стой!

— Свои, товарищи! Так вас перетак.

— Стой! Что пропуск?

— Какой там пропуск! Так вас перетак! В Драгомирове юнкеря наступают, мы без патронов сидим, а вы с пропуском пристааете! Так вас и так!

— Ну ладно. Чего кричите? Езжайте!

Мы припустили машину. Не тут-то было. Проехали два квартала — опять крики:

— Стой! Кто едет?

И так все время. Ну и чертова же прорва красногвардейцев всюду! Наконец добрались до складов. Как въехали во двор, сейчас же ругаться последними словами.

— Кто тут заведующий? Куда он провалился? Мы на него в Совет пожалуемся! На нас юнкеря наступают, а здесь никого не дозвешся!

Летит заведующий:

— Что вы волнуетесь, товарищи?

— Как тут не волноваться с вами? Дозваться никого нельзя. Зовите там кто у вас есть, чтобы грузили скорее патроны! Юнкеря на нас стеной идут, а вы патронов не присылаете!

— А требование у вас, товарищи, есть?

— Во время боя, когда на нас юнкеря стеной прут, мы вам будем требования составлять! Пороха не нюхали, да нам все дело портите! Почему, так вас перетак, патроны не доставлены?

Заведующий совсем растерялся. Еще сам же нам патроны грузить помогал. Нагрузили мы и обратно тем же путем направились. Нас всюду уж как знакомых встречали. Больше уж не представляли...»

Настроение после прибытия патронов сразу подымается.

Позже приходят тревожные вести об Алексеевском училище. Оно находится в другом конце города, в Лефортове. Говорят, все здание снесено большевистской артиллерией.

Спешно посылаем патроны на телефонную станцию. Несчастные юнкера, сидящие там в карауле, не могут отстреливаться от наседающих на них красногвардейцев.

Прибыл какой-то таинственный прапорщик — горбоносый, черный как смоль брюнет. Называет себя командиром М-ого ударного батальона и бывшим не то адъютантом, не то товарищем военного министра Керенского.

Говорит, что через несколько часов к нам на помощь должны прийти ударники. Он будто бы выехал вперед. К нему относятся подозрительно. Он же, словно не замечая, держит себя чрезвычайно развязно.

Только что прорвался с телефонной станции юнкер. Оказывается, патроны, которые им присланы, — учебные, вместо пуль — пыжи.

— Если нам сейчас же не будут высланы патроны и поддержка — мы погибли.

При вскрытии ящиков обнаруживается, что три четверти привезенных патронов — учебные.

Горбоносый прапорщик не наврал. С вокзала прибывают поодиночке солдаты-ударники. Молодец к молодцу. Каждый притаскивает с собой по пулеметной ленте, набитой патронами.

— Батальоном пробиться никак невозможно было. Мы порешили так — поодиночке.

Прсяются в бой. Их набралось несколько десятков.

С каждым часом хуже. Наши пулеметы почти умолкли. Сейчас вернулись со Смоленского рынка. Мы потеряли еще одного.

Теперь выясняется, что помощи ждать неоткуда. Мы предоставлены самим себе. Но никто, как по уговору, не говорит о безнадежности положения. Ведут себя так, словно в конечном успехе и сомневаться нельзя. А вместе с тем ясно, что не сегодня завтра мы будем уничтожены. И все, конечно, это чувствуют.

Для чего-то всех офицеров спешно сзывают в актовый зал. Иду. Зал уже полон. В дверях толпятся юнкера. В центре — стол. Вокруг него несколько штатских — те, которых мы вели из городской думы. На лицах собравшихся — мучительное и недоброе ожидание.

На стол взбирается один из штатских.

— Кто это? — спрашиваю.

— Министр Прокопович.

— Господа! — начинает он срывающимся голосом. — Вы офицеры и от вас нечего скрывать правды. Положение наше безнадежно. Помощи ждать неоткуда. Патронов и снарядов нет. Каждый час приносит новые жертвы. Дальнейшее сопротивление грубой силе — бесполезно. Взвесив серьезно эти обстоятельства, Комитет общественной

безопасности подписал сейчас условия сдачи. Условия таковы. Офицерам сохраняется присвоенное им оружие. Юнкерам оставляется лишь то оружие, которое необходимо им для занятий. Всем гарантируется абсолютная безопасность. Эти условия вступают в силу с момента подписания. Представитель большевиков обязался прекратить обстрел занятых нами районов, с тем чтобы мы немедленно приступили к стягиванию наших сил.

В ответ тягостная тишина. Чей-то резкий голос:

— Кто вас уполномочил подписать условия капитуляции?

— Я член Временного правительства.

— И вы, как член Временного правительства, считаете возможным прекратить борьбу с большевиками? Сдаться на волю победителей?

— Я не считаю возможным продолжать бесполезную бойню, — взволнованно отвечает Прокопович.

Иступленные крики:

— Позор! Опять предательство. Они только сдаваться умеют! Они не смели за нас подписывать! Мы не сдадимся!

Прокопович стоит с опущенной головой. Вперед выходит молодой полковник, георгиевский кавалер, Хованский (убит в 1918 году в Добровольческой армии. — С. Э.).

— Господа! Я беру смелость говорить от вашего имени. Никакой сдачи быть не может! Если угодно — вы, не бывшие с нами и не сражавшиеся, вы, подписавшие этот позорный документ, вы можете сдаться. Я же, как и большинство здесь присутствующих, — я лучше пушу себе пулю в лоб, чем сдамся врагам, которых считаю предателями Родины. Я только что говорил с полковником Дорофеевым. Отдаю приказание расчистить путь к Брянскому вокзалу. Драгомиловский мост уже в наших руках. Мы займем эшелоны и будем продвигаться на юг, к казакам, чтобы там собрать силы для дальнейшей борьбы с предателями. Итак, предлагаю разделить на две части. Одна сдается большевикам, другая прорывается на Дон с оружием.

Речь полковника встречается ревом восторга и криками:

— На Дон! Долой сдачу!

Но недолго длится возбуждение. Следом за молодым полковником говорит другой, постарше и менее взрачный:

— Я знаю, господа, то, что вы от меня услышите, вам не понравится и, может быть, даже покажется неблагородным и низменным. Поверьте только, что мною руководит не страх. Нет, смерти я не боюсь. Я хочу лишь одного: чтобы смерть моя принесла пользу, а не вред Родине. Скажу больше — я призываю вас к труднейшему подвигу.

Труднейшему, потому что он связан с компромиссом. Вам сейчас предлагали прорываться к Брянскому вокзалу. Предупреждаю вас — из десяти до вокзала прорвется один. И это в лучшем случае! Десятая часть оставшихся в живых и сумевшая захватить железнодорожные составы, до Дона, конечно, не доберется. Дорогой будут разобраны пути или подорваны мосты, и прорывающимся придется, где-то далеко от Москвы, либо сдаться озверевшим большевикам и быть перебитыми, либо всем погибнуть в неравном бою. Не забудьте, что и патронов у нас нет. Поэтому я считаю, что нам ничего не остается, как положить оружие. Здесь, в Москве, нам и защищать-то некого. Последний член Временного правительства склонил перед большевиками голову. Но, — полковник повышает голос, — я знаю также, что все находящиеся здесь — уцелеем или нет, не знаю — приложат всю энергию, чтобы пробираться одиночками на Дон, если там собираются силы для спасения России.

Полковник кончил. Одни кричат:

— Пробиваться на Дон всем вместе! Нам нельзя разбиваться!

Другие молчат, но, видно, соглашаются не с первым, а со вторым полковником.

Я понял, что нить, которая нас крепко привязывала одного к другому, — порвана и что каждый снова предоставлен самому себе.

Ко мне подходит прапорщик Гольцев. Губы сжаты. Смотрит серьезно и спокойно.

— Ну что, Сережа, на Дон?

— На Дон, — отвечаю я.

Он протягивает мне руку, и мы обмениваемся рукопожатием, самым крепким рукопожатием за мою жизнь.

Впереди был Дон.

Иду в последний ночной караул. Ружейная стрельба все такая же ожесточенная. Пушки же стихли.

И потому, что я знаю, что этот караул последний, и потому, что я живу уже не Москвой, а будущим Доном — меня охватывает страх. Я ловлю себя на том, что пригибаю голову от свиста пуль. За темными окнами чудится притаившийся враг. Я иду крадучись, вытирая плечом штукатурку стен.

Началось стягивание в училище наших сил. Один за другим снимаются караулы. У юнкеров хмурые лица. Никто не смотрит в глаза. Собирают пулеметы, винтовки.

Скорей бы!

Из соседних лазаретов сбегаются раненные:

— Ради Бога, не бросайте! Солдаты обещают нас растерзать!

...Не бросайте! Когда мы уже не сила и через несколько часов сами будем растерзаны!

Оставлен Кремль. При сдаче был заколот штыками мой командир полка — полковник Пекарский, так недавно еще бравший Кремль.

Перед училищем толпа. Это — родные юнкеров и офицеров. Кричат нам в окна. Справляются об участии близких. В коридоре встречаю скульптора Б-аго.

— Вы как сюда попали?

— Разыскиваю тело брата. Убит в градоначальстве.

Училище оцеплено большевиками. Все выходы заняты. Перед училищем расхаживают красногвардейцы, обвешанные ручными гранатами и пулеметными лентами, солдаты...

Когда кто-либо из нас приближается к окну — снизу несется площадная брань, угрозы, показываются кулаки, прицеливаются в наши окна винтовками.

У одного из окон вижу стоящего горбоносого прапорщика — того, что был адъютантом или товарищем Керенского. Со странной усмешкой показывает мне на гудящих внизу большевиков:

— Вы думаете, кто-нибудь из нас выйдет отсюда живым?

— Думаю, что да, — говорю я, хотя ясно знаю, что нет.

— Помяните мои слова — все мы можем числить себя уже небесными жителями.

Круто повернувшись и что-то насвистывая, отходит.

Внизу, в канцелярии училища, всем офицерам выдают заготовленные ранее комендантом отпуска на две недели. Выплачивают жалованье за месяц вперед. Предлагают сдавать револьверы и шашки.

— Все равно, господа, отберут. А так есть надежда гуртом отстоять. Получите уже у большевиков.

Своего револьвера я не сдаю, а прячу так глубоко, что, верно, и до сих пор лежит ненайденным в недрах Александровского училища.

Глубокий вечер. Одни слоняются без дела из залы в залу, другие спят — на полу, на койках, на столах. Ждут с минуты на минуту прихода каких-то главных большевиков, чтобы покончить с нами. Передают, что из желания избежать возможного кровопролития вызваны к училищу особо благонадежные части. Никто не верит, что таковые могут найтись.

Когда это было? Утром, вечером, ночью, днем? Кажется, были сумерки, а может быть, просто все казалось сумеречным.

Брожу по смутным помрачневшим спальням. Томление и ожидание на всех лицах. Глаза избегают встреч, уста — слов. Случайно захо-

жу в актовй зал. Там полно юнкеров. Опять собрание? Нет. Седенький батюшка что-то говорит. Внимательно, строго, вдохновенно слушают. А слова простые и о простых, с детства знакомых вещах: о долге, о смирении, о жертве. Но как звучат эти слова по-новому! Словно вымытые, сияют, греют, жгут.

Панихида по павшим. Потрескивает воск, склонились стриженные головы. А когда опустились на колени и юнкерский хор начал взывать об упокоении павших со святыми, как щедро и легко полились слезы, прорвались! Надгробное рыдание не над сотней павших, над всей Россией.

Напутственный молебен. Расходимся.

Встречаю на лестнице Г-ева.

— Пора удирать, Сережа, — говорит он решительно. — Я сдаваться этой сволочи не хочу. Нужно переодеться. Идем.

Рыскаем по всему училищу в поисках подходящей одежды. Наконец находим у ротного каптенармуса два рабочих полушубка, солдатские папахи, а я, кроме того, невероятных размеров сапоги. Торопливо переодеваемся, выпускаем из-под папах чубы.

Идем к выходной двери.

У дверей красногвардейцы с винтовками никого не выпускают. Я нагло берусь за дверную ручку.

— Стой! Ты кто такой? — Подозрительно осматривают.

— Да это свой, кажись, — говорит другой красногвардеец.

— Морда юнкерская! — возражает первый. Но, видно, и он в сомнении, потому что открывает дверь и дает мне выйти. Секунда... и я на Арбатской площади.

Следом выходит и Гольцев.

А. Волков⁹⁴

ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЮНКЕРОВ В МОСКВЕ

(по воспоминаниям капитана П.И. Мыльников⁹⁵)⁹⁶

25 октября в Москве стали поступать слухи о выступлении большевиков в Петрограде, а на другой день, 26 октября, были получены точные сведения о петроградских событиях, о захвате Зимнего дворца и разгоне Временного правительства.

Несмотря на эти новости, занятия в Александровском военном училище шли нормально по расписанию и начальство делало вид, что особенного ничего не произошло.

Вечером несколько офицеров училища (около 12 человек) собрались в комнате дежурного офицера 1-го батальона и стали обсуждать события. Все одинаково оценивали обстановку, разнища была только в темпераментах. Стало ясно, что высшее командование Москвы, а также и наш начальник училища решили оставаться в стороне от развивающихся событий и выжидать. В тот момент все мы были еще далеки от той страшной катастрофы, которая разразилась над Россией, но уже в это время остро ставился вопрос о чести Родины и ее существовании. Примириться с переворотом не могли — значит, надо было сопротивляться.

Целью нашего выступления не могло быть восстановление Временного правительства в его старом составе, а также не входила в наши задачи и борьба за Учредительное собрание. Были у нас связи с провинцией, и картина выборов была столь ясна, что никак не способствовала утверждению его авторитета. Честь Родины и наша личная честь — вот что нас двигало.

Подсчет сил, на которые мы могли бы положиться, и возможных сил противника указывал на наше превосходство. Мы могли рассчитывать, что к нам присоединится Алексеевское военное училище и шесть московских школ прапорщиков. В то время Алексеевское военное училище имело 6 рот, т. е. около 1000 штыков. Каждая школа прапорщиков состояла из 2 рот по 150 штыков, что давало 1800 человек. Наше Александровское военное училище с 1 октября было сведено в 8 рот (вместо 12) и имело 1500 штыков. Правда юнкера разнились от юнкеров мирного времени, а развал армии отозвался и на училище, но все же еще сохранилась строгая дисциплина в строю и авторитет начальников.

С 1 октября 1917 года на младший курс была принята молодежь, только что окончившая средние учебные заведения. Ее моральные качества были на высоте, но недостатком этого курса была очень слабая военная подготовка, т. к. в училище они поступили всего лишь за 3 недели до событий. Кадет было всего лишь 10—12%.

Для начала этих сил было вполне достаточно, а в дальнейшем мы могли рассчитывать на пополнение из офицеров, которых в Москве было несколько десятков тысяч. Кроме того, во всех запасных полках Москвы были группы офицеров и солдат, в поддержку которых мы могли быть уверены, правда, группы эти были немногочисленны, но состояли из лучших, надежных людей. Силы красных в Москве были ничтожны, и вся их надежда была на Красную гвардию, которая была слабо вооружена и совершенно не обучена.

Запасные полки были совсем деморализованы. Они голосовали за все, что им предлагали, но исполнять принятые решения не считали

себя обязанными. Большевикам они сочувствовали, но не хотели рисковать жизнью на фронте, еще меньше были готовы подвергать себя этому риску в Москве.

Эти запасные полки только по инерции назывались полками, вся их сплоченность в казармах была единственным стимулом около кухни, почему для удобства питания не нарушалось деление на батальоны и роты. Привлечь эту массу к борьбе были бессильны самые демагогические лозунги и пламенные призывы к защите Родины.

Много сложнее обстояло дело с высшим начальством. Наш начальник училища генерал Муратов⁹⁷ принял училище после выступления генерала Корнилова, вместо отрешенного от этой должности генерала Михеева. Не представлял для нас загадки и командующий войсками Московского округа полковник Рябцев.

Среди офицеров училища ряды наши тоже стали редеть. Уходили семейные офицеры, обещая присоединиться после. На собрания в дежурной комнате стали собираться в меньшем числе. Но мы все же решились на выступление во что бы то не стало.

— На меня, — говорит капитан Мыльников, — возложили поручение любыми мерами заставить начальника присоединиться к нашему решению и в случае отказа устранить его.

Несмотря на поздний час, генерал Муратов принял меня. За письменным столом сидел Генерального штаба генерал с Георгиевским крестом на груди. Несколько волнуясь, он очень любезно встретил меня, предложил сесть и спросил о причине позднего визита.

— Ваше превосходительство! Я явился к вам по поручению группы офицеров, чтобы выяснить ваш взгляд на петроградские события и просить ознакомить нас с мерами, которые вы предполагаете принять против захватчиков власти.

— Вы знаете, что я не вмешиваюсь в политику, а от командующего войсками имею инструкцию не допускать уличных беспорядков, но не мешать политическим демонстрациям.

— Арест Временного правительства вы считаете политической демонстрацией или уличным беспорядком?

— Зачем так ставить вопрос? Мы присягали не определенным лицам — ушли одни, пришли другие.

— Господин генерал! Придут и уже, кажется, пришли интернационалисты, которым не дороги ни честь, ни даже существование России. Приход их к власти — значит позорный мир, унижение и, быть может, расчленение России. Мы этого допустить не можем, и если вы открыто не выступите против захватчиков, мы это сделаем без вас и не остановимся перед применением силы.

Генерал быстро встал, протянул мне руку и сказал:

— Я, конечно, с вами! Сейчас отдам необходимые распоряжения, а вас назначаю для связи с командующим округом. Возьмите свой курс, займите штаб округа и оставайтесь при командующем.

Зашел к ожидавшим меня офицерам в дежурной комнате и сообщил об успешном исполнении поручения. Поднял юнкеров, раздали патроны, взял своих помощников — поручика и прапорщика и выступил из училища. Мертвая ночная тишина царила в Москве, падал снег, и кое-где в окнах домов Пречистенского бульвара виднелся свет. В здании штаба округа был тоже огонь. На мой звонок зажигается свет на лестнице и в вестибюле, и какой-то солдат появляется на верхней площадке и, увидев перед дверьми строй юнкеров, быстро скрывается, потом открывает входную дверь. На мой вопрос, где находится командующий войсками, ответил «Их нет». Ввел свой отряд в здание и пошел отыскивать полковника Рябцева. В канцелярии одинокий дежурный писарь сказал, что командующий находится в Кремле на важном заседании. Приказываю вызвать начальника штаба, который живет в этом здании. Посланный солдат возвращается и сообщает, что начальник штаба болен и выйти не может. Пошел сам на квартиру внезапно заболевшего, но перед моим носом щелкнул замок приоткрытой двери, и испуганный женский голос еще раз мне сообщил о болезни начальника штаба. Возвращаясь к полуроте и вижу, что мой поручик выставил к двум входам парных часовых, а остальных юнкеров разместил в вестибюле и на лестнице. Отдаю распоряжение ввести юнкеров в помещение канцелярии, но в это время вбегает юнкер наружного поста и докладывает, что здание окружено какой-то воинской частью. Выхожу на улицу. Перед зданием стоит развернутый строй роты запасного полка от Самогитских гренадер, единственной еще сохранившей подобие воинской части.

Что за часть? Ко мне подходит старший унтер-офицер и представляется как командир роты.

— По приказу солдатских и рабочих депутатов нам приказано занять штаб округа, — говорит он.

— Мы уже заняли его, ведите роту обратно.

После некоторой нерешительности просит разрешение ввести роту в здание «малость обогреться».

Обращается ко мне вежливо, и я чувствую, что ни у него, ни у его подчиненных нет ни малейшего желания прибегать к силе. Разрешаю ему ввести роту. Через полчаса выпроваживаю «противника» и слышу от командира роты «Счастливо оставаться».

Оставляю поручика с юнкерами, а сам иду в Кремль искать полковника Рябцева. Спускаюсь по Пречистенке и подхожу к Боровицким воротам Кремля. На мой стук одна половина массивных ворот приоткрылась, и в узкую щель высовывается штык. «Кто там, что надо». Отвечаю — офицер, надо видеть командующего войсками. «Никого не приказано впускать».

Вызываю караульного начальника, тот спросил, какой я части, и пошел к телефону. Вернулся с тем же ответом. Направляюсь в училище. Около Манежа вижу какую-то крупную воинскую часть, стоящую во взводной колонне. Иду к ней и вижу, что навстречу мне идут два офицера, в одном узнаю своего сослуживца подполковника Романовского, курсового офицера 2-й школы прапорщиков. Оказалось, что эта колонна состоит из двух школ из Александровских казарм. Предлагаю им следовать вместе со мной в училище на Знаменку.

Начальник училища генерал Муратов принял меня в кабинете и, выслушав мой доклад, сказал, что отдал приказ об обложении Кремля и через час приказал мне проверить обложение. К училищу стягиваются 5 школ прапорщиков (4-я школа осталась в своем помещении на Смоленском рынке).

Часа в три ночи обошел обложенный Кремль. С трех сторон обложение выполнено 1-м батальоном Александровского военного училища под командой командира батальона подполковника 10-го стрелкового полка Мелеги⁹⁸; со стороны Москвы-реки под откосом набережной разместились две роты 2-й школы прапорщиков.

Против всех кремлевских ворот были выставлены заставы, за ними хорошо укрытые резервы.

С 27 октября с утра начали прибывать добровольцы, главным образом учащаяся молодежь. Были сформированы несколько студенческих и гимназических рот. Настроение у добровольцев отличное, но отсутствовала военная подготовка. Офицеров откликнулось мало — необходим был приказ от авторитетного возглавления, чтобы поднять эту массу.

В 10 часов утра комитет училища назначил митинг — обсуждение создавшейся обстановки. Собралось несколько сот юнкеров и очень мало офицеров.

Среди училищных офицеров оказались подавшие рапорта о болезни, а то и просто не явившиеся без указания причин.

Первым говорил начальник московских школ прапорщиков генерал Шашковский. Говорил долго о завоеваниях революции, которые надо спасать; о Временном правительстве и, главным образом, о его главе, героически борющемся с захватчиками власти. Повторены были вошед-

шие в употребление и очень уже надоевшие слова и митинговые лозунги. Аудитория щедро наградила оратора аплодисментами. Попробовал слова и я.

Говорил, что мы уже начали борьбу за честь Родины и за победу в этой борьбе мы готовы пожертвовать своей жизнью. Мы должны победить, но в борьбе побеждает сильная воля, которая не может быть выражена коллективом. Мы должны отказаться от пагубных экспериментов революционной организации армии, необходимо вернуться к единоначалию — нам нужен вожь, которого облечим неограниченной властью, необходимой для победы.

После выступления аплодисменты сопровождались свистом. Наш штаб представлял тоже что-то вроде комитета. Там я увидел предшественника генерала Муратова генерала Михеева, генерала Шашковского, Генштаба полковника Дорофеева и нескольких наших преподавателей тактики.

Никаких оперативных распоряжений, кроме приказа об обложении Кремля, отданного лично генералом Муратовым, не было. Опять бесконечная говорильня.

Надо указать, что в Кремле квартировал 1-й батальон 56-го запасного полка, в то время как его другие 3 батальона стояли в Покровских казармах. Этот 1-й батальон присоединился к большевикам и заперся в Кремле.

Одному офицеру этого запасного полка, хорошо знавшему все потайные входы и выходы Кремля, был дан взвод юнкеров с заданием проникнуть в Кремль и открыть все ворота. Через секретный вход из Александровского сада этот взвод вошел в Кремль. Без выстрела разоружил часовых и открыл Боровицкие ворота; затем были открыты Никольские, но, подбегая к Спасским воротам, с башни взвод был обстрелян и было ранено несколько юнкеров.

По овладении Кремлем комендантом был назначен полковник Мороз.

Интересно отметить, что после захвата нами Кремля 2-я школа прапорщиков отказалась стрелять «в своих». Школа была разоружена и заперта в подвалах Кремля вместе с 1-м батальоном 56-го запасного полка.

Алексеевское военное училище и строевые роты трех московских и Суворовского кадетских корпусов, которые квартировали в Лефортове, были заняты обороной своих зданий и прийти к нам на помощь не смогли.

Вечером узнал в штабе, что генерал Брусилов отказался возглавить наше выступление и что Всероссийский исполнительный комитет железных дорог распорядился о запрещении подвоза воинских частей к Москве.

Отказ генерала Брусилова был страшным ударом для нас, и оставалась слабая надежда, что в Москве появится кто-нибудь из крупных военачальников, который и возьмет дело борьбы в свои руки.

Тогда мы не знали сложившейся обстановки за нашими спинами, обрекавшей нас на поражение.

30 октября в училище явился бельгийский офицер русского происхождения и сказал, что в Бельгийской военной миссии имеется до 17 бронированных автомобилей, предназначенных для фронта, но задержанных в Москве. Передать эти бронемашин миссия не могла, т. к. это являлось бы актом вмешательства во внутренние дела России, но если бы явился туда наш небольшой отряд, то никакого сопротивления не встретил бы. Получить эти бронемашин для уличного боя с неорганизованным, необученным противником значило более чем вдвое увеличить наши силы и широко развернуть активные операции. Наше начальство, однако, отказалось от этого плана — мотивируя тем, что нельзя нарушать экстерриториальность бельгийской миссии.

К этому времени большевики начали проявлять уже активность. Упорно старались занять телефонную станцию, захватить на Тверском бульваре дом градоначальника и повели наступление на Никитском бульваре. Все атаки были успешно отбиты. В этой борьбе сгорел дом князя Гагарина, запиравший Тверской бульвар. В подвале этого дома после борьбы было обнаружено около 20 обгоревших трупов захвативших аптеку в этом доме и погибших от взрыва.

Было столкновение на Большой Дмитровке. Успех всюду, кроме градоначальства, был на нашей стороне, и Красная гвардия несла значительные потери.

Конец Поварской, примыкавшей к Кудринской площади, был занят большевиками. Оттуда они обстреливали всю Поварскую, но огонь их был безвреден.

За все время борьбы в моем отряде было только два легко раненных. На Смоленском рынке 4-я школа прапорщиков оставалась безучастной в своем помещении. Соседом слева у меня была рота корниловцев-ударников, и так же, как и мой отряд, она тяготилась вынужденным бездействием.

Командир этой роты сразу присоединился к моему плану занятия Брянского вокзала, но, не зная общего плана действий нашего командования, мы решили просить разрешения на эту операцию.

Я был вполне уверен, что сил у нас достаточно, и мне в голову не приходило, что у наших «вождей» если и был план, то только план выхода из борьбы.

В штабе я получил сведения от полковника Екименко, но, как оказалось, они были очень неполные; я не знал ни о присутствии в училище министров Временного правительства, ни о появлении полковника Рябцева. На мое предложение занять Брянский вокзал без усиления наших частей мне ответил начальник училища: «Мы это обсудим».

Патрули моего отряда контролировали Поварскую и переулки, прилегавшие к ней у Арбата. Иногда они попадали под обстрел краснотгвардейцев, но потерь не было. Видно было, что искусство умения владеть оружием сводилось к заряджанию винтовки и спуску курка. Случалось захватывать подростков и разоружать их, наградив подзатыльниками, отпускать — девать их было некуда, да и несмотря на их мальчишеский задор, они были безвредны.

Наконец красные стали обстреливать артиллерийским огнем Кремль и училище с Воробьевых гор. По результатам обстрела видно было, что он ведется опытными артиллеристами. Говорили, что стрельбой руководили военнопленные. Было несколько попаданий в собор и здания Кремля. В Александровское военное училище попало три снаряда: один в квартиру училищного священника отца Добронравова, другой в квартиру помощника инспектора классов полковника Козачкова и третий в стену главного здания училища. Человеческих жертв не было.

В ресторане «Прага» на Арбате откуда-то появился пожилой тип в форме прапорщика и стал убеждать прекратить борьбу. Я его отправил в штаб. Через несколько часов он появился снова со своей проповедью, и я лично отвел его в училище. На другое утро он снова появился у нас. На этот раз он остался у меня в одной из подвальных кладовых до самого «перемирия». В таком же другом помещении в «Праге» я устроил перевязочный пункт из 2 девушек и 2 молодых людей, начавших разговор о бесцельности борьбы с народом. Наконец я снова пошел в штаб, но, к моему великому изумлению, адъютант сообщил, что уже подписано соглашение о перемирии и прекращении военных действий. Одна из школ прапорщиков (6-я), укомплектованная фронтовыми подпрапорщиками, заявила, что она больше в борьбе не участвует, и объявила «нейтралитет». Школа эта находилась в Кремле и там же была интернирована. Очевидно, что этот факт отразился на настроении и других частей, но решающим для общей борьбы быть не мог. Деморализовало недостаточно твердых людей прежде всего бездействие власти, полное отсутствие активности и разлагающая пропаганда. «Завтра утром вы должны привести свой отряд в училище и юнкера должны сдать оружие и разойтись по домам. Господа офицеры сохраняют оружие», — объявили мне в штабе.

Все это было так неожиданно, так противоречиво настроению всего моего отряда и моему лично, что я начал очень резко протестовать. Полковник Екименко отвел меня в сторону и стал подробно объяснять общее настроение, создавшееся в штабе. Не оказалось авторитетного и волевого лица, которое бы могло взять на себя ответственность командующего.

Среди некоторых частей обнаружилось желание присоединиться к 6-й школе прапорщиков: все равно большевикам у власти не удержаться и потому не стоит напрасно проливать кровь. Мягкое слово «перемирие», в сущности, означало настоящую капитуляцию, к которой привела бездарная деятельность нашего коллективного командования. Самые условия этого перемирия, столь для нас легкие, показывали всю шаткость положения захватчиков власти.

Обошел я офицерское собрание и другие помещения училища, где были незнакомые лица офицеров, и на всех их была растерянность. Сознаю полную невозможность что-либо предпринять. Думаю, что при заключении договора была возможность добиться свободного пропуска на юг или на фронт. Ушли бы далеко не все; но ушло бы много и самых ценных для продолжения борьбы.

Тяжела была короткая дорога через Арбатскую площадь до ресторана «Прага». В «Праге» новость, принесенная мною, всех ошеломила. Все притихли.

В кабинете № 17, занимаемом мною, собрались офицеры. Я подробно рассказал обо всем, что видел и слышал в училище. Осталось только исполнить полученный приказ.

Приказал отпустить арестованных, предложил имеющим родных и знакомых в Москве воспользоваться темнотой и разойтись.

Рано утром толпа «победителей» в несколько сот человек собралась на Арбатской площади.

Я предупредил толпу, что при попытке с ее стороны к насилию немедленно открою огонь. С заряженными винтовками и пулеметами провел отряд в училище под брань и враждебные выкрики. Сдача оружия происходила в одной из комнат канцелярии, где сидел подпоручик запаса Гройнил, получивший от новой власти высокое назначение, а за ним в углу стояло знамя училища, всеми забытое. Все офицеры и юнкера беспрепятственно отпускаясь домой. Раненых поместили в госпиталь.

Через несколько дней десятки тысяч москвичей отдали последний долг первым жертвам, павшим за Россию в борьбе с интернационалом. 21 гроб проследовал по Большой Никитской на Братское кладбище.

3 ноября все кончилось и Александровское военное училище перестало существовать.

МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАДЕТСКИЙ КОРПУС¹⁰⁰

Моему 138-му выпуску повезло. В Москву прибыл Государь и пожелал посетить наш корпус. Все три роты были построены в Тронном зале и стройно ответили на приветствие вошедшего в зал Императора Николая II. Останавливаясь, милостиво беседуя с некоторыми кадетами, Государь обошел строй и, отправляясь дальше в помещение 2-го Московского кадетского корпуса, приказал освободить кадет от оставшихся экзаменов. Громкое «Ура!» сопровождало уход Императора... уход навсегда? Кто из присутствовавших мог тогда себе представить то, что произошло всего лишь через девять месяцев, в феврале 1917 года? Но в тот момент мы были счастливы, окончен курс корпуса — первая ступень жизненного пути будущего офицера. «Ура, мы больше не кадеты, мы юнкера, мы юнкера...» И все же наша радость смешивалась с грустью, приходилось покидать друзей-однокашников, расставаться со ставшим как бы родной семьей корпусом. Прежде чем окончательно покинуть стены нашего дворца, окончившие курс кадеты присутствовали в корпусной церкви на благодарственном молебне, по окончании которого, преклоняя колена, прощались с корпусным знаменем и получали от священника последний подарок корпуса — серебряную, позолоченную, овальную иконку, на обратной стороне которой было выгравировано имя и фамилия кадета и надпись «От 1-го Московского Императрицы Екатерины II кадетского корпуса», а по ранту — «Спаси и сохрани». «Великая бескровная» сильно ударила по строевой роте, которая значительно поредела после попытки подавления большевистского восстания, осенью 1917-го года. Под командой полковника Рара¹⁰¹, энергичного, строевого офицера, прошедшего начало войны на германском фронте, совместно с юнкерами Александровского военного училища и строевыми ротами 2-го и 3-го Московского кадетского корпуса, наша рота в течение недели оказывала упорное сопротивление восставшим и понесла большие потери.

Во время обороны корпуса было убито девять кадет. Их изуродованные тела были большевиками отвезены в морг на Скобелевской площади и там брошены. На деньги, данные генералом Римским-Корсаковым¹⁰² кадету Райкину¹⁰³ (личные деньги директора), они были выкуплены и с честью похоронены. Сам генерал, рискуя своей жизнью, вместе с Райкиным шел за гробами девяти своих питомцев.

Небольшая кучка интернациональных авантюристов, возглавленная Лениным и поддержанная немецким золотом, пользуясь обманом и террором, намеренно привела страну к братоубийственной, гражданской войне... и мы, сыны одного общего нам гнезда, вынуждены были воевать друг против друга. На стороне белых оказались: наш директор генерал-лейтенант Римский-Корсаков, инспектор генерал Дурново, корпусной врач, герой Кубанского похода генерал Марков¹⁰⁴, ближайший помощник генерала Врангеля генерал П.Н. Шатилов¹⁰⁵ и многие другие екатерининцы. На стороне красных ярко вспыхнула звезда советского маршала Тухачевского, окончившего наш корпус в 1912 году.

С. Мамонтов¹⁰⁶

МОСКВА. 1917 ГОД¹⁰⁷

Несмотря на одиннадцать дней пути в теплушке, не раздеваясь, где можно было спать только сидя и все время надо было быть начеку, прибыв ночью домой, я почувствовал такую радость и возбуждение, что спать не хотел.

Мы вскипятили чаю и поджарили привезенные мною хлеб и сало. Особенно меня интересовало ранение старшего брата¹⁰⁸.

— Расскажи, как это было?

— Очень просто Митя Тучков¹⁰⁹, который тоже был в отпуску в октябре семнадцатого, пришел к нам: «Пойдем?» — «Пойдем».

Мы стали звонить к нашим родственникам и знакомым офицерам. Но все пустились в отговорки. Оказались трусливой дрянью. Нужно было их припугнуть, а не уговаривать. Так мы и пошли вдвоем в Александровское военное училище на Арбатской площади. Там были юнкера, вольноопределяющиеся и студенты. Около трехсот офицеров. Всего тысяча с небольшим бойцов. Может быть, были другие группы в других частях Москвы, но общее число офицеров не превышало семисот. А в Москве их были тысячи. Они не исполнили своего долга и за это жестоко поплатились. Со стороны красных были солдаты запасных полков и рабочие. Жители и крестьяне не участвовали.

Настоящих боев не было, были перестрелки и столкновения. Мы заняли Кремль. Пошли обедать к Николаю Федоровичу, жившему против Кремля, а ночевали в Александровском училище.

Вечером следующего дня искали добровольцев, чтобы проехать на телефонную станцию, занятую нашими, но окруженную красными. Командовал Тучков. Поздно вечером мы отправились на машине. Пять

офицеров. С потушенными огнями нам удалось проехать несколько красных застав. Но на одном перекрестке мы попали под сильный ружейный огонь. Мотор заглох, морской офицер, управлявший машиной, был убит, у меня была прострелена коленка. Остальные выскочили и могли скрыться.

Я выбрался из машины и ковылял, ища, где бы спрятаться. Но все двери и ворота были заперты. Подходила группа красных. Я встал в нишу, но они меня заметили: «Руки вверх»

Я сунул руки в карманы, забрал в горсти все патроны и, поднимая руки, положил патроны на подоконник, моля Бога, чтобы они не упали. Они не упали. Красные меня обыскали. «Ага, револьвер!» — «Ну конечно, — сказал я возможно спокойнее. — Я же офицер, прибыл в отпуск с фронта. Револьвер есть часть формы». Это их как будто убедило, но они взяли револьвер.

Подошла другая группа. «Офицер? Да чего вы с ним разговариваете!» Один солдат бросился на меня со штыком. Каким-то образом мне удалось отбить рукой штык, и он сломался о гранит дома. Это их озадачило.

«Что ты тут делаешь?» — «Я возвращался домой, когда поднялась стрельба, и я был ранен шальной пулей». Я откинул полу шинели. Кто-то чиркнул спичкой. Было много крови. «Отведите меня в лазарет».

Они заколебались, но все же один помог мне идти. К счастью, поблизости был лазарет. Меня положили на носилки, и солдаты ушли. Но другая толпа появилась на их месте. «Где тут офицер?» Доктор решительно воспротивился: «Товарищи, уйдите. Вы мне мешаете работать».

Несмотря на их возбуждение, ему удалось их выпроводить. Доктор подошел ко мне: «Они вернутся, и я не смогу вас защитить. Идите в эту дверь, спуститесь во двор и дайте эту записку шоферу. Поспешите, уходите».

Нога опухла, и я почти уже не мог ходить, в голове мутилось. Я собрал все силы и побрел. Самое трудное была лестница. Я чуть не потерял сознание. Во дворе стоял грузовик Красного Креста. Я протянул шоферу записку. Он не стал меня расспрашивать и помог влезть. «Куда вас отвезти?»

Я дал адрес хирургической лечебницы моей бабушки на Никитской и потерял сознание. По временам я приходил в себя. Мы пересекали несколько фронтов. То это были белые, то красные. Все нас останавливали. Шофер говорил: «Везу тяжелораненого».

Люди влезали в грузовик, зажигали спички, и так как было много крови, нас пропускали.

Наконец в лечебнице. Меня отнесли в операционную. Бабушка сказала доктору Алексинскому: «Делайте что хотите, но сохраните ему ногу».

И вот видишь, я едва хромаю.

* * *

Положение бывших офицеров было неопределенно. Как бы вне закона. Но мы были молоды и беззаботны. В театрах все офицеры были в погонах, несмотря на угрозу расстрела. Ухаживали и веселились. Я вернулся в Путейский институт и сдал экзамены первого курса, кроме интегрального исчисления. Легко давалась мне начертательная геометрия и трудно химия.

Нас, конечно, тянуло на Дон, но нужно было преодолеть инерцию. Этому помогли сами большевики, объявив регистрацию офицеров.

Те, кто не явится на регистрацию, будут считаться врагами народа, а те, кто явится, будут арестованы. Трудный выбор, как у богатыря на распутье.

Регистрация происходила в бывшем Алексеевском военном училище, в Лефортове. Мы отправились посмотреть, что будет.

На необъятном поле была громадная толпа. Очередь в восемь рядов тянулась на версту. Люди теснились к воротам училища, как бараны на заклание. Спорили из-за мест. Говорили, что здесь было 56 тысяч офицеров, и, судя по тому, что я видел, это возможно. И сказать, что из этой громадной армии только 700 человек приняли участие в боях в октябре 1917-го. Если бы все явились, то все бы разнесли, и никакой революции не было. Досадно было смотреть на сборище этих трусов. Они-то и попали в ГУЛАГи и на Лубянку. Пусть не жалуются.

У нас здесь было много знакомых. Собрали совет. Что делать?

Во-первых, решили узнать, что творится на дворе училища, обнесенного стеной. Поговорить с кем-нибудь, побывавшим на допросе. Эта миссия выпала мне и Коле Гракову, который кончил это самое училище. Мы обошли здание кругом и убедились, что из него никто не выходит. В стене двора были пробоины от снарядов. Через одну из пробоин мы могли поговорить с офицером, находящимся внутри двора.

— Только не входите сюда, нас задерживают как пленных...

Красный юнкер, часовой, подошел:

— Запрещено разговаривать с арестованными.

У него была симпатичная морда.

— Скажите, что делают с офицерами?

Он заколебался, оглянулся во все стороны и:

— Чего вы, собственно, дожидаетесь? Окружения? — И он быстро отошел.

Он сказал достаточно. Мы вернулись к брату и рассказали виденное и слышанное. Решили уйти, не являться. Но раньше посеять панику среди толпы, чтобы все разбежалось. Это было нетрудно сделать, потому что все пришли неохотно. Мы пошли вдоль рядов. Когда видели знакомого, а это случалось часто, то громко, чтобы все слышали, говорили:

— Уходите скорей. Мы обошли здание — никто не выходит. А сейчас будет оцепление.

Люди заволновались и стали выходить из рядов. Какой-то тип схватил меня за руку:

— Что вы рассказываете? Следуйте за мной.

Но я его очень неласково оттолкнул:

— Ах, гадина, красный шпион!

Окружающие надвинулись угрожающе и стали пинать его ногами в задницу. Тип предпочел скрыться.

Мы достигли своей цели, ряды расстроились, толпа заволновалась.

— Теперь давайте утекать сами.

Когда мы перешли мост, появились вооруженные матросы. При их виде толпа офицеров бросилась врассыпную. Мы пошли малыми улицами.

Офицеров объявили вне закона. Многие уехали на юг. Знакомые стали нас бояться.

Раздел 3

СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Е. Яконовский¹¹⁰КАРГАЛАА¹¹¹

В конце августа горел форштадт Оренбурга. Было сухо, и сильный ветер гнал из степи туркестанский песок. Дым заволакивал город. Не помню, как мы узнали, что солдаты гарнизона отказались идти тушить пожар, помогать казацкой «гидре».

В форштадте жило много наших товарищей из местных, и мы, всей первой ротой, пошли тушить пожар. Заправив белые брюки в сапоги, вооружившись чем попало: лопатами, кирками, просто цигелями от кроватей. Форштадта не спасли, конечно. Он сгорел дотла. Это было первое наше выступление, пока еще мирное, но в нем первый раз коллективно выразился тот дух, с которым несколько месяцев спустя цвет русской молодежи взялся за винтовку.

Вернувшись с каникул, мы нашли много нового. Официально мы не были даже кадетами, а какими-то гимназистами Военного ведомства — даже не «военными гимназистами», как при Александре II, а просто «подведомственными». Роты назывались «возрастами», строевые занятия были отменены, и даже в столовую мы ходили «поклассно». Форму пока не трогали, должно быть из экономии, но уже говорилось о снятии погон, кокард и прочих воинских отличий. Вместо Педагогического комитета был образован Педагогический совет, в который вошли выбранные «делегаты» трех старших классов. Воспитатели назывались классными наставниками, и их по возможности заменили штатскими. Мое первое отделение пятого класса подполковника Г.К. Чердилели¹¹² попало нашему историку, прекрасному педагогу и твердому патриоту, Григорию Семеновичу Хрусталеву. Конечно, вначале мы в какой-то мере распустились. Но длилось это недолго: до Корниловского выступления, в конце августа. Тогда мы сами, кадеты

пятого и шестого классов, обратились к седьмому с просьбой заменить привычный для нас авторитет, вдруг исчезнувший, оставив за собой пустое место.

На далекой от центров Туркестанской границы всероссийские события отражались с опозданием. Корнилов со своими сподвижниками был уже в Быховской тюрьме, когда, в свою очередь, заволновался Оренбург.

Так как мы не были больше кадетами и не производили строевые занятия, наши берданки хранились под замками где-то в подвалах корпуса. Не помню, как это началось и какова была непосредственная причина нашего кадетского «бунта против правительства», как писали потом эсеровские газеты, но всей ротой мы носились по подвалам и чердакам корпуса в поисках берданок, а бывшие воспитатели и «классные наставники» попрятались, как и распушенная солдатня, наводнившая корпусные службы после революции. Мы носились по лестницам и коридорам за нашим фельдфебелем Юзбашевым, ставшим с этого дня нашим молчаливо и единогласно признанным начальником.

Берданок мы не нашли, но против корпуса неуклюже выстроился пехотный батальон. «Сознательные товарищи», которых — вот уже полгода — нужно было упрашивать каждый раз, чтобы вывести на занятия, по-видимому, с охотой пошли разоружать «буржуазную гидру». Офицеры стояли у них на ротах и взводах. Из окон третьего этажа мы им кричали: «Офицера, что же вы не приказываете вашей сволочи стрелять?» Кажется, только тогда вмешалось наше бывшее начальство. Солдат в корпус все-таки не пустили, и берданки выносились на улицу корпусной прислужкой. По-видимому, она и предупредила местный Совет. С этого дня мы самовольно начали строиться ротным строем по ранжиру и превратили уроки гимнастики в строевые занятия.

Странная была жизнь в Оренбургском Неплюевском корпусе после Корниловского выступления. Вставали в семь вместо шести под какой-то колокольчик, заменивший барабан и горниста. Утренних занятий не было, как не было и определенной формы: можно было надеть гимнастерку или бушлат, сидеть на уроках в мундире, оставаться в освещенных классах после 9 часов вечера. В городе нас часто задевали, по вечерам вокруг корпуса бродили банды хулиганов, в надежде встретить и избить запоздавшего из отпуска кадета. В театре «интеллигентная молодежь» встречала нас ироническими возгласами и взглядами. Приходилось иногда пускать в ход кулаки. В сентябре на Урале, совсем недалеко от 2-го корпуса, после футбольного матча, в котором одна из лучших в то время кадетских команд — команда 2-го Орен-

бургского корпуса — жестоко «наложила» местным гимназистам, раздосадованное хулиганье бросилось на не очень многочисленных присутствовавших на матче кадет. Избивали, срывали погоны, кое-кого бросили даже в Урал. Вмешаться и помочь было некому. Досталось и нескольким присутствовавшим неплюевцам. Мы ответили чисткой «Собачьего сада», как назывался небольшой парк рядом с корпусом, полный вечерами оренбургским хулиганьем, влюбленными парочками и пьяными солдатами. Здесь-то и организовывались нападения на отдельных кадет.

Вооруженная цигелями от кроватей, первая рота спустилась бегом по парадной лестнице так быстро и внезапно, что бедный дежурный «надзиратель» (в этот день дежурил наш симпатичный француз Гра) не успел раскрыть рта. Только минут через десять полковники Рацул и Азарьев¹¹³ появились в освещенной парадной двери. Бедные старые русские офицеры были совершенно растеряны. Не звать же им было распущенную революционную милицию. К счастью, их даже не пришлось «уговаривать». Чистка произошла молниеносно. Хулиганы и их подруги в панике бросались к заборам, влезали на деревья, бросались на землю, пользуясь кромешной темнотой. Но многим все же досталось. Кое-кого удалось даже выпороть толстыми железными прутьями. Инцидент остался без последствий, — во всяком случае, во внутренней корпусной жизни. Директор корпуса генерал-майор Пузанов прекратил начатое было расследование, а со стороны жалоб тоже не было.

Октябрьские события дошли до Оренбурга с опозданием и в неправильном освещении. По оренбургским эсеровским газетам выходило, что петербургское восстание большевиков только неприятный и неожиданный инцидент и что скоро, на днях, может быть завтра, войска революционной демократии войдут в столицу со своим Главнокомандующим во главе. Как ни не любили в военной среде Керенского, все же ему искренне желали успеха в этом предприятии.

Все это кончилось очень скоро и очень плохо. Оренбург всколыхнул слух о больших потерях (их, конечно, преувеличивали) Оренбургской сотни под Пулковом и о неудаче похода генерала Краснова. Оренбургский атаман — молодой и энергичный полковник Дутов¹¹⁴ — немедленно разоружил и распустил по домам солдат запасных полков и взял на себя полноту власти от имени Оренбургского казачьего войска. Местные большевики временно затихли. К несчастью, прибывающие с фронта Великой войны были почти также разложены, как и пехота. Очень скоро выяснилось, что в случае военных действий рассчитывать на казаков не приходится. А тем временем белый Оренбург все теснее и теснее зажимался между красной Самарой и красным же

Ташкентом. Хотя до декабря месяца никаких боевых действий не происходило и поезда на Ташкент свободно проходили через город, было ясно, что так продолжаться долго не может. Красные заставы занимали станцию за станцией без всякого сопротивления — уже совсем близко подходили к Оренбургу. В это время к нам в корпус попала небольшая группа кадет 2-го корпуса¹¹⁵. Они рассказывали нам, как чернь срывала с кадет погоны в дни юнкерского восстания и бросала кадет в воду. Прорывались к нам так же небольшими группами ярославцы, аракчеевцы¹¹⁶ и симбирцы. Их корпуса были также разгромлены и разогнаны новой властью. Их искали по вагонам, выбрасывали на полном ходу с поездных площадок.

Каждый день приносил что-то новое, всегда плохое 17 декабря поезда стали. Со стороны Самары и Бузулука на Оренбург наступал краснотатарский отряд инженера Кобозева, поддержанный матросами. Одновременно ташкентские большевики подошли к Илецкой Защите. Город был взят между двух огней. В распоряжении полковника Дутова было несколько слабых добровольческих отрядов эсеровского толка и отдельных казачьих сотен, тоже из добровольцев, довольно низкой боеспособности. Все же первое наступление Кобозева было отбито благодарясылке на фронт пехотного и казачьего училищ.

Утром 17 декабря наш вице-фельдфебель Юзбашев построил первую роту. полковник Рацул поздоровался, молча прошел по фронту и вышел из ротного помещения. Старик благословил своих кадет.

От корпуса до казачьего училища довольно далеко. Шли гимнастическим шагом, и бедный четвертый взвод еле поспевал. Оружия с нами не было никакого, но в пустынном, омертвевшем городе мы не встретили ни друзей, ни врагов.

Помню, как восторженно встретили нас юнкера. Только что одна сотня ушла под Бузулук, а оставшиеся сбились с ног от патрулей и караулов. С этого дня Неплюевская рота взяла на себя все внутренние караулы училища, превращенного Дутовым в арсенал. Подходило Рождество. Об отпуске и доме, о веселых рождественских базарах и балах нечего было и думать, хотя под самый сочельник красные отошли на Бузулук и даже открылось железнодорожное сообщение. Мы вернулись в корпус. Разъехались только уральцы: прямо степью на Илек и дальше по своим станицам. Ушли в отпуск местные оренбуржцы. В первой роте оставалось больше 30 человек. Зато казачье училище отблагодарило нас за неделю патрулей и караулов, вооружив нас трехлинейными винтовками. Их торжественно водрузили на их законное место под ключ, и седьмой класс спешно начал учить бывших «гимназистов» ружейным приемам.

Корпусной праздник Оренбургского Неплюевского корпуса празднуется второго января. Дата не очень удобная в нормальное время, так как даже в далеком Оренбурге больше половины кадет обыкновенно разъезжалось. На этот раз волей-неволей мы были гораздо многочисленнее.

Как всегда, бал происходил в спальне первой роты, и, совсем как раньше, играло два оркестра: наш кадетский и знаменитый на всю Россию симфонический оркестр Оренбургского казачьего войска. Приглашены были старшие классы Оренбургского института, юнкера обоих училищ и много офицеров. Классы были превращены в традиционные китайские, персидские и т. п. комнаты-гостиные. Был кружон, пирожные, бутерброды. Последний бал в истории старого и славного корпуса, девятнадцатый выпуск которого должен был состояться через несколько месяцев. Сейчас все это кажется невероятным. В осажденном городе люди, которым новая власть обещает только смерть и исчезновение, танцуют под звуки «Дунайских волн» и «Березки». Красивые, с голубыми лампасами казачьи формы, черные мундиры кадет и белые пелеринки институтков. Как будто бы в Петербурге не бросали кадет в воду и товарищ Кобозев¹¹⁷ не готовился в своем Бузулуке к новому нападению на казачью контрреволюцию.

На следующее же утро, 3 января, красные повели новое наступление на Оренбург.

Стояла суровая уральская зима. Снежная и морозная. Каждый день новая станция падала в руки красных, теснивших слабые добровольческие отряды. Все яснее становилось, что в своей массе казачество защищаться не желает и не будет.

Вот уже меньше ста верст осталось Кобозеву до Оренбурга. Слава Богу, глубокий снег мешает ему продвигаться скорее. Война ведется по железнодорожной линии, и обе стороны подвозят свою пехоту в эшелонах, прямо в стрелковую цепь. 7 января, конечно, никто из отпуска не вернулся. Уроки не начинались, и мы продолжали спать в классах. Кадеты нервничали. Однажды днем, внизу, в вестибюле, шум и громкие голоса. Незнакомый военный без погон, хорошо одетый, с худым и красивым лицом, что-то с жаром говорит. Спускаемся почти всей ротой. Мало ли что бывает. «Кадеты, я левый эсер, но я порвал с этой с.... Чего вы ждете? Кобозев будет завтра в городе, и его матросня вас всех перережет, как цыплят. Идите в мой отряд». Левый эсер волнуется, убегает. Он, конечно, начал с психологической ошибки — с «левого эсера», но положение таково, что кадеты готовы идти за кем угодно, лишь бы не дать себя «зарезать, как цыплят». Полковник Рацул вмешивается. Вежливо выпроваживает гостя, но на следующее утро целая группа наших кадет исчезает. Пошли, значит, «в левые эсеры».

Раздаются голоса: нужно выступать всей ротой.. но куда и с кем... Волнение достигает высшей точки, когда 12-го утром мы узнали, что вчера, под станицей Сырт, наша группа понесла первые потери. Кто-то убит, есть раненые. Помню, что я очень волновался за моего брата Андрея, ушедшего на фронт. С другой стороны, станица Сырт — меньше чем в 50 верстах от Оренбурга.

Вечером нам привозят раненого. Это Миша Пискунов — шестого класса. Убит семиклассник Михаил Кулагин. Убит в цепь, пулей в грудь. Наш фельдшер оmyвает его в мертвецкой, рядом с часовней. Тело оттаивает, делается снова гибким. Из рваной раны в груди выходит кровавая пена. «Пробито легкое, — говорит фельдшер, — ну и замерз потом в снегу». Но все равно, «рана смертельная», утешает он кадет. Бедный Миша Кулагин. Тонкий и нежный, как девочка. Шестнадцать лет.

Хоронили его 14-го, на Военном кладбище, с исключительной торжественностью. Нужно пройти через весь город и почти целиком главную улицу. Первая рота со своими новенькими трехлинейками. На взводах кадеты, т. к. из воспитателей в строю один полковник Рацул. Директор и остальные только присутствуют. Медленная процессия огибает генерал-губернаторский дворец, выходит на Николаевскую улицу. Оркестр играет «Не бил барабан...». Марша Шопена разучить не успели. В этот день весь город на улицах. Люди стоят шпалерами. Молчат. Слава Богу, нет хоть враждебных выкриков. То ли боятся винтовок, то ли просто стыдно еще. Ведь гражданская война только начинается здесь, на далекой туркестанской границе. На кладбище речи. Какой-то штатский в пенсне говорит, что Миша Кулагин погиб за Родину и (он поколебался) .. и за... революцию. Мы молчали только потому, что были в строю. Три залпа. Первые три залпа Неплюевской кадетской роты, которая родилась здесь, сейчас, у свежей могилы Михаила Кулагина. Усталые и озябшие, но все же равняясь и печатая шаг, возвращаемся в корпус. Сегодня белые отряды отошли к станции Каргалла, что только в двадцати пяти верстах от города. На юго-востоке красные в Илецкой Защите.

Пятнадцатого утром, вся рота собирается в одном из классов. Пришел сын нашего историка, прапорщик Хрусталеv. Он прошлого года 89-го выпуска и недавно окончил Павловское училище. Восемнадцать лет. «Ребята, если мы не поможем, завтра большевики будут в Оренбурге. На фронте двести человек. Вас просит командир Добровольческого батальона, через меня. Я и Миллер — командуем ротами. (Миллер того же 89-го выпуска, но он еще не офицер, так как он Николаевского училища, а не Павловского, где курс длиннее. Эти два училища наши традиционные, в особенности Николаевское, в сотню которого

шло много наших кадет. Он тут же, в кавалерийской шинели и алой бескозырке).

«Не ставьте «Отца» в неудобное положение. Не уходите целой ротой и строим, — продолжает Хрусталеv. — Нужно быть самое позднее через два часа в казармах запасного полка, около вокзала».

Менее чем через час мы были все в сборе. Мне пришлось воевать с Юзбашевым — мне не было пятнадцати лет. Но ведь я был в первой роте, на самом законном основании, в ней четвертый взвод — такой же строевой, как и первый. Нас спешно одели. Ватные куртки, штаны, бараньи полушубки, валенки, папахи. До вокзала шли в кадетских фуражках. Первый раз запели ротой уже дошедшую до Оренбурга песню:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую .

Был солнечный, морозный день пятнадцатого января восемнадцатого года, один из последних дней белого Оренбурга. Об этом мы даже не думали. Не могло же быть, чтобы мы, с нашими старшими друзьями юнкерами, не отбросили банды Кобозева обратно к Самаре. А там Корнилов и Алексеев двинутся с Дона и разгонят большевиков.

До Каргаллы ехали час в отопленных и хорошо оборудованных теплушках.

Вот она, Каргалла, маленькая станция в Оренбургской степи. Здесь когда-то бродили шайки Пугачева и проходили на рысях гусары Михельсона. Кругом белая бесконечная степь. Далеко, в стороне большевиков, вправо от однопутной железнодорожной линии — дымки большой деревни. Это Поповка, и в ней — большевики. Дымок на линии — их эшелон, а может быть, бронированная площадка, такая же как и наша, что стоит на путях. На станции сотня казачьих юнкеров и роты две эсеровских добровольцев.

Эсеровские добровольцы (они ходят без погон и называют себя отрядами Учредительного собрания) величают друг друга «товарищами». Пытаются так называть и нас. Дело чуть не доходит до драки, а связиста из штабного вагона выкидывают из купе. Даже не мы, а дежурный офицер, бывший кадет 2-го корпуса. Их офицеры, они в погонах, приходят с извинениями. Слово «товарищу» у них было будто бы в обращении всегда и употребляют они его не в политическом, а в «обиходном» смысле.

Славно поели жирного солдатского кулеша, и, как настоящим солдатам, нам выдали по полстакана водки. Вечером в двух вагонах кадетскую роту передвинули к железнодорожной будке, в двух верстах от станции.

Сменяем в заставе офицерскую роту. Застава в полуверсте от будки, в снеговых окопах, по обеим сторонам железнодорожного полотна. Там на всю ночь остается одно отделение. Спим в большой землянке, — рабочих казармах, на нарах. Печь больше дымит, чем греет. На дворе градусов двадцать мороза. Каково, должно быть, нашим в заставе. Овощные консервы. Промерзший хлеб. Под утро Хрусталеv сменяет в заставе Миллера с его отделением. Приходят замерзшие, но бодрые. У большевиков все тихо, только где-то очень далеко слышны паровозные гудки. Должно быть, в самом Сырте — верст 10 или 12 впереди. В Поповке, что почти на фланге заставы, только лают собаки. С этой стороны позицию защищает глубокий снег.

Утро шестнадцатого января. День обещает быть таким же солнечным и морозным, как и вчера. Грели чай на плохо горящей печке. Слава Богу, оттаял хлеб. Первое отделение третьего взвода готовится идти в заставу, в подкрепление. На Оренбургском фронте воюют только днем.

Было часов девять утра, когда со стороны заставы послышалась частая ружейная стрельба и почти сразу разорвался первый снаряд. Вошел в дело приданный нам пулемет.

— Ведите всю вашу роту, прапорщик, — распорядился капитан — начальник участка. — Вы — на Каргаллу, бегом с донесением, — повернулся он ко мне.

Трудно бежать в тяжелых валенках по шпалам. Станционные здания, с дымками паровозов на путях, никак не хотят приближаться. А сзади — бой разгорается, и мне видно с полотна, как ложатся, совсем близко от нашей будки, снаряды.

Из Поповки показалась стрелковая цепь. Черные муравьи на белом фоне. Отсюда, за две версты, кажется, что они не двигаются. Их цель, по-видимому, обойти нашу позицию справа. С Каргаллы их цепь, конечно, видят, и вот красивым барашком рвется первая шрапнель нашей бронированной площадки. От меня, с высокой насыпи полотна, все видно, как на ладони. Сзади, где железнодорожный, прямой как стрела путь исчезает в белой дали — тоже дымки и темнеет большевистский бронепоезд.

На станции добровольческие роты уже грузятся и юнкера сажают коней. Они постараются обойти красных на нашем левом фланге, но — снег их остановит...

Паровоз, прицепленный сзади, толкает пять теплушек с добровольцами. Я примостился на подножке паровоза. Холодно, светло, весело и жутко. Там, в стороне Сырта, перестрелка принимает характер настоящего огневого боя. Пули уже посвистывают около будки, у кото-

рой разгружаются добровольцы. Одна из их рот разворачивается пол-оборотом направо против цепи, вышедшей из Поповки, и медленно начинает продвижение, утопая в глубоком снегу.

Наших нет никого. Даже дневального около наших вещевых мешков. Дневальный (это мой одноклассник Доможиров) сбежал «на фронт». «Фронт» был в полуверсте, и идти «на фронт» можно было только по полотну железной дороги.

— Идите осторожно, — напутствовал меня начальник участка, — ниже полотна, если сможете.

Но ниже полотна лежал глубокий снег с подмерзшей корочкой, дающей ему обманчиво солидный вид. Два-три раза я провалился по пояс и в конце концов взобрался на насыпь. Я как-то не сразу сообразил, что то, что свистит и мяукает в воздухе или со стеклянным звоном бьет по рельсам, — это и есть пули, которые убивают людей. Но, поняв это, я до первой крови не мог вообразить, что они могут убить или ранить. Потом я много слышал и пуль, и снарядов и знал, что значит их жужжанье и мяуканье, и относился к ним как относятся все: боялся и старался, по мере возможности, не показывать, что я боюсь. Удавалось это, конечно, «по-разному», но в это утро, шестнадцатого января восемнадцатого года, я спокойно шел по железнодорожному полотну Самаро-Ташкентской железной дороги, под жестоким ружейным и пулеметным обстрелом.

Вот, наконец, вправо от полотна, перпендикулярно к нему вырытый в снегу окоп. Красно-черные фуражки — Неплюевская рота. Солнце заливает окоп, повернутый на юго-восток своим профилем. Над ними свистят те же пули, которые свистели только что на насыпи. Кадеты сидят, покуривая выданную вчера махорку. Винтовки прислонены к брустверу. В амбразуре — пулемет. Мы не стреляем. Впереди, шагах в восьмистах перед нами, лежит «их» цепь. Все в черном, должно быть, матросы. Это мне рассказывают, т. к. цепи почти не видно: она зарылась в снег. Когда матросы поднимаются и пытаются сделать перебежку, Хрусталеv поднимает роту и делает два-три залпа. Говорят, что успех потрясающий, и цепь зарывается снова. Конечно, сильно помогает пулемет. Все же они продвинулись шагов на пятьсот, но, как объясняет Хрусталеv, нужно было их подпустить поближе, для большей меткости огня.

Справа, у Поповки, большевистская цепь отходит, а добровольцы приближаются к деревне.

Красный бронепоезд пытается нащупать нас из своей пушки. Но им так же нас не видно, как и мы не видим их цепи. Только головы, когда стреляем залпами. Уже за полдень. Едим мерзлый хлеб и вкус-

ные мясные консервы под свист пуль и иногда близкие разрывы снарядов.

Вот по насыпи прошла наша броневая площадка, привлекая на себя огонь красной артиллерии. Целая очередь падает совсем близко от окопа, засыпая нас снегом. К счастью, снаряды «глохнут» в снегу и не дают осколков.

Бой оживляется. Все чаще и чаще поднимает Хрусталеv свою роту к брустверу. За красной цепью, вне достижимости ружейного огня, останавливается эшелон. Виден как на ладони паровоз и красные вагоны, из которых высыпаются люди и двигаются густыми цепями на поддержку матросов.

Матросы снова поднялись и идут перебежками. Между залпами «Белый огонь» — командует прапорщик Хрусталеv. «Миллер ранен» — кричат с правого фланга. Наш тонный юнкер идет вдоль окопа, поблестевший и со стиснутыми зубами, поддерживая левой рукой правую, которую заливает кровь. Кровь на снегу окопа и на бруствере. Вот она, первая кровь. Для Неплюевского корпуса, увы, она не первая.

Почти сразу после ранения Миллера убит пульей в лоб один из офицеров-пулеметчиков.

«Рота... пли. Рота... пли», — командует Хрусталеv. «Веселей, ребята, веселей». Он боится, что этот первый в кадетском окопе убитый плохо подействует на его молодых солдат.

«Рота... пли. Белый огонь». Матросы не просто останавливаются, а убегают. «Рота... пли». Винтовки накаляются. «Ур-р-ра... Рота... пли».

Пули продолжают петь над окопами, но уже не в таком количестве и не такие меткие.

Вот капитан, начальник боевого участка, спокойный, молодой еще офицер. «Славно, однокашники, славно. Я сам воронежец. Приятно за своих». Оказывается, мы только что отбили сильную атаку. Снег нам, конечно, помог, но и без снега мы ее отбили бы, только несколько лишних раз скомандовал бы прапорщик Хрусталеv: «Рота... пли», да сильнее бы кричали «Ура».

Еще несколько раз пытаются подниматься красные цепи, но — почти немедленно — зарываются в снег.

Короткий зимний день на склоне. Синие тени ложатся в окоп, и холод начинает пронизывать до костей. С той стороны красные начинают грузиться в эшелоны. «Едут спать в Сырт», — шутят знатоки «железнодорожной» войны. Мы тоже скоро на Каргаллу.

Нас отягивают к будке еще засветло. Редкие уже пули свистят над полотном. Идем гуськом, поддерживая дистанцию шагов в пятнадцать. Это, пожалуй, самый жуткий момент за сегодняшний день. Ранен в

мякоть ноги Доможиров. Упал на шпалы и пытается подняться. Его ведут под руки два кадета. Ранен в щеку Мишка Дубровский. И он, и Доможиров моего первого отделения пятого класса. На этом кончатся наши потери. В строевой роте Неплюевского корпуса за день три легко раненных. Это свои. Убит прапорщик-пулеметчик. Все атаки отбиты, и, судя по поведению красных цепей, потери с той стороны несоизмеримо больше.

У железнодорожной будки нас ждет для смены офицерская рота. Сейчас она пошлет заставу в наш славный снеговой окоп, заваленный пустыми гильзами и политый кровью.

Снова теплушки и Каргалла. Только теперь, вечером, чувствуется, насколько мы устали. Что-то наспех едим и ложимся вповалку вокруг пылающей печки. Свирепый ночной мороз проникает в теплушку. Тепло только у печки. Не помогают ни полушубки, ни валенки. Ночью наши вагоны катают по путям. Все время гремят буфера, и толчки мешают спать. Просыпаемся утром в Оренбурге. В чем дело? На отдых. После одного дня. Не может быть. Должно быть, генерал Пузанов настоял на нашем возвращении в корпус.

Строимся, чтобы идти в казармы запасного полка. Третьего дня мы выглядели очень красочно в новеньких желтых полушубках. Плохо отделанная кожа не выдержала снега и жара раскаленной печки. Полушубки покоробились и почернели. Лица усталые от двух полубессонных ночей и двух дней на жестоком морозе.

Снова запели: «...Смело мы в бой пойдем...» Только в казармах, когда мы пили чай из жестяных солдатских кружек, обжигая с непривычки пальцы и губы, Хрусталева сообщил нам ошеломляющую новость: атаман Дутов решил оставить город. Большевики уже, должно быть, в Каргалле, которые белые оставили еще ночью, по приказе из Оренбурга. Со стороны Туркестана — красные у ворот города. Сил нет. Всего, считая офицеров, юнкеров, эсеровских добровольцев и нас, кадет, у Дутова — не более полуторы тысячи человек. Это на два фронта и для поддержания порядка в глухо волнуемом городе. Атаман уходит с казачьими отрядами и юнкерами на северо-восток, к Верхне-Уральску, чтобы оттуда организовать новую борьбу. Добровольческие отряды уходят в Уральскую область, где власть еще в руках атамана.

Сегодня вечером город будет оставлен, и завтра большевики в него войдут.

«Кто куда, ребята». Сам Хрусталева и раненый Миллер идут в Уральскую область. Часть оренбуржцев решает идти с атаманом, местные остаются в городе. Человек сорок иногородних идут с Хрусталевым и Миллером, в том числе брат и я.

Я пошел в корпус взять кое-что из вещей, — не доходя встретил полковника Азарьева. Старый полковник спешил в казарму, задыхаясь от астмы. Не дал мне стать во фронт. Я знал, что ему нужно. «Убитых нет, господин полковник. Только три раненых». — «Кто? Тяжело?» Я успокоил старика, и он так же быстро продолжал свой путь к казармам. Корпус пустой и осиротелый. Не видно даже младших кадет. Их, наверное, не выпускают из рот. Мы уйдем, а завтра придут большевики, и некуда спрятать полтора десятка мальчиков, что остались в стенах корпуса. Может быть, поэтому наши ротные командиры только молча нас благословили. Завтра они снимут погоны, которые мы не сняли, и будут унижаться перед людьми Кобозева, чтобы спасти этих полтора десятка детей. Ведь не вести же их к Уральску, по голой степи и двадцатиградусному оренбургскому морозу. Остается распустить старших и взять на себя ответственность за караулы в училище, за Сырт, за торжественные похороны Кулагина и за вчерашний бой.

В первой роте ни души. Даже Пискунов уехал куда-то на извозчике из лазарета. В последний раз вижу свой класс. В парте еще остатки позавчерашней булки, на стене снова повешены найденные на чердаке портреты Императорской Фамилии.

Мрачный дядька второй роты, которого все с незапамятных времен зовут Паном, брюзжит под нос. Он очень стар и не совсем понимает, что происходит. «Что это за манера в классах спать? Никогда этого не было. Давно уже уроки начаться должны. Ведь вот уже семнадцатое января. Дисциплины нет. Да, что с вами говорить. Вы — первая рота, скоро в офицеры, нас, стариков, не слушаете». У него рукава в золотых шевронах, на носу трясутся очки. «Прощай, Пан». В пятнадцать лет не верится, что я больше никогда не увижу Оренбурга и не войду в свое отделение. Все кажется мне очень простым и разрешимым. Через две недели Корнилов их прогонит и нам пришлют телеграммы на дом. А сейчас нужно спешить к Корнилову, пока не поздно.

Из Уральска в Саратов. Там нет моста, и поезд грузится на «ферри-бот». Это страшно интересно, совсем как в Японскую войну, когда не существовало Кругобайкальской дороги. Из Саратова в Балашев, оттуда в Лиски. Здесь начинает щемить сердце — от Лисок уже одинаково близко и к дому, и к Корнилову.

Ну, увидим, что делать в Лисках.

Прощай, Пан, до свидания первое отделение пятого класса. Жаль, что нет никого из воспитателей, чтобы рассказать про Каргаллу.

Снова казарма запасного полка, Хрусталева и знакомые, ставшие родными за долгие годы лица.

Деятельно готовимся к выступлению. Опять новые полушубки. Учат накручивать солдатские портянки. Трудно и занятно. Взять с собой валенки и рукавицы — идем ночными переходами. Не отставать — в степи много волков. Волки страшнее большевиков. Должно быть, из-за нянюшкиных рассказов. А большевиков мы видели вчера. Черные прыгающие фигурки на белом снеге. «Рота... пли» — и фигурки падают на снег. Смешно и не страшно. А волки едят коз и маленьких детей, а когда их много, нападают даже на взрослых, таких, как мы. Так написано в «Детях капитана Гранта» и в «Сибирочке» Чарской. Можно не успеть вложить новую обойму в «каргаллинскую» трехлинейку. Ведь на морозе пальцы плохо повинуются, а волки не ждут.

Вечером семнадцатого января восемнадцатого года остатки первой роты Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса оставили город с юнкерами и добровольцами. Всего около трехсот человек. До первой станции около двадцати верст, пешком. Оренбург замер. Фонари еще освещают странно пустые улицы с закрытыми наглухо ставнями домов. Хрустит мерзлый снег под солдатскими сапогами и глухо стучат подметки по деревянному Сакмарскому мосту. Маленькая колонна поворачивает влево, вдоль Урала, по старой Пугачевской дороге. Впереди двести пятьдесят верст голой Яицкой степи, годы жужжащих пуль и рвущихся снарядов.

«Не отставай, ребята, — озабоченно говорит вице-фельдфебель Юзбашев. Он беспокоится за маленьких — Сзади обоз — отстаешь — влезай на сани. Винтовок не бросать», — кончает он строго.

Последние домики Оренбурга остались сзади.

Спереди в лицо била степная российская пурга.

Е. Яконовский

ПУГАЧЕВСКИЕ ДОРОГИ¹¹⁸

Итак, первая попытка сопротивления белого Оренбурга кончилась оставлением города после боя у Каргаллы, 16 января восемнадцатого года. Атаман Дутов уходил с Казачьим училищем и несколькими сотнями верных казаков в сторону Верхнеуральска, к северо-востоку от Оренбурга. Добровольцы шли в противоположную сторону, к юго-западу, к уральским казакам, в надежде поднять их против ленинской власти или поддержать их, если бы они поднялись сами. Отряд этот состоял из остатков офицерских рот, Отряда защиты Учредительного собрания, Оренбургского пехотного училища и полуроты не-

плюевцев с прапорщиком Хрусталевым и раненым под Каргаллой юнкером Миллером во главе. Всего человек до пятисот. Поздним вечером 17 января отряд перешел Сакмарский мост и углубился в мутную от пурги степь.

Первый переход был очень тяжелый. Роты шли пешком, по глубокому снегу. Кругом завывала пурга, смерчами крутя снежные иглы. Мороз был градусов на двадцать пять. Спасали папахи и полушубки, в которые нас одели перед Каргаллой в казармах запасного полка. Отстающих подбирал санный обоз. Отстать означало верную смерть. Не говоря о пурге и морозе, кругом бродили волчьи стаи, и время от времени обозники постреливали в мутную темноту. Зато в такую ночь ни о каком преследовании не могло быть и речи. Двигались медленно, почти ощупью, всю бесконечную январскую ночь. Утром большая, еще оренбургская станица. У нас, кадет, денег нет, конечно, никаких: ни царских, ни «керенок», ни новых, выпущенных Дутовым за время блокады, — «оренбургских». Вот она, встреча с реальной жизнью... Не дымится на длинных столах чай в белых кружках и не лежит рядом с кружкой пол французской булки. В «той» жизни все это стояло и дымилось в ожидании команды «сесть»... В этой же, «настоящей», нужно было заказать и заплатить. В избы принимают в этих суровых краях, в тепле не отказывают ни собаке, ни даже киргизу. Для уральца и, может быть, в чуть меньшей степени, соседа его оренбуржца киргиз — хуже собаки. К нам относятся с недружелюбным подозрением. Если бы еще с нами был атаман... А то одни «иностранцы». Еще, чего доброго, большевики идут следом. Теперь нам понятно, почему пал Оренбург и почему у Дутова, кроме юнкеров и сотни-другой «стариков», не нашлось защитников.

К счастью, Хрусталев уже знает жизнь «настоящую». Недаром он уже пять месяцев — прапорщик, а перед тем был юнкером. Он долго торгуется с казаками за наш чай и завтрак. Бегаёт по избам — мы расположились человек по восьми—десяти, и довольно разбросанно, — устанавливает связь; долго здесь не останемся из-за близости Оренбурга. Завтрак зато на славу. Спим на сене, часа три. Когда выходим после полудня, снова начинается метель. На этот раз начальство не решается рисковать: до ближайшей, уже уральской станицы около тридцати верст, что в метель, грозящую перейти в настоящую пургу, — за вихрями снега не видно первых рядов взвода, — представляет по крайней мере пятнадцать часов утомительного марша — значит, придем в станицу глухой ночью. Колонну поворачивают через полчаса обратно. Слава Богу! Пожалуй, на этот раз, даже при наличии нашего патронного обоза, мы не всех досчитались бы на следующее утро.

В своем начале гражданская война еще сохраняет кое-какой комфорт. Мы все тепло и однообразно одеты в полушубки, ватные штаны и валенки. На голове папах с наушниками, на руках пехотные суконные рукавицы с одним пальцем. В теплушках под Каргаллой жарко топились печи, и даже снежные окопы, в которых мы провели день 16 января, кто-то нам заранее приготовил. Так и теперь. Хотя маловероятно, что бузулукские красновардейцы и матросы бросятся за нами вдогонку в такую метель, все же штаб решает выступить. Для всего отряда нанимаются сани-розвальни. Не прошло и двух часов, как выступаем снова, утопая в сене. Удобно, но зато скоро делается холодно, несмотря на валенки и рукавицы. В одних санях со мной молодой кавалерийский поручик из офицерского отряда и один из нашедших у нас временный приют, кадет 2-го кадетского корпуса Лихошерстов — сутуловатый, большерукий и большеногий, как породистый щенок. Попал он в мое отделение «классного надзирателя» Григория Семеновича Хрусталева, нашего «историка» и отца нашего восемнадцатилетнего командира. Мы очень с ним подружились еще в Оренбурге и стараемся быть везде вместе. Вот и едем в одних и тех же розвальнях, хотя он первого, а я третьего взвода. Он все время шушукается с кавалерийским поручиком, и я чувствую себя обиженным. Наконец он спрашивает поручика, кивая головой в мою сторону, — а ему можно сказать? Поручик мерит меня критическим взглядом, который, как мне кажется, говорит — куда ему? это еще ребенок, — но все же снисходительно произносит:

— Ну что же, говорите.

— Мы собираемся спасти Государя, — шепотом объясняет мне мой столичный приятель. От ошеломившей новости захватывает дух. — Да, да! Из Уральска мы едем в Сибирь, организуем там отряд и освободим Государя и всю Семью. Только сейчас молчи! А ну, перекрестись, что никому не скажешь!

Я снимаю папаху и рукавицу и крещусь на тридцатиградусном морозе, под завывание уральской пурги.

Потом мечтаю, как все это произойдет. Подробности уж слишком сложны. Сначала я пытаюсь их себе представить, но уж очень все это трудно, и я от них отмахиваюсь. Начинаю с момента, когда я, именно я и совершенно один, останусь с Ним с глазу на глаз и скажу по-французски, чтобы никто нас не слышал: «Sire, nous sommes venus pour vous libérer!»

Государь улыбнется своими серыми глазами (это только для того, чтобы улыбкой не выдать нашего диалога) и скажет: «Как хорошо вы говорите по-французски, молодой человек. Вы, наверное, паж?» — «Нет, ваше величество. Я всего лишь кадет пятого класса Оренбург-

ского Неплюевского корпуса, но мое отделение в первой роте». Тогда Государь пожалует Неплюевскому корпусу свое шефство, и мы будем носить накладной вензель. Меня же он возведет в графское достоинство. А потом я буду запросто приглашаться в Царскую Семью, познакомлюсь с Наследником, который только на один год меня моложе, и стану когда-то, очень и очень не скоро, первым лицом в царствование Императора Алексея Второго.

Под эти мечты и под завывание метели я засыпаю. В полной темноте въезжаем в первую уральскую станицу. Название ее мне знакомо по «Истории Пугачевского бунта». Отсюда вышел Пугачев для нападения на Белозерную, которая в «Капитанской дочке» называется «Белогорской», и здесь, совсем недалеко, погиб отряд генерала фон Карра. Может быть, в какой-нибудь из этих изб пьянствовал со своим каторжным штабом безграмотный хорунжий Войска Донского, потрясший трон Екатерины?

— Не курите в избе, — предостерегает Хрусталева. — Уральцы в большинстве староверы. Нас они называют «единоверцами». Единоверцев принимают в «чистую» избу, куда не вхожи татары, киргизы и вообще мусульмане. Но все же для единоверцев существует особая посуда, которой никогда не пользуются наши суровые хозяева.

На мою беду, я брүнет, что вызывает подозрительность старика казака, нашего хозяина.

— Ты не киргиз?

— Нет.

— Не татарин?

— Нет.

— Покажи крест!

О ужас!.. Я все последнее время носил золотой крестильный крест. Совсем недавно он поломался, и я оставил его в парте среди своих вещей. Ведь через две недели нас вызовут обратно телеграммами, так как Корнилов их разгонит. Объясняю, путаясь, историю моего креста.

— А ну, прочти «Отче Наш»!

Читаю, сбиваясь от волнения, и от волнения же начинаю креститься, но старик резко меня останавливает:

— Ты перед образами, по-никониански, не осеняй себя в моем доме...

Зато он убеждается, что я не татарин и не киргиз, и в оправдание своей подозрительности говорит, что «и в Уральском войску есть черномазые вроде тебя». Так они, дескать, привыкли и не обижаются, когда их экзаменуют в казачьих избах по Закону Божьему. Мои спутники смеются — вот черти! Сказали бы просто все, что я православный.

За столом старик расспрашивает про падение Оренбурга. В станицу возвращаются фронтовики. Они без погон и, по-видимому, ссорятся со стариками. А вообще — даже у стариков в голове сумбур Ленинскую марксистскую революцию понимают как сведение счетов крестьян с помещиками, в которые им, казакам, вмешиваться никак не следует. По-видимому, в этом отношении симпатии нашего хозяина на стороне революции. Также доволен он и концом войны и демобилизацией. Зато без Царя жить никак нельзя, и здесь он ругает большевиков, как ругает и молодых казаков, снявших погоны.

Спим в теплой хате, на застеленном чистыми простынями сене и выступаем рано поутру, чтобы засветло достичь Илека. До сих пор мы двигались почти параллельно железнодорожной линии Оренбург—Самара, до которой не больше 20—25 верст. Не будь снега и двухдневной метели, красные попытались бы перерезать нам путь. Но на всякий случай командование отряда торопится. От Илека до линии уже верст 55, и опасность нападения со стороны железной дороги в это время года совершенно исключена. Поэтому стоим в Илеке несколько дней. В маленьком городке, затерянном в Уральской степи, на полдороге между Оренбургом и Уральском, — но таком похожем на каждый русский заштатный город, на Корочу или Обоянь, на Умань или Ахтырку, с единственной гостиницей-трактиром, в котором играют «на пиво» в бильярд и можно вкусно пообедать и даже выпить, люди тоже сняли погоны. Впечатление такое, как будто бы Уральское войско старается сохранить нейтралитет в гражданской войне, и появление нашего отряда в его пределах никак не радует местные власти. Все же отряду отвели приличное помещение, казарму, служившую раньше для казачьих сборов, и мы несем собственные караулы. В трактире встречаю моего одноклассника Забродина. Он в бушлате, без погон и похож, из-за красного воротника на однобортном мундире, на гоголевского городничего.

— Ты что снял погоны, Мишка?

— Атаман приказал. — Мишка, видимо, не хочет входить в подробности и деловито целится кием в шар.

На нас, собственно, погон тоже нет. Их не носят ни на полушубке, ни на ватной стеганой куртке, которые мы не снимаем. Но Мишка Забродин — в бушлате, и погоны ему полагаются.

— Нет... Ты не врешь, Мишка? — уж очень обидно за его вид консисторского чиновника.

— Я же вам говорю, что по всему войску приказ — снять погоны, — сердится Забродин. Ему, видимо, стыдно за свое войско.

И действительно, все жители Илека без погон и, что еще хуже, без кокарда на фуражках с малиновым околышем.

— Чаво нам с Машквой шориться из-за погон? А так мы шами шобой живем.

Наши воинственные настроения определенно не нравятся, так как рискуют втянуть «войшко» в «шору» с «Машквой». И действительно, дней через десять приходит распоряжение из Уральска о разоружении и расформировании нашего отряда. Морально к этому мы уже подготовлены. Все надежды переносятся с близкого Уральска на дальний Ростов, на Корнилова. Поэтому спокойно сдаем оружие в атаманское правление. Лихорадочно изучаем географическую карту. До Уральска все та же пугачевская степь, и единственный способ передвижения — сани. Дальше — железная дорога на Саратов. Поезда ходят, но на станции Урбах — «граница». Там дальше «Машква» со своими красногвардейцами и, наверное, обыски в поездах. У Ртищева линия, выходит на магистраль Пенза—Балашов—Лиски и идет дальше на Харьков. Это «моя» линия, по которой я езжу шесть раз в год. Стоит в Лисках сестра в ростовский поезд, и вот уже Ростов и Корнилов. По карте кажется очень просто. Пока же Хрусталева воюет за «суточные».

Гражданская война только в своем начале, и многое еще и у нас, и, наверное, у большевиков делается по старинке. Вот и дают нам, кадетам, «суточные», как нижним чинам, хотя сани до Уральска стоят одинаково дорого для всех. В атаманском правлении ничего не хотят знать. И так уже «войшко» берет на себя расходы по «демобилизации» неказачьей части. Выручает наше командование, которому удастся уговорить местный банк разменять наши «оренбургские» кредитки. Так что на «сани» нашлось.

Выехали морозным солнечным утром, разбившись на группы по пять-шесть человек.

До Уральска три дня езды. Те же казачьи избы, те же суровые и молчаливые старики, колеблющиеся между казачьим нейтралитетом и желанием навести порядок. Встречаются верховые фронтовики. Все они без погон. В избах они спорят:

— Ленин войну кончил. Чего мы против него пойдем? Это офицеры за войну.

Старики за офицеров. Во всяком случае, за своих, казачьих. Фронтовики стоят на своем:

— Вот оренбуржцы пошли за офицерами, и большевики теперь в Оренбурге, а атаман по степи шатается.

Это камень в наш огород. Вот он, Уральск. Я представлял его почему-то совсем другим. Может быть, из-за его старинного названия: Яицкий городок. Мне казалось, что он должен был быть обнесен частоколом, весь в узеньких улицах, с бревенчатыми домами. Это обык-

новенный провинциальный русский город, с широкими улицами, хорошими каменными домами на главной улице, с электрическими фонарями, казенными зданиями николаевского стиля.

О нашем прибытии уже знают. На постоялом дворе, куда одни за другими приходят наши сани, уже несколько хорошо одетых дам.

— Мне одного, пожалуйста...

Хрусталеv обращается ко мне:

— Вот, иди ты.

Почему я первый? Должно быть, потому, что самый молодой? Ужасно обидно, но делать нечего, да и дама такая милая и чуть не плачет. Так, почти сразу после нашего приезда в Уральск, я попадаю в семью войскового старшины Уральского войска Фокина. Его младший сын — кадет Вольского корпуса. Это уже совсем хорошо, тем более что Николай Фокин даже моего возраста. Об этих суровых «волжанах» у нас в корпусах ходят самые невероятные легенды. Еще совсем недавно у них пороли по субботам (кажется, до 1907 года, т. е. до полного уничтожения телесных наказаний в российской армии). Но в других корпусах говорят, что их пороли до самой революции, что, конечно, сплошной вздор. Но вот на станции Пенза, перед приходом балашовского поезда с вагоном вольцев, запирался буфет. Это мы, неплюевцы, знаем, так как наш поезд со стороны Самары приходил на полчаса раньше. Впрочем, возможно, что буфет закрывался по какой-нибудь другой причине, но все мы с чуть преступным восхищением связывали закрытие буфета с отчаянной и лихой репутацией вольцев.

У войскового старшины тепло, уютно, хотя немного тесно. Старший сын, подьесаул, ходит дома в кителе при погонах, но выходит в шинели без погон. Атаманский приказ о снятии погон, к несчастью, не выдумка илецкого начальства.

Подьесаул, чуть-чуть снобирующий петербургским выговором, он из «Гвардейской школы»¹¹⁹, жалуется на казаков, по его словам, совершенно разложенных большевистской пропагандой немедленного мира. Погоны они снимали еще на фронте и во многих полках заставили их снять и своих офицеров.

— Атаман просто узаконил фактически создавшее положение... а вот ему носить можно, — подьесаул кивает головой в сторону брата, — так как Вольск не на казачьей земле, ну а не казачьи погоны дело не наше, а «машковское», — передразнивает он уральский выговор.

Младший Фокин очень завидует эпопее неплюевцев.

— Нас просто распустили на Рождество, как всегда, — разочарованно объясняет он наличие полного кадетского гардероба.

Кстати, он мне очень пригодился, и в первый же мой уральский вечер мы на катке, и я в желтых вольских погонах, хотя на моей фуражке синий оренбургский кант. Даже вместо дырявых валенок на мне снова кадетские козловые сапожки. Только, к несчастью, на моей паре нет привинченных металлических пластинок для коньков.

А так хочется побегать на «Нурмисе» по гладким ледяным дорожкам под вальс «На сопках Манчжурии», который играет казачий оркестр, как играл он еще в прошлом году и пятьдесят лет назад и как никогда больше играть не будет. Но нам не дано еще этого знать. Только музыканты уже без погон.

— Хочешь покататься? — запыхавшийся, раздумывавшийся Колька Фокин тянет меня в раздевалку, и меняемся сапогами.

Боже, как хорошо! Вот теперь играют «Дунайские волны». Нужно показать уральцам, как у нас бегают в Оренбурге. Жду начала новой музыкальной фразы и в такт, медленно, на одном коньке выезжаю на дорожку. Руки за спину. Не сбиваясь с ритма оркестра, все быстрее и быстрее. Маленький кадет Неплюевского корпуса в последний раз в жизни катается на русском катке. Пощипывает щеки мороз, поет в ушах знакомый вальс, шипят, заливая мягким зеленоватым светом блестящий лед, керосино-каильные фонари.

Колька Фокин достает даже водку, и мы важно пьем ее в перерыве за буфетом.

Идут, одни за другими, мои уральские дни. Большинство наших осталось вместе. Живут в казачьих казармах, на казачьем пайке. Что же дальше делать? К Корнилову. Но на станции Урбах красногвардейские заставы. Говорят, что ловят оренбургских «белогвардейцев». Едва ли сможем проехать полной группой с Хрусталевым и Миллером. Кто-то должен начать.

— Поезжай ты первый, ты самый маленький

Обижаюсь ужасно — при чем тут возраст? Первым поедет самый смелый. Хрусталеv вмешивается. Первым поедет тот, кого мы выберем, и из Саратова, пошлет телеграмму.

О Корнилове слухи самые разнообразные. Говорят, что он идет на Лиски. Как бы не опоздать?

Иногда очень хочется домой. Стараюсь отгонять эту сладкую мысль, лозорную для ветерана Каргалльского боя.

Идем как-то с Фокиным в местный военный госпиталь, где лежит его двоюродный брат, уральский хорунжий. Одеты оба в вольскую форму. Я в шинели с желтыми погонями и в оренбургской фуражке; он в бекеше, на которую надел погоны Вольского корпуса, и в своей фуражке с желтым кантом. Проходим мрачными больничными коридорами.

дорами, по которым гуляют шумными тенями худые люди в синих халатах.

— Товарищи... Снимай погоны... — Перед нами больной, по виду солдат. На чахоточном лице туго натянулась желтая кожа. Лихорадочные глаза.

— Снимай погоны... Такой закон вышел... Теперь, товарищи, свобода. — Чахоточный солдат старается быть вежливым. — Теперь все равны, товарищи.

Проходим мимо, стараясь не обращать внимания, и он долго, взволнованным голосом, кричит нам вслед:

— Снимай погоны, теперь такой закон...

Позже были годы суровой солдатской жизни, лицом к лицу со смертью, были ужасы эвакуации, радость побед и горечь отступлений, но ничто и никто не оставил такого следа в душе маленького русского кадета, как этот чахоточный солдат в Уральском военном госпитале. Солдат и последний зимний каток. В первый раз я почувствовал и осознал в этот момент, что произошло что-то непоправимое, что порвалась какая-то внутренняя нить, связывавшая судьбы моего народа, что через две недели меня не вызовут в корпус...

— Закон такой вышел. — И чахоточный солдат, имя которому легион, не хочет больше, чтобы я носил синие погоны с желтым кантом и с буквами «О. Н.».

— Едем к Корнилову! — решают окончательно в казачьей казарме.

— Сидеть здесь нечего. Чего доброго, большевики без боя будут в Уральске.

Из нашей роты осталось человек тридцать, так как оренбуржцы или вернулись домой из Илека, или будут выжидать в Уральске возможности вернуться. В казачьей казарме «иногородние». Пассажиры кадетского вагона «Оренбург — Тула». Острим по поводу изменения маршрута и медленности путешествия.

— Кто разведчиком?

Выбирают меня. Самого «маленького»... Хотя Хрусталева пытается подсластить — я и умный, и расторопный, и хладнокровный, и ловкий, и даже будущий фельдфебель девяносто второго выпуска.

Несколько дней проходит в лихорадочных приготовлениях. Одевают меня в узкую, на меня, гимназическую шинель и еле держащуюся на голове фуражку. Ужасно неприятно чувствовать себя «шпаком». Достают даже гимназический билет. Но... будущий фельдфебель девяносто второго выпуска, когда неделю спустя его поймут без билета в поезде, около Лисок... не будет даже знать своей новой фамилии. Но это потом. А теперь меня приглашают завтракать к местному купцу-

раскольнику, который должен финансировать мое путешествие к Корнилову.

В богатом купеческом доме страшная смесь Замоскворечья и «Столицы и Усадьбы». Завтракаем в обшитой дубом столовой стиля нормандского «рюстик», целый угол которого занят иконами в роскошных ризах. Разговор как-то не клеится, да, кажется, хозяйские дочери вообще не имеют права говорить за столом, хотя они гимназистки старших классов. Получаю двадцать пять рублей. Целый капитал для кадета пятого класса, но, как я очень скоро убежусь, сумма явно недостаточная для моего предприятия. Гордо обещаю выслать телеграфом при первой возможности, недели через две, самое большее — три.

Солнечным морозным утром, на извозчицких санках, меня везут на вокзал.

— Так не забудь: телеграмму из Саратова и, если можно, из Лисок.

Уславливаемся об условных выражениях. Прощай, Уральск, маленький русский город, наивные жители которого думают ценою снятия погон сохранить право играть на бильярде. Прощай навсегда, Оренбург, и трехэтажное светлое здание корпуса перед генерал-губернаторским садом, на сером высоком заборе которого рекламируется огромными буквами жигулевское пиво. Прощай, зимний каток, и прощай, старая Россия, которой не хочет чахоточный солдат и которую три долгих года будет защищать маленький кадетик.

К Корнилову я не попал. Телеграммы не выслал — в Саратове требовали на почте какой-то «мандат» (еще незнакомое тогда слово). Около Лисок какой-то военного вида тип с револьвером придрался ко мне из-за билета (его у меня не было), и я не знал своей «шпажкой» фамилии. Спасли меня неполные пятнадцать лет и деревенские бабы, наполнявшие вагон.

— Оставь мальчонка, — кричали они, — и так от вас жизни нет.

Через неделю, голодный, оборванный, в рваных промоченных валенках, я позвонил под вечер в парадную дверь нашего белгородского дома. Новая горничная, меня не знавшая (да кто мог узнать меня в этом худом и грязном оборванце?), торопливо закрыла дверь.

Помню, что начал бросать камни в наглухо закрытые ставни, до которых не мог достать. Из-за ставень струился спокойный домашний свет. Там, в столовой, наверное, пили чай. Хотелось света, мамы, горячего чая.

И суровый каргаллинский солдат, неудачливый соратник Корнилова, зарылся на груди отчима, который с браунингом в руке осторожно открыл дверь. И только выдержка старого офицера остановила его палец на курке револьвера, когда вдруг серая бесформенная тень бросилась из темноты на его грудь.

И. Акулинин¹²⁰ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ¹²¹ПЕРВЫЙ ПЕРИОД
(с ноября 1917 года по апрель 1918 года)

Борьба Оренбургского казачьего войска с большевиками началась немедленно по захвате ими власти в Петрограде, Москве и других городах России, в первых числах ноября 1917 года.

Оренбургское войско, признав в свое время Всероссийское Временное правительство, советскую власть отвергло.

Получив известие о разгоне Временного правительства и захвате власти народными комиссарами, войсковой атаман А. И. Дутов издал по войску следующий приказ (№ 816, 26 октября 1917 года):

«В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть; таковые же выступления имеют место и в других городах, войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном братском союзе с правительствами других казачьих войск, Оренбургское войсковое Правительство окажет полную поддержку коалиционному Временному правительству.

В силу прекращения сообщения и связи с Центральной Государственной Властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, войсковое Правительство, ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи, с 20 часов 26-го сего октября, приняло власть в Войске».

Этим приказом было положено начало борьбе Оренбургского войска с большевиками, и этот приказ явился руководящим во всех дальнейших действиях войскового правительства.

Ввиду того что большинство городского населения города Оренбурга составляли не казаки, а территория Оренбургского войска окружена крестьянским населением Оренбургской губернии и Тургайской области, а также поселениями башкир и киргизов — решено было для активной борьбы с большевиками образовать в Оренбурге особый орган, а именно — Комитет Спасения Родины и Революции из представителей казачества, городского и земского самоуправления, разных местных организаций и политических партий — от кадет до меньшевиков и правых социалистов-революционеров включительно.

Во главе Комитета был поставлен полковник Дутов, в ведение которого были переданы все воинские части, находящиеся в Оренбурге.

Таким образом, вокруг Комитета и войскового правительства объединились не только казаки, но и все местные патриоты. И атаман Дутов возглавил собою все антибольшевистское движение в Оренбургском крае.

В целях сосредоточения военной власти в одних руках и урегулирования всех военно-административно-хозяйственных вопросов, полковник Дутов учредил Оренбургский военный округ, вступив в должность командующего войсками округа.

Началась подготовка к вооруженной борьбе. Все полки Оренбургского войска в это время находились на фронте. На территории войска стояло лишь три запасных казачьих полка: 1-й запасный полк в городе Оренбурге, 2-й — в городе Верхнеуральске и 3-й в — городе Троицке. В них обучались молодые казаки. Но единственно надежную строевую часть, на которую было можно вполне положиться, составляло Оренбургское казачье военное училище.

Гарнизон Оренбурга состоял главным образом из запасных пехотных частей, которые настолько уже были распропагандированы, что рассчитывать на них в предстоящей борьбе с большевиками ни в коем случае не приходилось. Наоборот, их присутствие в городе представляло явную опасность. Солдаты, утратившие всякое понятие о долге и дисциплине, совместно с хулиганами из окраинных слободок устраивали погромы и занимались грабежом мирного населения, наводя повсюду панику. Так был разгромлен и сожжен военный склад с громадными запасами казенного вина.

Борьба с большевизмом в Оренбурге началась как раз с разоружения пехотного гарнизона, что было выполнено, по приказанию атамана Дутова, сотнями 1-го запасного казачьего полка. После разоружения солдаты из всех пехотных частей были распушены по домам.

Затем были арестованы и посажены в тюрьму главари местных большевиков: Цвилинг, Коростелев и др., однако им вскоре удалось бежать.

Атаман Дутов приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи: гимназистов, реалистов и семинаристов, которые шли в эти отряды очень охотно. Из Москвы, с сестрой милосердия М.А. Нестерович, прибыла в распоряжение атамана Дутова партия переодетых офицеров в 120 человек.

В станицах — главным образом, ближайших к Оренбургу — началось формирование дружин из стариков, малолеток и неспособных (в мирное время в неспособные, или категорные, зачислялись казаки, ко-

которые не отбывали действительной службы в полках в силу физических недостатков; все они были обложены денежным налогом. — И. А.).

Призыв войскового правительства о формировании станичных дружин встретил неодинаковое отношение.

В одних станицах наблюдался большой подъем и дружины собирались быстро; в других — царило равнодушие и дружины формировались вяло; третьи — прежде чем приступить к формированию, посылали делегатов в Оренбург и в соседние станицы для выяснения обстановки, некоторые станицы если прямо и не отказывались от формирования, то ровно ничего не делали в этом направлении и выжидали событий.

Большое значение имела личность станичного атамана: где атаман был энергичный и с порывом, там дело шло хорошо, где атаман медлил и действовал нерешительно, там ничего не выходило.

В одних станицах формировались конные дружины, в других пешие; в некоторых и те и другие.

Большинство дружин на фронт не выступало и никакого участия в боевых действиях с большевиками не принимало; часть дружин так и не закончила своего формирования: сегодня собирались, завтра расходились.

Большое смущение в умы казаков вносили слухи об успехах большевиков по всей России. Проезжавшие через станицы и поселки солдаты-дезертиры и специально посланные агитаторы распускали про большевиков всякие небылицы: рисовали советскую власть как власть народную, ставшую на защиту всех угнетенных говорили, что казаки, как часть трудового народа, не только не должны бороться с большевиками, но всячески помогать им освободить народ от эксплуатации помещиков и буржуев, которые «пьют народную кровь»; казакам внушалась мысль, что большевики борются не с казаками, а с начальством, которое продалось буржуазии и защищает ее интересы казачьими головами.

Помещиков и крупного торгово-промышленного класса в среде оренбургского казачества не было, поэтому агитаторы старались восстановить казаков главным образом против офицеров — и вообще против начальства, — используя в этих видах разные промахи и недочеты из прошлой жизни.

Разобраться в умело веденной пропаганде, отличить правду от лжи простому казаку было очень трудно. Многое из того, что ему говорилось, он принимал за чистую монету и многому склонен был поверить, тем более людей, которые бы разоблачали большевистскую ложь и разъясняли казакам всю нелепость советской системы, в то время в станицах не было! Казаки были предоставлены самим себе.

Станичная полуинтеллигенция, в лице фельдшеров, писарей, учителей, кооператоров, сбита с толку Февральской революцией, быстро

начала усваивать большевистскую психологию и со своей стороны повела демагогическую пропаганду, особенно против офицеров, к которым питала неприязнь за прежние унижения.

Станичное и поселковое духовенство, за небольшим исключением, держалось в стороне и никакого участия в общественной жизни станиц не принимало, ограничиваясь исполнением «духовных треб».

По мере хода событий внутри России и под влиянием агитации часть казаков в станицах начала постепенно переходить на «советскую платформу»: одни искренно заблуждаясь, другие в надежде получить выгоду.

Однако подавляющее большинство населения станиц и поселков к пропаганде большевизма относилось отрицательно, хотя бы в силу своего природного консерватизма. Но ясного, отчетливого представления о большевизме и его разрушительных началах у казаков не было.

При формировании станичных дружин казакам пришлось столкнуться с недостатком оружия. Это обстоятельство их сильно беспокоило. Винтовок казенного образца в станицах не было. Вооружались дружины чем попало. старыми берданками, охотничьими ружьями, шашками, самодельными пиками, топорами, ломami, нагайками и просто палками.

Из станиц все время посылались в Оренбург и в окружные города делегации за получением оружия, но в большинстве случаев они должны были возвращаться с пустыми руками.

У войскового правительства для всех оружия не хватало. Винтовками, отобранными у солдат запасных пехотных полков, в первую очередь вооружались офицерские и добровольческие отряды, формировавшиеся в самом Оренбурге.

Встретились затруднения с обмундированием и продовольствием. Добровольцев надо было одевать и кормить.

Комитет Спасения Родины и Революции обратился за помощью к городу. Купечество и зажиточные горожане на призыв Комитета отзывались довольно слабо и особенной щедрости не проявили. Но благодаря настояниям атамана Дутова и энергии отдельных лиц некоторые средства удалось собрать — на первое время вполне достаточные.

Надо заметить, что местное, неказачье население, особенно мещанство и мелкий торговый люд, ясного представления о происходящих событиях не имели и к борьбе казаков с большевиками относились совершенно равнодушно, полагая, что это дело их не касается.

К сожалению, такая психология преобладала в среде так называемых буржуазных классов, которые считали, что драться с большевика-

ми должны военные — офицеры, солдаты, казаки, но не гражданские лица.

Городская интеллигенция — в лице чиновников, учителей, отставных офицеров — прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации и самообороны не предпринимала.

Рабочие Оренбурга (главным образом железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги), независимо от того, были ли они меньшевиками или большевиками, социалистами-революционерами или беспартийными, — все они были настроены революционно-бунтарски. Комитета Спасения Родины и Революции не признавали (хотя в его составе были и их представители), казаков и офицеров ненавидели, а атамана Дутова называли контрреволюционером. Все их симпатии были на стороне большевиков, и каждый рабочий с нетерпением ждал вступления в город большевистских отрядов. Наиболее горячие головы из рабочих кругов и городских подонков организовали в разных частях города боевые ячейки с целью произвести восстание.

Вот в общих чертах какова была обстановка, в которой войсковому правительству Оренбургского казачьего войска приходилось начинать вооруженную борьбу с большевиками.

* * *

В конце ноября во всех городах Поволжья, Урала и Сибири власти Временного правительства уже не существовало; она перешла — почти без всякого сопротивления — в руки большевиков, всюду образовались Советы.

Пришел черед и Оренбургскому войску. В декабре месяце отряды большевиков стали подходить к границам войска и проникать на войсковую территорию с разных сторон: на севере — со стороны Екатеринбурга, Уфы и Омска, на юге — со стороны Самары и Ташкента. Сначала красные отряды двигались по железным дорогам, а затем по грунтовым путям, сперва захватывали города, а потом распространялись по станицам.

Прежде всего в руки большевиков попал Челябинск — важнейший железнодорожный узел, а за ним торговый город Троицк — после чего 3-й и 4-й округа очутились в сфере влияния советской власти.

Оренбург был осажден большевистскими отрядами с двух сторон: со стороны Самары и со стороны Актюбинска. Наибольшей активностью отличалась Самарская группа, благодаря наличию в ней отряда матросов.

В половине декабря был созван войсковой Круг, на который съехались в полном составе депутаты от станиц и строевых частей. Круг приветствовали представители города и делегации от всех партий. Атаман Дутов, открывая заседание Круга, произнес горячую речь, в которой призывал депутатов стать на защиту матери России и родного войска. Председателем Круга был избран М.А. Арзамасцев — по профессии медицинский фельдшер, по убеждениям — антибольшевик. С первых же заседаний Круг поделился на две неравные части: большую — стариков и меньшую — фронтовиков.

Депутаты с фронта, распропагандированные на большевистский лад, сразу заняли по отношению к атаману Дутову враждебную позицию. Среди них повели агитацию приехавшие на Круг в качестве депутатов бывший член 1-й Государственной думы Т.И. Седелников, подъесаул Каширин (Иван), фельдшер Шеметов и урядник Федеринов. К ним примкнул один из членов войскового правительства — М. Копытин, только что вернувшийся из поездки на Дон.

В своих выступлениях перед Кругом лидеры фронтовиков старались доказать, что большевики ведут борьбу не с казаками, а с атаманом Дутовым и офицерством, которые стремятся к контрреволюции. Поэтому стоит только убрать атамана Дутова, как борьба сама собою прекратится и с большевиками можно будет сговориться на приемлемых для обеих сторон началах.

Но депутаты-старика из станиц на такую удочку не поддались. Они прекрасно понимали, что большевики повели борьбу с казачеством, которое всегда защищало русскую государственность и теперь вновь стояло поперек дороги.

Войсковой Круг подавляющим большинством голосов постановил: советской власти не признавать; борьбу с большевиками продолжать до полной над ними победы.

Полковник Дутов был переизбран войсковым атаманом и войсковое правительство было сконструировано в следующем составе: председатель правительства — войсковой атаман полковник А.И. Дутов. Заместитель председателя — помощник войскового атамана Генерального штаба полковник И.Г. Акулинин (только что прибывший из Петрограда и избранный депутатом Круга). Заведующий военным отделом — начальник штаба войска полковник В.Н. Полковников. Члены правительства: войсковой старшина В.Г. Рудаков (окончивший Интендантскую академию и занимавший должность дивизионного интенданта); войсковой старшина Г.Ф. Шангин (работавший в кооперации); чиновник горного ведомства А.С. Выдрин; землемер Г.Г. Богданов (мусульманин, представитель казаков мусуль-

манского вероисповедания); войсковой старшина Н.С. Анисимов; войсковой секретарь — военный чиновник А.Е. Иванов.

Ввиду происходивших вокруг Оренбурга боев и рабочих волнений в самом городе, заседания Круга протекали в чрезвычайно нервной обстановке и порою принимали весьма бурный характер, особенно когда в прения пыталась вмешаться публика, среди которой нередко сидели большевистские агитаторы из казаков. Тем не менее Круг работал в течение целого месяца и за это время успел рассмотреть все важнейшие вопросы войсковой жизни.

Однако, разбегаясь перед праздниками Рождества Христова по домам, войсковой Круг никакой реальной силы для борьбы с большевиками в распоряжение атамана Дутова не дал, да и не мог дать. Он выделил лишь из своего состава, в помощь войсковому правительству, Малый Круг (в числе 9 членов), который вскоре из-за событий на фронте самоупразднился.

Силы, которые атаман Дутов мог противопоставить большевистскому натиску, были незначительны и состояли из небольших офицерских, юнкерских и добровольческих отрядов, а также нескольких станичных дружин.

Как раз в это время в войско стали прибывать, с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов, строевые части — полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками.

У казаков-фронтовиков, утомленных войною — а частью настроенных большевистски, была одна мысль, одно стремление — поскорее попасть в родные станицы. Распропагандированные на фронте, они не отдавали себе ясного отчета в происходящих событиях, не понимали сути большевизма со всеми его пагубными последствиями как для России, так и для казачества. Среди них появились уже настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду, сначала в полках, а потом и в станицах.

Большинство казачьих эшелонов прибыло в войско без оружия: большевики их разоружали в пути — в Москве, Киеве, Харькове, Самаре, Ташкенте и других крупных центрах, где имелись в наличии большие гарнизоны. (15-й Оренбургский казачий полк, бывший на Юго-западном фронте, чтобы не отдавать большевикам оружия, прибыл в войско с одной из войсковых батарей походным порядком, пройдя через всю Южную и Юго-Восточную Россию. — И. А.) К чести казаков надо сказать: выдачи офицеров нигде не было, несмотря на энергичные требования и угрозы большевистских комиссаров, почти в каждом городе, через которые проходили казачьи эшелоны.

Таким образом, в начале борьбы Оренбургского войска с советской властью строевые части в защите войска никакого участия не принимали. Наоборот, многие казаки — фронтовики и даже некоторая часть, правда незначительная, офицеров, как например, братья Каширины, — старались помогать большевикам. Эти отщепенцы вскоре открыто перешли на сторону Советов и образовали так называемое «трудовое казачество».

Вся тяжесть борьбы в начальный период легла на офицерские и добровольческие отряды; станичные дружины оказались мало боеспособными и при первом случае расходились по домам.

В силу таких неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31 января 1918 года Оренбург был сдан.

* * *

Атаман Дутов с войсковым правительством и группой офицеров переехал в глубь территории войска — во 2-й округ — и обосновался в городе Верхнеуральске, удаленном от железных дорог и больших центров. Часть офицеров, добровольцев и юнкеров, во главе с начальником Оренбургского казачьего военного училища Генерального штаба генерал-майором Слесаревым¹²², ушла походным порядком по левому (киргизскому¹²³) берегу реки Урала к уральским казакам, которые в это время не выступали против большевиков. Многие офицеры — в одиночку и небольшими партиями — укрылись по станицам, хуторам и киргизским аулам.

В начале февраля войсковое правительство созвало в Верхнеуральске чрезвычайный войсковой Круг, на котором были представлены главным образом 2-й, 3-й и 4-й округа. Большинство депутатов 1-го округа на заседания Круга прибыть не могли: к этому времени все станицы в районе Оренбурга и Орска были заняты большевиками. На вопрос войскового правительства, что делать дальше, — войсковой Круг вновь подтвердил свое декабрьское решение: продолжать борьбу с большевиками во чтобы то ни стало. Но опять-таки никаких действительных средств на ведение борьбы войсковое правительство от Круга не получило. Были приняты строгие резолюции, выпущены воззвания с призывом к населению — вооружаться против большевиков и объединяться вокруг войскового правительства.

С переездом в Верхнеуральск войсковое правительство не имело в своем распоряжении никаких денежных средств — ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства. Первый взнос в пустую войсковую казну был сделан

Самарским лесничеством в размере 30 тысяч рублей. Попытка атамана Дутова побудить местных купцов прийти на помощь войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все.

Чувствовался недостаток в денежных знаках, особенно в мелких купюрах. Население прятало деньги по кубышкам и не выпускало их из рук. В местном казначействе, после потери связи с центрами, не хватало денежных знаков даже для очередных расплат по ассигновкам казенных и общественных учреждений.

Атаман Дутов приказал сделать выемку из уездного казначейства некоторого количества «Займа Свободы», билеты которого имели право хождения с кредитными билетами — царскими и «керенками».

В местном отделении Сибирского банка хранилось небольшое количество золота (что-то около полпуда) в слитках, принадлежащее местным золотопромышленникам. На случай перехода города в руки большевиков золото было передано в распоряжение войскового правительства, о чем был составлен особый акт. (Никакой практической выгоды из этого золота войсковое правительство не извлекло. Впоследствии весь «золотой запас» был сдан в Омск, Омскому правительству. С владельцами золота был произведен расчет по курсу дня. — И. А.)

В целях изыскания средств для пополнения войсковой кассы Круг вынес ряд постановлений. Так было постановлено, чтобы все золото, добываемое золотопромышленниками на казачьей территории, сдавалось по особой расценке (для данного момента по 33 рубля за золотник), войсковому правительству; точно также все доходы, получавшиеся от ископаемых — каменного угля, железной руды и пр., — должны были поступать на пополнение войсковой казны. (На территории Оренбургского войска находится знаменитая Магнитная гора с неисчерпаемыми залежами лучшей в мире железной руды; ряд золотоносных площадей и каменноугольные копи. — И. А.)

Круг рекомендовал войсковому правительству обратить внимание на обложение торгово-промышленных предприятий, заводов, паровых мельниц, а также усилить вырубку и продажу леса из войсковых боров. Затем войсковому правительству поручалось выработать и провести в жизнь заем в 10 миллионов рублей под именем «Защиты войска». Для немедленных сборов денежных средств, необходимых на организацию самозащиты войска, решено было образовать Фонд Спасения Войска путем добровольных пожертвований.

Депутаты Круга обязались всеми силами способствовать притоку денежных средств в распоряжение войскового правительства. Почти

все из намеченных войсковым Кругом мероприятий — ввиду наступивших событий — остались на бумаге.

Во время февральской сессии Круга войсковой атаман А. И. Дутов неоднократно просил освободить его от всех возложенных на него обязанностей, но войсковой Круг настоял, чтобы он оставался во главе войска и продолжал дело борьбы с большевиками. Просьба членов войскового правительства об отставке также не была уважена.

Ввиду неприбытия в Верхнеуральск войскового старшины Анисимова, в состав войскового правительства было избрано два новых члена из представителей Круга: хорунжий А. С. Пономарев (по специальности) агроном и преподаватель городского училища И. С. Белобородов (окончивший учительский институт).

Из других мероприятий войскового Круга следует отметить постановление о формировании полков для защиты войсковой территории, причем полки должны были формироваться и действовать на основах воинской — а не революционной — дисциплины. Никаких митингов и собраний с вынесением всякого рода резолюций не допускалось. Сотенные, полковые и прочие комитеты в войсковых частях запрещались.

Во время пребывания войскового правительства в Верхнеуральске большевики создали в Оренбурге казачий съезд из казаков 1-го округа.

Съезд, на котором верховодили депутаты Круга: Седельников, Федоринов и бывший член войскового правительства Копытин, — вынес постановление о признании советской власти.

В Челябинске также был созван Съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, который обратился к казакам с призывом прислать делегатов от станиц.

После захвата большевиками города Троицка окружное правление 3-го округа, во главе с окружным атаманом войсковым старшиной Половниковым, было арестовано и посажено в тюрьму. Впоследствии весь состав окружного правления был расстрелян.

Казаки 3-го округа созвали окружной съезд в станице Кособродской. На этом съезде депутат Свешников (молодой студент, исключенный из Оренбургского военного училища за революционные выступления в первые дни революции) ратовал за соглашение с большевиками.

Окружной атаман 2-го округа — молодой хорунжий Захаров и все окружное правление дружно поддерживали войсковое правительство, но почти никакой власти и никакого влияния за пределами города Верхнеуральска окружное правление не имело. Даже Верхнеуральская станица, расположенная за городской чертой, находилась всецело под влиянием братьев Кашириных, которые с помощью солдат-дезертиров

и большевизанствующих мещан образовали Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, который с прибытием в Верхнеуральск войскового правительства прекратил свое существование.

Городская управа к приезду атамана Дутова и к созыву в городе Верхнеуральске войскового Круга отнеслась весьма сдержанно. Гласные городской думы боялись навлечь на себя гнев большевиков.

Оценивая общее положение в Оренбургском войске к марту месяцу 1918 года можно сказать, что войсковое правительство в это время, в сущности, было предоставлено самому себе.

Население, за исключением 5—6 верных и стойких станиц, как, например, Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской, никакого участия в борьбе с большевиками не принимало: одни станицы, боясь большевистских расправ, держали «нейтралитет», другие явно сочувствовали приходу большевиков, а третьи даже помогали им, как, например, станица Арсинская и отчасти Верхнеуральская. (Братья Каширины — казаки станицы Верхнеуральской оказывали свое влияние на ее жителей. — И. А.)

Никакой вооруженной силы в распоряжении войскового правительства не было, кроме небольшой личной охраны атамана Дутова и офицерской сотни, собранной на случай самообороны, если бы в городе вспыхнуло восстание. К счастью, из-под Троицка прибыл в Верхнеуральск партизанский отряд войскового старшины Мамаева¹²⁴, который дал толчок к дальнейшим формированиям. Вскоре образовалось еще три небольших отряда: подьесаулов — Бородин¹²⁵, Михайлова¹²⁶ и Енборисова¹²⁷.

В конце концов, атаману Дутову с большим трудом удалось собрать около 300 бойцов. К этому ядру время от времени присоединялись станичные дружины, увеличивавшие силы войскового правительства до 1500—3000 человек.

Необходимо отметить, что в числе партизан было много офицеров — казаков — преимущественно уроженцев Оренбургской губернии; партизанский отряд подьесаула Енборисова состоял исключительно из рядовых казаков; в других отрядах преобладал офицерский состав, но были также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы.

С этими силами войсковое правительство держалось на территории 2-го округа до весны. За это время большевистским отрядам, пытавшимся уничтожить «гнездо контрреволюции», было нанесено несколько чувствительных ударов.

Само собой разумеется, что главная тяжесть во всех боях лежала на партизанах. Наскоро собранные и почти безоружные станичные дружины, рассыпавшись лавами, служили больше для декорации и

лишь во время преследования противника пускали в ход шашки и нагайки.

Во всех боевых стычках с большевиками главной целью партизан и станичников было стремление побольше достать оружия и патронов (база на противника). Вначале не только дружины, но и партизанские отряды вооружены были слабо: винтовок и шашек на всех не хватало. После нескольких удачных боев (особенно под станицей Кассельской) партизаны раздобыли достаточное количество винтовок и пулеметов, которыми большевики были снабжены в изобилии. Артиллерии в этот период борьбы у казаков совсем не было.

Для ликвидации «дутовщины» большевистские верхи вынуждены были стянуть несколько отрядов. Из них наибольшей организованностью и активностью отличались два отряда: один — изменника Оренбургского войска подьесаула Николая Каширина¹²⁸, а другой — талантливо-авантюриста «полковника» Блюхера. (Кто такой был Блюхер — в то время в точности никто не знал. Оренбургские казаки, перешедшие в ряды большевистских отрядов, считали его полковником. Среди жителей города Оренбурга откуда-то пошла молва, что Блюхер офицер австрийского или германского Генерального штаба — потомок знаменитого Прусского фельдмаршала Блюхера. — И. А.)

В первых числах марта к городу Верхнеуральску стали приближаться две большевистские группы: одна — со стороны Троицка, а другая из Башкирии.

Чтобы не быть зажатыми в клещи, атаман Дутов во главе партизан и станичных дружин бросился против Троицкой группы и после нескольких стычек у станицы Сухтелинской обратил ее в паническое бегство.

Но в это время в Верхнеуральске местные большевики, воспользовавшись уходом партизан из города, произвели восстание, поддержанное солдатами-дезертирами из окрестных хуторов и рабочими двух ближайших заводов — Белорецкого и Тирлянского. В распоряжении войскового правительства не было ни одной воинской части, кроме нескольких десятков офицеров и казаков, державших караулы. Правда, в Верхнеуральской станице имелась наготове вооруженная дружина, но она осталась пассивной; часть казаков-фронтовиков, руководимых подьесаулом Кашириным, примкнула к восставшим. (Накануне восстания в станичном правлении Верхнеуральской станицы был убит казаком-provokатором комендант города поручик Гончаренко. — И. А.)

После небольшой уличной перестрелки Верхнеуральск был оставлен в руках большевиков. Войсковое правительство переехало в станицу Краснинскую, в 20 верстах к северо-востоку от Верхнеуральска, а окружное правление 2-го округа а станицу Кассельскую. (Член войско-

вого правительства И.С. Белобородов, не успевший вовремя выехать, был схвачен большевиками и посажен в тюрьму, а затем через несколько дней расстрелян. — И. А.)

Атаман дважды делал попытку вернуть Верхнеуральск, но безуспешно. Засевшие в нем большевики успели получить значительные подкрепления и все атаки казаков были отбиты.

Через несколько дней Верхнеуральская группа большевиков, в свою очередь, попыталась овладеть станицей Кассельской, с тем чтобы отрезать атаману Дутову путь отступления на юг. Но после горячего боя, продолжавшегося целый день, вынуждена была, под дружным натиском партизан и станичников, отступить в беспорядке, обратно в Верхнеуральск, сбросив по дороге пулеметы винтовки и разное имущество.

Как раз в это же время другая большевистская банда, блуждавшая в районе станиц Магнитной и Наваринской, была разгромлена казаками соседних поселков, сформировавших по собственному почину свои отряды.

Здесь уместно отметить следующее явление, наблюдавшееся во всех округах Оренбургского войска.

Очень часто большие и богатые станицы если и не держали открыто сторону большевиков, то всеми способами уклонялись от борьбы с ними, и наоборот — небольшие и бедные станицы проявляли к большевикам крайнюю ненависть и при первой возможности готовы были драться с ними.

Несмотря на ряд частичных успехов, общее положение войскового правительства ухудшалось с каждым днем. Силы большевиков возрастали, а силы партизан и станичных дружин таяли; ощущался постоянный недостаток в боевых припасах, добывать которые приходилось с бою, что влекло за собою лишние кровопролития. Не хватало также перевязочных средств и медикаментов для раненых и больных, число которых с каждым днем увеличивалось. (Для ознакомления с обстановкой в других округах были командированы тайным образом, под видом простых казаков, два члена войскового правительства: господин Богданов в пределы 1-го округа — к Оренбургу и войсковой старшина Рудаков в район 3-го округа — к Троицку. — И. А.)

К началу апреля войсковое правительство с партизанами было окружено в станице Краснинской большевистскими отрядами со всех сторон. Атаман Дутов собрал совещание из членов войскового правительства и старших начальников, на котором было принято решение пробиваться на юг; а в дальнейшем, если бы не удалось удержаться на войсковой земле, уйти в киргизские степи, где и отсиживаться до того

момента, когда явится возможность вернуться обратно в войско для новой борьбы.

Был намечен приблизительный маршрут движения — через станицы, лежавшие по левой стороне Урала, — и день выступления — 4 апреля. Но тронуться с места и выйти из района станиц, все время поддерживавших войсковое правительство, не так-то было легко. В станицах, которые принимали непосредственное участие во всех последних боях, — прекрасно понимали, что с уходом войскового правительства весь гнев большевиков обрушится прежде всего на них.

При уходе из этих станиц войсковому атаману и его ближайшим помощникам приходилось выступать на станичных сборах с объяснениями о причинах передвижения в другие места.

Старики умоляли атамана не покидать их «на съедение большевикам», женщины и дети поднимали плач — атаман Дутов, который хорошо умел говорить с казаками, старался разъяснить станичникам, что его уход с партизанами в другие места вызывается боевой обстановкой и предпринимается с целью продолжения дальнейшей борьбы с большевиками там, где это обещает наибольший успех.

Тяжелее всего было покинуть станицу Краснинскую, которая в силу обстановки довольно долго служила атаману Дутову «ставкой».

Для поддержания духа и успокоения стариков в некоторых станицах войсковое правительство вынуждено было оставлять немного винтовок и патронов.

При таких условиях сохранить скрытность передвижений партизанских отрядов было чрезвычайно трудно. Большевики зорко следили за каждым их шагом, чтобы в удобный момент ударить по ним.

Местность, по которой приходилось двигаться, была холмистая, большей частью открытая, лишь изредка попадались небольшие перелески. Движение задерживалось весенней распутицей, хотя конница, имея пулеметы на легких тарантасах, шла сравнительно легко и маневрировала совершенно свободно. Но колесная колонна войскового правительства с разными учреждениями, транспортом раненых и обозом беженцев передвигалась довольно медленно, особенно на участках, покрытых еще снегом или залитых водой. (К войсковому правительству присоединилось и окружное правление 2-го округа. — И. А.) Происходили частые задержки на переправах через разлившиеся речки и набухшие овраги, тем более что переходы совершались большей частью ночью.

Атаман Дутов выступил из станицы Краснинской 4 апреля утром. Благодаря удачно выбранному направлению, ночным маршам, хорошо организованной разведке и вовремя пущенным «ложным слухам» ему удалось пройти несколько станиц и поселков (станицы — Кассель-

скую, Остроленскую, Требиатскую, Наваринскую и поселки — Кацбахский, Измаильский и Кульмский. — И. А.), искусно обходя большевистские «заставы», в том числе и отряд подвесаула Каширина, поджидавшего «своего атамана» на переправе через реку Гумбейку (приток Урала) у станицы Черниговской, в то время когда вся колонна войскового правительства форсировала эту реку в ночь, с 5-го на 6 апреля у станицы Наваринской.

В поселке Бриенском атаман Дутов решил остановиться на дневку, чтобы дать людям и лошадям небольшой отдых, хотя обстановка требовала безостановочного движения.

И действительно, на следующей день, на рассвете — это было 10 апреля, — перед поселком появился Николай Каширин, с отрядом из трех родов оружия, а другой большевистский отряд спешно двигался от станицы Кваркенской на перерез пути отступления атаману Дутову.

В происшедшей оплошности повинен был отчасти «полевой штаб» атамана Дутова, ограничившийся выставлением на ночь одной заставы, которая «проспала» появление большевиков. Тревога была поднята часовым на церковной колокольне. (Начальником полевого штаба атамана Дутова был Генерального штаба полковник Н.Я. Поляков (не казак), занимавший во время Великой войны должность начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии. — И. А.)

Среди жителей и беженцев началась паника. Чтобы дать возможность вывезти обозы с ранеными и беженцами в более или менее безопасное место, пришлось принять бой в чрезвычайно невыгодных условиях.

Учитывая критическое положение застигнутой врасплох колонны войскового правительства и свое численное превосходство, большевики с места повели энергичное наступление: пехота с фронта, конница в обхват флангов, при этом отдельные конные группы из казаков-изменников проявили большую дерзость, все время стараясь ударить в тыл партизанам.

Но партизанские отряды, объединенные под командой полковника Акулинина, так ошетинились, что сразу же осадили большевистский натиск и не позволили им развить наступление — ни на фронте, ни на флангах.

Занимая один рубеж за другим, полковник Акулинин задержал большевиков на целый день, чем дал возможность атаману Дутову к вечеру 10 апреля собрать в поселке Елизаветинском (в двух переходах от поселка Бриенского) все обозы и транспорты.

Поселок Елизаветинский был последним этапом на войсковой территории, дальше начиналась Тургайская область.

В ночь на 11 апреля атаман Дутов с отрядами выступил из поселка Елизаветинского к Адамовской волости и, миновав ряд переселенческих хуторов, население которых сочувствовало большевикам, углубился в пределы киргизской степи. (Крестьянские хутора Тургайской области возникли вдоль восточной и южной границ Оренбургского войска на киргизских землях. Незадолго перед Великой войной сюда были переселены крестьяне из внутренних губерний Европейской России по плану Главного переселенческого управления. — И. А.)

Дальнейшее движение происходило исключительно днем, от одного киргизского аула к другому. Общее направление было взято на город Тургай.

Большевики прекратили преследование партизан на грани Оренбургского войска и Тургайской области.

При движении по степи казаки ни в чем не терпели недостатка — ни в пище, ни в фураже, ни в крове.

Отношение киргизов к казакам было вполне доброжелательное, если только они заранее узнавали, что идут не «большевики», а «меньшевики». (Западная часть Тургайского уезда, где проходил атаман Дутов, заселена наиболее культурными киргизскими племенами — аргынами, которые были настроены антибольшевистски. Враждебные им кипчаки, кочующие в восточной части Тургайской области, наоборот держали сторону большевиков. — И. А.) После октябрьского переворота в представлении киргизов вся Россия разделилась на два лагеря: большевиков (красных) и меньшевиков (белых).

В конце апреля атаман Дутов вступил в степной городок Тургай, где неожиданно для казаков оказались казенные склады с продовольствием и артиллерийскими припасами, оставшимися здесь после ухода карательного отряда генерала Лаврентьева, умирившего в 1916 году взбунтовавшихся киргизов. (Как известно, киргизский бунт возник (не без немецкой агитации) на почве призыва киргизов в армию для тыловых работ во время мировой войны. Бунтовали главным образом кипчаки, из аргын к ним примкнуло только два племени. Для усмирения бунтовщиков был послан в Киргизский и Тургайский уезды карательный отряд из трех родов войска под командой генерала Лаврентьева, который быстро навел порядок в степи. — И. А.)

За время месячной стоянки в Тургае люди отдохнули, конский состав пополнился киргизскими «аргамаками», материальная часть — седла, тарантасы, оружие — подновлена. Были произведены и организационные изменения.

Все партизанские отряды соединены в один — под командой войскового старшины Мамаева, который теперь имел в своем распоряже-

нии конную сотню, пулеметную команду и пешую сотню, передвигавшуюся на тарантасах (по 4 стрелка на тарантасе, не считая кучера).

Все боеспособные беженцы были зачислены в пешую или конную сотни, остальных, в виде нестроевой команды, оставили при обозе. С местными властями — русскими и киргизскими — у войскового правительства установились самые хорошие отношения.

Советы еще не успели укорениться в степи. Старейшины окрестных племен относились к атаману Дутову с большим уважением и всегда были рады видеть его у себя в аулах в качестве почетного гостя.

В Тургае атаман Дутов простоял до конца мая, внимательно следя за всем, что происходило в войске.

* * *

В то время когда атаман Дутов вел борьбу с большевиками в пределах 2-го округа, офицеры, укрывшиеся по станицам и хуторам в районе Оренбурга, подняли восстание в верхних станицах (станицы, лежащие по реке Уралу и реке Сакмаре выше Оренбурга — И. А.) 1-го округа и под командой войскового старшины Лукина организовали поход на Оренбург.

Вначале дела у восставших шли хорошо. Комиссары из станиц были изгнаны, Советы уничтожены. 4 апреля, после жаркого боя, был взят Оренбург, но плохо организованные и слабо вооруженные станичные дружины не могли удержать город в своих руках и отступили.

Энтузиазм среди казаков сразу пал, сменившись всеобщей растерянностью. Дружины поспешно разошлись по домам, несмотря на попытки офицеров удержать их и привести в порядок.

Начался развал станиц: по требованию советских комиссаров большая часть оружия была у казаков отобрана, многие офицеры и казаки — участники похода — выданы и расстреляны. В числе первых жертв погиб войсковой старшина Лукин, схваченный большевиками в поселке Нежинском.

Таким печальным финалом завершился первый период борьбы Оренбургского войска с советской властью.

* * *

Главнейшими причинами, повлекшими за собой поражение казаков, приходится считать следующие факты:

1) Непонимание казаками-стариками надвигавшейся на них в лице большевизма опасности; их неумение организовать и объединиться

вокруг войскового правительства, слабая поддержка ими офицеров и партизанских отрядов, подавляющее большинство стариков было настроено антибольшевистски.

2) Отказ казаков-фронтовиков драться с большевиками по возвращении в войско, причем многие из них оправдывались тем, что свой долг они исполнили в войне с внешним врагом, а войсковую территорию должны были, по их мнению, защищать старики неспособные и все те, кто «сидел дома».

3) Сочувствие большевизму со стороны некоторой части фронтового и станичного казачества, особенно казачьей полунинтеллигенции.

4) Боязнь большинства станиц открыто вступить с большевиками в единоборство ввиду их массового превосходства и успехов по всей России, отсюда желание «нейтралистами», делегациями, контрибуциями и разными другими хитрыми махинациями, с одной стороны, отделаться от борьбы в рядах войскового правительства, а с другой — откупиться от большевиков и тем «спасти свои животинки».

5) Неприязнь между стариками и фронтовиками, возникшая после возвращения последних с фронта домой на почве расхождения во взглядах на большевизм и революцию.

6) Недоверие и даже враждебное отношение со стороны некоторой части фронтового казачества вообще к «начальству», что встречало резкое осуждение среди стариков.

7) Отчужденность, а в некоторых станицах и открытая вражда между зажиточными и бедными казаками, возникшая под влиянием агитации со времени провозглашения лозунга «организовать трудовое казачество».

8) Растерянность начальства на местах, которое ничего не предпринимало для борьбы с большевиками без указаний свыше. К организации станичных дружин было преступлено лишь после получения приказа войскового правительства, а партизанские отряды формировались в порядке частной инициативы активной частью офицерства. Особенно поразительную бездеятельность проявили окружные правления во главе с окружными атаманами, среди которых не оказалось ни одного деятельного человека.

9) Неподготовленность всего войскового аппарата к новым формам борьбы, когда наравне с чисто военными мерами, требовалось применение революционных методов, как то: распространение среди населения воззваний, листовок, издание газет, посылка агитаторов и проведение террора в отношении главарей большевистского движения. (В Оренбурге вожаки местных большевиков за призыв к восстанию были арестованы в самом начале движения, но их, вместо

того чтобы немедленно предать военно-полевому суду, посадили в гражданскую тюрьму, откуда они благополучно бежали, не без содействия тюремной стражи. — И. А.) Вместо этого — и в тылу и на фронте — все делалось по старому шаблону: писались приказы, рассылались циркуляры, составлялись журнальные постановления, которые в большинстве случаев в жизнь не претворялись и оставались мертвой буквой.

10) Обременение войскового правительства, по настоянию войскового Круга, разного рода хозяйственными, домашними, делами, когда, по обстановке, требовалось все внимание сосредоточить на фронте.

11) Слабая поддержка антибольшевистской борьбы интеллигенцией и особенно торгово-промышленным классом, которые рассчитывали «выехать на казачьих спинах», ничем не жертвуя: ни жизнью, ни деньгами, ни имуществом.

12) Недоверие и скрытая вражда к атаману Дутову, как «контрреволюционеру», со стороны некоторых социалистических кругов, вносивших разложение в общий фронт борьбы.

13) Поддержка большевиков рабочими в городах и крестьянами в деревнях, соседних с Оренбургским войском губерний и областей.

14) И наконец, большое значение имела большевистская пропаганда, которая вносила разложение в казачью среду и привлекала на сторону Советов тех из казаков, кто хотел использовать большевизм в своих интересах или искренно поверил в правоту коммунистических лозунгов.

В заключение необходимо принять во внимание географическое положение Оренбургского войска. Оно лежит между Европейской Россией, с одной стороны, Сибирью и Туркестаном — с другой, и прорезано двумя железнодорожными магистралями: на севере (у Челябинска) Великим Сибирским путем, а на юге (у Оренбурга) Ташкентской железной дорогой.

До революции земля Оренбургского казачьего войска входила в состав Оренбургской губернии и занимала ее южную, юго-восточную и отчасти северо-восточную части, простираясь от границ Уральско-го войска (у Илецкого городка) до границ Сибирского войска (у Звериноголовской станицы). На юге и юго-востоке войско примыкало к киргизской степи Тургайской области.

Установление прочной связи «революционного пролетариата» Петрограда и Москвы с рабочими центрами Сибири (Омск, Иркутск, Владивосток) и Туркестана (Ташкент) представляло для советских верхов задачу первостепенной важности. Без этого они не могли рассчитывать на взаимную поддержку и на быстрое распространение своей власти на восточной и юго-восточной части России.

Кроме того, большевики тянулись в Сибирь за хлебом и жирами, которые там имелись в изобилии, а в Европейской России в них ощущался недостаток, особенно в столицах. В Туркестане большевикам нужен был хлопок для фабрик и заводов.

Эти обстоятельства поясняют, почему большевики, оставив в покое — до поры до времени — Уральских и Сибирских казаков, территории которых лежали в стороне, сразу навалились на Оренбургское войско, преграждавшее им пути в Сибирь и Туркестан.

Немалую роль здесь сыграла и личность атамана Дутова, которого большевики не могли оставить вне поля зрения и должны были постараться как можно скорее ликвидировать.

ВТОРОЙ ПЕРИОД (с мая по июнь 1918 года)

Заняв Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского войска, большевики сразу показали себя казакам.

Всюду — в городах и станицах — начались кровавые расправы, грабежи и разбой. Несколько станиц было сожжено дотла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и скота утнаны или зарезаны на местах; масса имущества разграблена. Все станицы и поселки, независимо от того, принимали участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и затем были обложены громадными налогами. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, казаков и даже казачек было расстреляно; еще больше посажено в тюрьму. Особенно свирепствовали большевики в самом городе Оренбурге.

Такие мероприятия со стороны большевиков быстро отрезвили не только казаков-стариков, ко и казаков-фронтовиков и заставили их взяться за оружие.

Первыми восстали линейные станицы, расположенные по реке Иле-ку. Сигнал к восстанию подала станица Изобильная. Сюда в 20-х числах февраля прибыла из Оренбурга партия матросов в 20 человек для взыскания налогов. Матросы вели себя крайне вызывающе. Казаки возмутились и перебили всю банду. Тела убитых были спущены под лед в реку Илек.

Весть о происшедшем быстро разнеслась по окрестным станицам.

Казаки прекрасно понимали, что после расправы с матросами на них посылаются жестокие кары.

В станице Буранной был созван станичный сбор, на котором было решено на всякий случай подготовиться и мобилизоваться. В ожидании событий наскоро собранные станичные отряды стянулись в район станиц Изобильной и Буранной. Общим начальником был избран есаул Сукин, которого заменил подесаул Донецков.

В середине марта для наказания жителей станицы Изобильной, за расправу со «сборщиками налогов», из Оренбурга по железной дороге двинулся отряд из трех родов оружия, силою в 800 человек. Во главе отряда шел губернский комиссар Цвиллинг.

Большевики настолько были уверены в беззащитности и покорности казаков, что от Илецкой Защиты двигались походным порядком без всяких мер охранения.

Казаки зорко следили за передвижениями красного врага; и когда большевистская колонна стала приближаться к станице Изобильной, казачий отряд устроил засаду, укрывшись за церковной оградой и домами, окружавшими площадь.

Лишь только большевики втянулись в станицу, как казаки со всех сторон ударили на них. Через полчаса красного отряда не существовало: он был уничтожен начисто.

Трофеями казаков были: 4 пушки, 12 пулеметов, 700 винтовок, патроны и снаряды.

После «изобильненского дела» настроение среди казаков сразу поднялось. К линейным станицам стали присоединяться постепенно низовые станицы, расположенные по обеим сторонам реки Урала ниже города Оренбурга. В деле организации станиц и формирования станичных и партизанских отрядов главную роль играли офицеры.

Особенно большую деятельность в этот период борьбы проявили: войсковые старшины — Шмотин, Красноярец, Корноухов; подесаулы — Богданов, Нестеренко; сотники — Слотов, Тимашев, Мелярин, капитан Булаков (не казак) и многие другие офицеры, укрывавшиеся от большевиков в своих станицах и поселках.

По мере формирования отрядов в их состав прибывали новые партии офицеров из Уральска, где они отсиживались после занятия Оренбурга большевиками.

Партизанские и станичные отряды стали производить усиленные налеты на Ташкентскую железную дорогу, связывавшую Оренбург с Самарой и Туркестаном. Партизаны разрушали путь, взрывали мосты, останавливали поезда, вылавливали комиссаров и большевистских агентов. Особенно частым нападениям подвергались участки, ближайшие

к Оренбургу: между станицами Ново-Сергиевской и Платовской и в районе Илецкой Защиты.

Штаб повстанческих отрядов обосновался сначала на правом берегу реки Урала — в станице Нижне-Озерной, а затем перебравшись на левую сторону — в станицу Кардаиловскую. Здесь для руководства борьбой был созван съезд делегатов от восставших станиц, который избрал командующим всеми отрядами войскового старшину Красноярецова¹²⁹.

Съезду Объединенных станиц пришлось решить ряд вопросов по части снабжения отрядов продовольствием и оружием и по установлению связи между станицами, а также с соседями уральцами.

Пока большевики уральцев не трогали, те ничем себя не проявляли, но как только красные отряды появились на Уральской земле — взялись за оружие. Первыми вступили в единоборство с большевиками илецкие казаки, ближайшие соседи оренбуржцев. Во главе их встал доблестный полковник К.И. Загребин, с которыми вошли в сношения оренбургские станицы, расположенные по реке Илеку. Штаб полковника Загребина находился в городе Илеке Уральской области.

Отсюда уральцы, совместно с оренбуржцами стали производить налеты на Ташкентскую железную дорогу в районе станции Ново-Сергиевской. Весной 1918 года все Уральское войско — от Илецкого городка до Гурьева — представляло собой сплошной военный стан.

В станицу Кардаиловскую, на Съезд Объединенных станиц, прибыли представители шести илецких станиц и два делегата войскового съезда из города Уральска, чтобы установить единый фронт в борьбе с общим врагом.

Уральцы оказали помощь оренбуржцам снарядами и живой силой: две сотни илецких казаков действовали совместно с оренбуржцами в районе станицы Ново-Сергиевской, а две сотни были направлены к Илецкой Защите и к Оренбургу.

Как раз в это время на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах началось Чехословацкое движение: чехословаки, с помощью русских добровольческих отрядов, разогнали большевистские банды и захватили Сызрань, Самару, Уфу, Челябинск, Омск, Иркутск и другие города Поволжья и Сибири. Центром противобольшевистского движения сделалась Самара, где обосновалось Главное командование чехословацких войск и образовался Комитет членов Учредительного собрания.

Съезд Объединенных станиц немедленно вошел в сношения с чехословацким командованием и Комитетом. В Самару был командирован войсковой старшина Н.С. Анисимов. Кроме того, в Самаре

укрывались от большевиков окружной атаман 1-го округа Каргин, войсковой старшина Тушканов и еще несколько офицеров-оренбуржцев.

Образовалась целая Оренбургская миссия, которой удалось получить от чехословаков, от Комитета членов Учредительного собрания и от частных организаций немного оружия, патронов и денег. Все это в спешном порядке было отправлено под Оренбург.

К атаману Дутову в Тургай Съезд Объединенных станиц отправил делегацию в составе члена войскового правительства Г.Г. Богданова и подесаула Пивоварова, с подробным донесением о положении дел под Оренбургом и с просьбой как можно скорее вернуться в войско, чтобы взять все руководство военными действиями и все дело борьбы с большевиками в свои руки.

Одновременно с депутатами от Съезда Объединенных станиц прибыли в Тургай, это было в конце мая, два казака-партизана из Челябинска с извещением о выступлении чехословаков и восстании оренбургских казаков в станицах 3-го округа, а также о ликвидации советской власти в Сибири.

В мае месяце почти весь 1-й округ был охвачен восстанием, и казачьи отряды начали окружать Оренбург со всех сторон. (Долго не присоединялась к восставшим станицам станица Краснохолмская, против которой в конце концов были приняты крутые меры, в виде посылки карательного отряда. — И. А.) Только благодаря наличию у большевиков броневых поездов оставалась незанятой узкая полоса Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана.

В середине мая большевики попробовали оттеснить казачьи отряды, окружавшие Оренбург. Для выполнения этого плана из Оренбурга был выслан конный отряд, который, пользуясь ночной темнотой, врасплох захватил станицу Павловскую. Немедленно со стороны казаков был брошен отряд есаула Асламова¹³⁰, казака Забайкальского казачьего войска, который принудил большевиков вернуться в Оренбург; образовавшийся был прорыв был заполнен казачьими частями. Уходя в Оренбург, большевики сожгли станицу Павловскую.

Положение большевиков в Оренбурге с каждым днем ухудшалось. Особенно остро стоял продовольственный вопрос — были введены карточки.

Во второй половине июня месяца оренбургские большевики, погрузив на поезда награбленное имущество и все вооружение, двинулись по Ташкентской железной дороге на юг, в сторону Актюбинска.

Многочисленные железнодорожные составы двигались под прикрытием бронепоездов и технических отрядов для исправления пути. Бо-

П.Н. Краснов

С.Я. Эфрон

М.А. Нестерович

А.А. Столыпин

П.Н. Краснов

А.Л. Марков

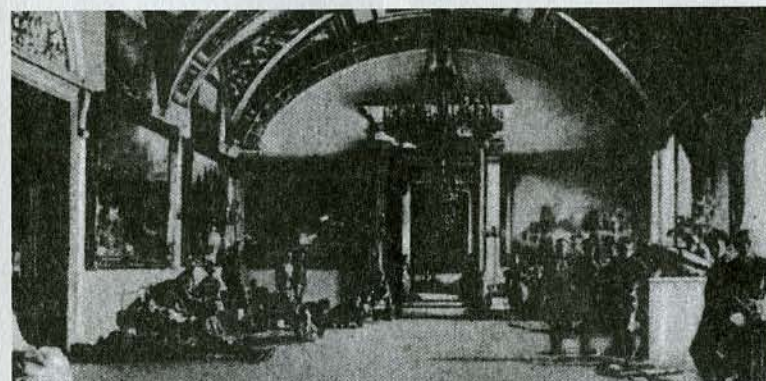
И.Г. Акулинин

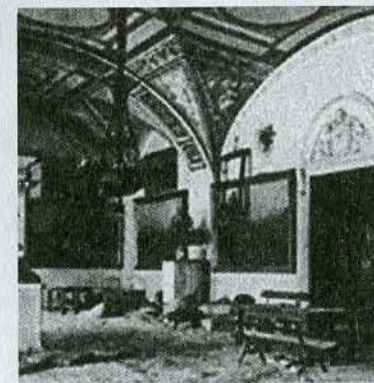
Г.А. Вдовенко

Москва после октябрьских боев

Юнкера в Зимнем дворце

Зимний дворец после штурма

Александровское военное училище —
оплот сопротивления в Москве

Юнкера в Кремле

Полковник А.И. Дутов

Полковник К.И. Гошпер

Полковник В.Ф. Рар

Члены «Союза защиты родины и свободы»

Б.В. Савинков

А.А. Виленкин

Ф.А. Бредис

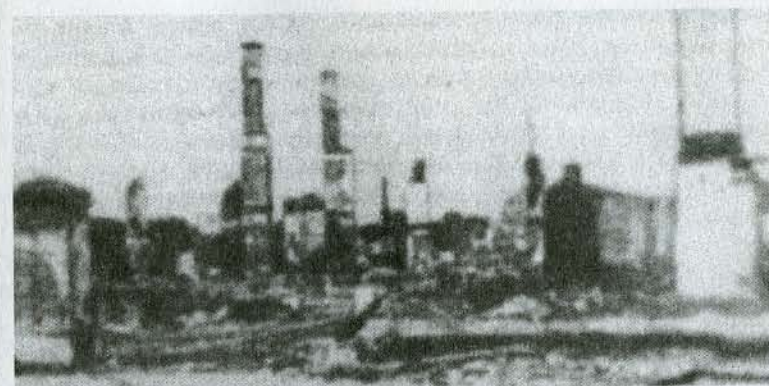
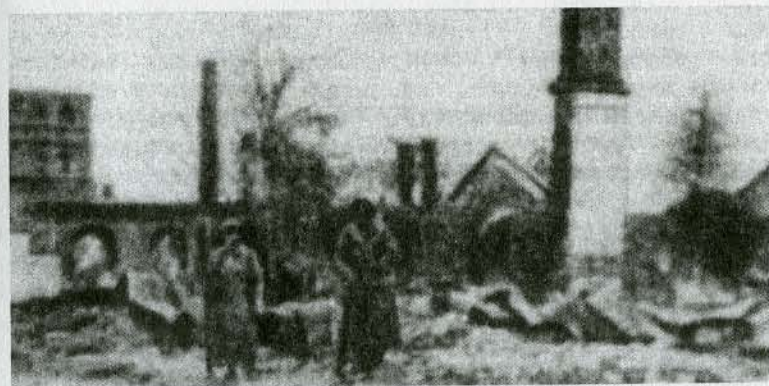
Н.Я. Лукашов

Г.Е. Флеров

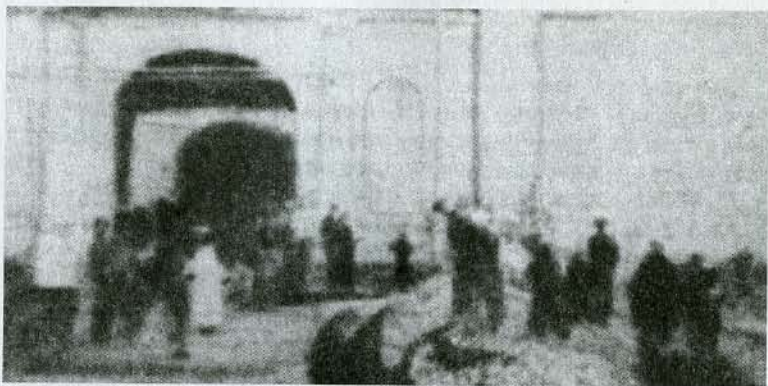
Кострюков

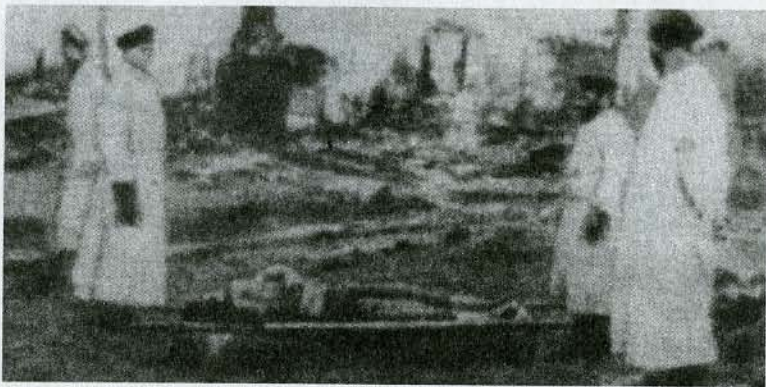
Ярославль. После обстрела красной артиллерией

Ярославль. Земляные укрепления восставших

Ярославль. Окопы у Спасского монастыря

Ярославль. Уборка трупов после подавления восстания

евыми операциями в районе Илецкой Защиты со стороны казаков руководил генерал-майор Карликов¹¹, прибывший из Уральска.

Казаки, не имея в достаточном количестве оружия, с самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками неоднократно ходили в атаки против уходящих поездов; взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали крушения, производили налеты на станции. Но все-таки часть большевистских поездов благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, а также хорошему техническому персоналу и особенно помощи, поданной туркестанскими большевиками, проскочили в Актюбинск; часть же была захвачена казаками.

Отряд Николая Каширина, еще до полного обложения Оренбурга, ушел на север в пределы Башкирии, где к нему потом присоединились большевистские части, вытесненные из Верхнеуральского района. Двигаясь Уральскими горами, Каширин проник сначала в Уфимскую, затем в Пермскую губернии, откуда ему удалось благополучно перебраться за Каму.

* * *

Атаман Дутов с войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию войска во второй половине июня.

По пути следования он взял город Иргиз, где обосновались были киргизские большевики, и разоружил большевистский гарнизон на станции Челкар Ташкентской железной дороги (город Иргиз и станция Челкар — в киргизской степи. — И. А.).

Затем, двигаясь степью через форт «Карабутак», благополучно миновал Орск и Актюбинск, в которых стояли красновардейские части.

В пределы войска атаман Дутов вошел через станицу Ильинскую, где совершена была переправа на правый, казачий берег Урала.

В это время на станцию Кувандык Орской железной дороги, отстоявшую от станицы Ильинской в одном переходе, прибыл из-под Оренбурга большевистский отряд с бронепоездом. На Кувандыкских высотах, под личным руководством атамана Дутова, произошел встречный бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. У казаков выбыло из строя убитыми и ранеными несколько десятков лучших партизан. Но большевики были рассеяны, и путь на Оренбург, вдоль Орской железной дороги, расчищен.

Обеспечив, таким образом, дальнейшее продвижение, атаман Дутов двинулся к Оренбургу, подымая по пути следования те из станиц, которые еще не примкнули к восставшим, например станицы Никольскую, Верхнеозерную, Гирьяльскую и др. Во всех станицах и поселках

атамана Дутова встречали с хлебом-солью, служили благодарственные молебны. Особенно трогательной была встреча в станице Красногорской, население которой вышло с крестным ходом

Силы войскового правительства увеличивались, с каждым переходом во всех попутных станицах формировались конные сотни, присоединявшиеся к партизанскому отряду.

Оренбург был очищен от большевиков отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корноухова, вступившими в город с двух сторон.

7 июля состоялся торжественный въезд в Оренбург атамана Дутова с войсковым правительством.

Все население Оренбурга встретило казаков с энтузиазмом, как избавителей от большевистского ига.

Для встречи войскового атамана отряды, принимавшие участие во взятии Оренбурга, были построены в конном строю. Начальники отрядов, во главе с окружным атаманом 1-го округа Каргиным, выехали вперед с рапортом и докладами о взятии города.

На войсковой, Форштадтской площади перед «войсковой избой» архиепископом Оренбургским Мефодием было совершено торжественное молебствие в сослужении всего городского духовенства.

После богослужения состоялся прием депутатий и смотр войскам, закончившийся общим парадом.

Атамана Дутова приветствовали: Съезд Объединенных станиц в полном составе своих депутатов, городское самоуправление во главе с городским головою, все местные организации и представители Комитета членов Учредительного собрания, приехавшие из Самары

С момента прибытия в Оренбург войскового правительства все дело борьбы с большевиками и все управление войском вновь было им взято в свои руки.

В северной части Оренбургского войска восстание казаков началось одновременно с Чехословацким движением. Раньше всего был освобожден от большевиков Челябинск, потом Троицк и лишь спустя некоторое время — Верхнеуральск.

3-й и 4-й округа были очищены от большевиков довольно быстро. Большевистские комиссары частью были уничтожены, частью спаслись со своими отрядами в Уральские горы и в киргизские степи. (В распоряжении автора не было данных, касающихся восстания станиц и первоначальной борьбы с большевиками в районах городов Троицка и Челябинска. — И. А.)

Наиболее упорное сопротивление большевиками было оказано в пределах 2-го округа, откуда их пришлось выбивать с большими уси-

лиями. Особенно серьезные бои разыгрались под Верхнеуральском. Здесь верховодил подбесаул Каширин 2-й (Иван)¹³², перешедший на сторону большевиков одновременно со своим старшим братом Кашириным 1-м (Николаем). По приказу красного «главкома», т. е. Каширина Ивана, в Верхнеуральске и ближайших к нему станицах было расстреляно много офицеров и видных жителей города, а также казаков, занимавших общественные должности. В их числе погибли: бывший городской голова Полосин, доблестный войсковой старшина П.Ф. Воротовов, протоиерей Громогласов и др.

Для освобождения от большевиков Верхнеуральска казаки двинулись со стороны Миасса и Троицка.

В станице Кундравинской, 2-го округа, образовалась Военная комиссия, во главе с бывшим членом Государственной думы П.Ф. Вopiло-вым¹³³, которая обратилась к казакам с призывом — выступить против большевиков. На призыв комиссии казаки ближайших станиц и поселков отозвались довольно дружно. Затруднения встретились с вооружением: почти все оружие в станицах было отобрано большевистскими карательными отрядами, однако некоторое количество винтовок было спрятано в земле и в разных укромных местах. Представителям Военной комиссии удалось получить несколько партий винтовок разных систем и патронов от чехословаков.

Не хватало командного состава; многие офицеры, скрываясь от преследований большевиков, должны были покинуть под чужими именами не только свои станицы, но и пределы войска. Несмотря на недостаток оружия и офицеров, Военная комиссия сформировала два конных полка, силою до 1500 бойцов каждый, по преимуществу из казаков-партизан.

Действия Кундравинской группы начались в сторону Верхнеуральска, куда полки двинулись двумя колоннами: 1-й полк шел вдоль Миасского тракта, а 2-й по Уфимскому тракту.

Первые боевые столкновения с красными отрядами произошли в районе Уйской станицы, которая несколько раз переходила из рук в руки. Понеся большие потери в людях и в материальной части, красные отошли к поселку Ахуновскому. Здесь действовал 1-й полк.

В то же время 2-й полк разбил большевистский отряд у села Учалы, захватив пленных и оружие.

Сильно потрепанные красные отряды поспешно отошли к Верхнеуральску и при отступлении сожгли поселок Кидышевский. Обе казачьи колонны соединились в станице Карагайской. Сюда к ним на помощь прибыл 3-й полк, сформированный из казаков Уйской станицы. Все три полка перешли в станицу Урядинскую, в 21 версте от Верх-

неуральска, и отсюда повели наступление на Верхнеуральск, — с фронта и в обход, чтобы отрезать путь отступления красным на Белорецкий завод — в Уральские горы.

Со стороны Троицка к Верхнеуральску подошла еще одна колонна казаков (у автора не было сведений относительно места формирования и численности колонны, двигавшейся к Верхнеуральску по Троицкому тракту. — И. А.) и отряд Анненкова¹³⁴.

«Атаман» Анненков, боевой офицер Сибирского казачьего войска, сформировал на свой страх и риск партизанский отряд из сибирских и оренбургских казаков.

Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевистскими главарями «атаман» Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц — сибирских и оренбургских.

На подступах к Верхнеуральску и в самом городе произошли горячие схватки. Красные не выдержали и в беспорядке отступили в горы по направлению к Белорецкому заводу, оставив в руках казаков пленных и богатую добычу.

Получив подкрепление из горнозаводского района, Иван Каширин перешел в контрнаступление и выбил казаков из Верхнеуральска. Однако казаки быстро оправались, казачьи лавы снова ворвались в город и погналы отряды Каширина за реку Урал.

С остатками своих отрядов Иван Каширин, двигаясь горами, через заводы Белорецкий, Узянский и Кагинский, ушел в глубь Башкирии, где соединился с отрядом своего брата Николая Каширина, отступавшего от Оренбурга.

Казаки неотступно преследовали большевистские отряды до пределов Уфимской и Пермской губерний.

Вместе с Чехословацким движением поднялись и сибирские казаки — восточные соседи оренбуржцев. Омск и Челябинск сделались опорными пунктами, откуда противобольшевистское движение стало распространяться по всей Западной Сибири и по Уралу.

Отряды оренбургских казаков, выдвинувшиеся со стороны Челябинска, участвовали, вместе с чехословаками и Сибирскими войсками, во взятии Екатеринбурга, где за несколько дней до прихода белых войск было совершено, по приказу из Москвы, зверское убийство Государя и всей Царской Семьи.

К августу месяцу территория Оренбургского войска была очищена от большевиков. В их руках оставался только город Орск, в котором красные держались до октября благодаря поддержке, получаемой ими из Туркестана.

* * *

Успехи оренбургских казаков в этот период борьбы объясняются резким переломом, который произошел в настроении казачьей массы, воочию убедившейся, что казачеству с большевизмом не по пути.

Неумелая и жестокая политика большевиков, их ничем не прикрытая ненависть к казакам, надругательства над казачьими святынями и, особенно, кровавые расправы, реквизиции, контрибуции и разбои в станицах, — все это открыло глаза казакам на сущность советской власти и заставило их взяться за оружие.

Выступление чехословаков и вовремя оказанная поддержка со стороны уральцев и сибирских войск имели большое моральное значение. Оренбургские казаки увидели, что в борьбе с большевиками они не одиноки. Это сразу подняло их дух и окрылило надеждами на окончательную победу.

Н. Дорошин¹³⁵

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО¹³⁶

Отречение Государя и переход власти к Временному правительству прошли в Уральске без всяких потрясений. Еще до революции, во время войны, Уральский наказный атаман генерал Хабалов¹³⁷ был отозван в Петербург и назначен командующим Петербургским военным округом. Нового наказного атамана не прислали, и временно должность войскового атамана исполнял уральский казак генерал В.П. Мартынов¹³⁸.

После Февральской революции Уральское казачье войско стало управляться войсковым съездом и избранным им войсковым правительством. Генерал В.П. Мартынов вскоре по возрасту вышел в отставку, а вместо него выбрали уральского казака генерала А.К. Еремина. Спустя две недели после выборов генерал Еремин скоропостижно скончался. После него войскового атамана не выбирали, а управлялись войсковым правительством. В остальном все у казаков оставалось по-старому: все власти остались на своих местах, и жизнь текла спокойно, по-прежнему. Война продолжалась, готовились и посылались пополнения на фронт. Никаких происшествий, насилий ни в Уральске, ни в станицах не было. Только с течением времени перемены в стране стали чувствоваться и в войске, и то только в городе Уральске, где было много иногороднего населения, которое стремилось включиться во всероссийское разрушение основ прошлого. Пока это было местной проблемой, казаки с ней

справлялись без особых затруднений. В этом сказалась вековая самобытность казачьего уклада жизни, совершенно отличного от жизни крестьян в соседних губерниях и вообще в России.

Между тем на германском фронте весна и лето проходили в митингах, боевой деятельности почти не было, кроме неудачных попыток Керенского двинуть армию в наступление. На фронт подвозили орудия, снаряды, снаряжение как своего производства, так и от союзников, но восевать было некому. Во всех частях вводились солдатские комитеты, офицеры замещались выборными командирами, в большинстве рядовыми солдатами-активистами. Участились случаи отказа частей выполнять распоряжения командования. Братание с немцами, дезертирство солдат с фронта домой — «делить землю» — безудержно прогрессировали. Казачьи части являлись островами в этом бушующем море разложения фронтовых частей и часто посылались высшим командованием для наведения порядка в отдельных пехотных полках и дивизиях. Во всех уральских казачьих полках все офицеры остались на местах, комитеты занимались хозяйственно-бытовой деятельностью, дисциплина сохранилась, какая была и раньше.

Осенью дезертирство солдат с фронта, поощряемое большевистскими лозунгами о прекращении войны, разделе помещичьей и государственной земли между крестьянами и т. п., — с каждым месяцем усиливалось и к началу зимы приняло стихийные размеры. Фронт фактически рухнул, так как с фронта начали уходить даже целые части, сохранившиеся неразложившимися.

Большевикам сразу же после захвата власти 25 октября (ст. ст.) удалось организовать на больших станциях вооруженные отряды, которые отбирали винтовки, патроны и другое оружие у дезертиров, а также разоружали проезжающие отдельные части и команды, сохранившие при себе оружие. Так было и с нашими казачьими полками, возвращавшимися с разных мест фронта через бушующую страну домой, на Урал. Происходили стычки и форменные сражения, где полкам приходилось с боем захватывать паровозы и очищать станции от большевиков, чтобы провести эшелоны и двигаться дальше домой с оружием. Но не всем полкам это удавалось. Такой большой заградительный пункт, как Саратов, некоторым нашим полкам удалось миновать; они выгрузились из вагонов за десятки верст от него и походным порядком обошли город с севера, перешли Волгу по льду и на левом берегу, в Покровске, снова погрузились в вагоны железной дороги, чтобы добраться до Уральска. Некоторые отряды доезжали железной дорогой до Царицына или Астрахани и оттуда отправлялись степью, походным порядком, в пределы войска. К небольшому отряду

генерала Толстова¹³⁹ в Астрахани присоединилась батарея оренбургских казаков с орудиями, которая шла походным порядком с генералом Толстовым до пределов войска. В Чижинской станице оренбуржцы оставили свои пушки и верхами возвратились к себе в Оренбург. Когда началась гражданская война, уральцы привезли эти орудия к себе в Уральск на вооружение своей армии. Пришли в полном составе и с оружием 1-й, 3-й, 4-й, 5-й, 8-й и 9-й полки, а остальные полки, гвардейская сотня и батареи пришли разоруженными. Кроме того, прибывали отдельными небольшими группами офицеры и казаки, оказавшиеся по каким-либо причинам разлученными со своими частями и отставшие. Тянулось это «возвращение» с фронта домой ноябрь, декабрь 1917 года и начало января 1918 года.

В Уральске, где проживала основная масса иногородних, уже вскоре после Февральской революции организовался краевой Совет рабочих и солдатских депутатов, который проводил все время в городе митинги, но пытаться захватить власть в городе остерегался, так как в распоряжении войскового правительства находился 10-й запасный казачий полк, представлявший внушительную вооруженную силу для поддержания порядка в городе. В конце осени, после октябрьского переворота, большевики из краевого Совета открыто устраивали митинги и расклеивали по городу прокламации с призывом установить советскую власть. В городе становилось беспокойно. Войсковой съезд держался выжидательной политики по отношению к иногородним во время возвращения казаков с фронта.

В начале ноября (ст. ст.) казачьими офицерами была организована из юнкеров и реалистов, казаков старших классов Уральского реального училища, Белая гвардия, которая стала патрулировать на улицах города по ночам и в одну из ночей, в конце ноября, напала на большевистскую военную команду Совета, обезоружила ее и арестовала многих членов Совета. Но оставшийся «подпольный» Совет рабочих и солдатских депутатов, воспользовавшись «нейтральным» настроением многих казаков-фронтовиков, утомленных войной и стремившихся уехать из города по своим станицам, и тем, что запасный полк стал разъезжаться с фронтовиками по домам, — возобновил свою деятельность. Опять стало в городе беспокойно, опять появились на стенах прокламации. Вооруженные патрули Белой гвардии продолжали обходить улицы города по ночам, следя за порядком, отбирая оружие у отдельных лиц, главным образом у иногородних. Бывали по ночам стычки со стрельбой и жертвами с обеих сторон, но порядок поддерживался. В это время, на Рождество, по распоряжению войскового правительства, ночью были выпущены на винокуренном заводе спирт

и водка из цистерн в подвалы и на землю, в канаву. Население «учуяло» запах спирта. Сбегались с ведрами и разной посудой и черпали из канав и подвалов спирт. Не обошлось без опившихся насмерть, но беспорядков не допустили. Также и пиво, находившееся на складах пивного завода в бочках, было роздано населению в принесенную посуду бесплатно, под наблюдением Белой гвардии. Несмотря на принятые меры, в городе чувствовалось двоевластие. В начале января был созван войсковой съезд — 66 депутатов от станиц. Было избрано новое войсковое правительство: председатель Г.М. Фомичев¹⁴⁰, агроном, товарищ председателя Ф.А. Еремин, врач, член Государственной думы, и генерал В.И. Акутин¹⁴¹. Стало очевидным, что казачье население не сочувствовало большевистской пропаганде и не разделяло их идей. Казакам чужой земли было не нужно — была своя в их распоряжении. Казаки занимались земледелием, скотоводством и рыболовством, за счет чего и жили. Классовой розни у казаков не было — все были равны по правам. Были среди казаков, конечно, бедные и богатые, но большинство жило зажиточно.

Сочувствующие большевикам были, но единицы, никакого значения они среди казаков не имели и примыкали к иногородним. После разъезда казаков-фронтовиков домой, по станицам, большевики, судя по листовкам, явно готовились после нового года к выступлению в городе. Население города Уральска состояло на две трети из иногородних (не казаков). Из них состоял весь рабочий класс города, занятый на разных предприятиях. Было несколько паровых мельниц и просорушек, лакричный завод, большой убойно-холодильный комбинат, несколько кожевенных и шубных заводов по переработке кож забитого на бойне скота, пимокатный завод, мыловаренный, клеевой и несколько других, в том числе механический завод по обслуживанию ремонту всех машин указанных предприятий. Затем большое железнодорожное депо конечной станции Уральск Рязано-Уральской железной дороги и ее мастерские. Вся торговля производилась иногородними. Служилая интеллигенция в учебных заведениях и в администрации, кроме казачьих управлений, состояла из иногородних. Весь обслуживающий персонал во всех заведениях, учреждениях, в торговле и у частных лиц состоял из иногородних.

Рабочая масса и часть интеллигенции и обслуживающего персонала в основном являлись сторонниками большевизма. У войскового правительства к этому времени (конец января 1918 года) не оказалось организованной военной силы: казаки-фронтовики разъехались по своим станицам, в том числе и запасный 10-й полк, городские жители-казаки были заняты своими хозяйственными делами.

В начале февраля генерал М.Ф. Мартынов¹⁴², с одобрения войскового съезда, организовал офицерский отряд и в одну из ночей начала февраля арестовал почти всех активных членов большевистского подполья и посадил их в городскую тюрьму. После этого в Уральске стало спокойно. Но вскоре из Саратова от тамошнего комиссара Антонова стали поступать требования войсковому правительству — освободить арестованных членов большевистского совета и признать советскую власть. Войсковое правительство вело с Саратовом переговоры, затягивая их для выигрыша времени, и не освобождало арестованных. Одновременно войсковое правительство мобилизовало молодых казаков призыва 1918—1919 годов и сформировало из них 3 учебных конных полка. Офицерского состава с опытом войны было достаточно.

В начале марта из Оренбурга советский комиссар Цвиллинг прислал телеграмму войсковому правительству с ультиматумом — принять советскую власть! Войсковое правительство ответило отказом.

Утром в субботу 10 марта 1918 года старого стиля в станицу Илек пришел неожиданно отряд красной гвардии из Оренбурга, около 800 человек пехоты, полсотни конницы при трех пулеметах и с запасом оружия для возможных добровольцев. Отряд расположился в городке и выставил патрули по окраинам. После полудня комиссар отряда приказал собрать станичный сход, который и собрался на станичной площади. Комиссар, окруженный вооруженными красногвардейцами, предъявил свои требования казакам:

1. Принять советскую власть.
2. Сдать все оружие.
3. Заплатить контрибуцию 3 миллиона рублей.

Казаки заявили, что у них есть своя власть — войсковой съезд, — к нему и надо обращаться. Если съезд примет советскую власть, то и мы примем. Оружия у казаков нет: все сдали при демобилизации. Платить контрибуцию они не будут. Так сход ничем и не кончился, несмотря на всяческие угрозы комиссара. Тогда комиссар распустил сход.

В ночь на воскресенье казаки тайно собрались и выбрали Комитет обороны, который пригласил проживавшего в Илеке после демобилизации полковника Балалаева¹⁴³ руководить восстанием. В воскресенье, 11 марта, утром, были посланы гонцы в соседние станицы с просьбой о помощи: требовалось обложить Илек со стороны Урала и по набату в станице его атаковать. Кроме того, Комитет обороны вынес постановление: предъявить комиссару ультиматум — покинуть станицу к 12 часам дня во вторник, 13 марта. Ультиматум был вручен комиссару утром, в понедельник, 12 марта, но комиссар ответа не дал. Как после выяснилось, он ожидал подкреплений.

В эти дни красные произвели несколько арестов среди казаков за нежелание платить контрибуцию. Потом они арестовали нескольких офицеров и держали их под охраной в своем штабе, занимавшем здание клуба. Начались обыски, поиски оружия у казаков, реквизировали коней, седла, шашки. Был застрелен сотник Юткин за попытку побега от арестовавшего его конвоя.

Комитет обороны при участии полковника Балалаева выработал план действий. Утром 13 марта казаки Студеновской и других станиц обложили Илек со стороны Урала. В полдень в Илеке раздался набат, и казаки по льду повели атаку на Илек, главным образом на Чельшевскую мельницу, где была сосредоточена главная часть пехоты красных. В городе все посты красных были сняты илецкими казаками, а клуб — штаб отряда — был взят приступом. Казаки ворвались в помещение клуба, перебили всю охрану, освободили арестованных. Среди убитых был и красный комиссар Чукан. Пехота красных, выбитая студеновскими казаками из Чельшевской мельницы, отступала по улицам Илека к своему штабу в клубе, не зная, что клуб уже занят казаками. Гонимые наступавшими студеновцами, красные искали укрытия в казачьих дворах, но там их встречали с шашками, вилами и топорами. К 6 часам вечера все было кончено, ускакать удалось только нескольким конным — по дороге в Оренбург. После боя было выловлено несколько беглецов, прятавшихся по дворам, — эти только и были пленные. Послан был гонец на перекладных в Уральск с донесением о случившемся. По получении сообщения казаки Уральской станицы отслужили молебен у старого собора и принесли присягу на верность войску.

Войсковой съезд отправил гонцов во все станицы с извещением о событиях в Илеке. Из станиц получались постановления о верности войску. Выяснился недостаток в войске оружия и боеприпасов. Войсковая оружейная мастерская начала отливать бронзовые пули и заряжать стреляные патроны охотничьим порохом. Командирован был артиллерист, офицер Н.А. Дорошин, с командой казаков и верблюжьим обозом на санях в поселок Чижинский за пушками, оставленными Оренбургской батареей. По последнему снегу на санях были доставлены в Уральск 4 полевых орудия с зарядными ящиками и небольшим количеством к ним снарядов.

В конце марта илецкие казаки и казаки из соседних станиц под командой полковника Балалаева атаковали ближнюю к Илеку железнодорожную станцию Новосергиевку на линии Самара — Оренбург — Ташкент, находившуюся за пределами земель войска. Они заняли эту станцию после боя с красным отрядом. Там был захвачен районный склад оружия и боеприпасов красных.

1 апреля 1918 года вновь созданный войсковой съезд объявил всеобщую мобилизацию казаков до 55 лет, старшие приглашались как добровольцы. Каждая станица должна была сформировать дружину под командой офицера. В каждой станице, хуторе, форпосте были организованы комитеты обороны, на обязанности которых лежало все снабжение сформированных дружин, организация транспорта, охрана и первая оборона селения.

Ввиду невозможности держать военные части по всей границе войска, были сформированы ударные группы-кулаки из дружин на направлениях: Уральск — Саратов, Уральск — Бузулук, Илек — Новосергиевка, Сламихинская — Александров Гай, Гурьев — Богатинские нефтяные промыслы.

Вначале дружины оставались дома и выступали на свой фронт по тревоге. Сторожевую службу несли 3 учебных конных полка. В марте восстали против большевиков оренбургские казаки и соединились с отрядом полковника Балалаева. Войсковой съезд послал туда в начале апреля генерала А.В. Загребина¹⁴⁴ (илецкого казака) для командования двумя объединенными силами в этом районе. Он освободил общими силами уральских и оренбургских казаков город Оренбург (около 100 верст от Новосергиевки) от красных.

В это время казаки совместными силами двинулись по железной дороге на Самару. Самару в это время заняли чехословаки, которые наступали по железной дороге на восток. В городе Бузулуке красные были зажаты с запада чехами, а с востока казаками и были разбиты. Чехами был также занят Иващенко-Васильевский военный завод в 40 верстах на юг от Самары. В Самаре возник Комитет Учредительного собрания и организовывалась добровольческая народная армия.

Уральцы не замедлили войти в сношения с чехословаками и Комитетом Учредительного собрания, так как нужно было стовориться о совместных действиях и добиться получения оружия и боеприпасов, попавших в Самару, Казани и других городах в руки чехословаков и Комитета.

Чехословацкие и русские добровольческие отряды Комитета действовали на Волге под Казанью, Симбирском и Сызранью. Оренбуржцы наступали вдоль Ташкентской железной дороги на Туркестан и совместно с башкирскими частями помогали чехам и добровольцам теснить красных за Волгу и Каму. Уральцы образовали самостоятельный фронт в сторону Саратова.

10 апреля 1918 года красные со стороны Саратова перешли «грань» (границу войска) и повели наступление по линии железной дороги на Уральск. Навстречу им были брошены учебные полки, объявлена тре-

вога для дружин. Красные были разбиты и отогнаны за «грань», но дальше казаки не пошли. Показали: не троньте нас, и мы вас не тронем. Такое заблуждение было у казаков в начале гражданской войны. После неудачной атаки красных на Уральск со стороны Саратова в апреле крупных операций до середины июня не было. Местами красные заходили за «грань» к казакам небольшими силами — их прогоняли или уничтожали. В казачьих частях, вследствие подвижности конницы, применялась тактика окружения и внезапных нападений, обычно на заре. При небольших потерях захватывались у красных вооружение и боеприпасы, в которых казаки нуждались. В конце мая был командирован генерал М.Ф. Мартынов с отрядом казаков и большим обозом на Иващенко-ские заводы, около Самары, чтобы привезти оружие и патроны для казачьей армии.

* * *

В середине июня 1918 года красные опять перешли «грань» со стороны Саратова и наступали крупными силами вдоль железной дороги на Уральск с броневиками и бронированным поездом. Несмотря на сопротивление, оказываемое казаками, красные продвигались вперед, подавляя численностью и огневой мощью бронепоезда и броневиков, и, заняв станции Шипово, Зеленую и Переметную, подошли к хутору Халилову в 12 верстах от Уральска.

Красные продвигались тремя последовательными густыми пехотными цепями с большим количеством пулеметов, двигаясь по обе стороны железной дороги, загигаясь на флангах назад для охраны тыла и сопровождающих поездов, перевозивших пехоту. За пехотными цепями двигались красные автомобили-броневики, а бронированный поезд сзади поддерживал атакующие цепи красных артиллерийским огнем. Все эти дни шли ожесточенные огневые бои, но казаки вынуждены были отступать, так как атака казаков была невозможна вследствие ровной местности и подавляющего огня красных. Стояли очень жаркие дни, и старики-казаки развозили в бочках воду по казачьим цепям.

Положение столицы войска Уральска становилось критическим. Тогда старики из Уральской и Круглоозерновской станиц в возрасте от 60 до 70 лет собрались в числе нескольких сот человек, взяли себе командиром отставного полковника Н.В. Мизинова¹⁴⁵, такого же старика, и образовали резервный полк! Твердо решили защищать Уральск, хотя «вооружение» полка состояло в основном из шашек времен турецкой войны, пик и вил! Полк стоял в конном строю в ближайшем тылу, ожидая своего часа!

Наконец спешенному 1-му учебному полку удалось прорваться через цепи в тыл правого фланга красных и вызвать замешательство в цепях красных. Заметив это, первым бросился в конную атаку полк стариков, а за ним и другие полки и дружины. Старики первыми доскакали до красных цепей левого фланга, несмотря на большой урон от огня, и смяли первую цепь! А там подоспели и молодые казаки, и цепи красных были смяты и уничтожены. Даже старики, возившие воду в бочках по фронту, распрягли своих коней и без седел помчались тоже в атаку, хотя оружия у них не было. Такой был порыв!

Видя уничтожение своей пехоты, броневики, отстреливаясь, стали отходить к поезду под защиту его пушек. Этот бой получил название «Атака стариков». Много их погибло, в том числе и их командир, полковник Мизинов, был смертельно ранен и умер от ран.

Как раз в это время возвращался генерал М.Ф. Мартынов из рейда на Иващенко-ские заводы около Самары со своим отрядом и обозом в 220 подвод, нагруженных оружием и патронами. Он оставил обоз под охраной станичной дружины, а сам со своим отрядом обошел красных с севера в их тыл и начал разрушать полотно железной дороги, грозя отрезать красных. Тогда красные починили поврежденное полотно железной дороги, погрузились в поезда и отошли за «грань», куда казаки за ними не последовали.

Раздел 4

СОБЫТИЯ В КРЫМУ

*Н. Кришевский*¹⁴⁶

В КРЫМУ¹⁴⁷

В середине декабря 1917 года я получил телеграмму из Севастополя, в которой мне предлагали назначение в штаб крепости. Будучи совершенно убежден, что в Севастополе неизбежно разыграются события, подобные кронштадтским, и оттого оставивши этот город еще в августе, решил не принимать назначения и по возможности выполнять ту незначительную должность на побережье, дававшую мне возможность не участвовать в политике, в которую усиленно втягивала жизнь в Севастополе. Однако отказаться телеграммой было неудобно, и я решил проехать в Севастополь, чтобы поговорить лично, почему 15 декабря выехал из Керчи.

Невзирая на полупризнанный большевизм, в Керчи было еще тихо: офицеры ходили в погонах, убийств не было, не было и травли, а потому я спокойно прошел огромное расстояние от города до вокзала, невзирая на ночь.

Народу, как всегда после революции, когда, казалось, переселяется вся Россия, было очень много, и я с трудом отыскал себе место и к утру следующего дня приехал в Севастополь.

Прекрасная, чисто летняя погода, яркое солнце, голубое небо и синее море как-то сразу подняли настроение, и я бодрым шагом пошел от вокзала, подымаясь на Екатерининскую улицу.

Спуск был полон матросами, уже с начала революции бывшими главным населением улиц. Они шли мимо меня в одиночку, группами и толпой, шли как всегда — длинной черной лентой, блистая золотыми надписями на георгиевских лентах фуражек. Кое-кто из них грыз семечки, многие шутили, словом — матросская толпа производила

обыкновенное будничное впечатление, то, которое всегда ее сопровождало после революции.

Многие из них как-то удивленно подглядывали на меня (я был в золотых штаб-офицерских погонах), но никто ничего не сказал, и мне не пришлось слышать замечаний на свой счет, как это бывало прежде — сейчас же после революции.

Не спеша, наслаждаясь прекрасным, совершенно летним днем, я дошел до квартиры своего друга и позвонил. Дверь долго не отворялась, и только после продолжительных переговоров меня пустили.

Мой друг Я-вич был необычайно обрадован встречей, бросился ко мне и в изумлении остановился.

— Что с тобой? Почему ты в погонах? Бога ради, снимай их сейчас же, — заговорил он взволнованно.

— Почему, что у вас за страхи? — спросил я.

— Да неужели ты ничего не знаешь? Вчера матросы постановили снять со всех погоны, а сегодня по всему городу ходят приехавшие кронштадтцы и зовут убивать офицеров. Настроение здесь ужасное, и я боюсь, как бы сегодня день не кончился скверно, — быстро проговорил Я-вич.

Сейчас же вмешалась его жена и другой мой приятель С-в, живший вместе с ними, в той квартире, где я жил с ними до августа.

Появились ножницы, и через минуту моя солдатская шинель потеряла всякий облик, ибо с нее спороли погоны, петлицы и золотые пуговицы.

Долго беседовали мы о положении, мои друзья рассказывали о постоянных обысках, об ужасах жизни в Севастополе под вечным страхом ареста и смерти. Рассказали, как, за день до моего приезда, хоронили 56 матросов и рабочих, убитых добровольцами где-то под Тихорецкой, куда недавно ездил матросский отряд. Тогда офицеры уклонились идти с отрядом, и матросы заставили командовать лейтенанта Скадовского¹⁴⁸ (сына владельца города и порта Скадовска) и, обвинив его в неудаче, — расстреляли.

Похороны матросов были колоссальной демонстрацией: убитых уложили в открытые гробы, не обмытых, в крови, с зияющими ранами. Процессию сопровождали все матросы, весь гарнизон, все оркестры и громадная толпа простонародья, всего тысяч сорок. Вся эта масса обошла город, часто останавливаясь при произнесении самых кровавых речей, направленных против офицеров и интеллигенции. Толпа ревела, требовала немедленного избиения офицеров, и только случайно оно не произошло.

По возвращении матросов с кладбища, на одном из миноносцев, молоденький мичман критически отнесся к деятельности члена Сове-

та рабочих депутатов некой Островской, давно призывавшей матросов к резне офицеров, и едва он сказал эти слова, как из стоявшей позади его группы матросов кто-то выстрелил в него в упор из револьвера, убив наповал. Бедного юношу должны были хоронить в день моего приезда, причем матросы отказали для «этой падали» в оркестре

Все это навяло на нас самые грустные мысли, и под впечатлением слышанного мы направились в штаб крепости, пройдя через Морскую и Соборную улицы, где все было спокойно.

В штабе все старые знакомые сидели как на иголках и, видимо, с радостью направились бы домой. В приемной, где раньше висели портреты бывших комендантов и собственноручные резолюции Государя, было пусто, и только выгоревшие места на обоях напоминали о прошлом.

Скоро я был принят начальником штаба, который сам мне сказал, что обстановка так меняется, что он полагает лучшим не принимать мне новой и ответственной должности здесь, так как вообще неопределенно, что будет, — семейному же много тяжелее бежать. Официально большевики еще не признаны, по-прежнему матросами как будто руководит партия эсеров, но фактически власть в руках большевиков, и все начальство лишь жалкие пешки в руках матросской вольницы, руководимой кронштадцами и членом Совета рабочих депутатов — Островской

Поблагодарив за теплое отношение и получив уведомление, что пока я остаюсь на старой должности, мы вышли и отправились в кондитерскую Мисинского, так любимую всеми севастопольцами, — выпить чаю.

Только мы уселись у большого зеркального окна, как показалась мрачная процессия: сначала морские офицеры несли венки, а затем, чуть колыхаясь на руках старых морских капитанов, появился черный гроб с телом убитого мичмана. За гробом шли родные, плакала и билась в чьих-то руках мать юноши, а дальше — более тысячи морских и сухопутных офицеров, печальных и мрачных, с опущенными головами, медленно двигались за гробом, без музыки, без певчих и без почетной полуроты...

Улица ничем не выражала сочувствия. Ни одного матроса, ни одного солдата, рабочего или простолюдина не было в процессии, никто не останавливался, не снимал шапок, не крестился, и только иногда, проходя по улице, было слышно из групп матросов и простонародья: «Собаке собачья смерть», «Всех бы их так», «Скоро всем конец»...

Эта процессия настроила всех на печальный лад, и, проводив ее до дороги на кладбище, мы пошли домой, где просидели до вечера и около шести часов рискнули пройти по Морской и Нахимовскому.

Улицы стали необычны — та и другая стороны были почти сплошь покрыты матросами, и толпа медленно двигалась бесконечной черной змеей. Чем-то зловещим веяло от этой медленно плывущей толпы, что-то грозное чудилось в воздухе, точно перед грозой, когда ждешь разряда.

Местами, на Нахимовском проспекте около переулков и Базарной улицы, кружками чернели небольшие митинги — «летучки», как их называли. В середине небольшой толпы обыкновенно возвышался и жестикулировал кронштадтский матрос, увешанный патронными лентами, патронташами, бомбами и с винтовкой в руке.

Мы, стараясь не возбудить подозрений, останавливались около этих митингов, и все тяжелее делалось на сердце, так как матросы открыто и исключительно только призывали к немедленному убийству офицеров, укоряя черноморцев, что десять месяцев они дают возможность жить тем, кто десятки лет «пил их кровь», вместо того чтобы поступить так, как кронштадтцы, — вырезать всех, кто подозрителен, кто недоволен «народной властью», кто мучил при царском режиме, и вообще — всех «господ».

Эти разговоры, это человеконенавистничество, дикие выкрики и художественную ругань с невероятными новыми вариантами было тяжело слушать, и мы трое пошли домой, обменявшись предположениями, что эта ночь не пройдет благополучно.

А дома, под мягкий свет лампы и негромкие звуки пианино, на котором играла мастерская рука хозяйки, среди уютной обстановки и милых лиц, как-то забылись страхи и недавние предположения, как-то перестало вериться, что есть ненависть и убийство, что люди в России разделились лишь на две группы — «буржуев» и «пролетариев» — и что «буржуям» уже нет места в жизни.

Тихо шла беседа, ласково звучал Григ, и казалось, что все отвратительное, злое и ненавидящее уже пережито. Не верилось, да и не хотелось думать, что улица призывает к убийству, к смерти, что разбужены самые низкие инстинкты... Не верилось, так как было уютно, ласково и красиво

Вдруг Я-вич встал и прислушался, а затем быстро распахнул дверь на балкон. В комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной стрельбы и крики. Мы бросились на балкон и совершенно определенно убедились, что стрельба идет во всех частях города.

Побледневшие, мы посмотрели друг на друга, жена Я-вича бросилась к нему, а стрельба все разгоралась... Зазвонил телефон... Преданный солдат из штаба крепости говорил взволнованным голосом:

— Матросы начали резню офицеров, пока в центральной части — на горе. Миноносцы «Хаджи-бей» и «Фидониси» всех своих офицеров только что расстреляли на Малаховом кургане... — камнем падали звеневшие из трубки телефона слова. — Лучше уезжайте дня на два... Там будет видно...

— Спасибо, родной, — уедем в Ялту, — ответил Я-вич и сейчас же позвонил в штаб Черноморской морской дивизии, где он и. д. начальника штаба, прося (как было заранее условлено) выслать его экипаж.

Получив ответ, что экипаж высылается, Я-вич и С-в начали собираться. Их план был обдуман заблаговременно и заключался в том, чтобы в экипаже, с верным человеком, выехать как будто в Балаклаву, а в действительности — в Ялту, благо пароль был известен и пост на Балаклавском шоссе был составлен не из матросов.

— Одевайся скорее, — торопил меня Я-вич, — едем вместе...

— Поезжайте, — обратилась ко мне его жена, уже заплаканная и трясущаяся, — ведь только так и спасетесь...

— Нет, мои дорогие, — ответил я, — мне невозможно ехать с вами. Завтра в Керчи узнают о резне, и что тогда будут думать и переживать у меня дома. А ведь если я поеду с вами, то как я попаду в Керчь из Ялты. Я иду на вокзал, попробую счастья уехать поездом.

Долго отговаривали меня мои друзья, но я решил не сдаваться. Скоро внизу загремели колеса экипажа, проводил товарищей, расцеловались, благословили друг друга, и они поехали на Балаклавскую дорогу, а я, имея в руках узелок с погонями, орденами, шпорами и кокардой, разными проулками отправился на вокзал.

Было около десяти часов вечера. Морская, по которой недавно еще шли толпы, была совершенно пустынна — стрельба, видимо, шла на горе, на Чесменской и Соборной улицах, где жило много офицеров.

В это время показался трамвай, также почти пустой. Я, решив проехать сколько возможно, вскочил в вагон, и он, видимо последний, быстро покати меня к вокзалу.

В открытом вагоне сидело несколько баб, два-три матроса и двое в солдатских шинелях.

— Что-то делается, ужасы какие, — сказала более пожилая баба, — грехи какие надумали матросики — офицеров убивать...

— Да, грехи, — резким голосом отозвалась помоложе, — всех их сволочей убивать надо с их девками и щенками. Мало они с нас крови выпили... Пора и простому народу попользоваться.

Матросы поддерживали, и скоро уже все сидящие в вагоне совершенно сошлись во мнениях и приветствовали убийство, а я, в пылу кри-

ков, ругани и всяких пожеланий, боясь нежелательных последствий, встал на площадку, куда скоро пришел один из солдат (возможно, он был офицер, да мы боялись друг друга).

Трамвай шел быстро, не останавливаясь ни на разъездах, ни на местах остановок. На Нахимовском, около Северной гостиницы, я видел небольшую толпу матросов, которая, бешено ругаясь, стреляла в лежащего на тротуаре. Сердце замерло от жалости, но мы уже пронеслись... Такая же сцена у Морского собрания, еще несколько стрелявших групп по Екатерининской, и трамвай выкатился на вокзальный спуск, где все было тихо, в бухте спокойно горели огни на кораблях и даже, как ни странно, — где-то били «склянки». Ничто не указывало на грозный час, кроме выстрелов в городе и около вокзала, откуда доносился какой-то рев.

Постепенно пассажиры примолкли, бабы сжались, притихли, побледнели и даже начали креститься, матросы соскочили около железнодорожного переезда на Корабельную и пропали в темноте, и в вагоне осталось лишь несколько человек.

Вот и вокзальный мост, поворот, и трамвай стал медленно спускаться. Стоявший около меня человек в солдатской шинели соскочил и бегом направился к вокзалу. Кто-то крикнул «Стоять!», раздалось несколько выстрелов, и бегущий упал...

Я встал на остановке. Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались беспрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «Пощадите, братцы, голубчики...», кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы — словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, были ужасна.

Минуя эту толпу, я подошел к вокзалу и, поднявшись на лестнице, где сновали матросы, попал в коридор. Здесь бегали и суетились матросы, у которых почему-то на головах были меховые шапки «нанесенки», придававшие им еще более свирепый вид. Иногда они стреляли в потолок, кричали, ругались и кого-то искали.

— Товарищи! Не пропускай офицеров, сволочь эта бежать надумала, — орал какой-то балтийский матрос во всю силу легких.

— Не пропускай офицеров, не про-пу-скай... — пошло по вокзалу.

В это время я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц, — морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадном прыжком очутился в коридоре и упал около нас. За ним неслось несколько матросов — миг, и штыки воткнулись в спину лежащего, слышался хруст и какое-то звериное рычание матросов... Стало страшно...

Наконец я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

— Берите его, — проговорил он, обращаясь к матросам.

— Ишь ты, втикать думал...

— Берите и этого, — указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновение я увидел бледные, помертвевшие лица, еще момент, и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы...

На что надеялся я — сказать трудно. В этот момент, протягивая свои документы матросу, я уже видел себя убитым, ясно почувствовал смерть и мысленно простился с семьей... Масса мыслей промелькнула в голове, ноги похолодели, и ярко запечатлевалась в мозгу каждая мелочь...

— Бери билет, чего стоишь. Да бери, что ли! — услышал я грубый оклик под ухом.

Я взглянул на матроса: полное равнодушие было написано на его лице, выражавшем только скуку и утомление.

— Эй! Документы-то возьми, — сказал он, когда я сделал шаг к кассе, и сунул мне в руку удостоверение, где были указаны чин, должность и фамилия.

Я, почти ничего не сознавая, назвал Керчь, получил билет, вышел в коридор, где бесновались матросы, кто-то отворил тяжелую дверь, и я оказался на перроне. Два громадных матроса, вооруженные «до зубов», с винтовками наперевес бросились ко мне, но вид билета в руках их успокоил и, вспомнив мать, кровь, душу и пр., они отошли.

На платформе почти никого не было. Я подошел к ближайшему вагону и с трудом пробрался в коридор. Вагон был набит битком, и как ни странно, но почти вся публика состояла из матросов, солдат и простонародья. Двигаясь сквозь толпу, я как-то пробрался к окну, кто-то подвинулся, и я сел, все еще мало сознавая, что — спасен, что сейчас уеду и кровь, смерть и все ужасы останутся позади.

Паровоз свистнул, и поезд медленно двинулся. Кругом говорили только о резне. И в этой массе матросов, солдат и рабочих не было ни одного, кто бы не осудил зверство, кто бы не сказал, что такое убийство безбожно и недопустимо. Тогда легче стало на душе.

— Все подлецы — балтийцы, — говорил один старый матрос, — мы — черноморцы — на такое бы дело не пошли.

— А вы чего же глядели, — ответил бойкий рабочий, — что вас, мало, что ли? Эдакий позор на флот, на революцию набросили, тоже «сознательные»... — проговорил он с иронией.

— Видите, товарищ, — вмешался третий матрос, — тут ошибка вышла: балтийцы просили арестовать только тех, кто в Морском суде когда находился, особенно в 1905-м и 1912 годах, и там нашего брата под расстрел да в каторгу затеняли... Ну а как пошли, то вон что вышло... Наших-то самая малость.

— А попробуй вмешаться — убьют, — заметил первый матрос, — народ отпетый, уж лучше как мы — в Симферополь на день проехать, чтобы и не видеть этого...

Постепенно я приходил в себя и даже вступил в разговор, а поезд, приятно для моего уха постукивая колесами, уносился все дальше и дальше. Проехали Инкерман, где под село много матросов, Мекензиевы горы, Бельбек. Вот и Бахчисарай — другое царство, где порядок еще держит Крымский конный полк, блистая погонами, Георгиевскими крестами и оружием. Тут уже стало совсем спокойно — видимо, доеду.

Проехали Симферополь и Джанкой, и ранним утром следующего дня я стучался домой.

Мое спасение не оказалось случайным: в эту ночь решено было убивать только морских офицеров, и то преимущественно тех, кто бывал членом Морского суда. Сухпутных офицеров было убито восемь — по ошибке. Однако в феврале 1918 года матросы исправили свою ошибку, убив в Севастополе свыше 800 офицеров.

Севастопольский Совет рабочих депутатов умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом, Совета, но Совет безмолвствовал; им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской вольницей.

И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на дне Южной бухты, Совет выразил «порицание» убийцам...

Всего погибло 128 отличных офицеров.

* * *

После Севастопольских событий большевизм еще не сразу проявился в Керчи и в Симферополе. Хотя Временного правительства уже не существовало, но города по-прежнему еще управлялись городскими думами, к которым постепенно перешла вся власть, так как представителей центрального правительства в Крыму не было.

Севастопольская резня потрясла жителей Крыма и симпатий к большевикам не подогрела, а наоборот, дала возможность надеяться на поворот общественного мнения в сторону борьбы с большевиками и создания полной автономности Крыма.

Поэтому, приблизительно в январе, в Бахчисарае образовалось татарское правительство, опиравшееся на «Курултай» (татарское Учредительное собрание). Его поддерживали некоторые общественные деятели и все офицеры. Образовался «Революционный штаб» в Симферополе, который полагал, что Крымский конный полк, все офицеры, проживающие в Крыму, и все запасные полки будут на стороне восставших, и перед такими силами матросы будут принуждены капитулировать, а от большевиков с севера можно будет спастись при помощи Украины.

Таковы были планы. Действительность оказалась совершенно иной, и матросы очень скоро ликвидировали эту организацию в самом начале ее формирования.

В это время, после первой резни, власть в Севастополе фактически перешла к большевикам, которые опирались на матросов.

Большевики в Севастополе сразу поставили себе целью скорейшее распространение своей власти на весь Крым, и для начала решено было ликвидировать краевое правительство со всеми, кто его поддерживал.

К этому моменту Революционный штаб располагал ничтожными силами: в Евпатории было человек 150 офицеров, сведенных в дружину, в Симферополе офицеров было много, но в части они не были сведены и даже не регистрировались, кроме офицерского эскадрона. Крымский конный полк был далеко не надежен, также были совершенно не надежны запасные полки — три в Симферополе и один в Феодосии, всего около 6000 чел.

События начались неожиданно. В Евпатории офицерский патруль задержал рабочего, известного большевика, участника севастопольских убийств, и расстрелял его на месте. Это было как бы сигналом, и на другой день на рейд вошли два транспорта (один — «Румыния», название другого не помню) и открыли огонь по городу и, в частности, по даче, где собирались офицеры у штабс-ротмистра Новицкого. Слабый офицерский отряд разбежался, матросы высадили десант, заняли город и арестовали всех офицеров, которых нашли в городе, отправив их в трюм транспорта «Румыния».

Наутро все арестованные офицеры (всего 46 человек) со связанными руками были выстроены по борту транспорта и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись.

Среди офицеров был мой товарищ, полковник Сеславин, семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде. Его пощадили — когда он, будучи сброшен в воду, не пошел сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову...

Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий, которого матросы считали душой восстания в Евпатории. Его, уже сильно раненного, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта «Румыния».

Одновременно несколько миноносцев были направлены в Ялту, Алушту и Феодосию, и везде, не встречая никакого сопротивления, матросы неистовствовали, расстреляв в Ялте свыше 80 офицеров, в Феодосии больше 60 и в Алуште нескольких проживавших там старых отставных офицеров.

В Севастополе тогда же, это было в феврале, произошла вторая резня офицеров, но на этот раз она была отлично организована, убивали по плану и уже не только морских, но вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 800 человек.

Трупы собирали специально назначенные грузовые автомобили, которые обслуживались матросами, одетыми в санитарные халаты... Убитые лежали грудami, и хотя их прикрывали брезентами, но все же с автомобилей болтались головы, руки, ноги... Их свозили на Графскую пристань, где грузили на баржи и вывозили в море.

Я не был свидетелем этих ужасов, но благодаря рассказам ряда очевидцев кошмарная картина убийств рисуется совершенно ясно. По своей исключительной жестокости и бездушности, продуманности и подготовке вторая резня в Севастополе действительно напоминала Варфоломеевскую ночь, о которой так часто говорили матросы и солдаты.

Между прочим, среди этой массы убитых погибли мои друзья, полковники Быкадаров и Эртель в Севастополе и подполковник Ковалев в Ялте. В квартире Быкадарова при обыске нашли миниатюру Государя работы его жены, которая недурно рисовала, и его зверски убили тут же. Полковник Эртель, командуя конным полком на Кавказе, приехал в отпуск на несколько дней к семье, и как ни убеждал, что он не принадлежит к Севастопольскому гарнизону, его повели на расстрел. Видя, что смерть неизбежна, он попросил завязать ему глаза.

— Вот мы тебе их завяжем!.. — сказал один из матросов и штыком выколол несчастному Эртелю глаза...

Его убили, и труп три дня валялся на улице, и его не выдавали жене. А Эртель был дивный человек, которого все любили, а солдаты — боготворили...

Подполковника Ковалева в Ялте подвергли домашнему аресту, и он вышел на улицу около дома. Это сочли достаточной причиной для казни, тем более что у него на пальце было очень дорогое бриллиантовое кольцо... Его взяли на миноносце и, застрелив, бросили в море, не обращая внимания на слезы и мольбы его жены и просьбы подчиненных ему солдат, души не чаявших в своем командире.

Словом, в эти кошмарные дни весь Южный берег Крыма был залит кровью, офицеры в панике бежали и прятались, а Симферополь в ужасе ждал своей участи.

И действительно, составив небольшой отряд человек в 300, матросы подошли к Бахчисараю. Тихо атаковал офицерский эскадрон — Крымский конный полк отошел, и Бахчисарай пал, а на другой день матросы вошли в Симферополь, где все запасные полки не вышли из казарм, а Крымский конный полк, который большевики пообещали распустить по домам, — сдался.

Сейчас же началась расплата, начались расстрелы офицеров, которых убили свыше 100, и наиболее уважаемых граждан. Последних собрали в тюрьме и убили всех — свыше 60 человек на дворе тюрьмы.

С этого момента в Крыму воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей, не поставленных хотя бы и большевистским, но все же — правительством, а выдвинутых толпой, как наиболее жестоких, безжалостных и наглых людей.

Во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж, — словом, создавалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа.

Во время недолгой борьбы против большевиков в Крыму я тоже принял участие, но не успел еще войти в дело, как все было ликвидировано, пришлось бежать, и я вновь засел в тихой Керчи, над которой, видимо, сияла счастливая звезда.

Здесь с благодарностью я вспоминаю господина Кристи, идейного большевика, которого судьба поставила во главе большевистской власти в Керчи. Интеллигентный человек, мягкий и кроткий, хотя — горячий и искренний последователь большевистских идей, но враг всякого насилия, крови и казней, обладая большой волей и характером, один только Кристи спас Керчь от резни, которую много раз порывались произвести пришедшие матросы с негласного благословения Совдепа, и благодаря Кристи в Керчи не было ни одного случая убийства, и до самого прихода немцев, 1 мая, если все и жили под вечным страхом

и ожиданием убийств, то только благодаря Кристи, сумевшему удержать от этого особенно буйные элементы, в Керчи вовсе не пролилось крови.

Все было удивительно в этом тихом городе, где большевизм проходил так необычайно. Например — арестовали богатого помещика Глазунова (сына известного книгоиздателя), продержали в тюрьме дней пять и выпустили обратно в усадьбу, оставив даже драгоценное бриллиантовое кольцо, бывшее в момент ареста.

В городе жил бывший министр финансов Барк, которого многие знали. И хотя он был министр «царского правительства», однако его не тронули.

Часть, в которой я состоял еще при Временном правительстве, выбрала меня командиром. Я не хотел вступать, так как у них был командир полковник Антонини¹⁴⁹, и оба мы существовали не командуя, а частью управлял комитет. Однако часть эта не признала большевиков и, что особенно удивительно, получала деньги на свое содержание от городской управы, а после, когда незадолго до прихода немцев, большевики уничтожили городское самоуправление, мы получали деньги от Совдепа — «на содержание части, не признающей большевиков и не входящей в Красную армию»...

Красной армии еще почти не существовало, хотя о записи в нее было объявлено, фактической силой была только городская милиция (преимущественно из бывших городских). Морская батарея украинизировалась и хранила загадочное молчание. Чрезвычайной комиссии еще не существовало, и новая революция проходила в прежних условиях, особенно благодаря Кристи, сумевшему направить керченскую жизнь в сравнительно спокойное русло.

В марте нам объявили, что раз мы не хотим поступить в состав Красной армии, то будут выдавать содержание еще месяц, а потом распустят, и солдаты стали искать работы, а офицеры надеялись вырваться на Дон или Кубань.

К этому времени относится моя поездка на Кубань, в станицу Таманскую, откуда я думал пробраться в Добровольческую армию. Однако как раз в Тамани был большевизм, в день моего приезда казаки убили двух братьев Пятовых, старых офицеров, проживших десятки лет в станице. Тела их облили керосином и подожгли на свалке, а после женщины приходили со всей станицы и оскверняли трупы...

А этих офицеров в Тамани любили и уважали, и их сестра была лет двадцать учительницей в местной школе и напрасно валялась в ногах своих бывших учеников... Я тогда еле добрался до Керчи, так как путь через Тамань был закрыт.

Жизнь в Керчи дорожала, стало меньше хлеба, появился черный, и уже приходилось часами стоять в очередях. Совсем не стало денег, и вместо них пустили облигации «Займа Свободы». Пробовали было большевики устраивать «изъятия у буржуев» излишков, но как-то не выходило и не клеилось.

Буржуазия была вся наперечет, все ее знали, и она всячески старалась идти в ногу, часто «жертвуя» особенно яростными крикунами.

Объявили фабрики и торговые предприятия собственностью рабочих и приказчиков, но фабрика Месаксуди выбрала хозяина своим комиссаром, а магазины лишь на вывесках указали фамилии приказчиков, в действительности — все осталось по-старому.

Единственно, на что крепко наложили руку большевики, вернее, матросы, — это на парходство и рыбную ловлю. Все парходные общества были «национализированы» и управлялись «семеркой» матросов, почему все доходы шли в их личный карман. Парходы ходили по Азовскому морю и часто — по Черному до Батума. Команда привозила керосин и продукты, и матросы в массе ударились в спекуляцию, забыв про революцию.

Также захватили они богатейшие рыбные ловли на косе, верстах в 9 от Керчи. Промыслы были названы «Черноморский флот», но хозяйничанье матросов было из рук вон плохо, флот вовсе не получал никакой рыбы, а улов продавался и деньги шли «тройке», управлявшей промыслами.

Хотя убийств не было, но город все время жил в их ожидании. Каждый вечер ходили тревожные слухи, и оказывалось, что Кристи опять убедил «не пачкать революцию», и наступало успокоение.

Несколько раз всей семьей приходилось ночевать в слободке, у старого вахмистра, который прибегал ко мне, приносил платье и говорил, что ночью резня неизбежна. Тогда, одетый таким страшилищем, что мне давали дорогу на улице, пробирался я на слободку, приходили жена и сын, и все мы устраивались вповалку в старой избе, прислушивались к ругани и крику на улицах, ожидая, что вот ворвутся матросы... Но наступал день, и опять приходило успокоение.

Как-то раз около моего дома остановился ночью автомобиль и раздался неистовый стук в двери.

«Ну, конец!..» — сверкнуло в голове, когда я пошел открывать. В комнату ввалилось три вооруженных пьяных матроса.

— Это, што ли, дом номер 42? — спросил меня один.

— Нет, наш дом 41, а 42-й на другой стороне.

— А кто ты такой? — спросил меня другой. — Дай-ка лист бумаги, мы запишем.

— Черт с ним, время нет, пойдем, товарищи... Напугался, брат? — сказал третий. — Ну, свети, счастлив твой Бог...

И вся ватага высыпала на крыльцо...

А наутро я узнал, что арестовали одного офицера, жившего в доме 42...

В общем, конечно, было плохо: не было закона, был возможен полный произвол, увеличились грабежи, не было личной безопасности, дорожала жизнь, но все же сравнительно с Севастополем — было тихо.

Феодосия жила особой жизнью. Там была большевистская власть, но ее вовсе не признавали солдаты кавказских полков, которые десятками тысяч возвращались с Кавказа на родину и заставляли трепетать не только феодосийские власти, но и грозный Севастополь.

С ними заигрывали, заискивали и всячески стремились скорее их отправить, но обыкновенно они сидели недели по две, пока не распродавали все казенные и награбленные в Трапезунде вещи.

Базар кишмя кишел солдатами, которые продавали все, начиная с лошадей и кончая пулеметами и живыми турчанками, которые были их «женами» и бежали из Трапезунда, боясь мести турок. Турчанки котировались от 200 до 2000 рублей и выше и открыто покупались татарами, чему я лично был свидетель.

Первый транспорт кавказских полков во время последних кровавых событий был остановлен в море миноносцем «Хаджи-бей», откуда предложили сдать всех офицеров.

Солдаты не согласились и даже приготовили пулеметы, на что «Хаджи-бей» пригрозил миной, и тогда солдаты со слезами выдали 63 офицера, и они все были расстреляны на Новороссийском молу¹⁵⁰. Позже, когда прошла эта кровавая неделя, транспорты возвращались с офицерами, с которыми, как это ни горько, солдаты братски делились деньгами, вырученными от продажи казенного имущества...

В Феодосии солдаты расположились как у себя дома, заняв роскошные дачи на берегу. Я помню, как из дивной дачи Стамболи выносили изящную мебель красного дерева, тут же ломали и жгли на кострах, где варили себе еду в котелках. Они проходили как саранча, все покупая и все продавая, шумно, пьяно и весело, но благодаря им — вооруженным до зубов и с артиллерией — в Феодосии было если и не спокойно, то все же терпимо.

Подходила весна. И вместе с дуновением теплого ветерка, вместе с моментом воскресения природы до Керчи докатился сначала робкий, а потом уже более уверенный слух, что на Крым двигаются украинцы и немцы.

Слухи эти сначала тщательно скрывались, но наконец появились воззвания и приказы на красной бумаге, где говорилось, что «украи-

но-немецкие банды» протягивают свои «хищные руки» к Крыму и что весь пролетариат Крыма и матросы встанут, как один, и уничтожат дерзкого врага, «прихвостней капитала и черной реакции»... Появились репортажи о громких победах, однако стала заметна тревога...

И вдруг, в один погожий весенний день, в город на галопе ворвались какие-то конные — около сотни, безжалостно нахлестывавшие лошадей. Оборванные, грязные, кое-как одетые, с веревочными поводьями и стремянами, подушками вместо седел, эти всадники оказались кавалерией Красной армии. По их словам, немцы катятся непосредственно за ними.

А вслед за конными потекла пехота с нескольких поездов (около 4000 человек) и с массой награбленного добра. Все это бросилось в порт и, давя друг друга, полезло на несколько военных транспортов в состоянии полной паники, когда один выстрел заставил бы их всех сдаться.

Отрядом командовал славившийся своей жестокостью матрос Живоверов, бывший ранее вестовым у адмирала Трегубова¹⁵¹, начальника Керченского порта и гарнизона.

Двое суток непрерывно грузились большевики на транспорты, набивая их награбленным добром. Ящики падали, разбивались, шоколад, кофе, сахар, чай, мыло и материи пудами и свертками валялись на берегу, и жители слободки открыто растаскивали на глазах солдат, так как те при всем желании не имели возможности все награбленное нагрузить на транспорты и спешили захватить лишь самое ценное.

Наступал конец — в Керчи собралась вся знаменитая и геройская Красная армия, бежавшая без всякого сопротивления от немцев из Перекопа...

* * *

Едва большевистские войска стали нагружаться на транспорты, как там уже оказался и керченский Совдеп. В городе поднялось открытое ликование, и власть приняла городская дума во главе с городским головой Могилевским. Сейчас же сорганизовались дружины из рабочих и фронтовиков (более 3000 человек), которые и взяли на себя охрану города и окрестностей, а по предложению городской думы я сформировал из пограничных солдат конный отряд для дальней разведки и охраны. Все это совершилось в несколько часов, и приблизительно к 8 часам вечера я со своим отрядом выступил на охрану города.

Отряд имел совершенно необычный для Керчи вид: люди были прекрасно одеты, сидели на хороших строевых лошадях, были отлич-

но вооружены и производили впечатление солдат довоенного времени, идущих на парад.

Едва отряд вышел на главную улицу, как собралась огромная толпа, принявшая отряд за украинцев, люди кричали «Ура!», целовали солдат и вообще выражали исключительный восторг, и мы не могли их уверить, что всегда находились в Керчи.

В тот момент, когда мы с трудом продвигались через толпу, в нее врезался автомобиль, в котором сидел командующий большевистской «армией» — матрос Живоверов, одетый в матросскую форму, причем слева висел флотский палаш, а справа — офицерская шашка Крымского конного полка, вся в серебре. Кроме того, два револьвера и две — накрест — ленты с патронами довершали его вооружение.

Увидев стройные ряды конных солдат, он сначала растерялся, а потом, когда ему сказали из толпы, что это не немцы и не украинцы, вскочил на сиденье и схватился за маузер.

— Вы кто такие! Как смеете выходить вооруженными!.. Всех расстреляю! — закричал он, обращаясь ко мне и добавляя площадную ругань.

— Городская конная охрана из пограничников, — ответил я, — сформирована для охранения порядка ввиду ухода красных войск..

— А, контрреволюционеры!.. Буржуи проклятые!.. Вот я вам покажу, мы еще все здесь и никуда не уйдем... Сам перестреляю!.. — И Живоверов потянул из кобуры маузер...

Я скомандовал: «Шашки к бою!» — сверкнули клинки, и отряд подвинулся к автомобилю, но шофер быстро дал задний ход, толпа бросилась в сторону, и Живоверов помчался, крича, что сейчас выведет пять тысяч человек и всех расстреляет.

Мы продолжали свой путь, когда от разъездов и жителей получили сведения, что несколько пеших отрядов большевиков замечены на улицах, которые сразу вымерли. Спустя немного времени выстрелы и пули запели над отрядом, почему мы заехали в переулок, полагая пойти в шашки при приближении большевиков. Выстрелы приближались, и все мы ждали момента атаки, не сомневаясь в успехе, как вдруг тяжело грохнул выстрел береговой пушки, и снаряд разорвался над транспортом, где грузились большевики... Еще и еще забухали тяжелые орудия, и снаряды явственно рвались над бухтой..

— Бегут!.. — крикнул разведчик, и действительно, большевики бежали, провожаемые беспорядочным огнем рабочих городской охраны, засевших в домах и воротах.

Наш отряд на рысях пошел в преследование, т. е., вернее, — подгонял большевиков к транспортам, куда они бежали со всей быстро-

той, какую могли развить. А в это время снаряд за снарядом разрывались над бухтой и, наконец, под выстрелы и крики «Ура» собравшейся толпы, транспорты один за другим отвалили от мола и взяли курс на Азовское море.

Большевики ушли...

Оказывается, морская береговая батарея, где было всего около 50 матросов, получив сведения, что большевики хотят разграбить Керчь, предупредила, что откроет огонь, если они не уберутся немедленно, и действительно, — огонь был открыт, а тогда большевики, бывшие в городе, с лихорадочной поспешностью вскочили на суда, и благодаря нескольким орудийным выстрелам Керчь была спасена от разгрома.

Утром жители не верили, что большевиков уже нет. Тысячная толпа бросилась к гавани, но там на берегу валялись лишь разбитые ящики и бочки, груды соломы да рассыпанная мука, стояли опорожненные составы поездов, а транспортов уже не было.

Все радовались, как дети, — чувствовали себя как в Светлый праздник, улицы наполнились и оживились, открылись магазины, появились товары, и жизнь закипела, как будто большевиков никогда не было. Сейчас же стала выходить газета, питавшаяся пока только слухами, появились надежды на будущее, всякие чаяния и планы.

Городскую охрану несли рабочие, дальнюю разведку я со своим отрядом, и первые дни настроение было повышенное, весьма воинственное и смелое. Немцев ждали со дня на день, однако их не было, и даже слухи о них прекратились.

Наоборот, стал муссироваться слух, что матросы их где-то разбили и что Живодеров на днях возвращается, чтобы наказать «буржуазную» Керчь, и этот слух стал очень нервировать рабочих и солдат городской охраны, отчего городская охрана быстро уменьшилась и недели через полторы из трех тысяч человек не насчитывалось и пятисот.

Наконец, 28 апреля получилось письмо от Живодерова в городскую думу; оно напоминало письмо запорожцев к султану: Живодеров издевался над ожиданием немцев, которые будто бы разбиты и бегут, и обещал 1 мая прибыть в Керчь и «затопить ее кровью»...

Письмо произвело сильное впечатление. Выслали разведку на автомобиле до Владиславовки (откуда дорога идет на Джанкой и Феодосию), но на всем пути немцев не обнаружено и .. охрана города уменьшилась до ста человек...

Настали тревожные дни, многие бежали из города в деревни, а оставшиеся большевики подняли голову. Начались нападения на почты, появились раненные, по ночам трещали выстрелы по всему городу. Моему отряду несколько раз приходилось выбивать большевиков

на слободке, и у арестованных находили списки обреченных, где были записаны и все офицеры, жившие в городе.

Уже раздавались голоса, что немцы не придут, а с большевиками Керчь жила тихо, а теперь они рассержены и даром это не пройдет. Словом — Керчь пала духом...

1 мая, часов около 12 дня, я был на горе Митридат, когда заметил оттуда скопление поездов на давно мертвой станции. Я быстро спустился в город, где на улицах уже стояли толпы народа, местами висели украинские флаги и царили возбуждение и радость.

Проехал автомобиль с пулеметом под украинским флагом — депутация от морской батареи... За ним появилась депутация от украинской «спилки», где-то колыхались уже украинские знамена и виднелись портреты Шевченко...

И вот со стороны вокзала появилась группа всадников, ближе и ближе... И на рысях, с пиками у бедра, с надвинутыми на лоб стальными касками, на дивных лошадях прошел разъезд германских драгун... Солдаты, мягко и в ритм подымаясь в седлах, внимательно, остро и недоверчиво взглядывали по сторонам. За ними еще и еще разъезды все большего состава. Мягко шелестя резиной шин, в удивительном порядке и стройно прошла рота самокатчиков; далее показались пешие патрули и дозоры, и, наконец, мощно отбивая подкованными сапогами шаг, появилась бессмертная германская пехота, вся серая в своих оригинальных стальных касках, придающих такой воинственный вид,двигающаяся по широкой керченской улице, как грозная и неизбежная лавина...

Батальон за батальоном, полк за полком, артиллерия, пулеметы, обозы, — все в дивном порядке, все вычищенное, сияющее и новое — как будто только что из магазина игрушек... Все они шли как на парад, и не верилось, что эти люди, лошади, пулеметы, пушки и обозы сняты с самых тяжелых участков французского фронта, после четырехлетней упорной жестокой войны...

Первого мая в Керчь вошла Баварская (или Ганноверская, хорошо не помню) дивизия. Ни одного украинца с нею не пришло — их германцы выпроводили еще из Симферополя, так как они бесчинствовали и грабили, и нашим делегациям пришлось с грустью вернуться домой, скромно свернув свои знамена. Настала пора германской оккупации.

Войска быстро разошлись по заранее выработанному плану и разводились офицерами по квартирам с такой же уверенностью, как в собственные казармы.

Местами вдоль улиц поставили орудия, местами — из некоторых окон торчали пулеметы. По улицам днем и ночью появились патрули,

и жители сразу убедились и уверились, что о выступлениях нечего и думать. На бульваре, где гуляла масса офицеров и солдат, стал играть оркестр и вообще жизнь приняла мирный характер.

Недовольных немцами не было, держали они себя отлично, на базаре и в магазинах за все платили германскими деньгами. Курс марки был объявлен в 75 копеек, а спустя месяца полтора повышен до рубля. Появилось много мелких германских денег, почему и эта сторона жизни — голод в денежных знаках — урегулировалась.

К офицерам отношение было отличное. В своем обращении начальник немецкой дивизии сказал, что офицерам теперь место или на Украине, где идет государственное строительство, или на Дону, в Добровольческой армии, и что немцы окажут содействие каждому, кто пожелает туда отправиться.

Однако начальник дивизии намекнул, что по некоторым соображениям нахождение массы офицеров в Крыму нежелательно, в чем мы усмотрели стремление немцев создать из Крыма свою колонию, какое предположение оправдывалось созданием Крымского краевого правительства, под председательством графа Татищева, полной изоляцией от Украины и стремлением немцев плотно сесть в Крыму путем организации всевозможных немецких обществ для его эксплуатации.

Немедленно, по прибытии немцы объявили, что все жители обязаны сдать оружие, и отбирали его довольно энергично, обещая расстрел в случае утаивания, и привели эту угрозу в исполнение на одном из заводов, где рабочие спрятали пулеметы и бомбы, что сразу убедило всех в «серьезности» немцев, и сдача оружия пошла быстрее.

Большевиков немцы не искали и не ловили, и только тогда арестовывали, когда на них указывали русские. Однако никаких расстрелов и вообще тяжких наказаний за политические убеждения не было, если действия большевиков не были направлены против германских войск.

Будучи связан с Украиной, поверив, что из Киева пойдет оздоровление России и имея на Украине большинство своих товарищей и сослуживцев, я решил, пользуясь приходом немцев, проехать в Киев и поступить там на службу.

В это время немцы предложили нам расформироваться, и так как наша часть не признала большевистской власти и выступала против большевиков, то они нас признали регулярной частью русской армии и не реквизировали имущества, а купили весь конский состав, седла и прочее имущество и вооружение, уплатив хотя и немного, но все же уплатив.

Эти деньги дали возможность выдать содержание всем офицерам и солдатам, после чего часть была расформирована. В других же го-

родах все части, оставшиеся к моменту прихода немцев, были признаны красноармейцами, и их оружие, лошади и имущество конфисковывались.

Закончив расформирование, в первых числах июня, я выехал в Севастополь, чтобы оттуда со своим другом С-вым ехать в Киев, искать новой жизни и нового счастья.

* * *

Прибыв в Крым, немцы постарались сейчас же насадить свои порядки, подчас забывая наши чисто русские особенности — малую культуру и непривычку к регламентации всего уклада жизни, почему иногда все их добрые намерения разбивались, не внося существенных изменений в жизнь.

Между прочим, немцы попытались ввести на железной дороге те же порядки, что и в Германии, и когда я получил билет, то не вышел, как обыкновенно, на платформу, а попал в огромную толпу, тесно сжатую коридором, и ожидавшую момента открытия двери. У дверей стоял кондуктор, ожидая, что, как и в Германии, каждый предъявит билет для контроля и чинно направится занимать место. В помощь ему, имея в виду, что это Россия, а не Германия, дали двух солдат.

Толпа долго и терпеливо ждала, едва выдерживая отчаянную духоту и жару. Наконец подали состав, дверь открылась, и... в тот же момент кондуктор и солдаты были смяты, толпа, как бурный поток, вылилась на платформу, и сейчас же весь поезд был набит битком...

Тщетно немцы уверяли, что «нельзя во время движения оставаться на площадке», тщетно доказывали, что лестницы и крыши не места для пассажиров — вагоны были заняты крепко, и удивленным немцам пришлось капитулировать, тем более что сделанная ими проволочная изгородь кругом станции была сразу же разнесена до основания и бесплатных пассажиров было, пожалуй, больше, нежели платных.

Так печально кончилось стремление немцев насадить у нас свои порядки, и вскоре они везде махнули на это рукой, оставив в каждом поезде половину состава для себя и предоставив бесконечному числу пассажиров помещаться как и где хотят, забивать площадки и лестницы, падать и разбиваться.

Везде на станциях характерные немецкие каски, везде дежурные с ружьями, местами — пулеметы. В дороге разговоры только про немцев, удивление их порядку, дисциплине, вежливости и привычке расплачиваться.

В Севастополе те же пушки, угрожающе направленные вдоль улиц пулеметы на балконах, офицеры и солдаты без конца, аккуратные подводы, наглухо закрытые брезентом, марширующие взводы и ряды, конные и пешие патрули и полное отсутствие той наглой матросской толпы, что в декабре так резко бросалась в глаза.

Последние минуты большевистского Севастополя — его агония продолжалась недолго. Немцы, распрошавшись в Симферополе с украинцами, которые по своему «вильному» духу к ним совсем не подошли, быстро покатались к Севастополю, встречая ничтожное сопротивление матросов, невзирая на кричащие красные плакаты, где указывалось, что скорее все матросы лягут до единого, нежели немцы будут в Севастополе.

Паника, которая поднялась среди красного Севастополя, не поддается описанию, и все эти декабрьские и февральские убийцы, грабители крымских городов, палачи, убившие тысячи безвинных людей, — как стадо баранов лезли с награбленным добром в транспорты, наполняя их свыше меры.

В той безудержной панике, которой они поддались, матросы бросились к капитану 1-го ранга Саблину¹⁵² и, как говорят, поднесли ему адмиральские эполеты, умоляя вывести флот из бухты в Новороссийск, обещая признать власть его и офицеров и все «повернуть, как прежде было», титулуя — «ваше превосходительство» и тщательно отдавая честь... Слишком страшна была мысль остаться в Севастополе, когда на дне южной бухты еще качались трупы замученных офицеров, слишком ясна была уверенность, что виновным пощады не будет.

Однако перед отъездом матросы хотели посчитаться — «хлопнуть дверью» и думали последней резней покончить с офицерами, остающимися в Севастополе. Это стало известно немцам, и они, стремясь не допустить резни, послали конную батарею с небольшим прикрытием, на рысях, через Бельбек на Северную сторону.

Уже вечерело, когда 31 апреля конная батарея снялась с передков около церкви на Северной стороне и немедленно открыла огонь по флоту, стоявшему под парами.

Паника — было бы слабым определением того, что случилось с «красой и гордостью революции»: давя друг друга, без всякого строя, бросились суда к выходу, хотя снаряды германцев без вреда отскакивали от брони. Матросы забыли, что у них есть могучая артиллерия, нескольких выстрелов которой было бы достаточно, чтобы уничтожить кучку храбрецов с их пушками...

Нефтяные миноносцы кое-как вытянули в кильватер и многие не очень охотно пошли за кораблями, один выбросился на берег, а дру-

гой потерпел аварию и застрял в бухте. Словом, после недолгой бестолковщины, через несколько минут, главная часть флота вышла в море и взяла курс на Новороссийск. Значительное число старых кораблей, много миноносцев и подводных лодок — везде, где команда не была скомпрометирована убийствами офицеров или не бежала на транспортах, — остались в бухте и подняли украинский флаг.

Среди ушедших было много офицеров, горячих патриотов, которым было невыносимо сдать любимые корабли немцам. Они поверили матросам, поверили в их патриотизм и решили грудью отстаивать родной Андреевский флаг, под которым вышли из Севастополя... Но это единение было недолго. Уже в пути матросы бросили в море несколько офицеров, а в Новороссийске разыгралась трагедия, кончившаяся гибелью лучших кораблей флота...

В момент моего приезда на «Георгии», где раньше был штаб адмирала Колчака, развеивался германский морской флаг, медленно колыхаясь на флагштоке... Было больно и тяжело это видеть, видеть родные корабли, надежду России, мечту Александра III — без боя спустившие славный Андреевский флаг... На других кораблях еще развеивались «жовто-блакитные» украинские флаги.

Какая радость была в Севастополе — поймет каждый при мысли, что за короткое время в этом небольшом городе было вырезано около 1000 офицеров, когда жизнь в Севастополе была не жизнь, а лишь покорное ожидание издевательств, мучений и позорной смерти...

Я застал Севастополь в слезах. Все родственники замученных офицеров собрались во Владимирском соборе, где служили общую панихиду — первую после убийств. Что это была за картина безысходного человеческого горя, что делалось в соборе, где рыдали даже священники, где слезы перемешивались с истерикой, воплями, жалобами — почти безумие горя, которое тронуло даже холодные тевтонские сердца!..

А водолазы доставали тела, уже разложившиеся и объеденные крабами, и каким-то чутьем многие узнавали своих близких... По улицам тянулись похоронные процессии, появилась масса дам в трауре, и радость освобождения вновь всколыхнула острые воспоминания недавнего горя и потерь, которые уже притуплялись временем...

С приходом немцев меня постигла большая неприятность: в поисках за мебелью для квартир офицеров в артиллерийских флигелях немцы наткнулись на мою квартиру, оставленную мной со всей обстановкой и вещами еще с начала войны, и взяли всю мебель, а чернь дограбила остальное. Таким образом, я потерял все, кроме того платья, что было на мне и на семье. Это обстоятельство отразилось

на нас катастрофически, и какие меры я ни принимал, я ничего не получил, хотя и представлял доказательства исчерпывающей полноты.

— Война, — отвечали мне везде, и в Севастополе, и в Керчи, и в Киеве. — Право войны, хотя, может быть, что-нибудь вы и получите, но...

Для через два мы с С-вым сели в поезд и направились в Киев, в загадочную вновь народившуюся Украину, где уже был реставрирован суррогат монархической власти в лице гетмана и откуда, как нам казалось, начнет выздоравливать и воскреснет Россия...

Выехавши из Крыма, который тогда вел таможенную войну с Украиной, в Северную Таврию, мы не заметили ничего, что могло бы дать представление об Украине. Везде была подлинная Россия, если не считать двух-трех гайдамаков в опереточных костюмах времени запорожцев, с чубами, «алюльками» и «шаблюками». Местами попадались офицеры во френчах, обшитых цветными кантами и широкими генеральскими лампасами на рейтузах. Однако везде царил русская речь и «ридна мова» отсутствовала.

На вокзалах, до Александровска, обычная после революции грязь, обычная толпа крестьян, едущих по всем направлениям, терпеливо — сутками — ожидающая поезда и берущая штурмом вагоны при появлении состава. Навстречу нам попадалось много офицеров, едущих в Добровольческую армию и ругательно ругавших Украину за то, что там принимались на службу только кадровые офицеры.

В поездах — два-три вагона третьего класса для немецких солдат, один — второго класса для офицеров и ряд товарных — для пассажиров. Условия путешествия были отвратительны, и в битком набитых вагонах путь представлялся сплошным страданием.

В вагоне — неприязнь, подозрительное отношение друг к другу, ибо, с одной стороны, подозреваются большевики, с другой — буржуи. Настроение в общем подавленное, так как крестьяне — огромное большинство пассажиров — уже слышали о возвращении земель и инвентаря помещикам, а местами и чувствовали это довольно болезненно...

Здесь, где большевизм не успел еще себя изжить и был прерван в зародыше, большинство крестьян ненавидело немцев, видя в них ту злую силу, что не дала им воспользоваться благами революции — «грабежом нагробленного».

В Александровске мы перешли в дивный поезд из отремонтированных классных вагонов, где царил полностью дореволюционный порядок, даже — порядки довоенного времени. Однако так было только до

Екатеринослава, где снова пришлось взять место с бою в товарном вагоне, и только в Знаменке нам удалось устроиться в собственном вагоне «пубертального старосты» Харьковщины, полковника Генерального штаба, который любезно предоставил нам право жить в его вагоне по приезде в Киев.

Киев поразил нас: казалось, на Крещатике собрался весь Петроград, вся Россия... Везде нарядные дамы, блестящие офицеры, которым удалось уже получить место, и рядом — оборванные, худые, в солдатских шинелях без погон — чающие движения воды... автомобили, собственные экипажи, кокотки, дети и немцы без конца... На улицах бравая милиция в форме американского образца, но с украинскими кокардами, немецкие патрули, застывшие фигуры немцев часовых в неизменных стальных касках, отряды пехоты с пулеметами и обозом,двигающееся кого-то карать.

Везде рестораны, кондитерские, кафе, театры, кино, залитые ярким светом, груды товаров в магазинах, масса съестного, аппетитно разложенного в витринах, везде довольство и веселье, и не верится, что здесь недавно свирепствовали большевики, и только пробитые пулями окна магазинов напоминают о тяжелом прошлом.

И мы попали в эту яркую, захватывающую жизнь, то путешествуя из кафе в ресторан, то в какой-то штаб, то снова в ресторан. В штабах молодые офицеры в отлично сшитых френчах сурово предъявляли требование «размовляти тільки на державній мові», везде что-то обещали, направляли в другие управления и штабы, и мы дней десять носились безостановочно, писали десятки «заяв» и «проханій», пока С-в не был зачислен в конвой гетмана, а я не наткнулся на родную часть, где генералы Байков и Китченко гарантировали прием, обещав назначение через две недели.

А вечерами мы отдыхали в ресторанчике «Миньон» на Бибиковском бульваре. Его содержал летчик-полковник. Там собиралось офицерство, встречались старые товарищи, и в уютной комнатке, за рюмкой вина, вспоминали былое. Настроение было определено монархическое, чего никто и не скрывал.

В ресторанах служили лакеями офицеры... И это на тех, кто любил свою службу и свою корпорацию, кто видел в офицере рыцаря, готового на подвиг, кто дорожил каждым орденом и значком — производило неизгладимое впечатление. Было больно, грустно и стыдно... Особенно когда на вопросы, почему, зарабатывая огромные деньги чаевыми, эти офицеры не снимают защитной формы, училищных и полковых значков, а иногда и орденов, цинично отвечали:

— Так больше на чай дают...

И это в то время, когда Украина формировала восемь корпусов, а Добровольческая армия вела тяжелую и неравную борьбу... Мест было достаточно, но захватила жажда покоя и жажда наживы...

К счастью, все эти господа были офицеры военного времени. Каровые офицеры в огромном большинстве держались в стороне.

За эти десять дней мы колоссально устали, так как жили в вагоне и приходилось быть целый день на ногах, чтобы не возвращаться на станцию, расположенную очень далеко от центра.

Здесь, в Киеве, я встретился со многими товарищами и сослуживцами, в частности и по морской дивизии. Все они уже служили, что-то формировали, на службе кое-как «балакали» на «державній мові», но все-таки Киев был русский город, и, пройдя Крепшатику дважды, встретив десятки тысяч народа, можно было ни разу не услышать украинского слова.

Я встретил генерала Пожарского¹⁵³, который сказал мне, что отлично знает гетмана и знает, что он, став им, сказал своим друзьям:

— Я беру Украину революционную и хмельную, чтобы создать в ней порядок и сохранить ее от большевизма. Но когда наступит оздоровление России, я поднесу ее Государю уже выздоровевшую, как лучшую жемчужину в царской короне, как неотъемлемую часть Российской Империи.

И эти слова еще более убедили нас, что намечающееся оздоровление России пойдет из Украины...

В день отъезда, кажется 5-го или 10 июня, мы делали кое-какие закупки и были на Крепшатике. Вдруг раздался взрыв необычайной мощности и посыпался дождь зеркальных стекол магазинов, последовал сильный толчок воздуха, затем еще взрывы, и над городом поднялся огромный столб дыма, в вершине которого сверкали молнии... Взрывы большие и малые, частая пальба, грохот, дым то белый, то совершенно черный, белые облачка шрапнелей — все это производило подавляющее впечатление. Публика бросилась бежать по всем направлениям...

— Большевики наступают! Бой идет!.. — кричали одни.

— Спасайтесь! Взрыв на Зверинце, сейчас весь город погибнет... — в панике кричали другие, и все бежало куда глаза глядят...

Вдобавок очень скоро появились раненные из школы старшин, в крови, без шапок, и еще более увеличили панику, а взрывы следовали непрерывно, столб дыма превратился в огромную черную тучу, где сверкали молнии, грохот и треск лопающихся гранат и патронов напоминали сражение, и все в совокупности совсем ошеломило киевлян и только немцы, как всегда, не растерялись и быстро оцепили всю угрожаемую местность.

Оказалось, по неизвестной причине произошел взрыв огромных складов артиллерийских припасов на Зверинце, есть убитые и очень много раненых.

Под грохот непрерывной канонады мы направились на вокзал, где толпились тысячи панически настроенных людей, стремившихся уехать из Киева и, с трудом найдя место, поздно вечером выехали из Киева, когда все еще продолжались взрывы и треск лопающихся шрапнелей, гранат и патронов.

А через два дня я снова въезжал в Керчь в надежде скоро уехать, чтобы посылно участвовать в строительстве «Новой России» и искать свое счастье после тяжелых революционных дней.

* * *

За мое отсутствие особых событий в Керчи не произошло. Уже при мне пришло из Турции несколько миноносцев, так называемые «Милеты», и по улицам, в дополнение к немецким офицерам и солдатам, появились матросы в турецкой форме, и было особенно обидно видеть турок в роли, похожей на победителей. Однако все это оказалось бутфорией: все офицеры и матросы были подлинные немцы, носившие турецкую форму лишь из политических соображений.

К этому времени, т. е. к середине июня, относится высадка десанта в Тамани, на Кавказском берегу. В июле немецкий десант, очистив Тамань от большевиков, вернулся в Керчь, так как немецкое командование не стоворилось с Кубанской Радой в деле установления компенсации за вооруженную помощь. Казаки говорили, будто немцы потребовали за свое наступление очень большое количество хлеба, однако фактическая причина возвращения десанта мне не известна.

В Керчи жизнь шла нормально, открылись все магазины, появилось много немецких денег, и тяжесть оккупации сильно не давила. Только в случае необходимости выехать из Керчи надо было брать удостоверение в комендатуре.

Спустя некоторое время после занятия Крыма немцами образовалось Крымское краевое правительство при министре-председателе графе Татищеве. Политическим средо правительства была программа партии кадетов, и правительство стремилось лояльно следовать заветам партии, стремясь назначать толковых, честных, и гуманных людей на все сколь-нибудь ответственные посты. Тогда же были назначены и высланы в города комиссары правительства, установлены милиция, береговая охрана, сделаны шаги для урегулирования правильного поступления государственных доходов, возобновлены суд, нотариусы, зем-

ское и городское самоуправление, и вообще жизнь начала входить в правильное и спокойное русло, чему особенно способствовала отличная оккупационная армия, на которую правительство могло смело опираться.

Финансовая часть очень хромала, собственной валюты в Крыму не было, в денежных знаках ощущался форменный голод, почему были пущены в ход все денежные суррогаты, до талонов «Займа Свободы» включительно. Но этот вопрос должен был быть урегулирован представлением Германией крупного займа и выпуска на этом основании собственной валюты, почему ожидался отъезд главы правительства в Берлин.

Военная часть управления выражалась лишь в лице военного министра, генерала Николаева¹⁵⁴ (бывшего штаб-офицера Крымского конного полка) и его адъютанта. С разрешением собственных формирований немцы тянули, и по всему было видно, что в случае их успеха в европейской войне Крым будет потерян для России, так как при их гегемонии в Турции легко было бы сохранить за собой эту новую и богатую колонию, которую легко было бы и защищать, обладая могучим флотом и создав солидные укрепления на Перекопском перешейке.

Я долго ждал назначения на Украину и по прошествии месяца потерял уже всякую надежду, а средства для жизни иссякали. В это время мне рекомендовали обратиться к графу Татищеву и хоть временно устроиться в число служащих новой власти и там дожидаться назначения на Украину. Поэтому я проехал в Симферополь и представился главе правительства, графу Татищеву, принявшему меня с обаятельной любезностью и исключительно внимательно, — качества, не всегда присущие высшей администрации.

Министерство и центр управления Крымом тогда находился в квартире графа Татищева, чуть ли не в его спальне, где стучали машинки, толкалась в приемной масса народа и уже бегали озабоченные чиновники.

Узнав от меня о моей прежней службе, граф отнесся весьма внимательно и предложил мне представить ему доклад по интересовавшему его вопросу моей специальности. Этот доклад я написал в сутки, и, ознакомившись с его содержанием, граф назначил меня управляющим таможенной 1-го класса в город Джанкой — пограничный с Украиной, куда я со штабом служащих должен был выехать на другой день.

Вернувшись в гостиницу, я застал моего сожителя полковника Н. в большом затруднении: ему было поручено составить штаты Министерства путей сообщения и даны нормы. Составленные штаты, вместе с художественно исполненными чертежами, скалами и всевозможными

таблицами, всего человек на 400 служащих, были в конце концов направлены к немецкому генералу, и тот их перечеркнул красными чернилами, придя в ужас, что для управления путями сообщения (железная дорога Севастополь — Евпатория — Джанкой — Керчь — Феодосия и Южнобережское и Балаклавское шоссе) понадобится такой штат. Из этого стало ясно, кто был истинным хозяином Крыма...

Наутро я выехал на место назначения, а там меня ждала телеграмма, что я назначен на Украину, командиром учебной конной сотни, что совершенно соответствовало моим планам и надеждам и давало возможность снова быть на любимой военной службе. Я тотчас послал телеграмму об отставке и письмо графу Татищеву с благодарностью за внимание и с объяснением причин отказа, и на другой день уже ехал в Керчь.

Сборы были недолгие, семью пришлось пока оставить в Керчи и только понадобилось съездить в Феодосию за некоторыми вещами.

В Феодосии также везде царили немцы, в городе был полный порядок, у фонтана Айвазовского опять, как и прежде, сидели феодосийцы, потягивая турецкое кофе, и объедались шашлыками и жирными чебуреками.

Загаженные солдатами, проходившими с Кавказа, дачи на побережье были почищены, пляж опять, как в былое время, был покрыт купающимися, и если бы не серые фигуры в стальных касках, то казалось бы, что был долгий кошмарный сон, когда так радостно пробужденье...

Погожим июльским днем на пароходе русского общества «Алексий» я выехал из Керчи, заплатив 120 рублей за место III класса. Пароход был перегружен свыше меры и всего на нем находилось около 2,5 тысяч человек. Вся палуба была засыпана пассажирами, вещами, фруктами, бочками и мешками, и пробиться через толпу было очень трудно.

В кают-компаниях I и II класса набились спекулянты всех видов и родов. Там хлопали пробки от шампанского, звучала музыка, но весь этот когда-то такой изящный пароход теперь так мало походил на прежний, что здесь особенно ярко сказалось революционное прошлое.

Оно сказывалось и в матросах — грязных, грубых и небрежных, сказывалось на капитане и его помощниках, прежде таких чистеньких и подчас даже изящных, а теперь сильно потускневших, и в прислуге кают-компаний, и в пассажирах. Кают-компания I класса ничем не напоминала прежнюю, где когда-то сидели корректные пассажиры, обедая за красиво сервированным столом. Теперь на диванах были навалены подушки и узлы, на полу валялись чемоданы и корзины, а за столами сидели грязные и жадные люди, наглые и вороватые, чавкаю-

щие за едой и жадно поглощающие пищу, в старании сполна использовать те большие деньги, что платились за продовольствие...

Вечером я нашел пустую скамейку на палубе I класса, где и лег. Ночь настала холодная, и только к утру я забылся, а в пять часов утра показалась красавица Ялта. В этот ранний час Ялта еще не проснулась, но все же чувствовалось во всем, что и она возрождается, и больно было уезжать из Крыма, где прошла вся жизнь.

Днем пришли в Севастополь, где удалось быть у своих друзей, последний раз пообедать на бульваре и погулять по городу. Оживали и севастопольцы, куда всеми правдами и неправдами просачивался народ из Украины и Советской России, и делалось похоже, будто бы по прежнему наступают «шелковые» и «бархатные» сезоны Крыма...

Здесь на пароходе прибавилось еще много людей и, между прочим, глава Крымского правительства граф Татищев, ехавший в Берлин заключать заем.

Он узнал меня и, с интересом рассматривая украинскую форму, спросил:

— Почему же вы, полковник, оставили Крым? Ведь у вас было хорошее место, а впоследствии я предполагал поручить вам командование пограничной охраной Крыма... Неужели вы верите в Украину?..

— Нет, я не верю в Украину, я убежден, что она сольется с Россией, потому и еду туда, но я боюсь, что Крым с Россией — никогда не сольется. — Произошло небольшое молчание.

— Бог знает, Бог знает, — сказал задумчиво граф. — Я думаю много выяснить в Берлине и все же полагаю, даже убежден, что нам удастся сохранить Крым...

Мы распрощались, и графа я более не видел. Однако думаю, что только поражение немцев оставило Крым в составе России, хотя дорогой ценой за это заплатил несчастный теперь красавец Крым, и не скоро еще он залечит свои раны за время хозяйничанья большевиков и гражданской войны...

Часов в пять дня наш пароход, совершенно перегруженный, медленно выполз на рейд, прошел мимо «Георгия», на котором по прежнему развивался германский флаг, мимо брандвахты и вышел в море.

А позади, во всей красе, открылся чарующий Севастополь, такой красивый с моря, со своими белыми домами, церквями, с приморским бульваром, панорамой обороны на четвертом бастионе, Малаховым курганом, Братским кладбищем и той дивной синееющей далью Мекензиевых высот и зеленью Инкерманской долины, которые так красят Севастополь.

Вечерело. По-прежнему из кают-компании неслась музыка, слышались пьяные песни, хлопали пробки... А наверху, на палубе, среди скрючившихся сотен тел, шли тихие беседы о прошлом, о неопределенном будущем, о немцах, и волной подымалось раздраженное чувство и бросалась в глаза разница взглядов: одни видели в немцах спасителей и испытывали к ним всю благодарность, какую могли выразить за то, что живут, за то, что могут ехать, за то, что кошмар недавних дней отошел в область воспоминаний. Другие — видели в них лишь насильников, лишивших возможности до конца использовать «блага» революции и — грабителей России... И эти люди злобно мечтали о времени ухода немцев и пророчили, что народ заставит их уйти, а тогда будет расплата...

Но как те, так и другие испытывали какую-то боль, стыд и смущение, что вчерашний враг находится здесь, живет среди нас, имеет вид победителя.

Прошли Евпаторию, Тарханхут — где даже не покачало, опять наступила холодная ночь, опять пришлось маяться, но уже не на скамейке, а на палубе, тесно прижавшись к случайным попутчикам.

Утром показался берег, и к 12 часам дня «Алексий» входил в Одесский порт, а через несколько минут извозчик за 15 рублей вез меня на Маразлиевскую улицу, к родным жены.

Звенели трамваи, проносились автомобили, по Дерибасовской и Ришельевской шла сплошная толпа, та живая, южная, характерная одесская толпа, создавшая Одессу и «одесситов», блестели окна магазинов, заваленных товарами, кричали газетчики, шли в одиночку и группами австрийские солдаты, потертые, неряшливые, плохо дисциплинированные, и даже в германских касках непохожие на немцев.

На улицах стояли бравые милиционеры, везде слышалась русская речь, и только изредка попадались надписи на «ридной мови» над казенными учреждениями, да где-то одиноко трепыхался «жовто-блакитный» флаг...

Я был на Украине...

КРЫМСКИЙ КОННЫЙ ПОЛК В БОЯХ В КРЫМУ¹⁵⁵

Крымцы, вероятно, были единственным полком русской конницы, которому суждено было с театра военных действий вернуться в свои казармы мирного времени. Печальное было возвращение домой. Не слава и отдых ожидали полк в своем родном городе. В Севастополе господами положения были большевики, опиравшиеся на Черноморс-

кий флот и портовых рабочих. В остальных местах Крыма была еще власть Временного правительства, неспособная справиться с местными большевиками, пытавшимися захватить власть в свои руки. Спокойнее всего было в Симферополе, где образовалось краевое правительство из татар, но оно не было в силах взять на себя сохранение порядка и обеспечение населения всем жизненно необходимым. Приход полка, конечно, имел огромное значение, и местные большевистские организации открыто не выступали. В Симферополе образовался «штаб Крымских войск», подчиненный штабу Одесского военного округа. Во главе штаба находился Генштаба подполковник Макухин; кроме него, были еще офицеры Генштаба полковник Достовалов¹⁵⁶ и капитан Стратонов. Многочисленный штаб занимал большой зал нашего полкового Офицерского собрания и примыкающую к залу маленькую гостиную. В комнате Ее Величества нашего шефа устроился не кто иной, как Джафер Сейдаметов, занимавший в то время пост военного министра, но крымские татары не называли себя министрами, а только лишь директорами. Большая собранская столовая, бильярдная и весь нижний этаж были в распоряжении офицеров полка.

По прибытии полка в Симферополь полковник Бако¹⁵⁷ штабом Крымских войск был утвержден в должности командира полка, а месяц спустя назначен был командиром отдельной кавалерийской бригады, состоявшей из Крымского конного (бывший Ее Величества) полка и вновь формируемого 2-го Крымского конного полка, командиром которого назначался подполковник Биарсланов¹⁵⁸. Полки бригады переименованы были в 1-й и 2-й Конно-татарские полки. Командиром 1-го Конно-татарского полка назначен был полковник Петропольский¹⁵⁹. 2-й Конно-татарский полк образовался из старого нашего 5-го эскадрона подполковника Зотова¹⁶⁰ и прибывших из Новогоргеовска 6-го и 7-го маршевых эскадронов. 6-й маршевой эскадрон был вполне готов и должен был летом 1917 года прибыть на пополнение Крымского конного полка, но ввиду беспорядков, происходивших на железнодорожном узле города Александровска, был направлен туда для водворения порядка, а по выполнении поставленного задания был направлен в город Бахчисарай на формирование 2-го Крымского конного полка. «Старый» 5-й эскадрон развернулся в два эскадрона, образовав 1-й и 2-й эскадроны 2-го полка, пополненные 8-м маршевым эскадроном, 6-й маршевой эскадрон стал 3-м эскадроном 2-го полка, а 7-й маршевой эскадрон 4-м эскадроном. 7-й маршевой эскадрон не был еще вполне готов как боевое подразделение 2-го полка. В полку не было пулеметов; недостаток был в винтовках, патронах и в остальном вооружении и снаряжении. Из кадровых крымцев были в полку

подполковник Биарсланов (командир полка), подполковник Зотов (младший штаб-офицер), штабс-ротмистр Глазер¹⁶¹ (командир 1-го эскадрона) и поручик Одель¹⁶² (помощник командира 1-го эскадрона); все остальные офицеры, в том числе и старший штаб-офицер полковник Глебов¹⁶³ (Александровский гусар), были офицерами разных кавалерийских полков, но до полного комплекта господ офицеров было очень далеко. Для уравнивания полков бригады в числе эскадронов 5-й эскадрон штабс-ротмистра фон Гримма¹⁶⁴ приказом штаба Крымских войск был переведен во 2-й Крымско-татарский полк, но фактически продолжал оставаться при своем старом полку, т. к. 2-й полк находился в Бахчисарае, а эскадрон стоял в Симферополе и был тесно связан с 1-м полком как служебно, так и экономически.

Сразу по прибытии полка в Крым начались и активные действия полка по водворению порядка в разных местах Крыма; несколько раз уже, еще до прибытия из Херсона 1-го и 2-го эскадронов, перед полковой мечетью появлялись гробы убитых всадников в стычках с большевиками. Все же, несмотря на потери, борьба шла успешно и везде поддерживался порядок, особенно после прибытия 31 декабря оставшихся в Херсоне двух эскадронов; оба эскадрона прибыли по железной дороге. Кроме крымцев (1-го и 2-го полков), «штаб Крымских войск» располагал еще четырьмя ротами пехоты, состоящими почти исключительно из офицеров, в ротах числилось до сотни офицеров в каждой, но при первом же вызове явилось в строй не более как двадцать — двадцать пять человек в каждой роте. Бывшие в Симферополе и в других городах Крыма офицеры явно не сочувствовали формированию офицерских частей. В городе находилось три запасных пехотных полка (33-й, 34-й и 35-й), на которых рассчитывать было невозможно; лучшее, что возможно было ожидать, это их нейтралитет. В Феодосии был еще один запасный полк, тоже совершенно ненадежный. Вся надежда в штабе основывалась на прибытии «Мусульманского корпуса», находящегося где-то на Румынском фронте. Не было ни одного орудия. Из Евпатории сообщили, что там имеется «ничья батарея» и что ее можно было бы получить для «Крымских войск». В Евпаторию был послан энергичный поручик Дурилин¹⁶⁵, который сумел эту батарею, с согласия начальника гарнизона Евпатории, привести в Симферополь. Батарея состояла из четырех трехдюймовых пушек с передками и полной запряжкой, но без зарядных ящиков; при батарее был один офицер и несколько добровольцев, ухаживавших за лошадьми. Все должностные места в батарее были сразу заполнены господами офицерами артиллеристами и артиллерийскими юнкерами. Батарея была совершенно надежной, но, к сожалению, в передках находилось всего лишь 20 снарядов.

2-й Крымский татарский конный полк в составе четырех эскадронов находился в Бахчисарае и в окрестных селах. От 1-го полка были высланы: в Ялту 4-й эскадрон ротмистра Баженова¹⁶⁶, 6-й эскадрон штабс-ротмистра Отмарштейна¹⁶⁷ в Евпаторию, а 5-й штабс-ротмистра фон Гримма в Феодосию. Все остальные подразделения полка оставались в Симферополе.

После прибытия 1-го и 2-го эскадронов из Херсона во главе бригады стал командир бригады полковник Г.А. Бако и при нем адъютант штабс-ротмистр Н.П. Лисаневич¹⁶⁸. Офицерский состав полка был следующий:

Командир полка полковник М.М. Петропольский.

Старший штаб-офицер и помощник по строевой части подполковник Э.П. Адтунжи¹⁶⁹.

Помощник по хозяйственной части подполковник Э.Ф. Мартино¹⁷⁰.

Младший штаб-офицер подполковник И.К. Нарвойш¹⁷¹.

Командиры:

1-го эскадрона — ротмистр А.И. Думбадзе¹⁷²; офицеры эскадрона: поручик Г.Н. Лесеневич¹⁷³ и корнет Г.И. Думбадзе¹⁷⁴.

2-го эскадрона — штабс-ротмистр Князь Балатуков¹⁷⁵; офицеры эскадрона: поручик В.А. Эммануель¹⁷⁶, поручик А.В. Кривцов¹⁷⁷ и прапорщик Осм. М. Ресуль¹⁷⁸.

3-го эскадрона — штабс-ротмистр Н.И. Петерс¹⁷⁹; офицеры эскадрона: поручик А.А. Дурилин и корнет Л. Петерс 2-й¹⁸⁰.

4-го эскадрона — ротмистр К.П. Баженов; офицеры эскадрона: штабс-ротмистр А.И. Лихвенцов¹⁸¹, штабс-ротмистр В.П. Васильев¹⁸² и корнет Б.К. Веймарн¹⁸³.

5-го эскадрона — штабс-ротмистр С.И. фон Гримм; офицеры эскадрона: корнет Г. Добровольский¹⁸⁴ и корнет С.С. Пестов¹⁸⁵.

6-го эскадрона — штабс-ротмистр Б.В. Отмарштейн; офицеры эскадрона: корнет А.Г. Курдубан 1-й¹⁸⁶ и корнет Г.В. Отмарштейн 2-й¹⁸⁷.

Командир строевого эскадрона штабс-ротмистр Лесеневич П.Н.¹⁸⁸ и его помощник корнет Н.Д. Курдубан 2-й¹⁸⁹.

Начальник конно-пулеметной команды штабс-ротмистр В.А. барон фон Медем¹⁹⁰ его помощник штабс-ротмистр Н.Г. Евдокимов¹⁹¹.

Начальник команды связи штабс-ротмистр К.А. Каблук¹⁹².

Полковой адъютант штабс-ротмистр М.Б. Иедигаров¹⁹³ и при штабе тяжело раненный в ногу поручик В.П. Губарев¹⁹⁴.

Начальник обоза 2-го разряда поручик Н.Ф. Шлее¹⁹⁵.

Полковой казначей поручик В.И. Воблый¹⁹⁶.

Остальные господа офицеры временно убыли из полка по разным причинам: болезнь, отпуск, служебная командировка, временное прикомандирование к другим частям и др.

Не осталось в полку ни медицинского, ни ветеринарного врачей.

Вся работа по поддержанию порядка в Крыму фактически легла на Крымский конный (бывший Ее Величества) полк. 2-й полк не был готов, а офицерские роты находились лишь в резерве на случай более серьезных столкновений. С севера Крым считался обеспеченным, т. к. Северная Таврия, Херсонская и Екатеринославская губернии были заняты украинцами, которые не признавали большевиков и вели с ними борьбу. Все внимание было сосредоточено на Севастополе; ожидали неизбежного столкновения с матросами Черноморского флота. Уже два раза разоружались эшелоны матросов, двигавшихся куда-то на север. Перед Симферополем эшелоны задерживались, оружие отбиралось, а безоружные матросы отправлялись дальше на север, хотя не было гарантии в том, что эти матросы вернутся обратно с какой-либо станции в Крыму или в Северной Таврии. Много оружия набралось в «штабе Крымских войск»; были и пулеметы, а также большой запас патронов. Предполагалось этим оружием вооружать проектированные ополченские партизанские дружины. Среди учащейся молодежи было много желающих поступить в партизанские части. В среде строевых офицеров возлагались немалые надежды на полковника Достовалова, должность которого заключалась в формировании вооруженных отрядов из местного населения. Почему-то никаких формирований не произошло. А в Севастополе шли приготовления к наступлению на Бахчисарай и Симферополь с целью уничтожения засевших в Крыму белогвардейцев. Особенно хотелось матросам отомстить «эскадронцам» за столь энергичное участие их в подавлении Севастопольского восстания в 1905 году.

Началось не с главного направления. В Феодосии 7 января 1918 года вспыхнуло восстание. Бывший там 5-й эскадрон ввиду своей малочисленности (два взвода по 15 рядов) вынужден был выйти за пределы города, но сразу же, перейдя в контратаку, разогнал толпы народа на улицах и на некоторое время установил порядок в городе, но, опасаясь оставаться в середине города ночью, ротмистр фон Гримм вывел эскадрон на западную городскую окраину в ожидании подхода подкреплений. На поддержку 5-го эскадрона были спешно по железной дороге направлены стрелковый эскадрон штабс-ротмистра Лесеневича и две офицерские роты по 25 человек в каждой. Общее командование было возложено на Генштаба капитана Стратонова. Вся эта небольшая войсковая группа готова была атаковать противника, арестовать всех главарей, восстановить в городе порядок и принять меры к прекращению дальнейших выступлений большевиков. Командиры рот и эскадронов просили капитана Стратонова отдать приказание о наступлении, но капитан Стратонов не разрешил переход в наступление, считая его

преждевременным. Два дня эскадроны крымцев и офицерские роты простояли под Феодосией, а в это время в порт пришло военное судно с матросским десантом, и город оказался прочно занятым красными. Эта первая значительная неудача воодушевила большевиков и послужила как бы сигналом к выступлению матросов из Севастополя. 9 января было первое нападение на эскадрон 2-го Крымско-татарского полка, стоявшего в имении графа Мордвинова в десяти верстах от Бахчисарая в сторону Севастополя. Матросской массой, вооруженной пулеметами и артиллерией, эскадрон был смят и после недолгого сопротивления своим слабым ружейным огнем отошел на Бахчисарай. Возможно, что это нападение было лишь пробой, т. к. преследования со стороны матросов не было. Десятое января прошло спокойно, так же и одиннадцатое. За несколько дней до событий в Феодосии и около Бахчисарая подполковник Макухин собрал всех имевших возможность прийти на собрание офицеров и рассказал о том, какое сейчас тяжелое политическое состояние в Крыму и надо приложить все усилия, чтобы продержаться некоторое время, пока не получим поддержку с Украины, на которую можно рассчитывать, и тогда можно будет обеспечить краю счастливое существование и свободу. Д. Сейдаметов также говорил с офицерами, что он всецело полагается на господ офицеров, что он им вполне доверяет, а т. к. он сам в военном деле ничего не понимает, то просит поступать по своему усмотрению, совершенно с ним не считаясь. Сказал Сейдаметов, что он «сидит здесь» только лишь для того, чтобы бодрый боевой дух среди своих татар-всадников оставался бы на должной высоте и чтобы привлечь побольше добровольцев в ряды войск, главным образом, конечно, из своей татарской среды. Сейдамет оказался умнее Керенского, отказался от роли «Керенского в малом масштабе», которой он вначале увлекался, и не соблазнился стать «главнокомандующим». Он действительно в военные дела не вмешивался и вел себя вполне корректно.

Подполковник Макухин, официально назначив командира бригады и командиров полков, к сожалению, совершенно устранил их от командования, требуя лишь эскадроны, которым давались задания непосредственно от штаба или эти эскадроны попадали под начальство случайных начальников сборными отрядами, как, например, капитана Стратонова под Феодосией. Особенно глубокой ошибкой было назначение георгиевского кавалера доблестного полковника В. начальником над всеми вооруженными силами, назначенными для отражения наступления Севастопольских матросов. Полковник В. только что прибыл в Симферополь, никто его не знал, и он тоже не знал создавшейся обстановки, все ему было чуждо и не было времени, чтобы как следует со всем ознако-

миться, установить с подчиненными ему войсковыми подразделениями связь и организовать хотя бы самый малый орган управления. В результате вооруженные силы остались без начальника, а начальник оказался в одиночестве, не имея связи со своими подчиненными.

После двухдневного перерыва 12 января хорошо организовавшие массы матросов снова совершили нападение на 2-й полк под самым уже Бахчисараем. 2-й Крымский татарский полк, совсем еще недостаточно подготовленный для боевых действий и не имея достаточного вооружения, не выдержал стремительной атаки врага. Матросам удалось овладеть Бахчисараем, а 2-й полк, довольно расстроенный, отступил частично на станцию Альму, частично к востоку от Бахчисарая.

В это время эскадроны, стоявшие в Симферополе, еще не были двинуты на поддержку 2-го полка. Возможно, что «штаб Крымских войск» рассчитывал, что 2-й полк сможет отразить наступление матросских банд, а кроме того, хотя и считалось, что с севера Крым обеспечен, но было опасение, что и с севера могут произойти неприятные неожиданности. Эскадроны нужны были и в Симферополе, для отправки разъездов по окрестностям, и для несения службы на вокзале, по оказанию поддержки железнодорожному персоналу и еще существовавшей местной милиции. Однако весть о поражении 2-го полка в Бахчисарае крайне взбудоражила настроения в 1-м дивизионе. Во всех трех эскадронах дивизиона всадники действительно, без преувеличения, горели желанием сразиться с врагом. Боевой подъем был на высоком уровне; с такими солдатами при хорошем управлении можно было бы совершать героические дела, но такого управления, к нашему большому горю, не было.

Под вечер 12 января, как только в эскадронах узнали о событиях в Бахчисарае, целая толпа человек в сорок всадников прибежала в штаб полка, выражая необходимость немедленного похода на Бахчисарай. Дисциплина в полку сохранилась, исчез даже полковой комитет, поэтому, конечно, такая вольность солдат должна была бы считаться большим антидисциплинарным проступком. Но были другие времена, решался вопрос «быть или не быть», и ведь было проявлено стремление идти в бой, что вообще должно было бы поощряться. Так и понял это командир полка, выразил удовлетворение боевым порывом всадников, успокоил их, кратко объяснил обстановку и сказал, что завтра, без сомнения, с раннего утра эскадроны выступят на поддержку 2-го полка.

Рано утром 13 января по приказанию «штаба Крымских войск» 1-й, 2-й и 3-й эскадроны выступили по направлению на станцию Альма; с эскадронами выступили конно-пулеметная команда и батарея, но не под командой командира полка, а в распоряжение начальника «вооружен-

ных сил «штаба Крымских войск» были направлены все эти войсковые подразделения. Ротмистр Думбадзе, как старший из командиров, повел дивизион переменным аллюром, и, подойдя к станции Альма, дивизион сразу столкнулся с красными матросами, уже успевшими занять станцию и прилегающий к ней поселок. Все три эскадрона спешили и при поддержке своих пулеметов в течение всего дня вели огневой бой, не давая врагу возможности ни шагу продвинуться вперед. Батарея очень удачно обстреляла расположение большевиков-матросов, но ее двадцать снарядов быстро были израсходованы, и батарея замолчала. В ответ же со стороны врага летело множество снарядов разных калибров, были и тяжелые. Артиллерия противника стреляла отвратительно, снаряды в цель не попадали, но моральное действие вражеской артиллерии было все же очень большое: у нас ничего, а у них безграничное количество. Господа офицеры чувствовали, что боевой порыв у наших славных «куй-дышей» слабеет.

С уходом 1-го дивизиона из Симферополя никаких войск там больше не оставалось. На вокзал были посланы трубаческий взвод и команда связи. Запасных полков больше не существовало, они были демобилизованы и запасные солдаты уже успели разъехаться по домам. В городе никаких выступлений большевиков не произошло, но чувствовалось какое-то волнующее затишье; ходили люди с винтовками, изображая собой блюстителей порядка.

На Альминском фронте начальника вооруженных сил нигде не было видно. В офицерской роте, жидкие цепи которой находились левее эскадронов крымцев, говорили, что начальство находится у выхода из города на Севастопольском шоссе, где сосредоточилось несколько мелких отрядов наспех набранных добровольцев. Появились весьма неприятные слухи от прибывших одиночных всадников из штаба полка, что 2-й полк отказался от дальнейшего сопротивления и что в полку решено начать мирные переговоры с большевиками.

К вечеру перестрелка с матросами стихла, и неожиданно передали по фронту слева, что приказано отступать. Этого только и ожидали, и удержать на позиции наших всадников было невозможно. Отступление происходило в полном порядке, но на левом фланге все маленькие добровольческие отряды просто бежали. 1-й дивизион, как на ученье, отходил не спеша в линии взводных колонн.

Почти у окраины Симферополя на параллельной фронту дороге из строя вдруг увидели небольшую группу людей, среди которой узнали начальника вооруженных сил полковника В. Командир ближайшего к этой группе эскадрона подъехал к полковнику В. и спросил, что же дальше делать. На это был ответ, что все уже кончено и остается лишь

войти в город и поднять там население для защиты от нашествия большевиков. Этот ответ был передан другим командирам и, конечно стал известен и всадникам. На окраине Симферополя эскадроны были остановлены, и от командира полка получено было приказание выставить сторожевое охранение; узнали здесь также, что «штаб Крымских войск» в полном составе еще днем покинул свое помещение в полковом собрании Крымского Конного полка и разбежался кто куда смог. Командиру полка пришлось отменить свое приказание о сторожевом охранении, т. к. у наших всадников, еще утром горевших желанием сражаться, теперь наступила полная деморализация. Из всех командиров только один командир 2-го Конно-татарского полка подполковник Осман-Бей князь Биарсланов отчаянно пытался поднять дух в своем полку и призывал своих подчиненных идти за ним против большевиков-матросов, шедших по направлению к Симферополю. Никто за своим командиром не пошел; полк уже фактически не существовал, а оставалась лишь морально подавленная толпа вооруженных людей, еще накануне, 12 января, представлявшая собою 2-й Крымско-татарский конный полк, хотя и потерпевший поражение, но смело защищавшийся, а 1-й эскадрон во главе с командиром эскадрона даже в конном строю атаковавший матросов и основательно их потрепавший.

Ночь с 13-го на 14 января эскадроны 1-го дивизиона с конно-пулеметной командой и штабом полка провели в казармах. Поздно вечером 13 января прибыл к полку и 5-й эскадрон. О стрелковом эскадроне сведений никаких не было, должен был эскадрон вернуться в Симферополь по железной дороге.

В полковом собрании собралось множество офицеров, находившихся в Симферополе и прибывших из других городов Крыма. Не пожелали они своевременно вступить в офицерские роты, а теперь пришли в ожидании, что их кто-то спасет. В любой момент можно было ожидать нападения на полковое собрание, но никто не решался взять организацию обороны в свои руки. Тогда наш крымец штабс-ротмистр Селим Мурза Муфтий-Заде¹⁹⁷ громким голосом заявил, что т. к. никто из старших офицеров не проявил желания взять на себя руководство самозащитой всех собравшихся, то он объявляет себя начальником обороны и предлагает всем исполнять его распоряжения. Были поставлены пулеметы, назначены были караулы и патрули; господа офицеры воодушевились, но не надолго. Одновременно велась агитация за установление мирных переговоров с матросами и о высылке им навстречу парламентариев; особенно старался в этом отношении уговаривать военный врач, крымский татарин, пока никому еще не известный, но в будущем проявивший свои крайне левые убеждения. Агитация его не

имела успеха, но и обороняться тоже большинство из присутствовавших не имело желания. Господа офицеры в ночной темноте постепенно исчезали, и под утро собрание опустело.

Рано утром 14 января передан был в эскадроны приказ (от кого именно, так и осталось неизвестным) о том, чтобы группами или по одному, кто как хочет, верхом или пешком, с оружием или без оружия, пробиваться куда кому удобнее. Многие думали, что можно пробиться в горы и там дожидаться более благоприятного времени. Так или иначе, но пришлось «распылиться». Трогательно прощались всадники со своими офицерами. Было проявлено очень много внимания и доброго сердечного чувства по отношению к своим командирам (уже теперь бывшим). Зная, что офицерам угрожает большая опасность, уговаривали их снимать свои офицерские отличия, галуны, кокарды и др. Многие подходили к офицерам, целовали их или крепко пожимали им руки. У большинства были слезы на глазах; видно было, что тяжело переживается ими эта страшная полковая трагедия. Спасибо нашим славным «куйдышам» за их верную старательную службу и за их доброе сердечное отношение к своим офицерам. Во многих других полках русской конницы после революции постепенно отношения нижних чинов к офицерам ухудшались и становились грубыми и враждебными.

13 января утром полковник Достовалов в сопровождении поручика Губарева и еще одного офицера из «штаба Крымских войск» на автомобиле отправился в город Ялту для руководства действиями нашего 4-го эскадрона. Поздно вечером, при возвращении в Симферополь, автомобиль полковника Достовалова при въезде в город был задержан большевиками, уже занявшими эту часть города. Полковник Достовалов и его два спутника были арестованы; поручик Губарев и офицер штаба в ночь на 15 января были расстреляны; полковник Достовалов после двухдневного ареста был освобожден и уехал на север, как говорили, в Москву. 4-й эскадрон еще два дня оставался в Ялте, подавив попытки местных большевиков захватить власть в городе, но 15 января в Ялтинскую гавань вошел один из миноносцев 3-го дивизиона, матросы которого считались особенно жестокими и кровожадными. Городские власти стали просить ротмистра Баженова ради спасения города от бомбардировки уйти за пределы города. Зная, что в Симферополе уже все кончено, и, принимая во внимание создавшуюся местную обстановку, а также и настроения всадников, ротмистр Баженов увел эскадрон из Ялты. Почти полностью эскадрон ушел в горы и уже оттуда постепенно «распылился».

6-й эскадрон весь день 13 января оставался в Евпатории, где поддерживал порядок, но, узнав о событиях в Симферополе, штабс-ротмистр

Отмарштейн решил с эскадроном идти на поддержку ведущим бой эскадронам, но уже было слишком поздно, 14 января Симферополь был уже во власти матросов. Пришлось и 6-му эскадрону последовать примеру всех остальных эскадронов, пробираться кто как и куда мог.

Крымскому конному Ее Величества полку суждено было одному из первых начать в России борьбу против поработителей нашей Родины, а также и быть единственным из всех кавалерийских полков, принявших участие в Гражданской войне в том же составе, в каком были в Первой Великой мировой войне. Не пришлось полку вести борьбу непрерывно до конца гражданской войны; в ночь с 13-го на 14 января 1918 года борьба временно прекратилась, но уже в том же году крымцы собрались снова для продолжения службы России с надеждой на восстановление старых традиций и старого законного императорского строя.

За время прошедшего краткого периода Гражданской войны полк потерял убитыми и расстрелянными следующих господ офицеров: полковники Алтунжи и Биарсланов, ротмистры Думбадзе и фон Гримм, штабс-ротмистры барон фон Медем, Евдокимов и Лисаневич, поручики Губарев и Кривцов, корнеты Добровольский, Пестов и Отмарштейн. Расстрелян в своем имении на реке Бельбек старый крымец отставной подполковник Орест Андреевич Кокораки. Ранены были поручик Эммануэль, поручик Дурилин и корнет Веймарн. Точное число убитых, расстрелянных и раненых нижних чинов полка определить было невозможно, но оно было очень большое.

В. Альмендингер¹⁹⁸

ПАДЕНИЕ СИМФЕРОПОЛЯ В ЯНВАРЕ 1918 ГОДА¹⁹⁹

В это время в Крыму было беспокойно, и каждый момент можно было ожидать перехода власти в руки большевиков. Крым был отрезан от своего военного центра в Одессе, и в Симферополе был организован (в рамках краевого татарского правительства) «штаб Крымских войск», во главе которого стоял военный министр краевого правительства адвокат Сейдамет. У него начальником штаба был Генштаба полковник, фамилии которого я, к сожалению, не помню. Ближайшим же помощником начальника штаба был Генштаба полковник Достовалов. «Штаб Крымских войск» помещался в Офицерском собрании Крымского Конного полка. Вот здесь совершенно случайно и неожиданно для меня произошло знакомство с полковником

Достоваловым, о роли которого в эти дни мне и хотелось бы рассказать.

Очутившись в Симферополе 18 декабря 1917 года по месту своего происхождения (согласно приказа штаба Одесского военного округа), я был зачислен в 33-й пехотный запасный полк, но там никакого особого назначения не получил. В сочельник вечером я отправился в гимназическую церковь на Екатерининской улице. Падал снег. Не доходя церкви, в темноте, меня кто-то окликнул. Смотрю — поручик Козин, офицер Брестского пехотного полка, который был со мной короткое время в запасном батальоне в Харькове в декабре 1914 года, с того времени я с ним не встречался и был поражен, как он после трех лет и в темноте мог узнать меня. Разговорились об общем положении, и он мне сказал: «Завтра утром в собрании Крымского конного полка будет собрание офицеров. Приходи». По какому случаю и кто собирает офицеров, он не мог мне объяснить.

Учитывая неясное положение в Симферополе (я приехал из Орехова, где стоял запасный полк моей 4-й строевой дивизии), я решил пойти на это собрание, тем более что жил совсем недалеко.

Утром 25 декабря, придя в Офицерское собрание, в комнате направо от входа я увидел группу офицеров человек в десять (все штаб-офицеры). Зайдя туда, я встретил там знавших меня еще перед войной полковника Харагезяна²⁰⁰ и полковника Готшалька²⁰¹ (оба — офицеры 51-го Литовского полка). У них я осведомился о собрании офицеров. Они ничего о собрании не знали, но сказали, что они позваны сюда, но для какой цели — им не известно. Было впечатление, что были приглашены только штаб-офицеры, и я, будучи штабс-капитаном, решил уходить. Они, однако, настояли, чтобы я остался. Ждали мы часа полтора — никто никого никуда не звал и никто не приходил. Вдруг в дверях появился элегантный, одетый с иголочки Генштаба полковник. Представился — полковник Достовалов. Он объяснил, что собрал присутствующих по очень важному делу, и, так как эта комната не была удобна для разговоров, предложил пройти с ним на хоры в главном зале, где можно будет спокойно обсуждать. Большой главный зал собрания был занят разными отделениями штаба — вдоль стен стояли столы, за которыми работали офицеры и писаря.

На хорах, занявши места вокруг стола, началось первое заседание. После представления каждого из присутствующих полковник Достовалов начал объяснять вопрос, по поводу которого совещание было созвано. Прежде всего бросилось в глаза обстоятельство: совершенно случайный состав участников совещания (как я, например). Суть вопроса была в следующем: Крым в настоящее время является отдель-

ной военной единицей, так как отрезан от штаба округа в Одессе; в Крыму пока что у власти краевое правительство, однако большевики, особенно в Севастополе, развивают большую пропаганду между рабочими и матросами, и можно ожидать, что в скором времени они постараются взять в свои руки власть в Крыму; войск, верных правительству, или, вернее, надежных в случае восстания, в Симферополе или в других городах Крыма почти нет — в Симферополе была часть Крымского конного полка, прибывшего с фронта, и запасные полки, но на них надеяться трудно, учитывая такое положение, штаб решил организовать из числа надежного населения своего рода «самооборону». Как это организовать и как провести в жизнь — предстояло решить нашему собранию. Здесь необходимо заметить, что все присутствовавшие были офицеры с фронта, прибывшие в Крым сравнительно недавно, мало знакомые с обстановкой тыла, а некоторые не были даже уроженцами Крыма. На этот, по нашему мнению, недостаток сразу же было обращено внимание полковника Достовалова. Но положение было серьезное, и нужно было что-то делать!

Ежедневно в течение семи — десяти дней, по несколько часов в день, в совещаниях разбирались все возможные способы организации — говорилось очень много, особенно Достоваловым, и в результате была принята и одобрена Достоваловым и штабом схема создания так называемого «Ополчения защиты народов Крыма». Между прочим, только для выбора соответствующего названия было истрачено около двух заседаний — оно должно было не только отвечать времени и своему назначению, но быть и «импонирующим». Схема была такова. во главе «Ополчения защиты народов Крыма», как его начальник, становится полковник Достовалов; начальником его штаба назначается полковник Готшальк (он был старший по возрасту), организация распространяется на всю территорию Крыма и делится на отделы (район отдела — уезд); во главе каждого отдела становится один из нас, отправляется в уездный город и там проводит организацию в жизнь. Организация на местах должна проводиться следующим образом: в распоряжение начальника отдела выдается необходимое количество винтовок и патронов; указывается место для его центра; прибывши на место, начальник отдела, при посредстве местных властей, должен найти среди населения подходящий элемент, обучить владению оружием и, в случае возникновения беспорядков (восстаний), использовать набранных «ополченцев» в помощь местным властям. Когда схема была принята и утверждена, очень большую заботу проявил полковник Достовалов по отношению к вопросу формальному — какого рода печати и штампа мы должны иметь, отправляясь на места. Затративши много времени на обсуждение

этого вопроса, штемпеля и печати были заказаны (события, однако, определили их изготовление). Дальше встал важный вопрос, кто из нас примет какой уезд: в результате это было предоставлено выбрать каждому. Здесь следует сказать, что никто из нас не мог себе точно представить детали предстоящей работы: общее и политическое положение в тот момент в каждом уезде было различное, а объяснения обстановки в уездах получить от Достовалова не было возможно. Я лично, например, выбрал Евпаторийский уезд. Почему? Только потому, что в Евпатории имел знакомых. Так делали и другие. Приблизительно 5-го или 6 января подполковник Х. (фамилии не помню — туркестанский стрелок), выбравший Феодосийский уезд, получивши документы и все необходимое, отправился к месту своего назначения в Феодосию. Но... через два дня он возвратился обратно с сообщением, что сделать что-либо там невозможно. Этого, конечно, можно было ожидать.

Сразу после приезда подполковника Х. стало ясно, что все задуманное, на что было затрачено много времени и труда, была мера с негодными средствами: делалось штабом (полковником Достоваловым) только для того, чтобы что-то делать. Ведь штабу должна была быть известна общая и политическая обстановка, а та была в тот момент совершенно неподходящая для создания новой сложной организации, как народное ополчение. Для такой организации было необходимо прежде всего время, такового уже не было. Ведь офицер, принявший отдел (уезд) должен был быть знаком не только с общей обстановкой, но, главное, он должен был иметь время для ознакомления на месте с администрацией, состоянием населения, выбором надежных лиц, выбором надежных помощников и т. п. Никакой ориентировки о положении Достовалов не давал, по-видимому, и сам штаб был ориентирован обо всем весьма плохо (умышленно или по небрежности), что показали последовавшие через несколько дней события. Крым и, в частности, Симферополь были уже на вулкане событий. В Севастополе у власти уже были большевики.

В Симферополе в конце декабря начали формироваться три офицерские роты. События стали развиваться быстрее, чем нам, рядовым офицерам, представлялось. В штабе, казалось, работа проходила нормально; наш, офицеров «ополчения», отъезд на места назначения задерживался, но было приказано являться ежедневно в штаб к полковнику Готшальку за получением информации.

Утром 10 января, как всегда, я явился в штаб, и полковник Готшальк сообщил новое распоряжение: полковник Достовалов приказал офицерам «ополчения» нести дежурство на железнодорожной станции Симферополь с целью контроля поездов, проходящих с севера на юг

и обратно, и это — несмотря на присутствие на вокзале коменданта станции. Дежурный подчинялся непосредственно штабу. В этот день к полковнику Готшальку явился только один я, и он сейчас же предложил мне к 12 часам отправиться на вокзал и сменить находившегося там с прошлого дня капитана К. (фамилию точно не помню). Здесь мне пришлось быть свидетелем нового «действия» штаба (полковника Достовалова).

В назначенное время я прибыл на вокзал, и капитан, передавая мне дежурство, сообщил, что с севера идет товарно-пассажирский поезд, в составе которого есть один вагон со снарядами и амуницией и несколько пассажирских вагонов с большой группой матросов. Он сообщил уже об этом в штаб, и оттуда получено приказание: поезд задержать перед мостом через Салгир, вагон со снарядами разгрузить там, а по приходе поезда на станцию всех матросов высадить и задержать (арестовать). Для ареста матросов дается в мое распоряжение станционная комендантская команда человек из 15. Разгрузка вагона была произведена особой командой, посланной из штаба.

Вскоре дежурный по станции чиновник сообщил, что вагон со снарядами уже разгружен и что поезд направляется на станцию. Комендантская команда вышла на платформу, и поезд медленно подошел к станции. Немедленно солдаты комендантской команды (все татары) начали выводить из вагонов матросов, которые, ничего не понимая, беспрекословно выходили и были собраны в зале 3-го класса. У входов в зал были поставлены часовые, и я немедленно доложил в штаб полковнику Готшальку по телефону, что приказание исполнено: матросы, около 150 человек, задержаны и находятся под охраной в зале 3-го класса. Матросы были спокойны и недоумевали, почему их задержали: большинство из них возвращалось в Севастополь из отпуска, остальные, матросы Балтийского флота, сопровождали вагон со снарядами. Все матросы имели соответствующие документы. Минут через десять после моего доклада пришло приказание штаба: задержанных матросов отправить в штаб, для конвоирования их посылается полуэскадрон Крымского конного полка. Действительно, минут через двадцать прискакал полуэскадрон и выстроился на площади перед вокзалом. Матросы были выведены на площадь, построены и переданы в распоряжение командира полуэскадрона, который, окружив, повел их в казармы Крымского конного полка.

Не прошло, вероятно, и часа, как звонит телефон из штаба: «Почему вы послали матросов в штаб?» Отвечаю: «Согласно вашего распоряжения». (Ведь конвой-то был послан из штаба!) На это последовал следующий ответ из штаба: «Матросы возвращаются на станцию,

держат их там и с первым поездом, отходящим на север, выслать их из пределов Крыма. Ждите дальнейших распоряжений». Ничего не было понятно! Матросы, прогулявшись в штаб и обратно, возвратились в подавленном настроении. Посоветовавшись с комендантом станции, я выяснил, что первый поезд (товарный) будет ночью. Матросы были обеспокоены тем, что их высылают на север, а не пускают в Севастополь, — сроки их отпусков и командировок иссякали. К вечеру было получено дальнейшее распоряжение: отобрать у всех матросов документы (отпускные билеты и командировочные предписания) и сделать на них, за подписью коменданта станции, пометку, что «по распоряжению штаба Крымских войск высылаются на север из пределов Крыма». Документы были отобраны, и мы занялись исполнением распоряжения — делать пометки. Интересно, что матросы вели себя сравнительно спокойно, сильных возражений не было слышно, проявляли, однако, недоумение. Около 2 часов ночи матросов вывели на платформу, разместили по вагонам поезда, отходившего на север. Солдаты комендантской команды наблюдали, не позволяли матросам покидать вагоны (вагоны не были заперты). Здесь необходимо отметить, что на мой вопрос в штаб — будет ли сопровождать поезд до пределов Крыма какая-либо охрана, был получен ответ — нет. Ответ был более чем странный. Поезд тронулся, и мы пока что вздохнули свободно.

Этот эпизод был очень характерный для распорядительности и порядка в штабе: зачем было арестовывать матросов? Зачем было их водить без цели через весь город с вокзала в штаб и обратно? Зачем было их высылать из пределов Крыма в открытых вагонах и без какой-либо охраны? Зачем все это было нужно? Видно было, что там не только не понимали обстановку, но, что очень важно было в то время, последствий своих распоряжений (матросы доехали до ближайших станций — Сарабуз, Курман-Кемельчи и выступили из вагонов; об этом мы узнали позже, когда уже было поздно. — В. А.). Слухи уже были, что Севастополь в руках большевиков и что со дня на день можно ожидать их наступления на Симферополь. Штаб же действовал так, как будто ничего этого не знал — было ли это невежество или преступление?

На другой день, сменившись, я явился в штаб к полковнику Готшалку, доложил ему о происшедшем и выразил удивление такой неразберихе. В штабе в этот день все выглядело нормально — особой тревоги заметно не было. В городе же, однако, уже начали ходить разные слухи и чувствовалось какое-то напряжение, как будто что-то готовилось.

12 января утром я, как обычно, отправился в штаб, и полковник Готшалк передал новое распоряжение штаба, что все офицеры, при-

командированные к штабу, ввиду напряженного положения в городе, должны сегодня к вечеру явиться в здание семинарии, где, получив винтовки и патроны, остаться ночевать и, таким образом, составить новую (4-ю) офицерскую роту. В это время уже две офицерских роты под командой капитана Н. Орлова выступили в направлении Алушта — Ялта для отражения высадившихся там большевиков. Видимо, наступал кризис. К вечеру была вызвана по тревоге 3-я офицерская рота и отправлена на станцию Альма для отражения наступавших со стороны Севастополя матросов.

Настало 13 января — день развязки: ночью на 14-е власть в Симферополе перешла в руки большевиков. Дни эти остались в памяти очень остро, несмотря на прошедшие годы.

Как было приказано, я в числе других офицеров отправился в семинарию — нас было только человек 40—50 (в штабе было гораздо больше), офицеры всех родов оружия. Получили винтовки и сравнительно спокойно переночевали. Утром в 7 часов — тревога и приказ немедленно прибыть в штаб Крымских войск (Офицерское собрание Крымского конного полка) для охраны штаба. По прибытии роты в штаб полковник Готшалк, передавая распоряжение полковника Достовалова, приказал подполковнику Ковалеву (молодой — одного из стрелковых полков) составить караул для охраны штаба. Я был назначен разводящим, а для занятия постов были назначены младшие офицеры. Выбраны были места постов (около 8), и часовые немедленно были разведены по постам.

Что же делалось в это время в штабе? Наше «караульное помещение» находилось в вестибюле собрания, так что мы могли наблюдать все происходящее. В зале, где были все отделы штаба, офицеров почти не было. Во дворе казарм начали собираться добровольцы — гимназисты и реалисты; им раздавались винтовки и указывалось, как нужно с ними обращаться. Появились сестры милосердия. Крымцы были куда-то посланы. Медленно проходило время. Были слышны одиночные выстрелы в городе, но никаких положительных сведений о положении в городе не было (собрание Крымского конного полка расположено было на окраине города). После 12 часов, однако, начала быть заметной растерянность в штабе. Первое, что бросилось нам в глаза, — это полковник Достовалов, до сего времени щеголявший формой Генштаба полковника с аксельбантами, появился в штатском костюме коричневого цвета и весьма простого типа. Зал стал пустеть.

Раздел 5

ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

А. Столыпин²⁰²

ЗАПИСКИ ДРАГУНСКОГО ОФИЦЕРА²⁰³

г. Калуга. 21 октября 1917 года

17-го рано утром неожиданно-негаданно пришел приказ грузиться и двигаться на Калугу, где тоже были какие-то беспорядки.

Но двинулись мы лишь 18 октября. Меня послали к коменданту города и его помощнику, и я спорил, ругался, грозил и уговаривал ровно 3 часа, после чего получил паровоз, платформы, вагоны и прочее. Выехали лишь вечером. В Калуге узнали, что туда уже прибыл 6-й эскадрон из города Смоленска и штаб полка.

В вагоне командира полка Брандта, назначенного, кстати, командиром местных войск, узнали положение. Последнее довольно серьезное. Усмирять придется не только пьяную пехоту, но и Совет солдатских и рабочих депутатов, у которых есть подручные силы, винтовки и пулеметы в изобилии, а засели они в губернаторском доме, как в крепости.

Вызвали наших эскадронных делегатов, и Измаил Гашимбеков пустил в ход все свое красноречие и татарскую хитрость. К счастью, все обошлось гладко, т. к. Совет Калужского гарнизона без всяких прав и причин нелегально сверг предыдущий Совет, отказался высылать на фронт очередные пополнения, избил (sic!) врачей, неохотно пускавших солдат в отпуск, и даже (трудно поверить!) накладывал денежную дань на жителей. (Переизбранный за месяц до этого с нарушением установленного порядка Совет солдатских депутатов, ставший большевистским, объявил о роспуске и перевыборах Совета рабочих и крестьянских депутатов, которые еще были меньшевистско-эсеровского состава, претендовал на подмену собою городского управления, отказался выполнять постановления военного министра

об отправке на фронт частей Калужского гарнизона, выдвигал требование реквизиции типографии газеты «Голос Калуги» и даже распорядился о переходе бывшей губернаторской ложки в «зимнем городском театре» в распоряжение Исполкома. В связи с этим 18 октября был издан приказ командующего войсками и начальника гарнизона Калуги полковника Брандта. В нем говорилось: «Темные силы, враги Родины и Революции, разными подлыми способами стремятся внести беспорядок, рознь и раздорами пытаются ослабить нашу навеки свободную Великую Российскую Республику и подорвать престиж демократии». В городе объявлялось военное положение с ограничением передвижения в вечернее и ночное время, запрет митингов в помещениях и на улицах, стрельбы «в районе города и казарм» — боевой и учебной, изымались патроны из рот и казарм. Военный комиссар Временного правительства Галин распорядился о роспуске Совета солдатских депутатов (Голос Калуги. 1917. 18—19 окт. — А. С.). Совсем как в средние века.

Едва успели найти квартиры и присели в ожидании чая, как по телефону приказали выезжать по тревоге. По дороге встречались с казаками и броневиками. Это были те же, что в Ржеве. «Мы, по видимому, вместе гастролируем, вроде провинциальной труппы», — острит худенький, бритый командир броневоза.

Меня вызывают к казачьему войсковому старшине: «Поручик, вы будете высланы парламентаром. Вам придется подъехать к «их» штабу и через кого-нибудь вызвать трех председателей комитетов — Солдатского, Крестьянского и Рабочего. Вы им передайте, что им дается 5 минут на размышление и что если через 5 минут они не согласятся положить оружие и сдаться, то после трехкратного сигнала по ним будет открыт огонь и против них будет произведено совместное наступление казаков, драгун и броневигов. Советую вам, поручик, не заезжайте к ним глубоко, смотрите в оба, чтобы вас не захватили заложником, и если по вас будут стрелять — то поворачивайте обратно». Про последнее войсковой старшина мог не упоминать.

Поручение в своем роде интересное. Постепенно силы наши приближаются к месту действия. 1-й полуэскадрон с князем Гагариным²⁰⁴ занимает шоссе вдоль реки Оки, чтобы перехватить товарищей с тыла, вздумай они бежать.

2-й полуэскадрон охраняет площадь. Казачья сотня высылает разъезды. Броневики притаились за углом зданий, как темные и хитрые зверюги.

Вся площадь полна драгунами и казаками, под сводом массивных ворот еще войска, а за ними боязливый, но любопытный народ. Впе-

реди, контрастом, пустынная улица, освещенная высокими фонарями, бросающими круглое, дрожащее сияние. С левой стороны огромное здание железнодорожного Управления и еще какие-то постройки, дальше губернаторский дом — крепость большевиков, а с противоположной стороны ряд высоких деревьев и далее — сад. Губернаторского дома не видно, он за поворотом в глубокой тени. Конец улицы-бульвара теряется в сумраке, но можно различить фигуры нескольких часовых.

«Поручик Столыпин, вам пора ехать!»

Отделяюсь от массы конницы на площади и рысью выезжаю на пустынную улицу. Гулко отдается звук конских копыт моей кобылы среди внезапно наступившей гробовой тишины. Вот и цель «неприятельских» часовых: «Стой, дальше нельзя!» Совсем как на войне... «Дальше мне и не надо. Прошу вызвать трех представителей Комитета». Толпа растет, из переулка, из-за темных углов, выползают серые фигуры в пехотных папахах, кто с винтовкой, кто без.

Томительное ожидание. Одного из представителей никак не могут найти; наконец, появляется его заместитель, «некто в штатском», видно представитель рабочих.

Совсем темно, освещение плохое, лиц разобрать не могу. У одного, кажется, офицерские погоны прапорщика. Почему у «них» погоны?

Среди напряженной тишины передаю полученное мною приказание командующего войсками. Кобыла моя почему-то стала дрожать. Едва произнес я последние слова, как поднялась буря, крики, посыпались угрозы: «Пять минут — это не по-социалистически!», «Вас послал Корнилов! Так говорят корниловцы и контрреволюционеры...».

Кольцо вокруг меня сужалось, толпа напирала, солдатская рука потянулась к моему поводу, нервная кобыла не выдержала, вздыбилась, солдат отшатнулся, поскользнулся и упал. Я этим воспользовался и осадил кобылу; положение делалось опасным — я вдруг повернул лошадь и, стараясь казаться спокойным, медленно, а затем рысью вернулся обратно на площадь.

За минуту до окончания 5-минутного ультиматума один из пехотных офицеров бросился к «осажденным» и заклинал их со слезами на глазах сложить оружие. Но напрасно.

Пять минут прошли. Раздались три сигнала, и цепь казаков двинулась между деревьями, а Гашимбеков повел цепь драгун 1-го эскадрона... Грянуло несколько выстрелов, и вдруг, раздирая ночную тишину, почти одновременно грянули все пулеметы броневиков, сливаясь в один непрерывный гром.

Словно колосья, срезанные серпом, повалились на землю прямо лицом в пыль барышни, старушки, пожилые чиновники, гимназисты и все те, которые за спинами наших драгун прятались в темноте. Я не мог не улыбнуться, когда, видя, что опасности нет, они с виноватым видом встали и стали стряхивать пыль.

Вслед за пулеметным огнем, который разбил все окна губернаторского дома, казаки и драгуны бросились и стали вламываться в здание. Затрещали и пали тяжелые двери, и наши ворвались внутрь. Там творилось нечто неопишное: среди груды поломанной мебели, осколков стекол, гор «литературы», кучи обвалившейся от выстрелов штукатурки; там, среди этого хаоса, толпились бледные и дрожащие большевики, бросившие свои пулеметы и винтовки. Казаки и драгуны били их прямо наотмашь, одного солдата прокололи штыком. Все смешалось в пыли падающей штукатурки, хрустящего под ногами стекла, среди грома выстрелов и криков.

Постепенно стрельба утихла, и наши начали приводить «пленных» на площадь. Набралось их человек 75—80, среди них три прапорщика. Окруженные казаками, драгунами и пулеметчиками, они казались перепуганным стадом баранов. Те же растерянные лица, дрожащие губы и бегающие глаза, как недавно у солдат 12-й роты Дубненского полка. А $\frac{1}{4}$ часа тому назад эти же самые люди орали на меня — «корниловца». (Эти события происходили около 7 часов вечера, когда в бывшем губернаторском доме, называемом теперь «Домом свободы», должно было собраться экстренное заседание всех трех секций Совета. В обращении Брандта «К гражданскому населению города Калуги» это описывалось так: «Совет ответил, что добровольно он не сдастся, и письменно об этом сообщил комиссару. Военный комиссар, исчерпав все способы морального воздействия, передал тогда задачу роспуска Совета командующему войсками. Совет был оцеплен войсками. Был вызван председатель Совета, через которого, под угрозой применения вооруженной силы, было предъявлено требование в течение пяти минут выйти всем из здания Совета и уведомить об этом требовании Совет рабочих и крестьянских депутатов, находившийся в том же здании. Об этом было объявлено также по телефону». — А. С.)

Броневики куда-то исчезли, мы же остались еще на всякий случай. Вернулся и князь Гагарин, приведя еще пленных. Но нам не суждено было долго почить на лаврах. Прискакал ординарец к полковнику Брандту и доложил, что против нас выступает 301-й полк. Во все стороны выслали разъезды казаков и драгун для наблюдения.

В тылу снова стрельба. В 6-м эскадроне скверно ранен в руку драгун, убиты драгунская и казачья лошади. Меня с разъездом выслали

против «вооруженной толпы», которую я, впрочем, не нашел — очередное вранье.

Докладывают, что пулеметчики действительной службы (среди восставших) согласны выдать пулеметы, но боятся своих и просят кавалерии для защиты. Поэтому меня посылают к ним со взводом.

Приняли два «максима» и один кольт. Ко мне присоединяются пехотинцы учебной команды, что перешли на нашу сторону. Молодцы как на подбор: идут в ногу и отдают честь, что как-то неожиданно в 1917 году. Под утро пехота успокаивается.

Холод делается невыносимым, греемся в железнодорожном управлении, коридоры заняты спящими драгунами и казаками. Сон их тяжелый и нездоровый, тела скрючены, как трупы, рты открыты и слышен храп и хрип.

Под утро пехоте дают время на размышление до 4 часов дня. Удивительно, что нас так мало, а их так много и что это мы, а не они, ставим условия!

В 4 часа узнаем, что пехота сдалась, и мы расходимся, чувствуя себя героями. Оружие свое пехота стала сама свозить под стражей броневинов. Винтовки привозят на возах. Назначена следственная комиссия. (Раненым драгуном оказался Семен Бессмертный. Первыми сдались 1-я учебная и 1-я пулеметная роты, а к 4 часам дня 20 октября сложили оружие остальные сопротивлявшиеся. В течение 10 дней части Калужского гарнизона должны были быть выведены на фронт. — А. С.).

Мы почти ничего не ели и почти не спали двое суток, щеки обросли щетиной и ввалились, глаза болят от усталости. Все же вечером ужинали с хозяевами. Мы живем в большом и богатом доме купцов Раковых. Трое дочерей, совсем еще молоденьких и довольно хорошеньких, которые просят нас рассказать, «как мы стреляли». Среди зала большой аквариум с внутренним освещением в гротах из туфа. После всей этой суматохи и усталости приятно отдохнуть.

г. Калуга. 24 октября 1917 года

Настроение драгун, так ревностно умиривших большевиков, портится под влиянием агитации. Настолько, что когда полк вызвали по тревоге, то первым явился наш «славный первый», а затем, постепенно, и остальные эскадроны.

Печальным исключением явилась пулеметная команда. Сначала драгуны этой команды наотрез отказались выступать, мотивируя свой отказ тем, что их, мол, ведут против своих же братьев, что натравливают «шинель на шинель» и т. д. После долгих пререканий 1-й взвод поручи-

ка Тургиева пошел, 2-й же взвод барона Фиркса²⁰⁵ отказался, требуя подробного разъяснения обстановки.

Прибыл комиссар Галин, эскадронные делегаты и пристыдили их. Они согласились идти. Тогда Брандт поступил весьма умно, сказав, что теперь поздно, и запретил команде выступать. Пристыженные пулеметчики не знали, куда деваться.

Но этим дело не кончилось. Калужские события передали в Москву в совершенно искаженном виде, и в Москве нас считают контрреволюционерами. Во главе травли Совет солдатских и рабочих депутатов — совершенно большевистский. (К примеру, орган Московской организации РСДРП(б) в статье «Громят Советы» писал в связи с происшедшими событиями:

«Контрреволюция начала наступление. Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за Советы. Помните: сегодня Калуга, а завтра — Москва. Сплотитесь вокруг Советов! Отзовите из Советов тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых!» (Социал-демократ. 1917. 22 окт.).

Вскоре была организована Московским Советом следственная комиссия, которой вменялось в обязанность освобождение арестованных, восстановление солдатской секции, суд над военными в прекращении ее деятельности (Социал-демократ. 1917. 25 окт. — А. С.).

На драгун это произвело сильнейшее впечатление. Думается, что еще одно-два «усмирения» — и нас самих придется усмирять. Мне кажется, зная человеческую природу, что драгуны все же предпочтут роль усмирителей со стоянкой в городе, чем в зимнюю стужу садиться в окопы!

Прибыло несколько молодых офицеров: Василий Гоппер²⁰⁶ и граф Борис Шамборант-младший²⁰⁷ из Николаевского училища и Кульгачев — паж выпуска недавно прибывших Дейши²⁰⁸ и Дурасова²⁰⁹.

Меня только что пригласили в эскадронную канцелярию. Впрочем, все обошлось гладко, пустил в ход дипломатию, удалось смягчить настроение, сгладить разногласия и добиться того, что эскадрон без колебаний выполнит приказы Гашимбекова и не подведет нас, как пулеметная команда подвела Фиркса.

На завтра назначено заседание комитетов в присутствии командного состава. Афако Кусов должен выступить с докладом.

г. Калуга. 26 октября 1917 года

Вчера вечером было общее собрание офицеров полка у Брандта; что-то подходящее для военного фильма времен «Войны и мира». Помеще-

ние Брандта в доме предводителя дворянства, много больших картин в золоченых рамах, тяжелые занавеси, канделябры, огромная люстра...

Вошел командир полка, все вытянулись со звоном шпор, затем сели обсуждать положение и наше к нему отношение. По-видимому, Петроград уже в руках большевиков, и сообщение с ним прервано. Днем было пленарное заседание полкового комитета и офицеров полка. Была вынесена резолюция — во всем поддерживать Временное правительство, «идущее в контакте с Центральным Комитетом Советов солдатских и рабочих депутатов». С трудом удалось избежать родной солдатскому сердцу (благодаря своей непонятности?) редакции «всецело поддерживать Временное правительство, постольку поскольку оно идет в контакте» и т. д. Драгунам нашим невдомек, что выражение «постольку поскольку» уместно в наши времена разве что на страницах юмористических журналов, а уж никак не рядом с выражением «всецело поддерживать». Затем разбирался вопрос о взаимоотношениях драгун и офицеров. Выяснилось, что соглашение возможно. Разногласия могут, правда, быть в области «классовой борьбы», но в полковой жизни будем друзьями. Проводилась мысль о необходимости борьбы с растущей анархией, могущей лишь затянуть войну и сорвать Учредительное собрание, которому мы все подчинимся. Говорилось и о необходимости победы над врагом «внешним» или, по крайней мере, о почетном мире «при условии активной обороны». Выходит, что победа над врагом, о которой только что говорилось, уже оставлена? Словом, сплошная керенщина.

Во время заседания пришли представители 2-го Кубанского казачьего полка и выразили готовность «головы сложить» (без «постольку поскольку») за правительство. Казаки вызываясь спросили драгун: «А вы... пойдете с нами, да или нет?» Наши уцепились за Центральный Комитет солдатских и рабочих депутатов. Поднялись буря и гвалт. Сошлись на том, что у нас, мол, Комитет, а у казаков, мол, их Союз, а у тех и других Временное правительство, и потому будем друзьями.

Конечно, без вмешательства офицеров никакого соглашения не было бы.

Под конец кто-то решил сорвать народившуюся между драгунами и офицерами своего рода дружбу и предложил весьма провокационный вопрос: «Какого мнения настоящее собрание о генерале Корнилове?» Спасено было положение решением, что об этом должно быть вынесено постановление «высших инстанций». Хотел бы знать, что это значит? Судебное решение, что ли?

Только что получено известие, что крейсер «Аврора» стрелял по Зимнему дворцу и что почти весь гарнизон столицы на стороне большевиков.

г. Калуга. 30 октября 1917 года

Керенский бежал в Псков, в Ставку с ним драпанула часть правительства (утром 25 октября на машине, принадлежащей американскому посольству, Керенский направился в Гатчину навстречу войскам. Все министры оставались в Петрограде. — А. С.); туда стягиваются войска для наступления на Петроград. Ленин и Троцкий торжествуют; на улицах бои. Юнкера держатся героически. Всюду баррикады.

Что это — начало конца? Или уже конец? Думаю, что надеяться больше не на что и что большевики возьмут верх. А тогда что? Лучше не думать!

Эскадрон завтра выступает для реквизиции сена, зерна и прочего добра. Жаль уезжать.

ст. Исаково. 2 ноября 1917 года

То, о чем я собираюсь писать, можно озаглавить «Как мы попали в ловушку под Вязмой...». Накануне того дня, когда эскадрон должен был выступить в город Перемышль (Калужской губернии), а оттуда — выслать два взвода в город Козельск, начали приходить тревожные вести из Петрограда. Полк одновременно вызвали в Москву, Петроград, Вязму, Смоленск и Ржев. Керенский в Гатчине, и ночью пришли одна за другой три телеграммы. Две от нашей депутации, высланной с Лозинским во главе, к Керенскому, а одна от самого Керенского. В первых двух говорилось, что нас, вероятно, вызовут в Гатчину для операций против Петрограда, в третьей, которая уже начиналась классическим теперь «Всем, всем, всем!..», нам приказано было двигаться на Гатчину в полном составе. Наш эскадрон должен был двигаться в головном эшелоне, с пулеметным взводом и броневыми автомобилями. Погрузились мы лишь вечером 31 октября, в полной темноте. К моменту отхода прибыл и 2-й эскадрон с штабом полка, и мы узнали, что броневые автомобили, увы, с нами не пойдут.

Утром, вернее, еще ночью, часа в два, узнали по телефону, что станция Вязма занята большевиками и что без боя пробиться едва ли будет возможно.

Под утро оставались на разъезде Пыжевка, где встретились с кубанцами под командой войскового старшины Мачавариани. Казаки сказали, что только что отъехала большевистская делегация, с которой столкнуться нельзя, т. к. у них инструкции не только из Петрограда, но и из Москвы никого в эти два города не пропускать. Большевики резонно утверждают, что нас пропустить было бы изменой их большевистскому правительству. Значит, началась гражданская война? Тогда, по-моему, близок конец Керенского?

Казаки дали большевикам время на размышление, своего рода ультиматум, до рассвета, и в случае отрицательного ответа казаки начнут наступать на Вязьму. Такова была ситуация, когда наш эскадрон прибыл в Пыжевку.

Было еще темно, около 7 утра. В крохотной станционной каморке было жарко и душно от керосиновой лампы и толпы солдат и офицеров. Около города сотня 2-го Хоперского полка, которая настроена против местного большевистского гарнизона и обещала нам полное содействие.

Пришла телеграмма от «председателя Боевого Революционного Комитета» прапорщика Троицкого, в которой говорится, что гарнизон обещает пропустить нас дальше без боя. Троицкий дает полную гарантию, что препятствий нашему проезду через Вязьму не будет. Все же на всякий случай вызвали и Троицкого, и коменданта станции Вязьма. Оба вскоре прибыли на паровозе и будут заложниками.

С паровоза спустилось нечто обтрепанное, распоясанное, беспонное и с волосами до плеч — это и был прапорщик Троицкий! Забавно отметить, что наши драгуны, уже сами сильно зараженные новыми идеями, все же были обижены, что нам приходится иметь дело с «таким офицером» (цитирую), и насчет последнего и его внешности послышалось немало острот.

Мы тут же решили, что «наша взяла», и Сахновский даже предложил пойти на станцию «поглумиться над товарищами», что мы и сделали, свысока посматривая на большевистских офицеров. Если бы мы только знали да ведали, что нас ожидает!

Впрочем, если бы не пришлось почему-то менять паровоз, все могло бы кончиться иначе, но, видно, сама судьба была против нас — нас погубила задержка. Внезапно где-то впереди грянуло несколько выстрелов, толпа на перроне шарахнулась, кто-то упал, и платформа, до того кишевшая народом, сразу опустела. Стрельба усиливалась, драгуны и казаки бросились вперед, заняли пути, казаки залегли между рельсами. Ден²¹⁰ и я с несколькими драгунами зашли за одиноко стоявший паровоз и начали высматривать, откуда стреляли. Из-за штабелей дров заметили конец штыка, затем другой... и увидели стрелявших пехотинцев.

С паровоза с трудом сошел бледный как полотно раненый машинист. Я его осмотрел: пуля вошла в бок и застряла в теле.

Наконец я не выдержал, выскочил из-за паровоза и заорал на пехотинцев, чтобы выходили. При этом употребил выражения, которые не смею здесь упомянуть, но которые пехотинцу всегда понятны. Стрельба стала затихать, по осклизлой глиняной насыпи с трудом

поднялся грязный, оборванный «серый герой» в барашковой папахе, а за ним вся толпа. Боже, какие же это солдаты? У одного винтовка, у другого винчестер, кто в папахе, у кого фуражка; были — и я клянусь, что это правда! — и в лаптях!!! Откуда лапти? Почему? Неужто наша армия так обеднела? Кто начал стрелять, в кого, почему — никто толком не знал. Знали, конечно, те, кто теперь спрятался за спины дураков, но озлобление против нас чувствовалось, и со станции уже бежали на подмогу группы вооруженных солдат, среди них и штатские. Убита женщина, две мужицкие лошади, ранены два казака и несколько штатских, причем ручаюсь, что с нашей стороны н и о д н о г о выстрела сделано не было.

Нам стало ясно, что прапорщик Троицкий нас заманил в ловушку ложными обещаниями. Коня наши в вагонах, состав без паровоза; год тому назад, следуя нашим приказаниям, наши драгуны в короткое время справились бы с этим вооруженным сбродом — но это было год тому назад!

Опять собрался гарнизонный комитет, но теперь прапорщик Троицкий исчез, и тон разговоров совершенно иной: нас не пропускают и просят «товарищей казаков и драгун» вернуться на станцию Пыжевку, дабы избежать кровопролития.

Мы в мышеловке, кругом человек 500 пехоты, на нас наведены пулеметы, и с каждой минутой прибывают новые пехотинцы, целые сотни их...

Солдатня делается все нахальнее, нам напоминают про Калугу, где мы уничтожили «Советы», и про Ржев, где мы «плетьюми гнали пехоту на фронт», про старый режим, «когда мы (все мы да мы!) вешали своих же братьев». Видно, кто-то их хорошо научил, что именно надо говорить. Один солдат, с кривой улыбкой, вынул из кармана засаленных штанов ручную гранату и многозначительно ею замахнулся.

Надо отдать должное «Боевому Комитету», что они до хрипоты, с отчаянием, убеждали толпу разойтись, чтобы переговоры могли «спокойно» продолжаться. Хороши переговоры! Маленькая женщина в спортивной фуфайке порывается что-то сказать, но среди грозного гула и крика ее голоса не слышно. Все же вдруг среди случайного затишья, как металлическая стрела, доносится ее звонкий голосок: «Какие там переговоры! Отнять у них винтовки, и дело с концом!» «Разоружить! Отнять винтовки!» — подхватывает толпа...

Вижу общую картину: красные лица, на лохматых затылках наплетенные фуражки, открытые рты, напряженные глаза, отблески мутного дня на широких лезвиях американских штыков.

Вдруг выстрелы, и в одно мгновение толпа бросается врассыпную, только слышен быстрый топот бегущих ног по мокрому асфальту.

Казачи пошли на уступки: соглашаются отдать пулеметы, чтобы получить их после переговоров. Прячем пулеметы, но уже поздно. Казачи уехали. Пехота ввалилась в вагоны пулеметной команды, и тем их отдали.

Паровоз дернул, и мы тронулись. Петя Ден сидит мрачный и покусывает рыжий ус. Опять выстрелы, но уже по вагонам. Пули пробивают стенки, пехота выбегает из барачных наперерез поезду — вот та же истеричная женщина грозит кулаками, мерзавка, и кричит истошным голосом: «Бей их!» Какой-то штатский спокойно, словно на охоте, бьет по поезду из-за штабеля дров.

А тут, как назло, паровоз замедляет ход и останавливается — ждет сигнала семафора. Наконец двинулись. Ранены две лошади — на наше счастье, пули ложились высоко.

На станции Исаково весь полк в сборе; добиваем тяжело раненных коней; особой реакции я у драгун не замечаю, и то, что пришлось оставить пулеметы, их, по-видимому, не трогает, скорее недоумение и радость, что выбрались из ловушки.

У меня одно желание — уйти подальше от комитетов, делегатов и, увы, от наших драгун, которых не узнать: где любовь к полку, к воинской чести? Недостойны они больше носить нашу форму.

Собрали охотников выкрасть пулеметы в Вязьме. Значит, все же охотники нашлись? С ними собирается Димка Фиркс, переодетый солдатом. Казачи свои пулеметы уже выкрали. У командира полка, Брандта, столкновения с офицерами; кажется, он собирается приказывать нам жить во взводах с драгунами.

г. Калуга. 8 ноября 1917 года

Для охраны города сформирована рота, состоящая исключительно из офицеров разных полков, дисциплина в ней железная, и живут они как простые солдаты.

Большевики всюду берут верх, лишь на Юге генерал Каледин и казаки что-то затевают. Вот бы к ним! Керенский исчез. Уже начинают поговаривать о перемирии, и слышатся громкие фразы о «прекращении ненужного кровопролития».

Подвоза нет, транспорты зерна разграблены, в деревнях творится нечто неописуемое. В полку неспокойно, начинается большевизм, и очагом является 2-й эскадрон.

В армии торжествуют большевики, по-видимому, вводится выборное начало, т. е. офицеров будут выбирать делегаты, полковые или эс-

кадронные. Придется, вероятно, перебраться или на Юг к казакам, или в Татарский конный полк, где теперь наш Теймур Наврузов. Ясно, что служить в полку больше нет смысла и придется куда-то уходить. Но это не так просто, и надо действовать осторожно.

д. Белая. 20 ноября 1917 года

Вот мы и покинули Калугу. С грустью в сердце, т. к. город очаровательный, патриархальный и гостеприимный. Подумать, что здесь доживал свой век имам Шамиль со своими сыновьями — Магомед-Шефи и Казим-Магома! Доживал век в «золотой клетке». Казим-Магома не выдержал и бежал, а второй сын женился и дослужился до чина русского генерала! Но вернемся к причине нашего отъезда.

Узнали, что на Калугу движется пехота с целью «наказать кавалерию», которая в Калуге разгромила местные Советы. Викжель (Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников), который старается быть нейтральным, отдал своим служащим приказ эти эшелоны — т. е. пехотный карательный отряд — отнюдь в Калугу не пускать во избежание кровопролития. Наши делегаты перетрусили и ночью, часа в 3, созвали пленарное заседание полкового комитета в присутствии всех офицеров полка.

Логично было бы оставаться, т. к. Калуга, опираясь на «Дивизион смерти» Дударова (нашей дивизии), на пулеметчиков и офицерский отряд, решила не сдаваться и не пускать большевиков. «Умереть, но не сдаваться!» — эти слова действительно были произнесены на заседании городской управы. Я жаждал заступиться за бедных калужан и спасти город от насилий и грабежа, но не тут-то было.

Под предлогом «нейтралитета» и боязни излишнего «пролития братской крови», а между нами, просто от страха наш храбрый комитет решил бросить Калугу на произвол судьбы.

А в это время благодаря решительности калужан и некоторым уступкам (распустили так называемую «белую гвардию», т. е. офицерскую роту) угроза нашествия буйной пехоты была отстранена.

Конечно, мы бы все равно уехали из Калуги через десяток дней, т. к. начальник дивизии требовал нас под Минск, но наш отход не носил бы характера бегства.

Итак, скрепя сердце выехали. Простились с гостеприимными Раковыми; средняя дочь — Зиночка — пролила в темном уголку две-три слезинки, мелькнули в окнах два-три белых платочка, и мы прибыли на станцию.

Расстояние между Калугой и Минском, считая, конечно, бесконечные стоянки на различных разъездах и станциях, мы проехали в... семь

суток! На станции Сухиничи, где-то у Брянска, мы простояли около двух суток, причем пришлось спрашивать у Саратова (?) разрешение ехать на Гомель и при этом подробно объяснять Викжелю, зачем, куда и почему мы направляемся на Минск. Все это будто бы потому, что Викжель старается предотвратить междоусобную войну. Поэтому, видимо, мы днями стоим (якобы из-за недостатка паровозов), тогда как пехотные эшелоны большевиков летают мимо нас, как птицы, во всевозможных направлениях?!

Но события разыгрываются с невероятной быстротой. Керенский исчез, появился большевистский «главнокомандующий» — прапорщик Крыленко, он же «товарищ Абрам». 1-я, 5-я и 2-я армии, т. е. почти весь Западный фронт, перешли на его сторону. Его борьба с генералам Духониним (который опирался на Общеармейский комитет и на Юго-западную и Румынскую армии) победа большевиков в городе Минске, перемирие с немцами, угрозы союзников по этому поводу — все это застало нас врасплох, пока мы, усталые и измученные, подходили к Минску.

Семково-Городок, наша старая стоянка, оказалась занятой 134-й дивизией, самовольно бросившей фронт, и нам отвели квартиры восточнее Минска. Из-за перехода нашей 10-й армии на сторону большевиков в дивизии творятся странные вещи. Так, Тверской полк раскололся: 2-й и 5-й эскадроны и пулеметная команда перебросились к большевикам, в остальные четыре эскадрона поддерживают Временное правительство. Мы, судя по всему, подчинимся Крыленко. Значит, у нас будет введено выборное начало офицерского состава.

*Н. Голеевский*²¹¹

СИМБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС ДО И В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ²¹²

6 января 1917 года старого, почти всеми забытого стиля стояло тихое, зимнее утро. На вокзальных часах станции города Симбирска пробило девять, и, шипя, прогремывал вдоль перрона паровоз единственного, ежедневно приходившего с узлов станции Инза, всегда опаздывавшего пассажирского поезда. Первыми из вагонов на платформу, со своими небольшими чемоданами в руках, повывскакивали кадеты, вернувшиеся с рождественских каникул, и, не задерживаясь, понесли через зал 1-го класса на другую сторону вокзала. Те, кто был из них побогаче, быстро расселись по санкам извозчиков, а многие

другие, более скромные и экономные, собравшись маленькими партиями, от трех до четырех человек, наняли себе «малаек» — запряженные одной лошастью простые деревенские дровни. Возницей их обыкновенно был татарин.

Вереница малаек, обгоняемая рысиками извозчиков, медленно поплелась по широкой, как стрела прямой, Покровской улице, обсаженной с обеих сторон деревьями, в сторону кадетского корпуса. Крутом все лежало под покровом ярко сверкавшего от солнца снега. С ветвей деревьев свисали небольшие белые грозди. При дуновении ветра из них сыпались, блестя, серебряные искры. Воздух был чист и прозрачен. Дышалось им легко. Беззаботно и громко звенели молодые голоса обменивавшихся своими рождественскими проказами, раскрасневшихся от крещенского мороза кадет.

Вот дровни поравнялись с Козьим садиком, лежавшим по правой стороне пути. Он, в уровень с огораживавшей его невысокой, из колючей проволоки изгородью, был весь засыпан рыхлым снегом. Вдруг неожиданно, со стороны этого садика полетели снежки и начали сыпать весело смеявшихся кадет. Малайки сразу были остановлены, и немного обозленные, но довольные случаем показать свою военную отвагу кадеты быстро выпрыгивали из дровней.

Вытирая от рассыпавшихся комков снега свои лица и подбирая сбитые их сильными ударами фуражки, они собрались в одну кучу и бегом бросились к калитке сада, горя желанием вступить в рукопашную схватку с дерзким противником. Гимназисты, укрывшись за колючей проволокой, устроили приятную встречу своим соперникам по трем женским гимназиям города.

Но в садике уже никого не было. Противник, по-видимому неуверенный в своей силе, куда-то из него исчез. Разочарованные неудачным боем, кадеты вернулись на свои малайки. Настроение у всех было испорчено. И, злясь на гимназистов — «но мы вам еще покажем!» — без всяких дальнейших приключений подъехали к парадному крыльцу корпусного здания и, быстро расплатившись с малайками, разошлись по своим ротным помещениям.

В спальнях трех рот корпуса, всегда в будничные дни закрытых днем на ключ, сейчас стояло большое оживление. Возвратившиеся с рождественских каникул кадеты сдавали свое отпускное обмундирование. На табуретках перед кроватями лежали их раскрытые чемоданы и корзинки. Кадеты, остававшиеся на праздники в корпусе, весело болтая, бродили по спальне и лакомились привезенными их товарищами из дома яствами. По традиции, все вкусное в чемоданах и корзинках принадлежало им. В младших ротах, во 2-й и 3-й, стоял невооб-

разимый шум и гам. В 1-й, строевой, все проделывалось чинно и спокойно. Все считали себя взрослыми. Лишняя, не в меру проявленная резвость не допускалась.

После Рождества кадеты 7-го класса уже называли себя юнкерами и строго следили за шестиклассниками. При малейшей допущенной вольности с их стороны они легко могли получить от юнкера два наряда не в очередь или быть вызванными в 7-й класс для соответственного внушения. Был и один день козорогов, когда шестой класс имел право, как хотел, цукать седьмой, и те все беспрекословно исполняли. Но особенно увлекаться было немного опасно. Потом легко можно было получить заслуженное возмездие.

К 11 часам все уже было сдано, чемоданы и корзинки унесены дядьками, и спальни опустели. Кадеты разошлись по своим классным комнатам. Завтрак. После него, как вообще в праздничные дни, в строевой роте желающим разрешалось идти в отпуск в город — погулять. Не имевшим специальных заявлений от знакомых или родственников — только до шести часов вечера.

Шел третий год войны, и в далеком от всех фронтов военных действий Симбирске мало что напоминало бы о ней, если бы в черте города не были размещены пленные офицеры Пржемышленской крепости. Им, за проявленную доблесть при защите их крепости, было оставлено холодное оружие. Царское правительство платило ежемесячно им жалованье, и они от безделья бродили по городу, как у себя дома. Никто из жителей города на них не обращал почти никакого внимания — ну и пускай себе живут! Кроме, конечно, некоторых особ женского пола, которые никак не могли устоять перед чарами иноземцев.

В те давнишние времена враг был только на фронте, где с ожесточением бились, а в тылу все сразу забывалось. Такие же люди, как и мы, только выброшенные злым роком со своей родины во вражескую им страну; но они не чувствовали ни вражды, ни гнета. Тогда у противников была мораль, честь и чувство снисхождения к побежденным. Теперь, к великому прискорбию, все это забыто и, по-видимому, никогда не вернется.

В кадетском корпусе начальством было объявлено кадетам, что они при встречах с пленными австрийскими офицерами обязаны отдавать им честь, согласно русскому воинскому уставу.

Воскресенье. Три кадета первой роты, спеша на свидание со знакомыми барышнями, быстро шли по главной, Гончаровской улице. Стоял ясный, морозный день. По обеим сторонам улицы, на тротуарах, было множество пришедшей погулять на свежем воздухе пуб-

лики. Кадеты едва успевали прикладывать свои правые руки к козырьку фуражек, отдавая честь встречавшимся русским и пленным австрийским офицерам.

Вдруг где-то впереди них замелькала красная подкладка пальто. Кадеты сразу насторожились — генерал! — и моментально выстроились в одну шеренгу в затылок. Навстречу, в сопровождении молодого офицера, шел, слегка прихрамывая, опираясь на тросточку, старенький, с отвисшими книзу седыми усами, австрийский пленный генерал. Не доходя до него четырех шагов, кадеты отчетливо, как один, стали во фронт, лихо приложив правые руки к козырьку и одновременно повернув головы в его сторону. В австрийской армии такого чинопочитания не применялось.

Поравнявшись с кадетами, генерал остановился. Он был растроган и смущен. В чужой, вражеской стране — и такой почет! Кадеты стояли, вытянувшись в струнку, глядя, по уставу, в глаза начальства. Генерал подошел вплотную к среднему кадету, взял его за плечи и, как бы обнимая, начал слегка трясти. Лицо его расплылось в приятную улыбку. В глазах блестели слезы умиления. Кадеты продолжали стоять как изваяние. Сделав два шага назад, генерал стал смирно и, отдав честь кадетам, пошел дальше. Четко повернувшись направо и сделав с левой ноги твердый шаг вперед, кадеты, опустив руки, сразу сбились в кучку и чуть не хором произнесли: «Ну и рванули!» И, довольные собой, понеслись дальше.

С австро-германского фронта военных действий приходили все более и более радужные сообщения. Фронт стабилизировался. Его снабжение шло гладко. Русская армия готовилась к большому весеннему наступлению. В Закавказье громили врага. Турки отступали по всему фронту. Был виден скорый конец ужасной войны. Кадеты старших классов даже немного волновались, что им не удастся попасть на фронт и проявить свою доблесть на полях сражений, защищая родину. У каждого из них кто-то из близких или родных был на фронте, но никого это не печалило — кадеты только гордились этим.

Недостатка в глубоком тылу ни в чем не замечалось. Магазины ломились от товаров. Цены на них, несмотря на тяжелые годы войны, по сравнению с мирным временем только слегка повысились. В столице, из-за крупных военных перевозок, иногда чувствовалась нехватка продуктов первой необходимости, но все быстро опять налаживалось. В кадетском корпусе почти ничто не менялось, а только вместо трех кусков сахара, полагавшихся к кружке чая, стали разливать уже заранее приготовленный сладкий чай.

После Рождества кадеты 7-го класса — «юнкера» — выбирали себе военные училища, в которые собирались выйти, и многие уже в своих юношеских мечтах видели себя там в рядах этих славных военно-учебных заведений. Полагалось каждому кадету указать три училища и обязательно одно из пехотных, поставив на первое место то, в которое ему больше всего хотелось бы попасть. Эти списки передавались инспектору классов корпуса и после его проверки отсылались в Главное управление военно-учебных заведений, где и производилось окончательное распределение всех окончивших кадетские корпуса по военным училищам.

Юнкера, упоенные своими непревзойденным достоинством, невероятно важничали перед своими младшими сотоварищами по роте. В курилке на самом видном месте висел небольшой плакат, на котором красовалось число дней, сколько благородным юнкерам оставалось еще до окончания корпуса. Каждый день число уменьшалось. Кадеты шестого класса должны были хорошо помнить это число и на вопрос юнкера — сколько ему еще осталось дней? — отвечать точно и без промедления. Иначе это вызывало гнев юнкера и выговор провинившемуся.

Курить в корпусе вообще официально не разрешалось, но в 1-й, строевой, роте не преследовалось. В младших ротах пойманным в курении сбавляли балл за поведение и особенно упорных иногда даже выгоняли из корпуса. Кадетам 5-го класса, среди которых иногда было много великовозрастных, хотя они и были во 2-й роте, за курение балла за поведение сбавляли очень редко. Но чтобы заставить их не особенно увлекаться этим злом, командир 2-й роты полковник Горизонтов объявил: «Кто курит, тот не будет получать сладкое блюдо на обед». И приказал всем пойманным в курении пятиклассникам строиться на обед отдельно, на левом фланге роты. Эту команду он называл «вагон для курящих».

Первая рота, хотя и называлась строевой, но в столовую и из столовой ходила, по установленной годами традиции, не в ногу, идя быстрым, легким шагом, в то время как младшие роты маршировали, отбивая шаг. Расчета по столам в 1-й роте тоже не производилось, и, придя в столовую, все сразу расходилось по своим постоянным местам, на которых так и сидели целый год. Если по каким-нибудь причинам за столами оказывались свободные места, то кадеты 6-го класса, самые левофланговые, затychки, быстро неслись и заполняли все незанятые места. И когда дежурный офицер — воспитатель, обыкновенно шествовавший на некотором расстоянии за левым флангом роты — подходил к столам, то уже все кадеты стояли смирно, в струнку, на своих местах, и все было в порядке.

Начальство к этой вольности относилось как будто совсем ее не замечая. Зато на строевых учениях роты, и особенно во время прогулок с оркестром по улицам города, которые в теплое время года производились почти каждую неделю, было очень строго, и рота маршировала почти идеально. Перед прогулкой командир роты перед строем всегда объявлял: «Чтобы все знали, что идет рота его, полковника Соловьева». Сам он обычно шел по тротуару сбоку роты, и очень часто раздавался его громкий голос, звеневший на всю улицу: «Кадет В., завалили винтовку, два дня без отпуска» Или: «Кадет Д., выше штык, — два наряда не в очередь!»

После каждой прогулки, как ни старались кадеты, почти всегда набиралось несколько человек пострадавших.

Кадеты выпускного класса, выбравшие себе инженерные или артиллерийские училища, вели себя много скромнее остальных и сильно подзубривали, стараясь повысить свой средний годовой балл по всем предметам, особенно по математике, чтобы не осрамиться при окончательном разборе вакансий. В 6-м классе лучшие ученики старались обогнать один другого, чтобы на будущий год быть произведенными в вице-унтер-офицеры, число которых было ограничено — 12. Каждому хотелось иметь нашивки на погонах. В 1916/17 учебном году, первым по успехам в корпусе было 2-е отделение 6-го класса — то самое, которое в 1918 году спасло корпусное знамя от большевиков. Средний балл всего отделения был немного выше девяти, что вообще было очень редко. Жили все в корпусе своей спокойной жизнью, и казалось, что ничто не могло предвещать приближения крупных событий в стране. В средних числах февраля до кадет доходили сведения, что в столице что-то происходит, какие-то беспорядки, но им не хотелось верить, что могло случиться что-нибудь страшное.

Наконец наступил роковой день 4 марта 1917 года. С утра в корпусе все шло как обычно: утренний чай, по классам, завтрак, опять по классам, обед и вечерние занятия, на которых кадеты, сидя по своим классным комнатам, приготовляли заданные им на следующий день уроки. Вот горнист протрубил: «Отбой!» Кадеты высыпали из классов в ротный зал, готовясь строиться, чтобы идти в столовую на вечерний чай. Но что-то случилось. Команда не подавалась. По залу с озабоченным видом, тихонько переговариваясь между собою, ходили отделенные офицеры — воспитатели и командир роты полковник Соловьев. Лица у них были немного растерянные и серьезные. Что все это могло значить? Кадеты ничего не понимали и толклись на месте в ожидании.

Вдруг — удар хуже разорвавшейся бомбы! Командир роты печально, негромко объявил:

— Государь Император отрекся от престола! Революция!

Кадеты потрясены — как это могло случиться и зачем? На улице, перед главным фасадом корпуса, уже стояла колоссальная толпа ликовавшего народа с красными флагами. Она пришла требовать, чтобы ей дали немедленно, по случаю торжества, кадетский духовой оркестр. Корпусное начальство старалось убедить обезумевшую от радости толпу, что сейчас уже поздно и оно не может выпустить кадет на улицу, потому что они ложатся спать, и обещало, что завтра утром весь кадетский корпус выйдет и пройдет по улицам города с оркестром музыки.

Толпа продолжала реветь и требовать. Но все же постепенно начала успокаиваться и уже была готова двинуться дальше показывать свой восторг — освобождение от царских уз. В это время кадеты 2-го отделения 5-го класса, окна классной комнаты которого выходили на улицу, открыли форточки и запели: «Боже, Царя Храни!» Толпа опять заревела, и раздалась вопли: «Волчата!»

Корпусные офицеры снова бросились ее успокаивать, уверяя, что произошло недоразумение: кадеты думали, что это манифестация по случаю победы русского оружия на фронте военных действий. Удалось ли воспитателям уговорить толпу или ей просто надоело уже кричать, но она понемногу затихла и, распевая революционные песни, оставив корпус в покое, куда-то удалилась. Кадеты построились и пошли в столовую пить свой вечерний чай. Настроение у всех было мрачное, и все думали, что же теперь будет дальше?

На следующий день утром в корпусе уроков не было: шло приготовление к предстоящему маршу по улицам города Симбирска. Пропитанным с детских лет обожанием своего Царя кадетам предстояло показать свой неопиcуемый восторг перед свершившимся, для них печальным, переворотом. Для корпусного начальства была тоже не легкая задача. От них требовали, чтобы корпус присоединился к всеобщему ликованию, когда в сердцах у всех лежала тяжелая грусть о происшедшем.

Оно терялось, не зная, как поступить. Опасно было окончательно раздражать революционно настроенных горожан и, особенно, почувствовавших веяние свободы чинов местного гарнизона, и так уже недовольных отношением корпуса к революции. Кадеты упорно твердили: «Никаких красных тряпок мы не понесем!» Наконец все же был найден выход. Сделали большой белый плакат с написанным на нем черными буквами лозунгом: «Война до победного конца» — и

под его прикрытием было решено пройти по улицам революционного города.

В 10 часов утра все было готово, и Симбирский кадетский корпус в полном своем составе, с духовым оркестром впереди, выстроился поротно, посередине улицы перед парадным входом корпусного здания.

На тротуарах быстро собралось довольно много весело настроенной, разукрашенной красными бантами и радостно улыбавшейся публики — все больше учащаяся молодежь. Солдат гарнизона почти не было заметно. Они, вероятно, еще не успели отоспаться после ночного разгула. Из Кошкадамской женской гимназии, находившейся немного наискосок от здания корпуса, на улицу высыпала орава ликовавших гимназисток. На их пальто были приколоты красные бантики или розетки, и в руках у многих виднелись красные флажки. Их начальница была близкой приятельницей Ленина и сумела подготовить своих питомиц достойным образом к развернувшимся событиям.

Дружно размахивая этими флажками, гимназистки радостно приветствовали стоявших смирно в строю кадет. А одна из них, по-видимому переполненная чувством переживаемого момента, подошла к крайнему в первой шеренге кадету 2-й роты и сунула свой флажок ему в руку. Кадет от неожиданности так растерялся, что его взял. Стоявший на самом левом фланге 1-й роты кадет 7-го класса, увидев этот позор для корпуса, быстро подбежал к нему, вырвал флажок и, сломав его древко о свое колено, гневно швырнул священный символ революции в толпу обескураженных гимназисток. Как гром, раздался взрыв их негодования.

Находившийся рядом корпусной офицер — воспитатель сразу же подошел вплотную к разгневанному дерзким поступком кадету девицам и спокойным тоном принялся им объяснять, что, согласно русскому военному законоположению, в строю строго воспрещается носить какие-то бы ни было посторонние предметы. Гимназистки, как бы это ни казалось странным, очевидно, ничего не поняли, но все же постепенно успокоились. На их молоденьких личиках снова появились очаровательные улыбки, и взоры устремились в сторону кадет, продолжавших стоять смирно и смотреть в затылок впереди стоявших своих товарищей, не обращая на девушек никакого внимания.

Раздалась громкая команда командира 1-й роты: «На плечо! Шагом марш!» Оркестр заиграл марш «Тоска по родине», и три роты кадет двинулись по улице показывать свою приверженность новому режиму. На главной улице города, Гончаровской, еще не успело собраться много публики, и далеко не у всех красовались красные знач-

ки. Когда корпус стройными рядами маршировал по ней, командир роты почему-то крикнул старшему музыканту кадету Житетскому: «Нельзя ли что-нибудь повеселей?» Оркестр заиграл марш: «Прощание славянки» — еще печальнее первого. Под звуки этих двух маршей уже без всяких приключений, пробыв минут сорок на улицах города, корпус вернулся обратно домой.

Происшедшая перемена власти в стране, так сильно потрясшая все созданные веками устои государства Российского, мало внесла нового во внутренний распорядок кадетского корпуса. Жизнь кадет продолжала течь по проложенному десятками лет старому руслу. Почти ничто не изменилось, только в молитве: «Спаси, Господи, люди твоя», которую кадеты ежедневно пели утром и вечером, слова «Благочестивейшему нашему Императору Николаю Александровичу» были заменены словами «христолюбивому воинству нашему». Но с первых же дней революции это воинство показало совсем обратное. Оно с каждым днем становилось все более и более разнузданной, не желавшей никому подчиняться дикой толпой. Кадеты старших классов в глубине души сильно переживали крах империи, а малыши, хотя и мало что понимали, но тоже недоумевали, что же будет теперь без Царя?

В главном и ротных залах корпуса по-прежнему продолжали висеть портреты Императоров и царственных особ еще только вчера великой страны. В корпусной церкви стояли знамена — одно Симбирского и два Полоцкого кадетских корпусов. Весной, хотя и был получен приказ, изданный Временным правительством, отправить все императорские знамена в Петроград, наше корпусное начальство не исполнило этого распоряжения революционного правительства, знамена так и не были никуда отосланы и все время продолжали оставаться в корпусной церкви.

В некоторых других учебных заведениях города портреты царственных особ были сразу убраны или завешены материей, вероятно чтобы Их Величествам не приходилось больше смотреть на вышедших из ума людей.

Уроки в корпусе шли нормально, и даже кадеты, чтобы не причинять еще лишних неприятностей своим наставникам, как-то более подтянулись и стали лучше себя вести. Никто из воспитателей и приходивших на уроки преподавателей в обсуждение совершившихся событий не вступал, да кадеты почти никого сами и не расспрашивали. Только не пользовавшийся большими симпатиями преподаватель русской истории, придя после свершившейся революции на свой первый урок во 2-е отделение 6-го класса, по-видимому желая

произвести какое-то для него выгодное впечатление на кадет, громко и с чувством полного достоинства объявил, что он — социалист, плехановец...

Сидевший на самой задней парте кадет К. Россин, как ужаленный, моментально вскочил со своего места и громко его спросил: «А до революции вы тоже были социалистом?» — «Ну да, конечно», — с пафосом ответил он и собирался еще что-то добавить, но был вторично перебит Россиным: «А почему же вас тогда не повесили?» Класс разразился гомерическим хохотом. Ошеломленный произведенным неожиданным для него впечатлением на кадет, педагог замаялся и сконфузился, но, немного придя в себя, хотя и весьма неуверенно, все же приступил к ведению урока. Больше на политические темы он в корпусе никогда не пытался выступать, а кадетам так и не удалось познакомиться с учением Плеханова.

Кадеты 2-го отделения 6-го класса, как и все остальные, остро переживали происходившие события и иногда спрашивали приходившего к ним на урок преподавателя русского языка Мирандова: «Что же получится дальше?» Он весьма неохотно и лаконично отвечал, что скоро будет избрано Учредительное собрание, которое и установит новую законную власть в стране, и тогда все будет в порядке. Кадетам хотелось верить его просвещенному мнению, но что-то подсказывало им совсем другое, и они с трепетом в сердцах вглядывались в надвигавшееся будущее своей родины.

* * *

В Петрограде быстро организовалось Временное правительство разгулявшейся по просторам страны российской свободы. На третий или четвертый день всех кадет корпуса повели присягать ему на верность в корпусную церковь. Шли все неохотно. Но приказ был приказом, и ослушаться никто не посмел. В церкви с амвона корпусной священник читал слова присяги. В ответ неслась неясный лепет нескольких сот голосов. Кто что отвечал, разобрать не представлялось возможным. Стоял какой-то неопределенный гул, и чувствовалось, что все это была просто одна проформа.

Знаменитый «приказ № 1» в жизнь корпуса не внес каких-нибудь осложнений, потому что его появление было враждебно встречено кадетами, и они подчеркнуто продолжали вести себя согласно уставным правилам прежних воинских законоположений. Кадеты не переставали отдавать установленную честь всем офицерам, становясь по фронт, кому полагалось по положению.

Низшие служащие корпуса — дядьки, повара, писаря и другие — своим поведением особой радости к добытой свободе ничем не показывали. Они все время держались так, как будто все происходившие события их мало касались. Только один кандидат на классную должность, фельдшер Григорьев, еще совсем молодой человек, просидевший, как у Христа за пазухой, всю войну в корпусном лазарете, пропитался революционным духом. Спустя полмесяца после революции он неожиданно появился в главном зале корпуса и довольно независимым тоном предложил сидевшей на стульях группе кадет немедленно убрать стоявшие и висевшие в зале портреты царственных особ. При этом позволил себе сказать несколько унижительных слов в адрес отрешенного Царя.

Оскорбленные его замечанием кадеты моментально повскакали со своих мест и, дав ему основательную встрепку, выгнали вон из зала. После этого до конца учебного года он в стенах корпуса не проявлял больше своего революционного рвения. И портреты русских Царей, никем больше не тревожимые, продолжали оставаться в главном и ротных залах корпуса. Но в начале 1918 года, когда власть в городе окончательно перешла в руки большевиков, за свои заслуги перед революцией Григорьев был назначен комиссаром корпуса.

Прошло еще немного времени, и наконец, и в городе Симбирске образовался комитет учеников всех среднеучебных заведений — защищать интересы почувствовавшей вольность юной молодежи, которая хотела поменьше учиться, а побольше веселиться.

Первая рота кадет пришла с завтрака, и командир роты полковник Соловьев объявил перед строем, что из общеученического комитета пришло требование: произвести среди кадет старших двух классов выборы делегатов — по три человека от каждого отделения. Выбранные кадеты должны будут ходить каждый четверг после вечерних занятий в город, на заседание этого комитета, которое будет производиться в здании высшего начального училища. И, добавив «Выбирайте!», распустил роту.

Кадеты сразу его окружили и заявили, что выбирать не будут: «Назначайте сами кого хотите». Командир роты пожал плечами, сказав, что не может, и ушел. Кадеты разошлись по своим классным комнатам. Во 2-е отделение 6-го класса вошел вместе с ними и их отделенный офицер-воспитатель и полушутя сказал: «Ну что же, выбирайте!» Поднялся шум, и раздались возгласы: «Не будем, назначайте сами, господин капитан!»

Воспитатель, не зная, как поступить, стоял и улыбался, а кадеты продолжали твердить: «Назначайте!» Вдруг кто-то из кадет отделения

ему подсказал: «Назначьте князя Макаева, Голеевского и Дубовицкого, они любят ходить в город». Воспитатель, ничего не ответив, повернулся и вышел из класса. На этом выборы и закончились.

Пришел очередной четверг, и нам троим пришлось собираться и идти. Из 7-го класса, кажется, пошли по желанию, но больше кадеты вице-унтер-офицеры. Все переоделись в отпускное обмундирование, и 12 делегатов под предводительством фельдфебеля роты двинулись в путь.

Высшее начальное училище находилось на главной, Гончаровской улице. Пришли кадеты туда немножко с опозданием. Заседание происходило в небольшом зале со сценою, на которой стоял длинный стол, с сидевшим за ним президиумом комитета. Перед сценой было довольно много рядов очень удобных кресел, занятых делегатами от всех среднеучебных заведений города.

Заседание уже было в полном разгаре. Выступал какой-то оратор-гимназист, из сидевших в зале. Кадеты разбрелись и расселись по незанятым местам. Фельдфебель поднялся на сцену и сел на свободный стул за столом президиума. Особенного внимания приход кадет у членов комитета не вызвал. Все были слишком заняты слушаньем оратора. Решались насущные проблемы не вполне созревшей молодежи.

В речах выступавших ораторов твердилось все больше одно и то же: «Нас притесняют наши педагоги, нам необходимо скорее и крепче объединиться и требовать от них большей свободы». Что под этой свободой они подразумевали, никто из них ясно ничего не говорил. Да из кадет толком никто ничего не слушал. Попав в неприятную для них революционную обстановку, они вначале себя не совсем уверенно чувствовали.

Я и князь Макаев, найдя два свободных места, уселись рядышком. По обеим сторонам сидели делегатки женских гимназий с чрезвычайно серьезным выражением на их личиках. Их внимание было полностью поглощено происходившим заседанием. Нас они не подарили даже легким взглядом. Немного осмотревшись, князь ткнул меня локтем в бок и шепнул: «Посмотри, рядом со мною, какова революционерка!» Сидела очень миловидная блондинка с большими голубыми глазами и длинными темными ресницами.

«Славенькая! — ответил ему я и добавил: — Хорошо бы познакомиться».

Расхрабрившись, князь ее спросил: «Вы какой гимназии?» — хотя по форме отлично знал, из какой. Она, даже не взглянув на него, коротко обрезала: «Не мешайте слушать».

Князь не унимался и продолжал: «Простите, пожалуйста, у вас в гимназии у всех такие чудные ресницы, как у вас?» — «Не приста-

вайте», — был ее короткий ответ. Он успокоился, и мы, разглядывая наших соседок и почти ничего не слушая, изредка перешептываясь между собою, просидели до конца первого заседания. Прелестные барышни, по-видимому, были поглощены революционными идеями, и отвлечь их от переживаемых событий не было никаких сил. По крайней мере, наши чары на них никак не действовали.

В следующие два четверга речи выступавших ораторов мало чем отличались от первого собрания, только наши милые соседки все же немного поразмякли и иногда стали отвечать на наши глупые вопросы. Появилась надежда на успех. Но внезапно все оборвалось. В четвертое наше посещение собрания общеученического комитета вначале все шло как обычно — тихо и спокойно. Вдруг с своего места вскочил небольшого роста гимназист и начал обвинять президиум комитета, что он не принимает никаких нужных мер и вообще ничего не делает, чтобы добиться желаемых поблажек от учебного персонала. И предложил всем среднеучебным заведениям города немедленно забастовать — просто перестать учиться.

Не успел он еще совсем окончить свое блестящее предложение, как выскочил другой гимназист и кратко заявил: «Здесь, среди нас, есть кадеты. Они самые дружные. Пускай кадеты забастуют первыми, а мы их поддержим!»

Поднялся со своего стула сидевший на сцене за столом президиума кадет-фельдфебель и ровным спокойным голосом начал объяснять революционному собранию, что нас, кадет, никто из нашего начальства не обижает, и мы всем довольны. Нам надо учиться, и бастовать мы ни в коем случае не будем. Тогда опять выскочил какой-то гимназист и громко закричал: «А мы придем и сорвем вас с уроков!»

Выступил второй кадет-оратор, кто-то из 7-го класса, и ясно отчетливо: «Пожалуйста, приходите, и мы набьем вам морду!»

В зале поднялся шум возмущения, а кадеты, как один, встали и под гневные взгляды присутствовавших стали пробираться к выходным дверям. Выйдя на улицу и идя в корпус, весело обсуждали предстоявшее сражение с гимназистами.

Больше в зале заседаний общеученического комитета кадетские делегаты никогда не показывались, да, собственно, их никто и не приглашал. Угнетенные ученики средних школ города решали свою судьбу без них. Срывать кадет с уроков так никто и не приходил, и никакой общеученической забастовки в городе никогда не было. Корпусное начальство о поступке кадет своего мнения не высказывало, вероятно считая, что другого исхода и не могло бы быть.

Хорошенькую блондинку мне с князем так и не удалось нигде больше встретить, и пришлось постараться поскорее забыть прекрасные ресницы.

Быстро, но однообразно, без всяких перемен и приключений прошли дни почти до конца учебного года. В одно из предпоследних воскресений, весной 1917 года, перед роспуском кадет по домам на каникулы, неожиданно 7-м классом было объявлено: «Всем отпускным к двенадцати часам дня собраться в городском театре». В нем было назначено для всех среднеучебных заведений города общеученическое собрание — решить окончательно свое положение на революционном фронте. Кадеты 7-го класса, по-видимому, что-то задумали. Приказ был ими отдан неспроста.

Весь зал театра в назначенный срок набился до отказа учащейся молодежью. Пришло послушать на это собрание и довольно много студентов. Кадеты, человек семьдесят, заняли места в первых рядах балкона. Выше, сзади, расселись реалисты. Гимназистки и гимназисты в большинстве расположились по ложам и в партере. На открытой сцене сидел полный состав президиума общеученического комитета. Он все еще существовал, но только без кадет.

Начались прения по текущему моменту. Выступало множество ораторов — все больше гимназисты. Высказывали почти все одно и то же: нас давят и притесняют, и мы должны добиться во что бы то ни стало полной свободы. Кадеты, реалисты и семинаристы посвистывали, а остальная аудитория одобрительно аплодировала. Иногда в зале театра поднимался основательный шум. Председатель собрания призывал к порядку.

Оппонентом против искавших всевозможных, мало на чем основанных льгот для учащихся средних школ выступал все время какой-то неизвестный кадетам благоразумный студент. Говорил он прекрасно и, слегка иронизируя, моментально разбивал все доводы выступавших ораторов. Кадеты, реалисты и семинаристы неистово ему хлопали и кричали: «Браво!»

Так продолжалось немного больше часа. Наконец реалисты, не выдержав больше, спустились вниз к кадетам и, сказав, что они сейчас начнут бить гимназистов, спросили: «Вы нас поддержите?» — «Поддержим!» — раздался ответ, и кадеты тоже поднялись с своих мест. И вся эта смешанная ватага с шумом и гамом побежала вниз, крича: «Бей гимназистов!» В общем, никакой драки не было, был только один крик: «Бей гимназистов!» Но в театре все всполошились, и поднялся невероятный бедаам. Большинство бросились к выходным дверям и стали быстро выходить наружу.

Кадеты, спустившись в фойе театра, увидели там благоразумного студента и за его речи, подняв его на руки, принялись, крича «Ура!», качать. Театр быстро опустел — почти все разошлись по домам. И на этом грандиозное собрание учащихся всех средних школ закончилось, так ничего и не добившись в этом учебном году. Скоро всех распустили на каникулы, и заниматься политикой было некогда.

Выпускные и переходные из класса в класс экзамены, вероятно, по случаю свободы Временным правительством были отменены. Выпускали и переводили по годовым средним баллам. В 7-м классе во время войны экзамены заканчивались на две недели раньше, чем в 6-м и 5-м классах, чтобы дать возможность окончившим корпус кадетам, выходящим в пехотные училища, в которых начинался новый курс, попасть вовремя к началу занятий в этих училищах. Выпускники ходили гордые тем, что они настоящие, без пяти минут, юнкера.

Обыкновенно во всех кадетских корпусах России после окончания учебного года кадеты старших классов, по отделениям или целыми классами, со своими офицерами-воспитателями уходили из корпуса куда-нибудь за город и, живя там около двух недель в походных палатках, проводили время на лоне природы, питаясь едой собственного приготовления. Иногда вместо этих военных прогулок устраивались экскурсии — посмотреть достопримечательные места. И только после них кадет распускали на летние каникулы.

В Симбирском кадетском корпусе, во время германской войны, когда директором корпуса был назначен генерал-майор Мерро²¹³, бывший до корпуса инспектором классов Тверского кавалерийского училища, этих прогулок не производилось.

Генерал-майор Мерро внес некоторые изменения в обыденный распорядок корпусной жизни. При нем кадетам трех старших классов были сшиты из старых шинелей галифе. Ношение мятых фуражек не преследовалось, и в строю на приветствие начальников отвечали так же, как в военных училищах: «Ваше высокоблагородие».

Не знаю, по распоряжению ли Главного управления военно-учебных заведений — для пробы, или по собственной инициативе нашего директора корпуса, вместо этих военных прогулок кадеты трех старших классов корпуса уходили в лагерь стоявших в городе Симбирске пехотных запасных полков и, прикомандированные к их учебным командам, проходили военное обучение наравне с солдатами. В строю учебных команд кадеты стояли через одного: кадет — солдат и т. д., и поступали в полное ведение начальника учебной команды, в которой находились. Отделенные офицеры-воспитатели только присутствовали

на занятиях и, ни во что не вмешиваясь, вели чисто внешнее наблюдение за своими питомцами.

Первыми в учебную команду из корпуса, сразу после выпускных экзаменов, отправлялись кадеты 7-го класса, и, по их возвращении обратно, одновременно уходили два младших класса, только в учебные команды разных полков.

Лагерь запасных полков находился за городом в 7 верстах от корпуса, недалеко от железнодорожной станции Киндяковка. Кадеты в полной походной форме, держа винтовки попеременно то на плечо, то на ремне, шли в лагерь с песнями, походным порядком. Только в вещевых мешках, вместо полной солдатской выкладки, лежала одна смена чистого нижнего белья, полотенце, мыло и зубная щетка. Все остальное строго по уставу: скатка шинели, скатанная вместе с одним из полотнищ походной палатки и притороченными к ней специальной веревкой одним большим или двумя маленькими колышками. Медный котелок и фляжка для воды.

По приходе в лагерь один из отделенных офицеров-воспитателей, который был старше в чине, докладывал командиру полка о прибытии кадет. Им указывалось место, где сразу кадетами разбивались в два ряда походные палатки; обыкновенно на пустом месте левого фланга учебной команды. Кроме набросанной прямо на землю свежей соломы, в палатках никаких других постельных принадлежностей не полагалось. Ночью кадеты, снявши только сапоги, спали, прикрывшись одними шинелями. Довольствие получали из солдатского котла. Но по воскресным дням из корпуса привозили по одной французской булке на человека.

Утренний подъем в учебной команде производился немного раньше 6 часов, и уже в семь она стояла выстроившись впереди передней линейки ее палаток, хотя господа офицеры приходили на занятия к восьми. Фельдфебель начинал, по своей собственной системе, производить строевую подготовку команды для встречи начальствующих лиц. Под его строгим руководством команда, вздвоенными рядами, вывodiлась на находившееся позади палаток лагеря ровное поле, где и начиналась подготовка.

Если шаг, отбиваемый учебной командой, по его просвещенному мнению, не был достаточно твердый, то сейчас же раздавалась команда: «Бегом марш!» Прогнав довольно почтительное расстояние и, по видимому, удовлетворившись наложенным им на людей наказанием за нерадение в строю, он командовал: «Шагом марш! Тверже шаг!» Но еще не успевала учебная команда толком отдышаться от произведенного пробега, как им снова подавалась команда: «Бегом марш!»

И так в продолжение минут сорока повторял эту перемену движения от шага в бег и обратно несколько раз. Наконец его твердое сердце смягчалось, и по полю неся его зычный голос: «Жалко кадет! Шагом марш!» И учебная команда, вдоволь набегавшись, возвращалась обратно на место впереди передней линейки и, выстроившись развернутым строем, стояла смирно в ожидании прихода начальника и офицеров команды.

Немного трудновато приходилось кадетам бегать с винтовкой «на плечо»: многим из них не было еще и 16 лет, но они из всех сил крепались, стараясь показать, что для них все это — сущие пустяки.

Господа офицеры всегда приходили точно вовремя, и учебная команда снова уходила в поле, где теперь производились строевые занятия самым ее начальником и строго по часам, до 12 часов дня. Команда стройно маршировала по полю, проделывая всевозможные перестроения. Летавшая тучами мелкая мошкара буквально залепляла глаза и уши находившихся в строю солдат и кадет, и если кто, не выдержав этого испытания, иногда отмахивался от нее рукой, то эта вольность не вызывала неудовольствия начальствующих лиц.

Каждый час давался десятиминутный отдых. Подавалась команда: «Стой! Стоять вольно, оправиться!» Позволялось, кому нужно, выйти из строя и разрешалось курить. Отделенные офицеры-воспитатели кадет издали наблюдали, как их воспитанники теперь, ни от кого больше не прячась и никого не стесняясь, на законном основании, свернув козы ножки и насыпав в них махорку, раскуривали, пуская клубы дыма. В полдень занятия прекращались, и учебная команда возвращалась обратно в лагерь обедать.

Время было военное — шла война, и обучение велось ускоренным темпом. Передышек для отдыха солдатам не давалось, и в час дня учебная команда снова выходила на занятия, но не на ровное поле, а на лежавшую перед передней линейкой лагеря открытую местность. Начиналось обучение рассыпному строю. Команда «Цепь, ложись!» почему-то не подавалась, а раздавался сзади чей-то громкий окрик: «Пулемет!» — и требовалось со всего размаха брякаться на землю. Если кто, выбирая поудобнее место, замешкивался, то неся гневный голос взводного унтер-офицера: «На пуп!»

Очень часто кадет назначали старшими звена, и они, довольные полученным повышением, при перебежках в цепи, срывались с места и, громко крикнув: «Зveno, курок, вперед за мной!» — неслись на указанный рубеж. Иногда происходили тактические занятия, под наблюдением командира полка и офицеров его штаба. Тогда выдавалось на руки каждому по 15 холостых патронов.

Чаще всего учебная команда вела наступление на занявшую, где-то далеко, оборонительную позицию какую-нибудь из рот полка. Наступление велось по всем правилам военного искусства, и, когда подходили на близкую дистанцию, открывался винтовочный огонь. Кончалось оно штыковой атакой и контратакой противников. Держа винтовки наперевес и крича «Ура!», их цепи бежали друг на друга, и, встретившись, люди пробегали через интервалы в цепях. Подавалась команда: «Отбой!» — и противники выстраивались развернутым фронтом. Приходил командир полка и, объяснив обеим сторонам недостатки их маневра, объявлял, на чьей стороне был успех.

С этих занятий с песнями возвращались в лагерь, очень часто после 6 часов вечера, и, поставив винтовки в козлы, шли с котелками на батальонную кухню получать ужин — щи, сваренные из соленой кеты, или гречневую кашу. После ужина разбирали и чистили свои винтовки. В 9 часов вечера учебная команда выстраивалась на своей передней линейке на поверку. Производилась переключка, и пелась хором вечерняя молитва. После нее команда, уже не в строю, а собравшись плотной толпой и отбивая шаг на месте, пела солдатские песни. В 10 часов всех распускали, и люди шли по палаткам спать.

Один раз, когда кадеты находились в учебной команде, были устроены ночные маневры всего полка. Часа два, пока высылали разведчиков и выясняли обстановку, команда лежала в цепи. Курить не разрешалось, и чтобы никто не спал, беспрестанно по цепи передавалось распоряжение — скатать скатки, раскатать скатки. Вернулись с этих маневров рано утром, и в этот день до часа дня никаких занятий не было.

По воскресеньям регулярных занятий не производилось. Солдатам давали отдых после шестидневной усиленной тренировки. Кадет утром водили показывать уже готовые разнообразные типы стрелковых окопов, и сам командир полка объяснял их назначение. После обеда в расположение кадет приходил кто-нибудь из взводных унтер-офицеров и, окруженный кадетами, с чувством своего превосходства и слегка снисходительно, вел беседы, стараясь щегольнуть знанием военного дела, и показывал красоту и четкость ружейных приемов. Солдаты относились к кадетам доброжелательно и даже немного предупредительно, но разговаривать с ними не было времени, потому что, живя от них отдельно, встречались с ними только в строю на занятиях.

По окончании двухнедельного пребывания в учебной команде кадеты разбирали свои палатки и также походным порядком возвращались обратно к себе в корпус. В корпусе, поставив винтовки в пирамиды, немедленно все отправлялись в баню мыться. Отмыв на-

копившуюся за две недели грязь со своего тела, переодевались во все чистое и шли в свою ротную спальню — получать отпускное обмундирование. Многие в этот же день вечером на пароходах по Волге уезжали к себе домой на летние каникулы. По случаю революции все это тоже было отменено, и кадеты разъехались по домам раньше обыкновенного.

*А. Марков*²¹⁴

КАДЕТЫ В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ²¹⁵

Воспитанные в твердых принципах службы за Веру, Царя и Отечество, кадеты и юнкера, для которых эта формула являлась смыслом и целью всей их будущей жизни, приняли революцию 1917 года как огромное несчастье и гибель всего, чему они готовились служить и во что верили. Красный флаг, заменивший русский национальный, они сочли, с первых же дней его появления, тем, чем он в действительности и был, а именно грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем для них дорогим и священным.

Хорошо зная об этих настроениях, которые кадеты и юнкера не считали нужным скрывать от новой власти, она поспешила в корне изменить быт и порядки военно-учебных заведений. В первые же месяцы революции Советы поспешили переименовать кадетские корпуса в «гимназии военного ведомства», а роты в них — в «возрасты», строевые занятия и погоны отменить, а во главе корпусной администрации поставить «педагогические комитеты», куда, наряду с офицерами-воспитателями, директорами и ротными командирами, вошли и стали играть в них доминирующую роль солдаты-барабанщики, дядьки и военные фельдшера. Помимо этого, революционное правительство в каждый корпус назначило «комиссара», являвшегося «оком революции». Главной обязанностью таких «комиссаров» было прекращать на корню все «контрреволюционные выступления». Офицеры-воспитатели стали заменяться штатскими учителями, под именем «классных наставников», как в гражданских учебных заведениях.

Все эти реформы кадетская среда встретила единогласным возмущением. При первых же известиях о начавшейся в разных местах России гражданской войне кадеты стали массами покидать корпуса, чтобы вступить в ряды Белых армий, сражавшихся против большевиков. Однако как молодежь, воспитанная в твердых принципах воинской чести, кадеты в лице их строевых рот, прежде чем покинуть

навсегда родные корпуса, приняли все от них зависящие меры, дабы спасти свои знамена — символ их воинского долга, — не допустить, чтобы они попали в руки красных. Кадетские корпуса, которым удалось в первые месяцы революции эвакуироваться в районы Белых армий, взяли знамена с собой. Кадеты же корпусов, оказавшихся на территории советской власти, сделали все от них зависящее и возможное, чтобы скрыть свои знамена в надежных местах.

Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем, подполковником В.Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте при очень трудных обстоятельствах. Кадеты Полоцкого кадетского корпуса, с опасностью для собственных жизней, спасли знамя из рук красных и вывезли его в Югославию, где оно затем было передано Русскому кадетскому корпусу. В Воронежском корпусе кадеты строевой роты тайно вынесли из храма знамя, а на его место в чехол положили простыню. Исчезновение знамени красные заметили лишь тогда, когда оно находилось уже в надежном месте, откуда было затем вывезено на Дон.

Среди известных случаев спасения знамен, принадлежавших кадетским корпусам, самое значительное дело было совершено кадетами-симбирцами, которые, вместе со знаменем своего корпуса, спасли и хранившиеся с ним два знамени Полоцкого кадетского корпуса.

Это славное дело выделяется не только числом спасенных знамен, но и количеством лиц, принимавших в этом то или иное участие.

К началу марта 1918 года Симбирский кадетский корпус уже находился под контролем местных большевиков. У входа в корпусное здание стояли часовые. В вестибюле располагался главный караул с пулеметами. Знамена находились в корпусной церкви, дверь которой была закрыта на ключ и охранялась часовым. А рядом, в столовой, был караул из пяти красногвардейцев.

О намерении большевиков отобрать знамена сообщил пришедший во 2-е отделение 7-го класса полковник Царьков, один из корпусных преподавателей, особенно любимый кадетами. Поцеловав близ стоявшего кадета, полковник этим намекнул кадетам на их обязанности в отношении корпусной святыни.

Отделение поняло намек и, не оповещая других кадет, составило план похищения знамен, в исполнении которого приняли участие все, без исключения, кадеты славного второго отделения, выполняя полагающиеся, сообща продуманные и распределенные задачи.

Кадетам А. Пирскому и Н. Ипатову посчастливилось незаметно снять слепок ключа от церковной двери. А вечером, когда хитростью

удалось отвлечь внимание часового и караула, заготовленным по слепку ключом открыли церковь, сорвали полотнища и, охраняемые всюду расставленными «махальными», доставили знамена в свой класс.

Снимали знамена: А. Пирский, Н. Ипатов, К. Робин и Качалов — прикомандированный кадет 2-го Петербургского кадетского корпуса. Большевики, утром заметившие исчезновение знамен, производили обыски во всех помещениях корпуса, но безрезультатно. Знамена очень находчиво были скрыты в классе же, на дне бочонков с пальмами. Но возникла новая задача — вынести знамена из корпуса. Через два дня, когда по стовору предстояло передать знамена находившемуся в городе прапорщику Петрову, который лишь в 1917 году окончил Симбирский же корпус, — решили действовать «на ура». Самые сильные кадеты отделения спрятали знамена за пазуху, их окружили толпой и разом кинулись через швейцарскую, мимо растерявшихся часовых, на улицу.

Потом, когда передача знамен уже была произведена, вернулись в корпус и объяснили свою выходку желанием подышать свежим воздухом, прогуляться.

В дальнейшем, уже после роспуска корпуса, большевики арестовали целый ряд корпусных офицеров, обвиняя их в сокрытии знамен. Находившиеся еще в городе кадеты славного второго отделения собрались для обсуждения вопроса — как бы выручить из тюрьмы офицеров, даже не знавших, где находятся знамена. Кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов предложили, что они сознаются большевикам в похищении знамен, а при допросах будут заявлять, что знамена увез Н. Ипатов, который больше месяца тому назад уехал в Маньчжурию.

Так и поступили. Воспитатели вышли из тюрьмы, а их места заняли кадеты. Но Бог вознаградил их дух: так получилось, что суд признал их невиновными... А от мести большевиков им удалось сбежать.

Знамена переданы были на хранение сестре милосердия Евгении Викторовне Овтрахт. Она спрятала их и передала в руки генерала барона Врангеля после занятия добровольцами города Царицына. Приказом за № 66 от 29 июня 1919 года за этот подвиг она была награждена Георгиевской медалью. В январе 1955 года знамя, спасенное госпожой Овтрахт, ставшей игуменьей Эмилией, прибыло в США и ныне находится в митрополичьем храме Синода Зарубежной Церкви.

Кадеты Омского корпуса в 1918 году, получив от красного командования приказ снять погоны, вечером того же дня собрались всем корпусом в сборной зале, сложили все погоны в гроб, который затем

старшими кадетами был зарыт в землю. Знамя Сумского кадетского корпуса, ныне также находящееся в США, спасено с опасностью для его жизни кадетом Димитрием Потемкиным.

В Белой борьбе за Россию против красных первыми выступили в октябре 1917 года Александровское военное училище и кадеты трех московских корпусов. Юнкера несколько дней подряд защищали Москву от захвата ее большевиками, причем третья рота училища, даже и после поражения не пожелавшая сдать оружия, была красными уничтожена поголовно. Узнав о выступлении юнкеров-александровцев против красных, строевая рота Третьего московского Императора Александра II корпуса немедленно присоединилась к юнкерам и заняла позицию вдоль реки Яузы, в то время как строевая рота Первого московского корпуса прикрывала юнкерский фронт с тыла. Под огнем превосходившего их числом противника юнкера и кадеты, расстреливаемые со всех сторон, стали отходить к реке Яузе, где и задержались. В это время строевая рота Второго московского корпуса, построившись в сборной зале под командой своего вице-фельдфебеля Слонимского, обратилась с просьбой к директору корпуса разрешить выйти на помощь юнкерам и кадетам двух других корпусов. На это последовал категорический отказ, после чего Слонимский приказал разобрать винтовки и, со знаменем во главе, повел роту к выходу, который загородил собой директор корпуса, заявивший, что «рота пройдет только через его труп». Правофланговыми кадетами генерал был вежливо отстранен с пути, и рота явилась в распоряжение командующего сборным юнкерско-кадетским отрядом на реке Яузе. Кадеты трех московских корпусов и юнкера-александровцы покрыли себя в эти дни бессмертной славой в борьбе с красными. Они бились в течение двух недель, показав на деле, что значат для русского кадета и юнкера товарищеская спайка и взаимная выручка.

В дни большевистского переворота в октябре 1917 года с оружием в руках сражались против большевиков в Петрограде почти все военные училища во главе с особенно пострадавшим в этой борьбе Николаевским инженерным.

Морской кадетский корпус в Петрограде в первые дни революции подвергся нападению бунтующей черни и солдат, во главе с вышедшими из повиновения нижними чинами лейб-гвардии Финляндского полка и запасных частей. Директор Морского корпуса адмирал Карцев приказал раздать оружие гардемаринам и старшим кадетам, и корпус оказал бунтовщикам вооруженное сопротивление.

Желая спасти гардемарин и кадет, директор Морского корпуса вышел в вестибюль и вступил в переговоры с нападающими, заявив им,

что в здание корпуса он толпу не пустит, так как отвечает за казенное имущество, но готов выдать некоторое число винтовок и разрешит делегатам осмотреть все помещения, дабы убедиться в отсутствии пулеметов, в стрельбе из которых агитаторы обвиняли Морской корпус. Однако в то время, как по приказу адмирала Карцева его помощник — инспектор классов генерал-лейтенант Бригер²¹⁶ отправился с делегатами для осмотра корпуса, на адмирала было произведено нападение, он получил удар прикладом по голове и был увезен в здание Государственной думы, где тяжело себя ранил, покушаясь на самоубийство. Заместивший адмирала Карцева генерал-лейтенант Бригер на посту директора корпуса распустил кадет и гардемарин по домам, и в этот день, в сущности, закончилось 216-летнее служение корпуса Российской Империи.

В Воронежском кадетском корпусе, когда пришел манифест об отречении Государя Императора, который директор прочел в церкви, настоятель храма — законоучитель корпуса отец протоиерей Стефан (Зверев), а за ним и все кадеты зарыдали. В тот же день кадеты строевой роты сорвали с флагштока красную тряпку, вывешенную писарями, и, при открытых окнах, сыграли национальный гимн, подхваченный голосами всего корпуса. Это вызвало прибытие к зданию корпуса Красной гвардии, которая намеревалась перебить кадет. Последнее с большим трудом было предотвращено директором, генерал-майором Белогорским²¹⁷.

В первые дни большевизма, осенью и зимой 1917 года, все кадетские корпуса на Волге были разгромлены, а именно: Ярославский, Симбирский и Нижегородский. Красногвардейцы ловили кадет в городах и на станциях железных дорог, в вагонах, на пароходах, избивали их, калечили, выбрасывали на ходу поездов из окон и бросали в воду. Уцелевшие кадеты этих корпусов одиночным порядком прибывали в Оренбург и присоединялись к двум местным корпусам, в дальнейшем разделив их судьбу.

Псковский кадетский корпус, переведенный в 1917 году из Пскова в Казань и разместившийся в здании духовной семинарии на Арском поле, во время октябрьского выступления большевиков в этом городе, как и московские кадеты, присоединился к местным юнкерам, сражавшимся с красными. В 1918 году кадеты-псковичи выступили походным порядком на Иркутск, где снова с оружием в руках, уже в 1920 году, сражались против красной власти. Часть из них погибла в боях, а уцелевшие, перебравшись в Оренбург, продолжали борьбу с красными. Одному кадету удалось в Сибири даже организовать свой собственный партизанский отряд. Знамя Псковского

корпуса было спасено из рук красных корпусным священником, настоятелем отцом Василием.

Командир второй роты Симбирского кадетского корпуса, полковник Горизонтов, преодолевая тысячи затруднений и опасностей, вывел остатки корпуса в Иркутск, где в декабре 1917 года юнкера тамошнего военного училища не позволили местным большевикам захватить власть в городе, сражаясь с Красной гвардией в течение восьми суток. В эти дни юнкера потеряли убитыми и ранеными больше 50 человек и несколько офицеров, но сами перебили свыше 400 красных.

17 декабря 1917 года строевая рота Оренбургского Неплюевского корпуса, под командованием своего вице-фельдфебеля Юзбашева, ушла из корпуса и присоединилась к отряду оренбургских казаков атамана Дутова. В их рядах кадеты приняли участие в боях с красными под Карагандой и Каргаллой, понеся потери ранеными и убитыми, а затем остатки роты, совместно с юнкерами Оренбургского казачьего училища, оставили Оренбург и степями двинулись на юг. Этот поход описан талантливым пером кадета-писателя Евгения Яковлевского. Кадеты Оренбургского Неплюевского корпуса (выпускного класса) впоследствии почти целиком составили команду бронепоезда «Витязь», как другие кадеты составляли команды бронепоездов «Слава Офицеру» и «Россия».

*Абальянц*²¹⁸

ВОССТАНИЕ БЕРДЯНСКОГО СОЮЗА УВЕЧНЫХ ВОИНОВ В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1918 ГОДА²¹⁹

Об этом восстании нигде и ничего не писалось. Полковник Дроздовский²²⁰ уделил восстанию несколько страниц в своем дневнике.

Повстанцы выполнили свой долг Родине, не ища ни орденов, ни чинов. В конце 1916 года я был командирован в штаб Одесского военного округа, как знающий турецкий язык. Командированных офицеров, как и я, было много, главным образом армян. Нас, офицеров, учили читать и писать по-турецки, было немного трудно. В Одессе стояло четыре запасных полка, в ротах было по 2500—3000 рядовых и 20—30 младших офицеров.

Усиленно готовились к десанту в Зунгулаки, на Азиатском берегу, у Босфора. Прикомандированные были сосредоточены в 46-м пехотном запасном полку. Полком командовал полковник Бесядовский, бывший командир 59-го пехотного Люблинского полка.

Настала революция, и скоро стало видно, что высадки не будет, и на первое место был выкинут печальный лозунг: «Без аннексий и контрибуций».

Летом 1917 года на общем собрании прикомандированных офицеров-кавказцев было вынесено решение разъехаться всем по домам.

Я категорически отказался покидать русскую армию, считая, что бороться с большевиками надо в России, а не на окраинах, и что скоро именно там начнутся волнения и междоусобицы. Я не ошибся: бедную Армению окружили турки, азербайджанцы и грузины, ее положение стало очень тяжелым. Железные дороги работали плохо, и командование армии было не в состоянии доставлять продовольствие. Было решено разгрузить Одессу... Наш 46-й полк был отослан в Бердянск. Вместо Зунгулаки я попал в Бердянск, куда прибыл с полком в августе месяце.

Нас встретили на вокзале с красными флагами и речами: от революционного комитета говорил «великоросс» о защите революции и т. п. Я не был членом полкового комитета, но по усиленному настоянию его я принужден был отвечать представителям Революционного комитета, которых я просил помочь нам поддержать дисциплину в армии для защиты России. На вокзале же подошел ко мне мой старый знакомый юрист. Мы очень обрадовались друг другу вдалеке от родины. Юрист был членом Бердянского Союза увечных воинов, и я через него познакомился вскоре со всем Бердянском. «Великоросс» оказался правым социал-революционером, и мы скоро сблизились, сделали друзьями. После октябрьских событий наш полк распустили и перевели в «первобытное состояние».

Начались нелады в ревсовете: социал-революционеры и социал-демократы тормозили большевизацию. В конце 1917-го или в начале 1918 года ревсовет арестовал «великоросса»; предали суду и социал-демократов. Юрист-краснобай великолепно защитил их. Под давлением городского населения и заводских комитетов они были оправданы.

У здания ревсовета демонстранты кричали: «Долой советскую власть».

В конце февраля в один день к вечеру отряд в 300 человек черноморских матросов занял Бердянск. Арестовали много офицеров (400—500 человек). Ревсовет, зная настроение городского населения, настаивал на освобождении офицеров. Матросы хотели вывезти нас в Севастополь, но к ночи нас неожиданно освободили, и через два дня, пограбив там, где могли, матросы ушли из Бердянска. Моя комната в гостинице была очищена, не осталось даже носового платка.

Мне пришлось переехать к знакомым.

Члены Союза увечных воинов, городского самоуправления, социал-революционеров и социал-демократов усиленно занимались пропагандой к восстанию. Но мы точно не знали ни количества, ни качества нашего оружия, у ревсовета же были пулеметы и немного пехоты из красногвардейцев. Мы топтались на месте, не было случая к выступлению, и мы ждали. В середине марта юрист скрылся, его искали арестовать. В конце марта ревсовет решил вывезти наличную пшеницу. Наконец случай представился к восстанию. Портовые грузчики, в большинстве члены Союза увечных воинов, категорически отказались грузить. Увещевания ревсовета не помогли. На грузовике был установлен пулемет, и его послали в порт. Пулеметчик был снят первым выстрелом портового рабочего, а грузовиком овладели. Члены Союза и многие другие появились с оружием в руках. Заранее предназначенные лица заняли свои позиции.

Город ожил, к штабу Союза шли толпы всех возрастов: старые и молодые (учащиеся). Мною были организованы из них отдельные отряды в 10—15 человек, даны директивы, назначая занимать определенные посты.

Красногвардейцы разбежались, оставив нам свое оружие. Вышел из своего тайника юрист. Головка ревсовета заперлась в бывшем штабе нашего 46-го пехотного полка. Они пытались ставить нам условия сдачи, но сдаться им пришлось без условий. Потерь с их стороны было человека 4, а со стороны инвалидов — никого. В помещении бывшего Коммерческого клуба было собрание представителей организаций, кои называли себя «Военным штабом», назначив своего начальника. Председателем Союза увечных воинов был старший унтер-офицер Панасенко.

В штаб явился генерал от кавалерии Попович-Липовац²²¹. Вытянувшись, я предложил себя в его распоряжение. «Не ты в моем распоряжении, а я в твоём, мой сын», — ответил старый генерал.

Часам к 9 вечера я получил телефонное сообщение, что к вокзалу подходят два эшелона. Это оказался отряд Мокроусова, и это нас застигло совершенно врасплох. Дело в том, что наше «войско» разошлось по домам, празднуя победу. Мы срочно собирали наших «воинов», но приказ был — в бой не вступать. На совещании мы решили их обезоружить, но обещать им выпустить их в море. В переговорах с Мокроусовым я просил генерала Поповича-Липоваца также принять участие, и мы и матросы искали возможности избавиться друг от друга. Пароход, вместо хлеба, вывез через день матросов в море. Мы организовали 3 батальона милиции, один полуэскадрон, но артиллерии у нас не было. Были дежурные роты, чтобы не застать нас снова врасплох.

Нами были отправлены разведчики в Мариуполь, Мелитополь и на север.

После высылки отряда Мокроусова, дня через три, на рейде Бердянска появились две шаланды с орудиями. К порту направилась лодка с белым флагом. Оказалось — бежавший из Бердянска комиссар-латыш прибыл из Мариуполя с требованием сдачи города и освобождения арестованных комиссаров. Общим собранием Военный штаб ответил отказом. До поздней ночи шли наши споры, переговоры. Казалось, что они ждут чего-то, тянут. На другой день утром начался обстрел. Первый выстрел 6-дюймовки был направлен в штаб, но снаряд разорвался о купол гимназической церкви. Стреляли по городу, но главным образом по порту, где я и был ранен и контужен в голову.

Пытались высадиться, но наши 20 пулеметов и пехота гарантировали нас от возможности высадки. Ближе к берегу не подходили. Оказалось — одно орудие заклинило, и вскоре бомбардировка прекратилась. Потерь наших было много, в порту человек 15. Председатель Союза был найден убитым и искалеченным в порту. Вечная память ему, старому русскому солдату.

Утром на другой день мы никого не нашли на рейде, а наша разведка, которая была нами усилена, получила сообщение, что у Мелитополя есть какой-то отряд, идущий якобы из Румынии по направлению к Дону. По всем станциям к Мелитополю я отправил телеграмму на имя генерала Щербачева²²². В этом направлении мною также были посланы разведчики на автомобиле... Оказался отряд полковника Дроздовского, который получил мою телеграмму, встретил нашу машину, но нам не поверил, боясь ловушки. Пришедшую машину я отправил немедленно обратно к полковнику Дроздовскому, но уже с офицерами 60-го пехотного Замостского полка. Только тогда он поверил нам и обещал прислать помощь.

Наутро, когда ушли шаланды, прибыл автоброневик полковника Дроздовского «Верный» и сам полковник. На другой день им было открыто бюро записи добровольцев и организации защиты, но неожиданно вдруг появились немцы, австрийцы и украинцы... началась кавардасия, все хотели командовать, все тянули оружие, лошадей и т. д. Полковник Дроздовский хотел скорее уйти, не общаться с немцами. Несмотря на энергичное препятствие, все же мы снабдили полковника 20 пулеметами, винтовками, патронами, снарядами в таком количестве, какое мы смогли поднять, также сахаром, обмундированием, бензином, лошадьми и т. п. Мы не торговались с полковником Дроздовским, а спрашивали его, что ему надо, находили и давали его отряду. Дроздовский искал денег, но денег не было.

Мы сдавали деньги в Государственный банк, чтобы впоследствии не было историй. В Государственном банке директор не захотел говорить с полковником Дроздовским и со мной, везде были представители немецкой и украинской власти.

Мы были бессильны. Полковнику Дроздовскому надо было уехать из Бердянска, а не тянуть.

Единственный случай за три года гражданской войны в России — только Бердянский Союз увечных воинов взял на себя ответственность и организацию восстания против большевиков. Оказав помощь отряду полковника Дроздовского, Союз тем самым помог Добрармии в ее критический момент.

В Крыму было много членов Союза увечных воинов, многие повесили листовкам большевиков и остались. Все они были арестованы и расстреляны...

Вечная память им... Те же, которые уехали, рассеяны по белу свету. Я им шлю мой привет.

А. Гефтер²²³

«ЕРЕМЕЕВСКАЯ НОЧЬ»²²⁴

Кронштадт лежал в полутьме, когда пароход из Петербурга причалил к пристани. Как и всегда, он, даже в эти ужасные трагические дни начала большевистской власти, производил неотразимое, жуткое и величественное впечатление. Огромный размах творческой инициативы чувствовался на каждом шагу. И все как в сказочном спящем царстве! Все замерло и, будучи не в силах очнуться от летаргического сна, молчаливо переходило в небытие, умирало без сопротивления.

Мне, сентиментально настроенному в этот вечер, как Евгению в «Медном всаднике», казалось, что за мною следует грозная фигура Петра, только не на коне, а в таком виде, как его изобразил Серов, — на Невской пристани. Он идет без шляпы, с развевающимися волосами, огромными шагами, так что свита едва за ним поспевает, гневно стуча дубинкой в такт своему шагу.

Нервы у меня сильно разыгрались. Да и не мудрено. С «Красной Колокольни» — в стихах, и с прочих газетных столбцов — в прозе, зывали к мщению за смерть Урицкого. Господи, неужели опять будут в Кронштадте лить кровь и мучить людей!

Сейчас же за сквером, где по пути к Военной гавани начинались склады досок и бревен, было совсем темно. Далеко впереди, там, где

стояли корабли, слабой звездочкой светился фонарь. В этом месте было особенно жутко. Я не боялся реальной опасности, я боялся того, что может создать воображение; измученные всем пережитым нервы стали плохо служить. Вдруг выйдет из-за груды бревен огромная костлявая фигура в плаще и треуголке! Спотыкаясь о протянутые с судов на стенку тросы и корабельные канаты, гремя порой по наваленным в беспорядке железным листам, я вскоре был у цели. На темно-сером ночном небе вырисовался высокий и стройный силуэт старого корабля, крейсера «Память Азова». Раньше он ходил и под парусами, и поэтому мачты его, по сравнению с нынешними, были необычайно высоки. Когда покойный Государь был еще Наследником, он совершал на этом корабле кругосветное плавание.

Сейчас «Память Азова» напоминал своим обликом старого родовитого вельможу, впавшего в ужасную нищету. Он был грязен, некрашен, исцарапан во время последнего совершенно невероятного перехода через ледяные поля из Гельсингфорса в Кронштадт. Свет получали с берега, чтобы не тратить угля на освещение, и теперь, вероятно, контакт был прерван, так как на корабле царил абсолютная темнота. Чтобы пробраться на «Азов», надо было спуститься на стоявшего рядом «Сибирского Стрелка», недавно еще блестящего представителя одного из славных дивизионов миноносцев. Он стоял теперь с развороченным льдами носом и снятыми по случаю долговременного ремонта трубами. Его песня, как и «Памяти Азова», была окончательно спета.

Через стоявшую рядом баржу, по наскоро сколоченному из неструганого дерева трапу я поднялся на борт «Памяти Азова», на котором был вахтенным начальником. С верхней палубы хорошо был виден мощный и грациозный в то же время «Андрей Первозванный», на котором было много огней, а подальше — распластанная гигантская масса «Гангута». Пахло сыростью моря, смолой, железом, влажный ветер порой мягко прижимался к щеке, возбуждая сладкую грусть.

Прямо по носу видны были огни «Лесных Ворот», выхода на свободу. Пора бежать! Выработанный план будет приведен в исполнение. Я подошел к борту и посмотрел вниз. Далеко внизу стоял на воде, едва покачиваясь, огромный баркас. Он выдержит какой угодно поход под парусами. О том, куда бежать, — это не представлялось мне особенно важным. Нужно выбраться из этой ада, передохнуть на свободе и приняться за борьбу.

Я подошел к трапу и стал спускаться в крошечную тьму.

Все каюты, выходящие в кают-компанию, были раньше запечатаны, за исключением двух-трех, где жили еще офицеры. Но понемногу в эти каюты стали просачиваться матросы, печати срывались, и малень-

кий уголок, где можно еще было отдохнуть и забыться от матросского ада, зверских голосов, дикой ругани, всей этой вакханалии развалившейся дисциплины, потерял свое значение.

Барон Ф., командир корабля, предложил мне пустовавшую адмиральскую каюту, куда я и перешел, знал, что вообще недолго еще буду оставаться на корабле.

Это было огромное отделение, из большой столовой, кабинет-салона и спальни. Лет 30 назад это помещение занимал Наследник, и каждый предмет в нем говорил о прошлом.

Я ошупью пробрался в столовую, зажег спичку, и с ее помощью нашел аккумуляторный фонарь, прошел с ним в кабинет и, поставив его на стол, принялся шагать по каюте взад и вперед. Из фонаря выходил узкий треугольник света, подобно маленькому прожектору, разделяя темноту на две половины.

В открытый иллюминатор ритмично врывается шепот воды, происходящий от едва заметного покачивания судна.

Да, дела были очень плохи! Кром²²⁵ убит, Локкарт²²⁶ в Москве попался со всей организацией глупейшим образом, а наводнение потопило моторы в Гаванском яхт-клубе. Вся активная и положительная сторона дела сошла на нет, а оставшаяся отрицательная, как, например, — опасность быть арестованным и преданным мучительной смерти с предварительными пытками, — оставалась налицо. В 1918 году война с немцами еще продолжалась, и по инерции русское офицерство чувствовало себя еще *in statu belli*. Ожидался приход немцев в Петербург, который был очень нежелателен для союзников, так как Кронштадт был бы великолепной базой для немцев, не говоря уже о единственном в мире дивизионе 26 000-тонных кораблей — «Гангут», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловск», о миноносцах типа «Новик», о подводных лодках и прочих морских богатствах, которые попали бы в их руки.

В ту пору в Петербурге работала английская организация, связанная с русскими морскими и армейскими офицерами, целью которой было продолжение борьбы с немцами, против большевистской власти. Те, кто работал там, были наивно уверены, что, отдав свои силы, а может быть, и жизнь борьбе союзников против немцев, — в случае победы над ними получают из рук Антанты свою, спасенную из большевистского хаоса, несчастную родину. Много хороших и смелых людей погибло, работая в этих организациях Антанты, а лучший из них, благородный, смелый и образованный Колчак, был подлым образом выдан французом, генералом Жаненом, его убийцам.

Теперь, в момент, к которому относится рассказ, дело обстояло так: Локкарт попался в Москве самым глупым образом. Говорили, что в

этой истории была замешана женщина. (К слову сказать, в России женщины во время борьбы с большевиками играли особенно фатальную роль.) Огромное количество лиц, имевших отношение к Локкарту, было либо арестовано, либо принуждено было скрываться.

По чьему-то доносу большевики узнали, что в британском посольстве есть документы, представлявшие для них интерес. Смелый англичанин, капитан Кромби, во время последнего периода войны командовавший английскими подводными лодками в Балтийском море, защищал вход в посольство на нижней площадке лестницы с маленьким карманным браунингом в руках. В это время хранившиеся на чердаке документы были уничтожены. Большевики ворвались с черного хода, и Кромби был убит винтовочной пулей в затылок.

Смерть Кромби, раскрытие организации Локкарта сделали существование морской организации, по существу, невозможным, а небывалое августовское наводнение, затопившее подведомственные мне моторы, стоявшие в Гаванском яхт-клубе, сводило мою деятельность к нулю.

В самом Кронштадте было два-три верных матроса, которые служили на моторах, и от их настроения зависела моя жизнь. В пьяном виде или в высоком коммунистическом подъеме они могли меня выдать, заслужив, быть может, себе награду.

Делать в Петербурге было больше нечего, нужно было бежать.

Безусловно, кардинальной и общей всех участвовавших в так называемых контрреволюционных организациях ошибкой, была ставка на союзников и вера в их помощь в случае их победы.

Поэтому то, что в Петербурге дело было провалено, казалось, не должно было меня обескураживать, так как я собирался работать за границей, где должны были концентрироваться силы активных работников. Однако на душе у меня не было уверенности в успехе, чувствовалась подавленность, и надежда на будущее было немного.

Но и с другой стороны, со стороны большевиков также не замечалось определенного руководящего плана. Пока они только поднимали железные решетки, за которыми сидели звери, и выпустили их на свободу. И теперь, особенно в Кронштадте, шел кровавый шабаш.

На счет сегодняшней ночи ходили мрачные слухи. Говорили о «Еремеевской ночи» для всех офицеров — месть за смерть Урицкого.

Перебирая матросов «Азова», я не мог найти кого-либо, кто был особенно озлоблен против своего начальства. Был, правда, матрос Ткаченко, которого, за его необыкновенно громкий голос и болтливость, прозвали на корабле Горлопаном. Когда меня команда выбрала председателем дисциплинарного суда на «Памяти Азова» и я предупредил своих избирателей, что буду строг, Горлопан заявил, что он придет на

суда с дубиной. Но это был безвредный человек. Отношения между офицерами и командой были в общем хороши. Был, однако, неприятный инцидент у командира корабля, барона Ф., с помощником комиссара Кронштадта, неким Атласевичем, из-за перископов с английских подводных лодок. После воцарения большевиков подводная кампания английских лодок должна была быть ликвидирована. Лодки были выведены к Грахаре и там были взорваны бароном Ф., который во время войны был флагманским штурманом у англичан-подводников.

Перед взрывом с лодок были сняты ценные предметы, а медные трубы перископов были подарены барону Ф. в личную собственность. Эти трубы в 1918 году представляли собой большую драгоценность, так как медь в то время ценилась уже очень высоко.

К сожалению, продать их представлялось делом абсолютно невозможным, так как тайком вывезти их из Кронштадта никогда бы не удалось, а разрешения большевистские власти не дали бы. Барон Ф. вышел из этого затруднения, подарив трубы флоту, о чем дал знать куда следует.

Через несколько дней на корабль прибыла комиссия для приемки труб, а с ней и Атласевич, неразвитый и грубый человек, державший себя заносчиво и вызывающе.

Барон Ф., притворившись, что он не знает, с кем имеет дело, в нескольких коротких и энергичных морских выражениях указал ему его место. Завязалось дело. Предстоял суд, атмосфера была чрезвычайно сгущена, и барону Ф. было предложено не выезжать из Кронштадта.

Ему также нужно было бежать. В случае же бегства командира должны были бежать все, иначе оставшиеся ответили бы за его бегство. Поэтому было решено бежать барону Ф., лейтенанту С. и мне. Оставшийся прапорщик Яковлев, бывший в дружеских, даже товарищеских отношениях с командой, не был посвящен в дело, а механик, милейший и добрейший человек, некто Минненич, который всех называл «касатиками», и за это сам получил это прозвище, — вышел из матросской среды и был среди команды своим и поэтому ничем не рисковал, оставаясь на корабле после бегства командира.

Тяжело было оставлять Россию и идти навстречу неизвестности, но, с одной стороны, другого выхода не было, а с другой — казалось невероятным, что нынешний хаос останется надолго.

Я долго шагал по каюте. В открытый иллюминатор была видна знакомая вечерняя картина, и понемногу воспоминания стали вытеснять тяжелые мысли. Шум голосов за стенкой прервал поток воспоминаний. Зайдя туда, застал у командира несколько офицеров с соседних кораблей. Все держались сдержанно, но чувствовалось, что есть какая-

то неприятная и большая новость. По кораблям, как выяснилось, ходили агенты Чека и по указанию команды выбирали офицеров, которых уводили на расстрел.

Может быть, сейчас явятся на «Память Азова».

И в командирской каюте не горело электричество, взамен которого стоял аккумуляторный фонарь. Его световой треугольник упирался в большую фотографию «Памяти Азова»; в иллюминатор с серого неба тускло смотрелась звезда

Никто из присутствующих не выражал страха. Сухо констатировали факты, называли цифры. Барон Ф. не терял веселого и бодрого тона, за который его все любили.

«Сегодня опять получили вместо рыбы перья и хвост, — сказал он. — Господи, как бы хотелось покушать хорошенько мяса!» — «Да, у вас кормежка слабая, — отозвался кто-то из угла, — у нас на «Андрее» стол очень сытный».

В это время за комодом что-то пискнуло, и тяжелое мягкое тело провалилось куда-то

«Теперь она не уйдет от нас, — торжествуя заявил барон Ф., — эта проклятая крыса не дает мне покоя!» Была организована охота по всем правилам, с загонщиками и охотниками. Крыса была ранена палашом и искала спасения под диваном. Туда направили свет фонаря и — о чудо! — рядом с обезумевшей от травли крысой под диваном была обнаружена большая банка с Corned beefом. Крысе немедленно была дарована жизнь за оказание существенной услуги в деле добычи провианта, все содержимое банки с Corned beefом было выложено на сковородку, отнесено в камбуз, где и было изжарено на хлопкожаре, а затем с большим вниманием съедено.

Этот инцидент немного развлек публику, но донесшиеся издали выстрелы опять перевели разговор на серьезные темы. Говорили о том, что матросы с «Александра III», отправившиеся на рыбную ловлю, вытащили из воды вместо рыбы гирлянду трупов Соловецких монахов, связанных друг с другом у кистей рук проволокой, о двух баржах заложников, затопленных недалеко от Кронштадта, и — совсем потихоньку — о Колчаке, собиравшем вокруг себя силы.

Чьи-то громкие голоса раздались за стенкой.

Там остановились какие-то люди и совещались.

В каюте наступила тишина. Казалось, что смерть тихонько остановилась у двери и ждет.

Потом голоса смолкли. Очевидно, ушли. Я вышел на верхнюю палубу. На фоне ночной тишины отчетливо были слышны далекие выстрелы. Каждый выстрел уносил жизнь!

Я прислонился к кормовому якорю-верпу и задумался. Недавно, пробуя новый моторный катер, я проходил мимо красавцев кораблей, которых по тайному приказу организации надо было потопить в случае прихода немцев. Об этом знало лишь несколько человек. Как тяжело было бы это сделать, если б пришлось, — и, пожалуй, лучше, что катера потоплены наводнением, а организации лопнули.

Чего добился несчастный студент, Каннегисер, убивший Урицкого? Сколько тысяч жизней по всей России теперь дают ответ за его смерть, а сам он предан утонченной казни. Как найти верный путь к спасению родины? И мало-помалу, тревожная мысль стала просачиваться в мое сознание «Anima servilis», — как определял Петражицкий, которого я слушал в студенческие времена. Класс, неспособный к сопротивлению! Сколько раз приходилось видеть, что сотню арестованных вели три-четыре оборванных мерзавца, не умевших даже держать винтовок, — вели на смерть, и никто не старался уйти от этой смерти, хотя бы из инстинкта самосохранения. Только что крыса, окруженная десятком, для нее — великанов, людей, билась за свою жизнь, героически бросилась на грудь мичману Н., хотя одна нога ее была уже отрублена палашом, а там — бессильные китайцы гонят целое стадо, как баранов на смерть! Сколько раз арестованные отдавали свое оружие, из которого их тут же убивали! А звери, не видя сопротивления, становятся все жесточе и жесточе. «Да, мы не финны, создавшие единственный в мире Schutzkar! Среди нас есть столько сильных и смелых людей, но нет веры друг в друга». Мне не хотелось возвращаться больше в командирскую каюту, и я пошел к себе, где еще не скоро уснул.

Когда утром, вставши пораньше, я поднялся на мостик — я увидел страшное зрелище. Откуда-то возвращалась толпа матросов, несших предметы офицерской одежды и сапоги. Некоторые из них были залиты кровью.

Одежду расстрелянных в минувшую ночь офицеров несли на продажу.

А. Бек, Б. Годлевский²²⁷

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА²²⁸

Сразу после Февральской революции в Нижнем Новгороде оказалось некоторое количество фронтовых офицеров. Часть из них в эти дни находилась в госпиталях или в отпуске, другие приехали домой после организации в их частях солдатских комитетов. В то время много

кадровых офицеров, не будучи выбранными на командные должности комитетчиками, оказались за бортом своей армии, числились в резерве чинов и ждали разрешения конфликта, имевшего большое значение для тогдашней России, между Главнокомандующим генералом Корниловым и Керенским.

В конце августа 1917 года Керенский отдал приказ об отрешении Главнокомандующего генерала Корнилова. За неподчинение этому приказу и военный поход на Петербург Корнилов, Деникин и другие генералы были арестованы в Могилеве и посажены в Быховскую тюрьму. Этим Временное правительство во время войны с немцами вторично нанесло оскорбление офицерству.

Вскоре после октябрьского переворота в Нижний Новгород приехали из Петербурга и из Москвы юнкера разогнанных большевиками военных училищ и школ прапорщиков, а с фронта много штаб- и обер-офицеров.

Поздней осенью 1917 года офицеры из Нижнего в других городах России уезжали на Юг к генералу Корнилову. Но пробраться из Нижнего на Кубань было в то время трудно. Некоторые группы офицеров, чудом избежав в Царицыне ареста и расстрела, возвращались в Нижний.

Чтобы сохранить тайную офицерскую организацию «до нужных дней», офицеры-воспитатели Нижегородского кадетского корпуса организовали в Нижнем завод — мастерскую жестяных изделий. На этот завод принимались только офицеры, юнкера и кадеты старших классов закрытых «военных гимназий». Эти временные рабочие изготавливали из жести чайники, кружки, кастрюли и керосиновые копилки.

С весны 1918 года тайное офицерское вербовочное бюро в Нижнем Новгороде стало направлять «военных специалистов» уже не к Деникину, а в Ярославль, Рыбинск, Владимир, Муром, Калугу и другие города.

В Ярославле в то время находился штаб Северного фронта Красной армии. В этот штаб, его отделы снабжения и артиллерийские склады, в городские управления милиции, поступали на службу направляемые в Ярославль бывшие офицеры и юнкера. Тайными офицерскими организациями ведали кадровые офицеры, частично связанные через савинковский Союз защиты Родины и свободы²²⁹ с союзниками, главным образом французами.

К концу мая 1918 года в тайных офицерских группах насчитывалось более пяти тысяч офицеров, разбросанных в 34 провинциальных городах России.

В марте 1918 года, после заключения большевиками мира с Германией, занятия немцами Киева, Одессы, Харькова, Ростова, переезда советского правительства из Петербурга в Москву, офицерские организации вместе с эсером Б. Савинковым готовят в 23 городах вокруг Москвы восстания. Идея заговорщиков: расстроить транспорт, отрезать центр от продовольственных баз и топлива, свергнуть в Москве и окружающих ее городах большевиков, восстановить русскую армию и совместно с союзниками продолжать войну с Германией до победного конца.

В ночь с 5-го на 6 июля 1918 года во Владимире, Муроме, Рыбинске, Ярославле и некоторых других городах заговорщики приступили к действию. В Москве 6 июля восставшие заняли телефонную станцию и взяли приступом Покровские казармы. После получасового артиллерийского обстрела казарм они были взяты большевиками. В этот же день в Москве был убит германский посол граф Мирбах, приехавший в Москву 24 апреля. Во Владимире, Муроме и Рыбинске восстания были быстро подавлены. Только в Ярославле восставшим удалось полностью захватить центр города и установить в нем свою власть.

Несмотря на большие жертвы среди восставших офицеров и юнкеров, а также и среди городского населения, сильно страдавшего от артиллерийского обстрела города большевиками, в почти полностью горевшем Ярославле восставшие продержались 16 дней — с 6-го по 21 июля. Офицерство и молодежь, будучи отрезанными от всего мира, жертвовали собою в надежде, что союзники из Архангельска придут им на помощь. Но, как потом оказалось, союзники высадились в Архангельске только 2 августа.

Не успел поддержать ярославцев и полковник Муравьев, командовавший войсками на фронте против чехословаков. 10 июля он поднял восстание в Симбирске и потребовал немедленного заключения мира с чехословаками и продолжения военных действий против немцев. Благодаря предательству полковник Муравьев был быстро уничтожен большевиками.

Участники Ярославского восстания так описывают подробно первые дни жестокой борьбы. За полчаса до рассвета с 5-го на 6 июля 105 невооруженных офицеров и юнкеров, во главе с полковником Перхуровым²³⁰, атаковали склады оружия на окраине Ярославля.

Обезоружив караул, охранявший склады, и вооружившись винтовками и револьверами, офицеры разделились на «роты» по 11 человек в каждой. Всех участников этой смелой операции полковник Перхуров здесь же награждал Георгиевскими ленточками. Малочисленные роты сразу заняли почту, городской телеграф и другие советские уч-

реждения в центре города. Забыли только занять банк, оставив большевикам пятьдесят шесть миллионов рублей

Через несколько минут после взятия артиллерийского склада 30 кадет Ярославского корпуса въехали на автопулеметных машинах в город. К полудню, приказом полковника Перхурова, было мобилизовано около 1500 офицеров из различных учреждений штаба Северного фронта. К ним присоединились 600 железнодорожников и около четырехсот матросов Волжской флотилии, защищавших заволжское пространство.

В ту ночь в губернаторском доме происходил съезд полковых комиссаров — около 120 человек. Восставшим легко удалось арестовать комиссаров, посадить на баржу и, отведя ее от берега, поставить на якорь. Арестованных стерег только один часовой. Восставших вначале было мало, и каждый боец был на счету.

Не хватало и оружия. Артиллерия состояла только из двух трехдюймовых орудий. Организованная конная охрана города была безоружна. Одиннадцать всадников, под командной корнета Нуса, составляли кавалерийскую часть у восставших. К этой коннице присоединились все кавказцы, проживавшие тогда в Ярославле. Как писала в то время советская печать, в первый же день восстания на стенах зданий и заборах были наклеены объявления: «Граждане! Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута во имя свободной России! Долой большевиков!» Первый советский Ярославский полк, размещенный в здании кадетского корпуса, с самого начала восстания объявил нейтралитет.

Хоть городская телефонная станция была захвачена восставшими в первый же день, но железнодорожная телефонная связь осталась в руках большевиков и первое время продолжала работать на них. Они запросили помощь из Ростова, Костромы, Рыбинска, Иваново-Вознесенска и Кинешмы. Через день весь город был уже окружен частями Красной армии, только железнодорожный мост через Волгу удерживали восставшие. Части Красной армии состояли главным образом из китайцев, мадьяр, латышей и бывших немецких и австрийских военнопленных.

17 июля, на одиннадцатый день героической защиты города, как выяснилось позже, день зверского убийства Царской Семьи, полковник Перхуров, видя большие потери среди восставших бойцов и населения, потеряв надежду на помощь союзников из Архангельска, сдал командование генералу П.П. Карпову²³¹. Сам же вырвался из города за Волгу, в надежде поднять на восстание ярославских и вологодских крестьян.

Медвежью услугу в Ярославском событии оказали восставшим немецкие и австрийские военнопленные. Зная, что восставшие за продолжение войны с Германией и против Брест-Литовского мира, некоторые из военнопленных с самого начала помогали большевикам организовывать военные отряды в предместьях города. Видимо, из-за этого в первые дни восстания все военнопленные были как бы арестованы и посажены в городской театр. Немецкие офицеры дали слово восставшим, что если их выпустят, то они будут сохранять нейтралитет и даже смогут защитить офицеров от большевиков, приняв их в свои отряды как военнопленных. Когда же их выпустили, они предали восставших и сдали город большевикам.

В «Красной книге ВЧК» позже сообщалось, что председатель Германской комиссии (действовавший на основании Брестского договора) лейтенант Балк приказом за № 4, 21 июля 1918 года, объявил гражданскому населению Ярославля, что ярославский отряд Северной добровольческой армии сдался вышеозначенной Германской комиссии.

Измученные шестнадцатидневной борьбой в горящем городе, идеалистически преданные идеям Великой России и союзникам, чуждые побуждениям личного интереса, обманутые Балком бойцы Ярославского восстания были им выданы большевикам. Около пятисот из выданных были сразу же расстреляны коммунистами. Как сообщает С.П. Мельгунов в своей книге «Красный террор в России», всего за это время было расстреляно 5004 человека.

Советский писатель Николай Чуковский в романе «Ярославль» так описывает план восстания: «Офицерская организация, совершившая переворот в Ярославле, называлась «Союзом защиты Родины и свободы». Большинство членов «Союза» приехало в Ярославль из Москвы. Они привезли с собой готовый план действий. Это был тщательно продуманный и детально разработанный план... Ярославль был избран не случайно, а потому, что он расположен на железной дороге, соединяющей Москву с Вологдой и Архангельском. Летом 1918 года в Вологде находились послы Великобритании и Франции, переехавшие туда из Москвы в знак протеста против заключения Брестского мира... Англия и Франция готовили десант, который должен был высадиться в Архангельске... Захватив Ярославль, заговорщики должны были двинуться вдоль железной дороги на север — к Вологде и Архангельску и на юг — к Москве...»

Как потом стало известно, союзники высадились в Архангельске не в начале июля, а только 2 августа, и ярославцам в течение шестнадцати дней никто не помогал. Из-за этого на двенадцатый день борьбы первоначальная территория, занятая восставшими в первый день, со-

кратилась почти вдвое. Только части, охранявшие левый берег Которосли, не отступили ни на шаг. К этому времени у восставших уже не было ни орудий, ни снарядов. Даже трехлинейки пришлось заменить малокалиберными, потому что не хватало патронов.

Одному из авторов этой заметки на одиннадцатый день восстания было приказано переправиться со своим кавалерийским отрядом на левый берег Волги для связи с матросами, а затем уйти в лес на защиту одного имения, где находился один из Великих Князей. Видимо, это был Михаил Александрович, который, по слухам, до его расстрела в 1918 году, скрывался где-то около Архангельска.

В последний день восстания, 21 июля, только немногим из бойцов-ярославцев удалось переправиться через Волгу, а потом пробраться в Северную, Восточную или Южную добровольческие армии.

Летом 1922 года полковник Перхуров сидел в тюрьме Особого отдела ВЧК в Москве. Там его встретил С.П. Мельгунов. Потом Перхурова перевели в Ярославль и через месяц расстреляли.

Н. Нефедов

ИЮЛЬСКИЕ ВОССТАНИЯ 1918 ГОДА²³²

В Москве восстание было подавлено в течение двух дней. Поднятое на несколько часов раньше, восстание в Ярославле сопровождалось исключительным героизмом и упорством восставших, и было подавлено только на шестнадцатый день непрекращающихся боев на подступах объятого пламенем города.

В отличие от восстания в Москве, восстание в Ярославле, вошедшее в историю Гражданской войны как Офицерское восстание, было организовано не эсерами, а тайной офицерской организацией; а одновременное выступление с эсерами было согласовано Борисом Савинковым.

Тайная офицерская организация к тому времени насчитывала около 5000 офицеров, которые были разбросаны по городам Средней России. Чтобы не подвергать всю организацию опасности в случае провала или предательства пробравшихся в нее чекистских провокаторов, она была разбита на сотни и десятки. Рядовой десятки знал только своих десятников, да и то под чужим именем. Десятники были связаны с начальником сотни, а сотни в свою очередь подчинялись лишь своему непосредственному начальнику, настоящего имени которого они тоже не знали, а только кличку. И так снизу доверху, до самого ядра. Эта цепь не могла распасться или быть

уничтоженной, если даже одно звено — десятка или сотня — выходило из строя.

По создавшемуся после революции политическому положению Ярославль, расположенный на пересечении Волжской водной магистрали с узлом железных дорог, был исключительно важным городом. Здесь был центр советского военного округа; штаб Северного фронта: интендантство, артиллерийские склады. Ярославская пристань являлась крупным перевалочным пунктом для грузов, отправляющихся с Нижнего Поволжья в Петроград и на Северный фронт. Все это и определило намерение офицерской организации захватить город.

С середины июня, из разных мест и разными путями, в Ярославль стали прибывать группы офицеров (около 300), переодетых рабочими и крестьянами. Они должны были стать ядром восставших. Руководителем восстания был назначен полковник Перхуров, а его помощником бывший командир 2-й Латышской бригады полковник Гоппер²³³. Цель восстания была почти та же, что и у эсеров: свергнуть советскую власть, восстановить законность и изгнать германские войска из отданных Лениным под их оккупацию русских территорий.

До конца июня советским властям о готовящемся восстании не было известно, только за неделю находящийся в Ярославле начальник Чрезвычайного военштаба С. Нахимсон пронюхал о заговоре и затребовал от народного комиссара по военным делам срочной посылки в Ярославль надежных воинских частей. Уже 2 июля со станции Бологое был направлен 8-й Вольмарский латышский полк. Однако полк прибыл с запозданием, когда уже Ярославль был захвачен восставшими.

Ночью на 6 июля полковник Перхуров с небольшим офицерским отрядом проник в расположение оружейных складов вблизи станции Всполье и, не встречая сопротивления, их захватил. Тут же к Перхурову присоединилась автопулеметная рота. Другой отряд был послан к дому губернатора, где в эту ночь происходило совещание прибывших с разных мест военных комиссаров. Подойдя незаметно к зданию, отряд ворвался в зал, где совещались комиссары, так внезапно, что они не успели выхватить свои наганы и маузеры и были обезоружены. Позднее их перевели на баржу, стоящую на Волге вблизи Волжской башни, где они пробыли под охраной до конца восстания. Никто из них не был расстрелян; а когда после ликвидации восстания они освободились, то сразу принялись расстреливать попавших в их руки повстанцев.

К утру вокзал, железнодорожный мост, пристань на Волге, телеграфная станция и заводская часть города — Тверицы, были заня-

ты повстанцами. На многих зданиях взвились русские флаги. В городе воцарилось праздничное настроение. Высыпавшие на улицы жители обнимались и поздравляли друг друга с избавлением от большевистского ига. Как на Пасху, зазвонили колокола. Перхуров провозгласил отмену всех законов, изданных советской властью, и упразднение всех советских органов. На стенах домов были расклеены воззвания: «Российские граждане! Советская власть в Ярославской губернии свергнута во имя свободной России. Долой большевиков!» Перхуров также объявил, что его отряд считается частью Северной Добровольческой Русской армии и не признает заключенного большевиками Брест-Литовского мира.

Силы повстанцев быстро увеличивались притоком добровольцев, главным образом студентов, кадетов, гимназистов. Было немало и рабочих. Около 600 железнодорожников примкнули к восставшим. Уже в первый день записалось около 6000 человек. На другой день матросы Волжской флотилии, выбросив своих комиссаров за борт, подняли на своих судах Андреевские флаги и послали к Перхурову делегацию с заявлением, что они примыкают к восставшим.

Однако в первый день восстания, утром, большевикам удалось связаться по телефону с Москвой, Ростовом, Рыбинском и сообщить о захвате города белогвардейцами. В спешном порядке с разных мест были направлены советские войска: 2-й Московский советский полк; два отряда коммунистов под командованием Придатченко и Ануфриева; несколько отрядов венгерских и австрийских интернационалистов; Путиловская артиллерийская батарея. Сюда же подоспел уже находящийся в пути 8-й Вольмарский латышский полк.

7 июля к Ярославлю подошел бронепоезд с морскими дальнобойными орудиями, и вместе с подтянутой артиллерией начал интенсивный обстрел города. От взрывов снарядов и гранат начали лопаться оконные стекла и, как бумага, срывать железные листы с крыш. Повсюду вспыхнули пожары. Уже к вечеру советские войска пошли на приступ города. Командир 8-го латышского полка прапорщик Лаббе дал приказ своим стрелкам проникнуть в город с северной стороны через огороды и сады. Короткими перебежками стрелкам удалось достигнуть жилых домов, но здесь с оглушительным «Ура!» на них бросился в штыки офицерский отряд. После короткой ожесточенной схватки, оставив несколько десятков переколотых стрелков, латыши отступили и залегли в огородах. Смертельно был ранен председатель полкового комитета Петерсонс. Коммунистический отряд под командованием Громова и венгерские интернационалисты двинулись со станции Всполье на штурм городского вала. Их цепи, поддерживаемые

артиллерийским огнем с Леонтьевского кладбища, двигались по Угличской улице к Сенному рынку. Их встретили пулеметным огнем с чердаков и колоколен, и все атаки красных захлебнулись в крови. На следующий день, подтянув резервы — батальон китайских наемников и батальон 1-го Варшавского полка — большевики возобновили атаки, но и они были отбиты. Скоро большевистскому командованию стало ясно, пока у них не будет численного превосходства в несколько раз, своими атаками они только обескровят свои части, но город не возьмут.

13 июля к Ярославлю подошел второй бронепоезд, а 15 июля — третий. 18 июля прибыл 6-й Тукумский латышский стрелковый полк и большой коммунистический отряд под командованием бывшего военнослужащего австрийской армии Д. Куделко. Это значительно усилило осаждающие войска и позволило охватить город огненным кольцом. Только восточная сторона, выходящая на берег Волги, с железнодорожным мостом оставалась свободной. Получив два добавочных бронепоезда, большевики еще яростнее начали обстреливать город, не считаясь с тем, куда летят снаряды. Запылали Губернская, Городская терапевтическая и детская больницы. Кварталы Угличской, Большой и Малой Даниловской, Владимировской и Никитинской улиц представляли собой сплошное пожарище — над древним городом повисла гигантская дымовая завеса, не пропускающая лучи солнца.

Поднимая восстание, Перхуров надеялся на помощь находящихся на севере белых отрядов и англичан. Еще в середине июня ему удалось наладить связь с Мурманском, где высадился английский десант. Из образовавшегося в Мурманске Верховного Управления Северной области сообщалось, что не сегодня завтра в Архангельск войдет английская эскадра и высадит десантные войска для борьбы с большевиками. Однако расчет на английскую помощь был не обоснован: во-первых, английские корабли вошли в Архангельск только 2 августа; во-вторых, десант был весьма малочисленным, чтобы вести военные действия в широком масштабе; в третьих, главным заданием десанта была не так борьба с большевиками, как захват английских грузов, которые прибыли в Архангельск еще до революции, и британское правительство опасалось, что эти военные грузы через советчиков попадут в руки немцев.

Отсутствие какой-либо помощи извне не смутило повстанцев, и бои не прекращались ни на один день, только затихая к ночи, чтобы с рассветом возобновиться с новой силой. Патроны и пищу подносили женщины и подростки. Они помогали чем могли: набивали патроны в пулеметные ленты, подбирали под огнем раненых и уносили их на

перевязочный пункт. Но с каждым днем все больше и больше редели ряды защитников города.

На исходе второй недели восстания советским войскам удалось прорвать оборону, бои перекинулись к центру города, и велась на улицах и парках. Особенно ожесточенные бои разыгрались за район предместья Твериц. Несколько раз стрелки 6-го латышского полка и батальон китайских наемников пытались выбить укрепившихся белогвардейцев, но каждый раз, неся большие потери, вынуждены были отступать. Только после кровопролитного боя 19 июля, во время которого пали почти все защитники, Тверицы были заняты советскими войсками.

В штабе восставших все еще лихорадочно ждали вестей, что на помощь идут русские и английские отряды — никто на помощь не шел. Наконец, видя невозможность продолжать дальнейшее сопротивление, генерал Карпов, которому Перхуров передал командование, поверил провокационному предложению немецкого лейтенанта Балка. Балк прибыл в Ярославль еще до начала восстания с Германской военной комиссией, которую он возглавлял, для взятия на свое попечение около 1000 германских военнопленных, находящихся в Ярославле. Согласно Брестскому мирному договору, германские военнопленные освобождались от плена и переходили на положение дружеских военных частей, временно находящихся на территории России до своей эвакуации на родину — в Германию. Они получали статус неприкосновенности и подчинялись только своей Военной комиссии, которая в свою очередь подчинялась германскому посланнику в Москве, графу Мирбаху. Предложение Балка заключалось в том, чтобы повстанцы, как вооруженная часть русской армии, не признающая Брест-Литовского мира и продолжающая считать себя союзниками Англии и Франции и, следовательно, находящаяся в состоянии войны с Германией, сдались бы в плен Германской военной комиссии. Таким образом, повстанцы обретали статус военнопленных, находящихся под стражей немецких солдат. Балк гарантировал им неприкосновенность и обещал не выдавать их советским властям.

Эта замысловатая комбинация, как и следовало ожидать, закончилась трагически. Узнав, что часть повстанцев перешла на положение «военнопленных», советское командование повело генеральное наступление. Однако часть повстанцев, не поверившая Балку, оказала красным самое ожесточенное сопротивление и не позволила им ворваться в центр города. Оперативная сводка, переданная в Москву Военно-революционным комитетом Ярославской губернии, характеризовала итог боя следующим образом: «Наступление 20 июля, подготовленное

огнем тяжелой артиллерии, вследствие усталости наших частей не привело к занятию всего города, но отдало в наши руки все главные подступы».

Ночью на 21 июля небольшой части повстанцев удалось прорваться через Романовскую заставу и разойтись по деревням, где их скрывали крестьяне, чтобы позднее, переодевшись в крестьянское платье, пробраться на Урал и продолжать борьбу с большевиками.

21 июля, не встречая сопротивления, красные полки заняли весь город. Дымящиеся и заваленные горами кирпича, битого стекла, исковерканного железа с крыш, улицы были покрыты трупами и стонущими ранеными, которых тут же приканчивали штыками красные янычары. Интернационалисты и стрелки врываются в уцелевшие от пожара дома; гонялись по дворам и садам за скрывающимися, хватали их, куда-то уводили. Сдавшиеся в плен лейтенанту Балку повстанцы были выданы большевикам в первый же день. Об их судьбе откровенно и цинично сообщила позднее «Красная книга ВЧК» (1-й выпуск). «Председатель Германской комиссии лейтенант Балк приказом за № 4, 21 июля 1918 года, объявил гражданскому населению г. Ярославля, что Ярославский отряд Северной добровольческой армии сдался вышеозначенной Германской комиссии. Сдавшиеся были выданы большевистской власти и в первую очередь 428 из них были расстреляны». Это только в первый день, а о дальнейших расстрелах в Ярославле и его окрестностях сообщает обстоятельно историк и публицист Мельгунов в своей книге «Красный террор»: «По моей картотеке насчиталось за это время в тех же территориальных пределах 5004 карточки расстрелянных. Мои данные, как я говорил, случайные и неполные, это преимущественно то, что опубликовывалось в газетах, и только в газетах, которые я мог достать».

Нужно считать, что по приказу Ленина всего было расстреляно не меньше 6000 человек, и не только повстанцев, но и их родственников, в том числе и женщин.

Побежденный Ярославль представлял жуткое зрелище. На протяжении целых кварталов вместо домов на горах развалин возвышались лишь почерневшие трубы. Из 7618 жилых строений от советских снарядов сгорело до основания 2147 и почти столько же имели повреждения от разрывов. Сгорели табачная и спичечная фабрики, четыре войлочных завода, завод свинцовых белил, лесопильный и механический заводы, три больницы и многие городские здания. От здания Демидовского лицея, с его богатейшей библиотекой, осталась груда обгорелых кирпичей. Совершенно без крова осталось около 30 тысяч жителей.

Знаменательно, что исход сражения, как в Москве и в Казани, был решен чужими интернациональными силами. Это признается и советчиками. Советский публицист Л. Генкин в своей книге «Ярославские рабочие в годы гражданской войны» между прочим отмечает: «В разгроме мятежников участвовали интернациональные отряды и подразделения, в составе которых находились чехи, словаки, венгры, поляки, китайцы и другие интернациональные революционеры».

А в брошюре «Солдаты революции», изданной Музеем Революции в Риге (1970), сказано не менее откровенно: «Латышские красные стрелки были решающей военной силой в подавлении левозэсеровского мятежа в Москве и белогвардейского мятежа в Ярославле. Они участвовали в разоблачении и ликвидации заговора Локкарта. За мужество и отвагу, проявленные в боях за Казань, 5-й латышский стрелковый полк был первым в Красной армии награжден почетным знаменем ВЦИК».

Участие на стороне красных в Гражданской войне многочисленных иностранцев советчики любят подчеркивать, как доказательство интернациональной коммунистической солидарности. Все это так. Однако они забывают, что борьба за советскую власть иностранцев, не только показывает интернациональную солидарность, но и антинародность советской власти. Сам русский народ эту власть защищать не хотел, а своих русских коммунистов не хватило, раз пришлось прибегнуть к помощи чужих.

Но нужно отметить и то, что в Ярославском восстании приняла участие и группа латышских контрреволюционных офицеров (около 30), и, как упомянуто выше, главным помощником Перхурова был латыш, кавалер ордена Святого Георгия полковник Гоппер. Волею судеб большинство латышских офицеров погибло от пуль и штыков своих бывших подчиненных стрелков.

Полковнику Гопперу, как и Перхурову, удалось пробраться на Урал и присоединиться к адмиралу Колчаку, который произвел его в генералы и назначил начальником дивизии.

О восстаниях в Москве и Ярославле на Западе почти ничего не известно, что объясняется тенденцией не уделять никакого внимания антисоветским вооруженным выступлениям и, таким образом, сохранить созданную антирусскими враждебными силами теорию, согласно которой русский народ принял коммунистический режим добровольно... без сопротивления. Но восстания в Москве и Ярославле — важные события, ибо при сложившихся иначе обстоятельствах они могли иметь другой исход, который направил бы историю России — и не только России — совсем по иному пути...

ЕЩЕ О ЯРОСЛАВСКОМ ВОССТАНИИ²³⁴

В № 334 настоящего журнала за сентябрь с. г. был напечатан отчет С.В. Симоновича о состоявшемся в Доме отдыха русских воинов в Ницце докладе полковника А.Р. Милевского²³⁵, посвященном Ярославскому восстанию. В связи с некоторыми попавшими в него неточностями позволяю себе сказать следующее.

Восстание в Ярославле началось, как известно, в ночь на 5 июля 1918 года и было ликвидировано 23-го того же июля, то есть продолжалось 18 дней, а не несколько недель, как это сказано в отчете. Нужно думать, что ссыла на то, что выступление предполагалось начать весной 1918 года, относится к разряду опечаток и что напечатано должно было быть осенью 1918 года.

Далее в статье-отчете говорится: «По плану восстания, предполагалось создать стройную организацию, имея главные силы в Ярославле и резервы в провинции, связанные с армиями адм. Колчака и ген. Юденича, наступавшими успешно, вызвать одновременные восстания также, как в Ярославле, и в других больших городах — Казани, Рыбинске и даже Москве». Такого плана существовать просто не могло, ибо, как читатель увидит ниже, ни во время подготовки восстания, ни в момент его осуществления — армий ни адмирала Колчака, ни генерала Юденича еще не существовало вовсе.

Одновременно с Ярославским были подняты восстания на том же Архангельском направлении в Ростове Ярославском и Рыбинске, а также на Казанском направлении в Арзамасе и Муроме, но они были очень быстро подавлены, в частности в Муроме, где находился Высший Военный Совет Красной армии в то время, о чем в отчете почему-то не сказано ни слова (восставшие продержались лишь сутки).

Восстание в Ярославле было поднято белыми офицерами, непосредственно его возглавлял полковник Александр Перхуров, руководителем же восстаниями в тех районах был Савинков. Начать восстание пришлось, как это указано в отчете, ранее предположенного срока. В течение 4 июля принимавшим участие в конспиративной организации приказано было собраться к 12 часам ночи на 5 июля на Леонтьевском кладбище, расположенном по Угличскому тракту. Оповестительным паролем были слова «Родина и свобода», причем в связи со спешностью распоряжения передавалось оно также при встрече на улицах. Примерно в полуверсте от кладбища находились бараки для военнопленных, обнесенные проволокой. В то время там находился

склад оружия, свозимого с фронта и приводимого в порядок. Неподалеку от склада был полустанок Всполье, на котором и выгрузились прибывшие, как это указано в отчете, латыши, причем этот полустанок находился на той же стороне Волги, как и город.

На кладбище к назначенному сроку успело собраться лишь 105 человек, которые и напали с нескольких сторон на красноармейцев, охранявших склад, овладели им и начали разбирать оружие. На рассвете к этому месту подошли захваченные иной группой восставших в городе два броневых автомобиля, в то время как удалось к этому моменту овладеть лишь двумя орудиями.

Из города были высланы 30 вооруженных милиционеров с целью выяснить, что происходит на складе, т. к. телефонная связь была прервана, но они, увидев себя окруженными, сразу же без сопротивления присоединились к восставшим. В городе был захвачен губернаторский дом, в котором помещались исполком и чрезвычайка; на своих городских квартирах были захвачены председатель исполкома Закгейм и комиссар Нахимсон — бывший издатель «Окопной Правды», вытащены на Рождественскую улицу и расстреляны. Распространяясь в городе, восставшие обосновали свой штаб на Спасской площади в городской чертежной у монастыря. К вечеру 5 июля было роздано до 7000 винтовок, чем примерно определяется число участников восстания в первые сутки. Все же дамбу у реки Которосли взять не удалось, латыши же вечером того же 5 июля заняли склады, с которых и началось восстание, и отрезали, таким образом, восставших от пополнения оружием.

Так рисуется начало восстания в передаче одного из непосредственных его участников, в данное время проживающего в Берне. Это Виктор Александрович Даватц²³⁶, племянник профессора Владимира Христиановича Даватца²³⁷. Отец В.А. был адъютантом 181-го Остроленского полка, стоявшего в Ярославле, он вышел на войну в 1914 года командиром батальона того же полка и командовал позже в чине полковника 184-м Варшавским пехотным полком той же 46-й дивизии. Вернувшись с фронта к семье в Ярославль, полковник Даватц стал заведующим военным складом, в котором собиралось и приводилось, как было уже сказано, в порядок оружие; сын его, в то время кадет 7-го класса Ярославского корпуса, поступил на этот склад в качестве рабочего и вошел в конспиративную организацию.

О дальнейшей судьбе полковника Александра Перхурова имелись, по словам В.А. Даватца, следующие данные. После разгрома восстания В.А. удалось спастись, и он вместе с поручиком Гурьяновым, после целого ряда затруднений и длительного пути по ночам на лодке по

Волге, со спаньем днем в камышах, пробрался к Казани, которая была занята Народной армией, и был задержан недалеко от нее противобольшевистским разездом. Для проверки его и поручика Гурьянова показаний их в совершенно обтрепанном и заросшем виде направили в штаб армии к полковнику Перхурову, на которого они ссылались и который в то время находился там уже. В.А. Даватц был зачислен в батарею после этого к полковнику Михаилу Перхурову, брату возглавителя Ярославского восстания.

Позже В.А. Даватц для завершения среднего образования был отправлен в Омск в кадетский корпус; в Омске В.А. встречался с артиллерийским полковником Сергеем Перхуровым, вторым братом полковника Александра Перхурова, который, как слышал В.А., командовал позже дивизией в армии адмирала Колчака. Таким образом, все три брата Перхуровы находились в поотивобольшевистских рядах во время вооруженной борьбы с красной властью в России. Позже после ликвидации Восточного фронта полковника Александр Перхуров продолжал и дальше оказывать большевикам сопротивление во главе отдельного отряда, но был разбит, захвачен большевиками и привезен в Ярославль.

Там, по свидетельству Ф.П.Ф. — швейцарца, проживающего в данное время в Берне, а в то время находившегося в Ярославле, — полковника Перхурова судили и, после его отказа перейти на службу к советской власти, расстреляли.

Приведенные мною данные, основанные на показаниях двух швейцарцев (В.А. Даватц, так же как и погибший профессор В.Х. Даватц, швейцарского происхождения и, вернувшись на родину, восстановил свое гражданство) не согласуются как с содержанием отчета о докладе полковника А.Р. Милевского, так и с поправкой полковника Томсена, приведенной в № 335 «Часового».

Д. Сидоров²³⁸

В БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ²³⁹

Представьте себе огромную железную клетку, наполненную мышами, ленивыми и сонными, которые ждут терпеливо и довольно спокойно, когда просунутся в клетку корявые пальцы и выбросят их наружу, откуда доносится спокойное мяуканье кошки, — и вы получите довольно точное изображение того оригинального учреждения, в котором я пробыл около восьмидесяти дней, — с той незначительной

разницей, что вместо мышей здесь были люди с мученическими, но покойными глазами, обреченные на более изощренную, хотя и скорую отправку на тот свет.

Называлось это учреждение Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и пр. и пр.

Большинство заключенных клетки составляли так называемые «контрреволюционеры». В числе отъявленных «контрреволюционеров» находился и я, Дмитрий Алексеевич Сидоров, злосчастный российский подпоручик, 23-летний юноша, с еще неустановившимся мировоззрением, но с одним горячим желанием — спасти бездарную, заплеванную Россию. Все преступление подпоручика заключалось в найденной при обыске у профессора Иловайского²⁴⁰, 80-летнего старца, его визитной карточки, и в участии в Корниловской Московской «Военной лиге». Со мной разделяли компанию профессор Алексей Иванович Соболевский, старик Нейдгардт и приват-доцент Назаревский. Все мы сидели покорно на нарах. Розовенький старичок профессор рассказывал, как арестовали его друга профессора Дмитрия Ивановича Иловайского.

«Приезжают, конечно, матросы.

— Ты профессор Иловайский?

Профессор встает: худенькая фигура, сам лысый.

Матросы улыбаются:

— Сколько лет?

— Восемьдесят.

— Давай вина! Телефон есть? Мы арестовать профессора не можем, он очень жидкий, не довезем.

Разыскав вино, власти удаляются. Профессор стал читать, я спать. И снова стук в дверь. Входят люди, перепоясанные пулеметными лентами. «Вставай!» Оказывается, матросы за неисполнение приказа уже арестованы сами. Теперь приехали латыши. Этим все равно. Латыши нас арестовали и привели в камеру, когда тусклый рассвет уже начинал бросать слабые солнечные лучи на решетки. Рядом с нами на нарах раздавался женский хохот, стояла ругань: здесь же в камере оказались бандиты знаменитой шайки Адамского, проститутки, сутенеры, здесь же был человек-вампир, несомненно ненормальный субъект, убивший трех женщин и перекусивший им потом глотки, взломщик Зезюка... У окна сонные, равнодушные, с розовыми лицами — латыши.

Режим царил суровый. В дверях был поставлен пулемет, предупредительно направленный на нас. Латыши были всюду. Они не отставали от нас даже в туалете.

— Думал ли я, — говорил, улыбаясь, приват-доцент Назаревский, — что доживу до такого почета, когда даже до известного места меня будут сопровождать два красногвардейца?»

Революционное правосудие совершалось очень медленно. Я думаю, что виною этой медлительности была, пожалуй, не техническая неподготовленность чрезвычайки, а совсем другое. Здесь, за столами следователей рядом с полуграмотным Петерсом, у которого на папках красовались надписи «входящие» и «выходящие», сидели интеллигенты Роттенберг (окончивший университет рижский еврей), Кикодзе (бывший офицер, студент), Гальперштейн (студент), Вергилесов (бывший ночной выпускающий газету) и др. — все неглупые люди. Так что медленность эта (многих держали без допроса 3—5 месяцев) была только плодом той дьявольски утонченной системы свирепой жестокости, творцом которой был сам председатель Чрезвычайной комиссии Дзержинский, человек исключительно зверской, трусливой души.

— Не торопитесь, не торопитесь, — говорил он при мне следователям, — может, всплывут еще какие-нибудь маленькие подробности.

Человека запирали, как кролика на убой, в Чрезвычайку или Бутырку, а около плачущей жены, матери и сестры уже вьюном вились всякие «гороховые пальто».

Сам Дзержинский был молчалив и несловоохотлив. Высокий, худой, с серыми бегающими глазами мышинного цвета. Отвечал односложно и кратко. На вопрос Щегловитого²⁴¹, за что его будут судить, он отвечал: «За то, что вы были царским министром». Правому эсеру Дистлеру на такой же вопрос он бросил: «Достаточно уж одного того, что вы социалист-революционер», — и обоим подписал смертные приговоры.

Подписывал он их десятки в день, между стаканами чаю, всегда угрюмо хмурясь, сопя носом и озираясь по сторонам испуганными глазами. Говорили многие, что он был сумасшедший. Не знаю, верно ли это, но, во всяком случае, был он садистом, трусом, самой заурядной личностью, озлобленной от десятилетнего «сидения» за решеткой при Николае II. Сперва был он приговорен к бессрочной каторге, но потом «выслужился» доносами, как передавал сидевший с ним максималист Камышев, и срок ему был сокращен до 10 лет.

Важнейших «преступников» он допрашивал лично. Подпоручика Романовича, находящегося сейчас в Сибирском стрелковом батальоне Южной армии, он допрашивал так: водил заряженным маузером около головы, стрелял из пулемета мимо него...

Особенным зверством, кроме Дзержинского, отличался следователь Роттенберг, сделавший бритвой три надреза на груди Романовича: ре-

зал бритвой и капал одеколон. Увы, это был не единичный пример пытки безоружного человека. «Недурен» был заведующий 2-м контрреволюционным отделом Лауис: в подтяжках поверх голубой рубахи, задравши ноги к потолку, он лежал на кровати. Приходили просительницы, большей частью дамы или старики, ибо мужчине ходить сюда опасно: княгини Гагарины, Оболенские, баронессы...

— Расстрелян, — холодно говорил он, ничего не слушая.

— Да нет же, я видела его сейчас, — рыдала женщина.

— Ну будет расстрелян...

Этот же Лауис поместил в «Известиях Совета рабочих депутатов» свою статью «Законы гражданской войны», в которой доказывал, что раненых нужно добивать, ибо «таковы законы не империалистической войны». Я знал хорошо, что представляли собой Лауис, Дзержинский и Роттенберг, и пощады не ждал. Доцента Назаревского уже допросили. Удостоился и я такой чести.

— Вы Сидоров?

— Да.

— Бывший офицер?

— Да.

Следователь Кикодзе сделал официальное холодное лицо. (Было Кикодзе лет девятнадцать и, видимо, работа следователя ужасно его занимала.)

— Вы скрываете от рабоче-крестьянской власти организацию контрреволюционного заговора?

— Ей-богу же нет.

Смотрел я в окно и думал, что все уже решено — достаточно того, что я бывший офицер, вполне достаточно для их «революционных величеств». Откуда-то из коридора доносился хриплый голос Дзержинского: «Расстрелять! Расстрелять! Чтоб спокойно можно было ложиться спать».

Но меня не расстреляли (сразу, по крайней мере).

— В тюрьму, — лаконически приказал «товарищ» следователь. И вот я сижу в Бутырской тюрьме. Против нашей камеры одиночный корпус. Сквозь железные решетки желтые лица... Хвостов²⁴², Щегловитов, Иловайский, Соболевский, Белецкий²⁴³, студенты, священники, офицеры и опять офицеры. Все больные лица. Князь Гагарин с сыном, фон Мекк, Кологривов... Вот где ты, русская аристократия! В нашей камере интереснейший «преступник». Это некий Ермоленко, тот самый знаменитый офицер Дмитрий Спиридонович Ермоленко, который был в немецком плену, был принят немцами за «украинского» деятеля германской формации, тоже Дмитрия Ермоленко, и в качестве тако-

вого допущенный в «святое святых» германского штаба, а затем ловко улизнувший, приехавший в Петроград и рассказавший о кое-каких списках в «делах» германского Генерального штаба, где фигурировала, кроме фамилии Ермоленко, еще другая, более громкая, фамилия человека, о котором говорили как о честнейшем и убежденнейшем вожде рабочего класса.

Допрашивать Ермоленко приехал не кто иной, как сам комиссар юстиции — Стучка. Нашумел, накричал, пригрозил «к стенке» и уехал, жестоко разнося начальника тюрьмы Отто Воловского за то, что он посадил арестанта, способного скомпрометировать «вершину» советской власти, в общую камеру. Немедленно же Дмитрия Спиридоновича бросили в «одиночку».

Я уже приготовил чистую рубашку, как неожиданно получил в посылке записку, радостно взволновавшую меня. Дело в том что у меня была кое-какая «протекция». У члена ЦИК доктора Семашко был секретарь, мой гимназический товарищ, некто Щепотьев. В ЦИК заседал мой бывший курсовой офицер подпоручик Александровского училища Владимирский (личность темная и карьерист первостепеннейший), между прочим, 1 марта кричавший: «В присяге есть святыя слова и вычеркнуть их нельзя», а затем, конечно, ловко перекочевавший туда, где и платят и кормят, сперва записавшись в эсеры, затем при расколе партии в октябре — в левые эсеры, затем, после мятежа левых эсеров, — конечно в коммунисты.

Кроме того, имелся еще Бердников, левый эсер, — ни более ни менее как член Верховного революционного трибунала, с которым я познакомился в эпоху моего увлечения идеей левозерства и сопротивления немцам. Все эти четверо стали хлопотать о моей шкуре. В результате щелкнул замок: «Вы свободны». Я помню тупое, недоумевающее лицо стража. «Свободны...» Помню дом, слезы матери, ее рассказы о тех унижениях, которые она перенесла в передних «передовых людей» революции, помню спокойно-радостную улыбку отца. «Смотрю на Митю и не верю, что это он», — говорил отец растроганным голосом.

Вечером я побежал благодарить товарища Бердникова. Член трибунала принял меня милостиво на лестнице. Его иудейская физиономия была непроницаемо горда.

— Товарищ Лауис был немного пьян, — сказал он, выразительно щелкнув по воротнику, — поэтому и удалось так скоро. Ну, теперь вы в безопасности. Прощайте!

Аудиенция кончилась. Я ушел счастливый и дома заснул радостным сном. Сквозь слезы счастья я думал: «А завтра уеду». И мне снился Ти-

хий Дон и кучка бесстрашных, оскорбленных, героических людей — простых борцов за Россию.

Проснулся ли я или это был кошмар, тяжелый и мучительный? В лицо мне смотрели узкие дула винтовок, а посреди комнаты стоял, паясничая и паясничая, с револьвером в руке филер Чрезвычайной комиссии латыш Буйкинс. «Одевайтесь!»

Боже, с каким трудом я надевал в этот вечер (было 11 часов вечера) свои сапоги.

— Вы арестованы!

— Знаю, знаю.

Скорее натянул шинель, скорее вон из дома. На улице уже ждал черный автомобиль. Скорее! Скорее! Рванулась, дернула машина. Плавно покатила. Прощай дом, прощай сад. Кто-то махал в окне платком. Кто-то рыдал. Боже мой, мама, мама...

Через десять минут я снова оказался в унылых застенках Чрезвычайки. Из загородки одиночек (перед огромной общей залой были маленькие клетушки одиночек) глянули на меня чьи-то мученические глаза.

Чрезвычайка набита битком. На полу лежит и умирает офицер Череп-Спиридович (у него тиф). Двух его братьев расстреляли, а около него, умирающего, уже крутится юркий «человечек» Чрезвычайки, Ян Кальнин.

«Смотрите сюда! — истерически кричит офицер в полубреду. — Смотрите, как умирают русские офицеры. Они красиво умирают. Это их специальность».

Я сажусь на нары. Тихо кругом. Только бред офицера. Замечаю у окна высокую фигуру священника. Тихо здороваемся. Вдруг в камеру входит человек с саблей, нелепо болтающейся у ног, — высокий восемнадцатилетний мальчик, Буйкинс — один из ленинской опричнины. Нараспев хрипло выкрикивает фамилии. Все знают, куда он их зовет. У окна, прижавшись друг к другу лбами, смотря воспаленными внимательными глазами, серьезно совещаются о чем-то два брата Фриде, англичане (участники знаменитого заговора Локкарта)²⁴⁴. Я знал, о чем говорят они, эти бледные, серьезные, с посерелыми лицами братья. Один из них был присужден к смертной казни.

— Я пойду за тебя!

— Нет!..

Тут же ходила между сонными мужчинами и детьми девочка лет двенадцати. «Вы зачем здесь?» И она ответила тихо и просто: «Мой папа полковник...» И всегда, шагала ли я окруженный вооруженными людьми, или стоял в почтительной позе «арестанта», я всегда видел перед собой эти недетские широкие глаза и слышал голос этого звер-

ски замученного ребенка (ее расстреляли вместе с матерью, как заложницу). Звали ее Манюсей...

Снова, снова стены тюрьмы — высокие, желтые, а за решетками такие же желтые, как стены, человеческие лица. Я снова в плену, в плену у «обезьян». Снова хлопают тяжелые двери, еле ворочаются ржавые ключи в громадных замках. От всего веет ужасом, кровью. Начался кровавый террор. За железным переплетом решеток вижу четкий, строгий профиль Щегловитого, иссиня-желтое лицо Хвостова. Это уже не простые люди, нет, это мученики, и такими должны их запомнить Россия. Их морили голодом.

Над тюрьмой сгустились тучи. Кровавые пальцы товарища Лациса тянулись к ней. И вот в атмосфере, насыщенной невероятной злобой, тупостью и строгими рассуждениями публицистов Лациса и Троцкого, вспыхнуло то бессмысленное, дикое, но страстно протестующее движение, которое называли «бунтом левых эсеров». Об истинной подкладке этого фарса, долженствующего выразить глубокую трагедию, знает мало кто. Я не буду описывать, почему Мария Александровна Спиридонова, старая революционерка, та, которая в ноябре 1917 года сказала: «Революция не должна делаться в перчатках» — и тем санкционировала потоки крови, пролившейся за пресловутое зверское «углубление», Саблин и Карелин очутились по одну сторону баррикады, а Троцкий, Дзержинский, Ленин — по другую. Могу я сказать только одно: в планах этого «мятежа» лежало много грандиозного и был установлен контакт некоторых левых эсеров с организацией «Спасение России», о чем не знали ни Спиридонова, ни Карелин, ни Саблин. И провалился этот заговор из-за того же, из-за чего погибли даром сотни горячих и благородных голов в октябре 1917 года — из-за преступного выжидания, из-за нерешительности и дряблости «верхов». Только тогда погубили дело Рябцев и Руднев, а теперь — другие.

Не буду я также описывать, как прошел мятеж в Бутырской тюрьме, ибо приближаюсь здесь к тому событию, когда самые чернила кажутся мне кровавыми, а вместо пера в руках хочется держать меч, разящий невероятную злобу людей. Скажу одно: после бунта в тюрьме все мы очутились на «карцерном положении». Это означало полфунта хлеба в день плюс кипяток. Матрасы (верхние тонкие подстилки) были отобраны. Все сношения с внешним миром прекратились. Мы были во тьме, голодные, но странно спокойные. За стеной гудки автомобилей. Вывозили по шесть, по пять, по два. Из нашей камеры первым вывезли штабс-ротмистра Ивана Георгиевича Душака. Его расстреляли вместе с престарелым генералом Поповым²⁴⁵, привезенным из Казани. Больно было после читать гнусные, оплевывающие замученных уже «врагов»

строки «Известий»: «сын жандарма», «натасканный враг народа», «кроважидный буржуйский сынок». О жандармском полковнике Пальцевиче было напечатано: «Выдрессированный слуга старого режима», — все это дышало тупой беспредельной злобой. Чахоточный Дзержинский, наверное, в эти дни, низко склоняясь над стаканом чая, с вздрагивавшими коленями, дрожа, подписывал бесчисленные «постановления ВЧК». Затем на машинках розовые девичьи пальцы выстукивали страшные слова. И так продолжалось изо дня в день. И начальник тюрьмы Отто Волковский, упорно носящий на груди университетский знак, говорил с полуулыбкой, что тюрьма начинает убавляться. И не было человека, не было рта, который бы мог крикнуть: «Довольно!»

А следователь Кикодзе утешал меня тем, что каждый раз мимоходом сообщал все новые и новые мои преступления против законов Свободной Российской Федеративной республики. Между прочим, по его словам, видную роль в моем обвинении сыграл подписанный мною уже в тюрьме протест против смертной казни адмирала. Я же лежал целыми днями и ждал. Наконец раскрылась дверь...

— Сидоров?

Латышские глаза засмеялись вполне искренне, когда я спросил: «Куда?»

Запомнились мне почему-то эти латышские глаза: голубоватые и спокойные. Я вышел. На улице уже ждал грузовик. Тут же стояло три человека. И взвод латышей из Чрезвычайки. Трое эти были: Хвостов, Щеголовитов, Белецкий. Я отдал честь, они молча приподняли шляпы. Так же молча мы стиснули друг другу руки крепким мужским пожатием.

А все-таки меня опять привезли в Чрезвычайную комиссию. Не знаю, зачем так долго, так медлительно готовились к тому, чтобы убить безоружного человека. Я снова сидел на грязных, желтых нарах. Снова что-то кричали латыши. Тупая злоба, бессильная и слепая, терзала меня... Больно было...

И только что-то похожее на пробуждение мысли охватило меня, когда вошел Роттенберг с хлыстом в руке (между прочим, все товарищи-следователи носили при себе эту эмблему власти) и сказал, не смотря в глаза: «А этого в Революционный трибунал!.. Этого и эту!» — и рукой указал на сестру милосердия. Она встала: «Если вы хотите меня убить, то убивайте меня сейчас же, а я никуда не пойду!»

— Заложница номер 44 и белогвардейцы Сидоров, Гюнтер, Доброславский, Мокиевский!.. — И еще была названа какая-то фамилия.

Мы пятеро встали. Сестра осталась. (Все равно и ее уведут силой.) Гюнтер был белокурый, с добрыми глазами офицером с университет-

ским знаком на груди. Доброславский — типичный кавалерист, с красивым фатоватым лицом, а Мокиевский и другой, фамилию которого я позабыл, были гимназистами гимназии Медведникова и было им по 15 лет. (Да будет стыдно вам, советские власти!)

Я помню, что мне не хотелось надевать шинель (все равно достанется палачам), и я в одной тужурке вышел и сел на доску, которая лежала поперек грузовика. Доброславский напевал «Макарони» и бесечно смотрел в темноту красивыми карими глазами. Гюнтера взяли в отдельный автомобиль. Поехали быстро. Выехали за город. Последний остаток сомнений исчез. Ясно.

— К высокой белой стене. Не прощаться! — кричит, задыхаясь, латыш.

Молча отдаем друг другу честь, целуемся. Тот же хриплый голос латыша произнес кратко:

— Товарищи, пли!

И сразу завизжали пули.

Упали все, и около ротмистра, чьи горячие губы я целовал несколько секунд назад, я увидел уже первую лужу крови. Мне что-то кольнуло в ногу, уже когда я лежал на земле. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, я вскочил и с инстинктом пробудившегося животного сбил с ног латыша и побежал от дерева к дереву. Меня почти не преследовали в первый момент. Потом завизжали пули. Слуги революции стреляли, трусливо спрятавшись за деревья. Но я был уже на крыше Петровского дворца, где, притаившись как зверь, с безумно-бьющимся сердцем, сидя в луже собственной крови, ждал наступления утра.

Раздел 6

ТЕРЕК И КУБАНЬ

Г. Вдовенко²⁴⁶

БОРЬБА ТЕРСКИХ КАЗАКОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1918 ГОДУ²⁴⁷

Рамки журнальной статьи не позволяют мне подробно останавливаться ни на глубоких и многосторонних процессах, вызвавших крушение войсковой власти в Терском войске, ни на последующих событиях, ни на описании боевых действий во время борьбы с большевиками; поэтому мне приходится ограничиться только кратким очерком и перечнем.

13 декабря 1917 года войсковой атаман Михаил Александрович Караулов²⁴⁸ на станции Прохладной был зверски убит разнузданной солдатской чернью. Власть перешла к его заместителю, Льву Ефимовичу Медянику. Отправившись с войскового Круга в Тифлис по делам войска, он на обратном пути на Военно-Грузинской дороге был пленен ингушами и впоследствии убит.

С потерей заместителя войскового атамана войсковая власть в войске пала. Постепенно начинает водворяться большевистская система управления: вместо атаманов отделов и управлений отделов — отдельные комиссары и отдельные советы; вместо атаманов станиц и станичных кругов — комиссары станиц и станичные советы. Вся власть в области переходит к областному совету в городе Владикавказе.

Таким образом, жизнь казачья войсковая, вековой традицией освященная, уничтожена, единство войсковое нарушено. Каждая станица стала жить своей особой жизнью, без всякой связи и обязательств с Центром, который для нее стал чужим и малопонятным. В душе казаков, особенно зрелого возраста, начинает пробуждаться горечь и обида, по случаю утраты войсковой власти и войскового единства. Пассивное отношение к насаждению новой, чуждой казачеству власти начинает быстро изживаться. Почти в каждой станице образуются группы,

в которые приглашаются офицеры, живущие в станицах, для противодействия и борьбы за возврат своего исторического бытия.

Эта идея все больше и больше охватывает казачьи массы. Чувство безразличия к большевистской власти сменяется чувством неприязни, желанием во что бы то ни стало отторгнуться от этой власти и зажечь своей самобытной войсковой жизнью. И, как всегда, когда нет общего руководящего центра, а таковой, к глубокому сожалению, еще не был создан, нужно было ожидать разрозненных стихийных выступлений, без учета сил и возможностей.

Так оно и случилось: почти одновременно в половине июня выступили казаки некоторых станиц Пятигорского отдела под командой полковника Агоева²⁴⁹ с целью захвата Георгиевского оружейного склада, казаки станции Прохладной с целью захвата советского бронепоезда, пришедшего на станцию Прохладная, и казаки станции Луковской — чтобы не допустить ареста председателя отдельского совета Георгия Федоровича Бичерахова²⁵⁰.

Для меня и до сих пор остается неясным: было ли в действительности постановление об аресте Г. Ф. Бичерахова, или это был только предлог для выступления.

18 июня Луковская станица, поддержанная ближайшими станицами, захватила город Моздок, заставив красноармейский гарнизон с большевиками покинуть город. Гарнизон отступил в Ставропольскую губернию, причем луковские казаки под командой полковника Баргунова отняли у них гаубицы.

Итак, вызов был брошен. Казачий съезд в Моздоке 23 июня вынес постановление о полном разрыве с большевиками. Борьба объявлена.

На Прохладненском фронте командующим войсками Терского войска казачьим съездом был выбран генерал Мистулов²⁵¹, начальником штаба полковник Белогорцев²⁵²... Были назначены начальники линий: Моздокской, Кизлярской, Сунженской, Владикавказской и Пятигорской. Начальники линий, по существу, и были командующими фронтами на своих линиях. Но чтобы хоть наспех закончить формирования, нужно было время, а между тем борьба Прохладненской станицы, куда подошли подкрепления ближайших станиц, продолжалась, и, пока большевики вели наступление только из-за Малкинской стороны, станица довольно легко отбивалась, но, когда волгцы, не имея успеха, отошли от Георгиевска, частью на Моздокскую линию, а частью разошлись по станицам, движение на станицу Прохладную стало свободным. Большевистский отряд, подкрепленный двумя бронепоездами, начал наступление на станицу Прохладную, со стороны станицы Солдатской, охватывая станицу с севера. Станица оказалась в очень тяжелом положении: отсто-

ять ее, при громадном перевесе сил, а особенно технических средств, когда не был еще сформирован штаб Моздокской линии и не было стройных войсковых формирований, явилось задачей непосильной. Все же борьба продолжалась до ночи и под покровом ночи станица была оставлена. Прохладненский отряд отошел в станицу Приближную, в шести верстах от станицы Прохладной. В станицу Приближную прибыли командующий армией генерал Мистулов с начальником штаба полковником Белогорцевым. Здесь и началось формирование частей из станичных дружин, подходивших из станиц Моздокской линии.

Большевики, готовясь к наступлению, держали станицу под обстрелом гаубиц, не исключая ночи; кроме этого, налетали аэропланы, сбрасывавшие бомбы. Учитывая такое напряженное положение, особенно жителей станицы, хотя из дальних станиц еще не подошли подкрепления, решено было наличными силами перейти в наступление, с целью овладения станицей Прохладной. Наступление было назначено перед рассветом следующего дня, но в этот день большевики начали наступление на наш правый фланг, совершая его обход.

Командующий войсками генерал Мистулов сам выехал на позицию, чтобы лично руководить боем. Наступление большевиков было отбито, но в этом бою генерал Мистулов был тяжело ранен.

Командование армией принял полковник Федюшкин²⁵³. На рассвете, как и было предположено, началось наше наступление на станицу Прохладную. Противник был сбит, обходная правая колонна, выполнявшая задание, прервала железнодорожный путь на Георгиевск. К сожалению, части, наступавшей на нашем левом фланге, не удалось прервать путь на Владикавказ, и большевистские бронепоезда спешно ушли в сторону Владикавказа, а неприятельский отряд под командой Егорова был сброшен в реку Малку и должен был спастись вплавь.

Штаб армии переносит свою ставку в станицу Прохладную, и начинается долгая и упорная борьба на этом фронте, пока не удалось окончательно сломить сопротивление противника и, продвинувшись в станицы Пятигорского отдела, занять фронт станиц Марьинской и Петропавловской, с выделением в станицу Зольскую. На чью помощь могли рассчитывать терские казаки, так смело начавшие борьбу? Города, с их сложным политическим настроением, где главная действующая сила — рабочие, и слободки были на стороне большевиков, из них, главным образом, комплектовались большевистские воинские части, — были в стане врагов. Соседи: ингуши и чеченцы, с которыми за это время не раз шла кровавая борьба прилегающих станиц Сунженской и Терской линий, союзниками быть не могли — требовалась постоянная защита станиц от их набегов. Надежды на помощь мож-

но было возлагать только на Осетию и Кабарду, с которыми были хорошие добрососедские отношения. И действительно, осетины нам помогали, но эта помощь не могла быть активной, так как осетины сами должны были самообороняться от нападений со стороны ингушей на осетинские селения, вследствие которых селение Владимирское должно было эвакуироваться, оставив свои насиженные родные места. Кабардинцы под командой ротмистра Заур-Бека Серебрякова оказывали нам активную помощь. Обход нашего левого фланга правым берегом реки Малки стал невозможным. При наступлении же большевиков на станицу Марьинскую кабардинцы не раз оказывали нам существенную поддержку наступлением на фланг противника. Надежды также возлагались на помощь прикумских сел Ставропольской губернии, где большевистский произвол вызывал большое недовольство населения и даже вспышки восстаний.

С целью привлечения и сговора общественных крестьянских сил наш главный центр управления принял название Казаче-крестьянский совет. Но эти надежды отпали: большевистская власть именно из этих сел сформировала две Святокрестовские дивизии, которые с помощью городских отрядов городов Пятигорска, Георгиевска, Минеральных Вод и даже Кисловодска и боролись против нас на Прохладненском фронте. Таким образом, терские казаки должны были рассчитывать только на свои силы, без денежных средств, запасов оружия, огнестрельных припасов и технических средств, когда противник располагал всем. Произвести общую мобилизацию, за отсутствием средств, было невозможно, поэтому борьба велась станичными дружинами, где в строю был отец, сын и внук.

Дружины делились на две очереди: одна на фронте, другая в станице для охраны и полевых работ. Смена производилась через две недели, а в пору спешных полевых работ и через неделю. А между тем фронты ширились. Кроме Прохладненского образовался Кизлярский фронт, на котором также шла борьба, чтобы остановить движение большевистских сил со стороны городов Кизляра и Астрахани. Был образован Курский фронт, чтобы обеспечить удар со стороны Ставрополя. Большую горечь причинила нам станица Государственная, так активно и дружно выступившая вначале и посылавшая помощь и станице Прохладной и волгам под Георгиевск. Она немедленно объявила, что сохраняет нейтралитет. Такой перелом настроения совершился под влиянием агитации среди казаков служилого возраста, которые отказались идти на фронт. Когда же Казаче-крестьянский совет вынес постановление о реквизиции из этой станицы хлебных запасов для нужд армии и о немедленном выходе на фронт, большая половина служилой молодежи, около 700 человек, ушла в Ставропольскую губернию к большевикам,

которые казаков вооружили, и они ночью захватили свою станицу. Пришлось перенести борьбу и за эту станицу, ослабляя силы главного фронта.

21 июля начальник штаба Владикавказской линии полковник Соколов с сунженскими казаками по своей инициативе, без согласия командующего войсками, захватывает город Владикавказ. Но не поддержанный, по утверждению самого полковника Соколова, местными силами, которые обещали помощь, он удержать город надолго не мог и с довольно тяжелыми потерями должен был покинуть. Захват города Владикавказа, где перекрещиваются многие интересы, не входил в план командующего войсками, а между тем захват и оставление города Владикавказа имели громадные последствия. Курская и Молоканская слободки, сочувствующие большевикам, стали во враждебное положение к казакам и общее, что их связывало, — борьба с ингушами (ингуши несколько раз нападали на город Владикавказ) и взаимная поддержка друг друга нарушилась, поэтому, когда на Сунженскую станицу напали ингуши, окружив ее со всех сторон, Владикавказ помощи не оказал и, задыхаясь в тесном кольце блокады, казаки принуждены были оставить станицу и эвакуироваться, бросив все свое достояние.

29 июля большевистская власть города Грозного предъявила казакам станицы Грозненской ультиматум о разоружении станицы. Станица ответила отказом. Началась борьба между городом и станицей. Так как станица совершенно сливается с городом, здесь борьба носила очень тяжелый и кровавый характер. Доблестная станица, поддерживаемая соседними станицами, вела героическую борьбу. Противник в своей злобе и ненависти не щадил никого: все дома в ближайших кварталах к городу до самой станичной площади артиллерийским огнем противника были разрушены и сожжены. Станичная церковь полуразрушена; но эти ужасные разрушения не сломили сопротивления станицы, и борьба продолжалась.

Несмотря на свою обособленность, разобщенность от всех фронтов и близость к Пятигорску и Кисловодску, организованным большевистским центрам, с риском нападения не только из этих городов, но и со стороны Ставрополя, организовано вступает в борьбу с большевиками станица Баргустанская. Впоследствии связь с этой станицей Прохладненским фронтом через Кабарду, обходя Кисловодск, была установлена, посылались в суммах на лошадях патроны и даже было переправлено одно орудие.

Доблестные баргустанцы в неравных и тяжелых боях принуждены были на время оставлять станицу, которая противником была разграблена и частью сожжена, не исключая станичной церкви, но все эти тяжелые потери не надломляли духа, и борьба продолжалась с той же доблестью.

Итак, терские казаки боролись на восьми фронтах: Прохладненский, Курский, Кизлярский, Грозненский, Владикавказский, Сунженский, Котляревский и Баргустанский. Основным и главным стержнем был Прохладненский фронт, удерживающий в своих руках железную дорогу: Новопавловская — Прохладная — Моздок — Кизляр — Котляревская — Нальчик.

Здесь же, как я уже сказал, на Моздокской линии, в городе Моздоке и создавался войсковой центр управления в лице Казаче-крестьянского совета, под председательством Георгия Федоровича Бичерахова, казака станицы Новоосетинской Моздокского отдела. Человек, обладающий большой энергией и волей, он был неутомимым борцом с большевиками за наше право, направляя все усилия к достижению успеха, а затем, с образованием временного народного правительства Терской республики, был председателем правительства. Ему мы обязаны связью с его братом в Баку, генералом Бичераховым, от которого, через Старогреческую пристань, получали существенную помощь и денежными средствами и боевыми припасами.

В конце октября месяца генерал Мистулов, оправившись от раны, вступает в командование армией. К этому времени Добровольческая армия начинает теснить большевистскую армию на Кубани и в Ставрополе. Это заставляет большевистское командование подумать об обеспечении пути отступления. Единственный удобный путь — это железнодорожная линия на Прохладную и Кизляр, а оттуда на Астрахань. Поэтому на Прохладненский фронт начинают сосредотачиваться значительные силы, с целью прорыва фронта. В начале ноября атаки большевиков в направлении станицы Марьинской становятся все настойчивее. В одном из боев начальник этого фронта полковник Агоев был тяжело ранен. Это нарушило единство командования, произошло замешательство, и фронт был прорван. Отряд начал отходить в станицу Солдатскую, из которой волгские казаки с полковником Аговым-младшим через Кабарду направились на соединение с Добровольческой армией.

Командующий армией, генерал Мистулов, видимо потеряв надежду на дальнейший успех, не желая видеть позора своего края, в станичном правлении станицы Прохладной 9 ноября застрелился.

Очень тяжелая потеря для войска человека исключительной храбрости и благородства, прекрасного товарища, которого все так уважали и любили.

Командующим войсками был избран генерал Колесников²⁵⁵, прилетевший на аэроплане в октябре месяце из Ставрополя, занятого в то время Добровольческой армией.

Отход Терской армии со всех фронтов через Кабарду на Кубань был невозможен: нельзя было оставить ни раненых и больных, находящихся в больницах города Моздока и станиц Наурской и Шелковской, ни других частей удаленных фронтов на расправу большевистской власти. Поэтому отход был намечен по Моздокской и Кизлярской линиям за Терек. Казачье-крестьянский совет вошел в переговоры с Горским правительством в городе Темир-Хан-Шуре, об отходе армии в Дагестан. Горское правительство согласилось расположить наши отряды на территории Дагестана. Армия, задерживаясь, с боями начала постепенный отход к Моздоку, а затем и далее по направлению станицы Шелковской, у которой была построена паромная переправа через реку Терек. Раненые и больные были эвакуированы в Петровск и Баку, где они были размещены при личном участии Г.Ф. Бичерахова в лазаретах, находящихся в ведении генерала Бичерахова. К началу декабря весь отряд переправился у станицы Шелковской через реку Терек. Только Горско-Моздокский полк и часть гребенских казаков, служащие заслоном со стороны г. Кизляра, отрезанные от переправы, должны были переходить ночью реку Терек вплавь у станицы Старогладковской, когда большевики уже занимали эту станицу. Терцы оставили свои родные станицы, сосредоточившись в районе Чир-Юрта и Петровска.

Но и здесь не было уныния: требовалось добыть только денежные средства и запасы огнестрельных припасов, чтобы снова, переправившись за реку Терек, начать борьбу. Командующий войсками обратился за помощью к англичанам, которые тогда занимали город Баку, но, по-видимому, это не входило в их планы, и помощь оказана не была.

Дальнейшая борьба оказалась невозможной.

Таким образом, в течение 5 с половиной месяцев, в исключительно трудных условиях, терцы, отбиваясь на все стороны, вели поистине героическую борьбу. Все исполняли свой служебный долг, требующий подвига, тяжелых лишений, безвозмездно, ибо никто не получал ни жалованья, ни обмундирования, и лишь на фронте все получали довольствие. Этот подвиг был во имя своего казачьего достоинства и чести, во имя сохранения своих заветов и своей свободы.

Борьба терцев, приковывая на своих фронтах значительные большевистские силы, облегчала задачу Добровольческой армии.

Страница тяжелых потерь и беззаветного героизма терских казаков в борьбе с большевиками временно закрылась, чтобы снова открыться уже в составе Добровольческой армии, и Терек возвращается к своей войсковой жизни, освященной веками с войсковым Кругом и своим выборным войсковым атаманом.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ²⁵⁷

На протяжении долгих лет эмиграции ею было посвящено немало трудов, как в виде отдельных печатных изданий, так и на страницах газет и журналов, Белому движению, возникшему начиная с конца 1917 года в разных частях нашей необъятной родины. Некоторые из этих трудов, как, например, генералов Деникина, Врангеля и Сахарова, являются большой исторической ценностью.

Не уделено было только достаточного внимания истории возникновения Белого движения в Терской области. Даже в труде генерала Деникина «История Русской Смуты» упоминается о нем лишь вскользь.

Автор этой статьи, как участник такового с самого начала его возникновения, имеет желание в какой-то мере восполнить этот пробел своим повествованием о Белом движении на территории Терской области, поднятом добровольцами-офицерами, казаками, осетинами, кабардинцами, юной молодежью, кадетами и гимназистами и нашей гордостью — русскими женщинами, включившимися в эту борьбу.

Материал для этой статьи, помимо воспоминаний самого автора, взят из истории «Офицерской добровольческой батареи Терского края», составленной по записям того времени.

Назревало на Тереке это движение одновременно с другими, но смогло выявиться в виде решительной вооруженной борьбы только к лету 1918 года. Разношерстность населения Терской области создала поначалу отдельные очаги восстания, но доминирующую роль в нем играло Терское казачье войско.

Терские казаки открыто выступили против большевиков только в июне 1918 года. С марта месяца этого года и до июня во всей области нераздельно царствовали большевики, и лишь в западную часть Пятигорского отдела залетали иногда партизаны полковников Шкуро²⁵⁸, Агоева и Гажеева. Но мало-помалу отношения с казачьими делегатами в Терском народном совете становились все более и более натянутыми и в казачьей среде стало проглядывать, и довольно резко, недовольство большевиками. Советские главари стали заигрывать с представителями Чечни и Ингушетии, как бы ища поддержки с их стороны. Во всем чувствовалось что-то недоговоренное, и приближения развязки можно было ожидать с большой долей вероятности. Она, долгожданная, пришла, как всегда, неожиданно 23 июня 1918 года, и этим днем терцы ознаменовали годовщину своего восстания. Начало положили казаки Луковской станицы, выбившие

ночью Совдеп и красноармейцев из города Моздока и погнавшие их при поддержке соседних станиц до Прохладной. На помощь моздокским большевикам были посланы красные войска из Владикавказа под командой бывшего штабс-капитана Егорова. Им удалось занять станцию и часть станицы Прохладной, но лихим ударом казаки выбили противника оттуда, нанеся ему большие потери и захватив на станции немало военной добычи.

В этом бою был ранен доблестный командующий казачьими силами генерал Мистулов, и его пост занял полковник Федюшкин.

Много красных в паническом бегстве утонуло в реке Малке, и долго еще волны Терека выбрасывали их трупы на всем течении, до Моздока и ниже.

Фронт красных сразу отодвинулся до станции Муртазово и даже до Эльхотово. Часть же большевистских войск и один бронепоезд отступили в противоположную сторону, в направлении к Минеральным Водам и вместе с красными частями Минераловодской группы образовали фронт по реке Золке.

Не брезгуя никакими средствами, большевистские главари решили использовать национальную вражду между горцами и казаками, набрали в горных аулах две конные сотни ингушей и, посулив им огромное по тому времени жалованье (200—250 рублей каждому всаднику в сутки), отправили их в Муртазово. Но ингуши и здесь остались верными самим себе: ограбив штаб и интендантство Егорова и устроив для сугубого эффекта столкновение поездов, преспокойно вернулись в свои аулы; таким образом, перестал существовать Муртазовский красный фронт.

Вслед за Моздокским отделом поднялись и другие станицы, и казаки повели наступление на Грозный и Кизляр. Бездействовали лишь станицы Владикавказской и Сунженской линии, главным образом из-за близкого соседства с беспокойными туземцами.

Во главе всего восстания стоял Казаче-крестьянский совет, возглавляемый Георгием Бичераховым. Его программа социалиста-революционера и приемы политического афериста не могли, конечно, удовлетворить тех, кто горел желанием примкнуть к Добровольческой армии, но помочь казакам в их борьбе с грабителями, захватившими власть в области в свои руки, были готовы многие офицеры и добровольцы, ожидавшие лишь подходящего момента. И такой момент настал, когда центр казачьего восстания был перенесен во Владикавказ.

В 4 часа утра 24 июля жителей Владикавказа разбудил частый ружейный огонь. В первый момент никто толком не знал, в чем дело, и

по городу носились самые невероятные слухи. Вскоре выяснилось, что казачий отряд полковника Соколова, подошедший ночью к городу со стороны станицы Архонской, атаковал красноармейские казармы и Совдеп, помещавшиеся в здании реального училища и в Офицерском собрании Апшеронского полка.

План был разработан до мельчайших подробностей, и отряду полковника Соколова удалось захватить врасплох спящих красноармейцев и занять казармы и нижний этаж Совдепа. Но в верхнем этаже красные еще оказывали сопротивление. По первоначальному плану, со стороны Линейной церкви наступление должны были вести осетины, но, когда настало время действовать, они не выполнили своей задачи. Засевшая в Совдепе горсточка казаков долго отстреливалась от наседавших красноармейцев, но, не дождавшись поддержки, в конце концов должна была очистить занятые помещения. В городе завязался уличный бой. На вокзал и Базарную площадь наступал подошедший со стороны станицы Сунженской отряд полковника Рошупко. Архонцы и ардонцы занимали Владимирскую слободку и вели наступление. На среднем участке, под общим командованием полковника Беликова²⁵⁹, действовали осетины и добровольцы из жителей Владикавказа, главным образом — офицеры. Одновременно с этим велось наступление на Молоканскую слободку, где рядом с красноармейцами сопротивлялись восставшим и ингуши.

Задуманная операция, главным образом благодаря своей неожиданности, была поначалу весьма удачной. Сразу же были захвачены виднейшие комиссары, Молоканская слободка сложила оружие, с Базарной площади, вокзала и Московской улицы красноармейцы были отеснены, и в их власти оставалась лишь Курская слободка. Отступление красноармейцев сопровождалось грабежом и пожарами. Подошедший со стороны Беслана красный бронепоезд пытался обстреливать центр города артиллерийским огнем.

Однако с первого же дня стало ясным, что операция принимает затяжной характер и это — благодаря причинам, приведшим в конечном итоге и к полной нашей неудаче. Осетины оказались слабыми союзниками, ибо не считались ни с какими распоряжениями начальников, не проявляли большого порыва, а по ночам даже уходили с позиций. Казаки тоже не сознавали как будто всей важности предпринятой операции. Энергия их падала с каждым днем и, как только распространился слух (оказавшийся верным) о нападении ингушей на станицы Тарскую и Сунженскую, потянулись защищать свои дома даже и те, на чьи станицы никто и не нападал, бросая по недомыслию своему так блестяще начатое дело.

Вся тяжесть борьбы легла на плечи добровольцев, главным образом офицеров, вышедших с оружием в руках при первых же выстрелах. С первых же дней боев они выполняли задачи, которые никому нельзя было поручить, неизменно проявляя выдающиеся мужество и самоотверженность.

Так блестяще начатые и так печально окончившиеся Владикавказские бои продолжались 11 дней, и 3 августа город был оставлен казаками и из него, охваченного заревом пожаров, ночью ушли все, кто не хотел оставаться под игом большевиков. Главная масса ушедших с оружием в руках офицеров и добровольцев отошла в станицу Архонскую, в 18 верстах от Владикавказа. Там, в станице Архонской, 4 августа явочным порядком и зародилось новое ядро славной Добровольческой армии под наименованием «Добровольческого отряда Терского края», подчинившегося командованию Терского войска. В отряд вошли участники Владикавказского восстания: свыше двухсот офицеров всех родов войск и добровольцы, главным образом из учащейся молодежи, студенты, кадеты, гимназисты. Командование отрядом принял полковник Литвинов²⁶⁰. Первое время отряд состоял из трех пеших сотен, но вскоре были сформированы четвертая сотня и пулеметная и подрывная команды. Оружие было лишь принесенное самими добровольцами, пулеметы же и подрывной материал получили от казаков.

Позже, уже в станице Прохладной, удалось сформировать сначала — артиллерийский взвод, а затем и свою «Добровольческую батарею Терского края», вооружив ее находившимися там орудиями 4-й Терской пластунской батареи. Амуницию и разного рода артиллерийское имущество удалось получить из Прохладненского тылового артиллерийского склада, где в разрозненном виде сохранились еще кое-какие остатки имущества бывшей Кавказской армии. Упряжные лошади были получены в станице Приблизной из числа находившихся на руках казаков этой станицы лошадей одной из расформированных батарей бывшего Кавказского фронта.

В станице Архонской Добровольческий отряд пробыл почти месяц. Сначала предполагалось, заручившись содействием казаков и осетин, возобновить действия против Владикавказа; с этой целью сотнями отряда предпринимались не раз разведки и вылазки в город, был устроен, правда не совсем удавшийся, взрыв большевистского бронепоезда и т. д. Через некоторое время, однако, выяснилось, что соединенные силы казаков и осетин Владикавказской линии бессильны что-либо сделать, и Добровольческий отряд, слишком слабый для выполнения задуманной операции, должен был отказаться от этого плана и перешел в станицу Прохладную, откуда сотни выступили на фронт под

станцию Курскую. Фронт тогда проходил по реке Золке. Позднее первая сотня была переброшена под Грозный, где все время принимала участие в упорных боях и возвратилась для присоединения к отряду лишь в день его отступления из станицы Прохладной для присоединения к Добровольческой армии. Остальные части отряда оставались на Зольском фронте.

С наступлением осени положение антибольшевистских отрядов в Терской области заметно ухудшилось. Казаки, под влиянием агитации и также забот о хозяйстве, расходились по станицам. В Грозном и Кизляре красные продолжали оказывать упорное сопротивление, отвлекая много сил с Зольского фронта и тем самым облегчая наступление большевиков от Минеральных Вод.

До этого времени в Добровольческом отряде существовала надежда пробиться навстречу Добровольческой армии или, по крайней мере, продержаться в Терской области до ее прихода. Но с ухудшением положения на Зольском фронте от этой надежды приходилось отказаться; оставалось только ждать решительного боя и отступать, хотя определенного плана отступления до последнего момента приготовлено не было.

Находившийся в станице Прохладной представитель Добровольческой армии генерал Левшин²⁶¹ время от времени информировал отряд о ее успехах, о занятии Армавира и о продвижении вдоль железной дороги на восток. Прилетевший однажды из Ставрополя летчик, капитан Русанов²⁶², привез радостное известие о занятии этого города отрядом полковника Шкуро и, одновременно, печальную новость о смерти Верховного руководителя Добровольческой армии генерала Алексеева.

После 20 октября красные перешли в наступление по всему фронту. Казаки не оказывали должного сопротивления их продвижению, и скорое падение станицы Прохладной и города Моздока становилось неизбежным. Командовавший казаками генерал Мистулов прилагал все усилия, чтобы удержать их на позициях и дать под Прохладной решительный бой красным, которые уже заняли ближайшую к Прохладной (со стороны Минеральных Вод) станицу Солдатскую и теснили казаков, державших фронт верстах в 10 от Прохладной. Им было послано имевшееся в распоряжении генерала Мистулова подкрепление с Добровольческим отрядом и его батареями.

К 27 октября отряд был сосредоточен и развернулся в боевой порядок в районе разъезда Шардапово, верстах в 7 от станицы Прохладной. Дни 27-го и 28 октября прошли в оживленной перестрелке; красные не развивали энергичного наступления, казаки же не двигались ни вперед, ни назад. Время от времени за будкой 543-й версты показывался красный бронепоезд, довольно неумело пытавшийся об-

стреливать наши позиции. Наши встречали его как ружейным и пулеметным, так и артиллерийским огнем.

Решительным и последним днем боя было 29 октября. Утром в этот день происходила смена казаков, и простоявшие на позиции две недели должны были возвратиться домой для окончания полевых работ (таково было постановление Казаче-крестьянского совета), а их место занимали другие, уже побывавшие в отпуску. В этот раз на смену пришли казаки станицы Калиновской, не отличавшиеся большой стойкостью. Обстоятельство это оказалось решающим для последнего боя.

С утра на левом фланге завязалась оживленная перестрелка. Красные при поддержке их бронепоезда перешли в наступление и, потеснив калиновцев, овладели Сельскохозяйственной школой, вблизи которой занимали позицию два орудия Добровольческой батареи, ведшие интенсивный огонь по бронепоезду и заставлявшие его маневрировать и держаться на почтительном расстоянии. Добровольческий отряд, неся потери, долгое время удерживал позиции этого участка.

После некоторого перерыва красные предприняли обход нашего левого фланга. Калиновцы не выдержали и начали отступать, почти не оказывая сопротивления. При создавшемся положении части Добровольческого отряда, сильно поредевшие, вынуждены были также отойти к Прохладной, имея в виду принять бой на подступах к этой станице. Но так как казаки продолжали отходить и дальше, то отряд до получения распоряжений сосредоточился в районе вокзала.

К описываемому моменту боевая обстановка и на других участках фронта была весьма туманной. Ходил слух, что красные своим левым флангом подходят к Моздоку, грозя перерезать линию железной дороги. К этому же времени была получена телеграмма от командира Кабардинской конной бригады ротмистра Даутокова-Серебрякова²⁶³, сообщающая, что его бригада, вместе с партизанскими отрядами полковников Кибирова и Агоева, уходит из Терской области, через Кабарду, на Кубань для соединения с Добровольческой армией.

Эта телеграмма изменила все планы, и было принято решение двигаться в Нальчик. На этом решении и раньше все время настаивал генерал Левшин, не имевший, однако, большого влияния на дела отряда. Около 7 часов вечера 30 октября эшелон Добровольческого отряда Терского края с сильно поредевшими рядами, под прикрытием казачьего бронепоезда, отошел от станции Прохладная.

Так печально перевернутая страница истории славно начатого восстания на Тереке омрачилась еще и трагической смертью благородного и доблестного генерала Мистулова. Убедившись в бесполезности своих усилий вдохновить казачество на жертвенную борьбу с боль-

шевиками, когда был проигран последний бой под Прохладной, он в станичном правлении на глазах казаков застрелился. Казаки оставляли позиции и отдельными группами шли по направлению к Моздоку. Только за Моздоком генералу Колесникову удалось организовать их и дать красным еще несколько оборонительных боев, после чего оставшиеся верными делу восстания вынуждены были отступить в Петровск, под защиту англичан.

Прибыв в Нальчик и выгрузившись, Добровольческий отряд начал готовиться к выступлению. Обоз был увеличен взятыми из слободы обывательскими подводами, ибо, хотя все лишнее имущество и было брошено, надо было озаботиться перевозкой находившихся при отряде больных и раненых.

Кроме Добровольческого отряда, в Кубанскую область уходили два Кабардинских полка с двумя орудиями, отряд полковника Агоева в составе шести конных казачьих сотен при трех орудиях, составивших впоследствии Терскую конно-горную батарею, партизаны полковника Кибирова, числом до двухсот человек с двумя орудиями и артиллерийский взвод Черноярской станицы. Всего — свыше полутора тысяч человек, из которых три четверти были конными, при 11 орудиях и до 15 пулеметов. Общее командование соединенным отрядом принял генерал Левшин.

Из Нальчика отряд выступил 31 октября. Этот четырнадцатидневный поход к заветной цели, на Кубань, был особенно тяжелым, когда от аула Атожукино пришлось свернуть в горы и двигаться по дороге с крутыми подъемами и спусками. Нечеловеческих усилий стоило преодолевать вброд водные рубежи горных рек с их каменистым дном. Особенно трудной была переправа через полноводную и бурлящую реку Баксан. Повозки и орудийные запряжки сносились мощным потоком реки, и их с большим трудом вытягивали на противоположный берег. Наступили холода, в горах местами выпал снег и двигаться приходилось по обледеневшим подъемам и спускам. Состояние одежды и обуви у большинства чинов Добровольческого отряда было более чем неудовлетворительное. Говорить о теплой одежде людей, внезапно выступивших на борьбу еще в летние месяцы, не приходится, так как при полном отсутствии какого бы то ни было снабжения достать таковую было просто неоткуда. Были такие, у которых не было даже шинелей, белье же было предметом большой роскоши. Не лучше обстоял вопрос и с продовольствием; хлеба не было и его заменяли лепешками из кукурузы. Остальные же продукты питания с большим трудом добывались у доброжелательного к нам, но бедного и малочисленного населения попутных аулов.

К счастью, боевая обстановка не была угрожающей и сводилась к перестрелкам авангарда с передовыми частями противника. Службу охранения на походе несли главным образом кабардинцы.

Первой продолжительной остановкой был аул Кармово, где соединенный отряд простоял два дня. Задержка произошла из-за митинга у казаков. Провокация, видимо, не оставляла нас и здесь, и в результате часть казаков отказалась следовать дальше и покинула отряд. В дальнейший путь отряд двинулся 4 ноября.

После переправы через реку Малку генерал Левшин, пропустив мимо себя весь отряд, произвел ему смотр.

Это был самый тяжелый, по трудно проходимому ущелью реки Кизь-Малки, переход, который, с небольшими привалами, длился двое с половиною суток. Однако при всей тяжести дальнейшего пути и сверхчеловеческих физических испытаний, дух оставшихся верными правому делу бойцов был непоколебим. При преодолении труднопроходимых мест и переправ обозу и артиллерии, усталые и не кормленные лошади которых буквально выбивались из сил, много помогали кабардинцы. Утомление пеших сотен добровольческого отряда было настолько велико, что, выйдя из ущелья и достигнув хутора Пеховского, все облегченно вздохнули, получив, наконец, долгожданный отдых, да еще с горячей, заранее приготовленной пищей. Лошадей также, наконец, хорошо накормили сеном.

Дальнейший путь был уже не таким тяжелым. Переночевав в ауле Абуково и перейдя затем вброд реку Подкумок, вечером 7 ноября Добровольческий отряд прибыл в поселок Михайловский. За весь поход это было первое селение, где жили русские. Нас встретили с необычайным гостеприимством, и в отведенных нам домах все было уже готово к нашему приходу. На столах появились пироги, белый хлеб, борщ и куры. В первый раз за весь поход согреться, умыться, вкусно и досыта поесть и, главное, по-человечески отдохнуть. Здесь отряд впервые встретил Добровольческую часть, Охотничью Кисловодскую партизанскую команду отряда генерала Петренко.

Выступив на другой день и переправившись через реку Куму около Кумско-Лоевского аула, добровольческий отряд Терского края оказался на территории Кубанской области и, левым берегом Кумы дошел до станицы Бекешевской, простояв там 9-го, 10-го и 11 ноября. Из Бекешевской сначала предполагали послать Добровольческий отряд под станицу Суворовскую, где в те дни шли ожесточенные бои, но ввиду того, что люди отряда были слишком утомлены и почти раздеты, это приказание было отменено и были лишь переданы артиллерийские снаряды отправившейся туда Терской конно-горной батарее.

12 ноября отряд был переведен в станицу Батапашинскую для продолжительного отдыха и приведения в боевую готовность. С переходом в станицу Батапашинскую закончился 220-верстный поход отряда. Из местного интендантства было получено обмундирование, сапоги, полушубки и теплые безрукавки, а несколько позже и шинели. Получено было и пополнение лошадьми.

Приказ по Добровольческой армии за № 1286 гласил:

§1

Первый Офицерский отряд Терского края полковника Литвинова, прибывший в состав Добровольческой армии, переименовать в полк и именовать Терским Офицерским полком.

Названный полк включить в состав Добровольческой армии с 1 ноября сего 1918 года.

§2

Прибывшую в составе Офицерского отряда полковника Литвинова батарею именовать Кавказской Отдельной батареей и включить в состав Добровольческой армии с 1 ноября сего 1918 года.

Генерал-лейтенант *Деникин*.

Таким образом «Добровольческий отряд Терского края» вошел, наконец, в лоно Добровольческой армии и с конца ноября 1918 года продолжал свою боевую службу уже в ее славных рядах.

*Н. Гулый*²⁶⁴

ВОССТАНИЕ КАЗАКОВ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В МАЕ 1918 ГОДА²⁶⁵

Утром 19 мая²⁶⁶ все офицеры, за исключением Волошина, были на местах, и фронт был восстановлен. На следующий день (20 мая), по распоряжению из Тамани, к нам прибыла сотня старотитаровцев, состоящая из казаков сорока и более лет. Прибыла также сотня фонтадовцев. Здесь, на новой позиции, мы просидели 6 дней — до 25 мая.

В один из этих дней «товарищи» послали к нам парламентаря с пакетом. В пакете было обращение непосредственно к казакам, где предлагалось им арестовать и выдать офицеров, за что обещалось казакам помилование. В противном случае им грозили расправой, на какую способно это исчадие ада.

Содержание пакета казакам было известно, но они остались верными себе. Не было случая, чтобы казаки ради спасения своей шкуры выдали офицеров на растерзание. Наоборот — всем нам, каза-

кам-офицерам, известно бесконечное множество случаев, когда казаки, рискуя, а иногда и жертвуя собственной жизнью, спасали офицеров и это было в подлое большевистское время. Сам «товарищ парламентар» оказался забавным парнем. Он обратился ко мне с просьбой: «Вот что, товарищ! Я сам из Керчи. Отпусти меня домой. Ну их к...»

В эти же дни командование таманскими войсками, вместе с общенностью полуострова завязало оживленные переговоры с немцами. Были посланы телеграммы в Киев командующему немецкими войсками на Украине генералу Эйхгорну и в Берлин императору Вильгельму с выражением последнему верноподданнических чувств и с просьбой об оккупации полуострова. С немецким командованием в Крыму была установлена связь. Тамань часто навещал немецкий офицер лейтенант Гессе, говоривший по-русски, который был как бы посредником между таманским и германским штабами.

Немцы начали отпускать нам снаряды и патроны, но как-то в ограниченном количестве, что вызывало у нас недоумение. Дали нам два 4-дюймовых орудия, но командированные штабом для получения этих орудий офицеры должны были собрать части к ним в разных местах Крыма. Материальная помощь немцев была сомнительной.

В результате таких переговоров с главным немецким командованием немецкое командование в Крыму получило распоряжение о высадке десанта на Тамани. В Керчи были погружены на болиндеры и мелкосидящие суда боевые припасы и обозы. Неоднократно грузились на суда и обратно снимались люди и лошади. Немцы уверяли нас, что от высшего их командования есть распоряжение об оккупации полуострова и что окончательного приказа можно ожидать каждый час. Однако проходили часы, дни, а десанта не было.

Большевики на нашем фронте стягивали тысячные банды, вооруженные до зубов, десятки орудий с обилием снарядов к ним. Это в противовес нашим десяти пушкам на всех участках фронта и полувооруженным казакам. Ясно было, что нам не выдержать напор большевиков. Но в случае ликвидации нашего фронта все казаки были обречены на истребление, так как путей отступления нет: в тылу море и отсутствие перевозочных средств. Единственная надежда оставалась на немецкий десант, чему многие из нас как-то фатально верили. Отпуск немцами снарядов и патронов, хотя бы и в незначительном количестве, давал нам огромную моральную поддержку и веру в немецкое обещание прийти нам на помощь. Однако штаб наших войск, ведший переговоры с немцами, с течением времени стал сомневаться в их обещании, о чем офицерам делался намек.

С нашим отступлением под Ахтанизовскую оживилась деятельность на Старотитаровском фронте. Ежедневно там происходила ружейная и артиллерийская перестрелка. Несколько раз «товарищи» пытались прорвать фронт, но терпели неудачи: старотитаровцы занимали по всему фронту командные высоты и стойко держались. В данной обстановке, с нашим отходом к Ахтанизовской, положение для наступления «товарищей» резко изменилось: теперь для них было выгодно прорвать именно у нас фронт, ибо тогда старотитаровцы должны будут оставить позиции без боя и отойти верст на 20—25 по направлению к Тамани, чтобы быть на линии моего отряда. В противном случае они могли быть отрезанными, так как красные, прорвав наш фронт, сразу выходили им в глубокий тыл.

На нашем фронте «товарищи» заняли высокую гору у берега Ахтанизовского лимана, представлявшую все выгоды для обстрела артиллерией нашей позиции у моста через гирло, а равно и станицы. От горы до этих пунктов — 3 версты.

В течение упомянутых 5 дней на нашем фронте ежедневно происходила перестрелка. Ежедневно «товарищи» обстреливали нас из артиллерии, не забывая каждый раз послать десяток снарядов в станицу. По всем признакам было понятно, что большевики именно здесь готовились к прорыву фронта. У моста по ночам сваливались доски для настилки его, так как устои моста и фермы были железные, а только незначительная часть настилки сторела со стороны противника. Около рыбацких хат на берегу моря появилась масса байд, пригнанных ночами из Темрюка и станицы Голубицкой. Это, очевидно, для формирования гирла, помимо использования моста, а может быть, и для высадки с моря в наш тыл.

Надо было установить наблюдение по берегу моря на расстоянии нескольких верст. Кроме того, необходимо было вести наблюдение по берегу Ахтанизовского лимана, заканчивающегося в нашем глубоком тылу. Людей для этого было мало. Я просил прислать мне подкрепление из вышестеблиевцев и таманцев, так как те и другие отсутствовали, за исключением отдельных казаков. Наблюдение в указанных местах велось дедами, подростками и даже детворой школьного возраста. Но для охраны там никого не было.

24 мая пришла к нам сотня вышестеблиевцев без единой винтовки. Винтовки, как и во всякой станице, должны быть хоть и в незначительном количестве припрятаны от большевиков. Но ни одной — это уже был саботаж. Я по телефону запросил винтовки из Тамани. С сотней явилась «делегация» в составе двух урядников: Якименко и Стеценко и студента Ивана Коломийца. Эти три мерзавца («в семье не без урода»)

были главными виновниками разложения станицы и были шпионами в пользу большевиков. Впоследствии первые два перебежали к большевикам и служили в Красной армии, а студент Коломиец, по полученным сведениям, повесился у себя дома в 1921 году. Мне пришлось иметь дело не с сотнею, а с делегатами, от которых зависело, будет ли сотня нам в помощь или нет. От такой сотни нельзя было ожидать толка: наглые рожи, наглые вопросы: «А яка ваша программа?» и т. п. Из разговора с делегатами не похоже было, чтобы сотня выступила на фронт. Даже рискованно было выдать ей винтовки, чтобы не унесла с собою. Переговоры с делегатами я не выдержал: вытолкал их в шею, а сотне приказал немедленно убраться с моих глаз.

Станица Вышестеблиевская держала «нейтралитет». Мало того. Отправленные к ним пленные «товарищи», взятые 13 мая под Запорожской, не содержались под стражей, а были расквартированы по дворам и предоставлялась им возможность через лиман Кизилташ (к Анапе) уходить к своим. «Нейтралитетом» вышестеблиевцы рассчитывали избежать разгрома своей станицы большевиками в случае ликвидации ими Таманского фронта. Правда, огульно обвинить всю станицу нельзя: лучшая часть населения, представляющая большинство, попала в зависимость меньшей части, поддавшейся разложению. После, во время разыгравшейся гражданской войны, вышестеблиевцы лучше и добросовестнее всех шли в полки и в батальоны и большой процент их положил жизнь на всех фронтах. Мы, ахтанизовцы, с ними квиты.

Вечером 24 мая большевики произвели артиллерийский обстрел нашей позиции, закончив его на первой линии. Из этого можно было заключить, что это была пристрелка орудий на ночь и что надо ожидать какой-то «сюрприза». Оказать сопротивление большевистской массе, их артиллерии (свыше 20 орудий) мы не могли. Мы имели только два орудия, из которых нельзя было сделать пристрелку, хотя бы по мосту, так как вследствие расшатанности этих орудий, снаряды при одной и той же наводке ложились в разных местах.

Ночью на 25 мая потянул легкий туман. Это лишило нас возможности следить за морем на нашем левом фланге и впереди за гирлом. Рано — в 2 часа, по данному большевиками у моста, посредством ракеты, сигналу, раздались орудийные выстрелы, и через несколько секунд был открыт по нас огонь из винтовок и пулеметов по всему фронту. Это был огневой шквал. Артиллерия развила такой огонь, что вся площадь нашего небольшого, шириною в 800—900 шагов, участка была буквально покрыта снарядами и как днем ими освещена. Столбы песка засыпали окопы. У многих казаков отказались действовать винтовки, вследствие загрязнения затворов песком.

Стрельба эта продолжалась около десяти минут. Опять за мостом взвилась ракета, и стрельба вмиг прекратилась. Послышались крики «Ура» двинувшейся по мосту лавины «товарищей». В тот же момент с моря налетела сотня байд, из которых тоже с криком «Ура» выбрасывались «товарищи», отрезав нашу передовую цепь, защищавшую гирло и мост. Но благодаря исключительной предрассветной темноте казаки с «товарищами» смешались, замаскировав себя тем, что побросали или попрятали шапки («товарищи» были в картузах). Эту мысль и команду «спрячь шапки» подал выдающийся по храбрости сотник Савченко, находившийся в первой линии. (Я и сотник Савченко потом служили вместе во 2-м Таманском полку, были в один день, 22 ноября 1919 года, тяжело ранены петлюровцами под городом Казатиным и отправлены в Одессу. Я успел отлежаться и выбраться из Одессы, когда ее в последний раз оставляли белые. Савченко же остался и был дорезан большевиками. Если бы там были казаки, то, конечно, не оставили бы Савченко.)

Вторая наша линия была на материке (небольшая возвышенность) на расстоянии полуверсты от первой. Благодаря темноте она бездействовала из боязни стрелять по своим, не успевшим отойти. Казакам, находившимся на второй линии, было приказано отходить к станице. Казаки первой линии с сотником Савченко «наступая» совместно с «товарищами», благополучно добрались до виноградников, лежащих на пути к станице, и там, в одиночку и группами успели выбраться от большевиков, приведя с собою двух матросов и двух босяков пленными. Не хватало только 8 казаков, из которых пять были убиты, а один пропал без вести. Раненые — 9 человек тоже выбрались. Один молодой казак (Василий Белобаба) не выдержал «пекла» у моста, сошел с ума и уже не поправился.

На второй линии был убит фонталовец Порфирий Орел. На Орле, как на типе казака-черноморца, считаю не лишним остановиться. По прибытии на позицию фонталовской сотни я обратил внимание на казака в возрасте лет под 60. Это был типичный черноморец: на ногах носил постолы, рваная черкеска и старая шапка. На мой вопрос, почему дед явился на фронт, — ответил: «Прийшов за сына». — «А сын?». — «Та воно молоде, дурне, а я старий пластун, та ще й к тому охотник, стрелять добре умию... Та и папашу вашого знав, царства йому небесна». Зная душу казака, я сразу понял Орла. Желание сохранить жизнь сына, конфуз за него и оправдание: «папашу вашого знав». Этим он хотел меня расположить и, конечно, не ошибся. Характерно, что на фронт пришел за сына, как будто «в наряд» при станичном правлении, когда в страдную пору, во время полевых работ, старики отбывали этот наряд за сыновей, внуков или соседа. При этом за проступки и упущения по службе

подвергался дисциплинарному взысканию не тот, кто подлежал наряду, а тот, кто его отбывал: это был неписанный, веками сохранившийся казачий закон. Вот что передавали станичники о Порфирии Орле во время отход казаков с позиции, где сразу появились «товарищи»: одни видели, как Орел сидел на вербе и стрелял по «товарищам» — «дич гарна була»; другие видели, как вербу окружили «товарищи» и на ней расстреляли Орла, который свалился на землю и которого с остервенением кололи штыками. «Наряд» за сына Орел отбыл более верно, нежели мог его отбыть за себя. Это отвечало традициям и психологии казака.

К рассвету казаки были у станицы, но удержать всех их на окраине не было возможности: большинство вышло из подчинения. Это не было дезертирство. Было ясно, что лавину большевистских банд остановить не в силах и что озверевшие толпы «ваньков» и китайцев ворвутся в станицу. Поэтому каждый хотел помочь семье выбраться из дому и спасти что удастся из имущества. Однако часть казаков заняла на окраине станицы выгодные позиции — крайние дворы, дабы хоть на некоторое время задержать красных, наступавших за нами в несколько цепей.

Население станицы не было подготовлено к этой неожиданности, и прорыв нашего фронта застал его врасплох, когда почти все спали. Поэтому необходимо было задержать банды «товарищей» под станицею хотя бы на полчаса, чтобы дать возможность казачьему населению выбраться из нее, так как все казачье население неминуемо подверглось бы истреблению, что, впрочем, и случилось с отдельными казаками, оставшимися в станице и в ее районе. Оставшиеся на окраине станицы казаки, сознавая значение задержки «товарищей», как бы пожертвовав собою и семьями, нуждавшимися в их помощи при уходе из дома, отчаянно защищали окраину станицы, пока «товарищи» не стали врывать во дворы и улицы.

В станице в то время был страшный переполох, так как, кроме боя под станицею, она подверглась беглому артиллерийскому огню. Жители складывали свой скarb на подводы и выгоняли скот со дворов для угона от «товарищей». Часто, попадая под обстрел, все это бросалось. Обезумевшие женщины и дети, многие в ночном белье, метались по улицам, направляясь к западной окраине станицы — пути нашего отступления на Тамань. Многие попали под ружейный огонь ворвавшихся «товарищей». Было много убито и ранено. Среди убитых был отец штабс-капитана Чебанца. У казаков, защищавших станицу, было убито 7 человек, в том числе лучший урядник, пластун, герой Сарыкамыша, Трапезунда, и пр., полный георгиевский кавалер Терентий Быч. Ворвавшиеся в станицу «товарищи» подожгли первую попавшуюся на их пути хату и надвор-

ные постройки. Этим они дали знать своим в тылу о взятии станицы и как сигнал к прекращению артиллерийского огня. Подожженный двор принадлежал небогатой казачке, вдове с четырьмя малыми детьми, Тутаревой, муж которой был убит под Эрзерумом.

Наша полубатарей находилась на западе, в полуверсте от станицы, на горе у сопки Блевака, и обстреливала «товарищей», надвигавшихся, подобно саранче, на станицу. Эта батарея обозначала сборный пункт для казаков, отходивших с позиции через станицу, и тех, которые разбежались на помощь семьям выбраться из станицы. Здесь опять собрался отряд для прикрытия отходивших из станицы жителей и для занятия позиции на следующем рубеже.

Едучи через станицу по главной улице, я свернул в боковую улицу к своему дому, чтобы узнать, что случилось с моей семьей. Будучи занятым на фронте, мне некогда было подумать о том, чтобы отправить посыльного к жене с приказанием ей уходить из станицы. Жена с двумя детьми я нашел дома. Она была так растеряна, что не знала, что делать. Все соседние дворы уже были пусты. Семью не к кому было пристроить. Поэтому жена, в чем была, схватила одного ребенка на руки, другого за руку и частью через дворы, частью по улице едва успела выбежать за станицу, где ее подобрали казаки. Своевременно я не хотел эвакуировать семью, чтобы не внести деморализацию среди населения.

Из станицы я выехал за сопку, куда уже собрались казаки. Здесь была и фонталовская сотня (человек 60), старотитаровская же (деды) еще в начале разыгравшегося боя на Пересыпи двинулась домой. Приказал Яновскому отводить казаков к Таманскому заливу (10 верст от станицы), указав пункт новой позиции.

Сам потом съехал вниз на широкую дорогу, ведущую к Тамани. По этой дороге, увязая в грязи после накануне выпавшего дождя, ползли подводы, груженные домашним скarbом. Рядом с подводами старики и казаки гнали по высоким хлебам скот и овец. Проезжая вереницей этих беженцев, я совершенно не видел враждебных взглядов и не слышал по отношению к себе никаких упреков, как одному из виновников разыгравшейся трагедии. Скорее, по взглядам меня провожавших я мог заметить просьбу о защите и вопросы: что же нас ожидает дальше? В разговоры никто не вступал; каждый был напуган и спешил как можно скорее уйти. Это были первые беженцы, поголовно уходившие из своих домов, перед началом всех «прелестей», пережитых населением юга России, в особенности казачьих земель, во время Гражданской войны.

О прорыве нашего фронта я сейчас же сообщил старотитаровцам. Это означало, что они должны были немедленно оставить свои пози-

ции и отходить к Тамани, на линию, которую я предлагал им занять. Промедление отхода старотитаровцев грозило тем, что товарищи, взяв Ахтанизовскую, могли отрезать им путь отступления. Расстояние, которое должны были пройти старотитаровские отряды и выровняться с ними, было: от «Дубового Рынка» верст 18—20, от «Стрелки» — 25.

Отойдя к Таманскому заливу, мы заняли позицию между ним и озером Яновского. Фланги от обхода прикрыты. Но невыгода та, что длина этой позиции — от берега до берега — 4 версты, чему не соответствовала численность нашего отряда, состоявшего из четырехсот с лишним человек при 2 орудиях. Лучшего места для занятия его не было.

Во время нашего отхода от Ахтанизовской товарищи нас не преследовали — «некого было преследовать», и лишь их конные разъезды вели за нами наблюдение. «Товарищи» в ближайшие дни были «заняты» станицей Ахтанизовской, а также Фонталовской и Запорожской со множеством богатых частновладельческих хуторов. Заняты были «товарищи» не войною, а «выгрузкою» казачьего добра, накопленного примерными хозяевами, какие были у нас на Кубани.

Вслед за уходившими старотитаровцами «товарищи» заполнили их станицу (самую большую на полуострове) и Вышестеблиевскую, лежащую в 12 верстах от первой в сторону Тамани. В Старотитаровской «товарищи» сразу расстреляли нескольких казаков и зарубили тесаками бывшего станичного атамана урядника Мартыненко. Дальше «художества» по части изнасилования женщин, очистка сундуков от одежды — это особенно привлекало «товарищей», и вообще всего того, что полагалось по закону разбоя. В Вышестеблиевской «товарищи» не особенно бесчинствовали, так как эта станица была «больна», а подлежащая истреблению часть казаков ушла и поплатилась только имуществом.

Совсем иначе дело обстояло в Ахтанизовской. Ворвавшись в станицу, дикая орда хватала и расстреливала случайно оставшихся казаков, грабила дома, насиловала женщин. Так, например, жену священника изнашивали на глазах мужа и двух детей 8 китайцев; диаконшу нашли спрятавшейся за станицею в паровой мельнице и изнашивали «ваньки», или «тамбовцы» (как из называли казаки), в числе 12—15 человек. Разгромили станичное правление, кредитное товарищество, общество потребителей, «похозяйничали» на почте, погромили и запакостили церковь, забрали там ценные вещи и деньги, сожгли церковные книги, в том числе и церковную летопись — ценный документ, в который из года в год записывалась история станицы в течение 120 лет.

Мой дом больше всего интересовал «товарищей». Конные «ваньки» летели к нему сломя голову. От дома остались одни голые стены. Раз-

грабив что нашли для себя полезным, остальное перебили, перелома-ли, разнесли в щепки окна и двери, потрудились даже выворотить оконные и дверные коробки. Потом начали таскать солому на чердак, чтобы поджечь (крыша была железная), но от поджога спасла местная метера-большевичка по своей глупости. Она обратилась к громадам с просьбой: «Господа-товарищи, я не маю свою хату, отпишите мине оцю».

Со дворов красноармейцы выносили пшеницу, ячмень, высыпали на улицах и стогнали свиней для кормежки. В иных дворах натягивали веревки и вешали живых цыплят, утят, гусят, предварительно искупав их в болтушке из муки или в дегте. Одним словом, «ваньки забавлялись», проявляя свое пролетарское искусство кто как мог. Орды Мамая могли бы позавидовать «товарищам» в их умении громить, грабить и делать всякие пакости, да еще своим же русским людям.

На другой день, 26 мая, по занятии «товарищами» станицы, у берега лимана под станицею появилась флотилия рыбачьих байд. Это темрючане-рыбаки прибыли за «добычею». Но байд сносились: мука, зерно, одежда, ягнята, поросята, птица, и все это отвозилось в Темрюк. На ночь советские войска расположились по дворам поротно. Для чего из целого квартала сносились в один двор подушки, перины, одеяла, бараньи тулупы и пр., на которых «товарищи» укладывались в сапогах и амуниции.

Эти картинки (далеко не все) были записаны мною еще на месте, при опросе жителей.

Отойдя на новую позицию, вечером в тот же день я получил из Тамани две подводы патронов, 2 орудия, четыре подводы снарядов и два ракетных пистолета с патронами к ним. Это был подарок немцев. В виде утешения получили мы очередное извещение о том, что немцы каждый час могут направить свои войска на Тамань. В этом, собственно, и было наше спасение. Но обещания немцев стали терять уже веру, так как это тянется уже две недели.

26 мая из Тамани прибыла ко мне дезертировавшая из Голубицкого сотня под командою хорунжего Калиниченко. «На Тоби Боже, що мені не гоже!» Лучшего станица Таманская не могла дать, так как она держала заслон в нашем тылу в сторону Анапы.

Учитывая малочисленность казаков по сравнению с большевистскими бандами, их физическое и моральное состояние после 14 дней операций против красных, наши убогие технические средства — я стал просить штаб дать исчерпывающий ответ о немецком десанте, так как стал замечать, что штаб чего-то недоговаривает и скрывает от меня истинное положение. Из штаба мне ответили: «Не лучше ли было бы

вам самому переговорить с немцами». Этим штаб расписался в своей полной беспомощности, чем меня очень обрадовал.

Тогда я попросил штаб соединить меня по телефону с немцами, чтобы самому из первоисточника узнать об их намерениях и действовать в зависимости от ответа, т. е. или сдерживать «товарищей» до последней возможности, или заняться (безнадежной?) заботой приискания в Керчи плавучих средств для перевозки казаков в Крым, а оттуда на Дон. Нам было известно, что немцы находятся под Ростовом и что часть Дона очищена от красных. Часов в 8—9 вечера меня соединили с немецким штабом в Керчи. Попросил к телефону лейтенанта Гессе. Мне ответили, что лейтенанта в штабе нет, но его найдут и он сам мне позвонит.

Прошло около часу, прежде чем мне позвонили из Керчи. У телефона был Гессе. Я извинился, что его беспокою. Вежливый немец в свою очередь извинился, что заставил меня долго ждать. Начался разговор. Я обрисовал наше безнадежное положение, выход из которого видел только в помощи немцев живою силою, и спросил Гессе, можно ли на это рассчитывать. Он ответил, что есть распоряжение высшего командования и все готово для погрузки войск и что немцы обязательно будут на Тамани. («У попа была собака», — подумал я.) Но все же задаю вопрос:

— Когда же можно ожидать десант?

На это Гессе задал мне встречный вопрос:

— Можете ли вы продержаться 48 часов?

Я ответил:

— За этот срок я ручаться не могу.

— А 24 часа?

За этот срок я поручился, так как от нашей позиции до Тамани — конечного пункта отступления — было верст 20 и кое-где были выгодные складки местности, где можно было задержаться нам (тоже и «товарищам»), так как при дальнейшем нашем отходе для них открывается большой район богатых частновладельческих хуторов, еще не ограбленных «товарищами».

На мою просьбу выслать хотя бы взвод немецких солдат в Тамань для поддержания духа казаков Гессе ответил, что этого они сделать не могут.

Для меня оставалось загадкой: почему Гессе так интересовался временем — сколько мы продержимся. Впоследствии выяснилось, что немцы внимательно следили за действиями на Тамани, но по каким-то соображениям ожидали полной ликвидации нас большевиками.

В это время в Керчи большевики усиленно распространяли слух, что в случае высадки немцев на Тамани казаки сговорятся с красными и

уничтожат немцев. Но вряд ли немцы придавали значение этим слухам, ибо, когда у нас произошел крах, они в течение четырех часов погрузили и перебросили в Тамань (ширина пролива 30 верст), свой десант и заняли плацдарм для дальнейшего наступления.

27 мая, с половины дня, нас начала обстреливать большевистская артиллерия, а к вечеру повела наступление их пехота, пользуясь для этого, как прикрытием, хлебами. Завязалась жестокая перестрелка. Наступление «товарищей» было остановлено, и они отошли назад. В этом бою я потерял несколько казаков ранеными и полностью таманскую сотню. А произошло это так: когда завязалась ружейная перестрелка и «товарищи» перешли в наступление, хорунжий Калиниченко первым сорвался с места и драпанул. Митинговой сотне «личный пример начальника» пришлось по вкусу: она сразу последовала примеру Калиниченко, бежала без оглядки до самой Тамани, воображив, что ее преследуют «товарищи». Как чудо-рысак Калиниченко оказался примерным, казаки не поспевали за ним и острили: «Ох и швыдкий наш командир сотни, ще такого не бачылы...», «От нажины його!» и пр. Казачий юмор даже в таких случаях не покидал казаков.

Вопреки своему заявлению Гессе о том, что я не могу продержаться 48 часов, я все-таки продержался двое суток. За это время в старотитаровском отряде произошел перелом: там замитинговали. Задержавшись временно на одной линии с нами (по другую сторону озера Яновского), они оставили этот участок, отошли верст на 8—10 в сторону Таманской и остановились как табор на горе Карабетка. Я знал старотитаровцев как лучший боевой материал, а что они замитинговали, этому не пришлось удивляться, так как при отходе с первой позиции начальник отряда подбесаул Батицкий оторвался и скрылся в камышах. Остались при отряде хорунжие из учителей Передистый и Демьяненко и прапорщик из урядников Коваленко (все трое из станицы Старотитаровской). Демьяненко и Передистый за все время своего пребывания в отряде занимались разложением его. В данный момент начали уговаривать казаков сдать большевикам. Только доблестный прапорщик Коваленко и несколько урядников вели борьбу против яда разложения и поддерживали боевой дух казаков. Но все же им не удалось сохранить отряд от разложения.

Впоследствии доблестный прапорщик Коваленко был убит под Ставрополем (в 1919 году). Демьяненко при общей эвакуации оказался на Лемносе, где продолжал разлагать казаков, потом тем же занимался в Сербии, а в 1923 году уехал в Совдепию.

Утром 29 мая «товарищи» опять повели наступление. Казаки оказали исключительно упорное сопротивление: примером для них было до-

стойное поведение подчиненных мне офицеров Яновского, Савченко и Чабанца. Лихо работала наша батарея: сбила одну батарею красных, разогнала эскадрон кавалерии. Бой продолжался три часа. «Товарищи» опять отступили. К вечеру того же дня все их банды, бродившие по станицам и хуторам, были согнаны на фронт для решительного наступления. Остановить это наступление у нас не было никакой физической возможности, но сдерживать его по мере сил наших было необходимо. Мы не теряли надежды, что немцы придут нам на помощь, и нам надо выиграть время.

Принимая во внимание общую обстановку, штаб распорядился с наступлением темноты отойти к Тамани и занять позицию по балке у каменного моста, что в 10 верстах от Тамани. К утру 30 мая я был у этого моста, оставив на полпути к нему конную заставу для наблюдения за противником (на горе Шопаревой) и в 2 верстах — у хутора Воловикуших — пешую сотню сотника Савченко.

У каменного моста я занял позицию по линии балки, упираясь левым флангом в Таманский залив. Старотитаровцы оставив Карабетку, отошли на гору Комендантскую — на одной линии с нами. Они должны были здесь занять позицию, своим левым флангом к нашему правому, а правым упереться в лиман Цокур, лежащий в 6 верстах от залива. Но они занять позицию отказались и стали на горе табором. К ним приехал начальник штаба полковник Бедняков «уговаривать». Но он не мог поручиться за приход немцев и обеспечение плавучих средств для переброски в Крым, благодаря чему он едва избежал ареста и выдачи большевикам. Но к чести казаков надо сказать, что инициатива эта исходила не от них, а от Передистого. Вырвавшись от старотитаровцев, полковник Бедняков очутился на турецком миноносце, который, находясь вблизи берега, вел наблюдение за происходившим в районе Тамани.

В мое распоряжение опять прибыла Таманская сотня, которая уже два раза дезертировала с фронта, и несколько десятков старых казков-добровольцев станицы Таманской.

К вечеру «товарищи» появились у нашей позиции, отеснив сотню Савченко, бывшую впереди. Ожидая этого наступления, я через посланного мною офицера просил старотитаровцев поддержать нас хотя бы артиллерией. Их 8 орудий, находясь на горе, прекрасно могли обстреливать всю ложину, по которой двигались красные банды. Но старотитаровцы в этом нам отказали. Характерно, что главари настаивали на сдаче в тот же вечер (30 мая), но большая часть казаков настояла отложить сдачу до утра следующего дня, в расчете не повредить ахтанизовцам и в надежде на то, что в течение ночи может произойти изменение обстановки к лучшему.

Наступление «товарищей» я остановил своими силами, перешел в контратаку и прогнал их к Вололиковым хуторам. В это время совсем стемнело, и я отошел на позицию у моста.

Обстановка настоятельно требовала, чтобы мы до утра оставили позицию и перевезли казаков в Крым, так как к этому времени большевики подтянут свои силы, идущие вслед за нами и старотитаровцами, и тогда неминуемо мой отряд будет истреблен. Я снесся со штабом. Оттуда мне ответили, что к утру должны прибыть плавучие средства для погрузки казаков, но что я должен оставаться на позиции впредь до получения распоряжения, которое последует в течение ночи. В получении плавучих средств штаб сомневался или просто врал. Если бы штаб определенно заявил, что таковые будут, то старотитаровцы ни в коем случае не сдались бы. К вечеру он имел в своем распоряжении пароход «Вестник» и один болиндер (большая плоскодонная железная баржа).

Ночью в штабе в Тамани произошел тяжелый инцидент: туда явился хорунжий Передистый с несколькими казаками набросился на полковника Перетятко, угрожая ему револьвером за то, что он «подвел народ», хотел его арестовать и увести с собою. У полковника Перетятко, кроме нескольких растерявшихся штабных казаков, никого не было. К сожалению, я тогда не знал, что происходило в штабе, иначе послал бы взвод казаков и арестовал бы самого Передистого, и он уехал из штаба сдаваться.

Здесь уместно будет сказать, что во всех событиях, происходивших на Тамани, меньше всего был виноват полковник Перетятко. Его, как сказано выше, пригласили мы принять командование после разоружения банд в Тамани, и он, как достойный офицер, не мог отказать нам в исполнении нашей просьбы. Он происходил из старых кубанских дворян. Это был благородный, кристальной честности офицер. Он был расстрелян большевиками весной 1920 года.

Прошла уже полночь, а распоряжения из штаба об отходе не было. Остаться на позиции до утра и ввязаться в бой — означало бы обречь отряд на неминуемую и бесполезную гибель. Появились разговоры и в таманской митинговой сотне: «Треба ахтанизовцев переколоть, тоди тилько можно охвицерив выдать...» Такие разговоры отнюдь нельзя отнести ко все таманцам, но отдельные предатели могли найтись. Впоследствии часть этой таманской сотни проявила беспримерную доблесть при очистке полуострова.

После полуночи нервность в отряде заметно усилилась. Была заметна некоторая утечка казаков, но в массе казаки отряда из подчинения не выходили и держались еще сплоченнее.

В 2 часа ночи я получил распоряжение об отходе к Тамани.

Сняв отряд с позиции и отдав распоряжение Яновскому оставаться под Таманью в котловине, не переходя мост, и ждать моего возвращения к отряду, я сам поехал в штаб за распоряжениями. Уезжая, я приказал Яновскому задержать при себе таманцев, если понадобится силою, чтобы они не ушли в станицу и не информировать тамошнее иногороднее население о нашем крахе, которое могло нам напакостить хотя бы тем, что освободило бы пленных, с чем надо было считаться.

На рассвете я поехал в Тамань, где увидел у пристани пароход и один болиндер. В полуверсте от берега стоял турецкий миноносец. Подъехав к помещению штаба, недалеко от пристани, я увидел, что пароход до края переполнен людьми, и учел, что о погрузке на него моего отряда не могло быть и речи. В штабе я нашел полковника Перетятко и нескольких человек штабных чинов. Доложив ему о положении своего и старотитаровского отряда, я просил полковника как можно скорее ехать на пароходе в Керчь, разгрузить его там и прислать обратно, чтобы взять на буксир болиндер, который просил оставить для погрузки отряда. Раненые казаки и ахтанизовские обыватели, около 100 человек, о которых я особенно беспокоился, были размещены на пароходе.

С пленными не знали что делать. Я их взял в свое распоряжение. Простившись с чинами штаба, я поехал к своему отряду, а по пути заехал к амбарам, где содержались пленные (амбары эти служили для ссыпки зерна местных хлеботорговцев). Здесь я застал отряд в таком состоянии, что он готов был разбежаться. Я его подбодрил и успокоил тем, что сам возвращался к отряду. Там же оставил для связи с собою трех конных казаков и приказал на всех дверях иметь замки. Начальником караула был урядник, впоследствии подхорунжий корнет Мищенко станицы Старотитаровской. Это был один из самых активных моих помощников при разоружении банд в Тамани. На него я мог положиться.

Вернувшись к отряду, я застал его там, где ему было приказано оставаться, — в двух верстах от Тамани. При отряде было человек 60 старотитаровцев, ушедших от своих, которые заявили, что весь их отряд был бы здесь если бы было на что погрузиться. Отсюда было видно, что пароход уже далеко от Тамани. Со стороны большевиков не было видно ни одного казака, идущего к нам. Это означало, что старотитаровцы уже взяты красными. При таманской сотне отсутствовал поручик Супрун станицы Таманской, который уснул в хате и был ими брошен. Супрун там отлежался до прихода немцев. Он был убит под Царицыном.

Мною было приказано казакам взять винтовки, пулеметы, замки от орудий, патроны и седла. Таманскую сотню я подчинил себе и с отря-

дом увел к пристани для посадки на болиндер. Наш путь к пристани был совершенно скрыт от большевиков.

Весь отряд удалось погрузить на болиндер, переполнив его до отказа. Всего было погружено до 500 человек. Караул над пленными тоже был снят и погружен на болиндер. Пленные остались под замками, чем на некоторое время были задержаны в амбарах. А когда были кем-то выпущены, потянулись по дворам в поисках «жратвы», так как их последние два дня не кормили, чем до края снизили их энергию. Если бы было три болиндера, то можно было бы погрузить и старотитаровцев, которых было всего до 1000 человек. Мне казалось, что проявив штаб должную энергию, этими болиндерами мог бы обзавестись.

Оставаться на болиндере с погруженными на него людьми у пристани было рискованно, так как возвращение парохода, который должен был взять нас на буксир, можно было ждать часа через три-четыре, а за это время «товарищи» могли привалить к Тамани. До их прихода нас могли расстреливать военнопленные, бывшие теперь на свободе, вооружившись винтовками, спрятанными иногородними. Я рассчитывал, что нас возьмет на буксир турецкий миноносец, но турки отказали нам в этом. Случайно или была на то Божия воля, от берега с юга на север подул ветер, что бывает очень редко.

У пристани собралась масса народа проводить нас. Там меня ожидал 14-летний кадет Демьяник с огромным букетом цветов. Это был подарок таманских дам и единственная моя награда за мою работу и ранения на Тамани. Кстати об этом кадете: осенью 1918 года он сбежал от родных и вступил в какой-то из «цветных» полков и был убит под Таганрогом.

Надо было воспользоваться попутным ветром. Болиндер был оттолкнут нами от пристани. Гонимый легким ветром, он со скоростью улиты поплыл «по воле волн». Из «экипажа» на болиндере был единственный старик грек, ни слова не говоривший по-русски и изрядно выпивший. Через полчаса мы отплыли на расстояние ружейного выстрела. Дальше мы плыть не могли — наш «капитан» заартачился, начал кричать, размахивать руками, тыкать пальцем в воду. Все смеялись, не понимая, что ему надо. Наконец грек растолкал казаков; подбежал к якорю и бросил его в воду. Мы потом догадались, что дальше были мелкие места и что ожидаемый пароход не мог бы подойти к нам.

Отплыв от берега, мы могли наблюдать за движениями большевиков. По ложине параллельно заливу двигалась пехота, а от Комендантской горы по следующей возвышенности растянулась конница. По этой коннице миноносец открыл огонь из дальнбойного орудия. Снаряды ложи-

лись хорошо. Конница свернула в сторону и скрылась за возвышенностью. Потом миноносец начал обстреливать пехоту. Этот обстрел замедлил движение товарищей, что впоследствии дало возможность немцам высадиться в Тамани раньше, чем ее заняли большевики.

Часам к 11 дня появился пароход. Он остановился верстах в 2 от нас. К нам подошел катер, с которого нам заявили, что капитан, не зная обстановки, не решается подойти к нам. Я поехал на пароход. Там мне не хотели верить, что пока нам ничто не угрожает. С парохода увидели за станицей упряжку с двумя орудиями. Орудия эти наводили в сторону моря. Это таманские мужики схватили брошенные нами орудия без замков и пугали ими нас. Сперва, как потом говорили, эти орудия тягали по кузницам с целью их исправить. Экипаж парохода надо было убедить, что орудия без замков. Просьбой и угрозами я заставил капитана идти к болиндеру. Капитан скомандовал дать ход. Матросы, как бы готовясь на рискованный подвиг, сняли фуражки, перекрестились и разбежались по своим местам. Месяц спустя при встрече с этим капитаном (грек Зародиади), он мне сказал, что его матросы обижены не будучи представленными к награде «за спасение» моего отряда и просил меня позаботиться об этом.

По пути в Керчь мы встретили длинный ряд небольших пароходов, тянувших за собою по два-три болиндера. То был немецкий десант. Часам к двум дня 31 мая станица Таманская была занята немцами, на окраине которой у них завязался бой с «товарищами».

На очистку полуострова немцы затратили две недели. При их богатом вооружении (броневые автомобили, аэропланы и другие технические средства) они понесли потери: убитыми 2 офицера и 37 солдат. Население станиц, в которых погребали немцев, принимало трогательное участие в похоронах. Для многих убитых немцев, в знак благодарности, отводили места не на кладбище, а в церковной ограде. В станице Голубицкой немцы устроили свое отдельное кладбище на возвышенности старинного укрепления, где было погребено 27 человек. На похоронах женщины оплакивали чужеземных героев, избавителей от красной нечисти, а также трогательно целовали руку католическому (или протестантскому) священнику, как своему батюшке.

После очистки полуострова в станицах, как полагалось в те времена, началась порка большевиков и большевизанов. Пороли больше всего в станице Ахтанизовской. Там поркой заведовал казак из дворян, сын есаула, Иван Михайлович Штригель. В его распоряжении находилось несколько китайцев, воевавших тогда «за родную Кубань» и выполнявших всюду роль палачей. Этих обезьян Штригель порол собственноручно каждое утро. После порки каждый китаец считал своим долгом

поклониться Штригелю в ноги и тоненьким голосом сказать «спасибо». При этом обыкновенно по щекам китайца текли «слезы благодарности».

Вместе с немцами сражались и казаки, среди которых были также убитые и раненые. Был убит доблестный штабс-капитан Чабанец. Таким образом, мать его потеряла почти одновременно мужа и сына.

Лично я в операции по очищению немцами полуострова не участвовал. Оправившись от ранения, я был командующим войсками на Тамани назначен на должность казачьего коменданта города Керчи, где и пробыл от 12 июня по 20 июля, затем отправился с десантом в Приморско-Ахтарскую для присоединения к отряду генерала Покровского, гнавшему товарищей к Новороссийску.

Сдавшихся на Комендантской горе старотитаровцев «товарищи» пересортировали и человек 400 угнали в Темрюк, где они просидели в местной тюрьме 2½ месяца, до освобождения западной Кубани от большевиков. Всех казаков из ближайших станиц было в темрюкской тюрьме до 800 человек. Пришлые банды не раз пытались переколоть арестованных, но их яростно отстаивали темрючане, часть которых составила охранные роты. Большинство населения защищало арестованных из боязни расправы со стороны казаков, прихода которых ожидали каждый день. Население антибольшевистское защищало их по понятным причинам. Когда в тылу города появились части отряда Покровского, идущие после взятия Славянской на Новороссийск, и пришел час «товарищам» драпать из Темрюка, то тюрьма охранялась ротами из буржуазного элемента. Кроме того, тюрьму окружало пролетарское население обоего пола и разного возраста и ему с трудом удалось отстоять казаков от истребления ухивившимися бандами. Немалую роль в спасении казаков сыграл местный купец, по происхождению еврей, Левкович — солдат мирного времени, мобилизованный во время мировой войны.

Банды успели улизнуть из Темрюка раньше, чем туда подошел Уманский полк из отряда генерала Покровского.

* * *

Так протекал на Кубани маленький эпизод в истории большой Гражданской войны. Не будет преувеличенным сказать, что этот эпизод сыграл большую роль в развитии первоначальных успехов Добровольческой армии при движении ее на Кубань.

Восстание на Тамани происходило в то время, когда она находилась в пределах Дона и была в зачаточном состоянии. О восстании на

Тамани она узнала из советских радиопередач, что, очевидно, имело для нее моральное значение, говорившее о назревшей почве для похода на Кубань.

Как следствие восстания казаков на Тамани, была оккупация ее немцами, которые закрепили Таманский фронт против большевиков. Наличие этого фронта отвлекало значительные силы большевиков. Возможно, что то же обстоятельство дало возможность Добровольческой армии пополнить свои ряды за счет казаков, укрывавшихся от мобилизации их красными против немцев. Можно думать, что и стойкость большевиков, действовавших против войск Доброармии, была бы иная, если бы они не оглядывались на немцев, боясь их наступления со стороны Таманского полуострова и учитывая ту трепку, которую немцы дали товарищам на Тамани, особенно в районе станицы Голубицкой и под Темрюком, где убитых насчитывались сотни.

Во время наступления Доброармии на Кубань ее правое крыло под командою генерала Покровского Таманский полуостров подкрепил высадкою в Ачуеве хорошо сформированной батареи. Вместе с нею было доставлено 1200 винтовок, 8 пулеметов и свыше 100 ящиков с патронами и снарядами. В то время все это имело больше значение для отряда Покровского, фактически полувооруженного. От станицы Славянской и до Новороссийска эта батарея участвовала во всех боях. Впоследствии она была названа 1-й Кубанской батареею.

Из Тамани же был высажен в Приморско-Ахтарской конный дивизион под командою полковника Белого. Он в Новороссийске вошел в состав войск Покровского и из своих рядов пополнил Кубанский гвардейский дивизион.

Образование Таманского фронта спасло тысячи жизней казачьих и «буржуйских» ближайших к полуострову станиц и городов Темрюка и Анапы, т. к. местные большевики, ожидая наступление немцев, воздерживались от «углубления».

Во время наступления Доброармии на Кубань из черноморских портов Новороссийска, Сочи и других на пароходах и баркасах масса ми убегали комиссары, матросы и всякий другой преступный революционный сброд, направлявшийся в Крым. На море часть этих беглецов вылавливалась немцами и направлялась на Тамань «для фильтрации». В результате этого число «углубителей» уменьшилось на несколько сот человек. В числе их находилось немало «красы и гордости революции», и между ними с миноносцев «Керчь» и «Феодосия», на которых, главным образом, истреблялись матросами офицеры Черноморского флота, вплоть до сжигания их в топках миноносцев.

Восстание на Тамани было одним из первых восстаний на Руси, причем возникло оно не под влиянием отдельных лиц, а в рядовой массе казачества, что лишний раз подчеркнуло народный характер его. Такие народные восстания имели место во многих местах России, особенно на Украине, но нигде народ не мог дать должный отпор разнузданной черни, руководимой всякими шарлатанами и проходимцами.

Только казаки, как народ храбрый, организованный, дисциплинированный и психологически обособленный, восставшие на территории всех 11 войск, смогли бороться, вместе с лучшею частью сынов нашего Отечества, в течение нескольких лет, вести неравную борьбу с ненешними поработителями нашей Родины.

Заслуги таманских казаков в Белом движении — факт неоспоримый и должен бы представить одну из страниц истории борьбы с большевиками. Но к сожалению, он остался в тени и известен только оставшимся в живых, там, «за чертополохом», и живым участникам Таманского восстания в эмиграции.

В то время в лесах и горах Кубани находились и другие повстанческие отряды, находившиеся в несравненно лучших географических условиях, чем восставшие казаки на Кубани. Заслуги этих отрядов иногда заключались только в отсиживании в лесных и горных трюпках. Таманцам же отсиживаться было негде — кругом вода.

О большинстве этих отрядов шумели, писали в газетах, докладывали в Раде, часто раздували подвиги их, участников награждали, давали чины. И в то же время подвиги восставших таманцев были «аннулированы» непризнанием «Таманской армии» главным командованием. Оно не поинтересовалось, какие жертвы понесли и какие подвиги свершили таманцы; оно не учло того, что Таманский фронт приковал к себе до 50 орудий и до 20 тысяч бойцов Красной армии. Оно видело только «тяжелый грех» таманцев, впустивших к себе немцев, но оно упустило из виду, что немцев таманцы впустили тогда, когда о существовании Доброармии не знали не только на Тамани, но и вообще на западе Кубанского края.

По взятии Екатеринодара и очистке Западной Кубани от большевистских банд в Темрюк прибыл от командования генерал Карцев. Немцы на Таманский полуостров его не пустили и лишь разрешили перейти под Темрюком Кубань, к выстроившимся в ожидании его казакам.

Генерал поздоровался с казаками, но не сказал им «спасибо», а только сквозь слезы произнес: «Ах, дети, дети! Зачем вы впустили немцев? Ну да Бог вас простит».

Казаки в то время были скромные, невзыскательные и не избалованные наградами. Главною наградою для них было «спасибо за службу». Казаки радовались приезду своего старого казака-генерала, а тут такой финал.. «От так! И за службу не поблагодарив!»

Отсутствие «спасибо» и упрек за немцев были для казаков горькою обидою.

Какое дело казаку до политики! Когда дом горит, берут крайнее ведро. Тем более, что дом горел не только свой, а всероссийский

Кроме вины таманцев за союз с немцами, была другая причина непризнания Таманской армии и ее заслуг.

Во время пребывания немцев на Тамани туда стали просачиваться из районов занятых большевиками и из Крыма офицеры, но не для того, чтобы вместе с немцами сражаться против большевиков. Там образовалась группа «немецкой ориентации», возглавляемая кубанцами полковником Ипполитом Камянским, есаулом Горпищенко и подьесаулом И. Борчевским. Эта группа объявила себя «Кубанским правительством». Она выпустила дерзкую прокламацию против Кубанского атамана и Кубанского правительства, а также против Добровольческой армии, с призывом к населению Кубани не подчиняться им. Прокламация эта была составлена от имени населения полуострова, ничего общего не имевшего с этою группою. Она разбрасывалась немцами с аэропланов за пределами полуострова.

Впоследствии Камянский и Горпищенко были судимы в Екатеринодаре за мятеж и лишены чинов и орденов.

Возможно, что у Главного командования были и другие причины непризнания заслуг таманцев, в результате чего геройская борьба казаков на Таманском полуострове осталась не отмеченной и геройские подвиги участников ее ничем не отмечены.

В общественном мнении, за исключением, быть может, Темрюкского района, эпизоды на Тамани были изглажены последующими событиями и чехардою героев, появившихся на сцене Гражданской войны.

Таманское восстание казаков изгладилось из памяти, не оставив по себе ни единого следа в истории Гражданской войны, за исключением двух-трех газетных заметок в наших заграничных изданиях.

Раздел 7

ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Б. Байков²⁶⁷

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ²⁶⁸

Уже в октябре месяце проходившие через Баку, морем из Персии, и через узловую станцию Баладжары (по шоссе 8 верст от Баку) с Кавказского турецкого фронта, а также и шедшие из Туркестана через Красноводск — Баку воинские части, представляли собою в большинстве разложившиеся солдатские массы, с оружием в руках стремившиеся к себе на родину в Центральную Россию. В ноябре развал фронта уже вполне обозначился, и мужественный старик генерал М.А. Пржевальский²⁶⁹, герой Сарыкамыш и Эрзерума, стоявший в то время во главе командования Кавказской армией, уже не мог ничего поделать.

Создавшийся к тому времени Закавказский Комитет, во главе с Е.П. Гегечкори, распорядился закрыть для уходивших с фронта войск город Тифлис, опасаясь разграбления его и богатейших военных запасов, в нем сосредоточенных, солдатскими бандами, для этой цели узловая станция Навтлут (в 5—6 верстах от Тифлиса), через которую шло раньше сообщение с фронтом как из Тифлиса, так и из центра России, была закрыта и узловая станция была перенесена в Караязы, кажется, или еще дальше — одним словом, верст за 40—50 от города Тифлиса, благодаря чему воинские части по железной дороге следовали в Россию минуя Тифлис.

Вместе с тем тот же Комитет, учитывая и последствия переворота, свергнувшего Временное правительство и давшего власть большевикам, и развал фронта, и совершенное обнажение государственных границ, постановил разрешить формирование национальных частей. Армяне и грузины, отбывшие воинскую повинность в России на общем основании, имели в своей среде немало кадровых солдат и много офицеров, среди которых было много весьма дельных.

* * *

В ином совершенно положении оказались закавказские татары, взамен личного отбывания воинской повинности платившие воинский налог и имевшие в составе российской армии очень немного представителей среди офицерства.

Тифлиссские интендантские арсеналы и склады заключали в себе колоссальнейшие запасы оружия, обмундирования, провианта, фуража, всякого снаряжения и т. д., рассчитанные на миллионную армию. Было, следовательно, чем и вооружить и снабдить вновь формируемые национальные воинские части всех родов оружия, как армянам, так и грузинам, не говоря уже о том, что оружие имелось при себе у каждого из возвращавшихся к себе на родину со всех фронтов воинов — грузин и армян.

Разрешено было и русскому населению Закавказья формирование особого русского корпуса, во главе которого стал, если не ошибаюсь, генерал Левандовский.

Татарам в выдаче оружия было или вовсе отказано, или же выдача такового была только обещана в будущем, да и то в незначительном количестве. Однако и татары приступили тоже к формированию национальных воинских частей, которым оружие и снаряжение нужно было иметь во что бы то ни стало. И на этой именно почве разыгрались ужасающие кровавые события, известные под именем Ш а м х о р с к и х событий.

Лица, стоявшие к этим событиям ближе, прольют когда-нибудь на всю эту поистине кошмарную историю полный свет.

По почину ли самих татар (кого-либо из их главарей), по указке ли из Тифлиса, прилегающему к линии железной дороги Тифлис—Баку татарскому населению дано было кем-то понять, что можно отнять оружие у проходящих с фронта русских воинских частей. (Широкие общественные круги связывают с Шамхорскими событиями имя грузина полковника князя Л. Магалова, стоявшего со своим татарским полком Дикой дивизии около города Елизаветполя, недалеко от места избиения русских воинских частей. — Б. Б.). И вот, в течение нескольких дней на железнодорожных станциях в районе города Елизаветполя (в особенности у станции Шамхор, Далляр, Даль-Маметлы и др.) на проходившие воинские эшелоны произведен был, по преимуществу в ночное время, ряд нападений татарскими вооруженными бандами. Поезда обычно тем или иным путем останавливались (даже путем подготовленных заранее крушений) и сонные, ничего не понимавшие солдаты расстреливались и ограблялись. В то же время

следующие эшелоны, ничего не знавшие о том, что происходит впереди, продвигались вперед и с ними проделывалось то же самое.

Так продолжалось несколько дней, пока, наконец, об учиненных татарами зверствах не дошла весть по линии в сторону к фронту. Эвакуировавшиеся с фронта части хотели было изменить направление и пробиваться через Тифлис на Батум, но их не допустили в сторону к Тифлису бронепоезда, охранявшие этот участок пути.

Вынужденные двигаться в ту же сторону, то есть на Елизаветполе — Баку, воинские части, озлобленные участью своих боевых товарищей, пошли дальше уже как по вражеской стране, сметая по всему пути все татарское население, принимавшее и не принимавшее участие в кровавых Шамхорских и иных нападениях. Местами войска шли боевым порядком, громя все из орудий и пулеметов. В результате было действительно разгромлено уходящими с фронта войсками много цветущих аулов, поселков и местечек.

Далекую от истины информацию по этому предмету дает В. Станкевич (Судьбы народов России, стр. 245), говоря, что «русская озлобленная и дезорганизованная армия катилась с фронта, грабя и громя главным образом мусульманское население (по данным мусульман, при этом было разрушено дотла около 200 мусульманских селений)». Кроме мусульманских селений, ни одно селение других национальностей тронуть не было; цифра разрушенных селений мусульман безусловно преувеличена, ибо всякому, кто знает Закавказье, ясно, что на 5 — 10 верст по обе стороны железнодорожного пути, даже если считать весь путь от Баку до Тифлиса, расположено лишь несколько десятков татарских селений.

Одна из воинских частей, понесших при столкновении с татарами в пути большие потери, привезла своих убитых в Баку, где и похоронила их на кладбище. Похороны социалистическими организациями были обставлены с большой помпой и произвели на татарское население весьма угрожающее впечатление; и в татарских частях города ожидали эксцессов, которые, к счастью, не имели места. Настроение в городе во всяком случае было тревожное и ждали погрома татар.

* * *

В связи с нараставшим все более национальным разъединением жизнь в Закавказье все более усложнялась. Нарастало недоверие татар к армянам и обратно; ухудшались отношения к русским со стороны и татар, и грузин. Передвижение по краю представителей одной национальности в местах, населенных другой национальностью, недружелюб-

но или враждебно настроенной (как, например, армян через татарские провинции), было не только затруднительно, но и опасно. В Баку скопилось около 8000 армян-солдат, вернувшихся с европейских фронтов войны с оружием в руках. Следовать одиночным порядком они опасались, так как им угрожала опасность от вооруженного татарского населения; пропустить же их эшелонами и в виде воинских частей не соглашалось татарское население, опасаясь в свою очередь эксцессов.

Население, кроме русского, лихорадочно вооружалось в ожидании каких-то грядущих событий.

Озлобление татар, вызванное в них теми потерями, которые понесло татарское население в результате Шамхорских событий, вылилось в так называемые Муганские столкновения: Муганская степь, расположенная в нижнем течении рек Куры и Аракса и северной части Ленкоранского уезда, до того совершенно бесплодная и кишевшая всякими гадами, в течение последних 40—50 лет, с поселением на ней русских, по большей части сектантов (главным образом, молокан) и с устройством на ней ирригации, расцвела и превратилась в одну из плодороднейших и богатейших местностей не только Закавказья, но и всей Российской Империи. Появились богатейшие поселения подчас с населением, доходившим до нескольких тысяч человек. Хлопок, клевер, всякие хлеба, с одной стороны, рыбные промыслы — с другой давали трудолюбивому русскому населению (и сектантам, и православным) огромные излишки, сверх необходимого на прожиток. Население богатели и примером своим будило к подражанию и косное татарское население, которое начинало перенимать у русских их способы обработки. Отношения между населением русским и татарским не оставляли желать лучшего; татары несколько побаивались русских, помня, как несколько десятков лет назад только что поселившиеся русские переселенцы жестоко расплачивались с окрестным туземным населением за всякое причиняемое ему зло (кражи, утонкота, разбои, убийства). И русские, и татары жили мирно и добрососедски. Правда, порою приходилось слышать от ярых националистов татар, что русское правительство неправильно заселило богатейшую Муганскую степь русскими выходцами и лишило туземное население этих богатейших земель (к слову сказать, в течение столетий оставшихся незапаханными и бесплодными).

С началом революции и по мере все большего ее углубления и ответственного ослабления русской власти татарские националисты стали все громче подымать свой голос. Лозунг «Закавказье для кавказцев» решал, по их мнению, все вопросы о дальнейшем существовании русского населения в Закавказье. Все чаще (даже и в прессе) раздава-

лись голоса, что русским пора уходить из Закавказья, уступив насиженные ими места природным их владельцам — татарам.

В конце декабря 1917 года, точно по приказу, начался разгром татарскими вооруженными бандами цветущей Верхней Мугани. Было разгромлено до 30 богатейших селений; разгром этот начался так неожиданно, что русское население не оказало почти никакого сопротивления. Но уже Средняя и Верхняя Мугань не только подготовились к защите, но и сами, в свою очередь, истребили все те татарские поселения, которые находились или в ближайшем их соседстве, или вклинивались в полосу русского поселения. Мугань стала вооруженным станом в особенности после возвращения с фронта солдат, уроженцев Мугани.

Та же приблизительно картина наблюдалась и в частях Геокчайского и, в особенности, Шемахинского уездов, где также имелось много русских поселений. Этому русскому сельскому населению не на кого было опереться с падением русской национальной власти. Власть же кавказская — Закавказский Комитет — была занята своими внутренними и внешними национальными делами и ей было не до защиты чуждого ей в этот момент русского населения. Перед кавказской властью вставали, с одной стороны, грозный призрак торжествующего русского большевизма, с другой — реальная угроза со стороны Турции.

Народившееся в Баку беспартийное (в него входили персонально правые эсеры, кадеты и правые политическая группы) Русское национально-демократическое общество (выставившее свой список и на городских выборах в Баку) энергично взялось за дело помощи бедствующему русскому населению. Правильно считая, что в переживаемой эпохе все вопросы и политического, и физического существования решаются реальной силой, Русское национально-демократическое общество вступило в ближайшее соглашение с командованием русского «национального» корпуса в Тифлисе и провело на Мугани формирование нескольких русских пехотных полков и артиллерии, и деятельно снабжало русское население оружием и патронами, собирая на это необходимые денежные средства.

* * *

Отношения армян и татар после событий 1905—1906 годов, когда междоусобная их вражда дошла до открытого столкновения, сопровождавшегося взаимными массовыми избиениями, были испорчены вконец.

Будучи свидетелем этих столкновений, могу сказать с полной уверенностью, что они были инспирированы русской правительственной властью, воспользовавшейся существовавшим втайне антагонизмом этих двух народностей, хотя и не проявлявшимся до того внешним образом, но находившим себе определенное объяснение в симпатиях армян и мусульман русских к своим зарубежным единоплеменникам в Турции Баку и его район в 1905 году, во время первой русской революции, представлял серьезный политический очаг, и русское правительство сознанием этой национальной междоусобной распри ликвидировало нараставшее политическое движение, запугав население призраком гражданской войны

Случайно на меня выпала тяжелая обязанность быть защитником во всех положительно делах об армяно-татарских столкновениях, разбиравшихся военными судами с применением законов военного времени. И ни в одном из этих дел не удалось доискаться до истинных причин этих столкновений и до имен действительных их вдохновителей. И лишь в процессе об убийстве Бакинского губернатора князя Накашидзе, убитого бомбой (защищал вместе со мной и присяжный повторенный А. С. Зарудный), брошенной армянскими террористами, удалось пролить свет на роль князя Накашидзе и вообще русской администрации в деле организации этих погромов, причем администрация определенно инспирировала татар на эти погромы, снабжая их и оружием.

Отношения армян и татар с 1905—1906 годов были испорчены, и хотя внешним образом и не проявлялись ни в чем, но взаимное недоверие и подозрительность проявлялись весьма резко.

И чем больше проявлялся сепаратизм татар, тем более в широких армянских массах (не говоря уже об интеллигенции и вообще о верхах) преобладала чисто русская ориентация по мере все большего углубления всероссийской «смуты». В армянах властно говорил инстинкт самосохранения, подсказывавший им, что изолированность их территориального расселения угрожает им смертельной опасностью от окружавших их тесным кольцом мусульманских народностей, не суливших им, судя по примеру их турецких зарубежных братьев, ничего хорошего в будущем. Это именно психологическое состояние армян объясняет и их склонность идти даже с большевиками. Армяне откровенно говорили: «Мы с русскими, будь они даже и большевики».

Привыкнув издавна к борьбе за свое физическое существование, армяне деятельно готовились к событиям, надвигавшимся с очевидной неизбежностью.

* * *

При изложении истории выборов в городскую думу нам пришлось упоминать, что большевики к этому времени уже объявились официально в ряду других политических партий.

В Баку существовал совершенно открыто ряд большевистских организаций, и в городе было определенно известно, что у них имеется свой штаб и что они деятельно готовят к выступлению.

Фракция большевиков в городской думе, пользуясь разбродом социалистических сил, вела социалистов за собой по пути максимализма. Со дня на день постановления городской думы становились все более демагогическими. Истинные интересы городского хозяйства, до которых социалистам всех оттенков не было никакого дела (ибо им, пришлым людям, интересы плательщиков и демократических слоев населения были чужды), были принесены жертву целям усиления социалистами своего политического влияния. Расшатанные революцией городские финансы расшатывались еще больше путем широкой выдачи денег из городского сундука на удовлетворение самых несуразных требований городских служащих и рабочих. Из той же городской кассы выдавались деньги и бастующим рабочим промышленного района (к городу не принадлежавшего), и морякам торгового флота, и пр., и пр. Нехватавшие на все эти операции средства извлекались сначала путем учета в банках краткосрочных обязательств городской управы, а когда иссяк и этот источник (банки перестали верить), городская дума приступила к печатанию своих собственных денег — бакинских «бон».

Под влиянием социалистов, шедших послушно за большевиками, городское самоуправление вмешивалось положительно во все сферы жизни горожан. При этом преследовалась одна лишь определенная цель: все мероприятия имели целью привлечение пролетарских масс под эгиду социалистических групп и, в частности, большевиков, обещавших массам больше других. В сущности, проводилась самая беззастенчивая демагогия. Вместе с тем большевики очень ревностно следили за деятельностью тех групп и партий, которые продолжали с ними идейную борьбу.

Помню, между прочим, такой инцидент: комитет партии «Народной Свободы» выпустил анонимную листовку (не помню, кто был ее автором), в которой очень хлестко и метко характеризовалась разрушительная и явно антигосударственная работа большевиков. Появилась эта листовка, кажется, в первых числах января 1918 года, она произвела очень сильное впечатление и буквально расхватывалась повсюду.

Прошло несколько дней, и вдруг, как-то поутру в помещении комитета явилась боевая дружина большевиков и, несмотря на протес-

ты дежурного члена комитета и служащих, ею был произведен обыск, причем большевик товарищ Джапаридзе (этот самый Джапаридзе был одним из наиболее видных комиссаров большевистского правительства, продержавшегося в Баку с апреля по июль. В августе 1918 года он был расстрелян англичанами в Закаспии — Б. Б.), руководивший обыском, заявил, что они ищут доказательств, что так не понравившаяся им листовка напечатана у нас. И хотя обыск не дал никаких результатов, было заявлено, что деятельность наша находится под наблюдением.

Налеты большевиков, преследовавших цели (по их словам) борьбы с контрреволюцией, становились все чаще. И все же многие из русских общественных деятелей (не скрою, что и я был в их числе) не допускали не только мысли, чтобы выступление большевиков в Баку и захват ими власти оказался возможным, но даже не допускали самой возможности подобного выступления. При наличии двух компактных национальных масс — армян и татар, в большинстве своем настроенных буржуазно, большевикам, полагали мы, не на кого было бы опереться в населении.

Одновременно с этим в группе горожан, не социалистов, учитывавших, что усиливавшийся развал городского хозяйства и управления приведет к катастрофе, которая поразит одинаково все классы населения и с особой силой отразится на беднейшем населении, возникла мысль об организации самопомощи населения. Во главе этой организации стали уже названные мною присяжные поверенные А. К. Леонтович и Я. Н. Смирнов и один из старейших горожан — присяжный поверенный М. Я. Шор.

Предположенная организация — «Центродом» должна была объединить стройную систему «домовых комитетов», на которую возлагалось осуществить все то, что, в сущности, входило в ближайшие задачи городского самоуправления, и прежде всего охрана безопасности граждан.

Домовые комитеты и их объединения — участковые, районные и «Центральный» — брали на себя исполнение целого ряда функций и обязанностей, которых в то время не нес никто: регистрация населения, наблюдение за чистотой и порядком в домах и на улицах, охрана безопасности в домах и на улицах, в особенности в ночное время, борьба с огнем и т. д. К образовавшейся инициативной группе в самое короткое время примкнул ряд энергичных людей, без различия партий, и этой значительно расширенной группе удалось добиться согласия городского самоуправления на утверждение всего плана предположенной организации и разрешено было приступить к открытию действий. Через две-три недели были произведены выборы, и у нас в

городе появилась мощная и принесшая огромную пользу впоследствии организация «Центродом».

Чем ниже падала деятельность городского самоуправления и его органов, тем более все нормальные функции и управы, и думы переходили к «Центродому» и его органам. Весьма скоро жизнь заставила «Центродом» взять на себя и все заботы о питании населения, о снабжении его предметами первой необходимости, заботы по борьбе с эпидемиями и проч.

Душою «Центродома» с самого же начала был упомянутый А. К. Леонтович, который бессменно до июля 1919 года оставался председателем Центрального домового комитета. Забросив свою профессиональную деятельность и все свои личные (многочисленные) дела, покойный ныне Леонтович весь отдался созданному им делу, сумев привлечь к нему интерес во всех слоях населения, многонационального и разноязычного. Если близкие люди в шутку звали его «Центродом», то многие из числа населения звали его так совершенно всерьез, до того личность его была неотделима от его деятельности.

И каких только «Центродом» не имел органов. пекарни, потребительные кооперативы, закупочные организации, больницы, детские приюты, образовательные курсы и т. д. Буквально не было той выдвигаемой жизнью нужды или потребности, на которую бы ни откликнулся «Центродом».

Деятельность эта осуществлялась и при большевиках, в дни осады турок, при владычестве турок, при англичанах, при Азербайджанском правительстве.

Отсутствовавший с июля 1919 года по март 1920 года А. К. Леонтович в апреле 1920 года в первые же дни занятия города Баку большевиками был ими арестован и в ту же ночь расстрелян в тюрьме, как контрреволюционер и «деникинец».

Чтобы закончить характеристику личности А. К. Леонтовича, много поработавшего на общественной ниве, скажу еще. Когда в марте месяце 1918 года в городе произошло вооруженное выступление большевиков и выяснилось, что татары не удержатся, А. К. Леонтович, живший в наиболее угрожаемой части города в армянском доме, несмотря на просьбы всех его близких, не хотел уйти из дома, в котором жил, ссылаясь на то, что уход его из дома произведет деморализующее впечатление на соседей и на околотов; он ушел из дома только тогда, когда дом, подожженный татарами, был уже весь в пламени и, выбежав на улицу с женою и трехлетним единственным сыном, попал под уличный обстрел, и на его глазах был убит пулей в сердце его ребенок и разрывной пулей тяжело ранена была его жена.

* * *

Баку и его нефтепромышленный район с его колоссальными запасами нефтяного топлива, без которого должны были стать в России вся промышленность, железнодорожное и паровозное движение, поставили перед новым властелином России — большевиками — неотложную задачу захвата Баку. Навигация в Баку начинается обыкновенно в начале марта, ибо к этому времени обычно очищается от льда устье реки Волги и рейд.

Приближение момента выступления большевиков определенно чувствовалось всеми слоями населения. Большевики и не думали вовсе скрывать свои намерения. Всякими правдами и неправдами у приходивших воинских частей отбиралась та или другая часть оружия (в особенности пулеметы) и снаряжение; была задержана материальная часть нескольких батарей. Каспийский флот был весь распропагандирован.

К моменту готовившегося выступления большевиков в городе были задержаны, при содействии железнодорожников, несколько воинских пехотных частей, шедших с фронта.

Одна лишь морская авиационная школа не только не разделяла плана большевиков, но и была определенно настроена против этого выступления, что до известной степени смущало большевиков.

Сил для овладения в городе властью было достаточно. И тем не менее, если бы и армяне, и мусульмане оказали большевикам совместное энергичное сопротивление, попытка большевиков им бы, наверное, не удалась. И большевики это отлично учитывали и потому все свои усилия направили на то, чтобы расколоть возможный союз этих двух национальностей.

Из рассказанного выше видно, что поводов к взаимному недовольству, и даже к неприязни было достаточно. И тем не менее наиболее умеренно настроенные вожди обеих национальностей и люди из их среды, смотревшие вдаль и оценивавшие возможные последствия надвигавшихся событий, старались искренно повлиять на элементы, наиболее возбудимые.

Из числа русских все те общественные деятели, которые пользовались каким бы то ни было влиянием среди армян и татар, энергично работали над тем, чтобы как-нибудь поддержать общий фронт против большевиков. Происходили неоднократно свидания руководителей той и другой национальностей — Армянского и Мусульманского национальных комитетов.

Накануне выступления большевиков, вечером 24 марта 1918 года (ст. ст.), я был на заседании городской думы. Часов около 7 вечера

по телефону дали знать, что на Петровской набережной происходит вооруженное столкновение между большевиками-матросами и производившим погрузку в Ленкорань эшелон Дикой дивизии под командой корнета Али Асадуллаева. Заседание думы было прервано, и в результате краткого совещания бывшие налицо представители армян, татар и некоторые русские отправились к большевикам и на место столкновения, и, казалось, все было приведено к спокойствию. Но, выйдя из здания думы, я увидел на улице густые толпы татар, вооруженных до зубов, спешившие из всех нагорных татарских частей к месту бывшего столкновения.

На улицах было беспокойно, и я прошел поблизости к одному приятелю — татарину, у которого остался ночевать. Около 11 часов вечера нам позвонили по телефону, что инцидент улажен, причем татарская воинская часть временно сдала оружие матросам-большевикам.

Так как за несколько дней перед тем Армянский национальный комитет категорически заверил, что, в случае какого-либо столкновения между татарами и большевиками, армяне останутся нейтральными, то можно было надеяться, что все обойдется благополучно.

На другой день, поутру, возвращаясь к себе домой, я почти совсем успокоился. На улицах все было спокойно, хотя малоллюдно, и лишь поражало отсутствие извозчиков. При переговорах по телефону отовсюду получались успокоительные сообщения.

Но около 4 часов дня мне позвонил по телефону А.К. Леонтович и сообщил, что сейчас происходят горячие переговоры на Баилове (морская территория) между большевиками и представителями татар, потребовавшими возвращения оружия, отобранного накануне вечером у всадников Дикой дивизии; что переговоры эти вряд ли приведут к благополучному концу и что перемирие, если дело не закончится миролюбиво, кончается в 5 часов дня.

Я жил в центральной части города, в большинстве населенной армянами, причем из окон моей квартиры открывался с двух сторон вид почти на весь город и рейд.

Около 5 часов дня загремели первые орудийные выстрелы судов Каспийского флота, отошедшего несколько в глубь рейда. Дымки разрывов ясно были видны в нагорной части города, густо населенной татарами. Вскоре затрещали пулеметы в разных сторонах и одновременно послышалась сильная ружейная стрельба. Орудийная канонада все усиливалась.

Население попряталось по домам; зашедшие к нам еще до начала открытия военных действий знакомые остались у нас, не рискуя добираться уже до дому.

В течение 4 дней в городе был буквально ад. К счастью, телефон продолжал действовать, и это была наша единственная связь с людьми близкими. Ежеминутно получались самые разнообразные сообщения.

Поначалу татары имели успех; говорили, что у них была артиллерия и что она наносит большой урон большевикам. Но уже на второй день стало ясно, что татарам не устоять в неравной борьбе.

Армянский национальный комитет с своей стороны принимал меры к тому, чтобы сдерживать армянские массы от участия в столкновении. Но комитет партии «Дашнакцутюн» решил принять активное участие в борьбе и «дашнакцакане» повели наступление на татарские позиции; к ним примкнули и армяне-солдаты, томившиеся уже несколько месяцев в городе и не имевшие возможности, по указанным выше причинам, добраться к себе домой.

Озлобление с обеих сторон все усиливалось; большевистско-татарское столкновение начинало приобретать характер национального столкновения, причем против татар, кроме большевиков, выступали все большие массы армян.

Огонь судовой артиллерии становился все сильнее и разрушительнее; артиллерия большевиков была на выбор; один за другим сносились здания, особенно дорогие в глазах мусульман: большая мечеть Джума, дом мусульманского благотворительного общества, редакция и типография стариннейшей газеты «Каспий» (татарофильской, но выходившей на русском языке), дома богачей татар. Начались пожары. Положение татар все ухудшалось, и, наконец, они дрогнули: начался массовый исход татар из города в окрестности.

Несчастное население татарских частей города, бросая имущество на произвол судьбы, спешило уйти из-под убийственного огня артиллерии и пулеметов и скрыться где-нибудь в окрестностях.

Начались попытки к прекращению дальнейшего кровопролития, переговоры тянулись без конца, ибо большевики требовали сдачи без всяких условий с выдачей всего оружия и известного числа заложников. (На решение большевиков о прекращении дальнейших боевых действий против татар повлияла не столько ненужность дальнейшего кровопролития, сколько категорическое заявление двух пехотных русских полков, при возвращении с фронта умышленно задержанных большевиками в городе, — полки эти, не принимавшие никакого участия в военных действиях большевиков, категорически заявили, что если большевики не прекратят дальнейшего кровопролития, то полки эти немедленно сами выступят против большевиков. Угроза эта была весьма серьезной, ибо эти два полка боевого состава представляли свыше 8000 человек бойцов. — Б. Б.)

На третий день мы получили тревожные сведения о несчастной судьбе брата моей жены, А.К. Леонтовича, а через час к нам домой были привезены сам обезумевший от горя Леонтович, тяжело раненная разрывной пулей навывлет в грудь его жена и труп их трехлетнего единственного сына.

29 марта по телефону я получил сообщение, что военные действия будут прекращены, так как достигнуто соглашение между враждебными сторонами. И действительно, огонь стал стихать, и часам к 2 в городе все как-то сразу затихло. Вместе с тем стало известно, что в городе образовалась большевистская власть и во главе ее стал Степан Шаумян, назначенный Верховным комиссаром всего Кавказа приказом из Москвы. В тот же день большевиками было объявлено в Баку осадное положение, и город был подчинен коменданту прапорщику Авакияну, известному своей предшествующей деятельностью по разложению воинских частей. (Авакиян — недоучившийся студент, офицер военного времени, все время скрывавшийся в тылу; кокаинист и неврастеник; расстрелян в числе 26 большевистских бакинских главарей в августе месяце 1918 года англичанами в Закаспийском крае. — Б. Б.).

На другой же день комитет партии «Народной Свободы» имел конспиративное заседание, на котором решено было временно приостановить деятельность и принять меры к сокрытию всех дел комитета и документов.

* * *

Мне не раз пришлось слышать впоследствии отзывы, что в «мартовские дни» 1918 года армяне беспощадно истребляли татар. Справедливость заставляет меня сказать, что это — далеко не верно.

В результате уличных боев погибло немало и армян, и среди них много выдающихся людей, как, например, д-р Леон Атабекян, один из лидеров эсеров, сын другого видного общественного деятеля и члена Армянского национального комитета Г.Б. Тер-Микелянца, боевой офицер, пробывший всю войну на фронте, и много других, коих сейчас не вспомню. Около 3000 татар было спасено армянами и интернировано на время событий в огромном театре братьев Маиловых, где их все время поили и кормили. Среди спасенных армянами татар было много представителей буржуазии и общественных деятелей, и даже такой явный армянофоб, как инженер Бейбут-Хан Джеваншир, один из организаторов и руководителей массового избиения армян в сентябрьские дни того же года, после взятия Баку турками и азербайджанцами.

Кто первый начал военные действия в памятные «мартовские дни»? Мне лично доискаться этого не удалось, и знают это лишь те, кто стоял в то время во главе событий, но полагаю, что обе стороны — и большевики, и татары — шли одинаково неудержимо навстречу событиям.

Надо при этом иметь в виду, что партия «Мусават», после национального разграничения Закавказья (но еще до официального отторжения Закавказских республик от России, последовавшего месяцем позже), считала Баку своею национальной вотчиной и стремилась занять в Баку доминирующее положение. К этому же стремились и большевики в силу указанных уже выше причин. Армяне в большинстве тяготели к России и характерно, что даже у нас, в кадетском комитете, правоверные кадеты из армян стояли на той точке зрения, что на Кавказе большевики делают «русское» дело. Русские рабочие стояли в то время в большинстве уже на большевистской платформе; остальное же русское население, явно не сочувствовавшее большевизму, не представляло собой никакой действительной силы.

Как велики были потери, понесенные татарами во время «мартовских дней»? Официального их подсчета никогда не было сделано, да это и вообще представлялось бы невозможным. Сами татары на первых порах называли цифру убитых и раненых в 6000 человек; думаю, что цифра эта под влиянием перенесенных ужасов и страха была преувеличена. Поэтому цифры, называвшиеся впоследствии, — 15, 20 и более тысяч, — явно фантастические. Во всяком случае, необходимо отметить, что и со стороны татар, и со стороны армян было проявлено много случаев зверств: не только убивали, но и надругались над своими жертвами и те, и другие.

* * *

Исход татар, начавшийся еще в самые дни мартовских событий, обратился в поголовное бегство. Татары, спасшие свою жизнь, боялись за свою свободу, ибо большевики принялись массами арестовывать татар (больше — по доносам), и в особенности всех тех, которые хоть сколько-нибудь возвышались над уровнем пролетарских классов; обвинения если и предъявлялись, то — или в контрреволюционности или в принадлежности к «бекско-ханской» партии «Мусават».

Немедленно же начались (для нас это было еще вновь) политические и социальные эксперименты, составляющие систему большевистского государственного управления: под лозунгом конфискации буржуазных капиталов были закрыты и ограблены банки вместе с их сейфами; произведена реквизиция товаров в магазинах и на складах.

Меры эти тотчас же привели к фактическому уничтожению всякой торговли, закрытию базаров и к исчезновению с рынка товаров и съестных продуктов. Все бралось на учет и подлежало распределению.

Началась реквизиция квартир, помещений и домов. На место учреждений и организаций, существовавших до того, создавался неимоверно сложный аппарат многочисленных коллегияльных учреждений с огромным штатом служащих «товарищей».

Большевистские учреждения заполнялись людьми в большинстве малограмотными, не понимавшими того дела, к которому они приставлены, исписывалась масса бумаги, отдавались бессмысленные и жестокие распоряжения, и все это злое дело оправдывалось каким-то революционным правосознанием и прочими социалистическими бреднями.

Проведя на первых же порах выборы в Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, куда, понятно, на первых же порах прошло большинство делегатов-большевиков, Верховный комиссар Ст. Шаумян сорганизовал при себе исполнительный комитет, члены которого являлись народными комиссарами по отдельным отраслям управления.

Затем было преступлено к организации этих отдельных комиссариатов.

Кто же были эти комиссары?

Народное просвещение было вручено некоей Колесниковой, сельской учительнице, вся заслуга которой перед революцией заключалась в довольно продолжительном тюремном стаже. Психопатка, малограмотная, вздорная, с очень тяжелым характером, особа эта принялась за коренную ломку всех школ и учебных заведений (было много специальных) и на первых же порах окончательно запутала все дело народного образования.

Как на один из примеров ее бестолковой деятельности укажу на следующее: ей, Колесниковой, захотелось облагодетельствовать пролетарские массы открытием целой системы библиотек, приблизив их к самому населению. Для этого несколько богатейших и прекрасно поставленных библиотек (городского самоуправления и, в особенности, Общественного собрания — частного клуба) со многими десятками тысяч томов были свезены в одно место, откуда без всякой системы книги эти (разрозненные издания, вперемешку и без всякого разбора) были арифметически, счетом, разбиты между несколькими десятками пролетарских библиотек. Нечего и говорить, что большинство книг «товарищами» были раскрадены и впоследствии появились в виде товара на базарах.

Колесникова добивалась от учительского персонала того, чтобы он проникся пролетарским мирозерцанием.

Созвав собрание всех педагогов, Колесникова повела к ним речь в таком тоне, который оказался совершенно неприемлемым для людей интеллигентных, а засим предложила собранию принять какую-то дикую резолюцию. Педагоги в ряде речей отчитали Колесникову, а когда ею были призваны в собрание красноармейцы для подавления «бунта», то собрание разошлось, заявив протест.

Комиссар водного транспорта, тоже имевший продолжительный тюремный стаж при старом режиме (фамилии его не помню), уже через месяц проворовался и, хапнув 3 000 000 николаевских рублей, с ними бежал, но был где-то около Астрахани задержан и выведен «в расход».

Комиссар финансов (фамилии также не помню), мелкий чиновник Бакинского казначейства, сразу ставший большевиком, был изобличен в мелкой взятке (несколько десятков тысяч рублей, бакинскими бо-нами) и также выведен «в расход».

Мне более известна деятельность комиссариата юстиции. Во главе его был поставлен некто Кариниан (ныне, в 1921—1922 годах состоит на службе в большевистском Внешторге в Константинополе. — Б. Б.), столичный помощник присяжного поверенного, никогда не занимавшийся судебной практикой и имевший завидное, с точки зрения революционера, тюремное прошлое.

Мало сведущий в юриспруденции, основательно им позабытой с университетской скамьи, Кариниан получил себе в коллеги или же сам себе пригласил какого-то темного дельца, татарина, состоявшего при одном из местных присяжных поверенных в качестве переводчика и маклера, приводившего своему патрону с улицы клиентов; и этот господин являлся главным советчиком «товарища» Кариниана.

В то время как все отрасли управления были уже реорганизованы большевиками, Кариниан, создав ряд следственных, военно-следственных и чрезвычайных следственных комиссий, положительно не знал, что ему делать с окружным судом и остальными судебными учреждениями. Оставить эти суды нетронутыми и предоставить им функционировать дальше было бы ересью с большевистской точки зрения, ибо у них должно было быть все по-новому, вплоть до названия.

В конце концов было решено Каринианом переименовать окружной суд в Народный окружной суд, уничтожив совершенно Гражданские отделения суда, а мировых судей переименовать в народных судей, придав всем этим судам (как Окружному коллегияльному, так и единоличным) народных заседателей, избираемых Советом рабо-

чих, солдатских и матросских депутатов из «товарищей» с определенным пролетарским правосознанием.

Прокурорский надзор было решено уничтожить, а обвинение перед судом сделать свободным делом всякого гражданина, как будто задачи прокуратуры ограничивались одним публичным обвинением перед судом.

Назначенный Каринианом председателем следственной комиссии некто Тер-Оганиан, левый эсер, помощник присяжного поверенного, никогда не занимавшийся практикой, обратился ко мне с просьбой помочь им моими знаниями. Я не мог отказать себе в удовольствии написать вместо проекта судебной реформы самый злой памфлет, придав ему самый корректный вид деловой записки, обильно снабженной ссылками на литературу по затронутым вопросам.

Кариниан пожелал со мной познакомиться и побеседовать. При единственном моем свидании с ним я еще резче высказал ему мою точку зрения и предсказал ему, что уже через месяц они (большевики) не будут знать, что им делать со своими судебными учреждениями и с распложенными ими делами. Разумеется, от всяких предложений, сделанных мне Каринианом, я отказался.

Военно-следственная комиссия со своим председателем «товарищем» Кожемякой (малограмотным слесарем) занялась исследованием «мусаватского» бунта; так квалифицировались, с точки зрения большевиков, «мартовские дни». В этой комиссии почти ничего не писали, а больше действовали: хватали людей, сажали в тюрьмы и расстреливали.

Лично мне пришлось много раз по делам моих клиентов обращаться в Следственную комиссию, где председателем был Тер-Оганиан, уже упомянутый мною выше. Среди 15—20 следователей, ее составлявших, было не более двух-трех юристов, да и то без всякого стажа; недоучившиеся студенты (медики, ветеринары, математики), писцы из судебных канцелярий, два-три письмоводителя, служивших у присяжных поверенных — вот состав этих следователей.

Принимались к производству всякие жалобы, даже чисто гражданского характера; дела нагромождались сотнями и тысячами.

Главное затруднение комиссии состояло в том, что никто не знал, в какой момент счесть дело законченным и что с законченным делом сделать дальше.

Прошло около трех месяцев, пока Кариниан додумался создать коллегия из всех следователей (общее их собрание), которая должна была изображать из себя обвинительную камеру.

Можно себе представить, что делалось только в этом учреждении!

По мысли Кариниана, все дела, прошедшие через обвинительную камеру, должны были поступать в Народный окружной суд на рассмотрение и для суждения. Но за время царствования большевиков (апрель—июль) ни одно дело не только не было рассмотрено, но даже не поступило в суд.

Народные судьи также не были назначены по недостатку подходящих людей.

Кариниан занялся совращением членов магистратуры и чинов прокуратуры на службу советской власти. Положение чинов судебного ведомства, материально и при прежнем режиме не обеспеченного, было ужасное; и тем не менее не более половины из состава магистратуры соблазнились на призыв Кариниана. Прокуратура же во главе с своим Прокурором А.Ю. Литвиновичем категорически отказалась работать у большевиков, и все они оказались за бортом.

Не могу не отметить здесь трогательного отношения А. Литвиновича к своим товарищам; он делился с ними буквально последним; бегал по городу и искал пристроить куда-нибудь своих бывших товарищей, в особенности семейных, что, благодаря его большой популярности и незапятнанной репутации, ему нередко и удавалось.

Большую услугу этим потерпевшим кораблекрушение членам судебной семьи оказал «Центродом» и его председатель А. Леонтович, устроившие многих на службу по многочисленным учреждениям «Центродома». Там же в конце концов приютился и сам А. Литвинович.

Из числа комиссаров некоторое исключение составлял А. Джапаридзе, которому вверено было два ведомства: внутренние дела и продовольствие.

Первая из этих отраслей управления, при условии коллегиальности созданных учреждений и, главное, при режиме диктатуры одного класса (пролетариата) над всеми другими, скоро дала себя почувствовать всему населению.

Печать на первых же порах была задушена, причем типографии были национализированы, как и вся бумага.

Издавались в изобилии декреты, коими обыватель окончательно ущемлялся.

Дело продовольствия день от дня становилось все хуже и угрожало катастрофой.

Во-первых, все окрестные селения (татарские) совершенно прекратили подвоз, и город остался без овощей, молока, яиц, живности и т. д. Путь на хлебную Кубань и в Ставропольскую губернию был

отрезан, так как весь Дагестан был не только определенно настроен против большевиков за их жестокость в отношении мусульман, но из Дагестана доходили тревожные сведения, что оттуда угрожает большевикам первый удар.

Не приходилось, далее, большевикам рассчитывать и на богатую всегда хлебом Мугань: отношения русского населения Мугани к мусульманам Мугани были до того обострены, что там ежеминутно можно было ожидать возникновения столкновений; кроме того, русские поселенцы не дали бы хлеба иначе как за деньги или за товары, и о реквизициях нечего было и думать.

Голод в Баку был, что называется, на носу. И комиссар А. Джапаридзе сумел на время отказаться от своих большевистских доктрин, понимая, что Господь может легко привести большевиков к падению их власти. Он обратился к «Центродому» и, в частности, к Леонтовичу; последнему удалось убедить А. Джапаридзе не только не разрушать организации «Центродома», организации аполитичной, но, наоборот, организацией этой воспользоваться как готовым аппаратом для распределения продуктов среди населения и, мало того, поручить тому же «Центродому» производство закупочных операций. Не без большой борьбы со своими «товарищами» Джапаридзе удалось отстоять «Центродом» и в Исполнительном комитете, и в Совдепе.

И хотя вопрос продовольствия все же стоял очень остро в течение всего времени владычества большевиков, однако все же «Центродом» оказал населению незабываемые услуги.

Вообще Джапаридзе оказался наиболее творческим и гибким из всех главарей большевиков. Достаточно вспомнить его проект получения хлеба из Терской области морским путем с постройкой железнодорожной ветки к Старотеречной (пристань на западном побережье Каспия), благодаря чему можно было миновать Петровск-Дагестанский и Кубинский уезд, находившиеся в руках дагестанцев и татар. К постройке этой ветки, которая должна была соединить Каспий с Моздоком и Кизляром для выкачивания хлеба с Северного Кавказа, было преступлено, но она не была закончена до падения власти большевиков.

А. Джапаридзе окончил свои дни так же, как и большинство бакинских комиссаров; в августе, когда комиссары вынуждены были бежать и прибыли в Красноводск, там они были все задержаны по распоряжению правительства Закаспийской области, состоявшего из правых эсеров и меньшевиков, и, по требованию англичан (генерала Мадисона), были переданы в руки англичан, которые и расстреляли их всех в пустыне, верстах в ста от города Красноводска.

* * *

С первых же дней захвата ими власти в Баку большевики повели усиленную агитацию против татар, имея главным образом в виду партию Мусават, по их, большевиков, определению, бекско-ханскую феодальную организацию; и на митингах, и в печати, и в многочисленных прокламациях большевики призывали рабочих и крестьян к свержению ига татарской буржуазии, капиталистов и помещиков.

Пропаганда эта в некоторых районах Елизаветпольской губернии привела к кровавым расправам татарского крестьянства над своими помещиками.

Вместе с тем большевики проповедовали поход дальше, в глубь Закавказья, занятие не только татарских провинций, но и всей Грузии.

В Баку стали прибывать через Астрахань морем артиллерия, пулеметы, воинские части и все необходимое для ведения военных действий. Одновременно шла и усиленная мобилизация среди христианского населения, главным образом города Баку и его промыслового района; выдача усиленных пайков не только самим красноармейцам, но и их семьям, а также и снабжение семей мобилизованных всем необходимым привлекало в ряды армии массу людей, в большинстве без всякой военной подготовки.

Начался поход вдоль линии Закавказских железных дорог на Тифлис; в то же время часть отрядов направлена была в Шемахинский и Геокчайский уезды. Продвижение по линии железной дороги шло почти без боев до станции Евлах, где большевикам преградила путь река Кура, широкая, быстрая и глубокая в этом месте, с единственной переправой по железнодорожному мосту.

В пределах Шемахинского и Геокчайского уездов, где большинство населения составляли татары, большевики встретили отчаянное сопротивление, организованное командированным из Елизаветполя, где в то время уже собралось Учредительное собрание будущей Азербайджанской республики, членом первой Государственной думы Исмаил-Ханом Зиатхановым (кадет; расстрелян большевиками в 1920 году во время подавления восстания в Елизаветполе — Б. Б.)

Русское население этих уездов (главным образом молокане), уже потерпевшее перед тем от бесчинств татар в связи с Шамхорскими событиями, и, в особенности, население армянское, издавна враждовавшее (еще с 1905—1906 годов) с татарами, присоединились к большевикам. В результате двухмесячной борьбы, ведшейся с переменным успехом, почти все татарские селения, большинство армянских и цветущий город Шемаха, с 30-тысячным населением, оказались уничто-

женными дотла. От всей Шемахи осталась одна русская церковь, да и то полуразрушенная.

Большевики, имея в своем распоряжении артиллерию и неимоверное количество снарядов, вынудили Зиатханова к отступлению.

Но по линии железной дороги большевики, дойдя до станции Евлах, дальше не могли развить своего наступления и в конце концов были даже вынуждены отойти к станции Кюрдамир, дававшей им более выгодное стратегическое положение, так как левый фланг их прикрывался рекой Курой и рядом болот.

В это же самое время со стороны Дагестана началось наступление двух Дагестанских конных полков с 3 или 4 орудиями под командой генерала Б.П. Лазарева²⁷⁰.

Дагестанцы не дошли до Баку всего 25—30 верст. Большевики двинули против них свои лучшие силы (между прочим, матросов) с многочисленной артиллерией. Два орудия у дагестанцев были подбиты, и они начали поспешно отступать.

Большевики в своей прессе (а другой не было) трубили о своих победах. Между тем дела их на главном фронте, на Тифлисском направлении, шли неважно. Плохо обмундированные и снабженные красноармейцы, страдая от жары и не имея хорошей питьевой воды, все время действовали в местности, изобилующей комарами и москитами, началось массовое заболевание малярией и стало развиваться повальное дезертирство, ибо в войсках дисциплины не было никакой и таковая заменялась революционным сознанием.

На главном фронте появились турецкие регулярные части, медленно, но верно, продвигавшиеся вперед.

В начале мая 1918 года и Грузия, и Азербайджан (а следом за ними вынуждена была к тому и Армения) объявили о своем отделении от России и объявили себя независимыми и суверенными государствами.

В то же время Азербайджан (или Елизаветпольская и Бакинская губернии) заключил военный союз с Турцией, и на помощь к нему пришел генерал Халил-Паша (брат Энвера), с двумя или тремя пехотными дивизиями. В Елизаветполе (Ганже, по татарскому именованию) началось формирование новых воинских частей (татарских), главным образом конных, под руководством турецких офицеров и бывших русских, из числа татар и грузин.

Уже к концу июня турецко-азербайджанская армия под командой Мурсала-Паши сильно потеснила большевиков и, в сущности, обложила Баку со всех сторон. Баку, для защиты его от наступающих на него турок, представлял исключительно выгодные условия обороны. Подступы к нему с юга и юго-запада находились под обстрелом тяжелой су-

довой артиллерии Каспийского флота. С юго-запада и запада ближайшая, окаймляющая Баку возвышенность (Ясамальский хребет), круто, почти отвесно падающие в сторону наступающего, усиливаются, с точки зрения обороны, глубоким ущельем (Ясамальским), также обстреливаемым анфиладным огнем с моря. Наиболее уязвимой частью обороны города Баку была северная сторона, т. е. Апшеронский полуостров, густо населенный исключительно татарским населением. Но и с этой северной стороны, при условии, что линия обороны была бы надлежащим образом оборудована и укреплена до станций Хурдалан и Зорат (по железной дороге к Петровску), при надлежащем содействии со стороны флота не угрожало непосредственной опасностью, ибо наступающий должен был пройти около 15—20 верст по совершенно открытой местности под огнем бьющей по нем артиллерии противника.

Население с момента воцарения большевиков переносившее всякие невзгоды, начинало высказывать явное неудовольствие против большевиков.

В Совдепе все сильнее раздавались голоса о необходимости прибегнуть к чьей-нибудь посторонней помощи. Недовольные начавшейся против них со стороны большевиков травлей, армяне — «дашнакцукане», которых большевики обвиняли в том, что партия «Дашнакцутюн» преследует не интернациональную, а исключительно национальную и, следовательно, империалистическую политику, не стесняясь выступали открыто против большевиков.

Явное осуждение успехов на фронте и бездарной политики большевиков высказывали Союз солдат-фронтовиков и большинство моряков Каспийского флота, организовавших к тому времени руководящий орган Центрофлот, в руках которого находилось могущественнейшее средство обороны Баку — флот с его судовой артиллерией.

Сильное недовольство против большевиков нарастало и среди рабочих масс на заводах и на промыслах. Официально большевиками распущенные Армянский национальный совет и комитет партии «Дашнакцутюн» ясно представляли себе те последствия, которые угрожают армянскому населению (скопившемуся в Баку) в случае взятия последнего турками и озлобленным татарским населением.

Один из членов Армянского национального совета, присяжный поверенный С. А. Тер-Газаров был командирован в Энзели, в Персию к генералу Данстервилю, командовавшему английскими войсками в Персии, для переговоров о приглашении англичан для защиты Баку. И несмотря на сильную оппозицию большевиков, после ряда шумных и бесконечно длинных заседаний Совет рабочих, солдатских и матрос-

ских депутатов незначительным, правда, большинством решил пригласить англичан и, в первую голову, состоявшего у них на службе войскового старшину Л. Ф. Бичерахова, который вслед за тем, высадившись к югу от Баку у станции Аляты, с своим отрядом из 18 сотен (кажется) кубанцев и терцев с двумя батареями, 4 аэропланами и броневыми автомобилями тотчас же потеснил правый фланг турок за станцию Кюрдамир. Но, продержавшись около недели на фронте и понеся в результате горячих боев с турками и с полками Дикой дивизии значительные потери, не поддержанный «красной» армией Л. Ф. Бичерахов внезапно отошел к Баку, остановившись со всем своим отрядом, посаженным в вагоны, у станции Баладжары.

В тот момент, когда турки, воспользовавшись отходом отряда Бичерахова, начали свое первое непосредственное наступление на Баку, Л. Ф. Бичерахов ушел со своим отрядом к северу по железной дороге к Петровску, посылая по своему полевому радиотелеграфу в Баку телеграмму, приглашая защитников Баку держаться и обнадеживая своею дальнейшею помощью.

За несколько дней до ухода бичераховского отряда в город Баку из Астрахани, морем, прибыл отряд товарища Петрова, в составе этого отряда была хорошая артиллерия, и в особенности дивизион полевой тяжелой артиллерии — гаубицы и мортиры. Приход отряда Петрова окрылил надежды большевиков удержаться и на внешнем и на внутреннем фронте, т. е. удержаться у власти. С. Шаумян и Исполнительный комитет распустили Совдеп и назначили новые выборы, причем самые выборы сопровождались внушительной демонстрацией — дефилированием по городу и заводскому району отряда Петрова. Но выборы не оправдали надежд большевиков, в огромном большинстве во всех районах прошли социал-революционеры, эсдеки и даже беспартийные. Такого провала не ожидали даже и большевики. Большевики окончательно потеряли власть и должны были уйти.

Жуткую ночь пережило население осажденного турками города Баку (кажется, 28-го или 20 июля). Большевики решили уйти в Астрахань, забрав с собою по возможности все вооружение, наличность казначейства и запасы, во всем городе огни были потушены, и большевистским комендантом был отдан приказ, что всякий, появившийся после 8 часов вечера на улицах без разрешения, будет на месте расстрелян, всю ночь по всем улицам грохотали грузовики, фургоны, повозки, скакали во всех направлениях конные ординарцы. В то же самое время какими-то путями проникали в дома слухи о том, что с фронта ушли его защитники и очищено от войска наиболее уязвимое для города место — Баладжарский фронт.

Знай только турки истинное положение вещей, они легко могли бы взять Баку в ту же ночь.

Поутру у Петровской набережной и на рейде Бакинской бухты стояли готовые к отходу полтора десятка спешно погруженных большевиками пароходов. Пароходы не отходили, как оказалось, потому, что между большевиками и Центрофлотом происходили резкие препирательства. большевики требовали свободного их пропуска, в то время как Центрофлот настаивал на возвращении всего захваченного и увозимого большевиками, угрожая в противном случае, потопить большевиков. Пока тянулись эти переговоры, часть большевистских судов ушла в море, но их у острова Жилаго (часах в 4 хода от Баку) нагнали два быстроходных военных судна «Карс» и «Ардаган» и принудили, под угрозой открытия огня и потопления в открытом море, вернуться обратно. Бежать удалось только одному пароходу, на котором находились все комиссары и главари большевиков, причем ввиду случившейся на нем аварии и опасения, что он не дойдет до Астрахани, пароход этот повернул в Красноводск, где все большевики, с С. Шаумяном во главе, были задержаны, переданы англичанам и ими расстреляны.

* * *

Власть в Баку перешла к «Диктатуре Центрофлота», состоявшей из пяти лиц трех морских офицеров и двух матросов.

Одержанная ими победа над большевиками, выразившаяся в особенности в отобрании у них столь необходимых для продолжения защиты Баку артиллерии и всякого вооружения, вызвала общий подъем настроения в населении.

31 июля турки начали приступ на ближайшие к Баку позиции; наступление на Баладжарском фронте наскоро собранными частями было отбито...

*Б. Кузнецов*²⁷¹

1918 ГОД В ДАГЕСТАНЕ²⁷²

Позорно кончилась война. Не так представляли себе горцы Кавказа конец величайшей войны. Всем хотелось вернуться в родные аулы украшенными крестами и медалями с погонами урядника, юнкера и даже офицера. Мнились бесконечные рассказы на порогах

саклей о своих подвигах, показ трофей-клинков, винтовок, привезенных с фронта, и т. д. Вместо этого спешная отправка по домам под враждебными взглядами и криками разнузданной толпы бывших солдат и рабочих.

После неудачного, спровоцированного Керенским похода на Петроград (генералы Крымов, Краснов) Туземной дивизии все полки были отправлены на Кавказ по местам своих формирований. Все 6 полков были сведены в Туземный корпус под командой генерала Половцева, штаб-квартира которого была назначена в горороде Владикавказе, там остались начальники дивизий: 1-й — генерал принц Каджар²⁷³ и 2-й — генерал Хоранов²⁷⁴.

Началось медленное, но верное разложение частей Туземного корпуса. Не желая упускать в общей разрухе подходящего момента, ингуши и чеченцы принялись за свое излюбленное занятие — грабежи. В городе уже не было никакой силы для поддержания порядка. Власть находилась во многих руках сразу — распоряжались местный Совдеп и городское самоуправление. Центральной власти не было. На основании полной свободы и автономии всех народов все народы сразу хотели что-то урвать от бывшей могучей России. У грабителей же было лишь одно желание: побольше набрать добра и увезти в горы. Ингуши артистически грабили город Владикавказ на глазах бессильного начальства. В одном конце города ими устраивалась демонстрация — подымалась стрельба и туда летели конные группы якобы для защиты, в то же время на совершенно противоположном конце города, где заблаговременно были собраны арбы (подводы), грузилось все подряд взятое здесь из ближайших домов имущество, вплоть до роялей. Чеченцы пошли дальше. Участок железной дороги по обе стороны станции Гудермес (между Хасав-Юртом и Грозным) был ими совершенно разобран, станция сожжена, рельсы сняты и вагоны угнаны на буйволах в аулы, а само полотно даже запахано. Вследствие этого части, идущие с Кавказского и Персидского фронтов, выгружались в Петровске и шли походным порядком через Чечню, принимая иногда бои. Терская область кипела и варилась в собственном соку. Богатые русские поселенцы и казаки пограничных районов с Чечней и Ингушетией грабились поголовно и цеплялись за проходящие эшелоны, прося защиты. Носились смутные слухи о Добровольческих отрядах, но пока ни одного человека оттуда никто еще не видел. В таких условиях каждой области приходилось самой создавать какие-то противодействующие силы.

В Дагестане начало борьбы с анархией и ее родителями-большевиками положили два человека, два русских офицера — полковник Ру-

сул Бек Коитбеков (офицер Бакинского полка, 39-й пехотной дивизии) и полковник князь Нух Бек Шамхал Тарковский²⁷⁵, командир 1-го Дагестанского конного полка.

Прежде чем продолжать дальше, я должен сделать отступление и привести выдержки из готовящегося к печати труда Пшемахо Коцев — бывшего председателя правительства Горской республики. Для того чтобы осуществить автономию горских народов Кавказа, данную Временным правительством, и остановить анархию, в городе Владикавказе состоялся первый Съезд полномочных представителей горских народов, длившийся с 1-го по 9 мая 1917 года.

Вот что пишет Пшемахо Коцев:

«Первый Съезд полномочных представителей, длившийся с 1-го по 9 мая 1917 года, был до сих пор не имевшим прецедента. Съезд избранников всех племен и народов всего Северного Кавказа от Черного до Каспийского морей, от Темрюка до Анапы на западе и до Закатал на востоке. На этом первом съезде, как равноправные члены, были представлены и делегаты Абхазии, Тюркмен, Нагайцев и Караногайцев Ставропольской губернии, вошедших в Совет народов Северного Кавказа.

Прибывший недавно с фронта полковник князь Нух Бек Шамхал Тарковский сделал обстоятельный доклад, из которого видно было, что приказ № 1 сделал свое дело: окончательно развалил фронт. Керенский поназначал комиссаров, которые разъезжают по всему фронту и уговаривают солдат брататься с врагом. Сам Военный министр уговаривает продолжать войну до мира «без аннексий и контрибуций». Смертная казнь отменена, и никто не боится ответственности.

На этом съезде тогда не было постановлено созвать новый съезд на 18 сентября того же года в ауле Анди (Дагестан).

В ночь на 18 сентября, когда 10 человек членов Центрального комитета съехались в крепости Ведено, чтобы ехать дальше в Анди, поступило тревожное сведение о том, что самочинный съезд, устроенный Нажмудином Гоцинским на озере Айза-Наб, провозгласил его имамом, а так как социалисты, по его сведениям, желают провозгласить советскую власть, то новый имам решил уничтожить всю интеллигенцию и прежде всего всех членов Центрального комитета.

Для заседания съезда в Анди нам был отведен большой дом в несколько комнат старого майора Гирея (майор с времен Турецкой войны 1877 года. — Б. К.).

К 9 часам утра 10 сентября к нам явилась группа из 7—8 лиц представителей почти всех племен. Были духовные лица из дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев. Ждали Нух Бека Шамхал Тар-

ковского, который вскоре и подъехал с группой в 6—7 коней. Было около 3 часов дня, когда появился Нажмуддин-Эфенди (имам). На этот раз свидание с ним закончилось полным соглашением. Все приняли Джумхуриет, провозглашение Республики народов Северного Кавказа. Постановления были написаны на аварском, арабском и кумыском языках и затем на русском.

20 сентября утром на собрании всего джамаата (народа) это решение, подписанное всеми духовными лицами, должно было быть прочитанным.

День 20 сентября — это большой праздник в ауле Анди. В западной части аула, на большой площади и на пригорках расположились тысячи и тысячи людей. Здесь представители всех племен и народов из далекого Черноморья до Закатал. Это все граждане будущей Горской республики. Но здесь и гости из Азербайджана и Грузии и других мест.

Замечательная распорядительность молодого комиссара Ахмет Наби и врожденная дисциплина населения обеспечили сборищу неподражаемый порядок.

На плоской крыше невысокого дома размещены члены комитета. Их всего 5 человек: председатель — Топа Чермоев, товарищ председателя — Пшемахо Коцев, князь Нух Бек Шамхал Тарковский, Мехмед Кады Дибир и М. Хизроев и еще несколько, в их числе майор Гирей. На крыше дома сидят рядом 10 человек духовенства с Нажмудином во главе. Узун Гаджи отсутствует (мулла фанатик, сторонник турок. — Б. К.). Лицом к заседающим на крышах сидят на скамейках более ста человек хаджи и стариков. Дальше на пригорках идут молитвенные танцы «зикристов» и еле слышны приятные звуки зикры.

Собрание открывается приветственным словом председателя на чеченском языке, переводящимся на арабский, аварский и др. Отдельно сидящая группа является переводчиками на все местные языки. Группа состоит из Мехмед Кады Дибир (кумук), Мехмед Абдул Кадыр (чеченец), Тахир Темиржан (кабардинец), Джафар-Эфенди (карачаевец), Абдул Керим (хожалмахинец) и еще 2—3 человека. Все эти лица хорошо образованы не только в области мусульманского богословия, но образованы в широком смысле. Среди них есть лица, получившие образование в Египте и в Турции. Все они хорошо знают русский язык.

Из вышеназванной группы под конец собрания вышел с листком бумаги Абдул Керим из Ходжалмахи и прочел сводный текст пожеланий. Сначала прочел по-арабски, затем сам же перевел на аварское и

ходжалмахинское наречия, также на кумыцкий, карачаевский, чеченский, черкесский и осетинский языки.

За этим последовало чтение короткой молитвы тремя старшими из духовенства. После чего стоящей далеко пешей и конной молодежью были произведены выстрелы в воздух и начался общий «зико» (праздник)

Председатель Тапа Чермиев обратился к собранию с короткой речью-благодарностью за мудрое решение духовенства, старших и всего народа, оказавших доверие Центральному комитету, который приложит все силы и разум для исполнения воли народа».

* * *

Так родилась Республика Союза Горских Народов, с добрыми намерениями, но без всяких средств к существованию.

Первым председателем Горской республики был Тапа Чермиев — чеченец, владетель грозненских нефтяных промыслов, офицер Чеченского полка во время войны и офицер Конвоя Его Величества до мировой войны. Лично был известен покойной Государыне Императрице Марии Феодоровне. Упреки Чермиеву в его русофобстве (см. книгу генерала Деникина «Очерки Русской Смуты») не имеют под собой основания. До последнего момента он поддерживал из Парижа вдовствующую Императрицу, и его семья имеет от Ее Величества благодарственное письмо — рескрипт.

К чести всех горцев Кавказа должен отметить, что никогда и нигде ими не было проявлено русофобство в той или иной степени. Русская власть, крепкая национальная, им была нужнее чужой пришедшей, хотя бы и одной с ними веры.

Территория, на которую в данный момент могла бы распространяться власть Горской республики, могла бы быть только территория Дагестана, но не все аулы, особенно граничившие с Чечней, признавали новорожденную республику, тем более что и само правительство не имело постоянной резиденции и не все числящиеся министрами были вместе. Например, Гайдар Бамматов, считавшийся министром иностранных дел, находился постоянно в Тифлисе, ожидая покровительства «внешней силы», каковой могла быть сперва Турция, а потом Англия. Главные города Дагестана были во власти совдепов и городских самоуправлений, состоящих из коммунистов и социалистов, получавших поддержку из красной Астрахани и опиравшихся на проходящие эшелоны разложившихся частей Кавказского фронта.

В общем правительство Горской республики не имело «своего дома». Несомненно, что у людей, создавших это правительство, были прекрасные намерения — спасти свой край от все разлагающего большевизма, но не имея абсолютно ничего — ни денег, ни армии, ни оружия, ни продовольствия для населения, а главное, опыта, они принуждены были опереться на более предприимчивых и решительных людей, каковыми явились, как мною было уже упомянуто, русские офицеры-горцы в лице полковника князя Нух Бек Шамхал Тарковского и полковника Русул Бека Коитбекова. Эти люди решили прежде всего очистить Дагестан от большевиков, оплотом коих являлся город Петровск-Порт.

Полковник князь Тарковский приказом по Кавказскому Туземному корпусу (Владикавказ) от 1 ноября 1917 года был назначен командиром 1-го Дагестанского конного полка, расположенного после Корниловского движения на Петроград в слободе Хасав-Юрт, к северу от Петровска. Фактически Хасав-Юрт был больше любого уездного города. Это был административный центр округа, ставка начальника округа и большой торговый центр по продаже пшеницы. Кругом было немало богатых русских селений крестьян-переселенцев и немецких колонистов, но они были окружены местным населением, большинство которых составляли кумыки, аварцы, салатавии и ауховцы. Сам Хасав-Юрт был занят большим гарнизоном из запасных солдат и пограничным полком, пришедшим с Кавказского фронта. Дагестанский полк к этому времени тоже начал разлагаться под влиянием комитета полка, состоящего из пулеметчиков, бывших матросов Балтийского флота. Одним словом, надо было скорее выводить полк из гнезда анархии, привести его в Темир-Хан-Шуру, переформировать и с ним, как с ядром, создать воинскую часть, способную начать военные действия против большевиков. Задача нелегкая, но князь Тарковский, благодаря своему авторитету среди горцев и опыту, приобретенному им до войны в бытность штаб-офицером для поручений при ряде военных губернаторов Дагестана, справился с этой задачей и в короткий срок перевел полк в Т.-Х.-Шуру, избавившись предварительно от большевистского элемента.

К началу 1918 года положение в Т.-Х.-Шуре было почти критическое. Защита 2-м Дагестанским конным полком, под командой полковника Нахибашева, Порт-Петровска от проходящих большевиков кончилась неудачей. С большими потерями полк отошел в направлении на Шуру и остановился в селении Кумтор-Кале. Трагически погиб со спешенным взводом корнет Имам Буслаев, окруженный большевиками в одном доме. Большевики подожгли дом, и все погибли, отстреливаясь

до последнего патрона. Эта операция — попытка отстоять одним спешенным полком город от большевистских банд — была организована полковником Коитбековым. Полковник Русул Бек Коитбеков, командир батальона Бакинского полка (39-й пехотной дивизии), доблестный офицер, герой Японской войны, награжденный орденом Святого Георгия 4-й степени, раненный в голову и в руку в Первую мировую войну. Был командирован от Кавказского фронта в Ставку на Съезд георгиевских кавалеров, попал в Быхов и сидел там с генералом Корниловым, бежал с ним, но отделился и пробрался в Дагестан, специально чтобы начать здесь борьбу против большевиков и соединиться потом с генералом Корниловым. Его характерная фигура навсегда запомнилась: небольшого роста, плотный, перевязка на голове и левая рука также постоянно на перевязи. Поразительное сходство с Наполеоном. Спустя два года после ухода Добровольческой армии с Кавказа и из Крыма он, скрываясь в горах, был пойман большевиками и расстрелян. Смерть встретил как подобает георгиевскому кавалеру, мужественно, сам подав команду к расстрелу. Но об этом будет сказано в дальнейшем

* * *

Дагестан жил только благодаря богатому хлебом Хасав-Юртскому округу, а подвоз прочих продуктов шел по Владикавказской железной дороге. Теперь все прекратилось, чеченцы и ауховцы, ограбив дотла русских поселенцев, заставили их бросить насиженные места. Железнодорожное движение прекратилось, и жители Дагестана доедали свой кукурузный хлеб, смешанный с соломой.

Я не противоречу себе, сказав раньше, что горцы отнюдь не были русофобами и не смотрели на русских как на «гяуров». Кто знает нравы и характер чеченцев и ингушей, тот поймет, что им все равно было, кого грабить, это своего рода молодечество и джигитство, и если бы пришли к ним и турки, то и их ограбили бы дотла. Все горцы считали за честь служить в русской армии и носить погоны, особенно офицера.

Каждая партия, а их было много, жаждала власти. Брали деньги ото всех, кто давал. Главной денежной валютой были «закавказские бонь», выпускаемые под обеспечение нефтяных богатств Азербайджанским правительством совместно с Русским Национальным Советом, из Астрахани же снабжали обильно «керенками». Горцы сразу поняли, что самой твердой валютой является теперь винтовка с патронами, с которыми можно достать все.

Жизнь во всем крае была настолько расстроена, что никто не знал, кому подчиняться, и всадники 2-го Дагестанского конного полка решили, что сейчас зевать не надо и в определенные дни месяца исчезали из казарм на целый день и потом на вопрос: «Почему и куда самовольно отлучился?» — удивленно отвечали: «Как куда, разве не знаешь, что сегодня в ауле Коронай выдают жалованье красноармейцам?»

Оказывается, что они получали одновременно жалованье и от своего полка, и от большевиков, ибо числились на службе и там.

Результаты самоопределения народов сказались сразу: раньше воскресенье было общим государственным праздником, днем отдыха и все было закрыто, теперь же горские евреи, в руках которых была почти вся торговля в городах Дагестана, решили строго соблюдать свой день — субботу и закрывали все лавки, а дети не ходили в школы и гимназию. Мусульмане обиделись и, в свою очередь, объявили своим днем праздника пятницу (джума). Занятия в этот день в школах и полку не производились. Воскресенье, как и было раньше, остался общим государственным праздником. Таким образом, три дня в неделю никто ничего не делал. Кроме того, один раз в неделю, как раз в понедельник, был большой базар, и все бросали свои дела и занятия и устремлялись на базар, не только купить что-либо, но и повидать своих родственников и знакомых, приехавших с гор. Весь день шаталась толпа по площади, узнавая новости (хабары) и сводя иногда даже свои счета (кровавая мечь). Во вторник кое-как приходили на работу, службу, вспоминая происшествия накануне и никакой продуктивности не было ни в чем.

Полковник князь Нух Бек Тарковский, приведя 1-й Дагестанский конный полк в Т.-Х.-Шуру, сразу решил приступить к формированию надежных частей, для чего свел два Дагестанских полка в один. Создав себе базу в селении Кумтор-Кале, занял ближайшую и последнюю железнодорожную станцию Шамхал, поджидая прохода надежных частей, идущих домой с Кавказского фронта, чтобы уговорить их войти в союз для общей борьбы с большевиками и попросить у них помощи боевыми припасами. Первым проходил войсковой старшина Шкуро из Персии. Дойдя до станции Шамхал, отряд его выгрузился из вагонов, чтобы идти дальше походным порядком, так как железная дорога была разрушена чеченцами. Зная, что казаки имеют много патронов, полковник Коитбеков, исполнявший должность начальника штаба, обратился к Шкуро с просьбой поделиться патронами, но последовал отказ. Некоторые горячие головы хотели окружить отряд и силой отобрать патроны, но князь Тарковский категорически запретил и думать об этом.

Вторым шел генерал Эльмурза Мистулов, терский казак, с остатками своей бригады также из Персии. Он посетил князя Тарковского в Т.-Х.-Шуре и условился с ним о взаимных действиях и помощи после прихода его на Терек и наведения там порядка, а пока что дал часть боевых припасов. Отряд его пошел дальше походным порядком, а спустя несколько месяцев мы услышали о трагической гибели этого благородного офицера-горца на Тереке. Не найдя поддержки у своих казаков в борьбе против большевиков, он покончил с собой, застрелившись.

Было намечено сформировать два батальона пехоты из добровольцев-горцев под названием «шамилевские» и придать Дагестанскому полку одну конно-горную лезгинскую батарею. Командиром этой батареи был назначен автор этих записок, приказом начальника 2-й Туземной дивизии генерала Хоранова, если вообще считать приказы эти выполнимыми ввиду отсутствия постоянной связи с ним (Владикавказ). Нужны были деньги, и не малые, закавказские боны не пользовались доверием, но князь Тарковский все же их получал. Пока что единственным союзником был небольшой самодельный бронепоезд, циркулировавший между Петровском и Дербентом и даже дальше к Баку и наводивший страх на совдепы и городские управы этих городов. Создателем и начальником этого бронепоезда был лихой капитан Бржезинский, офицер 39-й артиллерийской бригады. Состав бронекоманды был самый разнообразный, но это были молодые и смелые люди. Даже был один австрийский пленный офицер лейтенант Рогатынский. Чтобы окончательно выбить красных из прибрежных городов, все-таки нужна была сила, способная удерживать их и отбить прибывающие из красной Астрахани подкрепления.

Нужно было обратиться к горцам-тавлинцам с призывом о помощи, а без участия влиятельных лиц среди горцев призыв успеха не имел бы.

Незаменимым человеком в этом случае оказался назначенный Временным правительством комиссаром Аварского округа, взамен старой должности начальника округа, штабс-ротмистр Кайтмас Алиханов. Об этом оригинальном человеке, последнем из «титанов гор», надо сказать несколько слов.

Это был в подлинном смысле слова джигит — благородный аварец, род которого, раз присягнувши Русскому Царю, служил ему до последней капли крови.

В 1834 году продолжатель возникшего в Дагестане мюридизма, Гамзат Бек, истребил весь род ханов Аварских, оставшихся верными России. Кайтмас Алиханов был тесно связан с родом ханов Аварских и продолжал поддерживать в своем округе ту же политику.

В 1904 году пошел добровольно простым всадником Дагестанского полка на Японскую войну, получил полный бант Георгиевского креста и чин офицера. В 1914 году опять пошел с полком на фронт и к 1917 году имел чин штабс-ротмистра. Пользовался большой популярностью не только среди своих аварцев, но и далеко за пределами округа. С своими тремя взрослыми сыновьями — Али Ханом, Ахметом и Зубаиром — он после ухода русского гарнизона из крепости Хунзах не позволил жителям разграбить крепость, где оставались еще большие запасы продовольствия и оружия, правда старого образца. Это единственная крепость в Дагестане, которая, после ухода «товарищей», не была разграблена. Крепостей же в Дагестане было немало: Гуниб, Ботлих, Гергебиль, Чох и др.

На призыв князя Тарковского Алиханов отозвался сразу, и два его сына стали ездить по округу и набирать милицию. Через месяц, оставив своего старшего сына с верными людьми сторожить крепость Хунзах, он прибыл в Т.-Х.-Шуру с милицией в несколько сот горцев (не помню точно числа) и притащил несколько орудий из крепости. Милиция была кто конный, кто пеший, со своим оружием, а орудия старых образцов — полевые клиновые 1877 года и поршневого 1895 года. Снарядов было ограниченное количество.

Нужно сказать, что сколько горцам ни внушалась идея необходимости борьбы против большевиков, большинство из них смотрело на предстоящий поход как на средство улучшения своего бедственного положения и приобретения прежде всего оружия — винтовки и патронов. О снабжении продовольствием пока не могло быть и речи. Каждый взял с собой из дому что мог — чурек, сыр, сушеный курдюк и чеснок. Привлеченные офицеры стали наскоро обучать наиболее способных артиллерийскому делу, и в марте месяце вся эта своеобразная армия двинулась на Петровск-Порт. На первых порах главной нашей задачей было не допустить дезертирства милиции из армии. Не видя пока добычи, горцы бросали отряд и, уходя домой, говорили: «Хлеб-меб нет, сахар-махар нет, чай-май нет, деньги-менги нет — моя домой гетты (пошел)».

Насколько мне позволяет память, силы наши состояли из аварской милиции Алиханова, около 300—400 человек, и небольшого отряда казикумухцев, из которых мне удалось набрать и обучить прислугу для 2 горных орудий 1909 года и для батареи орудий 1895 года. Казикумухцы были наиболее способными, ибо по природе своей они были прекрасными мастерами-кустарями всех отраслей. Одно орудие было специально набрано из пленных турецких солдат-аскеров. Это были люди уже почти обученные и единственные кто носил подобие формы — серо-синие брюки, куртка и мягкий шлем из башлыка.

Должен признаться с горечью, что офицеры, жившие в немалом количестве в Т.-Х.-Шуре, Петровске и Дербенте, все местные уроженцы, не откликнулись на призыв князя Тарковского, и можно перечислить по пальцам всех тех, кто пошел с нами против большевиков. Офицеры-туземцы дали большой процент явки, за исключением 2—3 явно перешедших на сторону большевиков. Считаю своим долгом привести имена тех, кто пошел с нами. Многих из них уже нет в живых, а кого я забыл перечислить, то пусть простят мне и напомнят.

Итак, во главе стоял полковник князь Нух Бек Шамхал Тарковский. Его помощником и начальником штаба был полковник Росул Бек Коитбеков. Адъютантом был капитан Белевского пехотного полка Нажмуддин Коркмасов, только что вернувшийся из германского плена. Командиром 1-го формируемого батальона имени Имама Шамиля был полковник Мусалаев-старший, 2-го батальона — полковник Гаджиев (офицер Сибирского полка). Почти все офицеры Дагестанских полков остались на местах и вошли в состав нового полка. До этого 2-м полком временно командовал полковник А. Гольдгар²⁷⁶ (офицер Туземной дивизии, перешедший из Черниговского гусарского полка). Командиром нового Дагестанского конного полка был назначен полковник Нахибашев Алтай, коренной офицер. Формированием артиллерии ведал генерал Эрдаман²⁷⁷, бывший командир батареи 53-й артиллерийской бригады, стоявшей до войны в Т.-Х.-Шуре. Первым взводом горных орудий командовал автор этого очерка. Всеми старыми орудиями, привезенными из крепости Хунзах, и созданием из них батарей ведал полковник Дрындин²⁷⁸, старый артиллерист из Петровска. Полковник Ржевуцкий²⁷⁹, бывший командир батареи 52-й артиллерийской бригады, хотя и не командовал ничем, но с начала и до конца был с нами и делил наши успехи и неудачи. Из русских офицеров помню полковника Зоммера²⁸⁰ (Дагестанского пехотного полка), ротмистра Матегорина²⁸¹, терского казака и жандармского офицера, капитана Кузнецова (брат автора), капитана Пионтека, поручика Ржевуцкого (сын полковника Р.), Садомцева, Алексеева, Лапина, Бруна, Поцверова, Крянева, Джафарова, Генинга и Крыжановского. Про последнего, из-за его молодости, говорили, что в офицеры его произвела его мама, так как он не успел кончить реальное училище, куда-то съездил и вернулся в форме офицера Польского легиона.

Обиднее всего было неодобрительное отношение генерала Мищенко, жившего в Шуре на своей даче, к нашей акции (он и полковник Ржевуцкий женаты на родных сестрах). Генерал Мищенко до последнего момента верил в преданность русского солдата и его уважение к офицеру, за что и погиб. Об этом будет сказано позже.

Главными политическими противниками, скрывавшимися в горах и около Шуры, были инженер Махач Дагадаев, социалист, перешедший к большевикам, и Джелаледдин Коркмасов, социалист давней марки, со стажем, побывавший за границей и входивший в областной комитет, учрежденный Временным правительством, и состоящий из большевиков (однофамилец вышеназванного капитана Коркмасова. — Б. К.). Кроме них, деятельным врагом был молодой студент Буйнакский, убитый впоследствии и в честь которого большевики переименовали город Т.-Х.-Шуру в Буйнакск.

В один прекрасный день, в марте месяце, наш отряд двинулся и сразу занял город Петровск. Совдеп бежал в Астрахань, пользуясь стоящими наготове судами. Дербент был также очищен бронепоездом капитана Бржезинского. Отряд наш стал приводить город к обороне. На горке у собора были поставлены орудия старого образца для отражения могущего быть с моря десанта. Севернее станция Шамхал также была в наших руках, а южнее — постоянное наблюдение за разъездом Уйташ.

Тяжелые дни выпали на долю офицеров, днем и ночью офицерские патрули циркулировали непрерывно по городу, прекращая грабежи нашего добровольного войска. Толпы горцев с хуржинами (мешками) бродили по городу, стараясь поживиться чем-нибудь. Служба неслась кое-как, и к роковому дню половина нашего войска разошлась по домам.

Настал и этот «роковой день». Еще раньше, до нашего наступления, проходили эшелоны с Кавказского фронта, но после разбора железной дороги чеченцами части уже плыли морем. Таким образом, прошла почти вся 39-я пехотная дивизия, и из Баку к нам шла Туркестанская стрелковая бригада. Все они стремились в богатую Ставропольскую губернию отдохнуть там и двинуться потом дальше по домам. Все эти части после революции удержали всех своих офицеров и, будучи боеспособными, могли свободно пройти через нас. Но они все были большевистски настроены и, выбросив нас из Петровска, насадили бы опять совдеп. Становилось ясным, что нам абсолютно было не по силам воспрепятствовать их высадке. К тому же в это время две боевые канонерки Каспийской флотилии «Карс» и «Ардаган» были на стороне Бакинского совдепа и состязаться нам с ними было немыслимо.

В этот памятный день в море появилась многочисленная флотилия и, простоявши долго на горизонте, начала подплывать к полустанку Уйташ (южнее Петровска). Появились и обе канонерки и сразу открыли огонь по городу, обстреливая доминирующую Соборную горку. Канонерки были вне досягаемости нашего огня, и наши старые ору-

дия, стрелявшие лишь для поднятия духа, принуждены были вскоре замолчать. Взвод горных орудий был двинут на южную окраину города и занял позицию в виноградниках для отражения десанта со стороны Уйташ. Но это не помешало первым эшелонам большевиков высадиться со своей артиллерией и при первых же шрапнелях с их стороны наши части (милиция) начали отходить. Конечно Дагестанский полк доблестно держался насколько мог, но горцы, не привыкшие и не умеющие драться в поле в пешем строю, не могли противостоять регулярной пехоте. Несмотря на доблестную поддержку небольшого отряда капитана Бржезинского, спешившегося с бронепоезда и примкнувшего к нам, все покатило назад в горы.

Надо сказать, что всем частям, уходящим с Кавказского фронта, внушалось большевиками, что все горцы Кавказа против них, называя их общим именем «татарва», путая с татарами Азербайджана, которые действительно не пропускали эшелоны и имели в Закавказье даже большие бои с ними.

Наша остановка произошла в селении Кумтор-Кале (20 верст). Противник, заняв город и отбросив нас, не стал нами заниматься и, установив снова соведп в Петровске, двинулся дальше на север походным порядком.

Отряд наш быстро таял. В Шуре настроение городских властей и населения было не в нашу пользу. Все ждали карательного отряда из Астрахани.

* * *

Наступила Пасха, но никто не думал о праздниках. Князь Тарковский, видя, что первая фаза борьбы нами проиграна, решил распустить отряд и уйти в горы, держа связь между собой. Защитой и базой в горах могли быть только крепости, где и решено было ждать появления Добровольческой армии, но о ней пока не было никаких сведений. Сам Тарковский перевел семью свою из аула Коронай в Чечню, под защиту своего старого друга Меджида (аул Ножай-Юрт). Мы же, небольшая группа русских офицеров, приняли предложение Кайтмаса Алиханова идти в крепость Хунзах. Теперь и выяснилось, кто действительно хотел до конца бороться против большевиков.

Накануне Пасхи, на рассвете, взвод горных орудий 1909 года (всю ночь приводили в порядок материальную часть и упряжь) выступил с 15 офицерами, имея во главе генерала Эрмана. Вот имена ушедших в горы и бросивших свои семьи: генерал Эрман, полковник Ржевущий, капитан Кузнецов 1-й, капитан Кузнецов 2-й, капитан Пионтек,

ротмистр Матегорин, поручик Садомцев, полковник Зоммер, капитан Алексеев, полковник Дрындин, поручик Ржевущий, прапорщик Крыжановский, австрийский лейтенант Роготынский и еще два офицера (не помню фамилий). Вел нас тот же Алиханов со своими неутомимыми сыновьями, которые заботились о ночлеге и продовольствии.

Проходя мимо дома-дачи генерала Мищенко²⁸² (1/2 версты от Шуры), отряд остановился, и полковник Ржевущий (его родственник) пошел попрощаться с генералом. Еще раз он стал уговаривать генерала идти с нами в горы и переждать там события. Выйдя к нам в своей излюбленной тужурке серо-синего цвета, какую носил Государь Император, генерал Мищенко в свою очередь стал нас уговаривать не уходить и упрекать за союз с горцами, говоря: «Что плохого могут сделать мне русские солдаты? От кого вы бежите, от русского солдата?»

В общем, мы друг друга не поняли и разошлись — мы в неизвестность, а генерал Мищенко навстречу верной смерти, поняв только в последний момент своей жизни то, что мы давно уже поняли.

В этой проигранной борьбе мы имели, к несчастью, двух «союзников», которые легли на нас ненужным балластом. Первый — это был Нажмуддин Гоцинский, назвавший себя имамом Дагестана, т. е. высшим духовным главой мусульман. Еще раньше я упомянул о нем как о яростном противнике социалистов, но фактически он был против всех тех, кто его не признавал. Сам он — мулла из аула Гоцатль, чрезвычайно толстый, постоянно на коне, в окружении своих приверженцев, с зеленым значком «газавата», — никакого участия в боевых действиях не принимал, но зато сильно замедлял движение наших колонн частым призывом правоверных к молитве.

Второй «союзник» — Узун Хаджи, чеченец-карлик (поэтому и прозван маленьким — «узун») много раз побывавший в Мекке и поднявший знамя «газавата» не так против большевиков, о которых не имел понятия, как против всех вообще «неверных». Участия в боевых действиях он также не принимал, а бродил где-то по Чечне.

Единственным человеком, могущим быть полезным в борьбе против большевизма, был Али Митаев, чеченец, пользовавшийся большим влиянием в Чечне, но сами чеченцы были заняты своими делами — сведением счетов с терскими казаками и грабежом всех, кого еще не ограбили. Направить их на верный государственный путь пока было невозможно.

Читатель видит, как трудно было вообще ориентироваться и отличить своего от противника. Даже офицеры, находящиеся в частях, идущих с Кавказского фронта, и сражавшиеся против нас, сами не знали, что делали и против кого воевали. Это относится целиком и к

канонеркам «Карс» и «Ардаган» Каспийской флотилии, которые входили в «Центрокаспий» — союз большевистской окраски в Баку — и команды которых — матросская вольница, плававшая по морю, занимались спекуляцией. Офицеры канонерок были пленниками команд и трудно было в таких условиях винить их за содействие нашему поражению. Обе канонерки были прекрасно вооружены 4-дюймовыми и 6-дюймовыми орудиями. У нас же были два 3-дюймовых горных орудия с очень ограниченным количеством снарядов к ним и десять старых полевых орудий (клиновые и поршневого).

В боях за Петровск наш маленький отряд понес чувствительные потери. Лучшие офицеры Дагестанского полка были убиты или ранены. Пал смертью храбрых ротмистр Магома Халилов, отличавшийся большим хладнокровием и невозмутимостью. Не могу привести имени других погибших, память изменила за прошедшие с того времени 40 лет. Дагестанский полк мужественно выполнил свой долг.

Офицеры-дагестанцы пошли каждый в свой аул, 7 человек пошли в аул Чох, а наша группа в 15 человек направилась в Хунзах. Кое-кто, не принимая участия в борьбе против большевиков, решили пробираться в Грузию через единственно доступный в это время горный перевал у селения Бежита, но были обстреляны засадой разбойников. Это были принц Каджар, генерал, начальник 1-й Туземной дивизии, хан Текинский и другие (фамилии не помню). Вторая попытка пройти перевал им удалась. Другая группа полковника Гольдгара с несколькими офицерами 2-го Дагестанского полка перешли хребет через перевал у Телава.

Наш поход в горы сразу же начался неудачно. Заночевав на перевале Аракань, покрытого еще снегом, мы потеряли 4 упряжных коня. Наши ездовые-тавлинцы ускакали на них домой, вознаградив себя этим за лишения и походы. Пришлось всем офицерам сесть за ездовых, но два уноса еле тянули орудия, на которых, кроме того, сидели и уставшие. Первую ночь мы с братом чуть не замерзли. Несмотря на апрель месяц, ночью на перевале был мороз.

Много хлопот доставил нам импровизированный ездовой — прапорщик Крыжановский. Бедняга не мог справиться с конями, к тому же еще невыезженными, и я часто находил его у ручья, где кони, свернув с дороги, пили воду, а прапорщик, плача, уверял, что он все делал, чтобы заставить коней идти дальше.

Дойдя до селения Чалды, мы окончательно убедились, что орудия до Хунзаха не дотащим. Все тот же неутомимый Алиханов нанял при помощи старшины аула быков и буйволов и взялся сам доставить все орудия в крепость.

Этот аул остался нам памятен по двум происшествиям. Первое: в настроянии некоторых наших офицеров произошел перелом и они решили вернуться в Шуру, пока большевики не пришли еще туда. Странно, что хороший боевой офицер полковник Зоммер был в их числе. Группа эта в 3 человека пошла обратно, но недалеко от селения Чалды была обстреляна из засады с целью грабежа горцами и, потеряв одного офицера убитым, вернулась обратно. Сам Зоммер, отстреливаясь из револьвера, был ранен в руку.

Второй случай, могущий окончиться печально для нас, произошел по вине австрийского лейтенанта Рогатынского. Имея надобность пойти в уборную, он, вырвав в сакле из какой-то книги несколько листов, направился к обрыву. Через некоторое время перед нашим домом собралась толпа горцев и стала нам угрожать. Оказывается, вырванные листы были листы из священной книги Корана. Только благодаря авторитету Алиханова мы избежали больших неприятностей. Главным доводом для нашего оправдания было то, что русские офицеры, знающие Кавказ и верующие в Бога, никогда не позволили бы себе этого сделать, а сделавший это был австриец, и притом неверующий. Действительно, Рогатынский вообще ни во что не верил. Как репрессия, может быть и жестокая, по общему постановлению лейтенанту было предложено немедленно покинуть наш маленький отряд, что он и поспешил сделать.

Не будь Алиханова и его сыновей, мы пропали бы в горах, хотя половина из нас были уроженцами Дагестана. Помню, как измученный всякими хлопотами о нашем ночлеге и о доставке в крепость орудий, которые составляли всю нашу надежду, Кайтмас Алиханов садился между генералом Эрдманом и полковником Ржевущим у костра, предварительно спросив разрешение, снимал папаху и, помолчав немного, начинал расспрашивать: «Скажи, пажалста, кто такой паршивек, какой ему есть программа, когда же будет Царь?»

В это время являлся с докладом его любимец — младший сын Зубаир, прилично говоривший по-русски, так как окончил русскую школу. Несмотря на усталость, Зубаир, стоя на ногах, докладывал отцу на своем аварском наречии все перипетии дня, и только потом отец разрешал ему садиться и закусить. Сыновья его и горцы вообще не сидели в присутствии самого Алиханова. Крепко соблюдались адаты в горах. Мы любили этого веселого и жизнерадостного Зубаира. Он обо всем нас расспрашивал охотно, все запоминал и был услужливый. Отец сделал из него хорошего человека и друга русских.

Наконец мы прибыли в Хунзах. Раньше там всегда стоял батальон то Самурского полка, то пластунский, а в 1906 году батальон прислан-

ных в наказание матросов с броненосца «Потемкин». Крепость была несовременная, но с точки зрения эпохи кавказских войн представляла надежный оплот гарнизону до момента прибытия подкрепления, которое и прибывало, благодаря отсутствию в то время телеграфа, через несколько месяцев. Связь в то время поддерживалась только нарочными гонцами.

Найдя в крепости довольно большие продовольственные запасы, сохраненные Алихановым, мы приступили к организации крепостной службы и к обороне крепости. Нас было немного: 10 офицеров и небольшой гарнизон, приданный Алихановым для несения караульной службы.

Прошло около 2 месяцев нашей крепостной жизни и подготовки к возможному походу вновь на Шуру, для чего Алиханов держал с князем Тарковским постоянную связь. Тем временем мы изредка получали с нарочным короткие письма от семей из Шуры. Конечно, нас всех искали и сразу же арестовали бы тех, кто не ушел бы в горы. Получил и полковник Ржевущий печальное известие о смерти генерала Мищенко.

Через несколько дней после нашего ухода восстановившаяся в Шуре большевистская власть решила обратить внимание на мирно живущего генерала Мищенко. Один из комиссаров, если память мне не изменяет Каргальский, в сопровождении отряда красноармейцев из Астрахани, явился на дачу генерала и вышедшей к нему супруге заявил, что хочет видеть товарища генерала. Генерал Мищенко вышел, как всегда, в офицерской тужурке с погонями и Георгиевским крестом на шее. Первая фраза комиссара была: «Вот что, товарищ, сперва снимите эти побрякушки, а потом будем разговаривать». Красноармейцы вели себя дерзко, вызывая и пытались сорвать с него погоны. Генерал Мищенко пристально их рассматривал, а затем, не говоря ни слова, повернулся, вошел к себе в дом, поднялся в свою комнату и застрелился.

Питание в крепости было большей частью вегетарианское, так как мясных консервов было в запасе очень мало. Пришлось из сушеных овощей готовить и первое, и второе. Изредка Алиханов доставлял нам свежую баранину. Горцы вообще мяса едят мало, только в случае приема гостей. Обыкновенно ихняя пища состояла из сыра, сушеного бараньего курдюка, чеснока и изредка супа-хинкала с галушками и бараньим жиром.

Появились слухи что турецкие пленные, выпущенные Временным правительством и пробравшиеся на Кавказ, чтобы следовать дальше к себе на родину, собираются в ауле Кази-Кумухе. Куда якобы прибывают турецкие офицеры. С нами по-прежнему живут 10 турецких солдат.

В середине июля получили от князя Тарковского распоряжение выступить с 2 горными орудиями на перевал Арак-тау и оттуда продемонстрировать наступление на селение Унцукуль, родное селение большевистского вожда Дагестана инженера Дагадаева. Наш небольшой отряд милиции в 100—200 человек при наших 2 горных орудиях, пройдя один переход, стал на самом верхнем плато перевала. Подходя к нему, мы испытали сильнейшую грозу, которая в горах особенно наводит стихийный страх. Многие видели, вероятно, и не раз, грозу в открытом поле, море и в лесу, но в горах все это во много раз сильнее, благодаря 4- и даже 6-кратному эху. От грома камни срываются и летят через голову в пропасть, молния с шелестом пронесется над головой и внизу под нами с адским треском разряжается. Все застигнутые грозой прижимаются к скалам. Лошади поворачиваются задом к пропасти, сбиваясь в кучу, давая людям приют между своими ногами. Сверху обрушиваются потоки воды, грозя смыть на своем пути все. Надо ждать и только ждать конца грозы. Ну вот, как внезапно гроза началась, так внезапно она и кончилась, и сразу над головами откуда-то появился громадный орел, камнем сбросившийся куда-то вниз.

Стали на позицию. Внизу виден аул, цель нашей демонстрации, и появившееся солнце заиграло на редких железных крышах аула. Сразу узнали дом инженера Дагадаева и пустили в него несколько снарядов. Первый раз в жизни мне пришлось стрелять под таким большим углом склонения. Не было смысла зря тратить драгоценные снаряды, и мы, простояв еще день, вернулись обратно в Хунзах.

Пехота наша (милиция) все-таки спустилась вниз и потревожила большевистское гнездо. Такая же демонстрация, но с другой стороны аула, была проделана отрядом князя Тарковского.

Вернувшись в Хунзах, мы узнали, что за это время кем-то был убит сам Дагадаев, как говорят, с целью грабежа, ибо у него были вынуты все золотые зубы. Но в горах говорят, что «правду также трудно отыскать, как и маленький камень, упавший в реку Кара-Койсу».

В начале августа наконец получено приказание собрать все, что будет боеспособным, и двинуться на Темир-Хан-Шуру. Одновременно князь Тарковский должен двинуть свой отряд со стороны аула Коронай.

Кроме двух горных орудий, полковник Дрындин сколотил дивизион из старых полевых орудий 1877 года (клиновых) и 1895 года (поршневого). Пехота присоединялась к нам по дороге, группами, со своими старшими, вернее с муллами, кто пеший, кто конный. Впереди зеленое знамя «газавата». Смесь племен и наречий. Алиханов заранее

разослал по аулам своих гонцов с призывом изгнать большевиков из Дагестана и позвать Царя. Это был оригинальный поход: шли толпой, не имея понятия о строе и, как водится у мусульман, от намаза до намаза (молитвы). Шесть раз мулла слезал с коня и призывал правоверных к молитве. Все бросались к воде, расстилали свои бурки и начинали молиться. В это время противник, если бы захотел, мог бы голыми руками без капли крови взять всех в плен. Но вероятно, и у противника был такой же порядок.

Помолившись, двигались дальше и вот на 4—5-е сутки вышли на перевал Шенширик, последний перед Шурой. Она дымилась перед нами. Кем она была занята — неизвестно, так как были слухи, что со стороны Баку пришел и занял Петровск отряд генерала Бичерахова, организованный и богато снабженный техникой англичанами для защиты Баку от турок, которые двигались вслед за ним. Кто же находится в Шуре, где же большевики? Ответ был скоро получен. При дальнейшем продвижении на Шуру наши разведчики, под командой поручика Петрова, вошли в соприкосновение с передовыми частями большевистского гарнизона города. На наш одиночный огонь из старых орудий противник ответил беглым огнем и метким из 3-дюймовых скорострельных горных орудий. После этого появившаяся конница красных оттеснила нашу милицию к Араканским воротам (узкий проход между двумя хребтами), но стоявший на Шенширике наш взвод 3-дюймовых горных орудий открыл беглый огонь прямой наводкой и обратил красных в бегство. В последующие дни ни одна из сторон не предпринимала ни боевых действий, а за это время наша пехота разошлась по домам, оставив свою артиллерию без всякого прикрытия. Наконец, кружным путем, был получен приказ от князя Тарковского сниматься с позиции и идти в крепость Хунзах.

Сам Тарковский был около Шуры и вел переговоры с генералом Бичераховым, находящимся в Петровске, об общих действиях против большевиков, но отряд последнего, состоявший главным образом из казаков, желавших скорее добраться до дому, не был настроен для этого, а кроме того, перед Бичераховым был все тот же старый противник — турки, пропущенный грузинским правительством через территорию Грузии.

Отходя от Шуры, мы узнали, что нашим противником, удачно стрелявшим по нас, был полковник Закутовский, командовавший красной артиллерией, коренной шуринец, офицер 21-й и 52-й артиллерийских бригад и георгиевский кавалер. Еще в мирное время на полигоне он считался наилучшим стрелком. Автор очерка был во время войны некоторое время адъютантом дивизиона, которым командовал Закутов-

ский, на Западном фронте под Бжезанами и где он своим умелым руководством огнем артиллерии заслужил Георгиевский крест. Говорят, что его помощником был также шуринец капитан Воробьев. Оба потом исчезли до нашего вступления в Шуру. Закутовский умер не дождавшись суда и возмездия. На наш же призыв к борьбе с большевиками он не отозвался, выжидая событий. К сожалению, было немало таких офицеров-шкурников, но многие из них все же прогадали, так как пришедшая вторично в Шуру большевистская власть все-таки с ними расправилась.

* * *

Итак, решив пока не подвергать Шуру ужасам гражданской войны, князь Тарковский начал вести переговоры с генералом Бичераховым. Положение в общем сложилось крайне запутанное: большевистский гарнизон из Астрахани чувствовал себя неуверенно, связь с красной Астраханью была потеряна вследствие ликвидации в Баку «Центрокаспия», примкнувшего к Бичерахову. Поэтому обе канонерки, гулявшие по Каспийскому морю, переменили ориентацию, благо в то время благодаря англичанам у Бичерахова было много денег. Бичерахов, а по другим источникам сами англичане, ликвидировал всех комиссаров Баку в количестве 23.

Итак в Шуре — большевики, в Петровске — Бичерахов, около Шуры в горах — Тарковский и с юга идут «освободители»-турки.

По дороге в Хунзах произошло происшествие, повлиявшее на наше первоначальное решение. На одном из ночлегов около ручья, ночью, один из наших офицеров проснулся от какого-то предчувствия и увидел подкрадывающегося с кинжалом в руке к нашей спящей группе горца. Не растерявшись, офицер схватил ручную гранату и бросил ее в нападающего. Мы все вскочили на ноги и услышали крики и топот ног в темноте, уносящих, очевидно, раненого. После этого, получив приглашение ротмистра Хуршилова идти на Гуниб, где у него был небольшой домик, мы, передав все орудия Алиханову, отправились, кто верхом на коне, а кто на лошаке (катор), на Гуниб. Другая часть наших офицеров пошла в аул Чох. Миновав аул Аракань — узкое ущелье, в котором днем на камнях можно было сжарить барана, а ночью замерзнуть, мы в два перехода достигли Гуниба. По дороге все встречные горцы с удивлением разглядывали нашу странную «конную» группу, если можно было ее назвать конной. Алиханов и его сын имели нормальный вид горцев, но мы, остальные, одетые кто в чем, истрепанные, не могли иметь воинского вида, тем более что все внимание

было обращено на то, чтобы удержаться на острой спине катера, идущего только тротом. Кто имел папаху, кто выцветшую артиллерийскую фуражку, но все в бурке в адскую жару. Как раз эта бурка и спасала от жары, ибо приподнявши ее сзади и чуть спереди, получали «сквозняк», а папаха не пропускала лучи солнца и только время от времени надо было ее приподнимать и освежать голову.

Во время этого перехода мы убедились, что народ Дагестана все время жил только слухами и надеждой на возвращение старого времени. Пунктом для получения и обмена сведений был каждый горный ключ, пересекавший путь. Выбываясь из скалы и наполняя каменный водоем, он собирал всех спутников и у него всегда торчали конные и пешие и стада баранов. Все жадно пили ледяную ключевую воду, и должен сказать, что пили с каким-то благоговением, хотя мы были и не в Сахаре. У водоема висела каменная кружка и на стене была выбита по-арабски надпись и всегда одна и та же. Вот ее перевод: «Путник, благодари Аллаха за этот божественный напиток, который Он дает тебе!» Всегда при встрече первое приветствие было «Селям Аллейкюм!», на которое отвечали: «Во Аллейкюм Селям!» Второй вопрос: «Ким аул?» (какого аула), чтобы знать, из какого лагеря, — может быть, противного? И третий вопрос: «Кой да барасса?» (куда идешь) Эти вопросы на общем принятом языке кумукского народа. Уже после этого идут жадные вопросы: «Кто в Шуре? Где Тарковский? Где Нажмуддин Гоцинский?», иногда — «Где Узун Хаджи? Где турки и где инглези?». На все надо было толково отвечать, и если наступал час молитвы, то все спешили совершить намаз. Пища играла второстепенное значение. Горец довольствуется очень малым, особенно в дороге. В хуржинах у него кусок чурека, кусок сыра овечьего и иногда сушеный курдюк. Дикий чеснок под рукой, воду же дает Аллах. Не курят и не пьют ни водки, ни вина. Разве иногда на плоскости.

Вот и «наш» Гуниб! (Гуниб расположен на высоте 7700 футов над уровнем моря. — Б. К.) Сколько воспоминаний детства! В доброе старое время там всегда стоял батальон Самурского полка, и наша семья побывала на Гунибе три раза по году. Теперь нам казалось, что он был для нас надежным приютом, но вопрос с питанием обстоял остро. На наше счастье или несчастье, на Гуниб как раз прибыла военная миссия от турецкого отряда — авангарда, сформированного в Казии-Кумухе, куда и прибыл потом первый турецкий батальон из Закавказья. Наши турки, артиллерийские солдаты, поступили в распоряжение турецких офицеров и составили небольшой гарнизон Гуниба. Особенно чувствителен был недостаток хлеба, и мы принуждены были питаться иногда

так называемым «эхом». Это жареная кукурузная мука, смешанная с небольшим количеством пшеничной, разбавлялась на ладони простой водой и скатывалась в шарик, который проглатывался с трудом. Если бы не чеснок, то цинги нам не миновать. Прибывшие турецкие офицеры (3—4), расположившиеся в большом доме начальника округа, любезно пригласили нас всех приходить ежедневно к ним обедать. Один раз мы пошли все, неудобно было отказаться, но наша ветхая одежда помешала нам в дальнейшем пользоваться этим приглашением. Турки же были одеты довольно изысканно. Среди них помню небольшого роста майора Генерального штаба, прекрасно говорившего по-французски. Ожидался приезд их начальника полковника (каймакана) Измаил-Хакки Бея, который и посетил один раз Гуниб. Помню его высокую фигуру корректного офицера, получившего образование в Германии. Наши же старшие офицеры, генерал Эрдман и полковник Ржевуцкий, прилично одетые, продолжали ходить обедать к туркам.

Получено потрясающее известие: убит Государь Император и вся Его Семья. Все время приезжали кучками горцы на Гуниб из дальних аулов и спрашивали: «Верно ли это, кто сделал это и как дальше быть и кому служить?» В первой части моего очерка я говорил о решении стариков одного из аулов послать делегацию в Москву и просить прислать им в Дагестан для погребения Белого Царя. Не буду поэтому повторяться.

Пришли сведения о том, что по соглашению с Бичераховым князь Тарковский с собранным им Дагестанским полком уже занял Шуру. Но между Бичераховым и турками состояние войны. После взятия Баку, турки подходят к Дербенту. Англичане ушли временно в Энзели. На севере масса большевиков. На Тереке казаки против большевиков и, кроме того, вечно воюют с чеченцами. О Добровольческой армии известно только, что она занята где-то на Кубани. Мы как будто находимся на турецкой территории, хотя она и не завоевана ими и их вообще никто не звал, но в данный момент турки представляют силу, и, как говорили тогда, их в горах (Казии-Кумухе) уже несколько батальонов, пришедших через Нухинский перевал.

Тем временем турки по инструкции из Казии-Кумуха начали производить частичную мобилизацию горцев ближайших аулов и в самом Гунибе на площади начали производить занятия с ними. Мобилизованных было не больше 15—20 человек. Картина была довольно комическая: горцы, не знавшие никогда и никакого строя, в бешметях, а иногда и в шубах беспорядочно бегали, исполняя команду турецкого унтер-офицера (чаупа): «Икинджисы манга бурия марш-марш!» У Барятинских ворот, ниже нижнего Гуниба, был поставлен турецкий караул, чтобы задерживать дезертиров из мобилизованных горцев.

Спрашиваем у турецкого коменданта пропуск идти в Шуру. Не советует туда идти. Почему? Разве мы пленные? Ответ: «Нет, но я прошу вас подождать». Ждем еще и еще... и решили уйти сами. Подошел случай: жена ротмистра Хуршилова (сам он давно уехал, и турки не чинили ему препятствий) с двумя мальчиками получила от турок разрешение ехать в Шуру. Вещи погружены на повозку, запряженную двумя тощими конями. Я снимаю погони и в рваной черкеске изображаю погонщика-кучера. Остальные 7 человек ночью должны были пролезть через старые солдатские отхожие места и, спустившись к кладбищу, Апшеронской тропой выйти ниже Гуниба на три версты прямо к Кара-Койсу. Среди них был и мой брат с одной здоровой рукой, знавший с детства эту тропу и накануне с капитаном Лапиным произведший разведку. Для облегчения побега они свои скудные вещмешки положили ко мне на повозку. Генерал Эрдман, чтобы замаскировать наш побег, остался и пошел к туркам в собрание. Полковник Ржевудский с сыном отказались. Отец считал эту задачу для себя тяжелой.

Все пошло как будто хорошо. Повозка моя с женщиной и мальчиками благополучно проехала турецкий караул у Барятинских ворот. Меня не узнали, я же боялся наткнуться на часового-турка, служившего у меня во взводе. Пешая группа вышла благополучно на шоссе и, пройдя железный мост через Кара-Койсу, стала нагонять нашу повозку. Мы же ехали медленно, кони из-за истощения тянули повозку еле-еле. Предстояло же идти 90 верст.

Вдруг сзади громкие крики: «Дур, дур (стой)... Ата (не стреляй)...» И на нас наскочило десятка два вооруженных турецких солдат Гунибского гарнизона. Остановив нас, повернули назад повозку и, подгоняя прикладами, всех погнали обратно на Гуниб. Подошел дежурный турецкий офицер в чине прапорщика и, ругаясь на своем языке, ударил меня нарочно, когда я ему крикнул: «Осторожнее, я офицер». Продолжая ругаться, он сказал мне, что меня повесят за переодевание. Увидев на груди брата орден Святого Георгия, сорвал его и бросил на землю. Возмущенные и подавленные, мы пришли на Гуниб, где нас заперли в пустую комнату холерного дома. Снаружи был поставлен караул. Участь наша зависела от Измаил-Хакки Бея, произведенного уже в генералы (паша). Наши горцы не дремали. Генерал Эрдман и ротмистр Матегорин подняли всех на ноги, и от имени русских офицеров пошла с нарочным бумага-протест в Казы-Кумух с описанием происшедшего. В этой бумаге излагалось, что русские офицеры не находятся в плену, а у себя на родине, где ведут войну с большевиками и хотят присоединиться для этой же цели к князю Тарковскому.

Ответ пришел быстро и гласил: «Русских офицеров немедленно освободить, они могут ехать куда хотят. Приношу свое извинение за свершившееся. Виновника-прапорщика подвергаю наказанию, а капитана Кузнецова прошу особенно извинить меня за совершенный прапорщиком проступок с Георгиевским крестом, который и мы ценим».

После объявления нам ответа от Измаил-Хакки Паши, через некоторое время к нам в комнату вошел злосчастный прапорщик и, извинившись перед братом, с поклоном вручил ему найденный им за три версты Георгиевский крест.

Итак путь в Шуру был открыт, и на этот раз мы без колебаний дружно двинулись различными способами домой. Путь далекий, голодный и возвращение без славы. Ни одного выигранного боя, что, впрочем, и понятно, принимая во внимание отсутствие силы и средств. Одного желания оказалось недостаточно. Вид у нас всех был непривлекательный. Я лично не мог надеть на черкеску погон, так как на ногах у меня были стоптанные чуваки без подошв.

Как позже выяснилось, причиной нашего неудачного побега с Гуниба был полковник Степан Андреевич Ржевудский, милейший человек, георгиевский кавалер Китайской кампании 1900 года. Отказавшись идти с нами, он через полчаса после нашего ухода решил попытаться с сыном также уйти, но через Барятинские ворота, где был турецкий караул. На ночь эти массивные железные ворота закрывались, и, естественно, они были замечены караулом и водворены к себе на квартиру, что и помогло обнаружить наше отсутствие. Кроме того, в этот день у турок был какой-то праздник, и они были наполовину пьяны. Отсюда и их ненужное рвение и погоня за нами. В пылу хотели даже нас всех перестрелять, но боязнь наших горцев, не симпатизировавших им, остановила их. Перед этим произошел случай в одном из аулов около Гуниба. Турки послали туда фуражировщиков для реквизиции фуража и продовольствия, чего никогда не было при Царе. Произошли эксцессы, и даже было убито несколько турецких солдат.

Измаил-Хакки Паша, очевидно, был из турок нового поколения, человеком весьма культурным и понимавшим шаткое положение турок в чужой стране, где они рассчитывали приобрести доверие населения. Долго я хранил копию его извинительного письма к нам, но время унесло его.

Мы дома, в Темир-Хан-Шуре. На бульваре сидит группа бичераховских казаков, нарядно одетых, и поет свои казачьи песни. У них почему-то нет погон, офицеры же их носят, горцы все надели их первым делом.

Расспрашиваем, кто где живет. Неожиданно узнаем, что моя мать, сестры и жена с ребенком живут на такой-то улице. Удивляюсь, от-

куда может появиться моя жена, которую я оставил еще перед Рождеством прошлого года в положении в Пятигорске. Сюрприз — на крыльце стоит жена с дочкой на руках, родившейся без меня, мать и сестры. Оказывается, после долгих приключений моя жена и сестра с мужем пробрались сухим путем к Каспийскому морю, к пристани Старо-Теречной. Это в разгар общего хаоса и гражданской войны на Тереке. Наняли лодку, чтобы добраться до Петровска и разыскать меня, но по пути попали в плен к большевикам и были отведены в Астрахань, где после тщательного осмотра и допроса, благодаря находчивости няньки, простой бабы Пензенской губернии, были отпущены и добрались до Шуры. Жена моя даже привезла в корзине мой парадный китель с орденами и аксельбантами.

Оказывается, Шура была занята Тарковским в начале сентября. Большевики, боясь быть отрезанными от Астрахани, ушли, и в Шуру беспрепятственно вошел Бичерахов и князь Тарковский с Дагестанским полком. Начались переговоры о разграничении зон влияния. В результате Бичерахов признает князя Тарковского диктатором Дагестана, но требует, чтобы турки отошли из Дагестана. В это время турецкие части под командой полковника Сулейман-Бея начали наступать на Дербент. В горах турки заняли селение Леваша, придя из Кази-Кумуха. Князь Тарковский в сопровождении Зубаира Темирханова, знающего хорошо турок, поехал в селение Леваша для переговоров с полковником Миралай Эмин Беем.

17 сентября 1918 года Эмин Бей принял условия Тарковского о признании его главой Дагестана и согласился начать переговоры с Бичераховым. Вернувшись из Леваша, Тарковский поехал в Петровск на английском броневике (их было несколько машин у Бичерахова) и окончательно договорился с Бичераховым: помимо признания Тарковского диктатором Дагестана, Бичерахов дает деньги и оружие для формирования частей против большевиков. В виде аванса было выдано 200 тысяч рублей николаевскими деньгами. Со стороны дагестанцев не было отмечено никаких враждебных действий против отряда Бичерахова.

Но события развернулись по-иному. Вскоре турки осадили Петровск. Сжатый с трех сторон и уступая силе, Бичерахов не мог долго отбивать атаки турок на Петровск и, погрузившись на имеющиеся суда, вышел в море. Из каких частей состоял отряд Бичерахова, не могу точно сказать, но знаю, что, кроме ядра казаков, было много армянских частей, неустойчивых в бою. Три недели отряд Бичерахова блуждал по морю. Людей косил тиф, и только после внезапного ухода турок с Кавказа и возвращения в Баку англичан из Энзели отряд смог выгрузиться в Баку.

* * *

Что же произошло за это время в Дагестане? В начале ноября турки вступили в Шуру во главе с генералом Юсуф-Изет Пашой (черкес по происхождению). Никаких встреч, ни восторгов, а молча смотрело население на новых завоевателей. С ними прибыл и глава Горского правительства Топа Чермоев. Наивно, конечно, было бы делать из этого вывод, что турки приведены им. Не имея перед собой русских войск, вследствие разложения их и ухода по домам, турки решили осуществить свою давно заветную мечту — захватить навсегда Кавказ, не имея понятия о настроении мусульманского населения Кавказа и о тех сдвигах, которые произошли в нем за время с 1877-го по 1914 год.

Обвинять созданное на бумаге Горское правительство в туркофильских симпатиях и ненависти к России нелепо. Конечно, несколько человек, особенно среди духовенства, были сторонниками всемирного ислама. Горское правительство, как мною было раньше сказано, искало третью силу, чтобы не дать большевизму залить Кавказ. При всем желании соединиться с Доброармией — это было пока невозможно. Полковник Коитбеков, сидевший в Быхове вместе с генералом Корниловым и прибывший в Дагестан для организации борьбы с большевиками, не мог, конечно, в то же время желать прибытия турок, а князь Тарковский и весь его род, верою и правдой служивший Русскому Престолу, не мог быть другом турок. Но турки прибыли в Дагестан, и нужно было не допустить подчинения края им.

В «Очерках Русской Смуты» генерал Деникин пишет:

«К осени 1918 года Горским правительством были очищены от большевиков вся Дагестанская область, Хасав-Юртский и Чеченский районы Терской области, кроме Грозного (не Горским правительством, а только Тарковским, так как никого из членов правительства в Дагестане в то время не было. — Б. К.). Правительство обосновалось тогда в Шууре, т. е. после занятия турками Петровска совместно с Дагестаном (Тарковский был уже в Шууре, когда пришли турки и никогда дагестанцы не воевали совместно с турками против Бичерахова).

В середине ноября пала Турция, на Каспии появились англичане, и роль Горского правительства, связавшего свою судьбу с Турцией, без средств, без армии и без влияния, казалось, должна была окончиться (фактически хозяином Дагестана являлся Тарковский. На район севернее Шуры власть его не распространялась, там хозяйничали чеченцы).

Но 26 ноября 1918 года горская делегация посетила в Баку английского генерала Томсона, обратилась к нему за помощью, и Томсон счел

полезным для английских интересов поддержать существование Горского правительства».

Вот как повествует об этом Пшемахо Коцев (из послания Коцева Кабардинскому Национальному Совету, 10 декабря 1918 года):

«Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясным, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядка. И вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой внешней силы.

Эти внешние силы были заняты своими собственными делами, все же они нам помогли как могли и снабдили военным снаряжением (находясь все время в центре событий в Дагестане, я никогда не слышал о турецкой помощи Тарковскому военным снаряжением или деньгами. Тарковский получил таковую от Бичерахова. Уходя же внезапно с Кавказа по железной дороге, турки по договору были обезоружены и сдавали на вокзале все свое оружие).

Но одни силы ушли (турки), другие пришли. В этот самый момент, когда я собрался пробраться в залитую кровью Кабарду, я был приглашен в Баку главным английским командованием для переговоров. Английское командование, признав впредь до Всемирной конференции существование Горской республики и правительства, предложило мне организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками. (Является вопрос, почему английское командование пригласило для переговоров Коцева, который не был главой Горского правительства, а только заместителем председателя правительства. Не сыграл ли здесь на их решение сам факт прибытия председателя правительства — Чермоева с турками).

Согласившись в принципе, я отказался сделать это без народного доверия горских племен. С 18-го по 22 декабря происходил в Шуре съезд представителей Дагестана, Чечни и Осетии и нескольких кабардинцев (случайных). Это совещание вручило мне всю полноту власти как от горского, так и от казаче-русского населения. После этого английское командование назначило при моем правительстве военную миссию во главе с полковником Роулесоном, который уже приехал в Темир-Хан-Шуру».

Продолжаю цитировать слова генерала Деникина из его книги:

«Этими фактами определяется генезис новой власти всего Северного Кавказа, идущей, следовательно, к генералу Томсону от собрания случайных людей, проживавших вблизи Дагестана, так как в начале декабря вся Кабарда, Осетия, Ингушетия и половина Чечни находились во власти советов и фактически были отрезаны от Дагестана. Распространение этой власти на Тереке обуславливалось договором, за-

ключенным Горским правительством с беженцами с Терека, проживающими в Петровске и именовавшимся Временным правительством казаков и крестьян Терского края.

В силу договора, область Терского войска должна войти в состав Союза Горских народов, причем командование вооруженными силами вверялось представителю Держав Согласия на все время операций против большевиков. (Договор, заключенный 10 декабря 1918 года и подписанный Чермоевым, Коцевым, Сапроновым и Киреевым. Подобный же договор по военной части был заключен и подписан 14 января 1919 года бывшим диктатором Дагестана и Военным министром полковником князем Тарковским и командующим Терским отрядом генералом Колесниковым).

В письме своем к Горскому правительству Северного Кавказа, посланном 27 ноября 1918 года и подтверждавшим данное горцам обещание признания «де факто», генерал Томсон говорил: «Вас больше всего интересует стать самостоятельной республикой — эти вопросы будут разрешены Мирной Конференцией Союзников. До этого времени у вас есть полная возможность проявить вашу способность к самоуправлению...»

В числе предъявленных Томсоном требований между прочим были: удалить турок с территории республики, устранить турецкую и германскую пропаганду и помочь союзникам в установлении связи с армией генерала Деникина.

Возвращаясь к своим воспоминаниям. Турки приняли условия Тарковского и признали его диктатором Дагестана. Но появилось и Горское правительство, с которым никто не считался, кроме, как сказано выше, англичан. Хотя Горское правительство и считало Тарковского Военным министром, но при них торчал всегда помощник Военного министра, генерал Халилов, родом из Кази-Кумуха, служивший до этого по администрации и неизвестно когда ставший генералом. Бездарный, надутый, он считался туркофилом, но если бы не революция, то предстал бы перед военным судом за жестокое обращение с турецкими военнопленными на острове Нарген, около Баку, где был комендантом лагеря. Брат же его, ротмистр Дагестанского полка, геройски погиб в бою под Петровском.

Турки мало побыли в Дагестане, чтобы оставить после себя след. Как уже я писал, теплого приема население им не оказало, не было ни встреч, ни каких-либо празднеств. Все шло по-старому, никакого улучшения, и все чего-то ждали. Министры совещались, чувствуя, что положение турок неустойчивое. Турки сами не доверяли горцам и неоднократно, когда они еще не занимали Петровска и Шуры, а

были в горах, нередко препятствовали князю Тарковскому набирать всадников-добровольцев, думая, что это для отряда Бичерахова. Например, аул Чиркей по разверстке должен был дать 30 вооруженных всадников. Общество аула согласилось на это, но появившийся турецкий офицер запретил давать людей и оружие Тарковскому без согласия Измаила-Хакки Паши. Вообще же турки вели в горах пропаганду не возвращать Дагестан под «гнет» России.

Князь Тарковский неоднократно писал Измаилу-Хакки Паше об этом, а также и о некотором покровительстве турок в отношении скрывавшихся в горах местных большевиков. Так, например, Магомет-Мирза Хизроев из Хунзаха, который растратил миллионное достояние Дагестана, стоя во главе продовольственного дела всего края.

Вот некоторые штрихи жизни в Шуре при таком калейдоскопе событий. Власть фактически по-прежнему принадлежала князю Тарковскому, и никто не считался с Горским правительством. Будучи назначен после возвращения с гор адъютантом по строевой части, я ведал вопросами формирования дагестанских частей. Но дело велось чисто по-восточному — медленно, благодаря отсутствию возможности вообще отдавать приказы. Все делалось по доброй воле и знакомству, и кумовство играло большую роль. Наивные горцы, думая, что раз у власти стоит свой человек, то он должен исполнять все просьбы их и старались обделывать свои личные дела. Уходила масса времени на разговоры о здоровье родственников и т. д. Кабинет диктатора осаждается толпой горцев-тавлинцев, прибывших издалека, специально чтобы засвидетельствовать князю свое почтение и, кстати, похлопотать о кое-чем. Несмотря на категорический приказ никого не пропускать, толпа лезет, и с трудом убеждаешь, что всякие подписи и печати делает не сам Тарковский, а его адъютант. Помню одного сумасшедшего муллу, спускавшегося ежемесячно с гор с кипой каких-то старых бумаг о какой-то с кем-то тяжбе и просил поставить самую большую и верную печать, которой ему как раз и недостает. Берется самая большая печать какой-то красноармейской роты из Астраханского отряда и ставится на свободное место ненужной бумаги. Успокоенный горец уезжает обратно к себе, но возвращается через месяц за новой печатью. Перемену власти в краю он не замечает. Иногда тавлинец силой лезет в кабинет диктатора, говоря, что князь его ждет, будет рад ему и что он «свой человек» и помнит князя еще ребенком.

Однажды обратился к Тарковскому с оригинальной просьбой сам командующий Турецкими войсками Юсуф-Изетдин Паша, проживавший в Шуре, о запрещении русским звонить в церковные колокола,

так как звон мешает ему спать. Князь Тарковский любезно ответил Паше, что не может и не желает запретить русским молиться так, как они привыкли и как требует их религия.

Все-таки стали формировать три пеших батальона под названием «Шамилевских», один Конный Кумыкский дивизион, намечен новый Чеченский полк (2-й), артиллерийский дивизион и пулеметная команда.

Не успело еще Горское правительство проявить свою деятельность, как временные господа положения — турки внезапно ушли, бросив большое имущество. Население в проходах турок не участвовало. Турбачам же Дагестанского полка было приказано прибыть на вокзал к отходу поезда турецкого командующего Юсуф-Изетдин Паши. Сам командир Дагестанского полка, полковник Нахибашев, крестясь по-русски, все приговаривал: «Слава Богу, наконец уходят!» Радость на его лице была настолько заметной, что Турецкий командующий, обращаясь к окружающим, сказал: «Командир Дагестанского полка нехороший человек. Когда я приехал, то он меня не встречал, а вот провожать пришел и проявляет при этом большую радость»

Пришли англичане, вернее, военная миссия с полковником Роуле-соном. Англичане поставили ряд своих условий, но в искренности их уже тогда сомневались. Надо было скорее связаться с Добровольческой армией, наступавшей с севера к Грозному. Князь Тарковский решил послать отряд полковника Нахибашева из Дагестанского конного полка со взводом горных орудий (командир — поручик Азу Исаев) навстречу Добровольческой армии. Отряд вошел в чеченский аул Шали. С севера же с боями двигался генерал Ляхов. По вечерам слышна была канонада. Перед Ляховым бежали к Каспийскому морю большевики и теснили в свою очередь небольшой Терский отряд генерала Колесникова.

Удержав чеченцев от враждебных действий против Добровольческой армии, отряд Нахибашева вернулся в Темир-Хан-Шуру.

Дагестанцам трудно было представить себя под властью Горской республики и, естественно, они ожидали прихода к себе больших сил Добровольческой армии, в форме старой русской армии и являвшихся предвестником возрождения старой Императорской России. Это бы сразу положило конец всякой междоусобной войне в Дагестане и отпали бы всякие имамы Гоцинские и Узун-Хаджи. Горцам нужна была справедливость и русская сила. Среди горцев Дагестана долгое время хранилась память как в песнях, так и в устных сказаниях о генерале Ермолове, бывшем у них чрезвычайно популярным. Он был женат на кумычке (лезгинке, жившей на плоскости) из селения Параула (Хасав-Юрт). От нее у него были дети, поколение которых горцы про-

звали «гек-гезы», или «семья гек-гезов», т. е. голубоглазых, так как все они были голубоглазые и блондины.

К сожалению, Добровольческая армия не оправдала надежд дагестанцев. Вскоре постепенно стали появляться добровольческие части и их конно-горная батарея произвела хорошее впечатление. Но почему-то гарнизоны в Дагестане были из терских пластунов, и в этом была трагедия. Принимая дагестанцев за тех же чеченцев, которые их ограбили, казаки стали вознаграждать себя за потерянное, производя реквизиции по аулам, особенно медной посуды. Произошли эксцессы, и кровавые. Некоторые аулы отказались повиноваться, не давали Добровольческой армии ничего, и в результате была послана «карательная экспедиция» в Кайтаго-Табассаранский округ в район урочища Деш-лагар. Результат был очень трагичен: войдя в Мекегинское ущелье, отряд, состоящий из одного батальона терских пластунов и конно-горной батареи, был окружен горцами и истреблен. Спаслись единицы.

По этому поводу в небольшой книжке под названием «Записные книжки» молодого советского писателя Эффенди Капиева, дагестанца из Кази-Кумуха, умершего на фронте во время последней войны в 1944 года среди всяких воспоминаний и преданий от стариков пишет следующее: «В 11 часов дня начался бой. С гор стреляли ая-махинцы, из лесу стреляли мекегинцы. Батальон казаков очутился в ловушке, в узком ущелье. Единственное убежище — русло реки. Стреляли так много, что пулеметом, как серпом, сжали целое кукурузное поле на склоне. Стреляли молча. Крики начались уже потом, когда горцы бросились врукопашную. Собаки ходили стаями, опьяневшие от людской крови. Ужасная это была бойня! Никакой пощады не было. Кинжалы иступились о кости, рукава закатаны, и руки по локоть в крови, как у мясников... Ружья и винтовки были покрыты ржавчиной, как позолотой. Убитых тотчас же отвозили в аул. Было выделено на это два старика. Они отвозили мертвого и немедленно возвращались назад. Хоронили оставшиеся в ауле женщины и дряхлые старцы... Все же остальное участвовало в битве».

Зачем и к чему это надо было делать? Несомненно, это была одна из больших ошибок командования Добровольческой армии и полное незнание им сложившейся в крае обстановки. А ведь дагестанцы все время ждали белых. Почти такая же ошибка была и по отношению к Грузии. На Черноморском побережье существовал южнее Гагр фронт, и грузинским артиллерийским дивизионом командовал наш же офицер, грузин, Михайловского артиллерийского училища, мой сослуживец полковник Журули, много помогший нам потом в Потти, после очищения нами Северного Кавказа.

Как-то не вяжется это с фразой генерала Деникина в его обращении: «Господа, берегите офицера...»

На бульваре в Темир-Хан-Шуре играет музыка, оркестр Дагестанского конного полка. Офицеры в погонах ходят по бульвару. Женщины стараются забыть большевистский режим и помолодели. Кажется, конец кошмару. Впереди много надежд на светлое будущее.

Большинство русских офицеров выехало на север принять участие в борьбе за восстановление России. Кто прятался, робко вылез из своего бытового убежища. Счетов не сводили. Слава Богу, пока жестокостей никто не проявлял. Промелькнула трагическая фигура генерала Гришина-Алмазова²⁸³, приезжавшего от адмирала Колчака для связи и возвращавшегося обратно в Сибирь. Генерал побывал в Шуре и из Петровска морем направлялся на форт Александра III. Благодаря ложным заверениям англичан, что Каспийское море свободно от большевиков и не согласившихся на этом основании конвоировать генерала Гришина, последний попал прямо в руки большевикам и застрелился.

Покинули и мы с братом свой Дагестан и отправились в Пятигорск на формирование 21-й артиллерийской бригады под командованием генерала Эрмана. В рядах этой бригады мне суждено было пережить последние неудачные для нас бои под Святым Крестом и др. и отступить через Кабарду во Владикавказ, для дальнейшего пути в Крым.

На этот раз мы навсегда покинули свои семьи.

Ф. Гнесин²⁸⁴

ТУРКЕСТАН В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ И БОЛЬШЕВИЗМА

(краткое описание хода событий в Ташкенте,
март—декабрь 1917 года)²⁸⁵

Акты об отречении Государя Императора и отклонении принятия на себя власти Вел. Кн. Михаилом Александровичем до решения Учредительного собрания, были опубликованы в Ташкенте одновременно.

2 марта командующий войсками Туркестанского округа и генерал-губернатор, генерал А.Н. Куропаткин²⁸⁶, пригласил к себе всех начальников отдельных войсковых частей, расположенных в городе Ташкенте, и после речи, в которой изложил ход событий, — задал вопрос: «Кто из вас может сказать мне, что вполне ручается за своих солдат и что, в случае надобности, его часть исполнит приказание власти?»

После непродолжительной, но весьма тяжелой паузы выступило только два офицера: первый — начальник конвоя (в 90 человек ка-

заков) и второй — командир 3-й отдельной Туркестанской роты (в то время четыре саперных и один телеграфный взвод — всего численностью до 400 человек солдат при шести офицерах — исключительно прапорщиках). Остальные начальники частей молчали; в Ташкенте же тогда были весьма крупные части, как, например — 1-й и 2-й запасные стрелковые полки, 2 дружины, пулеметные команды, несколько артиллерийских батарей, крепостная артиллерийская рота, наконец — военное училище и школа прапорщиков.

По-видимому, этим молчанием генерал Куропаткин был подавлен; он обратился с каким-то вопросом к одному из полковых командиров, и тогда многие из начальников, наперерыв, стали объяснять, что не могут ручаться за свои части полностью, что некоторые роты или команды ненадежны и т. п. Но впечатление получилось иное: меньшинство из них имели некоторые данные не доверять своим людям, большинство же были не уверены по той простой причине, что совершенно не знали своих частей. Дав несколько общих руководящих указаний, генерал отпустил начальников.

На 5 марта было назначено торжественное богослужение и присяга на верность Временному правительству. Перед началом парада произошел следующий характерный инцидент: один из местных социалистов выехал верхом и, обогнав генерала Куропаткина, крикнул: «Да здравствует демократическая республика, ур-ра!»; немногие голоса успели поддержать этот возглас, но генерал Куропаткин немедленно, жестом руки, остановил начавшийся беспорядок и громко, так, что слышать могли все присутствующие, сказал: «Вот видите, уже торопятся предрешать волю народа», а затем кратко, но выразительно разъяснил, что будущая форма правления будет определена Народным собранием. Парад закончился без дальнейших инцидентов, войска разошлись по казармам, и можно было надеяться, что обаяние генерала Куропаткина удержит дисциплину и порядок.

Но вышло иначе: приказы № 1 и 2 — с одной стороны, деятельность социалистов всех оттенков — с другой, и, главным образом, неумение разбираться в текущих событиях и непонимание громадным большинством офицеров обстановки привели к тому, что вскоре опереться генералу Куропаткину было не на кого, и «республиканская» дисциплина удерживалась лишь в немногих частях, в остальных же шел развал.

«Вождем» солдатской массы сделался некто Бройда, который, не будучи солдатом местного гарнизона (дезертир из Казалинского гарнизона; раньше был адвокатом в Чикменте или Аулиата. — Ф. Г.), все-таки был избран председателем Ташкентского Совета солдатских депутатов. Этот демагог и «углубитель», чувствуя, что при генерале

Куропаткине особенно «разгуляться» нельзя, добился его ареста (правда почетного), и генерала Куропаткина увезли под офицерским конвоем в Петроград.

Вскоре после формирования Совета небольшая группа офицеров настояла на созыве всех офицеров гарнизона для обсуждения создавшегося положения; собрание офицеров состоялось и удалось ввести в Совет 60 с лишним офицеров, при общем числе солдат-депутатов около 120. Но как уже было сказано, офицерство в своей массе было далеко не на высоте (что вполне понятно, ибо, за немногими исключениями, состояло из лиц с начала войны ни разу не бывших на фронте); работать в Совете пришлось многим, а большинство даже для весьма важных голосований на заседания не являлись.

Этот «абсентеизм» дал свои результаты, когда на краевом съезде Советов разрабатывали Положение о Советах. В краевой съезд было выбрано очень мало офицеров и с.-д. Бройда с с.-р. А.И. Доррером (граф, прис. повер. из Асхабада) большинством голосов провели параграф, по которому все депутаты: солдаты и офицеры избираются в воинских частях всеми воинскими чинами — из расчета один на сто. (Раньше же офицеры-депутаты избирались в каждой части только офицерами, а от мелких команд попадали в Совет без выборов, в качестве представителей). Благодаря этому параграфу в новый Совет попало мало офицеров, и влияние их в Совете почти утратилось, но зато у членов краевого Совета руки были развязаны.

Прошло три с половиной месяца. После июльского выступления большевиков в Петрограде к чести краевого Совета нужно признать, что они поняли, что дело может кончиться анархией, и вслед за появившимся призывом генерала Корнилова и началом организации «ударников» (в Ташкенте сформировался и женский батальон), в ряде совещаний начальников частей гарнизона во главе с новым командующим войсками генерал-майором Л.Н. Черкесом²⁸⁷, совместно с представителями от Совета (краевого), были выработаны обязательные и вполне приемлемые для всех военнослужащих «правила» — положения Устава (вплоть до обязательного получения отпускных увольнительных записок, обязательной вечерней переключки и т. п.).

К 25 августа казалось, что именем генерала Корнилова дисциплина среди солдат действительно восстановлена; в Ташкенте, на улицах, даже честь отдавали по-прежнему. Но полученная вслед за выступлением генерала Корнилова радиограмма Керенского, в которой он называл Корнилова «мятежником и изменником», сразу разрушила всю сделанную работу; подготовленная ранее разрушительная работа оказалась для масс тунейдцев, откармливаемых в тылу и не же-

лавших идти на фронт, весьма заманчивой; среди самих офицеров также нашлись демагоги, жаждавшие захвата власти, и с 1 сентября повиновения уже не было даже в таких крупных частях, как запасные полки. В саперной роте, из которой в июле месяце, по требованию из Гюргенского отряда генерала Мадритова, были отправлены на фронт отборные люди, замененные присланными из запасных полков отбросами «специалистами», также не было надежных солдат, но зато к этому времени вполне надежными оставались военное училище и школа прапорщиков.

В полках вместо занятий шли митинги с заметным участием каких-то вновь прибывших лиц; об одном из них — Шмидте — в штабе округа были сведения, что, по данным разведки, он германский шпион, прибыл из Риги, а на вопрос, почему же его не арестовали, ответ был в таком роде, что «сейчас это трудно выполнить» (слова капитана Б-го из военной цензуры).

Продовольственный вопрос к этому времени стал также обостряться; большую часть земли туземцы засеяли хлопком, а обычное снабжение Туркестана хлебом из других областей тормозилось. К 9 сентября в Ташкент приехало много туземцев из деревень (кишлаков) за покупкой к наступающему мусульманскому празднику, риса, хлеба и проч. 11 сентября часть солдат 1-го полка, руководимая какими-то лицами, самочинно задержала отходивший из Ташкента поезд, обыскала всех туземцев и отобрала у них все съестные припасы; одновременно по всему городу и во всех воинских частях «разные подозрительные ораторы призывали разогнать краевой Совет солдатских и рабочих депутатов, а 12-го на митинге в Александровском сквере разншерстная толпа солдат и местных подонков населения, руководимая Шмидтом и К^о, выбрала особый Революционный комитет из 14 членов (Шмидт, поручик Перфильев, бывший офицер Амударьинской флотилии Черневский, чиновник Контрольной палаты Тоболин, репортер Цвиллинг, прапорщик Гриневич и др.).

Вечером того же дня, на экстренном заседании краевого Совета, обсуждалось создавшееся положение, причем члены Совета просили приглашенного в заседание генерала Черкеса вызвать для охраны Совета роту юнкеров. Когда рота от школы прапорщиков подходила, толпа, руководимая членами Революционного комитета, уже ворвалась в «Дом Свободы», где заседал Совет, — но порядок был быстро восстановлен; большая часть членов Комитета была арестована, отправлена в тюрьму, и заседание продолжалось... юнкеров же отпустили обратно в школу, а начальник школы полковник Савицкий и командир роты капитан Ф-в отправились... ночевать в город.

Тем временем оставшиеся на свободе члены комитета не пошли спать, и вскоре к «Дому Свободы» сбежалась из разных казарм большая толпа солдат с винтовками и разогнали краевой Совет. Генерал Черкес был ранен, но, с обнаженной шашкой, выскочил в окно и, с помощью нескольких солдат и полковника Р-ва, был спасен. Власть перешла в руки Революционного комитета, арестованные члены которого были немедленно освобождены из тюрьмы и привезены на автомобилях в «Дом Свободы». Командующим войсками выбрали поручика Перфильева, его помощником — члена комитета Вайнштейна, комендантом — прапорщика Гриневича, помощником — бывшего адъютанта коменданта управления прапорщика А-а (не большевика). (Ночью было окружено и помещение школы прапорщиков, арестовали спящих юнкеров, поставили возле них караул, а винтовки снесли в цейтгауз. Полковник Савицкий и капитан Фролов были арестованы и заключены на гауптвахту. — Ф. Г.) В то время гражданское управление Туркестана, по полномочию Временного правительства, находилось в руках комиссаров Наливкина, Елпатьевского и др. Все почти учреждения сразу стали повиноваться новой власти, за исключением почтово-телеграфных чиновников, благодаря чему Наливкин успел послать Временному правительству телеграмму о происшедшем. Из воинских частей не примкнули к большевикам лишь мелкие команды; саперная рота при новом командире капитане Т-ве держалась нейтрально, команда искровой станции (порщик Д-в) подчинилась, и радио было в распоряжении большевиков, автомобильная команда с капитаном Малюгой (когда в Ташкенте был организован подотдел Союза офицеров Армии и Флота, капитан Малюга в противовес ему образовал Союз офицеров республиканцев. — Ф. Г.) работала также для них.

15 сентября благодаря энергии прапорщика Бутана, служившего в канцелярии воинского начальника, писаря этой команды, а за ними и других, наступали на машинках протесты против захватчиков власти, а 16-го генерал С-ий (окружной интендант), переговорив с несколькими офицерами, заявил, что если найдут еще сторонников, то его команда (человек 60) целиком пойдет против большевиков. В 4 часа дня того же числа во дворе окружного интендантства собралось до ста человек, главным образом из нестроевых, и человек пятнадцать офицеров и чиновников. Пригласили туда же и комиссара Наливкина, который явился с оттиском только что полученной из Петрограда телеграммы Временного правительства, в которой сообщалось, что на помощь высылается военная экспедиция, после чего было приказано «арестовать мятежников». При этом комиссар Наливкин заявил, что, несмотря на свою старость, он вспоминает, что когда-то был сот-

ником и что он, в случае надобности, сам пойдет против большевиков.

Было условлено: собраться к 8 часам вечера во дворе воинского начальника, причем каждый из присутствовавших должен был к вечеру привлечь возможно больше сочувствующих.

Прежде всего необходимо было освободить юнкеров школы прапорщиков из-под ареста, что и было блестяще выполнено не бывшими случайно под арестом капитаном Ф-м и адъютантом школы прапорщиков Т-м. С помощью нескольких юнкеров, вооруженных взятыми из конвоя винтовками и бывшими в их распоряжении двумя ручными гранатами, они обезоружили большой караул, освободили юнкеров, добыли из цейхгауза винтовки и вооружили их. К этому времени капитан Г-н²⁸⁸ уговорил находившихся в крепостных казармах, в ожидании отправки на фронт, трехсот ударников примкнуть к движению; их также вооружили винтовками из тех же цейхгаузов, и к 9 часам вечера был сформирован отряд силою до 900 штыков (и 75 казаков из конвоя), включая разных нестроевых офицеров и чиновников. По разным причинам офицеров примкнуло тогда очень мало; командование отрядом было предложено генералу Смирницкому²⁸⁹, но он отказался, заявив, что командовать должны только бывшие на войне. Тогда командование принял старший в чине полковник П-в, назначив начальником штаба капитана Г-на. Через час выяснилось, что полковник П-в никогда не был в боевой обстановке и не годится для командования (между прочим, он приказал отпустить на «честное слово» арестованного конвойцами большевистского коменданта прапорщика Гриневича). Пришлось спешно вызвать только что освободившегося из-под ареста полковника Р-ва (георгиевский кавалер, после тяжелого ранения с вставной челюстью). Полковник Р-в принял командование и приказал весь отряд перевести в крепость, комендантом которой назначил капитана Г-на. Необходимо еще отметить, что освобожденный из-под ареста начальник школы прапорщиков, полковник Савицкий, также уклонился от командования и оставался с нами в крепости в довольно странной роли присутствующего, но не участвующего в деле лица.

Все было организовано настолько быстро, что большевики не успели помешать, и к утру все государственные учреждения, банки, казначейство, почта и т. п. охранялись уже караулами из крепости; большевики не выступали, но их не трогали по приказанию комиссара Наливкина, ожидавшего, что вот-вот придет военная помощь и тогда наступит «суд праведный». Собственно говоря, с большевиками тогда уже можно было кончить одним ударом, пассивное же си-

дение в крепости, все время на чеку, было весьма изнурительно: приходилось жить в крепости не раздеваясь, караулы были тяжелы из-за относительной малочисленности. Кроме того, в самой крепости были хорошо вооруженные враги этого маленького отряда (крепостная артиллерийская рота), у которых были и пулеметы, и орудия на валах, и которыми они в любой момент могли оперировать против здания школы, где находился тогда штаб отряда, все офицеры и юнкера. Делались попытки привлечения к несению караульной службы людей из дружин, но это могло оказаться небезопасным. Такое неопределенное положение тянулось почти до октября месяца.

В конце сентября прибыла неожиданная помощь из Самарканда: однажды на рассвете в крепости появился полковник Б-в с двумя сотнями (150 человек) казаков и обратился к коменданту с вопросом, где находится «гнездо», т. е. «Дом Свободы»? Получив указания, он заявил, что сейчас же его разорит. И действительно, вскоре стали прибывать арестованные им: прапорщик Гриневич, писарь школы прапорщиков Федосеев (весьма опасный большевик, член комитета), а также вскоре привезли целый ящик захваченных там документов и запертый нестерраемый шкаф.

Но о действиях полковника Б-ва узнал полковник Савицкий; ужасно возмущившись, он отправился к комиссару Наливкину и убедил его приказать полковнику Б-ву — от имени Временного правительства — прекратить военные действия; полковник Б в обиделся и через несколько дней уехал со своими казаками, но арестованные большевики и захваченное имущество остались у коменданта крепости. Было вполне ясно, что на гарнизон рейд Б-ва произвел сильное впечатление, и если бы ему не помешали, а наоборот — разрешили присоединить две роты юнкеров к его казакам, то тогда легко можно было бы разоружить мятежные полки даже без жертв.

Итак, сторонники Временного правительства, присягавшие ему, показали пример повиновения законному начальству и подчинились приказу комиссара Временного правительства: не раздеваясь по неделям, продолжали в бездеятельности валяться на полу столовой и канцелярии школы, готовые в любой момент, по тревоге, занять свои места на валах крепости или в рядах вылазочного отряда.

В последних числах сентября стали прибывать части отряда генерала Коровиченко, (военная экспедиция по назначению Временного правительства), а 3 октября прибыл и сам генерал Коровиченко. Отряд состоял из (17-го?) Оренбургского казачьего полка, четырех маршевых эскадронов драгун и гусар, пулеметной роты из Ораниенбаума и двух бронированных автомобилей.

Уже с первого дня пребывания генерала Коровиченко в Ташкенте выяснилось, что, будучи прислан Керенским для подавления мятежа, он недооценивает события. Все участники борьбы полагали, что он немедленно прикажет мятежным войскам сдать оружие и, в случае неповиновения, заставит их повиноваться силой, так же понимали и сами прибывшие с ним офицеры и солдаты, так же понимали и трепетавшие большевики. Генерал Коровиченко думал иначе: он считал возможным «уговорить» их, и даже «без разоружения». Начался ряд «роковых» ошибок.

Несмотря на все протесты, штаб генерала Коровиченко расквартировал прибывшие с ним войска так, что драгуны и гусары должны были жить рядом с 2-м запасным строевым полком, а казаки — рядом с казармами 1-го полка, т. е. с «места в карьер» давалась возможность пропаганды среди вновь прибывших. Уже на второй день все опасения полностью подтвердились, и офицеры отряда заявили о неудобстве такого соседства, а также и о том, что среди их людей уже кое-что «начинается»; но генерал Коровиченко все же полагался на силу «уговаривания» и... отпустил «ударников» (среди них был хорунжий Греков, белоголовый, участвовавший в партизанских отрядах в январе 1918 года на Дону. — Ф. Г.) за ненадобностью — это была вторая ошибка.

Сам генерал Коровиченко отправился с визитом в Совет солдатских и рабочих депутатов, куда съехались члены со всего Туркестана, чтобы «осудить» незаконное свержение краевого Совета; заседаая совместно с захватчиками власти, наиболее умеренные из них, не найдя возможным оставаться в таком Совете, постепенно разъехались. И вот на этом Совете генерал Коровиченко произносил большие речи и спокойно выслушивал от «захватчиков власти» самые возмутительные вещи — это была третья ошибка.

Четвертой ошибкой являлось освобождение от обязанностей комиссара Наливкина, что генерал Коровиченко сделал именем Временного правительства. Единственный боевой старший начальник полковник Р-в, соглашаясь с методами Коровиченко, сам отстранился за болезнью (действительной); помощник генерала Коровиченко по гражданским делам (назначенный им) А.И. Доррер, состоявший ранее областным комиссаром Закаспийской области, также полагал, что уговоры бесполезны и необходимо разоружение и арест членов Революционного комитета, но не мог переубедить генерала и сам стал заниматься «уговариванием».

К 14 октября положение защитников власти в крепости стало затруднительным — крепостная рота вела себя слишком вызывающе,

пулеметы и одно орудие демонстративно были направлены против здания школы; депутаты этой роты в Совете требовали суда над лицами, разоружившими их караул 16 сентября и вскрывшими цейхгаузы с оружием, и т. д.

После долгих колебаний генерал Коровиченко отдал приказ крепостной роте сдать оружие и, по неисполнении приказа, распорядился роту обезоружить силой. В это время комендантом крепости (с 3 октября) состоял уже полковник В.М. Бек, ранее бывший инспектором инженеров округа, а прежний комендант, капитан Г-н — и. д. начальника штаба крепости. Ввиду неповиновения крепостной роты, было приказано обстрелять ее казарму во втором этаже пулеметами из двух броневигов, причем было сделано по «две очереди» по верхним карнизам окон. Крепостники сдались — убитых и раненых не было, хотя часть пуль попала в потолки и стены казармы. После отбора заведомо невиновных остальных приказано было оставить в казарме под караулом (все представители власти и защитники Временного правительства настаивали на отсылке их в тюрьму). На другой день генерал разрешил специальной депутации от Совета войти в крепость и «убедиться», что никто не убит и не ранен, но прибывшие, увидев следы пуль, так «кликучествовали» по поводу того, какие «могли бы быть» несчастные случаи, что пришлось их выпроводить из крепости. В мятежных полках, в рабочей слободке и в городе генерала Коровиченко называли «зверем» за то, что он разоружил роту; на случайно выходивших из крепости защитников ее устраивалась охота...

Тем временем началось брожение в Оренбургском казачьем полку, пулеметная команда этого полка отказалась выполнить приказание своего начальства, и хотя была оставлена на свободе, но предана военному суду. Заседание суда генерал Коровиченко приказал назначить в крепости; состав суда — шесть человек, в числе которых были кадровые офицеры (один полковник); так как на этом суде допущены были речи, в которых неповиновение восхвалялось, то суд... «оправдал» всех обвиняемых...

Драгуны и гусары настолько явно были уже заражены пропагандой, что стали опасным элементом, и генерал Коровиченко отпустил их обратно в Петроград, причем им пришлось дать хорошие деньги «на чай», чтобы только избавиться от них. Броневиговые офицеры успели потребовать себе смену и тоже уехали, — вновь прибывшие броневики и большая часть казаков были вполне надежны.

Между тем действия Совета и поведение мятежных полков, убившихся в пассивности генерала Коровиченко, стали настолько вызывающими, что, наконец, удалось убедить генерала в необходимости

немедленно разоружить полки и отобрать от них оружие и огнестрельные припасы, хранившиеся в полковых цейхгаузах.

23 октября, на рассвете, было начато движение к полкам; 2-й полк в городе был разоружен отрядом из крепости весьма быстро; разоружение же 1-го полка поручено было роте военного училища и казакам.

Там дела складывались весьма плохо: мятежники успели передать винтовки рабочим (рабочих и разного сброда присоединилось к 1-му полку свыше 3000. — Ф. Г.) находившихся по соседству железнодорожных мастерских, и командовавший тремя сотнями казаков войсковой старшина, долго не решался пустить в ход оружие (приказано было разоружить без крови); когда же мятежники уже сами стали обстреливать казаков, было поздно приказывать: казаки сдали свои винтовки мятежникам. Посланные туда броневики с трудом выбрались обратно, а юнкера училища должны были отступить. Начались правильные военные действия — наши части в городе, а противник в вокзальной части (казармы 1-го полка, казачьи и мастерские). К 27 октября наступавший отряд уже брал верх над противником, но, по приказанию генерала Коровиченко, вынужден был согласиться на перемирие, просимое противником, и генерал приступил к переговорам. Главная просьба противника заключалась в том, чтобы отвести отряд от ключа позиции (Куйлюкский мост); несмотря на убеждения в опасности такого шага, просьба эта была генералом выполнена — он приказал отойти, а через полчаса переговоры пришлось прервать, ибо большевики немедленно продвинулись через мост и заняли часть города...

Начались бои в самом городе. Вечером 31 октября защитники Временного правительства снова улучшили свое положение, и с утра (наконец-то получили разрешение генерала) предполагалось начать артиллерийский обстрел рабочей слободки и этим покончить с большевиками, так как, по имевшимся данным разведки, после этого обстрела рабочие сейчас же рассыпятся. Но к вечеру прибыла на автомобилях с белыми флагами, а на передовом — с большим крестом из вокзальной церкви, депутация от рабочих во главе с настоятелем вокзальной церкви. Депутация заявила, что «народ» не хочет больше крови, надо найти пути к примирению и проч. Несмотря ни на какие доводы, генерал решил заключить с большевиками мир. Обостренность отношений в отряде, являющаяся результатом действий генерала Коровиченко, дошла до того, что офицеры заявили, что не подчинятся ему и выберут из своей среды командующего. Тогда генерал Коровиченко сказал речь, в которой указал, что неповиновение ему, представителю Временного правительства, равно измене присяге и проч. Подчинились... раскрыли

ворота крепости, и через несколько минут все офицеры за немногими исключениями (успели скрыться) были арестованы. Коровиченко был первым отправлен на крепостную гауптвахту, остальных «погнали» под конвоем в казармы 2-го полка.

О том, что было пережито тогда, говорить не приходится; сколько было защитников власти Временного правительства тогда убито — неизвестно. В городе началась ловля офицеров и добровольцев; в крепости было много лиц разных профессий, присоединившихся к отряду в конце октября, было много учащейся молодежи, воспитанников кадетского корпуса. Между прочим, в эту ночь был убит (или застрелен) генерал, георгиевский кавалер Мухин, к которому пришли на квартиру (по болезни он не выходил из дому) с требованием отдать оружие, генерал ответил пулями из револьвера.

С 1 ноября большевики закрепили свою власть в Ташкенте; в других городах края им также не было оказано почти никакого сопротивления, — наоборот, присылали даже помощь, так, например, 2 ноября из крепости Кушки прибыл отряд с шестью орудиями под командой инженера полковника фон Шульца (бывшего и ранее комендантом Кушки) с офицерами прапорщиком Пушкиным и другими. Этот отряд много содействовал последовавшим жестокостям.

При тюрьме, куда перевели после издевательств и побоев всех офицеров (кроме генерала Коровиченко, оставленного в крепостной гауптвахте на потеху толпы — приходившей ежедневно специально для того, чтобы плюнуть сквозь решетку в «зверя»; на шестой день его ранили штыком, и хотя, по требованию коменданта крепости унтер-офицера Якименко, была сделана перевязка, но через неделю его убили самым зверским образом), учредили следственную комиссию для разбора степени виновности арестованных, комиссия состояла из большого числа солдат — представителей от всех частей; в состав комиссии удалось на первых порах включить местных адвокатов Ф.Н. А-ва и Ш-на, которые содействовали освобождению многих офицеров. Благодаря отзывчивости местных жителей и энергии нескольких лиц (госпожа М. И-ва и др.) удалось многих освобожденных и скрывшихся добровольцев переодеть в штатское платье, снабдить на дорогу деньгами и отправить по разным дорогам из Ташкента (два юнкера и один кадет были в январе 1918 года в рядах добровольцев в Ростове. — Ф. Г.).

Скрывшиеся офицеры и часть интеллигенции пытались организовать сопротивление путем создания в Коканде автономного Туркестанского правительства с помощью туземцев-сартов, и им удалось по всем городам края организовать массовые демонстрации против захватчиков (мирные манифестации).

В городе Ташкенте такая манифестация состоялась 13 декабря, участвовало свыше 150 тысяч сартов, прошедших через весь русский Ташкент; большевики сначала объявили, что не допустят манифестантов в русский город, но, убедившись в мощности движения, разрешили; примкнувшие к манифестантам русские потребовали выпуска из тюрьмы арестованных офицеров, причем большевики вынуждены были согласиться и на это. Освобожденных с триумфом повезли на взятых без сопротивления у большевиков автомобилях, генерала Смирницкого посадили верхом на лошадь и... вместо немедленного движения в туземный город, где можно было укрыть освобожденных, отправились «говорить речи» к городской думе и т. п., — это было около четырех часов дня. Туземцы, с утра ничего не евшие, в прежнем порядке направились в старый город, кругом освобожденных и примкнувших к манифестации русских, оставалось не более пятисот туземцев, когда послышались тревожные гудки в мастерских, пришлось наскоро закончить речи и с поспешностью двигаться к туземному городу. Но у выхода, в здании управления запасной бригады уже засели большевики с пулеметами, из которых и открыли огонь по колонне манифестантов. Генерал Смирницкий и еще несколько русских и до ста пятидесяти сартов были убиты или утонули в реке на границе русского города, большая же часть офицеров успела скрыться, а восемь человек, в том числе полковник Бек, генерал Кияшко²⁹⁰, прис. повер. Дружкин, граф Доррер были захвачены, отвезены в крепость и там зарублены шашками. По всему городу начались аресты лиц, заподозренных в организации манифестации.

Через сутки, 15 декабря, капитану Г-ну удалось переодетым скрыться из Ташкента и выехать по грунтовым дорогам через Пскент и Ходжент в Коканд, где предполагалось найти членов Туркестанского правительства, но в тот же день, по получении известия, что в Коканд едет карательная экспедиция с поручиком Перфильевым во главе, члены правительства стали сами скрываться. Пришлось покинуть Коканд, и капитан Г-н, вместе с бежавшим ранее из Ташкента прис. повер. Ш-м, были провезены скрытно проводником вагона до Самарканда, а затем до Асхабада, где нашли прис. повер. А-ва.

В Асхабаде предполагалось организовать что-либо с туркменами, но это не удалось, и тогда кап. Г-н, по поручению члена Кокандского правительства А-ва, поехал искать помощи на Кавказе.

В Терской и Кубанской областях ни о какой помощи не могло быть и речи, т. к. там сами еще не знали, что делать, — пришлось искать помощи дальше на Дону, где, как говорили на Кубани, уже имеется организация, возглавляемая генералом Алексеевым.

9 января 1918 года капитан Г-н прибыл в Новочеркасск, и в тот же день был принят генералом, который, выслушав подробный доклад о вышеизложенном, сказал, что будет сделано все возможное для спасения Туркестана.

Подробный вариант доклада капитана Г-на генералу М.В. Алексееву.

9 января капитан Г-н явился к генералу Алексееву, который принял его в маленьком кабинете дома в Новочеркасске. Генерал с живейшим интересом выслушал подробный доклад о событиях, происшедших в Туркестане, задал докладчику много вопросов о противобольшевистской организации в Ташкенте, о количестве снаряжения и боевых припасах, оставшихся в Туркестанском округе (Ташкент и крепость Кушка), о численности и качествах людей, пригодных для борьбы с большевиками, расспрашивал об отношении к большевизму туземцев (сартов, киргиз и туркмен), о составе большевистских частей, об офицерах, оставшихся на службе у большевиков. Узнав от докладчика, что среди большевиков в Туркестане имеются германские руководители, генерал промолвил: «Иначе и быть не могло, все от них».

Поблагодарив докладчика, генерал Алексеев сказал, что будет сделано все возможное для помощи Туркестану, и назначил докладчика в распоряжение начальника военно-политического отдела полковника Генштаба Лисового²⁹¹. После обсуждения вопроса докладчику было поручено с помощью двух младших офицеров (тоже туркестанцев) разработать план организации освобождения Туркестана, с тем чтобы по утверждении его выехать в Туркестан.

Однако дальнейшие события на Дону, как было выше изложено, не дали возможности привести в исполнение желания генерала Алексеева, и Туркестану тогда помочь не пришлось.

Князь А. Искандер²⁹²

НЕБЕСНЫЙ ПОХОД²⁹³

Приехал я в Ташкент к родителям второго апреля 1918 года, в канун Пасхи, пробравшись из Крыма, где в Евпатории, в госпитале Красного Креста, заканчивал, на грязях, лечение тяжелой контузии с переломом обеих костей на правой ноге и где был застигнут нашествием большевиков (Севастопольская расправа с офицерами).

С четырьмя офицерами, себе подобными полукалеками, перешедшими только что с костылей на палки, пересекли мы Крым, частью пешком, частью на подводе, вышли к Днепру напротив города Нико-

лаева, чудом переехали в лодке реку широкую и затем через Николаев по железной дороге попали в Киев. Нас, в ожидании движения поездов, приютили родители одного из спутников под Киевом.

Наконец, чуть не через месяц, поручику Мышецкому и мне удалось сесть в поезд и добраться до Москвы. Оттуда уже один ехал до Петербурга. Раздобыв денег и взяв вещи со своей квартиры, двинулся на Туркестан. Проскочил за три дня до «Оренбургской пробки», когда всякое сообщение с Азией прекратилось.

Отец не дождался моего приезда и скончался 18 февраля этого года²⁹⁴. Ожидая меня, он приготовил для меня левый отдельный флигель (в котором я родился и жил до девяти лет), но его по «мандату» захватил и занял архиерей, приехав из города Верного, где я его звал.

Поселился я в доме покойного дворецкого отца, где на пенсии жила его семья (правый флигель от дворца). Устроила меня вскоре мама на службу в суд (помог диплом Императорского Александровского лицея). Меня прикомандировали к судье четырнадцатого участка И.Н. Ясковскому помощником. Замечательная личность была и нашего толка. Не служба, а сплошной праздник начался было в его общении, и мы быстро стали друзьями. Время и шло незаметно.

Но вот седьмого января 1919 года вспыхнуло восстание в городе Ташкенте. Оно было, к удивлению, подготовлено действительно в строжайшей тайне. Узнал я о нем утром седьмого января, разбуженный пушечным выстрелом. Затем вскоре прибежал сын генерала Б. и сообщил мне, что в городе восстание против большевиков. Указал и адрес штаба восставших. Пушечный выстрел с крепости был при ее взятии. Мой отец про эту крепость сказал однажды пророческие слова: «Эту крепость, имея на то власть, я бы срыл, так как уверен, что она когда-нибудь послужит врагу против города». Эта крепость была когда-то за городом на подступах к Ташкенту, но когда город неимоверно разросся, то крепость очутилась уже не далеко и от «центра», а слова моего отца оказались пророческими.

Мне нужно было быстро решить: спрятаться ли в старом Сартовском городе (где у меня было много друзей среди влиятельных и богатых сартов) и там переждать, пока все уляжется, или идти примыкать к восставшим? Выбрал последнее. И хорошо сделал — несмотря на все трудности и ужасы похода, я все же был в движении, напряженно и неуклонно двигался вперед. Если бы спрятался, то сидел бы несколько месяцев спрятанный в подземелье, без воздуха и света, ожидая каждую секунду ареста и расстрела. Трое так спрятавшихся и выжидавших позже присоединились к нам в Бухаре. Сели они в подземелье

молодыми людьми, а к нам прибыли поседевшими, полунормальными, с тиками стариками.

Итак, иду и являюсь в штаб повстанцев. Меня любезно встречают Осипов, Гагенский и К. Меня покорило, что они были пьяны. Но может быть, выпить пришлось для успокоения нервов и для храбрости. Получаю винтовку и в командование роту мадьяр, с которыми и беру с налета кладбище, с засевшими там большевиками. Затем мне дают человек шестьдесят детей: гимназистов, кадетиков и штатских «добровольцев-охотников». Половина, если не больше из них и ружья никогда не держала в руках. Пришлось, на скорост, учить их хоть обращаться с ружьем и показать, что нужно делать, чтобы не выпалить случайно в спину своему же товарищу. С этой «ротой», мне дано было приказание охранять указанный район. Но у детей воодушевления и старания оказалось много, и все обошлось без «несчастных случаев». В первой же стычке с взрослыми большевиками они так подбодрились, что обезоружили их и взяли в плен человек тридцать пять.

В это время уже были захвачены крепость, казармы с киргизами-солдатами, которые не колеблясь перешли на нашу сторону, почта, банк, вокзал и другие учреждения.

Зима в этом году была снежная, но первые дни не было мороза. Днем светило солнышко и пригревало, но к вечеру поднимался холодный ветер и становилось очень даже прохладно. Вышел я из дому, надев все новенькое. Френч с значками учебными и полковым, элегантные, тонкие бриджи и мягкие высокие сапоги. В общем так я являлся вдовствующей Императрице — шефу нашего полка. Сверху надел, за неимением другого, легкое летнее серое штатское (от «Жокей-клуба» — в Петербурге), а на голову легкую защитную офицерскую фуражку. Конечно, в таком наряде я быстро стал страдать от холода — но пришлось привыкать к длительному терпению.

Наша «детская игра» длилась всего сутки. До нас иногда доходили слухи о том, что делается в городе. За это время нас раза два покормили и напоили горячим чаем жители занятого нами квартала. Но вот прибегает, под вечер второго дня, гимназистик и шепчет мне, что «отряд повстанцев покинул город, восстание сорвано рабочими, бывшими на нашей стороне. Спровоцированные большевиками-главарями (по нашему, конечно, упущению), они были приглашены явиться якобы за оружием и патронами в мастерские завода. Их впустили и затем заперли там, угрожая оружием. Восстание лишилось главных сил.

Решил проверить «донесение» и с четырьмя «телохранителями» пошел на главную почту, которая была недалеко. Прихожу и вижу пол-

ную растерянность и отчаяние среди там присутствующих повстанцев. Узнаю, что «отряд» действительно вышел из города, будто по Чимкентской дороге. Задумался, что делать. Решил, что надо сперва спасать «детскую роту». Приказал им немедленно засунуть куда-либо оружие и бежать домой к их родителям (верно, уже потерявшим голову от беспокойства — за некоторыми матери уже приходили и за руку уводили воинов горько плачущих), ложиться спать, а наутро никому ни слова о том, где они были и что делали накануне. Будто это все они во сне видели. Всю речь к детям держал насколько мог убедительно. Обещали все исполнить в точности...

Вижу недалеко от почты стоит очень славная лошадка, запряженная в легкий двухколесный шарабанчик, весь набитый старым оружием. Тут же вертелся пленный австриец. Спрашиваю его по-немецки, чья лошадь. Оказывается, ему приказали взять ее в кооперативе и привезти оружие. Выбрав из оружия себе большой, пятизарядный «Смит-Вессон», остальное оружие приказал австрийцу выкинуть из экипажа. Сел и, не заезжая домой, поехал к своему знакомому, вспомнив, что он служит агрономом как раз на участке Чимкентской дороги. К счастью, застал его дома собирающимися ехать к себе на участок. Он мне дал шляпу, которую я и надел, а фуражку спрятал на груди. Закусив, мы двинулись в путь.

На выезде из города думал буду арестован собравшейся толпой рабочих, но все прошло благополучно, т. к. моего знакомого многие рабочие знали хорошо. Удалось узнать, что отряд большой, даже с пушками, прошел действительно по Чимкентской дороге. Мы ночью добрались до участка; хорошо пообедал, послушал хорошую музыку (знакомый великолепно играл на виолончели), выспался.

Наутро, поблагодарив за гостеприимство и простившись со знакомым, сел в шарабанчик и по снегу, уже на четверть (это его за ночь столько нападало, он начал идти, еще когда мы ехали), покатила догонять отряд, ушедший из Ташкента, предварительно выбрав себе псевдоним и записав его на бумажку).

Отряд нагнал в семи верстах, всего, значит, от Ташкента верстах в пятнадцать. Являюсь начальнику отряда, которым временно командовал генерал Ж., показываю ему бумажку без свидетелей и прошу тайны. Он понял, сжег бумажку и говорит громко: «Итак, штабс-ротмистр Михаил Михайлович Зернов, вы являетесь очень вовремя. Я организую конницу. Будьте любезны мне в этом помочь как старший в чине из моих немногочисленных кавалеристов. А лошадку с шарабанчиком я у вас конфискую. Мне, старику, эта упряжка очень подходит. Вам же будут выданы деньги, и вы купите себе хорошего коня и все необходимое для похода».

Купил себе сразу же очень выносливого казачьего конька с седлом, папаху, полушубок, а вот валенок так и не достал, оставшись в своих сапожках, быстро ознобил пальцы. Я уже позже в горах купил и надел сверху сапог меховые мокасины.

С отрядом из Ташкента вышли человек сорок — пятьдесят конных, среди которых было и несколько кавалеристов. Принялся, при содействии новых друзей, организовывать конный отряд-сотню. Как мы это быстро ни проделывали, но драгоценное время уходило. Сперва было решено весь отряд рассадить по дровням, пользуясь чудным, редким в этом крае снежным путем, и быстро налететь на Чимкент и его окрестности. Но генерал и его правые и левые руки воспротивились, говоря, что без конницы воевать нельзя. Это решение и погубило все дело.

Когда мы через трое суток (кажется), имея сотню или эскадрон, двинулись на Чимкент и пустили конницу в атаку, то потерпели сразу неудачу. Чимкент был уже вместо окопов обложен хлопковыми тюками, благо их там было немало, в город введен крупный отряд красных, и наша «кавалерия» была встречена картечью из орудий. К счастью, нас, атакующих, прикрыла складка местности, и картечь пронеслась над нашими головами. Пришлось отряду повернуть и идти обратно к Ташкенту, чтобы на полпути свернуть на дорогу, ведущую на селение Фогелевку.

Нам вслед вышел отряд большевиков из Чимкента, и хоть и медленно и осторожно, но пошел нас преследовать. Не доходя до нужного нам поворота, узнаем от хорошо к нам расположенных мусульман, что из Ташкента выдвинулся крупный отряд, посланный за нами. Дорога в сторону селения Фогелевка оказалась отрезанной, а мы очутились между двух сходящихся вражеских отрядов, как «между молотом и наковальней».

Устроили «маслахат» (совет) и решили уходить в горы, благо они были близко расположены, влево от нас. Предложили киргизам-солдатам и вообще мусульманам или идти с нами, или поскорее рассылаться по хорошо им знакомым кишлакам. Мусульман-воинов было, если память не обманывает, больше тысячи. Им всем было выдано по сто рублей царскими деньгами, и мы с ними распростились. Тут уместно сказать, что отряд при уходе из Ташкента изъят под расписку, выданную директору (он был позже все равно расстрелян, обвиненный в соучастии с нами), из банка золотых монет на три миллиона и бумажных денег на пять миллионов. Эти деньги предполагалось сдать первому же белому командованию.

Когда мы отделались от киргизов, то нас, кроме нескольких не пожелавших уходить с нами, в том числе генерала Ж., который был пойман большевиками и замучен, — оказалось сто один всадник.

Испортив орудия, а замки бросив в глубокий колодец, мы рассчитывали с двумя пулеметами, вооруженные винтовками с большим количеством патронов двинуться в горы. Но тут произошел печальный инцидент. Никто не обратил внимания на старшего пулеметчика поручика Михайлова. Последний, будучи ранен в Великую войну в голову, уже был полунормальный, а тут при сильном шоке окончательно сошел с ума, разобрал пулеметы и забросил тоже в колодец... Он оставил, таким образом, нас с одними винтовками. А как бы в будущем, при боях в горах пулеметы нам пригодились — благо они были выючные и на хорошо тренированных лошадях.

Надо было все равно двигаться, и мы, перегрузив золото и деньги с саней на выюки, двинулись. Один мешок с золотыми монетами был злоумышленно вскрыт (позже мы узнали кем — это был казак-татарин и его шесть братьев) и часть золота похищена.

Начался подъем. Меня догоняет поручик Иванов на великолепном вороном в яблоках скакуне, жеребце-текинце с прозвищем Шайтан (дьявол) и умоляет поменяться с ним конями. «Вы кавалерист и вам все равно, на какой лошади ехать, а меня Шайтан убьет. Дайте мне вашего конька и берите себе Шайтана». Я быстро соглашаюсь, так как уже был влюблен в чудного скакуна. Но о нем позже. Оказывается, конек поручика Иванова сбежал и последнему ничего не оставалось делать, как взгромоздиться на Шайтана, да еще без седла, забытого в суматохе при поспешном уходе в горы.

Только начали подниматься в горы, как, на наше счастье, встретили спускающегося в долину таджика. Узнав, что ему будет выдана крупная сумма «николаевскими» деньгами, так высоко тогда ценившимися, он быстро согласился быть нашим проводником и вести нас горами. И повел. Поднялись по тропинке на некоторое расстояние, а затем свернули вправо. Нам была хорошо видна покинутая недавно долина, вся белая от снега. И представилась нашим глазам замечательная, редкая картина. Два отряда красных сошлись, один из Ташкента, другой от Чимкента. Приняв друг друга за нас, они с ожесточением начали бой. Потери с той и другой стороны были солидные. Затем, видно, выяснили ошибку, т. к. бой прекратили. Этот эпизод нам доставил большое удовольствие и приподнял нашу мораль.

На рассвете мы увидели глубоко внизу расположившийся поселок и имение Великого Князя Николая Константиновича — Искандер. Позже узнали, что все жители поселка высыпали на улицы и с крыш наблюдали наш проход высоко в горах. Мы долго были видны, т. к. тропа, по которой мы карабкались, все время шла спиралями параллельно поселку.

В первом же горном кишлаке мы поели и поспали, но от жителей узнали, что все дороги на перевалы в это время года непроходимы, а ближайший Александрийский перевал проходим вообще только два месяца в году: июнь и июль, чем и пользуются пастухи, перегоняя через него скот.

Но именно за этот-то Александрийский перевал судьба и вынудила нас идти. Пока что мы решили уйти еще глубже в горы и там ждать лучших времен. Но и тут нашим планам не удалось сбыться, т. к. вскоре нас нагнал очень сильный отряд красных и нам пришлось, защищаясь, уходить все глубже и глубже в горы. Выдерживать постоянный бой на месте мы, конечно, не могли. Нас осталось уже девяносто два человека. Девять, считая татарина-казака, накрыв золота, решило от нас отстать и куда-либо спрятаться. Но большевики их нашли, под пытками узнали, куда они спрятали золотые монеты, затем ликвидировали.

Итак, девяносто два партизана, вооруженные только винтовками, начали борьбу с наступающим врагом, зачастую в двадцать раз нас более многочисленным, а подчас и еще более сильным. Правда, защищаться в горах куда проще. Наступать часто приходилось на нас по горной тропе. Несколько человек могли остановить батальон, но человеческие силы имеют предел, и с этим надо было считаться. Конечно, повторяю, будь у нас хоть один пулемет — было бы дело другое. Мы бы могли выдержать гораздо дольше атаки. Но его, увы, не было! Но нас окрыляло, что в этих боях мы были всегда победителями — враг неизменно отступал, подчас даже бежал, а мы, пользуясь этим, отходили и занимали и подготавливали новую позицию для боя. Горные обитатели нам в этом помогали, охотно давая проводников или указывая места удобные для защиты.

Мы гнали перед собой всякого рода скотину, купленную для еды, и везли на выючных лошадях (тоже приобретенных в горах у жителей) фураж и нам рис и хлеб. Питались мы в это время очень хорошо, хотя из-за боев не очень часто.

Помню, как теперь, кишлак Кара-Булак, расположенный на плато, шедшее к противнику. Кишлак богатый и большой. Мы решили здесь побыть подольше. Нам жители (которым за это платили) сообщают, что большевики в версте от нас вышли из-за скал и направляются к нашему расположению. Нам их еще не было видно, т. к. они спустились, и на капливались в глубоком и очень широком рве — русле старой реки. Мы засели за домами, с обеих сторон дороги, проходившей по кишлаку, и затихли. Расстояние между кишлаком и рвом было нами заранее вымерено. Ставь только прицел. До рва было полторы тысячи шагов. Мы

решили открыть огонь только тогда, когда неприятель будет в шестистах шагах. Там и была поставлена вежа — елочка. С дороги в сторону свернуть было мудрено, т. к. снег был около аршина глубиной, местами и больше — тут не погуляешь.

Первые кто появились — это двенадцать конных разведчиков. От жителей они не могли добиться, где мы, поэтому так спокойно и въехали в кишлак, предполагая, что мы много дальше. Мы их пропустили за наших хорошо укрытых стрелков, а затем, не трогая лошадей (они нам пригодятся), дали залп по разведчикам. Все было кончено в несколько минут. Патроны были сняты с убитых, и оружие тоже, а трупы выброшены в овражек и засыпаны снегом. Лошадей завели в сарай. Только одна из них была ранена.

Красный пеший отряд, не получая вестей от разведчиков, решил, что дорога свободна, и двинулся вперед. На шестистах шагах он попал под такой огонь, что, хоть и залег, понес большие потери и затем стал спешно отступать — вернее, в панике бежать. Жители потом нам рассказали, что из отряда в тысячу восемьсот человек с вьючными пулеметами и даже горными орудиями (ни то ни другое не удалось использовать) на месте осталось убитыми и ранеными (которых они потом все же подобрали) около четырехсот человек. Возможно, что это было преувеличено. Это случается не только с европейцами, но с азиатами, и даже особенно с ними.

Большевики, после такого удара, бежали без оглядки, благо дорога шла вниз, до тех пор, пока не наткнулись на другой отряд красных, шедших им на подмогу, но нам дана была передышка.

Самое печальное было то, что нас травили как зверя, и не только красное воинство, но и... мужики поселка Искандер!

Они прослышали, что мы увозим золото. Вот их сердца и распылались жадностью. Это все были хорошие охотники, знающие горы как свои пять пальцев, и великолепные стрелки. Они часто сверху, с непроходимых высоких скал, открывали по нас огонь. Но нам было где укрыться и было чем ответить. Мы были к ним беспощадны и живых их не брали. Часто они, как мешки с овсом, сваливались со скал к нам на тропу, подкошенные нашими пулями. А стрелки у нас тоже были неплохие. Чего стоил один капитан Грамолин, выбивший первый приз офицерский в дивизии. Или старший Стайновский²⁹⁵, расстреливающий из винтовки влет подброшенную старую узбекскую галошу. Это быстро отвадило охотиться на нас переселенцев. И слава о нас покатилась. Нас начали уважать и бояться большевики — непросто им было нас преследовать, т. к. что ни бой, то у них большие потери. И прозвали нас «белыми дьяволами».

Вот еще случай, выпавший уже на мою долю. Мне была поручена разведка через жителей и выданы деньги для этого. Когда мне сообщалось, конечно, вовремя, что враг наступает, я этим горным осведомителям давал известную сумму. Жители и так охотно нам все сообщали сейчас же, а тут еще деньги попадали беднякам в руки. Старались все.

Оторвались мы как-то от красных и заняли удобный кишлак для защиты. Он стоял на ровном месте, а вниз, к оврагу, шел крутой скат, переходивший затем в ровно идущую тропинку. Справа утесы, слева глубокий обрыв, а на нем шумливо несущая свои воды горная речка, приток Заравшана. На другом берегу, на некотором расстоянии от гор, площадка, а на ней тоже кишлак. Уговорился с жителями этого кишлака, которые далеко назад выслали разведчиков, что как только они узнают о наступлении красных, то на берег выйдет девушка и три раза крикнет: «Ата! Ата! Ата!» (ата — отец) — будто она ищет и зовет отца. Вне всякого подозрения.

Покойно проходит у нас некоторое время, и вот, слышим, доносится с того берега грудной, музыкальный голос: «Ата! Ата! Ата!»

Раздается команда «В ружье!», и все партизаны разбегаются по заранее намеченным местам, на сооруженной нами из камней крепости. Нам видно, а нас не видно. Капитана Чечелева с четырнадцатью конными посылают на ту сторону. Вижу, как его разъезд спешивается, привязывает лошадей, укрыто среди деревьев, и идет к кишлаку.

Ту сторону нам было далеко хорошо видно, но на нашей стороне внизу, где тропка шла уже по ровному месту, нам мешала груда камней при повороте тропинки слегка вправо. Я предложил начальству пойти к этим глыбам камней и оттуда наблюдать. Охотно на это согласились. Забрав десяток кадет, отправился. Со мной пошел капитан Грамолин. (Мы с ним очень дружили и редко расставались.) Пока я отдавал приказания, Грамолин подошел к глыбам и засел за камнями. Мне думается, ему был виден тот берег, но не тропинка за глыбами впереди него. Когда мы подошли к нему шагов на пятнадцать, он стрелял по ту сторону, мы видим, что на той стороне хоть и далековато еще, но идет осторожное накапливание врага. Видим перебежки от камня к камню. Враг медленно, но верно приближался к кишлаку.

В это время происходит нечто таинственное. Сперва мы видим, что Чечелев со своими партизанами постреливает по наступающим на кишлак большевикам, и очень даже удачно, так как есть фигуры, лежащие плашмя и недвигающиеся среди врага. Но вот Чечелев, находящийся как раз напротив нас, бежит назад к лошадям со своими воинами и усиленно машет своей папашой в том же направлении. Не

иначе как нам сигнализирует, чтобы мы, в свою очередь, тоже бежали обратно. Вижу, как они, не садясь на лошадей, бросаются в воду. Бр-р! Даже за них стало холодно (от этого купания Чечелев простудился очень сильно и позже заболел, чем нам доставил немало хлопот, т. к. его пришлось тащить).

Меня это так заинтриговало, что решил зайти за камни и посмотреть, что там такое творится. Делаю три шага вперед. Но в это время слышу, Грамолин тихо вскрикивает, а пульки с той стороны реки просвистали над нами. Он встает, опираясь на винтовку, и идет, прихрамывая, ко мне: «Я ранен в ногу!» Я улыбнулся, Грамолину ужасно не везло. Это пятый раз, что он ранен за горный поход, а я его и до этого в шутку уже называл «пулесобирателем». Он мрачно продолжает: «Знаешь, бери-ка мою винтовку, с которой я никогда не расстаюсь. Она хоть по крайней мере пристрелена, я из нее призы брал, а дай мне твое полено, оно мне подойдет, т. к. буду на него опираться, как на палку!» Радостно, с благоговением беру призовую винтовку у Грамолина и, не посмотрев с радости, сколькими патронами она заряжена (Грамолин стрелял перед этим), собираюсь идти к камням... Это, конечно, долго рассказывать — но, произошло все мгновенно... и вдруг уж можно сказать совсем неожиданно и для меня, и для засевших правее меня за камнями кадет... из-за глыбы камней выходит в затылок друг другу с десятков, а то и больше красных воинов... в малиновых шароварах, с красными звездами на папах. В левых руках держат они винтовки, а в правых, поднятых вверх, — гранаты... Увидав нас, они завопили «Ура!»...

Еще до этого стрельба с этой стороны по нас прекратилась по неизвестной нам причине. Теперь было ясно почему! У меня мелькнула мысль: «Их много, они искалечат нас, заберут и замучат». От страха, вернее, даже ужаса я озверел... Я было при виде большевиков присел за камень, но тут я вскочил, расставил ноги и, как на охоте по зверю, вскинул винтовку и в десяти шагах выпалил прямо в грудь первому из наступающих... Эффект превзошел все мои ожидания... Красные стали валиться как пешки. Три уже лежали не шевелясь, а четвертый на карачках уползал за удирающими остальными. Еще раз выстрелил. Остался неподвижен и раненый. Вскидываю винтовку и стреляю по остальным. Чик!.. а выстрела нет. Открываю затвор — пусто... Патронов нет... Быстро вкладываю обойму, выскакиваю за камни, одушевленный таким удачным оборотом дела, и вижу человек больше тридцати, в малиновых шароварах, удирающих во все лопатки. Ну и дал же я им жару.

Но в это время вокруг меня снова зажужжал рой пуль с другой стороны, и мне пришлось бросить охоту и скрыться за камнями. Решил

быстро отходить к окопам. Моя миссия была закончена более чем удачно. Забрал кадетиков, которые как загипнотизированные распластались среди камней. Перебежками от камня к дереву двинулись. Посылаю одного кадетика вперед с донесением устным о происшедшем.

Только спрятался я за дерево, к этому же дереву бросается кадет, вскрикивает. Пуля пробила мякоть ляжки, очень близко от низа моего живота... Кismet! Веду, то есть тащу его, а сам думаю, какое счастье, что в винтовке Грамолина оказалось все же два патрона!.. А если бы их не оказалось?! Даже неприятно об этом думать! Долго потом меня во сне мучил кошмар, если ложился поевши. Вскрываю во сне, вскидываю винтовку — чик! — а она не стреляет. Хоть кому угодно простительно проснуться в холодном поту... Но вот и окопы.

Нас партизаны, уже осведомленные, встречают оглушительным «Ура» и аплодисментами. Но пульки свистят с той стороны.

Обрываю комплименты и команду: «Внимание, прицел пятнадцать, залпами пальба...» И пошло! Через полчаса, а то и меньше на той стороне красных уже не было, кроме десятка с два трупов, оставленных на месте.

Дав урок большевикам, мы несколько дней отдыхали на месте по двум причинам. Во-первых, «крепость» уж очень была хороша, с трудными подступами к ней. Во-вторых, нам нужно было отправить побольше провизии вперед, т. к. там начинались дикие места, с очень редкими кишлаками.

Все было выполнено, когда большевики навалились на нас массой, о чем нас, конечно, заблаговременно предупредили жители, довольные полученным щедрым денежным подарком. Бились мы, бились, причиняя урон врагу, но в конце концов, истомленные дневными и ночными боями, могли и не выдержать. Большевики без перерыва и передышки лезли на нас, посылая вперед мобилизованных киргизов, подталкивая их сзади пулеметом. Большевики могли сменяться в атаках, а мы должны были защищаться все (кроме штаба), и только уж очень ослабевшим да раненым давали возможность поспать и поесть. Сами же дремали в промежутках между атаками и тут же и ели в траншее.

Но вот, на наше счастье, пошел снег, да какой! Мы под его прикрытием сели на коней и ушли еще глубже в горы. Но большевики нас теснят и теснят и все глубже загоняют в горы.

Но вот нас ждет сюрприз. Узнаем в одном кишлаке, что теперь очень не скоро будет еще кишлак и что... дальше (в конном строю) на лошадях двигаться уже больше нельзя... Это была настоящая драма! Что делать?! Но события решили за нас. Нас настиг крупный отряд больше-

виков, теперь уже не из туземцев, а из русаков. Обозленные тяжелыми потерями и неудачами, они бросились на нас как волки.

Дав им хороший отпор и отбросив их назад, двинулись дальше и стали сразу набирать высоту по крутым, идущим в скалах тропам, где и козам было трудно идти... но главное, бросить лошадей на произвол судьбы.

Просили мы, правда, жителей поднебесного кишлака куда-либо их утнать и спрятать от большевиков, и денег даже дали. Нам обещали — но выполнили ли обещание — не знаю.

Многие из нас плакали, не скрывая своих слез, прощаясь с дорогими друзьями — скакунами... Многие тащили свои седла и уздечки на плечах, не желая с ними расстаться. Впереди себя гнали табунок горных коз, для еды, охотно нам проданных жителями.

Теперь мы шли пешком. Хорошо хоть, что еще давно обзавелись мокасинами — мехом внутрь и наружу — и тепло, и не скользят.

Много мы муки перетерпели до этого, но сколько ее нас ждало еще впереди!!! У нас, правда, убитых еще не было, только раненые, да и то не тяжело, и они успели уже окрепнуть. Хорошо, что хоть у нас еще были медикаменты и перевязочный материал. Но конечно, когда пошли пешком, то он сразу уменьшился, т. к. его нес каждый понемногу, в своем вещевом мешке. В нем же были лепешки (местный хлеб) и сахар, случайно захваченный с собой при уходе из Ташкента.

Подъемы делались все круче и опаснее. Мы шли уже часто так: с одной стороны узкой тропы — отвесные скалы, а с другой — бездонные пропасти с глубочайшим снегом, наметанным ветрами. На тропе не шлохнись, а вниз лучше не смотри...

В одном месте я поскользнулся и сорвался... но меня подхватили, т. к. нас соединяла веревка. Повисев несколько секунд над пропастью — я заболел болезнью высоты. То же было и с другими.

Начались стужи, а мы забрались в места, где и деревьев нет, следовательно, огня развести нельзя. Коз поели и до кишлака шли долго с пустыми желудками. Шагали как автоматы, иногда без отдыха, делая большие переходы, боясь присесть. Сядешь, а потом и не встанешь. Что и случилось с некоторыми из нас.

Наконец, доплелись до кишлака. Жители дали нам сперва только горячего козьего молока, когда узнали, что мы несколько суток не ели, а только после того, как мы выпались, уж разрешили поесть. Ох и хорошо же мы отдохнули! Но надо было идти вперед, пользуясь хорошей погодой.

Двинулись. Днем еще было ничего, но ночью кошмар. По такой страшной дороге ночью не пойдешь, а как спать без костра на снегу?!

Уж мы всяко пробовали. Лучший способ оказался такой: рыли «могилы» в снегу в рост человека в глубину и в ширину. Вниз клали палки наши, затем винтовки, закутывались в полушубки, ложились в ров, а в «могилу» на этот ряд ложился другой ряд — так и грелись. Первыми замерзали ноги. Когда делалось невтерпех, то выскакивали и начинали танцевать на месте. В длинных полушубках было хорошо сидеть на коне, на снегу тоже, но ходить в них было мучительно тяжело.

А холод все возрастал, у нас уже были случаи, что выставленные часовые замерзали, хоть их и часто сменяли. А идти теперь нужно было уже до самого перевала Александрийского. Чего на этом пути мы ни натерпелись!

Идем мы однажды, друг другу в затылок, по тропе и видим справа спускаются два громадных кабана. Один останавливается и смотрит, а другой, спустившись на нашу тропу, не пожелал дать нам дорогу, а опустив вниз морду с громадными клыками, ринулся на нас в атаку. Не знаю, что бы из этого вышло, думаю, что он, сбросил бы не одного из нас в пропасть, если бы шедший в голове партизан, не растерявшись, приложился и уложил кабана на месте. Позже он мне признался, что наделал разрывных пуль... вот и пригодилось.

По другому кабану мы могли открыть огонь уже сообщая, т. к. он стоял выше нас. Конечно, его сразу же и ухлопали. Потащили свиней диких за собой. Тропинка стала спускаться, и мы вышли в долину, не длинную, но хорошо укрытую от ветров и внизу у полузамершей горной речки... Ура!.. несколько корявых деревьев. Принялись разводять огонь из поломанных и отрезанных ножами веток. В это время любители принялись свежевать кабанов, торопясь это проделать, пока они не замерзли и не окаменели. Затем мясо, совсем парное, нарезали кусками, посадили на шомпола и принялись жарить. Вкусно, но неутризмимо! Из осторожности почти не ел, решив захватить с собой несколько кусков, думая их поджарить и съесть позже, но это проделать не удалось, по той простой причине, что дальше топлива не было.

Наконец подошли к перевалу. Переночевав кое-как, рано двинулись и начали подниматься. Вот и перевал, между двух скал уже виден. Но мы опоздали... перевал возможно еще перейти до девяти часов утра, но позже... начался сразу буран, заревел ветер, пошел снег и начались обвалы... Оставалось только нам поворачивать и бежать обратно. Просто сказать «обратно»... но это значит, снова тащиться до кишлака... в нескольких днях пути...

Тут уж ослабевшими морально партизанами овладела паника... т. к. несколько человек сорвались и исчезли в бездонном снегу пропасти... были такие, которые в изнеможении легли и отказывались двигаться.

Несколько человек лежало в столбняке, не будучи в состоянии двинуться даже при желании и при нашей помощи... глядя на все это, один сошел с ума...

А мы дали друг другу клятву в таких случаях пристреливать друг друга... но пока этого еще не совершали — это было уже позже...

Стащили всех несчастных ниже и, устроив между скал, сами быстрым шагом пошли к покинутому нами недавно кишлаку, благо дорога спускалась. Шли мы очень быстро, но все же времени потратили много, пока не стал виден кишлак. Наступала ночь. К нам подходят неожиданно несколько каких-то теней, вышедших из-за скал. Смотрим, таджики из кишлака Гаудан-Сай пришли, увидев нас, предупредить, что в их кишлаке отряд большевиков, поев, лег спать. Указали, где стоят часовые. Большевики, конечно, нас не ждали, т. к. предполагали, что мы уже перевалили «перевал» и ушли в Фергану.

Часовые после сытного ужина дремали. Мы им и пикнуть не дали. Затем бросились в кишлак. Часть большевиков проснулась — начался ночной рукопашный бой. Действовали и приклады.

Мы быстро совладали с полусонными людьми, наскочив на них, как черти, и... к нашему великому стыду, не оставили ни одного живого... Да простит нас Аллах!!!

В этом бою был убит поручик Иванов. Спокойно отдохнув, поели, выждали, пока погода уляжется, т. к. часто шел снег. Снегу в горах навалило ужасно много.

С обновленными силами и энергией двинулись на перевал. На пути у ручья, где растут деревья и где мы жарили кабанье мясо (между прочим, многие, наевшись этого «шашлыку», серьезно заболели), решили отдохнуть хорошенько.

Сидим у костра, докуриваем остатки табака, поджариваем хлеб и подогреваем жареное мясо, захваченное из кишлака... Смотрим, к нам от перевала идут пять человек мусульман... мы обомлели и глазам своим не верим. Впереди шагает мусульманин прямо геркулес, красавец мужчина, с широкими плечами и грудью — просто Самсон... Подошли к нам, подсели к костру, закурили нашего табаку и повели разговор, полный азиатской дипломатии.

Их интересовало, куда мы идем? Кто мы такие и зачем идем? Но это не сразу спросили, а сперва разговор был просто, как говорит мудрая мусульманская поговорка: «Язык человеку дан для того, чтобы скрывать его мысли». Но когда в конце концов они узнали, что мы не большевики, а «Николай-Адам», что в переводе означает «Царские люди», то переглянулись и богатырь (имя которого записано на скрижалях партизан), Нурмаш, заявил: «А нас Медамин-Бек прислал вам

навстречу, чтобы провести через перевал. Он услышал, что вы в горах бьетесь с большевиками, вот и послал нас. Медамин-Бек вас ждет с нетерпением в Фергане».

Как громом пораженные остались мы сидеть, не веря своим ушам. Вот откуда Матерь Божия прислала нам избавление.

А все потому, что, заняв в Ташкенте тюрьму, младшему Стайновскому выпало на счастье выпустить среди других осужденных и Медамин-Бека. Он ушел в Фергану, поднял там снова восстание и стал национальным героем! И вот теперь нас ждет.

Новая энергия окрылила наши истстрадавшие души. Ко всем несчастьям мы, попав в тепле на кошмах в кишлаках, набрались насекомых, и они нас буквально поедали. От зуда хоть догола раздевайся, что мы и проделывали на солнце. Так вот Чечелев, не оправившийся еще от своей простуды после купания в студеной реке, еще сильнее простудился и стал терять временами сознание. Ну и намучились же мы с ним. Но, при такой удачной вести, не хотели его бросать и волокли на арканах по снегу за собой, устроив род салазок. Подойдя к месту, где оставили больных... нашли их замерзшими... Да это было, пожалуй, лучше. По крайней мере, не нужно их пристреливать или оставлять на расправу большевикам.

Еще раньше началась у многих цинга, т. к. воды не было, ели снег и плохо питались...

Снег теперь был местами глубокий — чуть не пол-аршина, а ближе к перевалу стал доходить до колена. Продвигаться было безумно трудно. Приходилось по очереди протаптывать тропинку. Идти было куда труднее, чем во время первой нашей попытки перейти перевал. Стояла чудная погода, без малейшего ветерка, но с ослепительным солнцем. Белизна снега на солнце слепила.

У меня была случайно приобретенная в одном из кишлаков синего бархата шапка, отороченная по борту черным с белым налетом, китайской лисицы, мехом. Это меня и спасло. Опустить на глаза шапку, мех тебя и спасает от лучей солнечных. А вот другим досталось, кто просто в папах шли. Слепили многие. Кто на неделю, кто на две, кто и на месяц. Нурмаш, наш проводник, три месяца ходил с поводырем.

Сперва протаптывали снег Нурмаш и его помощники, т. к. надо было просто иметь особое чутье, чтобы находить под снегом тропу. Затем стали мы протаптывать по очереди, под указанием Нурмаша. Это была мука, подниматься все время в гору, да еще протаптывать снег. Все выбились из сил.

Настала снова моя очередь идти первому. Брел я, брел, барахтаясь в снегу, наконец изнемог и повалился на снег. Чувствую, что дальше

не могу идти. Нет сил, да и только. Было уже собрался стреляться. Кричу назад по цепи: «Ложитесь и отдыхайте». Все охотно ложатся. Нурмаш тревожно поглядывает на перевал — верно, думает, успеем ли мы до метели и обвалов проскочить. Лежу я и в отчаянии начинаю молиться: «Матерь Божия, не оставь, дай мне силы подняться и дальше идти!» Поднимаю глаза на перевал, который уже хорошо виден (нам Нурмаш объяснил, где две скалы стоят — слева высокая а справа пониже). И... вижу мираж: на высокой скале, весь в солнечных лучах, стоит ангел с мечом в руке, с венком терновым на голове. Меч его блестит на солнце, и им он меня манит...

У меня вдруг возвращаются силы и энергия, я встаю и другим командую «Встать!» и иду дальше. Меня сменяют, и вот мы добрались до двух скал. Видение, конечно, давно уже исчезло, но прилив сил во мне сохранился. Площадка. Но где перевал?! Делаем еще сотню шагов и... из наших грудей вырываются стон, а затем «Ура!»... Какой восторг нами овладевает... Перед нами начинается пологий спуск... и ведет он в Фергану, т. е., вернее, мы уже в Фергане. Многие, даже сильные духом, зарыдали от волнения, и слез этих было не стыдно.

Тут же дал слово себе, если вернусь в Туркестан и буду иметь возможность, то непременно поставлю статую ангела с мечом на той скале, где его видел.

Мы прямо скатились вниз, а не сошли, и оказалось, очень быстро дошли до первого кишлака. Нурмаш и его спутники ослепли, и им было не до нас. Теперь мы их вели. У одной из юрт остановились и заказали барана. Хитрый хозяин-ферганец привел нам огромного барана — сразу видно, очень старого, и заломил с нас цену, кажется, пятнадцать рублей, тогда как и молодой-то баран стоил на царские деньги два рубля или три. Согласились. Он уже хотел резать барана, чтобы приготовить плов... в это время прискакал молодой ферганец на взмыленной лошади, соскочил и что-то забормотал быстро. Хозяин его внимательно слушал. Грамолин мне тихо переводит: «Это его Медамин-Бек прислал, приказывает нам оказывать всякое гостеприимство и с нас ничего не брать, а давать все лучшее. Он сам за все рассчитается позже...»

Хозяин сразу изменился... Позеленел от страха, он внимательно слушал гонца, затем согнулся вдвое, прижав руки к животу, принялся отвешивать нам почтительные поклоны, бормоча извинения и сбивчивые объяснения. Так, полусогнутый, он и потом ходил в нашем присутствии. Мы еле удерживались от смеха и улыбки свои прятали в рукава полушубков.

Хозяин что-то буркнул своему сыну и махнул рукой, после чего старый огромный баран исчез и был заменен чудным молодым барашком. Жены хозяина принялись застряпню, мы же легли отдохнуть. При нашем пробуждении был подан чудесный, жирный, сильно перченный плов, с прямо тающими во рту кусочками «курдючного» барашка, столь знаменитого своим мясом.

Затем мы двинулись уже по Фергане, и началась... сказка из «Тысячи и одной ночи». Что нас поразило, это то, что все фруктовые деревья были в цвету внизу — а мы только что вышли из снега выше колен!!! Какой контраст! Солнышко еще сильнее грело и светило, но иначе, чем в ледяных поднебесных горах, и от него люди не слепли... И вдруг вспоминаем, что уже март наступает, а вышли мы из Ташкента седьмого января...

Это мы два месяца блуждали по горам?! Боже мой! Два месяца!.. Вспоминаем с грустью, что многих из нас уже нет... Поредели наши ряды... Вышло нас сто один, а теперь и шестидесяти не досчитаешься!

Но вот прискакал конный гонец и предупредил, что Медамин-Бек идет нам навстречу. Встреча была трогательная.

Медамин-Бек, окруженный сотней своих телохранителей, слезает с великолепного белого коня Рубина и первым долгом спрашивает у нас, здесь ли Стайновский.

Мы выпихиваем вперед сконфуженного, всегда такого сдержанного младшего Стайновского, а Медамин-Бек его обнимает и еще раз благодарит за освобождение из тюрьмы. Затем, обратившись к нам, говорит, что очень рад, что нам удалось к нему присоединиться. Наговорив нам много приятного, посоветовал в кишлаке хорошенько отдохнуть, прежде чем идти дальше.

Приказав нам всем привести поседланных лошадей, простившись, ускакал «работать»...

Выспавшись, поев еще раз давно не виданной горячей пищи, отдохнув, двинулись уже в конном строю в глубь Ферганы. Когда пришлось проходить один кишлак поздно вечером, уже по темноте, то все жители-ферганцы вышли на улицу с зажженными факелами, а старики, убеленные сединой, спешили взять повод наших коней и поддерживать стремя, когда мы слезали или садились. Другие старики, низко кланяясь, предлагали нам разные угощения на подносах.

Проходя днем большой кишлак, жители устилали дорогу коврами, выносили горячую пищу и чуть не силой стаскивали нас с лошадей и принимались радушно угощать: пловом, жареными барашками, жареной дичью и горами фруктов и сладостями.

В одном из кишлаков у меня резко захромал мой конек. Старый ферганец сейчас же подошел и держал лошадь до тех пор, пока я не

осмотрел копыта и не извлек запавшего камешка в стрелке. Другой старик исчез и, вернувшись, привел в поводу красавца огненно-светло-рыжего жеребца и, обращаясь ко мне, сказал: «Бери моего питомца, ему четыре с половиной года. Это хорошая лошадь. Зовут его Алгиджидран. Я стар для него, а моего единственного сына зарезали большевики. Садись на Алгиджидрана и бей побольше большевиков — отомсти за моего сына!»

Вот положеньице — отказаться, значит, обидеть. Купить — он его не продаст. Молодые ферганцы мигом положили свежий потник на Алгиджидрана и, взяв принесенное стариком седло, поседлали им его. Одно удовольствие было ехать на таком красавце жеребце, если бы не угрызения совести, что смалодушничал и принял коня. Успокоил себя тем, что решил позже спросить Медамин-Бека, как мне быть и как вернуть жеребца рыжего его владельцу?!

Медамин-Бека будет чем вспомнить, т. к. с ним нашему партизанскому отряду пришлось действовать довольно долго. Всего пребывания в Фергане описывать не буду, а расскажу только о некоторых эпизодах, сильнее всего укрепившихся в памяти, видно благодаря переживаниям. Их я излагаю в виде отдельных рассказов. Сюда же войдут, как приложение, уход наш в Бухару, действия там, а затем, как финал, уход мой в Персию, уже отдельно от отряда, с двумя моими «адъютантами»: Димитрием-Баем, Иваничем Пулей, англичанином полковником Белли и его спутниками.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Константин Иосифович де Гайлеш** (р. 1899), был в описываемое время юнкером 2-й Петергофской школы прапорщиков. Умер в 1982 г. во Франции.

² Впервые опубликовано: Русская Мысль. 4 ноября 1971.

³ Первый раз приказ об их аресте отдавался после попытки большевиков свергнуть Временное правительство в ходе событий в Петрограде 3—4 июля 1917 г.

⁴ В воспоминаниях К. де Гайлеша даты приводятся по новому стилю.

⁵ Имеется в виду находившийся в Петрограде запасный батальон л.-гв. Литовского полка.

⁶ **Терещенко Михаил Иванович**, р. 18 марта 1886 г. в Киеве. Сын сахарозаводчика из казаков. Окончил Киевский и Лейпцигский университеты. Владелец издательства «Сирин». С 2 марта 1917 г. министр финансов, с 5 мая — министр иностранных дел Временного правительства. До весны 1918 г. содержался в Петропавловской крепости. В эмиграции в Норвегии, Франции и на Мадагаскаре. Умер 1 апреля 1956 г. в Монако.

⁷ **Кишкин Николай Михайлович**, р. 29 ноября 1864 г. в Москве. Из дворян, сын офицера. Окончил 1-ю Московскую гимназию, Московский университет. Врач, министр государственного призрения Временного правительства, руководитель Особого совещания по разгрузке Петрограда. 25 октября 1917 г. получил полномочия по водворению порядка в Петрограде и пытался организовать отпор большевистскому перевороту. Остался в СССР. В 1919 г. осужден по делу «Тактического центра», арестовывался также в 1921 г. Умер 16 марта 1930 г. в Москве.

⁸ **Коновалов Александр Иванович**, р. 17 сентября 1875 г. в Москве. Сын фабриканта. Обучался в Московском университете (курса не окончил). Крупный предприниматель, в 1905 г. один из создателей Торгово-промышленной партии. С 2 марта по 18 мая 1917 г. — министр торговли и промышленности Временного правительства, 25 сентября вновь занял этот пост, а также пост заместителя министра-председателя. С 1918 г. в эмиграции во Франции,

один из руководителей Российского Земско-Городского союза, председатель правления редакции газеты «Последние Новости». Умер в 1948 г. в Нью-Йорке.

⁹ Имеется в виду находившийся в Петрограде запасный батальон л.-гв. Павловского полка.

¹⁰ Воспоминания П. Н. Краснова публикуются ниже.

¹¹ Подполковник **Освальд Германович фон Приюссинг** был в описываемое время начальником Школы прапорщиков Северного фронта. Некоторое время жил в эмиграции в Германии, дальнейшая его судьба неизвестна.

¹² Впервые опубликовано: Военная Быль. № 20. Сентябрь 1956.

¹³ Имеются в виду события 3—4 июля 1917 г., когда большевиками были инициированы вооруженные антиправительственные демонстрации с требованием передачи власти Советам. Следствием их стала отставка 7 июля главы Временного правительства князя Г.Е. Львова и назначение на пост министра-председателя А.Ф. Керенского. Основные главарь большевиков вынуждены были некоторое время скрываться.

¹⁴ **Полковник Георгий Петрович**, р. 23 февраля 1883 г. Из казаков ст. Кривянской Области Войска Донского. Окончил Сибирский кадетский корпус (1902), Михайловское артиллерийское училище (1904), академию Генштаба. Генштаба полковник, командующий войсками Петроградского военного округа. Повешен большевиками в марте 1918 г. в Задонской степи на зимовнике Безуголова.

¹⁵ Поручик **Александр Петрович Синегуб** происходил из дворян. В описываемое время служил в Школе прапорщиков инженерных войск.

¹⁶ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1923.

¹⁷ **Крымов Александр Михайлович**, р. в 1871 г. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академию Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. В августе 1917 г. выступил по приказу А.Г. Корнилова на Петроград. Застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде.

¹⁸ **Станкевич Владимир Бенедиктович**, р. 4 ноября 1884 г. в Биржах (Литва). Из дворян. Окончил гимназию в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургский университет (1908). Приват-доцент. Окончил Павловское военное училище (1915). Поручик, комиссар Северного фронта. Во время восстания юнкеров в конце октября 1917 г. в Петрограде возглавлял отряд юнкеров Николаевского инженерного училища. В эмиграции с августа 1919 г. в Берлине. Издатель журнала «Жизнь», затем профессор Каунасского университета. С 1941 г. в Германии, с 1949-го — в США. Умер 25 декабря 1968 г. в Вашингтоне.

¹⁹ **Маслов Семен Леонтьевич**, р. 1 февраля 1874 г. в с. Нижнее Долгое Ливенского уезда Орловской губ. Окончил Казанский университет (1903). С 1902 г. член партии эсеров, был членом нелегальной газеты «Земля и Воля». С 1914 г. работал в системе сельскохозяйственной кооперации в Москве. В третьем составе Временного правительства — министр земледелия. Остался в СССР, преподавал в вузах Москвы. В 1931 г. на 3 года сослан в Казахстан. В 1938 г. вновь арестован и расстрелян 20 июня того же года.

²⁰ Имеется в виду полковник **Александр Георгиевич Ананьев**.

²¹ **Бурцев Владимир Львович**, р. 17 ноября 1862 г. в форте Перовском. Сын офицера. Окончил гимназию в Казани, обучался в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. С 1883 г. участник народолюбческих кружков, в 1888 — 1905 и 1907 — 1914 гг. жил за границей. Был широко известен как разоблачитель провокаторов в революционном движении. После февраля 1917 г. занимал последовательную антибольшевистскую позицию. После большевистского переворота был арестован одним из первых, после освобождения в феврале 1918 г. бежал в Финляндию. В эмиграции во Франции, издавал газету «Общее Дело», в которой призывал к сплочению всех антибольшевистских сил вокруг руководителей Белого движения. Умер 21 августа 1942 г. в Париже.

²² Солдаты находившегося в Петрограде запасного батальона л.-гв. Семёновского полка.

²³ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г., сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкоме А.Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумvirата «Донского гражданского совета», с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

²⁴ **Никитин Алексей Максимович**, р. 12 февраля 1876 г. в Нижнем Новгороде. Из купцов. Окончил Московский университет. Член РСДРП, меньшевик. Во время февральских событий — председатель Московского ВРК, с 1 марта 1917 г. — председатель Московского Совета, затем начальник милиции Москвы. С 24 июля — министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1 сентября — член Директории, с 25 сентября — одновременно министр внутренних дел. С начала 1918 г. — на Дону. В мае 1920 г. арестован и осужден, но в 1921 г. освобожден, арестовывался также в 1930 г., последний раз — 14 марта 1938 г. Расстрелян 14 апреля 1939 г. в Москве.

²⁵ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. В октябре 1917 г. возглавлял части, верные Временному правительству, в боях под Петроградом. В феврале 1918 г. прибыл с остатками корпуса на Дон и до весны скрывался в ст. Константиновской. С 4(17) мая 1918 г. — войсковой атаман Всевеликого Войска Донского. Генерал от кавалерии (1918). Находясь на этом посту, возглавлял сопротивление большевикам донского казачества. Придерживался прогерманской ориентации и с образованием Вооруженных сил Юга России и включением в их состав Донской армии 2(15) февраля 1919 г. ушел в отставку. С 22 июля 1919 г. — в рядах Северо-Западной армии генерала Юденича, где возглавлял отдел пропаганды и вместе с писателем А.И. Куприным организовал ежедневную газету «Приневский край», затем, с января 1920 г. был представителем армии в Эстонии. В эмиграции в Германии. С марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных областей Германии. В составе Казачьего Стана

сдался англичанам и выдан 19 мая 1945 г. в Лиенце советским властям. Казнен в Москве 17 января 1947 г.

²⁶ Впервые опубликовано: Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин. 1922.

²⁷ **Хрепятицкий Борис Ростиславович**, р. 11 июня 1881 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Ново-Николаевской. Окончил Пажеский корпус (1900). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, командующий Уссурийской казачьей дивизией. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. прибыл в Забайкалье. В начале того же года расформировав дивизию, уехал в Харбин в распоряжение генерала Хорвата, с мая по 14 ноября 1918 г. начальник штаба Российских войск в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, затем до августа 1919 г. верховный уполномоченный на Дальнем Востоке и инспектор иностранных формирований русской военной службы на Дальнем Востоке, август — сентябрь 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего Восточным фронтом, сентябрь — ноябрь 1919 г. инспектор Дальневосточных формирований стратегического резерва, с 27 апреля 1920 г. начальник штаба всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 7 июля 1920 г. представитель атамана Г.М. Семенова в Китае. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Китае, с 1925 г. во Франции, до 1940 г. служил во французском Иностранном легионе в Сирии и Северной Африке (поступил рядовым, позже — командир эскадрона). Умер в Париже.

²⁸ **Попов Сергей Петрович**, р. в 1884 г. в имении родителей в Калужской губ. Из дворян той же губ. Окончил Калужскую гимназию, Тверское кавалерийское училище, курсы академии Генштаба (1917). Подполковник 10-го уланского Одесского полка, и. д. начальника штаба 3-го конного корпуса. Участник похода генерала Крымова на Петроград в августе 1917 г. и боев под Петроградом в октябре 1917 г. В Донской армии; на 25 июня 1918 г. заведующий отделом Донской офицерской артиллерийской школы, затем в штабе Донского атамана, командир сводного кавалерийского полка. В Русской Армии к августу 1920 в 1-м кавалерийском полку 1-й кавалерийской дивизии, с октября 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник. Галиполиец. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Умер 5 марта 1959 г. в Каннах (Франция).

²⁹ **Карамышев Сергей Сергеевич**, р. 22 марта 1880 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Псковской губ. Окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Павловское военное училище (1900), академию Генштаба, Археологический институт. Генштаба капитан, помощник старшего адъютанта штаба 12-й армии. В Донской армии; с ноября 1917 г. начальник общего отделения управления начальника военных сообщений Всевеликого Войска Донского. Участник Степного похода. 27 апреля — 24 сентября 1918 г. начальник военных сообщений ВВД, с 30 апреля 1918 г. подполковник, с 20 октября до 29 декабря 1918 г. помощник начальника снабжения Саратовского корпуса, с 10 мая 1919 г. помощник начальника особой части штаба Донской армии, с 1 августа 1919 г. по 28 марта 1920 г. начальник Новочеркасских военных курсов, с 7 сентября 1919 г. полковник. Вышел в отставку 4 апреля 1920 г.

³⁰ **Лукирский Сергей Георгиевич**, р. 19 марта 1875 г. в Вольске Саратовской губ. Из дворян. Окончил Симбирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1895), академию Генштаба (1901). Генерал-майор, начальник штаба Северного фронта, помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Остался в СССР, служил в РККА (помощник военного руководителя Высшего Военного Совета, преподаватель Военной академии, редактор «Военной Энциклопедии»). В 1931 г. осужден на 5 лет ИТА по делу «Весна» (освобожден досрочно). Вновь арестован 29 января 1938 г. и расстрелян 2 апреля того же года в Москве.

³¹ **Черемисов Владимир Андреевич**, р. 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Генерал от инфантерии, Главнокомандующий войсками Северного фронта. В конце 1917-го — начале 1918 г. сотрудничал с большевиками, затем в эмиграции.

³² **Войтинский Владимир Савельевич**, р. 12 ноября 1885 г. в Санкт-Петербурге. Сын преподавателя реального училища. Учился в Санкт-Петербургском университете (курса не окончил). С 1905 г. был членом РСДРП, однако в годы Первой мировой войны, не разделяя пораженческой политики большевиков, отошел от большевизма. С середины июля 1917 г. — комиссар Северного фронта. Находясь на этом посту, пытался проводить политику укрепления армии и противодействовать большевистской пропаганде. В начале 1918 г., после освобождения из Петропавловской крепости (куда был заключен большевиками 1 ноября 1917 г.), уехал в Грузию, с 1921 г. в Германии, затем в Швейцарии, с 1934 г. — в США. Умер 11 июня 1960 г.

³³ **Барановский Владимир Львович**, р. 20 мая 1882 г. в Казани. Из дворян. Окончил Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1899), академию Генштаба (1910). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер Северного фронта. После ареста и заключения в Петропавловской крепости остался в Петрограде. Позже служил в РККА. 17 февраля 1931 г. арестован и осужден по делу «Весна». Умер 11 сентября 1931 г. в лагере в Сибири. Его сестра была замужем за А.Ф. Керенским.

³⁴ **Лаврухин Василий Тихонович**, р. 9 апреля 1879 г. Из казаков ст. Ново-Николаевской Области Войска Донского. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище в 1902 г. (офицер с 1903 г.). Войсковой старшина 9-го Донского казачьего полка. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер 21 мая 1954 г. в Риде (Австрия).

³⁵ **Короченцов Леонид Викторович**, р. 1870 г. Из дворян ВВД. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1890). Полковник, командир 9-го Донского казачьего полка. В Донской армии; до 5 июля 1919 г. командир 9-го Донского казачьего полка. Вышел в отставку 15 апреля 1920 г., затем с весны 1920 г. командир штаб-офицерской сотни в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии.

³⁶ **Кондратьев Владимир Иванович**, р. в 1871 г. В службе с 1890 г., офицером с 1893 г. Генштаба генерал-майор, начальник военных сообщений

Северного фронта. В Донской армии и Вооруженных силах Юга России в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 18 августа 1919 г. начальник военных сообщений Донской армии. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции. Умер после 1922 г.

³⁷ Имеется в виду — сторонник бывшего Верховного Главнокомандующего генерала от инф. А.Г.Корнилова и участник его выступления против Временного правительства в августе 1917 г. Генерал Корнилов, обеспокоенный продолжавшимся попустительством Керенского развалу армии и предвидя неспособность Временного правительства противостоятъ большевикам, выступил с требованием принятия против них решительных мер. Первоначально меры генерала Корнилова поддерживались Керенским и осуществлялись по согласованию с ним, однако Керенский, опасаясь «реакции» в лице Корнилова больше, чем большевиков, объявил его 27 августа вне закона и сместил с поста Верховного Главнокомандующего. Корнилов же в своем манифесте заявил, что Временное правительство идет за большевистским Советом и потому фактически является шайкой германских наймитов, и приказал не исполнять его распоряжений. На практике «Корниловский мятеж» ограничился попыткой нескольких эшелонов Кавказской Туземной кавалерийской дивизии (Дикой дивизии) продвинуться к Петрограду, так что выступление имело только моральное значение, однако породило новую волну расправ с офицерами на фронте. После этого отношение к Керенскому подавляющего большинства офицерства стало крайне отрицательным.

³⁸ **Ажогин Василий Михайлович**, р. 8 декабря 1893 г. Из дворян ВВД, казак ст. Ермолаевской Области Войска Донского. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913), академию Генштаба (1916—1917). Подъесаул, врид начальника штаба 1-й Донской казачьей дивизии. Участник Корниловского выступления и боев под Гатчиной в октябре 1917 г. В Донской армии; в 1917-м — начале 1918 г. начальник обороны Сальского округа и командующий войсками округа. С февраля 1918 г. в тюрьме в Царицыне, бежал. Участник Степного похода. С 10 декабря 1918 г. войсковой старшина, адъютант Донского атамана. В Русской Армии в Донском пластунском юнкерском полку и Атаманском военном училище. Полковник. Несколько раз ранен. Был на о. Лемнос, 7 марта 1921 г. исключен из списков с переводом на беженское положение. В эмиграции с 1921 г. в Чехословакии, где окончил университет. Председатель Донского войскового совета. Умер 26 декабря 1983 г. в США.

³⁹ **Верховский Александр Иванович**, р. 27 ноября 1886 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Смоленской губ. Окончил Пажеский корпус (1905), академию Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба Отдельной Черноморской дивизии. После февраля 1917 г. выдвинулся как активный сторонник новой власти и в конце весны 1917 г. назначен командующим войсками Московского военного округа. Генерал-майор. С 30 августа 1917 г. — военный министр Временного правительства. В феврале — ноябре 1918 г. и марте — октябре 1919 г. в заключении, затем был взят в РККА, занимался преимущественно преподавательской работой. Арестован 2 февраля 1931 г. и осужден по делу «Весна» (расстрел с заменой 10 годами ИТЛ), но освобожден

ден досрочно. Вновь арестован 11 марта 1938 г. и расстрелян 19 августа 1938 г. в Москве.

⁴⁰ Имеется в виду Приморский драгунский полк.

⁴¹ **Савинков Борис Викторович**, р. 19 января 1879 г. в Харькове. Сын судьи. Известный деятель партии социалистов-революционеров. При Временном правительстве товарищ военного министра. В годы Гражданской войны организатор подпольной антибольшевистской борьбы, в начале 1918 г. возглавил Союз защиты Родины и Свободы. В августе 1924 г., нелегально приехав в СССР, был захвачен органами ВЧК и убит 7 мая 1925 г. в тюрьме в Москве.

⁴² **Марков Владимир Михайлович**, р. 19 мая 1880 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Раздорской. Окончил Донской кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1900), Офицерскую артиллерийскую школу. Полковник, командир 1-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В Донской армии; январь—февраль 1918 г. на той же должности, к 1 января 1919 г. инспектор артиллерии Южной группы Восточного фронта, затем инспектор артиллерии 4-го Донского корпуса, с весны 1920 г. в резерве Донской артиллерии, с апреля, в июле — октябре 1920 г. прикомандирован к штабу ВВД. Генерал-майор (21 июля 1920 г.).

⁴³ **Довбор-Мусницкий Иосиф Романович**, р. 25 октября 1867 г. в им. Гарбов Сandomирского уезда. Из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1888), академию Генштаба (1902). Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант, командир 1-го Польского корпуса, образованного после Февральской революции из военнослужащих польского происхождения. Служил в польской армии, с 1919 г. в отставке. Умер 26 октября 1937 г. в Батарово (Польша).

⁴⁴ Имеется в виду подполковник **Михаил Артемьевич Муравьев** (р. 1880), левый эсер, одним из первых перешедший на сторону большевиков. Он руководил 28—30 октября обороной Петрограда, а с 16 января 1918 г. возглавлял большевистские войска на Украине и, захватив 26 января Киев, истребил там несколько тысяч офицеров. После столкновения между большевиками и левыми эсерами в Москве он, будучи в то время командующим Восточным фронтом, отказался подчиняться большевистскому руководству и был убит 11 июля 1918 г. при аресте в Симбирске.

⁴⁵ **Кульгавов Иосиф Всеволодович**, р. в 1887 г. Из казаков ст. Грушевской. Офицер л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии; старший адъютант штаба 1-й Донской конной дивизии. Есаул. В эмиграции во Франции. Умер 19 августа 1926 г. в Каннах (Франция).

⁴⁶ **Чеботарев Григорий Порфирьевич**, р. 15 февраля 1899 г. в Павловске. Из дворян ВВД, сын генерала. Обучался в училище правоведения (курса не окончил). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1916). Хорунжий л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в начале 1918 г. — в добровольческом артиллерийском взводе есаула Конькова, с лета 1918 г. переводчик при Донском атамане, с начала 1919 г. во 2-й Донской казачьей батарее, затем адъютант инспектора артиллерии Донской армии. С марта 1920 г. в эмиграции с Донским кадетским корпусом в Египте, 5 марта 1920 г. — 9 июня 1921 г. адъютант корпуса, затем его

преподаватель. В эмиграции окончил Высшую техническую школу в Берлине (1925), с 1937 г. в США, инженер, с 1936-го профессор Принстонского университета. Умер 22 апреля 1985 г. в Холланде (США).

⁴⁷ Капитан **Петр Нестеренко** в описываемое время служил в Гатчинской авиационной школе. Участник боев с большевиками в октябре 1917 г. под Гатчиной. В Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России; к 20 августа 1919 г. — в управлении инспектора авиации.

⁴⁸ Впервые опубликовано: Нестеренко П. Гатчино в дни борьбы с большевизмом // Белый Архив. Т. I.

⁴⁹ Имеется в виду Кавказская кавалерийская дивизия, состоявшая из народов Кавказа.

⁵⁰ Имеется в виду известный советский деятель **В.А. Антонов-Овсеенко** (1883—1938); его настоящая фамилия — не Антонов, а Овсеенко. Он действительно в молодости был офицером (окончил в 1904 г. Владимирское военное училище в Санкт-Петербурге), но после большевистского переворота был не «главверхом», а членом комитета по военным и морским делам (наркомом) в первом составе СНК. В 1917—1918 гг. руководил большевистскими войсками на Дону и на Украине.

⁵¹ Впервые опубликовано: Часовой. № 94—95. Декабрь 1932.

⁵² Комитет общественной безопасности был образован Московской городской думой 26 октября 1917 г. В состав его вошли, помимо городского головы В.В. Руднева (председатель) и командующего Московским военным округом полковника Рябцева, представители исполкома и президиума Совета солдатских депутатов, исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, московского совета Всероссийского почтово-телеграфного союза и московского бюро Викжеля.

⁵³ **Руднев Вадим Викторович**, р. в 1874 г. С 11 июля 1917 г. — Московский городской голова, член Временного Совета Российской республики (т. н. предпарламента), был также членом Московского горкома партии эсеров и президиума Московского Совета рабочих депутатов. Во время октябрьских событий возглавлял Комитет общественной безопасности, от имени которого подписал 2 ноября соглашение о капитуляции. Участник Ясского совещания с представителями Антанты в ноябре 1918 г., затем возглавлял бюро Земгора в Одессе. В эмиграции во Франции. Умер в 1940 г.

⁵⁴ **Рябцев Константин Иванович**, р. в 1879 г. Из крестьян. Генштаба полковник, командующий войсками Московского военного округа. В октябре 1917 г. возглавлял сопротивление большевикам в Москве, в ходе которого 29 октября подписал с большевистским ВРК соглашение о прекращении военных действий и фактически прекратил руководство сопротивлением. Арестован и расстрелян 29 июля 1919 г. в Харькове.

⁵⁵ Относительно этих лиц автор заблуждается. П.Г. Смилович (1874—1935), не получив соответствующего образования, врачом быть не мог (в 1897 г. он окончил Высшую электротехническую школу в Париже), а другой известный деятель большевистской партии В.П. Ногин (1878—1924) чиновником никогда не служил. Он окончил лишь 4-классное училище и с 1896 г. был рабочим на текстильной фабрике в Санкт-Петербурге, а с 1898 г.

почти постоянно находился в тюрьмах, ссылаках, на подпольном положении или жил за границей.

⁵⁶ **Богаевский Митрофан Петрович**, р. в 1881 г. Окончил Новочеркасскую гимназию (1903), Санкт-Петербургский университет (1911). Директор гимназии в ст. Каменской. С 18 июня 1917 г. помощник войскового атамана ВВД генерала А.М. Каледина и председатель войскового Круга. Родной брат будущего Донского атамана генерала А.П. Богаевского. Расстрелян большевиками 1 (10) апреля 1918 г. в Ростове.

⁵⁷ **Прокопович Сергей Николаевич**, р. в 1871 г. Министр торговли и промышленности (с 24 июля) и продовольствия (с 25 сентября) Временного правительства, член Комитета спасения Родины и Революции, с весны 1918 г. — Союза возрождения России. В эмиграции (был выслан в 1922 г. вместе с рядом других общественных деятелей) жил в Германии, Чехословакии, Швейцарии. Умер в 1955 г. в США.

⁵⁸ **Щепкин Николай Николаевич**, р. 7 мая 1854 г. в Москве. Из дворян. Окончил Московский университет. Член ЦК партии кадетов, член Государственной думы. С конца 1917 г. вел антибольшевистскую работу в Москве. В 1918 г. член «Правого центра» и «Союза Возрождения», с мая руководил работой Московского отделения «Национального центра», с весны 1919 г. член военной комиссии «Тактического центра». Арестован в августе 1919 г. и расстрелян 15 сентября 1919 г. в Москве.

⁵⁹ **Дорофеев Константин Константинович**, р. в 1874 г. Генштаба подполковник. Член Центрального правления Союза Георгиевских кавалеров. С 26 октября 1917 г. начальник штаба МВО. Участник боев в Москве, организатор сбора офицеров в Александровском военном училище. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г. в Георгиевской роте, в конце декабря 1917 г. послан в Крым для организации отдела армии. 10 октября — 29 ноября 1918 г. начальник штаба Крымского центра и командующего войсками Добровольческой армии в Крыму, в ноябре 1918 г. начальник добровольческих частей в Ялте. В 1919 г. начальник штаба Терской отдельной бригады, с 2 ноября 1919 г. начальник штаба 8-й пехотной дивизии, с 25 ноября 1919 г. начальник штаба 21-й пехотной дивизии. Полковник.

⁶⁰ **Трескин Леонид Николаевич**, р. 11 января 1888 г. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1908). Полковник, командир батальона л.-гв. Волынского полка. Один из руководителей антибольшевистского сопротивления в Москве, затем пробрался в Добровольческую армию во главе юнкеров Александровского военного училища. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела связи штаба армии. С 5 сентября 1918 г. в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Югославии. Председатель суда чести 4-го отдела РОВС. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). После 1945 г. — в Германии, председатель Баварского отдела Гвардейского объединения. Участник монархического движения. Умер 26 июня 1957 г. в Монтклэре (США), похоронен в Ново-Дивеево.

⁶¹ Впервые опубликовано: Часовой. № 158—159. Декабрь 1935; № 160—161. Январь 1936.

⁶² Имеется в виду начальник штаба Московского военного округа полковник **Константин Иванович Екименко**, р. в 1873 г. В службе с 1892 г., офицером с 1894 г.

⁶³ **Баркалов Владимир Павлович**. Подполковник артиллерии. Участник октябрьских боев с большевиками в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — начальник разведывательного отдела штаба армии. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях: на бронепоезде «Князь Пожарский», с 6 августа 1919 г. командир бронепоезда «Грозный», с 19 сентября 1919 г. — декабрь 1919 г. командир 6-го бронепоездного дивизиона, с 17 мая 1920 г. до эвакуации Крыма командир 2-го бронепоездного дивизиона. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. командир 6-го артдивизиона (полковник). В апреле 1922 г. в Болгарии, осенью 1925 г. во Франции. Генерал-майор.

⁶⁴ **Пеленкин Евгений Сергеевич**. Прапорщик л.-гв. Литовского полка. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., один из первых добровольцев. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й (гвардейской) роте Офицерского полка. Летом 1918 г. в 6-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 25 июня 1918 г. под Кагальницкой. Поручик. Погиб после осени 1918 г.

⁶⁵ **Ульянин Владимир Петрович**, р. в 1883 г. Из дворян Московской губ. Окончил реальное училище, Александровское военное училище, академию Генштаба. Полковник. С 1918 г. служил в Красной армии, где возглавлял тайную антибольшевистскую организацию. Расстрелян большевиками 13 января 1920 г. в Москве.

⁶⁶ Имеется в виду известный большевистский деятель А. Ломов (партийная кличка) — **Г.И. Оппоков** (1888—1937), выехавший вечером 26 октября из Петрограда в Москву и вошедший в состав Военно-революционного комитета.

⁶⁷ **Невзоров Андрей Геннадьевич**, р. 1 ноября 1889 г. в Егорьевке Рязанской губ. Сын директора гимназии. Окончил гимназию, Виленское военное училище (1913). Штабс-капитан 98-го пехотного полка, преподаватель и командир роты 4-й Московской школы прапорщиков. Георгиевский кавалер. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем командир броневедомобиля в Донской армии. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-м автоброневом отряде до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе (обер-лейтенант). Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 30 апреля 1978 г. в Сиднее.

⁶⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 90—91. Март—май 1968.

⁶⁹ Имеется в виду полковник **Леонид Андроникович Шашковский**, р. в 1867 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г.

⁷⁰ **Мрозовский Иосиф Иванович**, р. в 1857 г. В службе с 1874 г., офицером с 1877 г. Генерал от артиллерии. В эмиграции в Ницце (Франция). Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер после 1932 г.

⁷¹ Имеется в виду **князь Г.Е. Львов** (1861—1925) — первый глава Временного правительства.

⁷² **Фриде Александр Васильевич**. Подполковник 3-го гренадерского полка и 4-й Московской школы прапорщиков. Летом 1918 г. член антибольшевистской организации в Москве. Арестован в августе 1918 г. и расстрелян в сентябре (по другим данным — 17 декабря) 1918 г. в Москве.

⁷³ Это были сестры Мерсье. О них см. ниже.

⁷⁴ **Бочкарева Мария Леонтьевна**. Из крестьян. Прапорщик. Организатор и командир Женского ударного батальона. Защищала Зимний дворец. Участвовала в ноябре—декабре 1917 г. в создании Добровольческой армии, затем в белых войсках Северного фронта; с сентября 1918 г. занималась организацией женского батальона, весной 1919 г. участвовала в боях под Шенкурском. Расстреляна в 1921 г. в Томске.

⁷⁵ **Трембевельский Александр Дмитриевич**. Окончил Александровское военное училище. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник октябрьских боев в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского полка, затем на бронепоезде «Партизан» в 1-м броневедомобильном дивизионе, с 30 сентября 1919 г. поручик, в мае 1920 г. — в экипаже танка «Генерал Скобелев», в июле 1920 г. штабс-капитан, командир того же танка. Кавалер орд. Св. Николая Чудотворца. С августа 1920 г. капитан и подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. Полковник. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Умер 1 февраля 1985 г. в Санта-Барбаре (США).

⁷⁶ Впервые опубликовано: Часовой. № 624. Март — апрель 1980.

⁷⁷ Сестры **Вера и Мария Мерсье** окончили в 1917 г. Александровское военное училище и были произведены в прапорщики. С ноября 1917 г. находились в Добровольческой армии и участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. Вера погибла в этом походе, а Мария продолжала служить в армии и была убита в 1919 г. под Воронежем.

⁷⁸ **Зилов Сергей Алексеевич**. Прапорщик. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в Партизанском полку, с 14 марта 1919 г. подпоручик; во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. Капитан. Умер 27 ноября 1971 г. в Лейквуде (США).

⁷⁹ Впервые опубликовано: Переключки. № 187—188. Март—апрель 1968.

⁸⁰ Имеется в виду генерал-лейтенант **князь Сергей Александрович Друцкой** (р. 1869, ум. 1922—1929), профессор Александровской юридической академии.

⁸¹ **Князь Хованский Иван Константинович** (1-й). Полковник л.-гв. Литовского полка. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. главначальствующий Ростова, затем в 3-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апреля 1918 г. командир 3-й роты Офицерского полка, 21—27 апреля 1918 г. командир Офицерского полка, в июне 1918 г. командир 2-го батальона того же (Марковского) полка. Убит 24 июля 1918 г. у ст. Выселки.

⁸² Номера журнала «Переключка» с продолжением воспоминаний С. Зилова в распоряжении составителя не было.

⁸³ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 44. Май 1965.

⁸⁴ **Нестерович Мария Антоновна** (по мужу — Берг), сестра милосердия. В октябре — декабре 1917 г. вывезла из Москвы на Дон и в Оренбург 2627 офицеров. В мае 1918 г. в Киеве, вела работу по обеспечению русских добровольческих офицерских дружин. В декабре 1918 г. через Одессу и Батум пробралась на территорию ВСЮР. С мая 1920 г. в эмиграции в Польше.

⁸⁵ Впервые опубликовано: Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Париж, 1931.

⁸⁶ Речь идет о комитете «Союза бежавших из плена», созданном солдатами, бывшими в плену, для облегчения участи пленных. М.А. Нестерович, также бывшая в плену, пользовалась большим уважением среди солдат и имела значительное влияние на комитет, с помощью которого переправляла офицеров в белые формирования.

⁸⁷ Подполковник **Матвеев** был офицером-воспитателем 2-го Московского кадетского корпуса. С ноября 1917 г. вместе с сыновьями находился в рядах Добровольческой армии.

⁸⁸ **Эфрон Сергей Яковлевич**, р. в 1893 г. в Москве. Из мещан. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Георгиевской роте, в январе 1918 г. командирован в Москву для формирования Офицерского полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. После похода в миссии при Донском правительстве, с декабря 1918 г. в 9-й роте 1-го Марковского полка, в 1919 г. подпоручик, начальник пулеметной команды в 3-м Марковском полку. В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи, откуда выехал в Чехословакию. Капитан. Окончил Пражский университет, с 1925 г. во Франции. Капитан. В эмиграции был завербован ГПУ, в 1937 г. вернулся в СССР. Расстрелян в 1941 г. в Москве. Муж поэтессы Марины Цветаевой.

⁸⁹ Опубликовано: Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998.

⁹⁰ **Пекарский Александр Павлович**, р. в 1861 г. в Невельском уезде. Из дворян Витебской губ. Окончил Варшавскую гимназию и Варшавское пехотное юнкерское училище. Полковник, командир 56-го запасного полка. Георгиевский кавалер. Участник октябрьских боев в Москве. Убит 3 ноября 1917 г. в Кремле.

⁹¹ Корниловский ударный полк был создан приказом по 8-й армии (генерала А.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеме-

тах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918-го — 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. — 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). С 12 июля 1919 г. — 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером. Летом 1919 г. на базе полка образована Корниловская ударная дивизия. После эвакуации Русской Армии из Крыма в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса из полков и конного дивизиона Корниловской дивизии был вновь сформирован Корниловский ударный полк, который после преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть. Осенью 1925 г. насчитывал 1135 человек, в т. ч. 738 офицеров.

⁹² Речь идет о Комитете общественной безопасности (см. выше).

⁹³ **Гольцев Сергей Иванович**, р. в 1896 г. Окончил Сумский кадетский корпус (1914), 1-ю Петергофскую школу прапорщиков (1917); был студентом Московского коммерческого института. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник боев в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 30 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁹⁴ **Волков Александр Леонидович**. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1913) и военное училище. Офицер 4-го гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; к январю 1920 г. в Сводно-гренадерской дивизии. Подполковник. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1975 г.

⁹⁵ **Мыльников Павел Иванович**. Капитан 12-го (9-го) гренадерского полка и Александровского военного училища. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В эмиграции в Норвегии. Умер 11 июля 1958 г. в Хаммаре (Норвегия).

⁹⁶ Впервые опубликовано: Военно-Исторический Вестник. № 41. Май 1973.

⁹⁷ **Миллер Павел Логинович (Муратов)**, р. в 1857 г. В службе с 1878 г., офицером (д.-гв. Конного полка) с 1880 г. Генерал-лейтенант, начальник Александровского военного училища. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. В эмиграции. Умер после 26 апреля 1931 г.

⁹⁸ **Мелега Константин Иванович**. Подполковник 10-го стрелкового полка. Участник боев в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии в железнодорожной охране до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов».

⁹⁹ **Н.Б. Веденяпин** в описываемое время был кадетом 1-го Московского кадетского корпуса. Впоследствии воевал в Вооруженных силах Юга России и

Русской Армии. Поручик 11-го гусарского полка. В эмиграции в США. Умер после 1985 г.

¹⁰⁰ Впервые опубликовано: Кадетская переключка. № 22. Июнь 1979.

¹⁰¹ **Рар Владимир (Эрвин) Федорович**, р. 23 января 1880 г. в Аренсбурге. Из дворян Лифляндской губ. Окончил Аренсбургскую гимназию (1899), Алексеевское военное училище (1901). Полковник, командир батальона 4-го гренадерского полка, с 1916-го — офицер 1-го Московского кадетского корпуса. Участник боев в Москве. В 1918 г. уехал в Прибалтику. Осенью 1918 г. командир 4-го отряда Балтийского ландесвера, с начала 1919 г. помощник командира отряда св. князя А.П. Ливена. Умер от тифа в апреле 1919 г. в Митаве.

¹⁰² **Римский-Корсаков Владимир Валерианович**, р. в 1859 г. Окончил Полтавский кадетский корпус (1877), Александровское военное училище (1879), Военно-юридическую академию. Генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, 1 сентября 1920 г. — 11 декабря 1924 г. директор Крымского кадетского корпуса, с 1930-го основатель и директор русского корпуса-лицея в Версале. Умер 8 ноября 1933 г. в Вилье-ле-Бель (Франция).

¹⁰³ **Райкин Борис Лукич (Райкин-Кречетов)**. Кадет 1-го Московского кадетского корпуса. Участник боев в Москве в октябре 1917 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. В эмиграции во Франции. Слушатель Высших военно-научных курсов в Париже (прием 1939 г. — не окончил). Поручик. Умер 18 мая 1965 г. в Париже.

¹⁰⁴ **Марков Сергей Леонидович**, р. в 1878 г. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), академию Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г. начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шаблиевка.

¹⁰⁵ **Шатилов Павел Николаевич**, р. в 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил Пажеский корпус (1900), академию Генштаба (1908). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; летом 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, генерал-лейтенант. Во ВСЮР командир 3-го и 4-го конных корпусов, 8 января — 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии; с июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии. В эмиграции в Константинополе, где состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

¹⁰⁶ **Мамонтов Сергей Иванович**, р. в феврале 1898 г. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1917). Прапорщик 64-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1987 г. в Каннах (Франция).

¹⁰⁷ Впервые опубликовано: Мамонтов С. Походы и кони. Париж, 1981.

¹⁰⁸ **Мамонтов Федор Иванович**. Поручик Перекопского пехотного полка. Участник боев в Москве. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Умер в декабре 1920 г. в госпитале в Константинополе.

¹⁰⁹ **Тучков Дмитрий Павлович**, р. в 1893—1894 гг. в Москве. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. Участник боев в Москве, затем в Добровольческой армии; в январе 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Убит 21 февраля 1919 г. под дер. Благодатное Таврической губ.

¹¹⁰ **Яоновский Евгений Михайлович**, р. в 1903 г. Кадет 5-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В январе 1918 г. участник обороны Оренбурга. Во ВСЮР и Русской Армии в Одесском кадетском корпусе. Участник похода из Одессы и боя под Канделем, затем в Русской Армии — юнкер 4-й артиллерийской бригады и л.-гв. Гренадерского полка. В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1921), университет, затем во Франции служил во французской армии, до 1936 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 мая 1974 г. в Монтобане (Франция).

¹¹¹ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 2—3. Июнь—август 1952.

¹¹² **Чердилели Григорий Константинович**, р. в 1970 г. Полковник Апшеронского пехотного полка, воспитатель Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии в Крымском кадетском корпусе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. 1 сентября 1920 г. — 1 июля 1929 г. воспитатель Крымского кадетского корпуса. Умер до 1936 г.

¹¹³ Полковник **Азарьев**, командир роты Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, был в белых войсках Восточного фронта в 1919—1920 гг. и. д. директора того же корпуса. В январе 1920 г. остался в Иркутске.

¹¹⁴ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академию Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.). С 6 декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 14 октября 1918 г. генерал-лейтенант. с 17 октября командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 г. до 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. походный атаман всех казачьих войск, 21 сентября — 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской армией Восточного фронта,

затем начальник гражданского управления Семиреченского края. В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 25 января 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

¹¹⁵ Имеется в виду 2-й кадетский корпус в Петрограде.

¹¹⁶ Кадеты Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса.

¹¹⁷ **П.А. Кобозев** (1878—1941) был в то время чрезвычайным комиссаром ВЦИК и СНК по Средней Азии и Западной Сибири.

¹¹⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 12—13. Январь—апрель 1955.

¹¹⁹ Так в обиходе называлось среди офицеров Николаевское кавалерийское училище, бывшая Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

¹²⁰ **Акулинин Иван Григорьевич**, р. 12 января 1880 г. Из казаков ст. Урядинской Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское военное училище (1902), академию Генштаба (1913). Полковник Главного управления Генерального штаба, с 1917 г. помощник войскового атамана Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. зам. председателя войскового правительства, с июня 1918 г. командующий войсками Оренбургского военного округа и с 19 октября 1918 г. главный начальник того же округа, 7 марта — 24 мая 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса Оренбургской армии, с 1919 г. начальник штаба походного атамана Оренбургского казачьего войска, с 17 июля до 11 ноября 1919 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса в Уральской обл., затем через Кавказ и Крым прибыл на Юг России; в июне 1920 г. в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Русской Армией до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1 октября 1918; произведен войсковым кругом Оренбургского казачьего войска). Эвакуирован на корабле «Сцегад». В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 26 ноября 1944 г. в Париже.

¹²¹ Впервые опубликовано: Акулинин И.Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937.

¹²² **Слесарев Константин Максимович**, р. в 1870 г. Из казаков Терского казачьего войска. В службе с 1889 г., офицером с 1892 г. Генштаба генерал-майор, начальник Оренбургского военного училища. В марте 1918 г. увел училище в Уральск. В белых войсках Восточного фронта на той же должности. Взят в плен в марте 1920 г., служил в Красной армии начальником военной школы. Расстрелян в марте 1921 г. по обвинению в связи с сибирскими повстанцами.

¹²³ Киргизами до 1920-х гг. именовались казахи.

¹²⁴ Войсковой старшина Оренбургского казачьего войска **Мамаев**, командовавший в феврале 1918 г. 1-м партизанским отрядом в Верхнеуральске, к июлю 1919 г. был произведен в генерал-майоры. Командир 3-й Оренбургской казачьей бригады, затем начальник Оренбургской казачьей дивизии на Уфимском направлении. Участник Сибирского Ледяного похода. Покончил самоубийством в ноябре 1919 г.

¹²⁵ **Бородин Василий Аристархович**. Подъесаул Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. командир

3-го отряда Оренбургского казачьего войска в Верхнеуральске, в марте 1918 г. командир партизанского отряда, с 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего полка; в Дальневосточной армии командир Отдельного Оренбургского казачьего полка, с мая 1921 г. командир Отдельной Оренбургской казачьей бригады, с сентября 1921 г. командир Сводно-казачьего корпуса, весной 1922 г. командир 1-го казачьего корпуса, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. Умер до 1952 г.

¹²⁶ **Михайлов Константин Николаевич**, р. 22 февраля 1896 г. Из казаков ст. Новоорской Оренбургского казачьего войска, сын есаула. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Оренбургское военное училище (1915). Сотник 16-го Оренбургского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 27 декабря 1917 г. — 3 января 1918 г. командир Чернореченской пешей дружины под Оренбургом. В начале 1918 г. командир 2-го отряда Оренбургского казачьего войска, в марте 1918 г. командир партизанского отряда, 12 июня 1918 г. привез из Самары транспорт оружия и затем служил в 1-м Татищевском полку Оренбургского казачьего войска, 4 — 25 августа 1918 г. в 4-м Нижнеозерном полку, затем командир 5-й сотни 2-го Оренбургского казачьего полка.

¹²⁷ **Енборисов Гавриил Васильевич**. Из казаков пос. Арсинского, ст. Верхнеуральской Оренбургского казачьего войска. Подъесаул Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. председатель военной комиссии войска, товарищ председателя войскового круга, в начале 1918 г. командир 4-го отряда Оренбургского казачьего войска в Верхнеуральске. Участник похода в Тургайские степи. С лета 1918 начальник Военного контроля, комендант штаба обороны и начальник отдела Государственной охраны 2-го округа. Войсковой старшина. Летом 1919 г. поступил рядовым в добровольческую Дружину Святого Креста в Омске, но вскоре назначен начальником агитационно-вербовочного отдела в Семипалатинске. 19 октября 1919 г. сформировал добровольческий отряд Дружины Святого Креста в Семипалатинске, с которым совершил Сибирский Ледяной поход. С 22 марта 1920 г. дежурный генерал 3-го стрелкового корпуса и одновременно командир Добровольческого Егерского отряда своего имени, с 21 апреля помощник начальника личной охраны атамана Г.М. Семенова. Полковник (1919). В эмиграции с лета 1920 г. в Харбине. Умер 14 февраля 1946 г. в Харбине.

¹²⁸ **Н.Д. Каширин** (р. 1888), впоследствии командарм 2-го ранга, был расстрелян 14 июня 1938 г. в Москве.

¹²⁹ Войсковой старшина Оренбургского казачьего войска **Красноярцев**, весной 1918 г. командовавший силами восставших казаков, в июне 1918 г. освободил Оренбург; до ноября 1919 г. он был начальником отряда в Южной армии Восточного фронта, затем воевал в Уральской отдельной армии.

¹³⁰ **Асламов Ксенофонт Михайлович**. Есаул Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. командир отряда в боях за Оренбург. В 1919 г. полковник, начальник штаба Забайкальского казачьего войска, затем генерал-майор.

¹³¹ **Карликов Вячеслав Александрович**, р. в 1871 г. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Окончил в 1898 г. академию Генштаба. Гене-

рал-майор, командир Ларго-Кагульского пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 21 декабря 1917 г. начальник штаба Оренбургского военного округа, в июне 1918 г. руководитель боевых действий в районе Илецкой Защиты, с 13 июня 1918 командующий Ташкентским фронтом Оренбургского казачьего войска, ноябрь—декабрь 1919 г. в канцелярии военного министерства. Генерал-лейтенант. Взят в плен. Служил в Красной армии. Умер после 1923 г.

¹³² **И.Д. Каширин** (р. 1890) впоследствии работал в органах ВЧК—ОГПУ и был расстрелян в 1937 г.

¹³³ **П.Ф. Вопилов** с начала 1919 г. был членом правительства Оренбургского казачьего войска. Взят в плен под Красноярском в январе 1920 г.

¹³⁴ **Анненков Борис Владимирович**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. в Семипалатинске.

¹³⁵ **Н.А. Дорошин** — офицер артиллерии. В белых войсках Восточного фронта — в Уральской отдельной армии; в апреле 1918 г. он доставил пушки в г. Илек из пос. Чижинского. В эмиграции. Умер после 1982 г.

¹³⁶ Впервые опубликовано: Голос Зарубежья. № 25—26. Август—сентябрь 1982.

¹³⁷ Имеется в виду генерал-лейтенант **Сергей Семенович Хабалов**, р. в 1858 г. В службе с 1875 г., офицером с 1878 г. В эмиграции. Умер в 1924 г.

¹³⁸ **Мартынов Василий Патрикеевич**, р. 20 августа 1863 г. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1880), Павловское военное училище (1882). Офицер л.-гв. Уральской сотни. Генерал-майор. С 1917 г. по 26 декабря (8 января) 1918 г. войсковой атаман и командующий войсками Уральской области. В 1919 г. — заместитель войскового атамана по гражданской части, управляющий канцелярией войскового атамана. Взят в плен. Расстрелян в декабре 1919 г. (или феврале 1920 г.) в Прорве.

¹³⁹ **Толстов Владимир Сергеевич**, р. 7 июля 1884 г. Из дворян, сын генерала, казак ст. Гурьевской Уральского казачьего войска. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 23 марта 1919 г. избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью в соответствии с приговорами станиц и остатков строевых частей армии. Генерал-майор. 21 апреля 1919 г. — январь 1920 г. командующий Уральской отдельной армией. 20 декабря 1919 г. сложил с себя обязанности войскового атамана и передал власть «Комитету Спасения Войска», оставаясь командующим Уральской отдельной армией. 5 апреля 1920 г. ушел из форта Александровского с отрядом офицеров и казаков из 214 человек (пересекли границу Ирана 4 июня 1921 г. в лаге-

ре в Басре (Месопотамия). С 1921 г. член Русского Совета генерала Врангеля, с августа 1922 г. председатель правления казачьих войск и помощник правителя по казачьим войскам. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Австралии. Умер в 1956 г. в Сиднее.

¹⁴⁰ **Фомичев Гурьян Макарович**. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Агроном. С 1917 г. председатель правительства Уральского казачьего войска. Взят в плен и расстрелян весной 1920 г. в Уральске

¹⁴¹ **Акутин Владимир Иванович**, р. 13 июня 1861 г. Из казаков ст. Уральской Уральского казачьего войска. Окончил Оренбургскую военную прогимназию, Оренбургское казачье юнкерское училище (1880). Генерал-майор, начальник Уральской льготной дивизии и гарнизона крепости Бобруйск. 29 декабря 1917 г. вернулся в Уральск с бригадой своей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; член правительства Уральского казачьего войска, сначала июня 1918 г. до 9 ноября 1918 г. командующий Уральским военным округом с правами командующего отдельной армией (сентябрь—ноябрь 1918 г. командующий Уральской отдельной армией). Сменен решением войскового съезда в октябре 1918 г. После оставления Уральска переехал в Калмыково. Выставлял свою кандидатуру на выборах войскового атамана. Затем без должности. С 14 июня 1919 г. командир 2-го Илецкого казачьего корпуса Уральской отдельной армии, с августа 1919 г. начальник частей у Гурьева. Взят в плен 27 декабря 1919 г. в Кызыл-Куте со штабом Илецкого корпуса. Расстрелян в 1920 г. в Москве.

¹⁴² **Мартынов Матвей Филаретович**, р. 16 мая 1881 г. на х. Мартынова ст. Каменской Уральского казачьего войска. Окончил Уральское войсковое реальное училище (1901), Московское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командир 3-го Уральского казачьего полка. Участник похода генерала Крымова на Петроград. В начале 1918 г. сформировал из состава полка добровольческую Уральскую сотню и направился с ней на помощь астраханским казакам. 19 февраля 1918 г. до начала июня 1918 г. командующий войсками Уральской области и Уральского казачьего войска (избран войсковым съездом), 13 июня 1918 г. направлен с особым отрядом в Самару для установления контакта с чехословаками и Комучем, с июля 1918 г. генерал-майор. С 25 июля 1918 г. командующий Шиповским фронтом армии. Тяжело ранен в августе 1918 г. С конца сентября 1918 г. командующий северным Соболевским фронтом, 9—27 ноября 1918 г. временно командующий Уральской армией. Генерал-лейтенант. Ранен 18 ноября у форпоста Красный. Сконца ноября 1918 г. командир 2-го Уральского корпуса, в январе 1919 г. начальник обороны Уральска. Тяжело ранен. Умер от ран 31 марта 1919 г. в Гурьеве.

¹⁴³ Полковник Уральского казачьего войска **Балалаев**, руководитель восстания в Илеке 13 марта 1918 г., затем был командиром Илецкого корпуса Уральской армии, весной 1919-го — командующим Илецким фронтом. Генерал-майор. Убит в 1919 г.

¹⁴⁴ Генерал-майор **А.В. Загребин** был убит в 1919 г.

¹⁴⁵ **Мизинов Николай Викторович**, р. в 1862 г. В службе с 1882 г., офицером с 1885 г., в отставке с 1917 г.

¹⁴⁶ **Кришевский Николай Н.** Подполковник 6-го Морского полка. Георгиевский кавалер. В начале 1918 г. в городской охране Керчи, затем в гетманской армии. В Русской Западной армии — в штабе Пластунской дивизии. Поковник. С декабря 1919 г. в Германии. Умер после 1924 г.

¹⁴⁷ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. 13. Берлин, 1924.

¹⁴⁸ Фамилия передана неверно. Имеется в виду лейтенант **Александр Митрофанович Скаловский** (р. 1888), сын генерал-майора флота. Окончил Морской корпус (1910).

¹⁴⁹ Имеется в виду полковник **Александр Адамович Антонини**.

¹⁵⁰ Речь идет о расправе над офицерами 491-го пехотного Варнавинского полка.

¹⁵¹ Имеется в виду генерал-майор флота **Аполлон Викторович Трегубов**, р. в 1863 г., офицером с 1883 г.

¹⁵² **Саблин Николай Павлович**, р. в 1880 г. Окончил Морской корпус (1898) Капитан 1-го ранга Гвардейского Экипажа, флигель-адъютант Его Императорского Величества. Эвакуирован в 1920 г. из Одессы. В эмиграции в Германии, член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, затем во Франции. Умер 21 августа 1937 г. в Париже.

¹⁵³ **Пожарский Иосиф Фомич**, р. в 1866 г. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Генерал-майор, начальник Морской дивизии Черноморского флота. С 1918 г. в гетманской армии. В Вооруженных силах Юга России в резерве чинов при штабе Добровольческой армии, с 21 ноября 1919 г. начальник гарнизона Харькова. В Русской Армии в резерве чинов при штабе Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии (к 1923 г. в Белой Церкви).

¹⁵⁴ **Николаев Степан Леонидович**, р. в 1865 г. Из дворян Таврической губ. Окончил Симферопольскую гимназию, Елисаветградское кавалерийское училище (1890). Генерал-майор, командир бригады 17-й кавалерийской дивизии. В эмиграции после 1934 г. во Франции, с 1936 г. воспитатель детского приюта в Сен-Жермене, состоял в объединении Крымского конного полка.

¹⁵⁵ Впервые опубликовано: Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. 1784 — 1922. Сан-Франциско, 1978.

¹⁵⁶ **Достовалов Евгений Исаакович**, р. в 1882 г. Сын статского советника. Окончил Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), академию Генштаба (1912). Подполковник, и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. помощник начальника штаба Крымских войск, 2 января 1918 г. взят в плен, после освобождения уехал в Москву. В Донской армии; с 20 ноября 1918 г. начальник Сальского отряда, затем в прикомандировании к Кубанскому военному училищу, с 27 августа 1919 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-майор. В декабре 1919 г. оберквартирмейстер Добровольческого корпуса, в марте 1920 г. начальник шта-

ба того же корпуса. В Русской Армии начальник штаба 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. Галлиполиец. Вернулся в СССР. Служил в Красной армии. Расстрелян в 1938 г.

¹⁵⁷ **Бако Григорий Александрович**, р. 7 февраля 1874 г. Окончил Тверское кавалерийское училище. Полковник Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. командир русско-татарской бригады в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; декабрь 1918 г. — февраль 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, помощник командира Крымского конного полка (с мая 1920 г. Туземного конного полка), в июле 1920 г. ушел из полка. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Крымского конного полка в Курбевуа. Умер 22 февраля 1951 г. в Анжере (Франция).

¹⁵⁸ **Князь Биарсланов Осман-Бей**. Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир 2-го Крымско-татарского полка. Погиб в боях с большевиками в январе 1918 г. в Крыму.

¹⁵⁹ **Петропольский Митрофан Михайлович**. Полковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир 1-го Крымско-татарского полка. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. помощник командира в дивизионе Крымского конного полка, на 8 ноября 1919 г. командир Крымского конного полка (с мая 1920-го 2-го Туземного конного полка), с июля 1920 г. ушел из полка. В эмиграции в Югославии. Умер 1 февраля 1937 г. в Панчево (Югославия).

¹⁶⁰ **Зотов Евгений Алексеевич**. Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. во 2-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г., начальник пулеметной команды дивизиона Крымского конного полка, с июня 1919 г. командир эскадрона, с мая 1920 г. командир дивизиона (в составе 2-го Туземного конного полка). Полковник. В эмиграции. Умер после 1934 г.

¹⁶¹ **Глазер Людвиг Карлович**. Окончил Тверское кавалерийское училище (1910). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 2-го Крымско-татарского полка в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г., адъютант дивизиона Крымского конного полка, с июля 1919 г. командир эскадрона. Ротмистр (с сентября 1919 г.).

¹⁶² **Одель Александр Александрович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. во 2-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Штабс-ротмистр (с января 1920 г.). Умер от тифа в марте 1920 г. в Крыму.

¹⁶³ **Глебов Иван Александрович**, р. 8 мая 1885 г. Из дворян Орловской губ. Окончил Таганрогскую гимназию, Николаевское кавалерийское училище (1908). Подполковник 5-го гусарского полка, помощник командира Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир 2-го Крымско-татарского полка. Участник боев в Крыму в январе 1918 г., затем в Татарском полку Туземной дивизии до 22 июня 1918 г. Полковник. В Добровольческой армии; с 8 декабря 1918 г. командир эскадрона и дивизиона 5-го гусарского полка, в 1919 г. командир 5-го гусарского полка, в Русской Армии командир

1-го и 2-го кавалерийских полков до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Награжден орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Галлиполиец. В эмиграции член Общества Галлиполийцев, командир 3-го кавалерийского полка.

¹⁶⁴ **Фон Гримм Сергей Иванович.** Сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1907). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁶⁵ **Дурилин Александр Александрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в 1-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. в Чеченской конной дивизии, с января 1920 г. командир эскадрона 2-го Чеченского конного полка, с весны 1920 г. в Татарском конном полку. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с мая 1920 г. командир эскадрона Крымского конного полка. Ротмистр. Умер от ран в августе 1920 г.

¹⁶⁶ **Баженов Константин Павлович,** р. 2 апреля 1879 г. Ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях в Крыму. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии; с декабря 1918 г. командир эскадрона в дивизии Крымского конного полка, служил в полку до июля 1920 г. Полковник (с января 1919 г.). В эмиграции во Франции. Умер 15 марта 1949 г.

¹⁶⁷ **Отмарштейн Борис Васильевич.** Окончил Пажеский корпус (1912). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка.

¹⁶⁸ **Лисаневич Николай Петрович.** Окончил Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. адъютант командира русско-татарской бригады. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁶⁹ **Алтунжи Эммануил Петрович.** Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. помощник командира 1-го Крымско-татарского полка. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁷⁰ **Мартыно Эммануил Феодосьевич.** Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. помощник командира 1-го Крымско-татарского полка в боях в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г.; помощник командира дивизиона Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из Крымского конного полка по болезни. Полковник.

¹⁷¹ **Нарвойш Иван Казимирович.** Подполковник Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в 1-м Крымско-татарском полку в Крыму. В Добровольческой армии с декабря 1918 г. в дивизии Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из Крымского конного полка по болезни. Полковник.

¹⁷² **Думбадзе Александр Иванович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1905). Ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁷³ **Лесеневич Георгий Николаевич.** Окончил школу прапорщиков (1915). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Доброволь-

ческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизии Крымского конного полка Штабс-ротмистр. В эмиграции после 1934 г. во Франции.

¹⁷⁴ **Думбадзе Григорий Иванович.** Брат А.И. Думбадзе (см. выше). Учился в Одесском кадетском корпусе (не окончил). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1919 г. в Чеченской конной дивизии. Штабс-ротмистр. В Русской Армии с мая 1920 г. в дивизии Крымского конного полка. Ротмистр. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Убит 2 октября 1944 г. под Якубовцем на Дунае.

¹⁷⁵ **Князь Балатукон Владимир Али-Бей.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Штабс-ротмистр Крымского конного полка, летчик-наблюдатель 4-го артиллерийского авиационного отряда. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Ротмистр. В эмиграции, после 1934 г. во Франции. Умер в 1979 г.

¹⁷⁶ **Эммануэль Владимир Александрович.** Окончил Одесский кадетский корпус (1914), Пажеский корпус (1914). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Ранен. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизии Крымского конного полка, с января 1920 г. адъютант того же полка. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В августе 1920 г. командир эскадрона в 4-м кавалерийском полку, в ноябре 1920 г. командир конного дивизиона. Штабс-ротмистр. Галлиполиец. Ротмистр. С 1921 г. в пограничной страже в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — на Восточном побережье США. Умер 4 января 1983 г. в Вайнленде (США).

¹⁷⁷ **Кривцов Александр Владимирович.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1915). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁷⁸ **Ресуль Осман Мемет.** Произведен в офицеры за боевое отличие в 1917 г. Прапорщик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июля 1919 в дивизии Крымского конного полка в Севастополе. Корнет (с 20 октября 1919 г.). Тяжело ранен и эвакуирован.

¹⁷⁹ **Петерс Николай Иванович.** Окончил Суворовский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. в Чеченской конной дивизии. В Русской Армии с мая 1920 г. в дивизии Крымского конного полка до эвакуации Крыма. Ротмистр Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. В эмиграции после 1934 г. в Турции, Бельгии, США, в 1949 г. в Нью-Йорке. Умер 1 ноября 1966 г. в Санта-Барбаре (США).

¹⁸⁰ **Петерс Леонид Иванович.** Брат Н.И. Петерса (см. выше). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Поручик. Умер от ран 9 мая 1919 г. у Аджи-Мушкая в Крыму.

¹⁸¹ **Лихвенцов Александр Иванович,** р. в 1890 г. Окончил кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, с января 1920 г. командир эскадрона. Участник Бредовского похода, с августа 1920 г. вернулся из Польши в Крым. Ротмистр. В эмиграции после 1934 г. во Франции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 3 февраля 1961 г. в Нью-Йорке.

¹⁸² **Васильев Владимир Петрович.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму.

¹⁸³ **Веймарн Борис Константинович.** Окончил Пажеский корпус (1917). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В эмиграции в Англии. Умер после февраля 1954 г.

¹⁸⁴ **Добровольский Георгий.** Окончил Пажеский корпус (1916). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁸⁵ **Пестов Семен С.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1916). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁸⁶ **Курдубан Алексей Гаврилович.** Из прапорщиков запаса. Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму.

¹⁸⁷ **Отмарштейн Глеб Васильевич.** Брат Бориса Васильевича (см. выше). Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁸⁸ **Лесеневич Петр Николаевич.** Брат Г.Н. Лесеневича (см. выше). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1908). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка (ротмистр), с июля 1919 г. командир эскадрона (в мае 1920 г. подполковник). Полковник. В эмиграции после 1934 во Франции. Умер 17 мая 1966 г. в Лондоне.

¹⁸⁹ **Курдубан Николай Гаврилович.** Брат А.Г. Курдубана. Из прапорщиков запаса. Корнет Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму.

¹⁹⁰ **Барон фон Медем Владимир Александрович.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1913). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. начальник пулеметной команды 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁹¹ **Евдокимов Николай Георгиевич.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Погиб в Крыму в январе 1918 г.

¹⁹² **Каблуков Константин Александрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. начальник команды связи 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. начальник команды связи в дивизионе Крымского конного полка. Убит 9 мая 1919 г. у Аджи-Мушкая в Крыму.

¹⁹³ **Иедигаров Мамет-Бек.** Окончил Тверское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 г. адъютант 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму.

¹⁹⁴ **Губарев Владимир Петрович.** Окончил Николаевское кавалерийское училище (1914). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Взят в плен и расстрелян 15 января 1918 г. в Симферополе.

¹⁹⁵ **Шлес Николай Фердинандович.** Прапорщик запаса (призван в 1915 г.). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. начальник обоза 2-го разряда 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка.

¹⁹⁶ **Воблый Владимир Иванович.** Прапорщик запаса (призван в 1915 г.). Поручик Крымского конного полка. В декабре 1917 г. в составе 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка. Штабс-ротмистр. Галлиполиец (был в команде Галлиполийского порта). Умер в эмиграции.

¹⁹⁷ **Муфтий-Заде Селим Мирза.** Штабс-ротмистр Крымского конного полка. В январе 1918 г. участник боев под Симферополем. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из полка по болезни, в начале 1920 г. в Симферополе. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер после 1934 г.

¹⁹⁸ **Альмендингер Владимир Вильгельмович,** р. в Крыму. Окончил Симферопольскую гимназию, Чугуевское военное училище (1914). Штабс-капитан 16-го стрелкового и 33-го запасного пехотного полков. В декабре 1917 г. в офицерской роте Крыма. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Служил в Симферопольском офицерском полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Чехословакии. Подполков-

ник. В эмиграции сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 16 ноября 1974 г. в Лос-Анджелесе (США).

¹⁹⁹ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 63. Декабрь 1966; № 64. Январь 1967. Взято из статьи В. Альмендингера под названием «По крайней мере, Доставалов не будет знать времени начала атаки».

²⁰⁰ Имеется в виду полковник **Ованес Митрофанович Харатегян**.

²⁰¹ **Готшалк Николай Ильич**, р. 1871 г. В службе с 1890 г., офицером с 1892 г. Полковник 51-го пехотного полка. В декабре 1917 г. в Симферополе, декабрь 1917 г. — январь 1918 г. начальник штаба Ополчения защиты народов Крыма, затем в Добровольческой армии и ВСЮР; на 14 июля 1919 г. помощник командира Таврической бригады Государственной стражи.

²⁰² **Столыпин Аркадий Александрович**, р. 26 сентября 1894 г. в Москве. Сын А.Д. Столыпина. Окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Пажеский корпус (1915). Поручик 17-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.). Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Сербию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Тяжело ранен, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев». Ротмистр. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1944 г. в Австрии, с 1945 г. в Швейцарии. Умер 8 сентября 1990 г. в Монтре (Швейцария).

²⁰³ Впервые опубликовано: Русское Прошлое. Кн. 3. СПб., 1992.

²⁰⁴ Поручик 17-го драгунского полка **князь Юрий Гагарин** с июня 1919 г. воевал в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии Вооруженных сил Юга России.

²⁰⁵ Поручик 17-го драгунского полка **барон Дмитрий Фиркс** впоследствии воевал в Добровольческой армии и ВСЮР; 1919 г. — начало 1920 г. — в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.).

²⁰⁶ **Гоппер Василий С.** Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Поручик (с 5 ноября 1919 г.). В эмиграции в Англии. Умер 28 октября 1928 г. в Лондоне.

²⁰⁷ **Граф Шамборант Борис Александрович**. Окончил Николаевское кавалерийское училище Корнет 17-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; апрель 1919 г. — лето 1920 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 18 августа 1939 г. в Париже.

²⁰⁸ **Дейша Александр Александрович**. Сын сенатора, тайного советника. Окончил Училище правоведения (1917). Корнет 17-го драгунского полка. В эмиграции. Умер после 1967 г.

²⁰⁹ **Дурасов Игорь Сергеевич**. Обучался в Александровском лицее. Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В эмиграции в Харбине с 1929 г. Умер в 1965 г.

²¹⁰ **Ден Петр Владимирович**, р. в 1882 г. Окончил Пажеский корпус (1900). Полковник, командир 17-го драгунского полка. Георгиевский кавале-

лер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1919 г. представитель в Грузии. В 1919—1920 гг. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В эмиграции в Италии, председатель отдела Союза Пажей, сотрудник журнала «Военная Быль», председатель Союза Инвалидов в Италии. Умер 19 января 1971 г. в Риме.

²¹¹ **Голеевский Николай Николаевич**. Из дворян, сын офицера. Симбирский кадетский корпус. В белых войсках Восточного фронта; с 1918 г. в 1-м артиллерийском училище в Омске (окончил в 1920 г.). В январе 1922 г. в Волжской батарее Дальневосточной армии. Поручик. В эмиграции во Франции. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер в 1969 г.

²¹² Впервые опубликовано: Военная Быль. № 92—93. Июль — сентябрь 1968.

²¹³ Речь идет о генерал-майоре **Михаиле Ивановиче Мерро**, р. в 1863 г., в службе с 1882 г., офицером с 1884 г. В 1918 г. он был мобилизован большевиками и служил в Красной армии, одно время командуя дивизией.

²¹⁴ **Марков Анатолий Львович**, р. 28 декабря 1893 г. в Щигровском уезде Курской губ. Из дворян Курской губ., сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус (1914), Николаевское кавалерийское училище (1914). Офицер Ингушского конного полка, в распоряжении военного генерал-губернатора занятых областей Турции. В Добровольческой армии; летом 1918 г. в Офицерском конном полку, в начале августа 1918 г. старший плац-адъютант комендантского управления Новороссийской области Ротмистр. Эвакуирован из Новороссийска в Египет. Служил в египетской армии (капитан, с 1952 г. в отставке). Писатель. Умер 10 августа 1961 г. в Сан-Франциско (США).

²¹⁵ Впервые опубликовано: Марков А. Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961.

²¹⁶ **Бригер Александр Михайлович**, р. в 1861 г. Окончил Морской корпус (1882), Морскую академию (1886). Генерал-лейтенант флота, директор Морского корпуса. Умер 20—21 мая 1931 г. в Коломбе (Франция).

²¹⁷ Имеется в виду генерал-майор **Иван Анатольевич Белогорский**, р. в 1870 г., в службе с 1888 г., офицером с 1890 г.

²¹⁸ Автор — штабс-капитан 46-го запасного пехотного полка. Участник и руководитель восстания в Бердянске в апреле 1918 г. В эмиграции. Умер после 1958 г.

²¹⁹ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 51. Декабрь 1965; № 52. Январь 1966.

²²⁰ **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 октября 1881 г. в Киеве. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба (1908). Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте, с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон. После соединения с Добровольческой армией — начальник 3-й пехотной дивизии. Генерал-майор (с 12 ноября 1918 г.). Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

²²¹ **Попович-Липовац Иван Юрьевич**, р. в 1856 г. Генерал от кавалерии. Георгиевский кавалер. Умер 17 августа 1919 г.

²²² **Щербачев Дмитрий Григорьевич**, р. 6 февраля 1857 г. Окончил Орловскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1876), академию Генштаба (1884). Генерал от инфантерии, Главнокомандующий войсками Румынского фронта. С апреля 1918 г. представитель Добровольческой армии, с 1919-го — адмирала Колчака в Париже. Умер 18 января 1932 г. в Ницце.

²²³ **Гефтер Александр Александрович**, р. в Одессе. Окончил Санкт-Петербургский университет (адвокат), сдал экзамен при Морском корпусе (1917). Мичман крейсера «Память Азова». С 1917 г. в подпольных организациях в Петрограде. С декабря 1918 г. в белых войсках Северного фронта в Мурманске, с весны 1919 г. в Финляндии. В Северо-Западной армии в отряде катеров. В эмиграции во Франции, с 1928 г. член Военно-морского исторического кружка в Париже. Писатель.

²²⁴ Впервые опубликовано: Гефтер А.А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. X. Берлин. 1925.

²²⁵ **Ф.А. Кроми** был английским морским атташе в России.

²²⁶ **Р. Локкарт** в 1918 г. был главой английской миссии в Петрограде.

²²⁷ **Годлевский Борис Константинович**, р. в 1899 г. Юнкер Елисаветградского кавалерийского училища. В Добровольческой армии в эскадроне 13-го гусарского полка. В Русской Армии в Нарвском гусарском эскадроне во 2-м кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован на корабле «Аю-Даг». В эмиграции.

²²⁸ Впервые опубликовано в газете «Новое русское слово». Приводится по изданию: Часовой. № 508. Октябрь 1968.

²²⁹ «Союз защиты Родины и свободы» (Народный союз защиты Родины и свободы). Антибольшевистская подпольная организация, созданная в феврале 1918 г. Б.Н. Савинковым. Имел ближайшей задачей «свержение существующего правительства и организацию твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией». При создании Союза Савинков выдавал себя за полномочного представителя генералов М.Н. Алексева и Л.Г. Корнилова, используя удостоверение члена Совета при генерале Алексееве. Штаб-квартира Союза находилась в Москве, с отделениями в других городах (в Казани ее представлял служивший в Красной армии фон дер Лауниц, в Муроме — Григорьев и т. д.). В штаб Союза входили полковник А.П. Перхуров, полковник Я. Бредис, военврач Д.С. Григорьев. Насчитывал по разным данным от 2 до 5 тысяч офицеров (имеются данные, что к концу мая удалось привлечь в организацию до 6,5 тыс. офицеров в Москве и 34 — в провинциальных городах), из которых были сформированы полки и бригады. В одной Москве в пехоте числилось 400 офицеров. Рядовые члены организации не могли знать более 3—5 человек. Командующим всеми боевыми отрядами был назначен генерал-лейтенант В.В. Рычков при начальнике штаба полковнике Перхурове. Активными членами Союза были генералы Веревкин, Карпов, Афанасьев, полковники Фиалковский, Томашенский, капитан 2-го ранга Казарновский, штабс-капитан Благовещенский, поручики Попов, Кутейников, Шрейдер, Веденников и др.

Предполагалось одновременно поднять восстания в Москве, Ярославле, Челябинске, Рыбинске, Муроме, Калуге и других городах. Даже после случайного провала и арестов руководителей организация сохранилась и смогла обеспечить выступления в ряде городов. После того как 29 мая в Москве было арестовано 13 офицеров, занятых разработкой оперативных планов, ЧК смогло выйти и на других членов руководства и произвести новые аресты, а овладев паролем, начать аресты и в других городах. Наиболее тяжелый удар был нанесен в Казани, где был схвачен в полном составе весь штаб местного отделения Союза и штаб офицерский организации генерал-майора И.И. Попова. Все офицеры, схваченные в Москве и Казани (около 600 человек) расстреляны в начале июня, но большинству членов организации удалось перебраться в Поволжье. 7 июля произошло восстание в Рыбинске (где в организации состояло до 400 офицеров), а на следующий день — в Муроме (где им руководили полковник Н. Сахаров и убитый в тот же день поручик А. Мальчевский), подавленные после кратковременного успеха. Наиболее крупной акцией Союза было Ярославское восстание. Активизировал свою деятельность в мае 1921 г., когда вместе с примыкавшим к нему Всероссийским союзом офицеров направлял через польскую границу действия партизанских отрядов в Белоруссии. Осенью 1921 г. таких отрядов насчитывалось до 15. Среди их руководителей — полковник С.Э. Павловский, подполковник В. Свежевский, полковник Павлов, капитан Колосов, поручик Прудников, поручик Орлов, поручик Пименов.

²³⁰ **Перхуров Александр Петрович**, р. в 1876 г. Офицер с 1895 г. Полковник артиллерии. Руководитель Ярославского восстания, затем в белых войсках Восточного фронта. Расстрелян 22 июля 1922 г. в Ярославле.

²³¹ Имеется в виду генерал-майор **Карпов Петр Петрович**, р. в 1866 г., в службе с 1885 г., офицером с 1887 г.

²³² Впервые опубликовано: Часовой. № 579. Сентябрь 1974.

²³³ **Гоппер Карл Иванович**. Полковник, командир 2-й Латышской бригады. Георгиевский кавалер. Участник Ярославского восстания. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. начальник 21-й стрелковой дивизии Южной армии. Генерал-майор. В эмиграции в Латвии, служил в латвийской армии, был комендантом Риги. Арестован 30 сентября 1940 г. и расстрелян в 1941 г.

²³⁴ Впервые опубликовано: Часовой. № 337. Декабрь 1953.

²³⁵ **Милевский А.Р.** Полковник артиллерии. Участник Ярославского восстания. В эмиграции во Франции. Окончил курсы Генерального штаба в Париже. Умер после 1953 г. в Ницце (Франция).

²³⁶ **Даватц Виктор Александрович**, р. в 1901 г. Кадет Ярославского кадетского корпуса. Участник Ярославского восстания. В белых войсках Восточного фронта в батарее Народной армии, затем в Сибирском кадетском корпусе. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован из Одессы в Югославию. Кадет сводного кадетского корпуса. В 1920 г. окончил Первый русский кадетский корпус. 8 сентября 1920 г. прибыл на пароходе «Владимир» в Крым в Сергиевское артиллерийское училище. В эмиграции в Швейцарии. Умер после 1953 г. в Берне.

²³⁷ **Даватц Владимир Христианович**. Профессор математики Харьковского университета. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. добровольцем-рядовой на бронепоезде «На Москву». Подпоручик. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 6-го артадивизиона в Югославии. В эмиграции в Югославии, секретарь Общества Галлиполийцев в Белграде. Служил в Русском Корпусе. Убит в ноябре 1944 г. под Сиеницей (Югославия).

²³⁸ **Сидоров Дмитрий Алексеевич**, р. около 1895 г. Подпоручик. В 1918 г. член Московской «Военной лиги». Летом 1918 г. содержался в Бутырской тюрьме в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии в редакции газеты «Русский Терем» до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Умер в эмиграции.

²³⁹ Впервые опубликовано в виде брошюры под названием «Организованные расстрелы общественных деятелей в московской Бутырской тюрьме». Из материалов и под редакцией военного корреспондента Ф. Купчинского. Б.м., б.г. с подзаголовком: «Рассказ спасшегося от расстрела подпоручика Д.А. Сидорова». В примечании указано, что этот документ в печатной форме был передан Антонине Георгиевне Сидоровой протоиереем Владимиром Неклюдовым. После кончины Антонины Сидоровой он попал к родной сестре автора, поэтессе Зинаиде Ковалевской, которая и решила его опубликовать.

²⁴⁰ Речь идет о выдающемся русском историке Д.И. Иловайском (1832—1920).

²⁴¹ **Щегловитов Иван Григорьевич** (1861—1918), был министром юстиции и председателем Государственного совета России.

²⁴² **Хвостов Алексей Николаевич** (1872—1918), в 1915—1916 г. министр внутренних дел.

²⁴³ **Белецкий Степан Петрович**, бывший товарищ министра внутренних дел, был расстрелян 5 сентября 1918 г.

²⁴⁴ Автор заблуждается. Братья Фриде (о них см. выше) были русскими офицерами.

²⁴⁵ Речь идет о генерал-майоре **Иване Ивановиче Попове** (р. 1866), возглавлявшем офицерскую организацию в Казани.

²⁴⁶ **Вдовенко Герасим Андреевич**, р. в 1867 г. Офицер с 1889 г. Полковник Терского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник Терского восстания в июне 1918 г., с 18 января 1919 г. генерал-майор. На 10 января 1920 г. в общежитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 13 марта 1919 г.). В эмиграции в Югославии. Терский атаман с 1918 г. Арестован в Белграде и вывезен в СССР.

²⁴⁷ Впервые опубликовано: Россия (Париж) 1931. № 11.

²⁴⁸ **Караулов Михаил Александрович**, р. в 1878 г. в ст. Тарской Терской обл. Из казаков той же области. Окончил Санкт-Петербургский университет (1901), сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902). Есаул в отставке. Редактор журнала «Казачья неделя», член Государственной думы. С 13 марта 1918 г. войсковой атаман Терского казачьего войска. Убит 13 декабря 1917 г. на ст. Прохладной.

²⁴⁹ **Агоев Константин Константинович**, р. 5 апреля 1889 г. в ст. Ново-Осетинской Терской обл. Окончил реальное училище приюта пр. Ольднбургского, Николаевское кавалерийское училище (1909), Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу. Войсковой старшина 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. С ноября 1917 г. в Терской области, участник Терского восстания: с июня 1918 г. начальник конницы Пятигорской линии, врио командующего линией. С ноября 1918 г. в Добровольческой армии. Полковник, командир 1-го Терского казачьего полка, затем 2-й бригады (ноябрь 1919 г.) и начальник 1-й Терской казачьей дивизии, командир Отдельной бригады, 1919 г. начальник Терско-Астраханской дивизии. В Русской Армии командир Терско-Астраханской казачьей бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 4 мая 1920 г.). Был на о. Лемнос, командир Терско-Астраханского полка. В эмиграции в Болгарии, с 1930 г. в США. С 25 декабря 1952 г. по 1970 г. Терский атаман. Умер 21 апреля 1971 г. в Стратфорде, Коннектикут (США).

²⁵⁰ **Георгий Федорович Бичерахов** был одним из организаторов Терского восстания, в 1918 г. он возглавлял Терский казачье-крестьянский совет, а затем Временное народное правительство Терского края. В ноябре 1918 г. прибыл в Петровск-Порт, где присоединился к отряду брата — Лазаря Федоровича Бичерахова, командующего белыми войсками в Дагестане.

²⁵¹ **Мистулов Эльмурза Асланбекович**, р. в 1869 г. Из казаков-осетин ст. Черноярской Терского казачьего войска. В службе с 1885 г., офицером с 1889 г. Генерал-майор, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии. В 1918 г. избран командующим войсками Терского района, руководитель восстания Терских казаков в июне 1918 г. Застрелился 30 октября 1918 г. у ст. Прохладной.

²⁵² **Белогорцев Владимир Федорович**, р. в 1879 г. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, академию Генштаба (1909). Полковник, командир 149-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. участник формирования терских частей, с конца 1918 г. в штабе 3-го армейского корпуса, с 11 августа 1919 г. начальник 2-й Терской отдельной пластунской бригады, с 1920 г. начальник штаба Терского казачьего войска. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии (Горный Милановиц). Служил в Русском Корпусе После 1945 г. — во Франции. Умер в 1955 г. в Ганьи (Франция).

²⁵³ **Федюшкин Николай Космич**, р. в 1867 г. Офицер с 1885 г. Полковник Терского казачьего войска. Во время Терского восстания в июне 1918 г. командующий войсками Терского казачьего войска после ранения генерала Мистулова. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 7 апреля 1919 г. командир 2-го Кизляр-Гребенского полка. Генерал-майор (18 января 1919 г.).

²⁵⁴ **Бичерахов Лазарь Федорович**, р. в 1882 г. в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Ново-Осетинской Терской обл., сын офицера Собственного Е.И.В. конвоя. Окончил 1 Петербургское реальное училище, Алексеевское военное училище. Подъесаул Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска, начальник партизанского отряда в Персии. Георгиевский кавалер. Прибыв в начале 1918 г. из Персии в Баку и Дагестан, стал руководителем борьбы с большевиками в

Дагестане; командующий войсками «Диктатуры Центрокаспия», затем возглавлял союзное кавказско-каспийское правительство Уфимской директорией произведен в генерал-майоры с назначением командующим войсками Западно-Каспийского побережья. В начале 1919 г. после расформирования его войск англичанами перешел во ВСЮР. Генерал-лейтенант. В эмиграции. Умер 22 июля 1952 г. под Ульмом (Германия).

²⁵⁵ **Колесников Иван Никифорович**, р. в 1860 г. В службе с 1877 г., офицером с 1880 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 сентября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 7 апреля 1919 г. начальник 4-й Терской казачьей дивизии, в октябре 1919 г. начальник Грозненского отряда войск Северного Кавказа.

²⁵⁶ **Горбач Александр Ильич**. Окончил Симбирский кадетский корпус (1905), Константиновское артиллерийское училище. Офицер 21-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 20 августа 1919 г. в 1-й Кавказской отдельной батарее. В Русской Армии в тяжелой артиллерии до эвакуации Крыма. Полковник Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в управлении 5-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. Председатель объединения 5-го артдивизиона, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 13 — 15 сентября 1977 г. в Париже.

²⁵⁷ Впервые опубликовано: Военная Быль. № 83. Январь 1967.

²⁵⁸ **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура)**, р. 7 февраля 1886(1887) г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, 29 января — март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 17 января 1947 г. в Москве.

²⁵⁹ **Беликов Иван Николаевич**, р. в 1878 г. Из крестьян. Окончил учительскую семинарию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904), академию Генштаба. Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; организатор восстания во Владикавказе 27 июля 1918 г. и начальник отряда; с 24 апреля 1919 г., в сентябре—октябре 1919 г. начальник штаба Кабардинской конной дивизии, 1919—1920 гг. начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии. Полковник (к апрелю 1919 г.). В Русской Армии в прикомандировании к отделу генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Умер в эмиграции.

²⁶⁰ **Литвинов Борис Нилович**, р. 18 октября 1872 г. в Костроме. Окончил Казанское реальное училище, Казанское пехотное юнкерское училище (1893). Член-корреспондент Академии художеств. Полковник Туркестанского стрелкового полка, командир 1-й Закавказской запасной бригады. Георгиевский кавалер. Руководитель восстания 23 июля 1918 г. во Владикавказе, командир офицерской роты; 1 ноября 1918 г. присоединился к Добровольческой армии. В Вооруженных силах Юга России командир Туркестанского отряда, начальник Сводно-Закаспийской стрелковой дивизии, командующий войсками Закаспийского фронта. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1920). В эмиграции в Югославии (в Белграде). В 1945 схвачен и вывезен в СССР. Скончался 4 марта 1948 г. в лагере Потьма (Мордовия).

²⁶¹ **Левшин Дмитрий Федорович**, р. 19 мая 1876 г. Из дворян. Генерал-майор В Добровольческой армии и ВСЮР; с конца 1917 г. по февраль 1918 г. представитель армии в Кисловодске, в июле 1918 г. участник Терского восстания, осенью 1918 г. представитель Добровольческой армии в Терской области и Дагестане. В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. и в 1931 г. председатель объединения л.-гв. Гусарского полка в Варенн-С. Илер (Франция). Умер 4 марта 1947 г. в Париже.

²⁶² **Русанов Александр Александрович** Окончил Тифлисский кадетский корпус, Тифлисскую авиационную школу (1916). Капитан 80-го пехотного полка, летчик 1-го Кавказского корпусного авиационного отряда. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. осуществлял связь с восставшими терскими казаками. Полковник (к весне 1919 г.). Погиб в Крыму в сентябре 1920 г.

²⁶³ **Даутоков-Серебряков Заур-Бек**. Из казаков ст. Луковской Терской обл. Окончил Оренбургское военное училище (1912). Штабс-ротмистр Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. организатор восстания в Кабарде, в июне 1918 г. начальник кабардинского отряда в Терском восстании, в августе 1918 г. сформировал и возглавил Кабардинский сводный отряд, в ноябре 1918 г. ротмистр, командир Кабардинского конного полка, Кабардинской конной бригады, затем в распоряжении правителя Кабарды, с 6 июня 1919 г. ротмистр и полковник, затем генерал-майор, начальник, командир 2-й бригады Кабардинской дивизии. Убит 24 августа 1919 г. под Камыпином.

²⁶⁴ **Гулый Николай И.** Из казаков ст. Ахтанизовской Кубанской обл. Подъесаул Кубанского казачьего войска. Участник восстания на Тамани в мае 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м Таманском полку Кубанского казачьего войска. В эмиграции в Чехословакии, с 1933 г. в Праге.

²⁶⁵ Впервые опубликовано: Кубанский исторический и литературный сборник. № 12. Сентябрь — октябрь 1961.

²⁶⁶ Номера журнала, содержащего начало статьи, в распоряжении составителя не было.

²⁶⁷ **Байков Борис Львович**. Окончил Училище правоведения (1889). Присяжный поверенный. В Вооруженных силах Юга России; в 1918—1919 гг. деятель Русского Национального Совета в Баку, в 1919—1920 гг. в Осваге. В эмиграции. Умер до 1967 г.

²⁶⁸ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923.

²⁶⁹ **Пржевальский Михаил Алексеевич**, р. в 1859 г. В службе с 1876 г., офицером с 1879 г. Генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказского фронта. В Вооруженных силах Юга России, с осени 1918 г. командующий Кавказской армией на территории Закавказья. В эмиграции в Югославии, член объединения л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Умер после 1931 г.

²⁷⁰ **Алазарев Борис Петрович**, р. 6 апреля 1882 г. в Благовещенске. Из дворян. Окончил Пажеский корпус (1902), академию Генштаба (1908), Офицерскую кавалерийскую школу (1909). Полковник, начальник штаба Кавказского Туземного конного корпуса. В начале лета 1918 г. наступал на Баку во главе 2 Дагестанских полков. В Добровольческой армии с 11 сентября 1918 г. в Екатеринодаре, с осени 1918 начальник штаба Кавказской армии генерала Пржевальского в Баку. В январе 1919 г. начальник штаба войск Каспийского побережья, с 27 марта 1919 г. военный министр Закаспийского правительства и командующий фронтом, с июня 1919 г. начальник Сводной Закаспийской дивизии, с 5 августа 1919 г. до 27 ноября 1919 г. командующий войсками Закаспийской области. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии. В марте 1922 г. член просоветской организации. Вернулся в СССР с генералом Слащевым.

²⁷¹ **Кузнецов Борис Михайлович**. Окончил Орловский кадетский корпус (1909) и артиллерийское училище. Офицер 52-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1918 г. командир конно-горной батареи в войсках князя Тарковского в Дагестане, осенью 1918 г. адъютант по строевой части Дагестанской армии, с осени 1918 г. в 21-й артиллерийской бригаде Вооруженных сил Юга России. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1968 г.

²⁷² Впервые опубликовано: Б.М. Кузнецов. 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк. 1960.

²⁷³ **Принц персидский Каджар Аманулла-Мирза**, р. в 1862 г. Офицер с 1879 г. Генерал-майор, начальник 1-й Туземной конной дивизии. В апреле 1918 г. выехал из Дагестана в Грузию, с 1920 г. в Иране.

²⁷⁴ **Хоранов Иосиф Захарович**, р. в 1842 г. В службе с 1863 г., офицером с 1877 г. Генерал-лейтенант, начальник 2-й Туземной конной дивизии. В начале 1918 г. во Владикавказе. В Вооруженных силах Юга России; с 13 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Терско-Дагестанского края.

²⁷⁵ **Князь Тарковский Нух Бек Шамхал**, р. в 1878 г. Окончил Симбирский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1899). Полковник, командир 1-го Дагестанского конного полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. глава национального правительства Дагестана. В эмиграции в Иране, последний начальник Персидской казачьей дивизии, затем в Константинополе. Умер 19 января 1951 г. в Швейцарии.

²⁷⁶ **Гольдгаар Александр Августинович**. Полковник 17-го гусарского полка и Туземной конной дивизии. В начале 1918 г. врид командира 2-го Дагестанского конного полка в Дагестанской армии. С апреля 1918 г. в Грузии.

²⁷⁷ **Эрдман Павел Николаевич**, р. в 1873 г. Офицер с 1894 г. Генерал-майор. В начале 1918 г. командующий артиллерией Дагестанской армии, с

осени 1918 г. командир 21-й артиллерийской бригады Вооруженных сил Юга России, в сентябре 1919 г. командир 3-го дивизиона 8-й артиллерийской бригады. В Русской Армии командир тяжелого артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. командир 5-го артиллерийского дивизиона. В апреле 1922 г. в Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 5-го артдивизиона в Югославии.

²⁷⁸ **Дрындин Павел Владимирович**. Полковник артиллерии. В начале 1918 г. в артиллерии Дагестанской армии. Расстрелян большевиками в 1920 г. в Петровске.

²⁷⁹ **Ржевудский Степан Андреевич**. Полковник, командир батареи 52-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В начале 1918 г. в Дагестанской армии, затем во ВСЮР и Русской Армии; с 27 июня 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 12 сентября 1919 г. командир 2-го дивизиона 8-й артиллерийской бригады, с 15 октября 1919 г. командир Отдельного тяжелого гаубичного тракторного дивизиона. В эмиграции в Югославии, 1 июля 1921 г. — 21 апреля 1928 г. служащий Крымского кадетского корпуса, затем в Польше. Умер до 1959 г.

²⁸⁰ **Зоммер Леонид Евграфович**, р. в 1864 г., в службе с 1882 г., офицером с 1884 г.

²⁸¹ Ротмистр **Матегорин** затем воевал в Вооруженных силах Юга России; умер в эмиграции в США около 1959 г.

²⁸² Имеется в виду генерал от артиллерии **Павел Иванович Мищенко**, р. в 1853 г., в службе с 1869 г., офицером с 1871 г.

²⁸³ **Гришин Алексей Николаевич (Гришин-Алмазов)**, р. в Кирсановском уезде Тамбовской губ. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексеева организовывал подпольную работу в Сибири. 27 мая 1918 г. сверг советскую власть в Ново-Николаевске. 28 мая — 12 июня 1918 г. командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего войсками Юго-Западного края. Генерал-майор. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу Колчаку. Застрелился под угрозой плена 22 апреля 1919 г. в Каспийском море.

²⁸⁴ **Гнесин Ф.** Капитан. Участник сопротивления большевикам в Ташкенте в сентябре—октябре 1917 г.: начальник штаба антибольшевистских сил. В Добровольческой армии и ВСЮР с 9 января 1918 г., в мае 1918 г. жил в Ростове. Умер в эмиграции.

²⁸⁵ Впервые опубликовано: Белый Архив. Т. I.

²⁸⁶ Генерал от инфантерии **Алексей Николаевич Куропаткин** (1848—1925) до этого был Главнокомандующим армиями Северного фронта.

²⁸⁷ **Черкес Леонтий Николаевич**, р. 5 мая 1865 г., в службе с 1882 г., офицером с 1885 г. Генерал-майор, командующий войсками Туркестанского военного округа. Участник сопротивления большевикам в Ташкенте в сентяб-

ре 1917 г. В Вооруженных силах Юга России в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР с 4 августа 1919 г. в войсках Закаспийской области, затем в войсках Новороссийской области, с лета—осени и на 8 ноября 1919 г. Одесский уездный воинский начальник. В эмиграции в Чехословакии. Умер 14 марта 1945 г. в Праге.

²⁸⁸ Имеется в виду автор настоящих воспоминаний.

²⁸⁹ Генерал-майор **Владимир Александрович Смирницкий**, р. в 1862 г., в службе с 1881 г., офицером с 1883 г., интендант Туркестанского военного округа.

²⁹⁰ Имеется в виду генерал-майор **Андрей Иванович Кияшко**, р. в 1857 г., в службе с 1879 г., офицером с 1881 г.

²⁹¹ **Лисовой Яков Маркович**, р. в 1882 г. Из дворян. Генштаба полковник. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. представитель армии при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В ноябре 1919 г. начальник Политического отдела штаба армии. Эвакуирован весной 1920 г. из Новороссийска. В эмиграции в 1926—1928 гг. редактор журнала «Белый Архив». Умер в 1965 г. в Чикаго.

²⁹² **Князь Искандер Александр Николаевич (2-й)**. Сын Великого Князя Николая Константиновича. Окончил Александровский лицей (1911). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1915 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Участник Ташкентского восстания в январе 1919 г., затем в Ташкентском офицерском партизанском отряде совершил переход в Фергану. С марта 1920 г. в Крыму, командир взвода в эскадроне своего полка до эвакуации Крыма. Ротмистр. В эмиграции в Греции, затем в Париже. Умер 16 (26) января 1957 г. в Грассе (Франция).

²⁹³ Впервые опубликовано: Военно-Исторический вестник. № 9. Май 1957.

²⁹⁴ В предисловии редакции «Военно-Исторического вестника» указывалось, что автор ведет рассказ от имени вымышленного лица, штабс-ротмистра М.М. Зернова, чтобы спасти свою семью от преследований советской власти.

²⁹⁵ **Петр Андреевич Стайновский** умер 9 апреля 1969 г. в Бельгии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ПЕТРОГРАДЕ

К. де Гайлеш. Защита Зимнего дворца	9
О. фон Прюссинг. Защита Зимнего дворца	16
А. Синегуб. Защита Зимнего дворца (25 октября — 7 ноября 1917 года)	21
П. Краснов. Бои под Петроградом	119
П. Нестеренко. Гатчина в борьбе с большевиками (октябрь 1917 года)	166

Раздел 2

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В МОСКВЕ

П. Соколов. Последние защитники (Александровские юнкера в Москве 1917 года)	175
А. Трескин. Московское выступление большевиков в 1917 году	182
А. Невзоров. 4-я Московская школа прапорщиков	190
А. Трёмбовельский. Смутные дни Москвы в октябре 1917 года	204
С. Зилов. «Московская неделя» в октябре 17-го года	209
Д. Одарченко. Как полонили Москву	214
М. Нестерович-Берг. В борьбе с большевиками	218
С. Эфрон. Октябрь (1917 год)	227
А. Волков. Вооруженное выступление юнкеров в Москве (по воспоминаниям капитана П.И. Мыльников)	262
Н. Веденяпин. Московский Императрицы Екатерины II кадетский корпус	271
С. Мамонтов. Москва. 1917 год	272

Раздел 3

СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Е. Яконовский. Каргала	276
Е. Яконовский. Пугачевские дороги	288

СОПРОТИВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМУ В РОССИИ

И. Акулинин. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками	298
Н. Дорошин. Уральское казачье войско	325

Раздел 4 СОБЫТИЯ В КРЫМУ

Н. Кришевский. В Крыму	334
Крымский конный полк в боях в Крыму	363
В. Альмендингер. Падение Симферополя в январе 1918 года	373

Раздел 5 ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

А. Столыпин. Записки драгунского офицера	380
Н. Голеевский. Симбирский кадетский корпус до и в дни революции	392
А. Марков. Кадеты в дни революции	410
Абальянц. Восстание Бердянского Союза увечных воинов в начале апреля 1918 года	415
А. Гефтер. «Еремеевская ночь»	419
Л. Бек, Б. Годлевский. Ярославское восстание 1918 года	425
Н. Нефедов. Июльские восстания 1918 года	430
Г. Орлов. Еще о Ярославском восстании	437
Д. Сидоров. В Бутырской тюрьме	439

Раздел 6 ТЕРЕК И КУБАНЬ

Г. Вдовенко. Борьба терских казаков с большевиками в 1918 году	448
А. Горбач. Белое движение в Терской области	455
Н. Гулый. Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года	463

Раздел 7 ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Б. Байков. Воспоминания о революции в Закавказье	483
Б. Кузнецов. 1918 год в Дагестане	506
Ф. Гнесин. Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март — декабрь 1917 года)	537
Князь А. Искандер. Небесный поход	549
Комментарии	569

ISBN 5-227-01386-1

Научно-просветительное издание

СОПРОТИВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМУ 1917—1918 гг.

Составление, научная редакция и комментарии
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Ответственный редактор С.А. Сапожников

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор И.С. Соловьева

Изд. лиц. АР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.06.2001
Формат 60х90^{1/16} Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0

Уч.-изд. л. 42,48 + 1 альбом = 43

Тираж 3 000 экз. Заказ № 1351

ЗАО «Издательство «Центрополиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOLRU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14